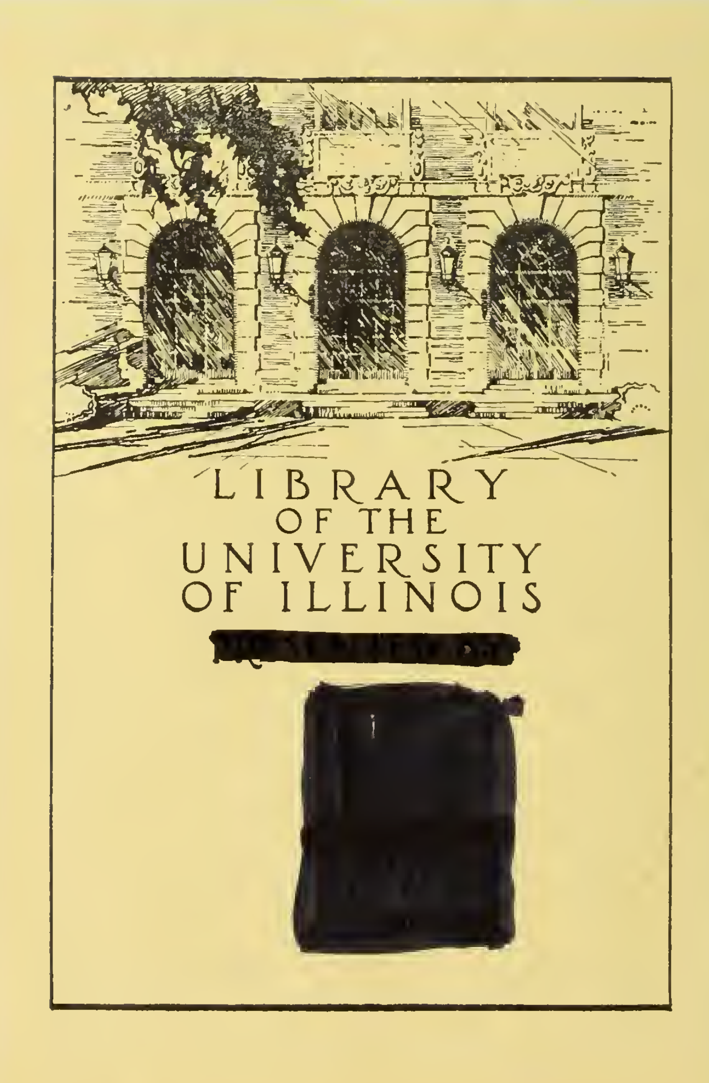

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
[redacted]

№ 3

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

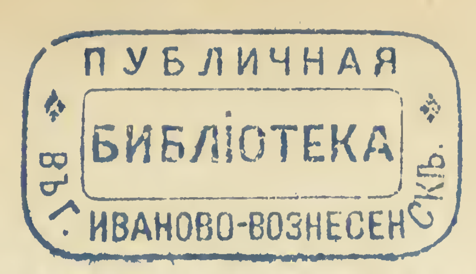
ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ CLXXXIX.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная № 38)
1870.

СОВРЕМЕННЫЯ ПѢСНИ.

I.

О, скоро ль минетъ это время,
Весь этотъ нравственный хаосъ,
Гдѣ прочность убѣжденій—бремя,
Гдѣ подвигъ доблести—доносъ;
Гдѣ, послѣ свалки безобразной,
Которой кончилась борьба,
Не отличишь въ толпѣ безсвязной
Ни чистой личности отъ грязной,
Ни вольнодумца отъ раба;
Гдѣ быта стараго оковы
Уже поржавѣли на насъ,
А свѣточъ, путь искавшій новый,
Чуть озаривъ его, погасъ;
Гдѣ то, чтò прежде создавала
Живая мысль, идетъ пока
Какъ бы снарядъ, идущій вяло
И силой прежняго толчка;
Гдѣ стыдъ и совѣсть убаюкать
Мы всѣ желаемъ чѣмъ-нибудь,
И только бъ намъ ладонью стукать
Въ патріотическую грудь!..

II.

Эпохи знаменіе — въ томъ,
Что ложь безстыжая возстала,
И въ бытъ нашъ лѣзетъ на проломъ
Наглѣй и явнѣй чѣмъ бывало...
О, глубоки еще слѣды
Пороковъ старыхъ и вражды
То затаенной, то открытой
Къ голодной черни, черни сытой!...
Хоть раздавались голоса,

Съ пренебреженьемъ къ пользѣ личной
Благословлявшіе публично
Реформы, тронъ и небеса, —
Но близь смиренныхъ,—хоть не вмѣстѣ,—
Стоятъ герои. Ихъ вражда
Ко всѣмъ дѣламъ гражданской чести
Не знаетъ мѣры и стыда.
Какъ червь ихъ точитъ жажда мести...
Вотъ наша язва! Вотъ предметъ
И отвращенія и смѣха!
У нихъ иной заботы нѣтъ,
Лишь бы загадить путь успѣха
Нечистотой своихъ клеветъ...

III.

Кентавръ.

Свершилось чудо!... Червь презрѣнный,
Который прежде, подъ землей
Плодясь въ стыдѣ и потаенно,
Не выползалъ на свѣтъ дневной;
Который зналъ въ былые годы,
Что могъ онъ только воровски
Губить богатой жизни всходы,
Въ тиши подтачивать ростки, —
Преобразясь, возсталъ изъ праха!
Ничтожный гадъ сталъ крупный звѣрь
И, прежняго не зная страха,
Подчасъ пугаетъ самъ теперь.
Заговоривъ людскою рѣчью,
Какъ звѣри сказочныхъ временъ,
Какъ бы природу человѣчью
Порой выказываетъ онъ,
Знать съ классицизмомъ воротился
Миѳологическій къ намъ вѣкъ:
Ни жеребецъ, ни человѣкъ —
Кентавръ въ Россіи народился!...
Носясь то вдоль, то поперегъ
По нашимъ нивамъ, весямъ, градамъ,
Кидая грязью съ рѣзвыхъ ногъ,
Взметая пыль, лягая задомъ,—
Когда онъ бѣшеный бѣжитъ
Иль съ конскимъ ржаньемъ, или съ крикомъ

И топчетъ все въ порывѣ дикомъ,—
Сама земля подъ нимъ дрожитъ...
И утомясь, но все же гордый
Что совершилъ безумный бѣгъ,
Съ своей полуживотной морды
Онъ пѣной фыркаетъ на всѣхъ.
И всѣ сторонятся, робѣя, —
Чтобъ онъ не могъ кого-нибудь,
Принявъ, конечно, за плебея,
Иль оплевать, или лягнуть.
Въ ляганьѣ вся задача скрыта;
Вся сила въ мускулахъ ноги...
Какая-жь мысль, давя мозги,
Приводитъ въ дѣйствіе копыта?
Судя по всѣмъ чертамъ лица,
Нѣтъ мысли! Кромѣ развѣ задней...
Другая часть,—часть жеребца
И совершеннѣй и пригляднѣй...
Что за хребетъ и что за ростъ!
Налюбоваться мы не можемъ!
Какъ гордо онъ вздымаетъ хвостъ, —
Все той же мыслію тревожимъ...

Иныхъ мыслителей въ Москвѣ
Теперь, повидимому, бѣситъ,
Что, стать пытаясь во главѣ,
Кентавръ межъ нами куралеситъ.
Имъ злой почудился въ немъ духъ;
Глядятъ впередъ они тревожно...
Но почему-жь такой испугъ
И злоба?... Право, невозможно
Играть безплоднѣе въ слова,
Иль заблуждаться простодушнѣй...
Вѣдь ты-жь сама была, Москва,
Его заводскою конюшней!...

IV.

Современному гражданину.

Дай оглянусь...
Пушкинъ.

Ты побѣдилъ!.. Всѣ силы жизни
Ты положилъ въ борьбу... Ну что-жь?
Ты въ комъ обрѣлъ любовь къ отчизнѣ?
Въ комъ честь?.. Гдѣ истина? Гдѣ ложь?..

Скажи, о, *совопросникъ вѣка*,
Что есть безумецъ? что—мудрецъ?
Гдѣ-жь отыскалъ ты человѣка
И гражданина наконецъ?..
Прочтемъ временъ недавнихъ повѣсть ..
Она печальна и мрачна.
Въ ней нашъ позоръ. Предъ ней должна
Скорбѣть общественная совѣсть!
Не говори мнѣ о врагахъ,
Не говори мнѣ объ измѣнѣ...
. . . .
Оставь въ покоѣ мертвыхъ тѣни...
Что осужденныхъ намъ судить?
Не будемъ плакать или охать;
Но.... и довольно ихъ язвить,
Довольно тѣшить злости похоть!..
Поговоримъ съ тобой о тѣхъ,
Кто, обезславленные нами,
За тотъ одинъ страдали грѣхъ,
Что не покрыты сѣдинами...
Съ какою злобою тупой,
Съ какимъ самодовольствомъ глупымъ
Мы приговоръ читали свой
Надъ пыломъ юности живой,
Какъ будто лекцію надъ трупомъ!
Не мы ль, безумные, тогда
О здравомысліи радѣя,
Безспорнымъ признакомъ злодѣя
Считали юные года?
Не мы ль, какъ безнадежно падшихъ,
На посрамленье всей земли
И сыновей и братьевъ младшихъ
Къ столбамъ позорнымъ привели?
Припомнимъ подвиги другіе...
О тѣхъ съ тобой поговоримъ,
Чьи думы и дѣла благія
Теперь разсѣялись какъ дымъ.
Кто насъ вернулъ на путь обратный?
И чьей рукою святотатной
Разрушенъ жизни честный строй,
Чтобы создать на немъ другой —
Благонамѣренно-развратный?
И этой лжи, и этой тьмы
Намъ неизвѣстностью грозящей, —

Кто ихъ виновникъ настоящій?..
Мы сами! да, съ тобою мы!..

Затѣмъ ли, чтобъ порядокъ стройный
Отъ смутныхъ оградить тревогъ,
Взнуздать хотѣли мы порокъ
И дерзость мысли безпокойной?—
Но въ страшный мы вступили бой,
Всѣ средства въ помощь призывая,
И по землѣ своей родной
Прошли, какъ язва моровая!..
Ни страхъ неправды, ни боязнь
Пятна позорнаго на чести —
Не умѣряли злобной мести...
То не борьба была, а казнь!
Пьяны усердія разгуломъ,
Мы, сыщики измѣнъ и смутъ,
Всю Русь на свой призвали судъ,
Чтобъ обвинить ее огуломъ.
Нашъ слухъ все слышалъ; зоркій глазъ
Умѣлъ во всѣ проникнуть щели...
И никого нашъ судъ не спасъ
Изъ тѣхъ, кто въ мысляхъ и на дѣлѣ
Честнѣй и чище были насъ!
Мы ихъ святыню оплевали;
Мы клеветали на народъ;
Противъ враговъ, зажавъ имъ ротъ,
Мы власть доносомъ раздражали...
И вотъ—затихло все кругомъ...
Но умъ замолкъ не предъ умомъ.
Свободу, честность, чувства, мысли
Мы задушили, мы загрызли!
Богатой жизни въ темнотѣ
Лежатъ обломки... Люди, дѣло —
Въ первоначальной чистотѣ,
Ничто отъ насъ не уцѣлѣло!..
А впрочемъ нашъ горячій нравъ
Мутили западныхъ державъ
Дипломатическія ноты —
И мы, конечно, патріоты!..

Чтожь современный гражданинъ?
Что соль земли, столпъ государства,
Питомецъ крѣпостнаго барства,
Временъ безсудья буйный сынъ!

Зачѣмъ ты, счастливъ и нахаленъ,
Среди погрома и развалинъ
Трубилъ побѣды торжество?
Вѣдь не создашь ты ничего!..
Въ нашъ вѣкъ заснуть умомъ не можно;
Несчастье это понялъ ты,
Подчасъ лаская съ страстью ложной
Благообразныя мечты...
Обманъ!.. Въ сокровищницу міра
Самъ ничего ты не принесъ!
Ты гложешь, какъ голодный песъ,
Остатки прерваннаго пира...

V.

Старикъ.

«Жарко, дѣдушка! Вставай-ка!
Ты подъ солнцемъ цѣлый день...
Вонъ — прохладная лужайка
И кругомъ отъ кленовъ тѣнь».

«Не прельщайте тѣнью, дѣти;
Нѣтъ, я съ солнца не сойду!
Знаю самъ, что клены эти
Хороши въ моемъ саду;

«Имъ годовъ теперь не мало,
Мнѣ ровестники они...
Отдохните вы, пожалуй,
Въ освѣжающей тѣни;

«Но прохлады не хочу я;
Этотъ зной меня живитъ.
Можетъ быть, тепломъ врачуя,
Солнце дни мои продлитъ...

«О, небесное свѣтило!
Озаряй меня и грѣй
На краю сырой могилы,
Возлѣ вѣчности ночей...

«Такъ-то дѣти! Старость учитъ
Дорожить дневнымъ лучемъ.
Будетъ время!... Какъ умремъ —
Въ холодкѣ лежать наскучитъ...»

Алексѣй Жемчужниковъ.

СВОЙ ХЛѢБЪ.

РОМАНЪ

(Посвящается С. С. Рѣшетниковой).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРОЛОГЪ.

Май мѣсяцъ 186* года.

Часъ ночи. Въ городѣ Ильинскѣ и его окрестностяхъ темно. Небо чисто отъ облаковъ и тамъ, вверху, ярко мелькаютъ мильярды звѣздъ съ длинною полосою млечнаго пути. Съ рѣки дуетъ легкій холодный вѣтерокъ; прохладно, но хорошо; пахнетъ весной, и еслибы не слякоть, то съ удовольствіемъ можно было бы пройтись по городу, гдѣ почти большая часть оконъ въ деревянныхъ домахъ заперты ставнями и нигдѣ не видно огня. А еще лучше сидѣть на набережной, слушая плескъ бурливой рѣки, окрики караульныхъ изъ-подъ горы и изъ самаго города, и лай собакъ. Кромѣ этого, въ самомъ городѣ тишина: повидимому, спятъ всѣ.

Начинаетъ свѣтать. Тихо. Только кое-гдѣ кричатъ мужскіе голоса: «слушай!» одинъ за другимъ — кто басомъ, кто теноромъ, кто неопредѣленнымъ голосомъ, и такимъ же манеромъ лаютъ собаки: залаетъ сперва одна собака, за ней другая, потомъ третья, четвертая и, наконецъ, залаютъ въ разъ уже неопредѣленное количество собакъ. Но и этотъ концертъ скоро смолкаетъ и на нѣсколько минутъ настаетъ тишина гробовая, изрѣдка, впрочемъ, нарушаемая стукомъ палками объ заплоты.

Но вотъ уже обрисовываются дома. На Волгѣ видны лодки съ рыболовами. Вотъ къ берегу пристала лодка. Изъ нея вышли двое мужчинъ — одинъ въ нанковомъ пальто, другой въ халатѣ; у того, на которомъ нанковое пальто, надѣта на головѣ фуражка съ зеленымъ околышемъ и съ кокардой;

волосы короткіе, маленькіе усы; у другаго на головѣ тоже фуражка, но на ней нѣтъ кокарды и на ногахъ у него нѣтъ сапоговъ, какъ у его товарища, а надѣты рваные ботинки. Втащивши кое-какъ лодку, они, пошатываясь, пошли въ городъ. Но такъ-какъ имъ приходилось подниматься на гору по единственной грязной и крутой дорогѣ, то, еслибы не весла, которыми они подпирались, имъ пришлось бы довольно трудно. Хотя же на пути, въ сторонѣ отъ дороги, и стоитъ кабакъ съ вывѣской: «Перепутье», но ихъ не пустили туда, да и кабакъ былъ охраняемъ огромной бѣлою собакою, привязанною толстой веревкой къ небольшой будкѣ. Они взошли на площадь, посреди которой стоитъ небольшая церковь, а спереди, на самомъ краю, къ рѣкѣ, насажены двѣ аллеи березъ и тополя, а за церковью, тоже на площади, устроено три деревянныхъ амбара, съ нѣсколькими дверьми въ каждомъ и нѣсколько небольшихъ открытыхъ лавокъ. Прошедши церковь, они пошли по широкой улицѣ. На углу этой улицы, стоитъ пятистѣнная будка и около нея столбъ, но въ ея полукруглыхъ окошкахъ разбиты стекла, а на столбѣ нѣтъ фонаря.

Идутъ они и ругаются. Сзади ихъ ѣдетъ кто-то въ телегѣ.

— Слу-шай! кричитъ на углу пронзительно мужской голосъ, которому вторятъ уже немногіе охрипшіе голоса.

— Кто идетъ? спрашиваетъ идущихъ съ веслами мужчина въ ситцевомъ халатѣ съ черною трещеткою подъ лѣвою мышкой и съ толстою палкою въ лѣвой рукѣ.

— Я тебѣ дамъ: кто идетъ? ослѣпъ, что ли? сказалъ мужчина въ халатѣ.

— А!! много рыбы-то, Кузьма?

— Вся тамъ! и онъ указалъ рукой по направленію къ рѣкѣ, но размахнулся такъ, что упалъ. Подъѣхала телега. Въ телегѣ лежали березовыя полѣнья, накладенныя на скорую руку; рядомъ съ лошадью шелъ мужчина въ рваномъ пальто. Всѣ обмѣнялись «добрымъ здоровьемъ», а караульщикъ проговорилъ:

— Попадешься же ты когда-нибудь! У кого слямилъ!

— Э-э!... Небось, заворуешь? Лѣсу сколь, а рубить не велятъ. Почемъ нонѣ дрова-то? Три!

— Што и говорить: времена нонче куды какъ тяжелы. Вотъ опять гляди кабы желѣзную дорогу не стали строить: тогда и по пяти заплатишь. Не даромъ я и изъ Егорьевска сюда переселился — раззоръ одинъ: эта чугунка все къ рукамъ прибрала. Ужь я смѣкаю, не посолъ ли какой отъ чугунки и пожаръ-то у насъ учинилъ: вѣдь тридцать-два дома сгорѣло, страсти Господни!

— Бѣда. Вотъ теперь и бани запечатали; караулить велятъ днемъ и ночью... А ты погляди, сами-то они что дѣлаютъ? Вонъ исправникъ, да казначей и прочіе по улицамъ ѣдутъ — сигары курятъ, а какъ нашъ братъ съ трубкой выйдетъ за ворота — такъ въ полицію тащатъ. Самосуды! Да я, братъ, на сѣнникѣ постоянно съ трубкой спать ложусь и ничего — Богъ хранитъ, потому что я знаю, какъ надо курить.

— Вотъ стало быть, братъ, ты и поджигатель! проговорилъ чиновникъ и прибавилъ: — пойдемъ-ко въ полицію.

— Ты еще что за птица?

— Та и птица, что скоро женюсь на дочери виннаго пристава Яковлева.

— Это и видно: у Яковлева-то сегодня крестины, а ваше благородіе и не приглашены видно.

— Дуракъ! приглашали, да не пошелъ, потому что я въ ссорѣ съ головой, а голова приглашенъ кумомъ.

Чиновникъ пошелъ дальше.

— Ты слышалъ? спросилъ онъ Кузьму.

— Чего?

— Что у пристава крестины!

— А!!

Больше Кузьма не въ состояніи былъ говорить: онъ шелъ почти съ зажмуренными глазами, упираясь на чиновника.

— Вѣдь это обида! Я женихъ; онъ выдаетъ за меня Марью, и вдругъ не пригласилъ... Онъ даже скрылъ отъ меня, что у него сегодня крестины. Какъ ты объ этомъ думаешь?.. И какъ это я не узналъ! А еще хожу мимо ихняго дома!

Товарищъ молчалъ.

— Надо на попятный дворъ. Не такъ ли?

— Именно.

— Я сейчасъ обругаю его противъ его же дома.

— Ну... Охота!

— И обругаю! Я дворянинъ, а онъ что!... Я помощникъ бухгалтера въ казначействѣ, а онъ подъ судъ отданъ за старую службу. У него теперь десятая родилась; пусть-ко онъ выроститъ... Нынче, братъ, должность не скоро получишь, а женишковъ и подавно хорошихъ не скоро найдешь. Я ему утру е носъ-то... Видишь? и чиновникъ остановился.

Направо противъ нихъ, черезъ дорогу, стоитъ девятиоконный каменный домъ. Половина верхняго этажа освѣщена, въ четырехъ окнахъ мелькаютъ тѣни, а изъ пятаго, отвореннаго, слышится пискъ двухъ скрипокъ. Изъ двора слышится ржаніе лошадей.

— Видишь?! произнесъ злобно чиновникъ: — танцуютъ, на скрипкѣ пилятъ... А я-то что̀ же такое?

Кузьма очнулся, глянулъ на домъ и промычалъ что-то.

— Нѣтъ, ты пойми: какъ они безъ меня могли? Теперь Машка съ казначеемъ танцуетъ... Пойдемъ!

— Куда?

— Къ нимъ.

— О-охъ, вы полуношники! Велика бѣда, что не пригласили.— Оно еще къ лучшему: у васъ поди и на зубокъ-то нечего положить, проговорила женщина, сидящая съ трещоткой у воротъ трехъоконнаго низенькаго деревяннаго дома, около котораго стояли чиновникъ и Кузьма.

— Ахъ, это ты Зелениха!

— Караулю, батюшка... Да вотъ съ этой музыкой да съ ребятишками своими смучилась: не спятъ, на улицу просятся. А вы, Никандро Иванычъ, слышали новость?

— Какую?

— А еще женихомъ себя величаете: вѣдь Дарья-то Андревна убѣжала изъ монастыря. Ихняя кухарка сказывала мнѣ сегодня. Самъ-то письмо отъ игуменьи получилъ. Вотъ что-съ!...

— Неужели?

— Врать, что ли, стану. Сегодня, вечеромъ мнѣ даже ихній дворникъ сказывалъ. Всѣ, говоритъ, какъ узнали объ этомъ— письмо, слышь, получили — чуть не перегрызлись.

— Странно... Какъ же говорили, что она уже въ монашкахъ?

— Вотъ то-то, что они васъ хотѣли надуть!

— Ну, ты ужь, пожалуйста!... Я вѣдь и... И онъ замахнулся.

— Мнѣ все равно; только врядъ ли вы много получите въ приданое! Вотъ вамъ лучше бы на Дарьѣ Андревнѣ жениться...

— Ты думаешь?

— Да еще не пойдетъ.

— Почему?

— Потому, что она умнѣе и бойчѣе васъ.

— Ну, братъ... Да ее, поди, и на домъ не пустятъ.

— Богъ ее знаетъ. Говорятъ, она беременна ужь.

— Што-о ты!! Вотъ тебѣ и покорно благодарю!!

— Ей-богу... И я этого не ожидала, а жалко! Если она сюда пріѣдетъ... Да нѣтъ, нельзя!

— Да можетъ быть это враки: можетъ, мачиха нарочно разславляетъ.

— А можетъ быть. Только я думаю, какъ она жить будетъ? Она, еще передъ отъѣздомъ, говорила мнѣ, что ей хочется работать. Но если это такъ, такъ это одна дурь: попробовала бы

она поработать по нашему... Свой-то хлѣбъ о-ее какъ тяжело достается.

Отворились ворота; изъ двора выѣхали гости, мужчины и дамы. Въ домѣ погасли огни, заперли окна.

Пока гости выѣзжали, чиновникъ ушелъ во дворъ. Стало порядочно свѣтло. За выѣздомъ гостей, крестя ротъ и зѣвая, ушла спать и Зелениха.

Вдругъ послышался съ рѣки свистъ парохода, а черезъ полчаса на улицѣ, по направленію къ яковлевскому дому, шла дѣвушка лѣтъ восемнадцати, въ сѣренькомъ бурнусѣ, въ круглой шляпкѣ и съ большимъ узломъ.

ГЛАВА I.

Городъ Ильинскъ и его обыватели.

Городъ Ильинскъ расположенъ въ полверстѣ отъ рѣки Волги на лѣвомъ ея берегу, на возвышенномъ мѣстѣ. Въ немъ, съ достовѣрностью можно сказать, жило, въ описываемое время, небольше шести тысячъ жителей обоего пола и были двѣ церкви и кладбище. Затѣмъ онъ ничѣмъ не знаменитъ, но какъ городъ старинный, извѣстенъ тѣмъ, что много разъ выгоралъ.

По наружности своей, онъ мало чѣмъ отличается отъ другихъ маленькихъ русскихъ городовъ. Каменныхъ домовъ въ немъ штукъ восемь, — остальное строеніе, за исключеніемъ церквей, деревянное. Но за то у рѣдкаго дома нѣтъ садика. Тротуары существуютъ только у двухъ большихъ домовъ; ночью улицы не освѣщаются, кромѣ праздниковъ, когда обыватели ходятъ въ церковь; на крышахъ домовъ стоятъ кадки, большею частью пустыя и разсохшіяся; на окнахъ непремѣнно красуются банки съ какими-нибудь цвѣтами и растеніями. Оживленія немного, кромѣ субботы, когда каждый изъ жителей запасается провизіей на рынкѣ, на всю недѣлю. Хотя кое-гдѣ и стоятъ столбы, но фонарей на нихъ нѣтъ; фонари эти красуются только во время пріѣзда въ городъ губернатора, а потомъ исчезаютъ снова. Сверхъ того, городъ оживляется по утрамъ и вообще въ то время, когда мальчики идутъ въ училища — уѣздныя и приходскія (свѣтскія) и обратно, и служащій людъ стремится на службу и со службы, да по вечерамъ въ хорошіе лѣтніе дни, когда любители сильныхъ ощущеній прохаживаются на берегу рѣки по аллеѣ, а другіе, почти все населеніе, высыпаетъ за ворота съ какою-нибудь легкою работой, съ яблоками или грушами, ѣдятъ, курятъ и тол-

куютъ о своей бѣдности, о плутняхъ купцовъ и должностныхъ чиновниковъ, и сплетничаютъ другъ на друга. Трудовая, тяжелая жизнь видится по преимуществу только на берегу рѣки, гдѣ складываютъ и откуда увозятъ черезъ городъ разные товары; въ самомъ же городѣ, кромѣ трехъ-четырехъ кузницъ, ни фабрикъ, ни заводовъ не существовуетъ; даже рѣдко можно увидать новый строющійся или старый, поправляемый домы. Городъ самъ ничего не производитъ, а только потребляетъ для себя то, что достанетъ на своей площади изъ амбаровъ-магазиновъ, или изъ другихъ городовъ, болѣе его развитыхъ въ промышленномъ отношеніи. Впрочемъ, сады даютъ фрукты, пчелы медъ и воскъ, нѣсколько человѣкъ разводятъ табакъ и дѣлаютъ его удобнымъ для куренія и нюханія, но все это находится въ первобытномъ состояніи и продается на берегу рѣки судорабочимъ и пассажирамъ, а во время ильинской ярмарки на площади и сельскимъ жителямъ въ самомъ небольшомъ количествѣ.

Большинство жителей состоитъ изъ мѣщанъ, меньшинство— изъ купцовъ и лицъ, служащихъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ. Первые бо̀льшею частію торгаши и люди занимающіеся чѣмъ-нибудь: всѣ роды ремеслъ находятся, за очень небольшими исключеніями, въ рукахъ мѣщанъ, которые такимъ образомъ кормятся, какъ отъ купцовъ, такъ и отъ людей, занимающихся коронною службою, а эти послѣдніе кормятся жалованьемъ и посильными приношеніями купцовъ и мѣщанъ, если только послѣдніе имѣютъ съ первыми дѣловыя сношенія. Бо̀льшая часть домовъ принадлежитъ купцамъ и мѣщанамъ, самая меньшая чиновникамъ, потому что купцы наживаютъ капиталъ всякими неправдами, а мѣщане не гнушаются никакими черными занятіями, и жены ихъ, кромѣ того, снабжаютъ холостыхъ чиновниковъ и небогатыя семейства молокомъ и овощами, стираютъ бѣлье, моютъ полы, а нѣкоторыя продаютъ на берегу хлѣбъ. Чиновники же, кромѣ своей службы, ничѣмъ не занимаются и дома что-нибудь имѣютъ тѣ, которые тутъ выросли или получили эти дома въ приданое за женами.

Мѣщане съ давнихъ временъ считаютъ себя силой и въ то же время людьми самыми обиженными силой — потому, что они въ прежнія времена защищали не только свой городъ, но и другіе города, униженными — потому, что имъ не давали тѣхъ правъ, какими пользовались чиновники. Но такъ-какъ изъ этого положенія выбиться не было возможности, а число ихъ и чиновниковъ съ каждымъ годомъ возрастало, то многимъ изъ нихъ пришлось коротать жизнь очень бѣдно, употребляя въ пищу ржаной хлѣбъ съ пескомъ, мелкую рыбу, горошницу и тертую

рѣдьку съ квасомъ, потому что доставать заработокъ приходилось не всѣмъ и часто хорошій портной сидѣлъ безъ дѣла по недѣлѣ и по двѣ, а рѣка давала средства только лѣтомъ, рубить же воровски лѣсъ сдѣлалось опасно. Если и бывали порядочные заработки, то деньги уходили на подарки чиновникамъ за дѣла, на угощенія въ большіе праздники, почему многіе мѣщане находились въ кабалѣ у кулаковъ-купцовъ. Кромѣ этого, у рѣдкаго не было коровы и слѣдовательно приходилось покупать сѣно. По всѣмъ этимъ причинамъ, мѣщане очень враждебно относились къ чиновному классу и къ купцамъ, чему много способствовало, вопервыхъ, то, что почти половина мѣщанъ принадлежала къ раскольникамъ, а вовторыхъ, то, что жительство этихъ раскольниковъ, находившееся въ прежнее время подъ горой, теперь было занято подъ склады товаровъ.

Еще до основанія города, подъ горою была расположена слобода, жители которой, считая себя свободными людьми, занимались преимущественно рыболовствомъ и весной снабжали хлѣбомъ всѣхъ плававшихъ мимо города людей. Нельзя сказать, чтобы они были миролюбиваго характера. Впослѣдствіи съ наплывомъ людей служилыхъ и пріѣзжихъ купцовъ они были причислены къ городу и названы мѣщанами. Мало-по-малу, всѣ невзгоды обрушились главнымъ образомъ на нихъ. Отъ нихъ стали требовать и денегъ, и рекрутовъ, и услугъ; купцы же стали эксплуатировать ихъ. Съ временемъ, эта вражда усилилась до того, что каждый мальчикъ и дѣвочка изъ слободы видѣли въ городскомъ мальчикѣ или дѣвочкѣ врага. Вообще, слободскіе мѣщане слыли чуть-чуть не за разбойниковъ, такъ что черезъ слободу даже днемъ ходить было небезопасно, и если въ городѣ случались кражи и убійства, то это приписывалось имъ. Мало-по-малу, однакожь, городскіе купцы и торгаши-мѣщане такъ прижали слобожанъ, что они поневолѣ должны были уступить, и стали пускать въ свои дома на квартиры чиновниковъ, и родниться съ ними, но на самомъ дѣлѣ стоило было задѣть чѣмъ-нибудь одного мѣщанина изъ слободы, какъ поднималась вся слобода, и эта вражда оканчивалась только какимъ-нибудь престольнымъ праздникомъ въ городѣ, когда горожане изъ послѣднихъ своихъ достатковъ до отвалу кормили и до безчувствія поили своихъ знакомыхъ мѣщанъ изъ слободы. Къ чиновникамъ, какъ слободскіе, такъ и городскіе относились не одинаково. Нѣсколько человѣкъ изъ чиновниковъ даже пользовались общимъ расположеніемъ, какъ люди старые и никуда не выѣзжавшіе изъ города. Съ семействами-то этихъ чиновниковъ и роднились мѣщане. Другіе же чиновники со-

стояли изъ пріѣзжихъ, и эти пріѣзжіе никогда не пользовались расположеніемъ мѣщанъ, и если послѣдніе замѣчали, что какой-нибудь изъ пріѣзжихъ ухаживалъ за слободскою дѣвицей, то принимали мѣры, чтобъ у него отпала всякая охота даже проходить черезъ слободу.

Теперь этой слободы нѣтъ и слобожане слились съ горожанами, построивъ на пустопорожнихъ мѣстахъ дома. Со времени уничтоженія слободы по приказу начальства, которому почему-то не понравились ветхіе домики подъ горой, вражда мѣщанъ къ чиновникамъ возросла больше. Но за то, слобожане, не имѣя возможности властвовать надъ рѣкой, какъ прежде, стали сдержаннѣе и, скрѣпя сердце, занялись ремеслами. Поэтому, теперь всѣ роды ремеслъ находятся въ рукахъ мѣщанъ. Если же сюда и заѣзжаетъ какой-нибудь аферистъ, то недолго онъ живетъ въ городѣ, и уѣзжая, нетолько ничего не нажившп, но даже проживши привезенныя деньги, проклинаетъ Ильинскъ.

Что касается до интеллектуальныхъ удобствъ города Ильинска, то въ немъ существуютъ приходское и уѣздное училища; основанныя за десять лѣтъ до начала настоящаго разсказа. Въ этихъ училищахъ учатся мальчики всѣхъ классовъ, но кончаютъ курсъ только дѣти чиновниковъ, мѣщанскія же дѣти большею частію заканчиваютъ обученіе или приходскимъ училищемъ, или первымъ классомъ уѣзднаго училища, а дѣти купцовъ иногда доходятъ и до втораго класса. Для дѣвочекъ училищъ не существуетъ и поэтому меньшинство ихъ обучается дома.

ГЛАВА II,

въ которой читатель знакомится съ аристократіею города Ильинска на крестинахъ въ домѣ Андрея Ивановича Яковлева.

Въ каждомъ городѣ, большомъ и маленькомъ, значительномъ и ничего незначущемъ, непремѣнно существуетъ, если не нѣсколько, то по крайней-мѣрѣ одинъ домъ, чѣмъ-нибудь отличающійся отъ другихъ. Такъ и въ Ильинскѣ, каждый житель знаетъ съ-измалѣтства о четырехъ домахъ: о домѣ виннаго пристава Яковлева, о домѣ протопопа Григорія Ивановича Пьянкова, братъ котораго и по настоящее время служитъ гдѣ-то въ санѣ епископа, о домѣ уѣзднаго судьи Крюкова и о домѣ купца Зиновьева. Но изо всѣхъ этихъ домовъ больше всего извѣстенъ и славится домъ нынѣшняго виннаго пристава, назадъ тому два года бывшаго уѣзднымъ стряпчимъ,

Андрея Ивановича Яковлева. Домъ этотъ обращаетъ на себя вниманіе девятью окнами въ верхнемъ этажѣ, какъ съ улицы, такъ и съ площади, съ цвѣтами и бутылями на окнахъ, выходящихъ на площадь, и съ разбитыми стеклами въ окнахъ нижняго этажа. Въ окнахъ этого нижняго этажа сдѣланы чугунныя съ рѣзьбою рѣшотки. Онъ обращаетъ на себя вниманіе каждаго новоприбывшаго въ городъ своею высокою деревянною крышею, ничѣмъ не окрашенною, а также своимъ большимъ садомъ и заплотомъ вокругъ него, наверху котораго торчатъ остріемъ вверхъ огромные гвозди. Этотъ домъ никогда не принадлежалъ какому-нибудь графскому или древнему дворянскому роду, такъ-какъ въ Ильинскѣ такія знаменитости рѣдко живали, несмотря на живописные берега, на рѣку и на то, что въ уѣздѣ его есть много дворянъ-помѣщиковъ. Тѣмъ не менѣе, это все-таки домъ древній. Говорятъ, что въ немъ прежде жилъ намѣстникъ города и въ нижнемъ этажѣ помѣщалась городская тюрьма, въ которую сажали воровъ и другихъ обвиняемыхъ въ какихъ-нибудь преступленіяхъ людей и изъ другихъ мѣстъ; что эта тюрьма считалась самою крѣпкою, не потому, что въ нижнемъ этажѣ были рѣшотки, а потому, что подъ нижнимъ этажемъ находились темные подвалы, куда запирали преступниковъ, которые тамъ бо̀льшею частію и умирали, не дождавшись суда надъ ними. Послѣ пожара, отъ котораго остались только однѣ стѣны, эти стѣны стояли нетронутыми нѣсколько лѣтъ. Въ пустыхъ площадкахъ на полуразрушившихся печахъ и стѣнахъ обитали голуби, галки и вороны, а деревенскіе жители, неимѣвшіе въ городѣ пристанища, частенько ночевали тамъ. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ; казна не имѣла средствъ возобновить домъ, со стороны же покупателей на него не находилось. Мало по малу, горожане стали извлекать изъ него небольшую выгоду: такъ они выломали рѣшотки и продали ихъ, стаскали печные кирпичи и даже принялись-было за стѣны.

Лѣтъ десять сряду, оставленный домъ служилъ для суевѣрныхъ людей источникомъ неисчерпаемыхъ толковъ. Всѣ женщины были убѣждены, что тамъ по ночамъ живутъ кикиморы, что нѣсколько личностей будто бы даже видѣли по ночамъ огни въ домѣ и слышали какую-то пляску; по ночамъ и мужчины боялись ходить мимо дома, а шли другими улицами и переулками; этимъ домомъ пугали дѣтей и всѣ были убѣждены въ томъ, что несдобровать тому человѣку, который купитъ его и постарается на свою голову отдѣлать. Городское начальство даже ходатайствовало о томъ, чтобы эти стѣны сломать, а мѣсто съ

фруктовыми деревьями, могущими приносить кое-какой доходъ, поручить надзору полиціи. А между тѣмъ эти опаленныя стѣны у всѣхъ горожанъ были какъ бѣльмо на глазу и съ каждымъ днемъ страхъ болѣе и болѣе увеличивался. Бывали случаи, что въ стѣнахъ этого дома находили скоропостижно умершихъ, и смерть ихъ приписывали чертямъ. Губернское начальство, наконецъ, отступилось отъ дома; его купилъ купецъ, но умеръ вскорѣ, по переѣздѣ въ домъ; семейство купца выѣхало изъ него, заперло его, но тутъ нашелся смѣльчакъ, которому сильно захотѣлось завладѣть домомъ. Это былъ молодой секретарь уѣзднаго суда Яковлевъ. Онъ женился на дочери умершаго купца и, получивъ въ приданое этотъ домъ, уговорилъ судью перевести судъ въ нижній этажъ. Впослѣдствіи, онъ туда же пустилъ и земскій судъ. Слухи о чертяхъ прекратились, потому, что суды изгнали чертей.

Двѣнадцатый часъ дня. На улицахъ города Ильинска грязно, хотя и печетъ солнышко; грязно оттого, что недавно только-что пересталъ идти большой дождь, который въ какіе нибудь полтора часа такъ смочилъ песокъ и глину на улицахъ, что нужно было запасаться колошами самыхъ большихъ размѣровъ для того только, чтобы перейти съ одного угла на другой. Но за то, несмотря на сильно грѣющее солнце, у тѣхъ домовъ, у которыхъ есть садики, дышется легче, пахнетъ сиренью или геранью и жасминами, хотя изъ отворенныхъ оконъ тянетъ, какъ изъ открытой печки, жаромъ, съ запахомъ, похожимъ на печеный хлѣбъ. Легкій вѣтерокъ слегка колеблетъ листки деревьевъ, съ которыхъ падаютъ дождевыя капли на идущаго около заплотовъ, и наводитъ не то нѣгу, не то умиленіе, такъ-что еслибы въ эту пору случилось идти такимъ образомъ петербургскому жителю, то ему бы подумалось: вотъ она жизнь-то гдѣ настоящая! И ему непремѣнно захотѣлось бы долго-долго наслаждаться этою жизнію, еслибы до его слуха не доходили бранчивые голоса изъ маленькихъ домишекъ, населенныхъ мѣщанами и ихъ ворчливыми старухами, крикъ ребятъ, бѣгающихъ во дворахъ и посреди улицъ, безъ штановъ, босикомъ, и болтающихъ ногами воду въ ручейкахъ, и дополняющія эту картину семейной жизни бродящія по улицамъ свиньи съ поросятами. Такой пѣшеходъ, довольствуясь теплотою, запахомъ отъ цвѣтовъ, легкимъ вѣтеркомъ и голубымъ небомъ, по которому кое-гдѣ еле-еле плывутъ бѣлыя тучки съ сѣрымъ оттѣнкомъ, въ эту пору рѣдко кого встрѣтитъ на городскихъ ули-

цахъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ сторожей, идущихъ отъ почтовой конторы куда-нибудь съ книжками или дестевыми подъ мышками, да еще какого-нибудь блѣднолицаго молодаго человѣка въ полиняломъ пальто или сюртукѣ и съ форменной фуражкой на головѣ, изобличающей въ немъ писца.

Ровно въ половинѣ двѣнадцатаго часа изъ Богородицкой церкви вышелъ сторожъ съ жестяною купелью и дьячокъ въ суконномъ подрясникѣ, опоясанномъ широкимъ вышитымъ поясомъ, и въ бѣлой поярковой шляпѣ съ широкими полями. Они сѣли на линейку, принадлежащую винному приставу Яковлеву, кучеръ котораго (онъ же и дворникъ) Трифонъ Клементьичъ, очень толстый господинъ, съ лысиной, длинными черными волосами и большою бородой съ просѣдью,—человѣкъ въ городѣ извѣстный и уважаемый всѣми.

Дьячку рѣдко приходилось ѣздить на линейкѣ; но онъ сидѣлъ важно, съ самодовольствіемъ поглядывая на дома. Къ тому же онъ былъ мужчина рослый, молодой и красивый, съ курчавыми рыжими волосами и только-что начинающей выступать бородкой. Въ городѣ его называли молодымъ, потому что онъ жилъ съ молодою женою въ медовомъ мѣсяцѣ, а самъ говорилъ всѣмъ, что его скоро посвятятъ во діакона, такъ-какъ его тесть діаконъ переведенъ за голосъ въ губернскій городъ, гдѣ и числится при архіерейскомъ хорѣ. Сторожъ, неѣзжавшій въ линейкахъ, да еще такого туза, какъ бывшаго стряпчаго Яковлева, напротивъ, чувствовалъ себя неловко и готовъ былъ лучше идти по грязи, чѣмъ сидѣть, но его удерживало одно: надежда получить отъ виннаго пристава водки и денегъ за то, что онъ тоже участвовалъ въ привезеніи купели. Кучеръ былъ сердитъ.

Сперва всѣ ѣхали молча. Кучеръ не оглядывался; сторожъ не любилъ разговаривать вообще; дьячокъ ждалъ, пока къ нему не обратятся, такъ-какъ онъ считалъ себя выше этихъ людей, но натура у него была такая, что онъ не могъ молчать долго.

— Клементьичъ? А, Клементьичъ? Много у васъ будетъ гостей? спросилъ онъ вдругъ кучера.

Кучеръ промолчалъ.

— Что̀ это у васъ нынѣ рѣдко гости бываютъ? опять спросилъ дьячокъ кучера.

— Будетъ время и совсѣмъ не будемъ приглашать, отвѣтилъ кучеръ рѣзко и тономъ обиженнаго человѣка.

— Что̀ такъ? Али воля?... Да вѣдь у твоего-то барина не было крѣпостныхъ.

— Што-жъ што не было! Небось, получше кого другаго жит-

вемъ, сказалъ кучеръ обидчиво и ткнулъ рукой по направленію къ тому дому, въ которомъ жилъ земскій исправникъ, и продолжалъ: — куда ни позови, вездѣ идетъ, а у самаго двери постоянно на запорѣ.

— Ну, у него жена нѣмка, а нѣмцы вѣдь русскихъ не любятъ.

— Кабы не любили, не ѣздили бы къ намъ. Она какъ ни пріѣдетъ къ намъ, то и дѣло играетъ съ барыней, Мариной Осиповной, въ преферансъ. Ныньче ихъ не приглашали — не стòютъ. Марина-то Осиповна ужь пять недѣль, какъ родила, а эта исправничиха нѣтъ чтобы провѣдать — здорова ли, молъ. Оно и то надо сказать, у нихъ, у господъ, другіе порядки, чѣмъ у насъ; у насъ, у мѣщанъ, попросту: поссоримся и помиримся, а у господъ нѣту этого.

— Разумѣется. Господа люди образованные.

— Кабы мы умѣли писать, и мы бы не уступили. Вонъ, посмотри, письмоводитель у Андрея Иваныча—мѣщанинъ, а орудуетъ всѣми дѣлами: Андрей Иванычъ знай только подписываетъ.

— Это такъ. Но я подразумѣваю все-таки образованіе — ученость; напримѣръ, вотъ хоть бы я: я скоро буду самъ діаконъ.

Кучеръ обернулся и съ презрительной улыбкой поглядѣлъ на дьячка.

— Не вѣришь, небось?

Кучеръ, ничего не сказавъ, сталъ торопить лошадей. Дьячокъ обидѣлся и тоже сталъ молчать.

— Ныньче Андрей Иванычъ ужь не даетъ на свѣчку по гривеннику, какъ прежде, когда былъ стряпчимъ. Ныньче онъ и въ кошелекъ кладетъ копеечку, а не серебряный пятачекъ. Оно хотя эти серебряные пятачки бралъ къ себѣ отецъ протопопъ, а все же, значитъ, у Андрея Иваныча радѣнія было больше! проговорилъ сторожъ.

— Да, да! Отецъ протопопъ сказывалъ ономедни, что онъ и за исповѣдь сталъ меньше получать отъ виннаго пристава, проговорилъ въ свою очередь дьячокъ и захохоталъ.

— Вамъ бы все брать! И такъ мы много водки и вина всякаго даримъ. Ныньче не тѣ доходы... Вы то разсудите, сколько у Андрея Иваныча дѣтей. На моихъ глазахъ у него сегодня десятую будете крестить, а до меня еще сколько ихъ было крещено! Теперь вотъ у него съ этой дѣвчонкой считается въ живыхъ ровно десять. Ихъ поди надо кормить, одѣть, выучить, къ мѣсту пристроить. Я больше васъ знаю его... Вотъ

што! Деньги-то вѣдь не съ неба падаютъ! проговорилъ кучеръ.

— Такъ-то оно такъ, да вѣдь у него двѣ дочери уже пристроены замужъ, третья ныньче тоже выйдетъ замужъ, старшій сынъ становымъ, другой тоже поди поступитъ на службу, третій служитъ въ Сибири, а Дарья Андревна въ монастырѣ...

— Ну, дакъ что! Не ваше дѣло считать... Ныньче становые не то, что прежде; ныньче завелись слѣдователи, а Дарьѣ Андревнѣ такъ и слѣдуетъ жить въ монастырѣ.

Черезъ пять минутъ они въѣхали во дворъ яковлевскаго дома.

Домъ выходилъ во дворъ большимъ прямымъ угломъ и имѣлъ въ нижнемъ этажѣ три крыльца; штукатурка со стѣнъ во многихъ мѣстахъ отвалилась и на этихъ мѣстахъ некрасиво обозначились почернѣлыя отъ времени дранки, такъ что по одному взгляду на стѣны можно было заключить, какъ старъ этотъ домъ. Въ трехъ верхнихъ окнахъ, самыхъ крайнихъ къ амбару, въ которомъ помѣщаются погребъ, каретникъ, жилья для коровъ и проч., видны какіе-то цвѣты въ банкахъ, коробочки, принадлежащія, какъ кажется, женщинамъ, и кисейныя занавѣски; на четырехъ окнахъ, ближнихъ къ углу, занавѣсокъ нѣтъ, а на каждомъ стоятъ по двѣ большихъ бутыли. Изъ этихъ оконъ слышится серебристый звонкій разговоръ, принадлежащій женскимъ голосамъ. На подоконникахъ остальныхъ оконъ, какъ внизу, такъ и вверху, замѣчаются кипы бумагъ, большихъ книгъ съ рваными корешками и верхними корками, оттопырившимися отъ песку, ежедневно по нѣскольку разъ попадающему на страницы при засыпанія чернилъ. Вверху замѣчаются два человѣка, разговаривающихъ у окна; оба они въ форменныхъ сюртукахъ со свѣтлыми пуговицами; внизу у оконъ сидятъ у столовъ писцы. На среднемъ крыльцѣ трое служащихъ курятъ папироски. При видѣ линейки, всѣ эти люди начали острить кто надъ кучеромъ, кто надъ дьячкомъ, но больше всего доставалось сторожу. Но лучше всего было взглянуть направо: тамъ, черезъ сажень отъ воротъ, начиналась деревянная, фигурчатая, выкрашенная голубою краскою рѣшотка, которая тянулась вплоть до заднихъ построекъ и соединялась такимъ образомъ съ садомъ. За этой рѣшоткой, на разстояніи пяти саженъ ширины и десяти длины, разведенъ садикъ, въ которомъ двѣ прямыхъ аллеи. Посреди этихъ аллей сдѣлано нѣсколько неправильныхъ дорожекъ, усыпанныхъ мелкимъ галешникомъ, а около нихъ, на кругахъ и треугольникахъ, цвѣтутъ желтые, голубые и малиновые цвѣты. Недалеко отъ заплота, выходящаго на улицу противъ входа въ палисадникъ, построена небольшая бесѣдка, вокругъ которой

*

растетъ восемь тополевыхъ деревьевъ, тощихъ, но высоко поднимающихся кверху. Въ этомъ палисадникѣ чирикаютъ птички. Во дворѣ чисто, хотя и бѣгаетъ нѣсколько курицъ съ двумя пѣтухами, которыхъ безпрерывно сгоняетъ съ мѣста четырехлѣтній здоровый мальчикъ, одѣтый погосподски. Недалеко отъ каретника стоитъ большая повозка съ кожаными накладкой и фартукомъ.

Пріѣхавшихъ встрѣтилъ самъ хозяинъ. Это былъ невысокаго роста плотный, здоровый и еще красивый мужчина, несмотря на свои пятьдесятъ-шесть лѣтъ, такъ что, взглянувъ на него, ему можно было дать не болѣе 45-ти лѣтъ. Лицо у него широкое, полное, съ желтыми и съ оттѣнкомъ небольшой красноты щеками, гладко выбритыми. Онъ улыбался; голубые глаза глядѣли привѣтливо; такъ и казалось, что это самое добрѣйшее существо въ мірѣ, но въ глазахъ замѣчалась сосредоточенность, точно онъ всю жизнь или занимался книгами и письмомъ или что-нибудь обдумывалъ; лобъ широкій, съ бѣлымъ отливомъ, гладкій, но на немъ, какъ бы вслѣдствіе какого-то горя, замѣчается небольшая полоска по самой серединѣ, надъ носомъ; волоса сѣдые, рѣдкіе, зачесаны гладко на виски; на темени небольшая лысина. Одѣтъ онъ въ вицмундиръ, съ околышемъ министерства финансовъ и съ мѣдными пуговицами, на коихъ красуются гербы той губерніи, къ которой принадлежитъ городъ Ильинскъ. На вицмундирѣ прилѣплены: пряжка за XXV лѣтъ, медаль въ память послѣдней войны, а на шеѣ орденъ Станислава.

Залъ имѣлъ бы вполнѣ казарменный видъ, еслибы на каждомъ изъ трехъ оконъ не стояли банки съ разными цвѣтами. Стѣны были просто обѣлены; около нихъ стояли стулья съ рѣшотками; по срединѣ комнаты стоялъ круглый столъ, покрытый вязаною бѣлою скатертью, въ переднемъ углу подъ большими кіотами съ иконами въ серебряныхъ позолоченныхъ окладахъ, стоялъ мраморный столъ, на которомъ находился маленькій образъ съ золотымъ окладомъ и лежали библія, требникъ и псалтирь, такъ-какъ въ этой залѣ регулярно каждое утро, передъ обѣдомъ, ужиномъ и послѣ нихъ, а также передъ сномъ, все наличное семейство Яковлева должно было справлять молитвы по очереди, то-есть по требнику и псалтирю долженъ былъ читать кто-нибудь изъ дѣтей опредѣленное число молитвъ. Зало повидимому находилось въ серединѣ дома, такъ-какъ по правую и по лѣвую его сторону были двери, изъ коихъ первая была отперта, а другая заперта, и отъ одной до другой двери черезъ всю залу на крашенномъ желтою, от-

части уже стершеюся, краскою полу, былъ постланъ въ полъаршина ширины зеленый коверъ.

Изъ гостей больше всѣхъ выдавался протопопъ Сергѣй Иванычъ Третьяковъ, отецъ умершей второй жены Яковлева. Онъ высокъ, худощавъ, съ большою лысиною, которую обрамливаютъ коротенькіе, рѣдкіе пучки сѣдыхъ волосъ; эти волосы, вмѣстѣ съ коротенькою, рѣдкою сѣдою бородою, придаютъ лицу еще больше бѣлизны и затемняютъ совсѣмъ отсвѣтшіе, когда-то бывшіе каріе глаза. Въ его лицѣ, улыбкѣ и глазахъ замѣтна простота и добродушіе. Онъ часто кашляетъ, говоритъ охриплымъ голосомъ и когда открываетъ ротъ, то въ немъ, вмѣсто зубовъ, видятся однѣ только пожелтѣвшія десны; голова немножко трясется. Онъ очень любитъ вступать въ споры, не любитъ никому уступать и сердится, если кто-нибудь не представлялъ фактовъ, а говоритъ только по убѣжденію. У него на головѣ малиноваго плиса камилавка, которая уже давнымъ давно отцвѣла, такъ-какъ онъ получилъ ее уже годовъ двадцат тому назадъ и съ тѣхъ поръ носитъ только въ экстренныхъ случаяхъ, — въ другіе же дни надѣваетъ простую шляпу. На немъ черная плисовая ряса, надѣваемая тоже въ экстренныхъ случаяхъ. Въ дополненіе къ этому надо прибавить, что онъ держитъ въ рукахъ толстую дубоваго дерева трость, оправленную подъ лакъ съ крючкомъ вмѣсто набалдашника. Безъ этой трости онъ не ходитъ никуда: она для него единственный другъ, она для него страсть, какъ табакъ, собака и т. п. Онъ имѣетъ семьдесятъ лѣтъ отроду, состоитъ за штатомъ, вдовъ, дѣтей не имѣетъ.

Другая личность, менѣе обращающая на себя вниманія — это Осипъ Флорычъ Зиновьевъ, отецъ теперешней жены Яковлева— Марины Осиповны. Онъ высокъ ростомъ, очень толстъ, съ одутловатымъ, жирно-краснымъ лицомъ, точно испытывающимъ цѣлые дни холодъ. Борода и волосы у него черные, лоснящіеся, глаза плутовато-хитрые; вообще во всей его фигурѣ проглядываетъ мѣщанинъ-гостинодворецъ. Онъ считается въ городѣ первымъ купцомъ, и хотя платитъ только вторую гильдію, но по капиталу и по каверзамъ, творимымъ имъ, могъ бы смѣло записаться въ первую. Въ настоящее время онъ занимаетъ въ городѣ должность городскаго головы и состоитъ старостой въ Богородицкой церкви. Одѣтъ онъ въ длиннополый сюртукъ съ двумя рядами свѣтлыхъ пуговицъ и съ медалью на шеѣ. Сидитъ рядомъ съ протопопомъ Третьяковымъ, развалившись на стулѣ и постоянно обращается только къ нему и къ хозяину, на другихъ же смотритъ свысока и отвѣчаетъ не-

хотя, какъ будто стараясь показать, что онъ человѣкъ имъ непарный, и если говоритъ съ ними, то единственно изъ расположенія къ хозяину, своему зятю, къ которому онъ, пожалуй, тоже не очень-то много имѣетъ уваженія.

Напротивъ протопопа, по другую сторону стола, сидѣлъ Осипъ Андреичъ Яковлевъ, старшій сынъ хозяина, становой приставъ перваго стана Ильинскаго уѣзда, плотный, высокій и краснощокій молодой человѣкъ съ длинными черными волосами, густыми усами и съ голубыми глазами. Въ его движеніяхъ замѣчается вертлявость, доходящая до того, что онъ не прочь и пофиглярничать; иногда онъ глядитъ покошачьи, но не бросается на противника, а встряхиваетъ волоса и съ взглядомъ, выражающимъ затаенную злобу, отворачивается, вздыхаетъ и вновь старается придать глазамъ невозмутимое спокойствіе. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые долго помнятъ нанесенное имъ оскорбленіе, за что его не любили какъ товарищи по училищу, такъ и сослуживцы, и даже недолюбливало начальство, видѣвшее въ немъ заносчиваго человѣка, нерѣдко обращавшагося со своими жалобами, помимо ближайшаго начальства, прямо къ губернатору, который, считая себя прогрессистомъ, любилъ молодыхъ чиновниковъ съ новымъ направленіемъ, но безъ вольнодумства. Вообще, онъ былъ на хорошемъ счету, какъ полицейскій дѣятель, скоро раскрывавшій слѣдствія, и хотя съ введеніемъ судебныхъ слѣдователей дѣла у него поубавилось, но работы все-таки было много, такъ-какъ съ освобожденіемъ крестьянъ, ему приходилось играть роль исполнительнаго и усмирительнаго полицейскаго дѣятеля. Впрочемъ, въ крестьянскомъ кругу его не считали варваромъ, потому что онъ на крестьянъ кричалъ въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, не дрался, какъ дрались его товарищи, не пьянствовалъ, а былъ со всѣми вѣжливъ, хотя и принималъ подчасъ довольно крутыя мѣры; но крестьяне его не любили и несли ему въ подарки послѣднее свое состояніе, которое онъ, по новой модѣ, принималъ по настоятельной просьбѣ дарившаго.

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Викторъ Осипычъ, сынъ Зиновьева, только что записавшійся въ купцы, молодой, съ блѣдно-истощеннымъ лицомъ мужчина, узкими карими заспанными глазами, выражавшими апатичное состояніе, и съ большими ушами, въ одномъ изъ которыхъ, правомъ, онъ постоянно носитъ золотую сережку, похожую на кольцо. Онъ ведетъ себя очень смирно, тупо, съ разинутымъ ртомъ смотритъ то на отца протопопа, то на сосѣда, то въ отворенную дверь, и если сосѣдъ обращается къ нему съ словомъ, онъ разѣваетъ момен-

тально ротъ, показываетъ два ряда почернѣвшихъ отъ табаку зубовъ, и начинаетъ испуганно мигать глазами, и успокоится и приметъ прежнее положеніе только тогда, когда его оставятъ. Однако, сосѣдъ его, Осипъ Андреичъ, выросшій и даже учившійся съ нимъ до втораго класса уѣзднаго училища, да и самъ батюшка, Осипъ Флорычъ, знаютъ его не такимъ. При отцѣ и у родни онъ держитъ себя смирнѣе агнца, скоро хмѣлѣетъ до того, что его незамѣтно отъ родителя или отъ хозяина уводятъ спать, не играетъ въ карты и вообще ведетъ себя, какъ неопытный мальчикъ (ему 21 годъ), но нужно увидать его за Волгой. Ужь не тотъ тамъ Викторъ Осипычъ! И откуда тамъ появляется тогда разной молодежи — мѣщанъ, купеческихъ сынковъ и чиновниковъ съ молодыми женщинами сомнительной наружности и легкаго поведенія. Пьянство идетъ страшное, орутъ пѣсни, безобразничаютъ, и стоитъ въ это время горожанину выдти на берегъ, чтобы сказать: а, это Витька съ цѣпи сорвался! Однако, удовольствія эти ему помнились долго, потому что родитель, несмотря на совершеннолѣтіе, подвергалъ его въ своей конюшнѣ тѣлесному наказанію. Въ городѣ Виктора Осипыча считали за погибшаго человѣка, забитаго, дѣвицы считали его необразованнымъ за то, что онъ не умѣлъ посвѣтски разговаривать, и отзывались объ немъ, что у него *моченое* лицо.

По другую сторону Зиновьева, за другимъ столомъ, сидѣли уѣздный судья Алексѣй Николаевичъ Крюковъ, высокій, худощавый, съ впалыми бѣлыми щеками старикъ, съ остриженными подъ гребенку сѣдыми волосами. Взглядъ у него суровый, такъ что люди, видѣвшіе его въ первый разъ, называли его крысой, но люди, знающіе его ближе, отзываются объ немъ какъ о самомъ добрѣйшемъ существѣ, боящемся даже убить муху, и удивляются какимъ образомъ такой добрый человѣкъ можетъ подписывать приговоры подсудимымъ. При этомъ надо замѣтить, что судья уже нѣсколько лѣтъ глухъ на лѣвое ухо, и потому въ разговорахъ постоянно поворачиваетъ къ говорящему съ нимъ правое ухо, накладывая за него правую ладонь. Вотъ почему, и теперь онъ обращается больше въ сторону Зиновьева и протопопа, и рѣдко оборачивается въ сторону сидящихъ съ нимъ рядомъ по лѣвую руку казначея Викентья Мордарьича Чечелибухина и земскаго исправника Ильи Иваныча Давыдова, которые разговариваютъ бо̀льшею частію другъ съ другомъ.

Изъ комнатъ по лѣвую сторону слышались женскіе голоса на разные тоны и чей-то охриплый мужской голосъ, вторившій

имъ; по временамъ раздавался смѣхъ одной или двухъ женщинъ или всѣхъ разомъ.

Хозяинъ и гости вели дружественную, но пустую бесѣду, иначе сказать переливали изъ пустаго въ порожнее.

— А у насъ въ уѣздѣ скоро будутъ двѣ новыя личности: мировой посредникъ и судебный слѣдователь, говорилъ кто-то Осипу Андреичу.

— Гм!

— Что̀, нравится вамъ это?

— Мнѣ все равно... Конечно, дѣла прибавится больше, потому что обоихъ придется наставлять, самодовольно отвѣчалъ молодой Яковлевъ.

— А-а, не нравится!

— Много денегъ у казны — вотъ што! Къ чему эти слѣдователи?—не понимаю. Ну, посредникъ—дѣло другое... проговорилъ старикъ Зиновьевъ.

— А почему посредники нужны по вашему?

— Потому, что они не даютъ помѣщикамъ много воли.

— А если я самъ помѣщикъ?

— Мнѣ што за дѣло.

— А если мнѣ это не по губѣ?

— Такъ вотъ я и испугался!

— Что вы на это скажете, Осипъ Андреичъ? обратился исправникъ къ молодому Яковлеву.

Но въ это время въ залъ вошелъ изъ другой комнаты въ сопровожденіи дочери Зиновьева, дѣвицы Анисьи Осиповны, и жены Осипа Андреича, Марѳы Антоновны, пожилой, плотный мужчина съ большимъ животомъ, весьма выдающимся впередъ, съ карявымъ, загорѣлымъ отъ ѣзды лицомъ, въ форменномъ фракѣ съ такимъ же воротникомъ и пуговицами, какъ и у Андрея Ивановича, съ двумя крестами на шеѣ и пряжкою за XXX лѣтъ на фракѣ. Вся его фигура изобличала въ немъ жителя губернскаго города и человѣка, занимающаго важную должность. Онъ, покачиваясь на обѣ стороны, медленно шелъ въ сопровожденіи двухъ дамъ и, кланяясь, проговорилъ:

— Мое почтеніе, господа.

Гости встали, а Осипъ Андреичъ ушелъ въ прихожую.

Дамы тоже раскланялись съ гостями и, вмѣстѣ съ важнымъ господиномъ, подошли подъ благословеніе къ протопопу.

Оказалось, что этотъ господинъ былъ двоюродный братъ Андрея Иваныча, ассесоръ ревизскаго отдѣленія казенной палаты, и пріѣхалъ сюда, подъ видомъ освидѣтельствованія тор-

говли, отдохнуть недѣльку, другую у брата. Зовутъ его Ипполитъ Апполоновичъ Яковлевъ.

Анисья Осиповна была бы очень красивая дѣвушка, еслибы ея лицо не портили веснушки. Въ карихъ ея глазахъ замѣчалась пытливость, а въ манерахъ не было той застѣнчивости, какая замѣчается у многихъ дѣвушекъ ея лѣтъ, ей съ рождества минуло только семнадцать. Ея волоса пепельнаго цвѣта были просто зачесаны и даже кой-гдѣ торчали и спалзывали, почему она должна была часто ихъ приглаживать руками; на ней было надѣто простенькое ситцевое платье палеваго цвѣта безъ всякихъ особыхъ украшеній; подъ платьемъ не было кринолина, а въ ушахъ она носила серебряныя легонькія сережки. Тѣмъ не менѣе, во всей ея фигурѣ было много хорошаго, такъ что можно было удивляться, какимъ это образомъ у такого родителя, какъ Осипъ Флорычъ Зиновьевъ, могла вырости такая дочь, если еще при этомъ брался въ соображеніе такой сынъ, какъ Викторъ Осипычъ. Этому обстоятельству въ Ильинскѣ всѣ дивились и единогласно рѣшили, что или отецъ лелѣетъ свою капризную и своенравную дочь, для того, чтобы выдать ее за какого-нибудь очень важнаго чиновника въ губернскій городъ, или дочь держитъ его въ рукахъ, такъ-какъ самъ онъ частенько напивается до безчувствія, ссорится съ женой, отчего эта послѣдняя жалуется всѣмъ, что его вооружаетъ противъ нея дочь его отъ перваго брака. На сколько все это вѣрно, читатель увидитъ дальше.

Совсѣмъ другое была Марѳа Антоновна, женщина 24 лѣтъ. Она была высока ростомъ, полна, какъ здоровая содержательница постоялаго двора. Лицо у ней продолговатое, носъ похожій на еврейскій, брови черныя, но глаза разные — правый карій, а лѣвый сѣрый, что̀ сразу не замѣчалось, да и самъ Осипъ Андреичъ, какъ онъ самъ говоритъ, узналъ объ этомъ уже тогда, когда объяснился съ ней въ любви и сталъ ее цаловать. Волосы у нея густые, но къ нимъ, на затылокъ, подъ сѣтку, она прибавляетъ еще комокъ фальшивыхъ волосъ для приданія себѣ больше красоты; съ этой же цѣлію она и лицо свое натираетъ мѣломъ. На ней надѣто шелковое съ длиннымъ шлейфомъ платье, и на ногахъ у ней шелковые сапожки. Она часто ужимается губами, какъ бы стараясь этимъ придать себѣ грацію, кокетливо встряхиваетъ головой и постоянно поправляетъ свое платье, оборачивая голову назадъ. Такъ и видна въ ней дама, привыкшая бывать въ кругу аристократовъ-поклонниковъ, любящая танцы и вообще женщина, желающая всѣмъ понравиться.

Какъ женщина, выросшая въ губернскомъ городѣ и считающая себя губернской львицей, она съ шикомъ раскланялась съ гостями, подавъ каждому руку, и въ то же время взглянула на дверь въ прихожую, куда ушелъ ея супругъ; Анисья же Осиповна, поздоровавшись съ гостями, присѣла къ брату.

Исправникъ съ казначеемъ начали разсыпаться въ любезностяхъ съ бонтонною дамой. Началось опять переливанье изъ пустаго въ порожнее.

— Ты, Осипъ, кажется, скоро заснешь? спросила шутливо Анисья Осиповна брата.

— Скучно, сестричка, отвѣтилъ тотъ тихо, но замѣтно было, что онъ очень обрадовался приходу сестры.

— А ты пройдись по комнатѣ. Да вонъ и хозяинъ въ прихожей.

— А вотъ новость-то, сказалъ старикъ Яковлевъ:—я письмо получилъ и отгадайте, откуда?

— Отъ Даши?

— Нѣтъ.

И Андрей Иванычъ показалъ на конвертъ.

— Изъ монастыря, сказалъ Осипъ Андреичъ.

— Ужь здорова ли? вскричала Марѳа Антоновна.

— Прочитайте, папаша, просилъ сынъ.

Андрей Иванычъ сталъ смотрѣть на конвертъ. Въ это время въ прихожую вошелъ давно ожидаемый протоіерей Григорій Ивановичъ Пьянковъ, толстый, низенькій годовъ сорока мужчина съ широкимъ лицомъ, надменнымъ взглядомъ въ глазахъ, съ длинными, густыми черными волосами, въ камплавкѣ и съ наперстнымъ крестомъ.

— Извините ради Бога,—опоздалъ. Непріятное извѣстіе получилъ—дядя очень нездоровъ. Надо все сообразить и поскорѣе ѣхать, проговорилъ Пьянковъ.

— Извините, что побезпокоили васъ, извинялся хозяинъ.

— О, полноте! Малютка какъ... здоровъ?

— Да, да! Прикажите...

— Сдѣлайте одолженіе.

Андрей Иванычъ вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ началось крещеніе, въ которомъ дѣвочку назвали Анной.

III.

Полученное Яковлевымъ письмо производитъ недоразумѣніе въ его семействѣ.

У русскихъ въ маленькихъ провинціальныхъ городкахъ ведется изпоконвѣка обычай такого рода, что родители не

присутствуютъ при крещеніи ребенка, даже крестящій ребенка священникъ выгоняетъ вонъ отца или мать, если они вздумаютъ за чѣмъ нибудь войти въ ту комнату, гдѣ совершается таинство. Яковлевъ и его жена были люди религіозные, вполнѣ слѣдующіе этому обычаю, и потому все совершенія таинства проводили въ другихъ комнатахъ. Впрочемъ, имъ бы и не выстоять всѣхъ молитвъ, потому что нужно было приготовить для гостей закуску и обѣдъ. Поэтому Андрей Иванычъ пошелъ распоряжаться насчетъ закуски и обѣда, прогнавъ своихъ дѣтей для того, чтобы положить на зубокъ ребенку рублевую монету. Монеты эти, извѣстно, идутъ въ пользу повивальныхъ бабокъ. А семейство Яковлева было большое. Въ живыхъ у него было съ теперешнимъ ребенкомъ ровно десять, за исключеніемъ отсутствующихъ; теперь находились на лицо, кромѣ Осипа, дочь Марья 21 года, сынъ Владиміръ 8 лѣтъ и дочь Евлампія 5 лѣтъ. По зову Андрея Иваныча, въ комнату вошли: Марья, дѣвица полная, краснощекая, одѣтая по настоящему случаю въ шелковое платье и вдѣвшая въ уши огромныя сережки; сынъ Владиміръ, мальчикъ болѣзненный, нелюбимый отцомъ, но о которомъ Марина Осиповна часто плакала, думая, что ея любимый сынокъ того и гляди что умретъ. За ними ушли въ залъ двѣ старухи, пріятельницы Марины Осиповны, изъ коихъ одна была жена дьякона, а другая мать раззорившагося купца, и жена Зиновьева, Вѣра Петровна, худощавая, съ болѣзненнымъ лицомъ тридцати лѣтъ женщина, въ косынкѣ на головѣ и въ китайской шали, надѣтой поверхъ люстриноваго платья.

— Никто еще не былъ? спросилъ Яковлевъ Марью Андреевну.

— Нѣтъ, отвѣчала она робко.

— А твой женихъ?

— Вы не посылали за нимъ.

— Вотъ мило! Чтò онъ за особа, чтобы мнѣ посылать къ нему гонцовъ.

Яковлевъ пошелъ въ столовую. Въ ней было два окна, три шкафа и два стола—одинъ, самый большой—круглый по срединѣ былъ накрытъ бѣлою скатертью и на немъ уже стояли бутылки съ водкой, наливками и виномъ и разныя холодныя закуски; на другомъ столѣ, что у оконъ, стояла посуда. Сама хозяйка, высокая, толстая женщина, съ бойкими карими глазами, лѣтъ тридцати-пяти, съ широкимъ лицомъ, невыражавшимъ ничего особеннаго и мало чѣмъ отличающимся отъ лицъ купеческихъ женъ или женъ чиновниковъ, которымъ не приходится много хлопотать о насущномъ хлѣбѣ. Но по лицу

этому все-таки можно было заключать, что эта женщина назадъ тому годовъ десять или двѣнадцать была красивою, то-есть красивою на столько, что могла влюбить въ себя мужчину своимъ румянцемъ щокъ, стыдливыми взглядами карихъ глазъ, кокетливо-мѣщанскими ужимками алыхъ губъ и большими косами черныхъ волосъ. Такова была хозяйка Марина Осиповна, одѣтая въ настоящую минуту въ шелковое голубое платье и въ кисейномъ чепчикѣ на головѣ. Она отдавала приказанія старухѣ кухаркѣ и кучеру Трифону, на которомъ теперь былъ надѣтъ старый яковлевскій сюртукъ, манишка, галстухъ и драповыя брюки. Кухарка перетирала посуду, а Трифонъ разставлялъ тарелки по столу.

— Все ли готово? спросилъ жену Яковлевъ.

— Все. А ты этому пьянчужкѣ Родіонкѣ откажи. Сказала я ему, чтобы пришелъ, — его и нѣтъ. Вѣроятно онъ у тебя укралъ вина, проговорила недовольно жена.

— Гм! Бестія... Ну, какъ нибудь... Пошевеливайтесь.

— Тебѣ бы все сейчасъ.

— Ну-ну.

И Андрей Иванычъ, откупоривъ одну бутылку, налилъ рюмку наливки и подошелъ къ нимъ.

— Ну, поздравляю, Маня!

Супруги поцаловались; затѣмъ Андрей Иванычъ выпилъ.

— Отчего ты не пригласилъ Павлова?

— Куда же ему; еще дядя обидится. Мы его позовемъ вечеромъ.

— А я сегодня дьячка славно огрѣлъ... началъ-было кучеръ, но въ это время вошелъ письмоводитель Андрея Иваныча, Родіонъ Савичъ Дементьевъ въ рваномъ, запачканномъ грязью сюртукѣ и съ раскраснѣвшимся отъ водки лицомъ. Хотя онъ и старался держаться на ногахъ крѣпко, но его пошатывало. Кучеръ захохоталъ, Марина Осиповна сдѣлалась блѣднѣе, точно приходъ его былъ для нея какимъ нибудь несчастіемъ; Андрей же Иванычъ съ усмѣшкой глядѣлъ на Родіона.

— Ну, зачѣмъ ты пришелъ, безстыжіе твои глаза! напустился на Родіона Трифонъ.

— Не твое дѣло... Андрей Иванычъ... Я, точно-что маленько... а я ей-Богу не пьянъ, началъ несвязно Родіонъ.

— Не пьянъ?.. Ха-ха! А въ полицію хочешь? сказалъ Андрей Иванычъ.

— Ужь для такого-то праздника...

— Отправь ты его ради Христа въ полицію, сказала Марина Осиповна.

— Покорно благодарю... Это значитъ, за всѣ услуги...

— Вотъ еще.

— Постойте, Марина Осиповна... Я, теперича, называюсь письмоводитель, а прилично ли мнѣ сапоги чистить, бѣлье кухаркѣ колотить на рѣкѣ? Это какъ?

— Молчать! И Андрей Иванычъ ударилъ Родіона по щекѣ. Родіонъ отшатнулся.

— Ты, каналья, еще вздумалъ грубить и въ моихъ глазахъ!.. Я тебѣ что̀ говорилъ сегодня утромъ?... А! чтобы ты одѣлся почище и приходилъ помочь женѣ... А ты пьянъ! ты грубишь! Вонъ!!

— Простите, великодушно.

— Вонъ!! И не смѣй ко мнѣ показываться. Я уже много тебѣ прощалъ, а теперь ты осмѣлился при мнѣ наговорить дерзостей моей женѣ... Вонъ, чтобы духу твоего здѣсь не было, говорилъ запыхавшись отъ злости Андрей Иванычъ. Щоки его покраснѣли.

— Пожалуйте мнѣ за полгода жалованье.

— Скажите, какой нахалъ! И это вы, Андрей Иванычъ, поблажаете. Пошелъ вонъ, негодяй! кричала Марина Осиповна.

— У меня жена померла въ десять часовъ, вотъ я и пьянъ, сказалъ Дементьевъ.

— Врешь, врешь! кричала Марина Осиповна, толкая Дементьева вонъ...

— Я бы тебя отправилъ въ полицію, да не съ кѣмъ, кричалъ Андрей Иванычъ. Родіонъ ушелъ, но Андрей Иванычъ нѣсколько минутъ пыхтѣлъ, топорщился у двери и обтиралъ лицо шолковымъ коричневаго цвѣта платкомъ.

— Экая пьяница! А я на него надѣялся... Дѣлать нечего, ты, Трифонъ, замѣни его мѣсто.

— А если у него въ самомъ дѣлѣ жена умерла? сказалъ Трифонъ.

— Вретъ! Не умерла, а онъ ее убилъ... Она постоянно приходила на него жаловаться, что онъ ее бьетъ... Ужь онъ не укралъ ли у меня что нибудь... А ты еще защищаешь его! О, охъ вы!! говорила Марина Осиповна.

Въ это время въ столовую принесли окрещенаго ребенка. За старухой бабкой съ ребенкомъ шли: крестный отецъ ребенка, Ипполитъ Апполоновичъ, крестная мать Марѳа Антоновна, Марія Андреевна, Вѣра Петровна съ двумя старушками.

Начались поздравленія, Андрей Иванычъ ушелъ въ залъ. Тамъ Пьянковъ сидѣлъ между казначеемъ и Третьяковымъ.

— Да, думаю совсѣмъ убраться отсюда, и вы, Сергѣй Иванычъ, будете навѣрно рады моему отсутствію, говорилъ Пьянковъ.

— Что мнѣ радоваться: я старъ и давно самъ хотѣлъ на спокой, только не пускали.

— Полно, старина! началъ Пьянковъ.

— Пожалуйте! милости прошу!! говорилъ хозяинъ съ улыбочкой.

— Полно вамъ грызтись-то изъ-за мѣста! сказалъ исправникъ и повелъ Третьякова.

— Обидно... промолвилъ Третьяковъ вполголоса.

— Терпѣть меня не можетъ. Не повѣрите-ли: сколько онъ на меня доносовъ писалъ, говорилъ также вполголоса Пьянковъ казначею, который на это только развелъ руками.

Всѣ усѣлись по старшинству: Пьянковъ занялъ предсѣдательское мѣсто, такъ что по обѣ стороны его сидѣли—по правую Третьяковъ, потомъ самъ Андрей Иванычъ, казначей, по лѣвую—Ипполитъ Апполоновичъ, судья и т. д.; дамы сѣли отдѣльно отъ мужчинъ и по старшинству; Марина Осиповна, какъ хозяйка, за столъ не сѣла, а распоряжалась и упрашивала ѣсть и пить; Трифонъ прислуживалъ.

Сначала обѣдъ шелъ неоживленно; говорили только Пьянковъ и Ипполитъ Апполоновичъ и изрѣдка въ ихъ разговоры вставляли свои мнѣнія самъ хозяинъ, исправникъ и казначей; остальные же ѣли и пили, смотря съ подобострастіемъ то на Пьянкова, то на Ипполита Апполоновича; хозяйка отвѣчала ужимкою только въ такомъ случаѣ, когда кто нибудь изъ старшихъ гостей обращался къ ней съ похвалой такому-то кушанью, при чемъ лицо ея прояснялось и она самодовольно взглядывала на дамъ.

— А вы скоро намѣреваетесь уѣхать отсюда? спросилъ Пьянковъ Ипполита Апполоновича.

— Да, думаю завтра утромъ.

— Полно вамъ, братецъ. Вы и недѣли не гостили у насъ, сказала Марина Осиповна.

— Скучновато здѣсь, сказалъ Ипполитъ Апполоновичъ.

— Ну, я думаю, скука-то вездѣ одинакова—что здѣсь, то и въ губернскомъ, сказалъ исправникъ.

— А я съ вами несогласна: въ губернскомъ вечера, танцы... какое общество! вступилась Мароа Антоновна.

— Я не участвую-съ на подобныхъ вечерахъ; не по карману.

— Ну, полноте, дяденька: вы теперь скоро будете совѣтникомъ и вамъ необходимо будетъ нужно бывать въ дворянскомъ собраніи.

— Ужь нѣтъ: я старой привычки не перемѣню. То-ли дѣло въ своей компаніи съ купцами или съ духовными. Меня владыка очень любитъ; я не одного семинариста попомъ сдѣлалъ.

— Да, я знаю... Мнѣ очень пріятно. Отецъ Стефанъ, кажется, получилъ крестъ, отвѣчалъ Пьянковъ.

— Да, это очень умный молодой человѣкъ. Въ его года, а ему кажется двадцать-седьмой, рѣдкіе бываютъ инспекторами семинарій, по крайней мѣрѣ нашей.

— Одно въ немъ, дяденька, скверно: говорятъ, большой драчунъ, сказалъ Осипъ Андреичъ.

— Что-жь, по твоему такъ и спускать... По твоему, пусть мальчишки хоть на головахъ ходятъ... А ты еще не знаешь, каковы эти семинаристы. А ихъ у зятя по крайней мѣрѣ семьсотъ человѣкъ.

— Строгость необходима, я съ вами согласенъ. Вы посмотрѣли бы, какой у меня въ уѣздномъ училищѣ ведется порядокъ! проговорилъ Пьянковъ.

— Ну, это еще доказываетъ только, что мальчики такихъ строгихъ людей никогда не любятъ, проговорилъ въ свою очередь Третьяковъ.

— А-а. Задѣли стариковское самолюбіе! сказалъ исправникъ.

— Мальчишекъ надо драть! крикнулъ Зиновьевъ.

— Я не отрицаю, но только полегонечку, въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда уже никакія мѣры не дѣйствуютъ, защищалъ свою систему Третьяковъ.

— Позвольте спросить, какія это мѣры? спросилъ Пьянковъ.

— Самыя легкія; у меня, во время завѣдыванія училищемъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ, кажется, только двое были наказаны, и то не болѣе пяти ударовъ, а между тѣмъ другіе учителя только и дѣлали что сѣкли.

— Дѣдушка очень простыя употреблялъ вещи. Напримѣръ, спроситъ урокъ, и если урокъ не знаетъ мальчикъ прилежный, онъ на первый разъ велитъ ему встать съ книгой въ уголъ къ печкѣ, во второй поставитъ къ печкѣ на колѣни, а въ третій подзоветъ самаго лѣниваго ученика, который живетъ во враждѣ съ прилежнымъ ученикомъ, да и заставитъ ученика теребить за уши прилежнаго, хвастался Осипъ Андреичъ.

— Я думаю, такая система, напротивъ, вселяетъ раздоръ между воспитанниками, сказалъ Пьянковъ.

— Напротивъ, прилежный ученикъ послѣ такого срама становился отличнымъ ученикомъ, потому что его конфузили товарищи, и даже примирялся со своимъ врагомъ... Вообще у

меня мальчики учились хорошо; не было такой распущенности, сказалъ Третьяковъ.

— А вы думаете, что у меня обучаются плохо? вступился Пьянковъ.

Хозяинъ пригласилъ гостей выпить; заговорили о посредникахъ.

— Я думаю, по крестьянскому присутствію хорошая служба? началъ казначей.

— Не знаю. Я слышалъ только одно, что эти люди только понапрасну бумагу переводятъ, и знаю, что въ уѣздахъ торговля находится въ плохомъ состояніи, на томъ основаніи, что многихъ крестьянъ раззорили, а маклаки стараются выжать все даромъ. Я вотъ и здѣсь замѣтилъ, что нынче уже не крестьяне продаютъ на рынкѣ муку, масло и яица, а прасолы, городскіе мѣщане, проговорилъ Ипполитъ Апполоновичъ.

— Все это происходитъ отъ лѣности, сказалъ Пьянковъ.

— Нѣтъ, не отъ лѣности, а оттого, что крестьяне поставлены между двухъ огней: между помѣщикомъ и посредникомъ, горячился ассесоръ.

— И находятся попрежнему въ рукахъ становыхъ приставовъ. Впрочемъ, я не такъ выразился: безъ насъ они ни шагу! вклеилъ отъ себя Осипъ Андреичъ.

— Васъ, молодой человѣкъ, не спрашиваютъ, сказалъ ассесоръ.—Я говорю про себя. Мои крестьяне, т.-е. не мои, а моей жены, да это все равно, вотъ посмотрите, какъ они живутъ. Да они говорятъ: батюшко Ипполитъ Апполоновичъ! Намъ никакой воли не надо: мы у тебя, какъ у христа, за пазухой живемъ, — ей-Богу! Ну, говорю, ступайте, молодцы, на волю, уходите прочь. Ха-ха-ха! — куда! Въ ногахъ валяются, — только оставь! я только тѣмъ и пугаю, что говорю: ступай прочь!

— Это ужь черезчуръ строго: куда-же онъ дѣнется безъ всего и съ семьей? сказалъ Третьяковъ.

— Смиренствомъ тутъ ничего не подѣлаешь. Вотъ они и боятся. И если имъ что нибудь скажетъ посредникъ, они посылаютъ ко мнѣ старосту; я пишу посреднику — такъ и такъ, молъ; а если что, молъ, не по моему, такъ я и отцу твоему пожалуюсь, а не то и губернатору.

— А что, дяденька, смирны ваши крестьяне? спросилъ Осипъ Андреичъ.

— Смирны, какъ агнцы.

— А не бунтуютъ, какъ у насъ?

— Смѣютъ! Да я имъ всю шкуру спущу. Пардонъ! извинился ассесоръ передъ дамами и продолжалъ:—былъ у меня

одинъ мужичонко, невзрачный такой, лѣнтяй. Я бы его давно сдалъ въ солдаты, еслибы онъ былъ помоложе и не хромой. Ну, вотъ онъ недѣли съ три тому назадъ и давай мутить мужиковъ, что де имъ по положенію слѣдуетъ та же земля, которою они раньше пользовались. Тѣ и развѣсили уши: смекнули, что новую землю нужно облаживать, а прежняя немного требуетъ ухода, ну и послали ко мнѣ старосту. Я старосту прогналъ, они посреднику жалобу, тотъ пишетъ: нельзя-ли сдѣлать съ крестьянами какое нибудь соглашеніе. Я и разузнай: кто это мутитъ, и приказалъ посреднику наказать мужичонка розгами. А тотъ, что бы выдумали, пишетъ: не имѣю правъ. Вотъ они каковы посредники! Терпѣть я ихъ не могу! Мальчишки, забіяки...

Стали пить вмѣсто шампанскаго шипучую наливку; пошли поздравленія.

— И я тоже не особенно ими доволенъ, хотя у меня сынъ тоже мировымъ посредникомъ служитъ въ сосѣдней губерніи, началъ исправникъ.—А именно: въ одной деревнѣ сгорѣло восемь дворовъ; говорятъ, былъ поджогъ. Ну, конечно, пріѣхалъ я производить слѣдствіе, потому-что у насъ тамъ судебнаго слѣдователя еще не было. Вотъ посредникъ и дѣлаетъ мнѣ предложеніе, чтобы я въ каждой деревнѣ завелъ пожарную команду. Ну, не дуракъ-ли! Да помоему, хоть всѣ деревни сгори — все равно.

— Не горячитесь: безъ хлѣба останетесь, сказалъ Третьяковъ.

— О, батюшко! Были бы деньги — хлѣбъ найдется.

— А бѣдные люди какъ жить будутъ?

— Будутъ работать.

— А если работы нехватитъ?

— Хватитъ.

— Вижу: изъ пустаго въ порожнее вы переливаете. Извините, от. Сергій, а я выпью водочки, сказалъ сердито Зиновьевъ.

Пьянковъ всталъ, за нимъ встали и остальные.

Немного погодя, Пьянковъ и Третьяковъ распрощались съ хозяевами и уѣхали. Третьяковъ обѣщалъ пріѣхать вечеркомъ съ племянницей.

— Ну, Андрей, гдѣ ты меня уложишь спать? Въ саду, что-ли? сказалъ хозяину Зиновьевъ.

— Да и я тоже: я послѣ обѣда всегда отдыхаю, прибавилъ ассесоръ.

— А мы въ карты, сказали исправникъ и казначей.

Черезъ четверть часа Зиновьевъ ушелъ спать въ садъ въ

бесѣдку, ассесоръ ушелъ въ кабинетъ Андрея Иваныча, а остальные гости пошли играть въ палисадникъ.

Андрей Иванычъ былъ очень веселъ, потому что имъ остался доволенъ его двоюродный братъ, а это много значитъ. Онъ пошелъ къ женѣ, которая, сидя въ одной изъ комнатъ, кушала. Рядомъ съ ней сидѣла худощавая красивая кормилица и кормила грудью ребенка, а за столомъ сидѣли маленькія дѣти, которыя ежеминутно баловали и заботились не объ ѣдѣ, а о томъ, какъ бы поскорѣе удрать во дворъ.

— А гдѣ тѣ? спросилъ Андрей Иванычъ.

— Старухи ушли домой, а молодые ушли въ садъ играть въ дурачки.

— Отчего это Раиса Сафоновна и другіе не пришли?

— Я почемъ знаю! Да и лучше.

— Да какъ? Вѣдь ихъ звали. Вотъ и этотъ скотъ Павловъ.

— Онъ казначея не любитъ. Надо ужо послать за нимъ.

— Ненужно... Ахъ, я и забылъ совсѣмъ... Я письмо получилъ изъ Сокола, кажется изъ монастыря.

— Опять, поди, Дарья на тетку жалуется.

— Посмотримъ, только почеркъ-то не ея... Ужь здорова ли?

Андрей Иванычъ сталъ читать письмо. Еще не дочиталъ онъ и страницы, какъ лицо его омрачилось.

— Вотъ новость-то! проговорилъ онъ.

Въ комнату вошли Марья Андревна съ братомъ Осипомъ и его женой съ одной стороны и кухарка и дворникъ съ другой.

— Ахъ, я и забылъ спросить о письмѣ! сказалъ Осипъ Андреичъ.

Андрей Иванычъ дочиталъ письмо и медленно свернулъ его. Онъ теръ лобъ правой рукой и что-то обдумывалъ, а Марина Осиповна выдернула у него письмо и стала читать.

— Скажите, какая дерзость: ушла! И насъ не спросилась... проговорила она съ досадой.

— Какъ? Дарья ушла — изъ монастыря?

— Убѣжала! сказала Марина Осиповна такимъ тономъ, какъ будто падчерица ея сдѣлала убійство.

— Это мило! растянула Марѳа Антоновна.

— Ну-съ, это дѣло васъ не касается! Идите себѣ... играйте. А вы чего тутъ торчите? накинулся старикъ Яковлевъ на дворника и кухарку, которые и не замедлили уйти. Остальные, кромѣ Марьи Андревны, которая стояла съ разинутымъ ртомъ и испуганно глядѣла на родителей, приняли эту новость горячо.

— Ну, гдѣ же она теперь? спросилъ Осипъ Андреичъ.

— Вѣдь это ужасно! проговорила Марина Осиповна и всплеснула руками.

Въ компату вошелъ Ипполитъ Апполоновичъ въ халатѣ и туфляхъ.

— Извините... Я пришелъ воды попросить... Что у васъ за совѣтъ?

Андрей Иванычъ сдѣлалъ плачевное лицо, и взглядывая то на жену, то на сына, кривлялъ глазами.

— Такъ, дяденька, собрались... по семейному, отвѣтилъ за всѣхъ Осипъ Андреичъ.

— А я вотъ легъ спать, да что-то сегодня не могу заснуть— видно, много поѣлъ гуся. Я гусей ѣмъ въ рѣдкихъ случаяхъ, ну да впрочемъ завтра поѣду, такъ протрясусь.

Ассесора стали упрашивать, чтобы онъ остался.

— Ну, не знаю. Скучно здѣсь... Я вотъ люблю послѣ обѣда немножко газетами поразвлечься—у насъ въ палатѣ чиновники всякія газеты выписываютъ; ну, такъ я и пользуюсь на даровщинку. А кстати ты, Андрей, письмо, кажется, получилъ отъ настоятельницы...

Андрей Иванычъ молчалъ; остальные тоже затруднялись что̀ отвѣчать.

— Не желаете-ли вы по саду прогуляться? сказалъ Осипъ Андреичъ.

— Ахъ, пойдемте, дяденька! сказала Мараа Антоновна и вцѣпилась въ ассесора.

— Съ удовольствіемъ бы съ вами пошелъ, да боюсь: я ревматизмомъ страдаю. Ну, что, здорова-ли Даша?

— Здорова, отвѣтилъ Андрей Иванычъ.

— Лѣтомъ сбирается къ намъ?

— Она уже уѣхала, сказала Марина Осиповна.

— Вотъ какъ. А, да вотъ и письмо. Позволите мнѣ прочичать... Я очень люблю читать письма отъ духовныхъ, хотя и не особенно уважаю женскіе монастыри.

— Я вамъ долженъ сообщить кое-что, сказалъ Андрей Иванычъ, и взявъ письмо, пригласилъ идти за собой ассесора; за нимъ пошла и Марина Осиповна.

— Непріятныя извѣстія, сказалъ Андрей Иванычъ ассесору, когда они вошли въ кабинетъ, съ большимъ письменнымъ столомъ между двухъ оконъ, съ широкими двумя диванами у стѣнъ, съ четырьмя креслами и съ картинами изъ Художественнаго Листка, изображающими сцены изъ севастопольской кампаніи.

— Что, нездорова Даша?

— Здорова, но... вотъ прочитайте.

Ассесоръ прочиталъ письмо спокойно два раза, сѣлъ къ столу и, вѣроятно вообразивъ, что онъ прочиталъ дѣловую бумагу, замѣтилъ на немъ число, мѣсяцъ и годъ полученія, и потомъ обернулся, какъ будто бы за справками: въ какомъ положеніи находилось до сихъ поръ дѣло по этому предмету.

— Ну-съ? сказалъ онъ и сталъ сурово смотрѣть то на самаго Яковлева, то на его жену.

— Ума не приложу! отвѣчалъ Андрей Иванычъ.

— Она постоянно была взбалмошная, сумасшедшая, сказала Марина Осиповна.

— Отчего вы ее мнѣ не отдали на воспитаніе, когда ее не любите? сказалъ ассесоръ Маринѣ Осиповнѣ.

— Да помилуйте, она вамъ покою не дастъ.

— Напротивъ, она у меня гащивала по мѣсяцамъ и я всегда ее находилъ дѣвочкой послушной, прилежной и очень смирной... Да, я такъ и зналъ, что она не уживется въ монастырѣ. Но вотъ въ чемъ дѣло: въ письмѣ сказано, что она исчезла изъ монастыря такого-то числа, а съ этого времени прошла уже недѣля.

— Можетъ быть, она у Кузьмы и Платоновыхъ.

— Очень нужно Платоновымъ содержать дѣвицу на возрастѣ. Они и такъ тяготятся Кузьмой, жалѣютъ ему куска мяса, хотя онъ у нихъ все равно что письмоводитель или слуга какой нибудь. Можетъ быть, она теперь у меня, и хорошо бы было, еслибы она была у меня: ужь я бы ее не пустилъ къ вамъ. Кстати, у меня и женихъ есть. Но вотъ что странно: настоятельница пишетъ: за нею и прежде сего водились пороки, и поставлены точки. Чортъ ихъ знаетъ, къ чему они ставятъ это многоточіе? Что они хотятъ сказать этимъ? Вѣдь она второй годъ живетъ тамъ?

— Да.

— Ну, и къ чему было посылать ее туда! Будто вы сами не могли ее обучить чему-нибудь? Рукодѣльницу, что ли, вы хотѣли изъ нея сдѣлать? Она, когда была у меня, отличную связала скатерть моей женѣ. Пѣвицу? Она и такъ хорошій голосъ имѣетъ и какъ, бывало, запоетъ «За рѣкой на горѣ» — заслушаешься. Нравственности, что ли, вы ей хотѣли больше придать, такъ ужь это дѣло плохое, коли вы своихъ дѣтей не умѣете воспитать по закону Божію и посылаете въ чужія моря. Хотѣлось бы мнѣ ее увидѣть: поди, похудѣла, перемѣнилась... Э-эхъ, вы!

— Но, братецъ, вѣдь вы сами совѣтовали отдать ее въ монастырь, сказала Марина Осиповна.

— Когда?

— Помните, какъ она у васъ гостила въ послѣднее время.

Вы говорили еще тогда: какая она богомольная; постоянно въ крестовую церковь ходитъ, дома поетъ божественное, какъ архіерейскій пѣвчій; хвалили ее за рукодѣлье. Вотъ вы и одобрили тогда мою мысль отдать ее въ монастырь.

— Я смѣялся, шутилъ, а вы приняли серьёзно... Вы знаете, что я всегда былъ вами недоволенъ за это. Знаете вы это? Супруги молчали.

— А что вы думаете, если она испортилась!

— Боже сохрани!

— Вотъ теперь такъ Боже сохрани. Завтра же уѣзжаю!

Кое-какъ ассесора уговорили пожить еще дня съ три, и уговорили съ тѣмъ, что если завтра отъ Дарьи не получится письма и она не пріѣдетъ сама, то значитъ она ѣдетъ сюда сама; если же не получится письмо и сама она не пріѣдетъ, то, вѣроятно, она у ассесора, и послѣзавтра, конечно, отъ нея получится письмо.

Но Яковлевы были сильно встревожены поступкомъ дочери; слова ассесора казались имъ даже черезчуръ непріятными, и когда они вышли изъ кабинета въ другую пустую комнату, то между ними начался непріятный разговоръ.

— Всему этому ты виновата! началъ Андрей Иванычъ.

— Покорно благодарю! Скажите, чѣмъ это?

— Тѣмъ, что старалась сбыть ее съ рукъ, а вотъ теперь что̀ выходитъ. Она теперь, поди, гдѣ-нибудь голодомъ сидитъ, или умираетъ...

— Не безпокойтесь, не умретъ. Ужь коли она испортилась...

— Молчать!... Я отецъ ей, крикнулъ Андрей Иванычъ.

— Да развѣ я гнала ее изъ дому?

— Ты. Кто все твердилъ: надо ее въ монастырь послать къ теткѣ. А зачѣмъ? Зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы она на глазахъ не терлась. Да скажи мнѣ, ради Христа: много ли твой отецъ далъ за тобой! скотина!... Слава тебѣ Господи, я уже имѣю одного сына становымъ приставомъ, одна дочь замужемъ тоже за приставомъ...

— Очень я испугалась вашихъ ругательствъ. Припомните-ка, не вы ли говорили: теперь меня уволили изъ стряпчихъ, того и гляди отдадутъ подъ судъ, вѣдь вы кое-какъ и то съ помощью вашего братца попали въ винные пристава и вчера получили бумагу...

Андрей Иванычъ махнулъ рукой, сѣлъ на стулъ и закрылъ лицо руками.

— Дуракъ, такъ дуракъ и есть: Даша дѣвушка красивая,

мы ее выдадимъ замужъ, благо жениховъ много у насъ въ городѣ.

— Да! легко сказать выдать. А за кого? За какого-нибудь пьянчужку, мѣщанина...

— А Павловъ развѣ не пьяница?... Сами же вы нашли Марьѣ женишка. А вотъ онъ какой почтительный, и на крестины не пришелъ.

Андрей Иванычъ всталъ, прошелся молча раза четыре по комнатѣ, подошелъ къ окну, взглянулъ въ него. Въ бесѣдкѣ играютъ въ карты исправникъ, казначей, судья и Осипъ Андреичъ; Марья Андревна и Мароа Антоновна смотрятъ на нихъ; недалеко отъ нихъ бѣгаютъ въ лошади дѣти; на дворѣ бродятъ куры, въ помойной ямѣ роется свинья, около нея хрюкаютъ маленькіе поросята. Кучеръ Трифонъ стоитъ за воротами и шепчется съ какою-то женщиной.

— Не во время гость хуже татарина, проворчалъ Андрей Иванычъ, отходя отъ окна.

— А для чего было звать?

— Да будьте вы прокляты!... Сейчасъ поѣду рыбу ловить.

— Андрей Иванычъ! Да въ своемъ ли вы умѣ? Сами зазвали гостей; вечеромъ соберутся казначейша съ исправничихой и дочерями, скрипачи и еще кое-кто, а вы бѣжать... Подумайте, что̀ про насъ говорить станутъ, да и папенька осердится.

— Я поѣду купаться.

— Вотъ выдумали! Простудиться вамъ хочется, что ли? Пошли въ баню — облейтесь.

— По крайней мѣрѣ, помру скорѣе.

— Покорно благодарю! Ишь выдумали... Чѣмъ я буду содержать *вашихъ* дѣтей?

— А-а! чортъ съ вами! сказалъ Андрей Иванычъ, махнувъ рукой и ушелъ въ палисадникъ.

Гости уже знали, что скоро къ Андрею Иванычу пріѣдетъ изъ монастыря дочь Дарья, и поэтому выразили ему свою радость, что скоро увидятъ ее, а добрый отецъ на радостяхъ угоститъ ихъ пирогомъ. По ихъ просьбѣ Андрей Иванычъ пришелъ къ нимъ, но игралъ разсѣянно вплоть до самаго вечера.

Описывать вечеръ не стоитъ. На немъ, кромѣ упомянутыхъ выше лицъ, были жена казначея Раиса Сазоновна, пять дочерей исправника, изъ коихъ самой младшей было восьмнадцать лѣтъ, а старшей тридцать-одинъ годъ, дѣвицъ некрасивыхъ, чахоточныхъ, секретарь и засѣдатель уѣзднаго суда, инвалидный начальникъ, смотритель училища съ двумя учителями и

два скрипача, которые съ девяти часовъ пилили на своихъ скрипкахъ. Подъ эту музыку въ залѣ происходили танцы. Больше всѣхъ былъ веселъ, повидимому, ассесоръ, который то и дѣло танцовалъ съ Марѳой Антоновной, расточая ей любезности и цалуя у ней руку послѣ каждаго танца, такъ что хозяева какъ-будто забыли на время свое горе, и подходя къ играющимъ въ карты, говорили, что дяденька совсѣмъ отбилъ отъ нихъ Осипа жену.

— Ну, и вашъ-то Осипъ тоже не промахъ: съ казначейшей танцуетъ, отвѣчала одна изъ дочерей исправника, какъ бы съ досадой.

Ровно въ два часа гости разъѣхались, а Андрей Иванычъ, уложивши спать дядю, сына и всю семью, ушелъ тоже спать въ садъ въ бесѣдку.

IV.

Отецъ и дочь.

Дѣвушка, показавшаяся вскорѣ по отъѣздѣ отъ Яковлева гостей около будки, пошла по направленію къ Яковлевскому дому. Въ это время, въ половинѣ третьяго часа, ее хорошо было можно различить. Она была средняго роста, худощавая, съ блѣдными щеками, въ которыхъ очень ясно замѣчались ямочки, точно она или мало ѣстъ, или мало ходитъ и изнурена какою-нибудь тяжелою, непріятною работою; большіе голубые глаза глядѣли какъ-то задумчиво-сосредоточенно, съ какою-то въ то же время тревогою, а маленькія ноздри ея немножко неправильнаго носа часто расширялись какъ-будто отъ тяжелыхъ вздоховъ; тонкія губы ея были сжаты какъ-то особенно, точь-въ-точь какъ это дѣлается многими, когда имъ нанесли какую-нибудь обиду и они, какъ говорится, скрѣпя сердце, силятся перенести эту обиду молча. Но, несмотря на это и на то, что изъ-подъ шляпки безпорядочно выпадали на невысокій и неширокій лобъ два-три пучка черныхъ волосъ, несмотря даже на насѣвшую на лицо пыль, лицо это было хотя и не очень красиво, но въ немъ не было нетолько ничего отталкивающаго, напротивъ, оно было привлекательно, такъ что глядя на него, чувствовалась къ этой дѣвушкѣ невольная симпатія и какое-то участіе, словно она въ жизни перестрадала очень много, и много видала людей. Она одѣта просто: на головѣ круглая черная плетеная шляпка, съ коротенькимъ чернымъ вуалемъ, который теперь закинутъ на верхушку шляпки; поверхъ ея

сѣренькаго съ клѣточками ситцеваго платья надѣтъ сѣрый бурнусъ, съ обшивками на карманахъ и обшлагахъ каменными гремушками; на ботинки надѣты кожаныя калоши, но онѣ мало спасаютъ отъ грязи, и ботинки уже посѣрѣли отъ нея.

Не всѣ еще караульщики ушли спать по домамъ. Едва дѣвушка прошла отъ будки пять домовъ и подошла къ углу, какъ съ лавочки, сдѣланной у завалинки, всталъ плотный мужчина, въ старомъ, замаранномъ известкой, картузѣ, съ краснымъ лицомъ, узкими заспанными глазами, въ ваточной женской душегрѣйкѣ, покрытой ситцемъ (родъ шугайчика), въ толстыхъ изгребныхъ синихъ, запачканныхъ въ известкѣ, штанахъ и въ подобіи большихъ калошъ, образовавшихся изъ сапоговъ, отъ которыхъ обрѣзаны голенища. До сихъ поръ онъ сидѣлъ на лавкѣ дремля, а его сучковатая березовая палка и трещотка лежали около него, но разбуженный недавно проѣхавшими гостями Яковлева, онъ зѣвалъ, крестилъ ротъ, почесывался и угрюмо смотрѣлъ на покрывающійся пурпуромъ востокъ. Онъ медленно всталъ, потянулся, взялъ палку и трещотку, и подошелъ къ дѣвушкѣ. Та посторонилась.

Мужчина пристально сталъ глядѣть на дѣвушку.

— А-а! Откуда изволили явиться, барышня? проговорилъ не то съ радостію, не то съ удивленіемъ.

— Здравствуйте, Миронъ Миронычъ! сказала дѣвушка тоненькимъ серебристымъ голосомъ. — Здорова ли Настенька?

— О-охъ, Дарья Андреевна!... Померла прошлую зиму. Крещенской воды выпила — простудилась и померла. А вы, я слышалъ, будто въ монахини постриглись.

— Нѣтъ, я въ родѣ воспитанницы жила.

— Такъ. А то говорили, будто вы ужь совсѣмъ съ собой порѣшили. Моя Наталья и теперь все ворчитъ на вашего батюшку... Не во гнѣвъ будь вамъ сказано, а родители-то ваши больно ужь жестоко поступили съ вами.

— Здоровы ли они?

— Чего имъ дѣлается. Вонъ вчера у нихъ крестины были; всю ночь плясали. Отсюда было слышно, какъ у нихъ скрипки пиликали. Ребенку и шести недѣль нѣту, а они пляску! Срамъ. Для баловъ-то они ужь теперь дѣтей пристроили въ низъ, возлѣ кухни... А вы бы, Дарья Андреевна, пошли ко мнѣ уснули, а завтра къ нимъ; потому, тамъ теперь всѣ спятъ; у всѣхъ поди голова болитъ.

— Покорно благодарю... Я пойду внизъ; не буду тревожить старшихъ.

Дѣвушка поклонилась и пошла; мужчина постоялъ еще немного и ушелъ въ свой дворъ.

«Все такой же!» думала Дарья Андреевна. «А Настя-то! Ахъ, какъ жаль!... Какія мы съ ней пріятельницы были; сколько я отъ родныхъ изъ-за нея непріятностей имѣла: ты, говорили, дворянка, а она дочь мѣщанина, мужичка... Сколько бы я теперь поразсказала всего, что̀ я испытала въ это время. Что-то Иванъ подѣлываетъ?...»

Идетъ она и смотритъ на дома. Все такіе же; никакой перемѣны не замѣтно, только вотъ черемуха да рябина, кажется, подросли немного. И дома все знакомые; во многихъ она бывала, знаетъ, какъ тамъ люди до ея отъѣзда жили. Какъ-то они теперь живутъ? Вонъ въ этомъ домѣ, что направо, дѣвушку Катерину, назадъ тому три года, насильно выдали замужъ за пѣтуха, то-есть такого человѣка, котораго физіономія соотвѣтствовала этому названію: лицо корявое, съ длиннымъ острымъ носомъ, съ рыжими, вѣчно сбитыми волосами; онъ и пьяница и драчунъ. Молодая его жена съ годъ терпѣла побои мужа, потомъ стала отъ него бѣгать, красть, и когда ужь сдѣлалось невтерпежъ, пошла къ ней совѣтоваться: ей хотѣлось убить или отравить мужа, и только она, Дарья Андреевна, удержала ее отъ этого, тѣмъ болѣе, что у нея былъ ребенокъ. Вонъ налѣво живетъ мѣщанинъ-конокрадъ, который уже нѣсколько разъ былъ подъ судомъ, но котораго постоянно выручалъ изъ бѣды ея отецъ, бывши стряпчимъ, за то, что онъ шилъ ему сапоги.

Вотъ и родной домъ, гдѣ Дарья Андреевна родилась и выросла. Отъ воротъ къ серединѣ улицы и посреди ея замѣтны слѣды колесъ; ворота заперты; на скамеечкѣ у заплота никого нѣтъ; легкій вѣтерокъ шевелитъ листья на деревьяхъ, отчего они чуть-чуть шумятъ; гдѣ-то начинаютъ чирикать птички, откуда-то послышалось кваканье лягушки и замолкло... Тихо въ дому, тихо на площади, вокругъ которой насажены березы и въ срединѣ которой стоитъ невысокая и небольшая старинная церковь; лѣвѣе ея, сквозь верхушки березъ, виднѣется багровый полукругъ восходящаго солнца, обливающаго небо кверху и по сторонамъ ало-розовымъ цвѣтомъ... Дарья Андреевна пошла къ углу, обогнула его. Направо и налѣво отъ площади переулка не было, а направо на площадь выходили трехъ и двухъ-оконные старенькіе домишки, съ заплотами, за которыми деревьевъ не видѣлось; налѣво отъ дома Яковлева шелъ садъ трехугольникомъ, такъ что правая сторона церкви была напротивъ сада и какъ разъ противъ церковнаго крыльца изъ-подъ заплота сада вытекалъ маленькій ручеекъ, который

тёкъ дальше по направленію алтаря церкви, и далѣе впадалъ въ небольшой прудъ. За церковью и за оврагами, которыхъ за прудомъ насчитывалось нѣсколько, строеній было уже мало, да и то бо̀льшею частію новыя или недоконченныя и даже рѣдко гдѣ огороженныя. За этими постройками начинается городское кладбище. Дарья Андреевна, помолившись на церковь, подошла къ крайнимъ, ближнимъ къ саду окнамъ дома. Самое крайнее было завѣшано бѣлою занавѣской, и такъ-какъ она была коротка, то еще красною шалью; на окнѣ съ двойными рамами и съ черными рѣшотками стояли между занавѣской бутылка безъ горлышка съ сальнымъ въ немъ огаркомъ и возлѣ нея, какъ-будто бы улика неосторожности кого-то, стоялъ значительно покосившійся и сплющившійся оловянный подсвѣшникъ, два пузырька, щетка и клубокъ съ шерстью. Два другія окна, ближнія къ крыльцу, выходящему на площадь, были до половины замазаны, такъ-что сквозь стекла ничего не видно. Дверь крыльца съ черною круглою дощечкою, на которой было написано: «уѣздный судъ», была заперта. Хотя же въ углу площади у заплота и сдѣлана калитка, но и она тоже заперта изнутри, такъ что ни въ домъ, ни въ садъ не было никакой возможности попасть.

Дарья Андреевна постояла задумчиво нѣсколько минутъ. Сердце ея билось скоро, его точно щемило; въ головѣ ея только и было: «хоть куда чужая! Что̀-то скажутъ?» Она глядѣла то на домъ, то на садъ не то испуганно, не то стыдливо; ей было какъ-то неловко съ ея узломъ; такъ и казалось, что она какъ-будто сама не своя, что она какъ-будто сдѣлала что-то нехорошее и ей нѣчего ждать за свой поступокъ пощады... Ей бросилась въ глаза дыра подъ заплотомъ, откуда течетъ ручеекъ и откуда выползла большая бѣлая лягавая собака, и она пошла туда, но на нее, какъ на непрошеную гостью, накинулась собака съ лаемъ, и она избавилась отъ нея только тѣмъ, что бросила ей небольшой кренделёкъ, который та только понюхала, вильнула хвостомъ и съ лаемъ пошла на средину площади.

«Нѣтъ... такъ только воры лазятъ. А я пришла домой, къ родителямъ», подумала Дарья Андреевна, и ей сдѣлалось такъ грустно, что она едва-едва не заплакала и опять пошла къ дому.

Тамъ, изъ одного угла, закинувши за себя край занавѣски и шали, выглядывала какая-то старая черномазая женщина, съ растрепанными черными волосами, въ рубахѣ и въ янтарныхъ бусахъ на шеѣ. Дарья Андреевна стала подходить къ окну; но женщина вдругъ какъ-будто испугалась и скрылась. Занавѣска

приняла прежнее положеніе. Дарья Андреевна постучалась въ окно. Никто не шелохнетъ занавѣской.

«Это, должно быть, кухарка. Афимью, должно быть, смѣнили, а эта меня не знаетъ», подумала она и хотѣла идти къ воротамъ, а потомъ, если тамъ не достучится, то къ протопопу Сергію, который прежде очень любилъ ее. Вдругъ она услыхала стукъ въ окно.

— Чего тебѣ? послышался оттуда охриплый голосъ.

— Пусти.

— Ты чья?

— Я Дарья Андревна.

Женщина оскалила зубы и быстро исчезла. Немного погодя она отворила калитку, запертую не на замокъ, но на защелку и припертую вмѣстѣ съ воротами толстою жердью на полтора аршина отъ земли.

— Вы... барышня? спросила женщина, вставъ въ дверяхъ.

— Да, я дочь.

— Вы изъ монастыря?

— Дà. Спятъ папаша и мамаша?

— Спятъ поди. Умаялись съ крестинъ-то.

Женщина пропустила Дарью Андреевну, съ любопытствомъ заглядывая ей въ лицо, и засунувъ за скобку жердь, пошла за нею.

Дарья Андреевна хотѣла-было идти наверхъ, но женщина ее остановила.

— Вы туда не ходите—не добудитесь, потому некому отпереть. Какъ этотъ толстопузый гость пріѣхалъ, такъ съ этого хода перестали и днемъ ходить, а ходятъ или съ параднаго или изъ кухни. А вы пожалуйте въ дѣтскую. Что-жь вы, барышня, на крестины-то не пріѣхали? говорила женщина.

— А вы кухарка?

— Кухарка; да не во гнѣвъ будь вашей милости сказано, барыня-то ужь больно привередливая; все не по ей. Обижаетъ очень. Такая, что не приведи Богъ... Нехорошая... Все хочетъ, чтобы ей какъ-нибудь даромъ... А вы хоть ей передавайте, хоть нѣтъ, мнѣ все равно; я никого не боюсь; теперь я не крѣпостная. А што этотъ дворникъ дѣлаетъ, такъ это то же... говорила кухарка. Отъ нея пахло очень рѣзко водкой.

Въ сѣняхъ, откуда вела лѣстница наверхъ, и было два хода въ кухню, въ дѣтскую и кладовыя, въ этихъ сѣняхъ было и грязно и сыро. Дарья Андреевна вошла въ кухню, потому что дверь въ дѣтскую была заперта, а нянька, по отзыву кухарки, спала. Изъ кухни онѣ вошли въ корридорчикъ, въ который

шелъ сверху ходъ, загроможденный какими-то коробками и корзинками, наполненными грязнымъ бѣльемъ и какимъ-то хламомъ; оттуда вошли въ дѣтскую. Въ первой комнатѣ, съ двумя окнами, съ замазанными до половины стеклами въ рамахъ, спали меньшія дѣти Андрея Иваныча и Осипа Андреича: Александра спала разметавшись поперегъ кроватки, свѣсивъ съ нея ножки, и еслибы она еще разъ перевернулась, то непремѣнно упала бы на полъ; противъ нея спала на кровати, лежа на лѣвомъ боку, Марья Андреевна и храпѣла; Владиміръ обнималъ Павла, но они спали такъ тихо, что ихъ дыханія не слышно было; Евлампія спала тоже на отдѣльной кровати. Дарья Андреевна подошла къ сестрѣ, посмотрѣла на нее, и подумавъ: «какъ она потолстѣла», поцаловала ея въ щеку, но Марья Андреевна, утерши щеку рукой, потянулась и перевернулась на другой бокъ.

— Не троньте ея; она всѣ ноги себѣ отплясала. Завтра не добудишься, проговорила кухарка, укладывая Евлампію какъ слѣдуетъ. — Барыня-то ей поручила дѣвочку, а она сама едва до кровати-то добралась. Не хотите ли, барышня, закусить? Хоть барыня-то и велѣла все спрятать, да я малу толику утаила, потому цѣльный день не ѣмши.

— Нѣтъ, я не хочу.

— Поѣшьте, а то завтра обѣдъ-то поздно будетъ, потому этотъ толстопузый поздно обѣдаетъ, а барыня даетъ ѣсть всѣмъ въ одну пору.

Дарья Андреевна отказалась ѣсть.

— Такъ вы лягте.

— Я спала; вы идите спать.

Кухарка что-то проворчала и ушла, крѣпко хлопнувъ дверью.

Въ другой комнатѣ, въ зыбкѣ, прицѣпленной за тонкую жердь, вдернутую въ кольцо у потолка и называемую очепомъ, спалъ ребенокъ; кормилица-нянька тоже спала, храпя на всю комнату; на полу спала какая-то старуха и около нея лежала кошма съ подушкой и чей-то зипунъ. Дарья Андреевна открыла люльку, тамъ спалъ спеленатый ребенокъ, держа во рту рожокъ, положенный на маленькую подушечку. «Какой хорошенькій!» сказала Дарья Андреевна, поцаловала ребенка, который пробудился и заплакалъ. Въ комнату вошла кухарка и стала качать зыбку.

— За всѣми ухаживай! Наняли потаскушу, а она только спитъ... нажрется и спитъ! День-то весь бѣгаешь, какъ толчея, на мѣсто даже не присядешь. Какъ вечеръ придетъ, немного полегчаетъ, думаешь: ночью высплюсь. Анъ вотъ и спи... А еще сама говоритъ: ты, Степанида, въ дѣтской спи. И по ночамъ

сюда ходитъ... Будто я крѣпостная или потаскуша: тутъ ли, молъ, я, не сплю ли! Ей-богу, еслибы не рубль — ушла бы. Да вы лягте.

— Я выспалась.

Ребенокъ замолчалъ и кухарка сѣла на постланное.

— Это вотъ тоже нянька Осипа Андреича, рекомендовала кухарка спящую на полу, лицомъ къ стѣнѣ, женщину.—Ей-богу, еслибы я была помоложе, непремѣнно пошла бы въ няньки. Спи себѣ: дитя не свое. Только ужь у меня нравъ дурацкій: люблю я больно ребятъ, жалко мнѣ, какъ они кричатъ.

Дарья Андреевна, снявши бурнусъ и положивши узелъ, пошла изъ комнаты.

— Вы куда? Не ходите—осердятся: онѣ и такъ даве что-то васъ поминали и сердились, сказала кухарка.

— Я пойду въ садъ.

Дарья Андреевна вышла во дворъ. Тамъ изъ повозки слышался чей-то храпъ; на передкѣ спалъ большой сѣрый котъ. Когда Дарья Андреевна подошла къ повозкѣ, котъ открылъ глаза, и умильно посмотрѣлъ на нее.

— Буско! Бу-уско! ты еще живъ, старичокъ! проговорила она, гладя кота, который при первыхъ ея словахъ хитро глянулъ на нее, но потомъ вскочилъ и убѣжалъ въ каретникъ.

Въ бесѣдкѣ палисадника замѣтны были слѣды вчерашняго развлеченія: на песку валялись окурки папиросъ и сигаръ, скамейки стояли въ безпорядкѣ, на столѣ лежали въ разбросѣ карты и марки, сдѣланныя изъ картъ, и обозначалось два свѣжихъ круга отъ пивныхъ стакановъ. Но въ палисадникѣ хорошо, небо чисто, въ воздухѣ тихо; вѣтерокъ только шевелитъ верхушки деревьевъ, и до низу не проникаетъ; пахнетъ отъ цвѣтовъ,—такъ бы и не вышелъ изъ него; однако, Дарья Андреевна пошла дальше. Лишь только она прошла палисадникъ, передъ нею открылся большой запущенный садъ: какъ природа создала деревья, такъ они и росли, тутъ было всего двѣ аллеи-дорожки: одна по бокамъ сада, около заплота, а другая шла въ серединѣ; вмѣстѣ съ березой росли осина, сосна, тополь, рябина, черемуха и между ними малина; кое-гдѣ просвѣчивала сквозь траву вода, виднѣлись камни, желтенькіе и голубые цвѣточки; крапива и репей росли вездѣ въ огромномъ количествѣ; только и замѣтно было человѣческое вмѣшательство въ томъ, что въ саду кое-гдѣ были насажены яблони, сливы, груши, розы, крыжовникъ, смородина, клубника на грядкахъ и сирени, которыя уже цвѣли. Здѣсь уже замѣтно слышался шелестъ листьевъ, и не совсѣмъ ясно доходило щебетаніе птичекъ, какъ

будто онѣ пѣли гдѣ-то далеко. Разстояніе отъ того мѣста, гдѣ кончался палисадникъ, и до заплота налѣво было занято огородомъ, въ серединѣ котораго стояла деревянная баня съ двумя небольшими окнами въ четыре стекла каждое. Эту баню окружали гряды, сдѣланныя по направленію къ югу и востоку; на нихъ уже начали всходить всевозможные овощи; недалеко отъ заднихъ построекъ устроено нѣсколько парниковъ для огурцовъ, закрытыхъ оконными, негодными къ употребленію, рамами; около заднихъ построекъ сдѣланы тоже гряды, и отъ нихъ поставлены къ постройкамъ тычинки — тутъ ростутъ тыквы и арбузы.

Весело сдѣлалось Дарьѣ Андреевнѣ. «Чего-чего только тутъ не насажено! Каковъ-то нынче будетъ урожай. И какъ хорошо здѣсь, тихо; ничто не мѣшаетъ рости этимъ овощамъ», думала она. Но вотъ застучали копытами лошади, промычала корова, пропѣлъ пѣтухъ. «Здѣсь тихо, здѣсь растенія, а тамъ— тамъ жизнь съ заботами и безпокойствами», проговорила она про себя, и пошла, думая о томъ, какъ она въ тяжелое время, когда ее бранили и корили, уходила въ этотъ садъ лѣтомъ, и ей казалось хорошо, или, по крайней-мѣрѣ, легче дышалось, точно съ ея плечъ сваливалось что-то тяжелое; ей было весело бродить въ этомъ запущенномъ саду съ толстыми, высокими деревьями, и тяжело казалось возвращаться домой, гдѣ ворчатъ, кричатъ и смотрятъ на нее недовольно.

Изъ огорода она пошла въ садъ по узенькой тропинкѣ. Этою тропинкой дошла до пруда, имѣющаго саженъ пятнадцать длины, и въ самой серединѣ саженъ шесть ширины; прудъ тоже былъ запущенный. Вокругъ пруда на полянкѣ ростутъ желтенькіе и голубые цвѣточки, а передъ бесѣдкой на небольшой площадкѣ насажены георгины, настурціи и другіе цвѣты. Вода въ прудѣ покрылась плесенью по краямъ; у противоположнаго берега играетъ рыба и чавкаютъ траву караси.

Дарья Андреевна сѣла къ пруду, закурила папироску и задумалась. Долго она сидѣла въ такомъ положеніи: ей хорошо было; хотѣлось припомнить прошлое, но глаза ея смыкались, вѣтерокъ усиливался, сильнѣе шелестили листья и вѣтви деревьевъ, кустовъ и шевелили ея волосы; солнышко уже не было багрово, а стояло надъ самыми верхушками дальнихъ деревьевъ, и ослѣпительно бѣлымъ, бездоннымъ кружкомъ отражалось въ водѣ. Ничего нейдетъ въ голову; такъ бы и сидѣла тутъ... Вдругъ что-то шевельнулось въ травѣ, и кто-то прыгнулъ въ воду; Дарья Андреевна вздрогнула, но, замѣтивъ лягушку, успокоилась. Опять она задумалась, и вдругъ вскочила: лягушка была недалеко отъ нея, и какъ будто на-

мѣревалась вскочить ей на платье. «Экая противная! Отчего я боюсь ихъ; вѣдь онѣ не кусаются?» подумала она, и сѣла ближе къ бесѣдкѣ. Но не просидѣла она и пяти минутъ, какъ услышала оттуда кашель. Хотя же въ боку бесѣдки и было сдѣлано окно, которое было отворено, но она въ ней никого не замѣтила, потому что бесѣдка съ трехъ сторонъ была окружена густыми кустами шиповника, и ее отсюда изъ-за деревьевъ видно не всю.

Дарья Андреевна вздрогнула, и подошла къ бесѣдкѣ.

Дверь бесѣдки была заперта изнутри на крючокъ; въ полуотворенное окно Дарья Андреевна увидала слѣдующее: Андрей Иванычъ лежалъ на широкой скамейкѣ, на тюфякѣ, покрытомъ простыней; лежалъ онъ на спинѣ въ шерстяномъ, сѣромъ халатѣ и ермолкѣ на головѣ, и курилъ изъ длиннаго чубука, трубка котораго касалась его ногъ. Онъ то глядѣлъ въ потолокъ, шевеля передъ лицомъ пальцами правой руки, то закрывалъ глаза, то скрежеталъ зубами, то морщилъ лицо. Передъ нимъ на столѣ стояли: чернильница съ принадлежностями, бутылка съ какою-то наливкой, тарелка съ огурцомъ и жаренымъ карасемъ, кисетъ съ табакомъ, коробка спичекъ, кусокъ бѣлаго хлѣба, нѣсколько пакетовъ, уже распечатанныхъ, и какое-то письмо. Покуривъ немного, Андрей Иванычъ взялъ со стола письмо и, прочитавъ немного, проговорилъ:

— Каналья! Вамъ только плати деньги!... Отлично! Нѣтъ, я еще самъ поѣду; я съ тебя взыщу за Дарью.

И онъ привсталъ, взялъ бутылку и отпилъ изъ горлышка.

— Я вамъ всѣмъ утру носъ! Это ты врешь, что она убѣжала...

— Папаша... проговорила робко Дарья Андреевна.

Яковлевъ вздрогнулъ, перекрестился и посмотрѣлъ въ окно. Тамъ стояла Дарья Андреевна.

— Даша! ты ли это? привставъ, проговорилъ отецъ.

— Я, папаша.

Яковлевъ отперъ дверь.

— Папаша, простите ли вы меня!... сказала Дарья Андреевна, и заплакала.

Андрей Иванычъ обнялъ дочь, поцаловалъ и самъ заплакалъ.

— Милая ты моя... Какъ ты это... А! говорилъ онъ, смотря на дочь.

— Терпѣнія не хватило, папаша. Послѣ я вамъ все разскажу... Вы на меня не сердитесь за то, что я уѣхала оттуда?

— Вотъ еще... А ты что̀ же не написала?

— Я писала... Я думала, вы знаете все.

— Да я ничего отъ тебя не получалъ ужь съ полгода и сердился; а Марина Осиповна все говорила, что ты нарочно не хочешь писать.

— Это, папаша, настоятельница перехватывала письма. Я узнала ужь послѣ того, какъ отправила съ служителемъ къ вамъ письмо. Я тогда писала, что мнѣ не хочется больше жить въ монастырѣ; вотъ она дня черезъ два и давай меня пилить, что я негодная дѣвчонка, веду себя нехорошо, смущаю другихъ воспитанницъ и молодыхъ монахинь, ничего не дѣлаю, развратничаю, обжираюсь...

И она заплакала.

Андрей Иванычъ сжалъ кулаки, опять выпилъ изъ бутылки и закусилъ рыбой.

— У васъ, папаша, и вилки-то нѣту. Я пойду принесу.

— Не надо... А то опять не оберешься укоровъ. Ну, а деньги-то у тебя были ли?

— Виновата, папаша, я заняла у старушки-чиновницы пять рублей, и до губернскаго города ѣхала съ обозами.

— У Кузьмы была?

— Два дня пробыла... И что̀ за жизнь, папаша, Кузьмѣ! Утромъ встанетъ — сапоги надо вычистить самому, потомъ переписать кое-что, послѣ обѣда дѣтей обучать, вечеромъ опять бумаги переписывать...

— Нельзя: Платоновы намъ всегда пригодятся.

— Но, папаша, Кузьма говоритъ, что ему некогда готовить свои уроки. Вотъ его хотятъ оставить въ пятомъ классѣ еще на годъ.

— А что̀ жь такое? Стукнетъ ему семнадцать лѣтъ, и на службу опредѣлимъ.

— Все же бы лучше, еслибы онъ кончилъ въ гимназіи.

— Онъ и теперь ужь много знаетъ, и теперь ужь у него въ письмахъ замѣтна какая-то прыть и самонадѣянность. Ипполитъ ужь обѣщаетъ ему мѣсто помощника въ своемъ отдѣленіи, а это много значитъ, матушка. Нынче и чиновники безъ мѣстовъ шляются. Вотъ что. Надо успѣвать, покуда я живъ, да дядя на службѣ; а онъ вездѣ можетъ мѣсто выпросить. Вотъ хоть бы я теперь: изъ стряпчихъ уволили, отдали-было подъ судъ, да спасибо дядя похлопоталъ, освободили отъ суда, и вотъ я теперь винный приставъ. Была ты у Анны Николавны?

— Была, да она такъ сухо приняла меня, что я недолго у нея сидѣла.

— Напрасно. Ты ей должна всячески угождать; она хотя и

чваплива барыня, съ душкомъ, но для тебя всегда пригодится.

— Не думаю.

— То-то вотъ и скверно, что вы съ любезнымъ братчикомъ все по своему... Это нехорошо. Ссориться никогда не слѣдуетъ, потому что ты еще и жить-то не начала, все тебя еще, такъ-сказать, на помочахъ держатъ..

— Я, папаша, хочу попытаться жить сама собой, проговорила чуть слышно отъ робости Дарья Андреевна.

— Ты должна то имѣть въ виду, что вѣдь у меня заваляшихъ денегъ нѣтъ; ей-Богу, у меня всего капиталу три серіи, да рублей съ пятьдесятъ мелкими... И удивительнаго тутъ нѣтъ ничего, если взять во вниманіе, что у меня что ни годъ, то ребенокъ, а ребенка-то надо тоже кормить, воспитать, пристроить къ мѣсту. А это дѣлается не духомъ святымъ, за каждую малость надо платить деньгами, а тутъ еще дыры по службѣ, и каждая такая дыра замазывается сотней, а гдѣ и побольше.

Андрей Иванычъ замолчалъ и опять выпилъ.

Дарья Андреевна слушала отца со вниманіемъ. Она не плакала, но лицо ея было серьёзно. Ей казалось, что отецъ читаетъ ей нотацію, и въ то же время излагаетъ свое горе и выворачиваетъ передъ нею душу, чего съ нимъ прежде не бывало. «Господи», подумала она: «какъ онъ опустился». Правда, онъ и прежде пилъ много; но тогда онъ рѣдко говорилъ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ домочадцевъ. Неужели отецъ дошелъ до такой бѣдности?

— Ты ни съ кѣмъ еще не видалась здѣсь? спросилъ послѣ выпивки Андрей Иванычъ.

— Нѣтъ, папаша. Правда, я видѣла Машу, но она спитъ, и я не стала ее будить. Нянька или кормилица тоже спитъ.

— Ну, ничего. А ты бы легла съ дороги-то; я уйду, лягу въ каретникъ или повозку.

— Нѣтъ, я спала.

— Ну, полно. Къ намъ пріѣхалъ дядя; онъ хочетъ тебя съ собой взять. Но я не хочу, чтобы ты уѣхала такъ скоро.

— Мнѣ, папаша, вовсе не хочется гостить у него.

— Глупости говоришь.

— Я, папаша, хочу сама попробовать жить: я буду шить на сторону...

— Что̀ такое? Я что-то не разслышалъ.

— У меня въ городѣ Соколѣ есть знакомая дѣвица-чиновница, такъ она шьетъ на гостиный дворъ.

— И живетъ непремѣнно на содержаніи, какъ у нашего засѣдателя Петрова?

— Нѣтъ, папаша, она живетъ съ матерью, бѣдною старушкою.

— Да ты сумасшедшая, что̀ ли? Ты, дочь бывшаго стряпчаго, и вдругъ будешь шить на продажу! Господи! вотъ я до чего дожилъ!... Моя дочь, моя кровь и плоть — работница! Не будешь ли ты еще чулки вязать на продажу? бѣлье стирать? почти кричалъ отецъ. Щоки его побагровѣли.

Дарья Андреевна не нашлась, что̀ отвѣтить отцу. Скажи она еще какое-нибудь слово въ защиту своего плана, она бы услышала или проклятіе, или еще что-нибудь хуже. Отецъ становился золъ.

— Говори! Говори, кто тебя научилъ такимъ822 бреднямъ?... А! тебѣ не нравится отецъ! Нѣтъ... Боже мой!! Уже не правда ли все то, о чемъ мнѣ пишутъ.

Дарья Андреевна встала на колѣни, заплакала и сквозь слезы проговорила:

— Папаша, хоть вы-то не обижайте меня.

— Скажите! А ты меня не обидѣла?

— Я только сказала, что̀ думаю. Я потому такъ думаю, что видала многихъ женщинъ, которыя и безъ мужей зарабатываютъ себѣ хлѣбъ.

— И я знаю ихъ: то крестьянки, мѣщанки, развратницы. Прошу выкинуть изъ головы подобныя намѣренія, и никому не смѣть высказывать ихъ. Въ противномъ случаѣ я тебѣ не отецъ и ты мнѣ не дочь... Часъ отъ часу не легче! проговорилъ отецъ, выходя изъ бесѣдки.

— Папаша...

Отецъ остановился.

— Я пойду въ домъ.

— Тамъ всѣ спятъ. Ради-Бога, ты никому не высказывай своихъ бредней... Я сейчасъ принесу тебѣ вина и закуски какой-нибудь, потомъ ты ляжешь спать. Я скажу всѣмъ, чтобы тебя не будили... Вѣдь кромѣ кухарки, никто еще не знаетъ, что ты здѣсь. Надо ихъ приготовить.

И онъ ушелъ.

V.

Мѣщанское воспитаніе и чиновничій гоноръ господъ Яковлевыхъ.

Фамилія Яковлевыхъ въ Ильинскѣ издавна если не играла особенно-видной роли, то была въ почетѣ и уваженіи. Такъ

прадѣдъ нынѣшнихъ Яковлевыхъ хотя былъ просто дьячокъ, но всѣ его уважали за доброту, услуги и простоту. Такого добряка, говорятъ, никогда еще не бывало въ родѣ Яковлевыхъ. Дѣдъ нынѣшнихъ Яковлевыхъ былъ дьяконъ, отецъ мѣщанинъ, который сперва торговалъ въ городѣ мукой, крупой и въ голодные дни снабжалъ бѣдныхъ горожанъ грошовыми подачками, а потомъ послѣ пожара, уничтожившаго весь его товаръ, все имущество и деньги, поселился въ слободѣ, гдѣ его отецъ, страстный рыболовъ, имѣлъ свой домъ. Здѣсь-то вотъ и родился Андрей Иванычъ и прожилъ тутъ восемь лѣтъ до тѣхъ поръ, когда его отецъ, разбогатѣвши торговлей рыбой, сдѣлался купцомъ и переѣхалъ ради своихъ разсчетовъ и прибылей въ городъ. Бѣдность отца, котораго не очень долюбливали родные за то, что онъ промѣнялъ духовное званіе на мѣщанство, пока онъ былъ бѣденъ, значительно тяготила его большое семейство, и много вліяла на характеръ маленькаго Андрея. Его постоянно били, мало кормили и больше держали на улицѣ, такъ что къ восьмому году Андрей Иванычъ совсѣмъ отбился отъ дому, бѣгалъ, игралъ и плакалъ съ ребятами, буянилъ, дрался, лгалъ и воровалъ наравнѣ съ прочими мѣщанскими дѣтьми и наравнѣ съ ними получалъ за свою удаль побои. Еще къ восьми годамъ онъ научился презирать барчей, и для него было большимъ удовольствіемъ что нибудь напакостить въ городѣ, хотя бы, напримѣръ, разбить окно. И чѣмъ больше его драли за это, тѣмъ больше его тянуло въ городъ. Лишившись матери на четвертомъ году, онъ находился подъ опекой мачихи, которая его нисколько не любила, и поэтому рано возненавидѣлъ и мачиху и тетушекъ, и всю женскаго пола родню, а отъ своихъ сестеръ, которыхъ у него было двѣ, ему нечего было ждать чего нибудь хорошаго, такъ-какъ онъ былъ старше. Его не любили всѣ родные, которые находились въ Ильинскѣ: всѣ видѣли въ немъ какого-то сорванца, котораго опасно пустить въ домъ. Въ Ильинскѣ же росъ двоюродный братъ Андрея, Ипполитъ, но Андрей ненавидѣлъ его за то, что онъ сынъ исправника, а Ипполитъ презиралъ Андрея, какъ сына мѣщанскаго. Но, несмотря на такой буйный характеръ, Андрей былъ мальчикъ ловкій, смышленый, бойкій и къ восьмилѣтнему возрасту уже зналъ четыре правила ариѳметики, хорошо читалъ и умѣлъ писать, тогда какъ Ипполитъ только что на девятомъ году сталъ учить азбуку. Когда же отецъ сдѣлался купцомъ и переѣхалъ въ городъ, то Андрею до того стало противно жить въ городѣ, гдѣ приходилось глазѣть только на стѣны домовъ, и не было такого простора, какъ вблизи самой

рѣки и на рѣкѣ, что онъ черезъ недѣлю убѣжалъ въ слободу, гдѣ его насилу съискали. Послѣ этого онъ часто бѣгалъ, его приводили назадъ, наказывали и запирали въ комнату, какъ преступника.

Судя по этому, можно было заключить, что мальчику никогда не придется быть чиновникомъ. Но вышло напротивъ, и тому причиной было одно обстоятельство, устроившее его судьбу иначе. Записавшись въ купцы, отецъ его года два ни съ кѣмъ не хотѣлъ подружиться, хотя и поневолѣ долженъ былъ имѣть сношенія съ чиновниками, когда бралъ различные подряды. Онъ былъ человѣкъ практическій, но за то плохо смыслилъ въ письмѣ и его очень легко было напоить до пьяна, уговорить, выпросить денегъ или подбить на какое-нибудь рискованное дѣло. Вотъ онъ и захотѣлъ обучить своего сына грамотѣ, т.-е. обучить его въ губернскомъ городѣ какимъ нибудь наукамъ. Онъ сталъ съ нимъ ласковѣе, заставлялъ читать разные документы и постоянно твердилъ ему, что изъ него выйдетъ хорошій человѣкъ, если онъ выучится разнымъ наукамъ въ гимназіи, и будетъ даже въ тысячу разъ лучше Ипполита, который ровно ничего не понимаетъ и котораго отецъ уже метитъ на свое мѣсто. Онъ ему наговорилъ такъ много, что мальчикъ воображалъ уже себя губернаторомъ и съ охотою согласился ѣхать въ губернскій городъ. Когда онъ прожилъ въ губернскомъ городѣ три года, то вполнѣ уже свыкся съ идеей о чиновнической карьерѣ. Онъ видѣлъ, что молодые люди, по выходѣ изъ гимназіи, тотчасъ же дѣлались чиновниками, получали хорошее по тому времени жалованье, женились на богатыхъ, и вездѣ имъ оказывали почетъ; что, напротивъ того, мѣщане никогда не смѣняли своего халата и кафтана, хвастались только своею удалью, а въ сущности находились въ подчиненіи у чиновниковъ. Кромѣ этого, дѣтей мѣщанина даже не принимали въ гимназію, какъ будто бы имъ не дозволялось знать тѣ науки, какія имѣютъ право знать дѣти дворянъ. Все это начинало кружить голову мальчику, хотя ему и тяжело было навсегда разстаться съ привольной мѣщанскою жизнію, съ роднымъ городомъ и съ привольною рѣкой. Онъ часто ссорился съ товарищами изъ-за происхожденія, но постепенно убѣждался, что чиновникомъ быть гораздо лучше, чѣмъ мѣщаниномъ. Съ чиновника не берутъ никакихъ податей, отъ него не требуютъ рекрута, онъ можетъ разъѣзжать свободно куда хочетъ, покупать землю гдѣ хочетъ, можетъ быть и важнымъ человѣкомъ. Несмотря, однакожъ, на то, что онъ пробылъ въ гимназіи четыре года и ему пошелъ шестнадцатый годъ, ученіе подвигалось тихо, такъ что на пятый годъ онъ перешелъ только въ третій классъ вмѣстѣ

со своимъ двоюроднымъ братомъ, Ипполитомъ, котораго переводили не за то, что онъ хорошо учился, а потому, что отецъ его платилъ кому слѣдуетъ; кромѣ этого, Ипполита никогда не наказывали, а Андрей Иванычъ рѣдкую недѣлю избѣгалъ наказаній за лѣность, шалости и грубости. Поэтому они съ Ипполитомъ не были дружны. Но тутъ случилось съ отцомъ Андрея Иваныча несчастіе: онъ оборвался на подрядахъ, продалъ домъ и умеръ. Послѣ его смерти нашлись кредиторы, которые постарались забрать все, что̀ было поцѣннѣе, и даже продали его домишко въ слободѣ. Андрею Иванычу пришлось жить у дяди, Аполлона Андреича, котораго въ это время перевели изъ Ильинска въ губернскій городъ. И вотъ тутъ-то онъ узналъ, что̀ значитъ жить въ чужихъ людяхъ, которыхъ онъ съ ранняго дѣтства ненавидѣлъ, что̀ значитъ чужой хлѣбъ. Жена дяди была женщина старая, злая. Происходя изъ дворянскаго рода, она била своихъ крѣпостныхъ людей, а съ своими дѣтьми обращалась холодно-ласково; она больше была привязана къ дочерямъ, чѣмъ къ сыновьямъ, но ни у тѣхъ, ни у другихъ не было ни гувернантокъ, ни учителей, и только уже переселившись въ губернскій городъ отецъ нанялъ учителя изъ уѣзднаго училища, для всѣхъ шестерыхъ дѣтей за десять рублей въ мѣсяцъ. Имѣніе у тетки было небольшое, да и изъ него до половины крѣпостныхъ разбѣжалось, а остальные большею частію могли выплачивать оброкъ только натурой, поэтому она частенько обращалась къ мужу за деньгами. Не будь этого послѣдняго обстоятельства, т.-е. будь она богата, она бы, конечно, и мужа взяла въ руки. Дядя Андрея Иваныча, впрочемъ, сознавалъ, что должности свои онъ получалъ черезъ жену, и потому уступалъ ей во многомъ. Вообще, въ домѣ большею частью все дѣлалось по ея волѣ, а мужъ жилъ у нея какъ гость или нахлѣбникъ. Все шло хорошо для него: онъ былъ сытъ, спалъ вдоволь, жена есть, должность хорошая, прислуга боится, на службѣ тоже, начальство благоволитъ. Что же еще? Самъ онъ былъ человѣкъ простой, добрый, и только когда дѣло касалось до платы или вообще до денежныхъ разсчетовъ, то становился скупъ и золъ. Онъ никому не давалъ денегъ даромъ, а если давалъ, то за дѣло, да и то торговался хуже еврея и поэтому даже никогда не игралъ въ карты на наличныя деньги. И въ этомъ случаѣ если онъ выигрывалъ, то деньги бралъ, если проигрывалъ, то не отдавалъ. И вотъ тутъ-то и поселился Андрей Иванычъ.

Онъ жилъ въ отдѣльной комнатѣ, съ дядиной семьей не сообщался, а ѣлъ въ кухнѣ. Прислуга надъ нимъ смѣялась, называла нищимъ, отпускала на его счетъ разныя остроты и

насмѣшки и выводила его изъ терпѣнія. Онъ сдѣлался задумчивъ, вспыльчивъ, молчаливъ; товарищи его не веселили, напротивъ надоѣли ему, прислуга злила. Иногда, онъ думалъ: мѣсто ли ему, гимназисту, будущему чиновнику, обѣдать въ кухнѣ? Отчего его двоюродный братъ обѣдаетъ съ отцомъ?.. Ему, впрочемъ, и неловко бы было обѣдать у такихъ баръ, какъ его дядя съ женой и родственниками, но его уже брала зависть; его обижали. Онъ сознавалъ, что его кормятъ и содержатъ, какъ нищаго, для того, чтобы Богъ простилъ грѣхи или послалъ еще больше довольства и счастія, что̀ ему почти каждый день и высказывалъ Ипполитъ. Учиться онъ сталъ плохо, сталъ бѣгать изъ дому и изъ гимназіи, то къ мѣщанамъ на прежнія квартиры, то къ рѣкѣ. Его стали наказывать. Онъ сказалъ дядѣ, что его обижаетъ прислуга и Ипполитъ; дядя сдѣлалъ тѣмъ выговоръ, но это только раздражало ихъ еще хуже и они грозились сдѣлать съ нимъ какую-нибудь штуку. Андрей Иванычъ убѣжалъ въ Ильинскъ и поселился въ слободѣ. Дядя сталъ требовать его въ губернскій городъ, но его не пустилъ протопопъ Третьяковъ, женатый на дальней родственницѣ дяди. Эта родственница въ послѣднее время изъ-за чего-то разсердилась на брата Апполона, и когда ей Андрей Иванычъ разсказалъ о своемъ житьѣ у дяди, то протопопъ согласился взять Андрея Иваныча къ себѣ, и помѣстилъ на службу въ уѣздный судъ.

Такимъ образомъ Андрей Иванычъ избавился отъ вліянія дяди чиновника, и не кончивши курса въ гимназіи, поступилъ на службу.

О службѣ говорить много нечего. Все, что̀ есть грязнаго, пьянаго, безчестнаго и подлаго,—все это было какъ будто отмѣчено на лицѣ каждаго дѣятеля этого времени. И вотъ въ этомъ-то вертепѣ, долженъ былъ начать свою жизнь молодой гимназистъ, изучать законы, исполнять эти законы не такъ, какъ требуетъ совѣсть, а какъ вздумается секретарю, членамъ и судьѣ. На первыхъ порахъ, ему, проведшему дѣтство среди мѣщанъ, видѣвшему многихъ бѣдняковъ и знающему, за что его товарищи слободчане не любили приказныхъ, было жутко въ этой ямѣ; его мѣщанская кровь, казалось, какъ будто застывала при видѣ арестанта въ кандалахъ. Иному человѣку съ такими задатками не прожить бы въ этомъ мѣстѣ и недѣли, но Андрей Иванычъ крѣпился, служилъ и даже сталъ брать деньги за написаніе кому-нибудь прошенія или копіи, или выписки изъ дѣла. Онъ понялъ, что въ судѣ такими мелкими людьми какъ столоначальникъ всѣ пренебрегаютъ, и что начальники, чтобы

удержаться подольше на мѣстахъ, должны посылать въ губернскій городъ, а для этого нужно брать чѣмъ попало. Значитъ, взятка существуетъ вездѣ. Если начальство беретъ, надо и писцу брать, рѣшилъ Андрей Иванычъ. И онъ далеко перегналъ въ этомъ своихъ товарищей. Сдѣлавшись столоначальникомъ, онъ сдѣлался врагомъ своихъ писцовъ. Служащіе его не любили какъ выскочку, какъ наушника, хотя онъ жаловался судьѣ только на такихъ, которые постоянно пьянствовали; всѣ въ немъ видѣли барина, живущаго у протопопа и человѣка богатаго, такъ-какъ онъ былъ надсмотрщикомъ крѣпостнаго стола и приходорасходчикомъ, чего не могли добиться люди, служащіе въ судѣ нѣсколько лѣтъ. Но онъ только отмалчивался, и на третій годъ своей службы уже ворочалъ всѣмъ судомъ, такъ что ни секретарь, ни судья ничего не могли сдѣлать безъ него.

Выросши среди мѣщанъ и зная ихъ бытъ вполнѣ, онъ хотѣлъ быть богатымъ, большимъ человѣкомъ. Полученный чинъ еще больше прибавилъ ему самоувѣренности. Онъ гордился передъ родными и связи его съ мѣщанствомъ были порваны. Хотя нѣкоторые изъ его прежнихъ друзей и надѣялись на защиту Андрея Иваныча, но онъ только обѣщалъ на словахъ, потому что онъ зналъ, что если будетъ тянуть сторону мѣщанъ, то ему придется порѣшить съ службой. Къ деньгамъ онъ имѣлъ страшную жадность и не брезговалъ, если ему давали рубль. Онъ отказывалъ себѣ въ удовольствіяхъ, винѣ, картахъ и т. п., соблюдалъ посты, питаясь больше тѣмъ, что̀ дешевле, былъ богомоленъ и робокъ съ женскимъ поломъ. За всѣ эти качества дамы его любили, дѣвицы млѣли, думая, кого-то изъ нихъ онъ выберетъ себѣ въ подруги жизни. Но Андрей Иванычъ смотрѣлъ на бракъ какъ на увеличеніе капитала, на обезпеченіе въ будущемъ, и поэтому женился на купеческой дочери, за которою и взялъ настоящій домъ и двѣ тысячи денегъ. Этотъ бракъ еще больше поднялъ его въ Ильинскѣ и онъ сталъ окончательно недоступенъ для бѣдныхъ мѣщанъ. Но поселившись въ небольшомъ домикѣ съ женою и ея родными, онъ зажилъ скромно, попрежнему; попрежнему копилъ деньги, соблюдалъ посты, ходилъ въ церкви, не игралъ въ карты и только по необходимости устраивалъ обѣды и вечера въ дни своихъ и жениныхъ имянинъ. У него сложилось двѣ жизни: одна дома, мѣщанская, въ судѣ чиновничья. Все — начиная съ того, что онъ ходилъ дома или въ халатѣ или безъ халата и кончая тѣмъ, что жена безъ его спроса боялась куда-нибудь идти или что-нибудь купить для себя, все пахло мѣщанствомъ, съ тою

только разницею, что это мѣщанство было сытое. Но на службѣ онъ былъ вполнѣ чиновникъ: тамъ онъ оскорблялся, если писецъ начиналъ заявлять свои права, велъ себя съ достоинствомъ, говорилъ свысока, передъ начальствомъ стоялъ прямо, глядѣлъ прямо и за словомъ у него дѣло не останавливалось; на службѣ у него и походка была другая, чѣмъ дома: онъ ходилъ мелкимъ шажкомъ, выпятивъ животъ впередъ, держа голову немножко на лѣвое плечо и глядя искоса къ верху. Онъ считался отличнымъ дѣльцомъ; съ нимъ постоянно совѣтывались, и бѣда была бы тому, еслибы кто обидѣлъ его. «Въ бараній рогъ согну!» думалъ онъ, и ему дѣйствительно сдѣлать это было легко. Чтобы не утомлять читателя, я скажу, что современемъ его вражда къ Ипполиту охладѣла и они помирились окончательно тогда, когда дядя выхлопоталъ ему должность стряпчаго, а Ипполитъ прослужилъ года два въ Ильинскѣ окружнымъ начальникомъ.

Андрей Иванычъ былъ женатъ три раза. Первыя двѣ жены были женщины робкія, боявшіяся своего мужа, и все въ домѣ дѣлалось такъ, какъ хотѣлъ Андрей Иванычъ. Дѣти воспитывались строго; мальчики готовились въ чиновники, дочери въ жены чиновниковъ. Но нынѣшняя его жена Марина Осиповна, о которой я скажу подробнѣе впослѣдствіи, много повліяла на его характеръ. При выходѣ замужъ ей было девятнадцать лѣтъ; она была капризна, самолюбива и горда тѣмъ, что отецъ у нея купецъ и она теперь жена стряпчаго, забывая, что младшая ея сестра въ то же время была замужемъ за пьюгой мѣщаниномъ — сидѣльцемъ въ питейномъ заведеніи, а отецъ прежде былъ тоже мѣщаниномъ, и даже два раза сидѣлъ въ тюрьмѣ. Ужь какъ вышло, что Андрей Иванычъ женился на дочери такого человѣка, онъ и самъ бы не разрѣшилъ; только тогда Зиновьевъ былъ въ славѣ, а за Мариной Осиповной Яковлевъ еще и при жизни второй жены пріударялъ—значитъ, онъ любилъ ее. А такъ-какъ послѣ смерти жены ему нужна была хозяйка въ домѣ, а Зиновьевъ былъ съ нимъ связанъ по одному каверзному дѣлу, то онъ, недолго думая, и женился на его дочери. Марина Осиповна сразу забрала не только своего супруга, но и всѣхъ дѣтей въ руки, и все стало дѣлаться такъ, какъ она хотѣла, а Андрей Иванычъ только помалчивалъ, потому что былъ сытъ, пользовался хорошимъ сномъ и вожделѣннымъ здравіемъ, въ домѣ было тихо, никто ни на кого не жаловался, и всѣ находили, что Марина Осиповна отличная хозяйка. Дѣтей Андрея

Иваныча Марина Осиповна не любила, но не высказывала этого прямо, и даже заботилась, чтобы они были сыты, одѣты и обращались за всѣмъ къ ея особѣ, а она уже съ своей стороны обращалась къ мужу за деньгами, изъ чего извлекала для себя выгоду. Напримѣръ, подходитъ праздникъ, она и говоритъ Андрею Иванычу, что Марьѣ нужно салопчикъ сшить.

— Подождемъ. Вотъ поѣду на ярмарку въ Краснослободскъ, тамъ посмотримъ.

— Нечего смотрѣть: нынѣ мѣха годъ отъ году дороже становятся.

— Ну, купи изъ своихъ денегъ.

— Очень мнѣ нужно: вы бы еще пять разъ женились, народили штукъ двадцать ребятъ.... Съ какой стати я стану вашихъ дѣтей одѣвать; у меня свои могутъ быть.

Подумаетъ Андрей Иванычъ и рѣшитъ, что она пожалуй и права. Не дастъ онъ денегъ, она цѣлую недѣлю не говоритъ съ нимъ слова, младшія дѣти ходятъ въ грязномъ бѣльѣ, всѣ невеселы, кушанье не по вкусу. Дастъ денегъ, и все опять попрежнему: жена ласковая, даже веселая, всѣ ходятъ нарядные, кушанья—ѣшь не хочу. Весело Андрею Иванычу и не нарадуется онъ...

Такимъ образомъ, несмотря на то, что у Андрея Иваныча были доходы, деньги у него не залеживались, потому что онъ тратилъ ихъ на обученіе сыновей, на подарки въ губернскій городъ, на платья и приданое дочерямъ. Современемъ онъ потолстѣлъ, сдѣлался лысъ, и втянулся въ водку до того, что пилъ запоемъ цѣлыя недѣли, не занимаясь дѣлами, и этимъ тоже пользовалась его супруга. А тутъ его отдали подъ судъ и уволили, но черезъ полгода освободили и по протекціи Ипполита Аполоновича онъ попалъ на должность виннаго пристава. Полгода бездѣлья значительно отразилось на его характерѣ: онъ сталъ придирчивъ, больше сталъ пить, подпалъ вліянію Марины Осиповни больше прежняго, по цѣлымъ часамъ бродилъ съ трубкой по саду или лежалъ тамъ въ бесѣдкѣ, сдѣлался богомоленъ до того, что учредилъ у себя въ домѣ нѣчто похожее на молельню, такъ, что все семейство, какъ сказано уже выше, должно было собираться въ залы утромъ, передъ обѣдомъ, ужиномъ и сномъ и молиться, а потомъ поздравлять, цѣловать, благодарить и прощаться съ нимъ и его женой. Съ этихъ поръ, болѣе прежняго, стали соблюдаться посты, поминки, заговѣнья и тому подобные обряды, соблюдаемые сытымъ мѣщанствомъ, и болѣе прежняго

онъ требовалъ отъ другихъ уваженія къ себѣ и его семейству; такъ, въ церкви становился въ первый рядъ съ городничимъ и другими лицами и обижался, если дьячокъ подносилъ ему не цѣлую, а только половину просфоры, а когда причищался, то непремѣнно въ страстную субботу послѣ городничаго и первымъ подводилъ свое семейство; обижался, если духовенство пріѣдетъ съ крестомъ послѣ обѣда, не давалъ руки судейскимъ столоначальникамъ, обижался если на рынкѣ какой нибудь торгашъ не кланялся ему низко и т. д.

Изъ дѣтей своихъ онъ больше всѣхъ любилъ Осипа и Дарью, и любилъ по своему. Осипа любилъ за то, что тотъ всегда его слушался, хорошо учился и скоро получилъ мѣсто становаго пристава. Хотя же Осипъ Андреичъ былъ и умнѣе отца, зналъ болѣе его, но Андрей Иванычъ говорилъ всѣмъ, что все это сыномъ заимствовано отъ него, и доказывалъ это тѣмъ, что сынъ, еще обучаясь въ гимназіи, умѣлъ сочинять какія угодно рѣшенія по уголовнымъ дѣламъ. Если же Осипъ Андреичъ и дозволялъ себѣ при отцѣ вольнодумничать, то отецъ на это не обращалъ вниманія, потому что Осипъ умѣлъ себя вести хорошо во всякомъ обществѣ и въ это время ради моды многое позволялось говорить. При всемъ этомъ отецъ зналъ, что сынъ ни за что не позволитъ ни словомъ, ни дѣломъ унизить или скомпрометировать отца и даже себя. Такъ что, несмотря на свою ученость, сынъ рѣдко перечилъ отцу, и если между ними заходили споры, то въ большинствѣ случаевъ сынъ уступалъ. Дарью Андреевну отецъ любилъ съ дѣтства. Сначала она была хилымъ ребенкомъ, но, несмотря на то, что многія дѣти у Андрея Иваныча умирали, ему почему-то не хотѣлось, чтобы она умерла. Послѣ смерти первой жены онъ часто бралъ ее къ себѣ на руки, и, что̀ бывало съ нимъ очень рѣдко, даже напѣвалъ ей пѣсни. Когда она подросла, онъ съ особенною лаской обращался къ ней, называя ее милочкой и красавицей, а въ хорошемъ расположеніи духа говорилъ своимъ роднымъ, что у него Дарья всѣхъ красивѣе въ городѣ и непремѣнно выйдетъ замужъ за хорошаго чиновника. Если онъ ѣздилъ въ губернскій городъ, то постоянно привозилъ ей чего-нибудь. Онъ не любилъ, когда онъ занятъ въ своей канцеляріи, чтобы къ нему за чѣмъ нибудь приходили дѣти, но если приходила Дарья, онъ клалъ перо и готовъ былъ пуститься съ нею въ длинныя разсужденія. Если который нибудь изъ дѣтей хворалъ — онъ говорилъ женѣ: э, пройдетъ! А если у Дарьи лицо было черезчуръ красно или очень блѣдно, онъ безпокоился и спрашивалъ, здорова ли она, и когда Дарья была больна, онъ призывалъ доктора. Противъ

обыкновенія онъ даже самъ училъ ее шутя писать и потомъ заставлялъ ее что нибудь прочитать изъ книжки веселаго или религіознаго содержанія. Зная, что Марина Осиповна не любитъ ее, онъ, скрѣпя сердце, рѣшился послать ее въ монастырь, и то больше потому, что замѣчалъ, что она очень много читаетъ романовъ и повѣстей. Къ тому же его денежныя дѣла были плохи и онъ надѣялся, что подъ покровительствомъ игуменьи, Дарья найдетъ себѣ хорошаго жениха, — хотя бы даже и изъ духовенства. Ему очень хотѣлось имѣть зятемъ какого нибудь кончившаго курсъ въ академіи.

И вдругъ его любимая дочь сказала ему, что она хочетъ сама себѣ заработывать хлѣбъ!.. Ну, не обида ли это?.. Видан-ное ли это дѣло, чтобы его дочь, дочь чиновника, виннаго пристава, имѣющаго въ Ильинскѣ большой каменный домъ съ большимъ садомъ, вдругъ стала работать на чужихъ, можетъ быть, даже и на людей нечиновныхъ? Что скажутъ объ этомъ люди?.. Нѣтъ, она должна быть женою чиновника, а не какою нибудь швеей-работницей.

Такъ думалъ Андрей Иванычъ ходя по саду.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Задумчиво изъ лона водъ
Взглянула въ вышину лилея
И видитъ: мѣсяцъ, пламенѣя,
Въ лучѣ привѣтъ любви ей шлетъ.

Стыдясь, она головкой бѣдной
Склонилась къ трепетнымъ водамъ
И видитъ: тотъ же мѣсяцъ, блѣдный,
Упалъ, дрожа, къ ея ногамъ.

Я.

ДО ЧЕЛОВѢКА.

5. Происхожденіе культуры.

Какъ всѣ сущія формы вещества постепенно развились изъ формъ его, имѣвшихъ мѣсто ранѣе, какъ весь міръ животныхъ представляетъ лишь рядъ ступеней между первобытнымъ организмомъ и человѣкомъ, такъ и мысль въ ея современномъ критическомъ фазисѣ есть лишь результатъ долгаго, послѣдовательнаго развитія. И это справедливо не только для отдѣльной личности, не только для послѣдней группы существъ животнаго міра, а для этого міра въ его цѣлости. Смутные психическіе процессы, которые собственно мыслію еще нельзя и назвать, впродолженіе неизмѣримыхъ періодовъ времени подготовляли почву для сознанія и соображенія, развивались и развивали въ существахъ нѣкоторыя психическія привычки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторые органы, соотвѣтствовавшіе этимъ привычкамъ. Болѣе развитые органы психической дѣятельности, передаваясь по наслѣдству, вносили въ потомство уже въ формѣ психическихъ потребностей то, что̀ для предковъ было лишь привычкой или пріобрѣтеніемъ одной особи. Эти потребности становились почвою для новыхъ успѣховъ, на пути психическаго развитія, для новыхъ привычекъ, для дальнѣйшаго развитія органовъ психической дѣятельности, и для болѣе сложныхъ психическихъ потребностей, унаслѣдованныхъ новыми поколѣніями. Мало по малу пройдена была длинная лѣстница, низшую ступень которой представляетъ способность различенія того, что̀ соотвѣтствуетъ потребности, отъ того, что̀ ей не соотвѣтствуетъ, высшую же—способность мыслить все сущее, какъ одно цѣлое, критически продуманное въ его частностяхъ и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ *.

* Для основныхъ данныхъ этой главы я преимущественно пользовался сочиненіями *Ch. Darwin*: «Ueber die Entstehung der Arten» üb. v. *H. G. Bronn*, 2-te Auflage (1863) и *W. Wundt*: «Vorlesungen über die Menschen und Thierseele» (Leipzig, 1863).

Въ предыдущихъ двухъ главахъ я попробовалъ прослѣдить наиболѣе вѣроятный ходъ развитія формъ животнаго міра, руководствуясь тѣми немногими указаніями, которыя даетъ сравнительная анатомія до сихъ поръ извѣстныхъ живыхъ и палеонтологическихъ животныхъ. Но эти данныя еще такъ отрывочны, что указанный мною путь (большею частью намѣченный и указанный уже учеными спеціалистами, въ особенности Гэккелемъ) не можетъ быть ничѣмъ болѣе, какъ первымъ, грубымъ приближеніемъ къ точному представленію о ходѣ процесса. На сколько въ этомъ случаѣ задача трудна, можно наглядно выразить слѣдующимъ образомъ. Начертимъ тотъ схематическій эллипсъ, о которомъ я говорилъ и который представляетъ предѣлы развитія формъ животнаго міра. Размѣстимъ въ немъ точки, обозначающія мѣста извѣстныхъ намъ типическихъ формъ. Въ реальномъ процессѣ это бы должны быть не отдѣльныя точки, а сплошныя кривыя линіи, развивающіяся изъ фокуса, соотвѣтствующаго началу жизни, по строгой послѣдовательности математическаго закона. Возстановить эти кривыя линіи для насъ уже невозможно, и возможность этого явится развѣ для нашихъ потомковъ, когда они *фактически* узнаютъ на опытѣ перерожденіе формъ. Законъ размѣщенія точекъ въ настоящемъ можетъ лишь навести па мысль о вѣроятности существованія, *около* того или другаго мѣста, точекъ, связывающихъ точки намъ извѣстныя; но и тутъ дѣло неизбѣжно остается гадательнымъ въ подробностяхъ. Зоологія указываетъ намъ безспорныя данныя простѣйшихъ и сложнѣйшихъ формъ. Сравнительная анатомія даетъ столь-же безспорныя данныя болѣе близкаго и болѣе отдаленнаго въ этихъ формахъ. Эмбріологія прибавляетъ къ этому немногія сближенія. Палеонтологія указываетъ, что для нѣкоторыхъ мѣстностей послѣдовательность формъ во времени была именно такая, а не другая, хотя мы знаемъ, что здѣсь кромѣ генетической послѣдовательности, могла проявляться (по всей вѣроятности и проявлялась) послѣдовательность, вызванная совсѣмъ иными началами. Эти научныя данныя и точныя аналогіи связываются болѣе обширною аналогіею философскаго представленія о развитіи сложнѣйшихъ формъ изъ простѣйшихъ безконечно-малыми измѣненіями въ анатомическомъ строѣ и въ физіологическихъ функціяхъ органовъ при явленіи наслѣдственности, борьбы за существованіе и приспособленія къ средѣ. Это философское представленіе въ наше время имѣетъ столь громадное преимущество предъ всѣми прочими, до сихъ поръ заявленными, что едва-ли допускаетъ колебаніе. Такимъ образомъ получаются прочныя руководящія

начала для всѣхъ работающихъ на этой почвѣ. Но дальнѣйшее представленіе подробностей не можетъ претендовать на подобную же прочность. Оно есть—дѣло личности, допускающее многочисленныя ошибки и разногласія, совершенно независимо отъ вѣрности всего предыдущаго. Оно есть — попытка найти вѣрнѣйшее въ этой области, и такихъ попытокъ сдѣлано будетъ много, пока можно будетъ считать одну прочнѣе другихъ. Предыдущее и есть не болѣе, какъ подобная попытка, опирающаяся на научныя данныя, насколько онѣ мнѣ извѣстны, и на теорію развитія въ ея настоящемъ состояніи.

Отрывочность нашихъ свѣдѣній о зоологическихъ формахъ, существовавшихъ впродолженіе развитія организмовъ, еще увеличивается, когда мы переходимъ изъ области физіологіи въ область психологіи. Для первой палеонтологія давала еще все-таки кое-какія указанія. Для послѣдней намъ приходится ограничиться исключительно настоящимъ, т.-е. представителями формъ, которыя, — какъ слѣдуетъ и по общей теоріи, насъ руководящей, — неизбѣжно *весьма* далеки отъ своихъ первобытныхъ родственниковъ. Намъ помогаетъ здѣсь лишь то обстоятельство, что разнообразіе психическихъ отправленій замѣчается лишь въ формахъ, которыя приходится считать относительно позднѣйшими, и что *всѣ* наблюденія приводятъ къ допущенію обширной аналогіи, которую можно высказать слѣдующимъ образомъ: психическія отправленія усложнялись и развивались по мѣрѣ усложненія и развитія нервной системы. Допуская, что это развитіе шло тѣмъ же порядковъ и подъ подобными же вліяніями, какъ развитіе другихъ органовъ; допуская, что вмѣстѣ съ тѣмъ развивались психическія отправленія по тому пути, о которомъ я сказалъ въ началѣ главы, мы получимъ руководящія начала для частностей разсматриваемаго процесса.

На низшихъ ступеняхъ животнаго развитія, когда еще не обособилось ничто, признаваемое физіологами за нервы, едва-ли можно допустить что либо внѣ самыхъ элементарныхъ психическихъ отправленій. Даже эти отправленія такъ еще близки къ процессамъ, за которыми наука не признаетъ ничего психическаго, что приложеніе термина можетъ быть гадательно. Инфузорія, губка, гидра выбираютъ соотвѣтственную ихъ потребности пищу изъ множества другихъ веществъ *; для всѣхъ первобытныхъ животныхъ, стоявшихъ на той-же ступени, мы имѣли право допустить подобный же фактъ. Но и кусокъ металла, погруженный въ смѣсь газовъ, выбираетъ газъ, способ-

* *W. Wundt*. I, 444.

ный съ нимъ соединиться по законамъ химическихъ процессовъ. Гидры слѣдуютъ длинными рядами за судами, сближаясь по видамъ *, но и опилки слѣдуютъ за магнитомъ, и жидкости, несмѣшивающіяся между собою, располагаются слоями. Нѣсколько болѣе психическимъ явленіемъ можно признать причину движеній полипа, вывернутаго на изнанку, когда онъ стремится возвратиться въ первоначальное состояніе, какъ бы ощущая непріятность совершеннаго съ нимъ процесса **. Но и здѣсь еще, можетъ быть, физіологъ переноситъ на это существо *свое* предположеніе: и стальная пластинка, насильно согнутая, стремится придти къ прежнему положенію. Изъ животныхъ, не имѣющихъ нервовъ, мнѣ неизвѣстно ни одного примѣра, гдѣ фактъ сознанія былъ бы несомнѣненъ. Тѣмъ не менѣе всюду, гдѣ есть свободное, цѣлесообразное движеніе, можно уже допустить *подготовленіе сознанія*. Жизнь простѣйшихъ существъ проявлялась движеніями, сначала, конечно, нестройными и несоотвѣтствовавшими исключительно поддержанію жизни. За тѣмъ анатомическое устройство мало по малу регулировало эти движенія. Нѣкоторыя изъ нихъ стали повторяться чаще и удобнѣе. Другія совсѣмъ стали невозможны. Третьи стали труднѣе по меньшей привычности ихъ. Изъ организмовъ равной простоты удержались въ борьбѣ за существованіе тѣ, привычныя движенія которыхъ наиболѣе соотвѣтствовали поддержанію ихъ существованія. Такимъ образомъ выдѣлялись формы, совершавшія движенія, которыя наиболѣе способствовали усвоенію веществъ, нужныхъ для питанія самихъ животныхъ; формы, которыя передали потомству наивыгоднѣйшія привычки вмѣстѣ съ анатомическимъ строемъ. Эти привычки могли быть вовсе безсознательны, но подготовляли моментъ, когда, съ появленіемъ сознанія, появилась уже и дѣятельность *различенія* удобнѣйшаго движенія отъ болѣе затруднительнаго, слѣдовательно пріятнѣйшаго отъ менѣе пріятнаго; впослѣдствіи же появилась и дѣятельность различенія пріятнаго внѣшняго явленія или предмета отъ явленія или предмета индифферентнаго и отталкивающаго.

Можетъ быть, можно допустить, что, съ усложненіемъ организма, и, слѣдовательно, съ бо̀льшимъ *возможнымъ* разнообразіемъ движеній, регулированіе ихъ вызвало болѣе сложный химическій процессъ и, наконецъ, выдѣленіе особаго вещества, которое сдѣлалось органомъ соглашенія движеній, слѣдователь-

* *W. Wundt*. I, 445; II, 187.

** Тамъ же. I, 445.

по органомъ храненія привычекъ. Это была *нервная ткань.* Такъ-какъ вскорѣ затѣмъ послѣдовало выдѣленіе кишечнаго канала, то въ животныхъ (начиная съ мшанокъ и существъ, стоящихъ въ древности на той же ступени развитія) уже отдѣлилась система органовъ, требовавшая лишь повторенія механически-химическаго процесса питанія, отъ другой системы, которой предстояла задача наилучше регулировать болѣе или менѣе привычныя движенія для приноровленія къ обстоятельствамъ, для избѣжанія опасности, для захвата добычи.

Въ наше время существуетъ разладъ между психологами на счетъ того, можно ли допустить безсознательное состояніе для тѣхъ явленій, которыя потомъ, въ сознательномъ состояніи, составляютъ предметъ изученія психологовъ *. Ощущеніе, представленіе, потребность, влеченіе имѣютъ опредѣленный смыслъ для насъ, какъ факты сознанія. Но здѣсь мы имѣемъ два, какъ бы противорѣчащія явленія: процессъ сознанія есть процессъ, такъ сказать, линейный, въ которомъ трудно допустить одновременность нѣсколькихъ явленій. Съ другой стороны мысли забываются и припоминаются, однажды слѣдовавшія одно за другимъ воспріятія вызываютъ другъ друга при повтореніи одного изъ нихъ. Слѣдовательно, какая-то связь между разными элементами процесса сознанія существуетъ, хотя каждый разъ въ сознаніи находится лишь одинъ изъ нихъ. Одни психологи допускаютъ, поэтому, одновременно съ сознаннымъ рядомъ психическаго процесса, еще несознанные процессы, тоже психическіе. Другіе психологи признаютъ это — «романомъ духа» и не допускаютъ вовсе психическихъ явленій внѣ сознаваемаго ихъ ряда. Впрочемъ, это вопросъ менѣе важный, чѣмъ онъ кажется, такъ-какъ всѣмъ психическимъ процессамъ соотвѣтствуютъ физическіе. Если забытая мысль или несознанное еще влеченіе не могутъ имѣть психическаго существованія рядомъ съ тою мыслію или съ тѣмъ влеченіемъ, которыя въ данное мгновеніе вошли въ процессъ сознанія, то никто не мѣшаетъ другимъ физическимъ явленіямъ совершаться въ то же время, сохраняя слѣдъ забытой мысли, подготовляя сознаніе влеченія, хотя размѣры механическаго или химическаго процесса, при этомъ происходящаго, менѣе тѣхъ, которые вызываютъ сознаніе. Въ этомъ случаѣ, все, что говорится о безсознательныхъ, темныхъ мысляхъ, объ остающихся слѣдахъ ощущеній и представленій, приходится признать метафорою, въ которой дѣло собственно идетъ о чисто вещественныхъ процессахъ, подготовляющихъ

* См. *Bain*: «The senses and the intellect»; *М. Троицкій*: «Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи» (1867).

сознаніе. Въ сознаніи постоянно тянется *одинъ* рядъ явленій, и болѣе одного явленія за разъ быть не можетъ въ процессѣ сознанія (или въ духѣ, какъ выражаются другіе); но рядомъ съ единственнымъ вещественнымъ явленіемъ, вызывающимъ явленіе сознанія, совершаются тысячи вещественныхъ явленій того же рода, неимѣющія *теперь* ничего общаго съ сознаніемъ, но въ будущемъ, при удобномъ случаѣ, они могутъ вызвать соотвѣтственныя имъ мысли, влеченія, образы. Эти вещественныя явленія, способныя вызвать сознаніе, но не вызывающія его, по такому же праву могли бы назваться скрытыми явленіями сознанія, по какимъ теплота, употребленная на таянье льда въ водѣ при 0°, называется скрытою теплотою, хотя и не дѣйствуетъ на термометръ.

Подобнаго рода скрытыя явленія сознанія приходится допустить для многочисленныхъ существъ, въ которыхъ *подготовлялось* сознаніе, еще не проявившееся, но долженствовавшее проявиться въ высшихъ формахъ существъ. Едва-ли послѣднее можно признать ранѣе индивидуализаціи животныхъ.

Затѣмъ уже мы не можемъ усомниться въ фактѣ сознанія. Различеніе, чувство сходства, даже память высказываются болѣе и болѣе явно въ существахъ, стоящихъ на этой ступени [1]. Крѣпко закрываетъ моллюскъ свою раковину предъ врагомъ. Улитка (брюхоногое) ощупываетъ предметы. Другой моллюскъ (Messercheide) поддается разъ обману рыбака, но второй разъ не дозволяетъ обмануть себя. Каракатицы придумываютъ для особенныхъ обстоятельствъ защиты или нападенія особенныя мѣры [2]. Эти явленія, которыя мы можемъ наблюдать, ведутъ насъ къ представленію процесса психическаго развитія древнѣйшихъ животныхъ рядомъ съ развитіемъ ихъ нервной системы. Въ нихъ сначала выработывались привычки къ опредѣленной регулировкѣ движеній; подготовлялось сознаніе; наконецъ оно явилось, и сдѣлалось, однажды явившись, однимъ изъ самыхъ могучихъ органовъ регулировки; сначала животное различило пріятнѣйшія движенія и состоянія отъ менѣе пріятныхъ. Механически рефлективныя движенія для продолженія и усиленія пріятнаго состоянія и для устраненія непріятнаго, получили характеръ сознательный. Потомъ животное удержало въ памяти, что нѣкоторыя пріятныя его состоянія (напримѣръ утоленіе голода) совпадали съ ощущеніями присутствія въ предѣлахъ его дѣятельности нѣкоторыхъ предметовъ (годныхъ для его питанія),

---

[1] Тамъ же, I, 448 и слѣд.

[2] См. замѣчанія Ч. Дарвина въ его: «The zoology of the voyage etc.» (1840—1843). Цитата приведена въ «Unsere Zeit» (1863), 702.

а непріятныя состоянія — съ ощущеніями присутствія другихъ предметовъ; слѣдовательно оно различило не только *свои* состоянія, но и предметъ міра для него *внѣшняго*. По мѣрѣ развитія этого различенія и лучшей комбинаціи дѣйствій въ виду предметовъ, окружающихъ животное, сама нервная система, вызываемая къ дѣятельности при болѣе многоразличныхъ обстоятельствахъ, совершенствовалась въ отправленіяхъ и въ строеніи. Память усилилась. Болѣе отдаленныя и индифферентныя обстоятельства удерживались въ связи съ главнымъ интересомъ предметовъ — пріятнымъ или непріятнымъ общимъ состояніемъ. Отмѣчены были явленія, которыя обыкновенно предшествовали непріятнымъ состояніямъ, другія — пріятнымъ. Первыя вызывали дѣйствіе предохраненія отъ опасности, вторыя — усиленной дѣятельности, но въ обоихъ случаяхъ это были уже не прямые рефлексы ощущеній, а дѣйствія цѣлесообразныя, вызываемыя *ожиданіемъ*. Можно думать, что система нѣсколькихъ паръ нервныхъ узловъ, замѣчаемая въ моллюскахъ и въ суставчатыхъ, соотвѣтствовала этой формѣ психическаго развитія.

Эта ступень, на которой остановилось психическое развитіе класса моллюсковъ, должна была долгое время обозначать и явленія сознанія въ классахъ суставчатыхъ и позвоночныхъ. Классы рыбъ, земноводныхъ и пресмыкающихся, доставившіе первыхъ позвоночныхъ обитателей земли, имѣютъ и теперь многочисленныхъ представителей, въ которыхъ мы должны видѣть болѣе развитое какъ въ физическомъ, такъ и въ психическомъ отношеніи потомство первобытныхъ рыбъ, земноводныхъ и пресмыкающихся. Но и эти *болѣе* развитыя существа упомянутыхъ классовъ не могутъ быть въ психическихъ своихъ отправленіяхъ поставлены значительно выше головоногихъ *. Возможность высшихъ психическихъ процессовъ, лежавшая въ анатомическомъ устройствѣ позвоночныхъ животныхъ, оставалась лишь *возможностью* для первыхъ трехъ классовъ этого подцарства и, для своего осуществленія, ожидала появленія высшихъ двухъ типовъ, подобно тому, какъ парная система ряда нервныхъ узловъ въ моллюскахъ и суставчатыхъ, вовсе не допуская дальнѣйшаго психическаго развитія у моллюсковъ, допустила у суставчатыхъ одну дальнѣйшую его ступень, но лишь въ нѣкоторыхъ формахъ этой группы.

Эту весьма важную ступень психическаго развитія всего удобнѣе изучить именно у высшихъ суставчатыхъ, такъ-какъ организмъ этихъ животныхъ, повидимому, концентрировалъ всѣ свои сознательные процессы на эту сторону духовной жизни

* *W. Wundt*, I, 445.

и выработалъ ее съ замѣчательнымъ совершенствомъ, тогда какъ позвоночныя животныя, заключая въ своемъ организмѣ данныя для двухъ различныхъ психическихъ развитій, не столь ясно высказали продукты каждаго изъ нихъ въ особенности, а потому, въ большинствѣ случаевъ, какъ бы остаются позади высшихъ формъ суставчатыхъ по психическому развитію. Ступень процессовъ сознанія, о которой теперь приходится говорить, есть ступень *культуры*. Этотъ терминъ имѣетъ важное значеніе въ исторіи человѣчества, но здѣсь мнѣ нужно указать на первое его появленіе въ зоологическомъ ряду существъ, и суставчатыя въ этомъ отношеніи представляютъ психическій типъ въ высшей степени замѣчательный.

Назову культурою тѣ формы жизни, которыя образуются привычками и унаслѣдованными преданіями въ человѣческомъ обществѣ, развивая при этомъ болѣе или менѣе совершенную технику. Культура намъ представляется какъ продуктъ, вызванный вначалѣ работою критической мысли, а потомъ уже переходящій въ привычное дѣло, уважаемое преданіе, въ психическій пріемъ. Такова культура въ процессѣ исторіи человѣка, но при первомъ своемъ появленіи культура должна была имѣть другой генезисъ, уже потому что она появляется впервые и наиболѣе выработанною въ существахъ, гдѣ нельзя указать и слѣда критической мысли. Первая культура предшествовала работѣ мысли, и тамъ, гдѣ эта работа впослѣдствіи имѣла мѣсто, она въ значительной степени опредѣлилась формами культуры, ей предшествовавшими, и надъ которыми ей пришлось упражняться. Поэтому развитіе первой культуры, т.-е. общежительныхъ привычекъ и преданій общественной техники, надо искать въ элементарныхъ психическихъ процессахъ, а не въ сознательной, цѣлесообразной дѣятельности мысли.

Къ сожалѣнію, наука доставляетъ для этого вопроса очень мало положительныхъ данныхъ, частію по неизбѣжному теченію процесса, частію по винѣ изслѣдователей. Понятно, что виды насѣкомыхъ, паукообразныхъ и ракообразныхъ, выработавшіе болѣе стройную общественность, получили тѣмъ бо́льшее преимущество предъ своими ближайшими сродниками, чѣмъ выше былъ механизмъ общественной жизни первыхъ, сравнительно съ механизмомъ общественности вторыхъ. При этомъ ближайшей роднѣ приходится обыкновенно вступать всего скорѣе въ борьбу за существованіе, слѣдовательно неизбѣжно должны были погибнуть тѣ формы суставчатыхъ, которыя могли бы представить намъ формы жизни, предшествовавшія болѣе сплоченнымъ обществамъ и болѣе сложной техникѣ высшихъ состав-

чатыхъ. Лишь въ немногихъ случаяхъ являлась возможность прослѣдить постепенное совершенствованіе техники, какъ это сдѣлано, сравнивая постройку шмеля, мексиканской пчелы (melipona domestica) и нашей домашней пчелы *. Съ другой стороны формы жизни высшихъ суставчатыхъ такъ увлекали вниманіе наблюдателей своею стройностью, и составляли такой рѣзкій контрастъ съ бѣдностью психическихъ проявленій въ ближайшихъ еще существующихъ родственникахъ этихъ существъ, остановившихся на далеко низшей ступени, что наблюденія привычекъ и нравовъ въ значительной степени концентрируются на немногихъ высшихъ представителяхъ суставчатыхъ, ограничиваясь почти для всѣхъ прочихъ лишь анатомическими указаніями. Этой неравномѣрности распредѣленія работъ въ разсматриваемой области способствовало, конечно, и позднее распространеніе представленія о развитіи органическаго міра въ его цѣломъ. Пока всякій видъ животныхъ былъ, по предположенію наблюдателя, совершенно особою органическою единицею, съ первыхъ временъ міра повторяющею тѣ же процессы общежитія и техники, до тѣхъ поръ связи между жизнію разныхъ видовъ не предполагалось и формы быта одного изъ нихъ не могли быть объясняемы помощью формъ быта другихъ видовъ. И здѣсь повторилось уже сказанное мною однажды: чего не искали, того и не видали.

Такимъ образомъ, въ жизни насѣкомыхъ, пауковъ и раковъ мы встрѣчаемъ нѣкоторые факты, которые приходится связать гадательно съ простѣйшими явленіями психической жизни, за неимѣніемъ промежуточныхъ данныхъ, установленныхъ наблюденіемъ.

Вопервыхъ, мы встрѣчаемъ технику, столь сложную и столь соотвѣтствующую явленіямъ, имѣющимъ совершиться въ далекомъ будущемъ, что мыслитель какъ бы поставленъ между рогами дилеммы: или признать невозможный, немыслимый въ его условіяхъ процессъ весьма сложнаго, совершенно личнаго соображенія для существъ, гдѣ ничто въ остальной жизни не указываетъ на высокое психическое развитіе, или перешагнуть за всѣ предѣлы научныхъ аналогій, за всѣ методы критическаго мышленія и пасть ницъ предъ *чудеснымъ инстинктомъ*, обусловливающимъ отправленія животнаго, то-есть удовольствоваться словами, лишенными смысла. Изъ яйца, положеннаго давно умершею бабочкою, выходитъ личинка, которая ни отъ кого не могла получить преданія, въ нашемъ смыслѣ этого слова;

---

* *Ch. Darwin*, 252 и слѣд.

кругъ ея наблюденій ограничивается объѣденнымъ ею кустомъ; процессы ея жизни были крайне однообразны; и вотъ, въ извѣстный моментъ жизни, она обвиваетъ себя шелковистою оболочкою, устроивая въ ней весьма ловко дверь для будущаго своего перехода изъ состоянія куколки въ состояніе полнаго насѣкомаго, причемъ эти двери оказываютъ значительное сопротивленіе внѣшнему напору, и самое ничтожное внутреннему *. Откуда эта техника личинки, какъ бы предусматривающей не только ближайшее будущее состояніе свое въ формѣ куколки, но и предстоящій за тѣмъ выходъ полнаго насѣкомаго изъ оболочки? Я здѣсь привелъ лишь одинъ примѣръ изъ крайне разнообразной техники домостроительства, встрѣчающейся у суставчатыхъ. Во многихъ случаяхъ ее можно объяснить прямымъ преданіемъ отъ одного поколѣнія другому, но въ случаяхъ, подобныхъ разсматриваемому, преданіе столь же невозможно, какъ самостоятельно-совершающійся актъ соображенія.

Другой, особенно замѣчательный фактъ психической жизни суставчатыхъ, это—общежительность съ весьма развитыми формами. Особи одного происхожденія (иногда же только сходныя) живутъ не только одна *близъ* другой (что̀ замѣчается и въ низшихъ существахъ), но живутъ одна *съ* другою: онѣ имѣютъ *общія* цѣли, *общій* трудъ, оказываютъ другъ другу помощь въ случаѣ нужды, и, во многихъ случаяхъ, имѣютъ прямой способъ мимическаго сообщенія, то-есть языкъ. Здѣсь общности происхожденія нельзя придать большое значеніе, потому что выборъ, предпочтеніе, склонность не высказываются ничѣмъ, и, повидимому, вовсе не имѣютъ мѣста. Общество смыкается въ одно строго-обособленное цѣлое съ неизмѣнными обычаями. Оно включаетъ иногда въ свою среду добровольно присоединившихся или захваченныхъ силою иноплеменниковъ, хотя основа его есть, по всей вѣроятности, единство происхожденія. Однажды примкнувшіе союзники или невольники столь же строго и неизмѣнно входятъ въ общественный строй, какъ и родичи. Отдѣлившаяся колонія представляетъ чрезъ нѣкоторое время въ своемъ цѣломъ столь же чуждое, бо̀льшею частью враждебное, общество, какъ и племя совсѣмъ иного происхожденія. Общее дѣло въ кругу замкнутаго общества и враждебное отношеніе ко всему остальному суть какъ бы два полюса одного и того же психическаго проявленія. Въ борьбѣ національностей историкъ встрѣчаетъ, какъ низшее, зоологическое

* *W. Wundt.* II, 344 и слѣд.

побужденіе, стремленіе поѣдать чужихъ сколько можно. Это побужденіе составляетъ основный и буквально-примѣняемый принципъ общественности суставчатыхъ въ большинствѣ случаевъ.

Предѣлы точнаго наблюденія для бòльшей части обществъ этой группы не даютъ никакихъ указаній на ходъ общественнаго развитія, приведшій эти общества именно къ тѣмъ формамъ жизни, которыя мы наблюдаемъ, а не къ другимъ, и придаютъ всему строю этой жизни видъ, какъ бы она всегда повторяла всю ту же группу явленій. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ формы эти таковы (напримѣръ, колонизація пчелъ), что неизбѣжно требуютъ первобытныхъ формъ инаго рода. Представлялись также случаи, гдѣ новыя общественныя привычки развивались предъ глазами наблюдателя, причемъ замѣчателенъ фактъ, отличающій эти общества отъ историческихъ обществъ человѣка: никогда не было замѣчено, чтобы новая привычка проявлялась сначала въ одной особи или въ небольшомъ числѣ ихъ, чтобы эти новаторы отстаивали свои привычки, привлекали къ себѣ новыхъ союзниковъ, наконецъ, торжествовали, и чтобы общество суставчатыхъ проявляло нѣчто въ родѣ борьбы прогрессистовъ съ консерваторами человѣческаго міра. Когда новая привычка проявляется, она какъ бы *разомъ* охватываетъ цѣлое общество, *разомъ* входитъ въ его психическій строй, не возбуждая видимой борьбы, и подобнымъ же образомъ пріобрѣтенная привычка теряется, если это бываетъ. Мы имѣемъ право обобщить эти отдѣльныя наблюденія и соображенія. Общественныя формы суставчатыхъ представляются намъ результатомъ накопившихся и измѣнившихся привычекъ и, во многихъ случаяхъ, явнаго преданія; какъ онѣ происходятъ, такъ и должны были происходить во всѣ времена при перемѣнѣ обстоятельствъ. Культура суставчатыхъ измѣнялась, но процессъ этого измѣненія не представляетъ аналогіи основному процессу историческаго развитія человѣческихъ обществъ, такъ-какъ человѣческая культура развивается подъ вліяніемъ критической работы мысли, путемъ борьбы личностей и постепеннаго расширенія новыхъ воззрѣній среди старыхъ. Подобной работы мысли, подобной роли особей въ процессѣ измѣненія культуры суставчатыхъ мы не имѣемъ повода допустить.

Въ наиболѣе развитыхъ обществахъ, въ такъ-называемыхъ государствахъ насѣкомыхъ, мы встрѣчаемъ формы культуры весьма сложныя и разнообразныя. Вопервыхъ, общежитіе дозволяетъ технику домостроительства, накопленія запасовъ, сое-

диненной борьбы противу гораздо сильнѣйшихъ существъ путемъ отравленія, бальзамированія, законопачиванія и т. д.; технику, далеко превышающую то, что̀ можетъ сдѣлать уединенное животное [1]. Высота общежительныхъ дворцовъ термитовъ превосходитъ въ 500 разъ длину самаго животнаго; эти дворцы достигаютъ до 20 футовъ высоты, заключаютъ комнаты, гдѣ могутъ помѣститься 12 человѣкъ, галлереи, діаметромъ равныя калибру большихъ артиллерійскихъ орудій, и выдерживаютъ вѣсъ дикаго быка, не разрушаясь. Пчелы осуждаютъ на смерть улитку, проникшую въ улей, залѣпляя всю окружность ея раковины смолистымъ слоемъ прополиса, приковывающимъ домъ дерзкаго врага къ улью безъ возможности спасенія для самаго животнаго. Вовторыхъ, мы встрѣчаемъ здѣсь раздѣленіе работъ, доходящее у муравьевъ до раздѣленія на двѣ или три касты съ различными инстинктами, соотвѣтствующими анатомическому различію; у нѣкоторыхъ (мексиканскихъ) породъ работники той же породы обращены въ дойный скотъ господствующей касты [2]. Встрѣчаемъ здѣсь и хищничество сильнаго племени, которое пользуется плодами труда чужаго племени, не желая само работать. Встрѣчаемъ невольничество въ разныхъ степеняхъ развитія: невольниковъ, ограниченныхъ домашними работами (у кровавыхъ муравьевъ въ Англіи), невольниковъ, раздѣляющихъ съ рабовладѣльцами труды по постройкѣ общаго жилища (у тѣхъ же муравьевъ Швейцаріи), наконецъ, невольниковъ, которые дѣлаютъ все въ обществѣ, даже кормятъ своихъ господъ, переносятъ ихъ въ новое мѣсто поселенія, если нужно, и безъ пособія невольниковъ муравьи-амазонки (Polyergus, formica rufescens) могутъ умереть съ голоду, окруженные всѣмъ нужнымъ для жизни. При этомъ бываетъ, что слабѣйшіе муравьи (Formica flava), живя рядомъ съ сильными хищниками, умѣютъ отстаивать свою независимость. Встрѣчаемъ въ культурѣ суставчатыхъ весьма развитое скотоводство: въ одномъ случаѣ дойныя коровы муравьевъ (травяная вошь изъ полужесткокрылыхъ) остаются въ дикомъ состояніи на растеніи, которымъ питаются, и муравьи лишь мимоходомъ сосутъ сладкую жидкость, отдѣляемую этими животными; иногда муравейникъ сообщенъ крытымъ переходомъ съ растеніемъ— пастбищемъ скота; иногда муравьи возводятъ на самомъ пастбищѣ скотные дворы; во многихъ случаяхъ дойный скотъ со-

[1] О послѣдующемъ см. кромѣ указанныхъ выше сочиненій многочисленные труды о нравахъ пчелъ и муравьевъ, а также *F. A. Pouchet*: «Univers» 94 и слѣд., 106 и слѣд.

[2] *Ch. Darwin*, 268.

всѣмъ одомашненъ, и живетъ въ самомъ муравейникѣ. При этомъ ступень культуры явно различна для различныхъ общинъ муравьевъ того же вида: одни умѣютъ пользоваться дойнымъ скотомъ; другіе не пріобрѣли этого умѣнья, и разрываютъ полезное животное, къ нимъ впущенное [1]. Есть даже (у Вуда) указанія на существованіе у муравьевъ разведенія растеній, но оно еще слишкомъ отрывочно.

Примѣненіе слова: *государство* къ обществамъ суставчатыхъ нельзя считать совсѣмъ точнымъ, хотя эти общества осуществляютъ именно то, что̀ въ глазахъ нѣкоторыхъ писателей составляетъ идеалъ государства: неизмѣнный законъ, полное подчиненіе ему всѣхъ членовъ общества, отсутствіе самомалѣйшаго проявленія критики, самомалѣйшей оппозиціи. Подобное государство представляетъ идеалъ застоя, и въ исторіи не встрѣчается: въ ней всегда договоръ, принятый меньшинствомъ, становится для большинства обязательнымъ насильно, вызываетъ критику и оппозицію. Тѣмъ не менѣе внѣшности государственной жизни встрѣчаются здѣсь съ поразительною точностію. Общая оборона; общее хищничество; истребительныя войны между обществами; раздѣленіе на сословія или касты; систематическое приготовленіе евнуховъ; выводка кандидатовъ на престолъ (у пчелъ); истребленіе ихъ въ видахъ устраненія несвоевременныхъ революцій и предвидимаго сепаратизма; проскрипція, охватывающая цѣлый классъ особей, сдѣлавшихся ненужными, когда онѣ совершили свою государственную функцію; неравномѣрное распредѣленіе капитала, такъ что будущіе труженики живутъ въ проголодь, и невольно подвергаются нравственному воздержанію (restraint moral), а будущая *мать народа* монополизируетъ лучшую пищу и лучшее помѣщеніе [2];— всѣ эти пріемы животной политики, къ которымъ такъ часто прибѣгали практики или теоретики человѣческихъ государствъ, хотя рѣдко умѣли осуществить ихъ вполнѣ, все это осуществляется у суставчатыхъ съ замѣчательнымъ совершенствомъ. Ненарушимой стройности общественной жизни въ этомъ случаѣ весьма содѣйствуетъ отсутствіе личнаго влеченія, отсутствіе личной критики, отсутствіе жалости, отсутствіе вопроса: точно ли это нужно? точно ли это хорошо? точно ли это слѣдуетъ? Преданіе дано; привычка установилась; пріемъ дѣятельности вошелъ въ употребленіе: остается каждой особи слѣпо и безъ оглядки исполнять законъ. Особи еще не личности, а по-

---

[1] См. замѣчаніе Леспэ (Lespès) въ засѣданіи парижскаго антропологическаго общества 21 мая 1868 г.

[2] См. сочиненія, указанныя въ примѣчан. (10).

тому общежительный законъ не допускаетъ исключеній и не можетъ ихъ допустить.

Здѣсь даны всѣ условія, всѣ особенности культуры, какъ мы ее встрѣчаемъ и въ человѣчествѣ, слѣдовательно нѣтъ ни малѣйшаго повода отнимать у этой ступени психическаго развитія животныхъ названіе *культуры*. Но какимъ образомъ мы можемъ себѣ представить ея происхожденіе?

Я говорилъ выше о развитіи въ особяхъ цѣлесообразныхъ, сознательныхъ, разсудочныхъ дѣйствій изъ простыхъ рефлексовъ. Дѣятельность особи обусловилась простыми побужденіями пріятнаго и непріятнаго, простыми цѣлями, вызванными организмомъ: цѣлями отысканія пищи, охраненія отъ внѣшнихъ климатическихъ вліяній, размноженія; разсудочность ограничивалась пріисканіемъ удобнѣйшихъ средствъ для этихъ цѣлей, приспособляясь къ обстоятельствамъ, руководясь привычками организма къ тѣмъ или другимъ движеніямъ. Высшее проявленіе психической дѣятельности заключалось въ дѣятельности, соотвѣтствующей не наличной потребности, но ожидаемой въ будущемъ, въ предупрежденіи еще не наступившей опасности, въ приготовленіи къ наслажденію еще только предвидимому.

Психической связи между особями одного происхожденія не существовало, и потому дѣятельность ихъ могла быть также легко совершенно раздѣльна, какъ и враждебна, а могли явиться случаи, гдѣ она совпадала. При повтореніи подобныхъ случаевъ, нѣкоторыя особи могли пріобрѣсти небольшую склонность къ дѣятельности съобща. Этой склонности соотвѣтствовало нѣкоторое измѣненіе въ ихъ нервной системѣ. Оно перешло въ наслѣдство ихъ потомству, усиливая склонность, увеличиваясь органически въ одномъ и томъ же направленіи, и, среди необщежительнаго вида животныхъ, появилась порода съ прирожденнымъ инстинктомъ общежительности, т.-е. съ органическою особенностью, вызывающею склонность, и со склонностью, усиливающею особенность. Какъ только инстинктъ общежительности былъ выработанъ, то вся доля сознательности, цѣлесообразности, разсудочности въ дѣйствіяхъ животной особи направилась на лучшее достиженіе все тѣхъ же простыхъ цѣлей, о которыхъ было сказано выше, при пособіи улучшеннаго общежитія. Повидимому нервная система безпозвоночныхъ не допускала личнаго разнообразія мышленія; ходъ ихъ разсужденія оставался въ предѣлахъ очевиднаго умозаключенія, не достигая точки зрѣнія сомнѣнія. Новый пріемъ, приспособленіе къ новымъ обстоятельствамъ, если и были сначала дѣломъ единицы, то немедленно усвоивались всѣми особями, находящи-

мися въ подобномъ же положеніи; какъ первая единица, и общество разомъ переходило къ новой привычкѣ, дѣлавшейся для слѣдующаго поколѣнія прирожденнымъ инстинктомъ. Чѣмъ безраздѣльнѣе этотъ инстинктъ господствовалъ, тѣмъ стройнѣе онъ опредѣлялъ сознательно-разсудочную дѣятельность особей, тѣмъ искуснѣе выработывались подробности для удовлетворенія указаннымъ выше простѣйшимъ цѣлямъ общими силами. Домостроительство и хищничество въ ихъ разнообразныхъ формахъ, были въ этомъ случаѣ не болѣе, какъ унаслѣдованные инстинкты сложной дѣятельности, соотвѣтствующей простымъ цѣлямъ: охранить себя отъ настоящей и будущей опасности, уничтожить соперничествующія силы или обратить ихъ въ орудіе своихъ наслажденій. Каждый разъ, когда впервые общество животныхъ прибѣгало къ новому пріему — къ разстановкѣ стражи, къ набѣгу на сосѣдей для похищенія плодовъ ихъ труда или для пріобрѣтенія невольниковъ, къ улучшенію постройки тѣмъ или другимъ способомъ — можно допустить, что это было слѣдствіемъ мгновеннаго соображенія въ особи, соображенія, которое становилось сейчасъ же очевиднымъ для ея товарищей и слѣдовательно заключало въ себѣ долю разсудительности; но слѣдующее поколѣніе получало его въ формѣ органической потребности, усвоенной привычки, и подчинялось чисто инстинкту, который, впрочемъ, имѣлъ мѣсто и при повтореніи дѣйствія тѣми самыми особями, которыя впервые усвоили себѣ это дѣйствіе. Безконечно малыя измѣненія въ теченіе длиннаго ряда поколѣній дали культурѣ суставчатыхъ тѣ сложныя формы, которыя мы теперь въ ней замѣчаемъ, но сознательный, разсудочный элементъ въ этихъ формахъ былъ постоянно весьма малъ и дѣйствіе его непродолжительно; эти формы были областью быстро-пріобрѣтенныхъ привычекъ и прирожденныхъ инстинктовъ, вызывавшихъ дѣйствія необсуждаемыя. Разсудительность и соображеніе не можетъ быть оспариваемо у суставчатыхъ, но ихъ надо искать въ тѣхъ мелкихъ дѣйствіяхъ, гдѣ особь не только не слѣдуетъ инстинкту, но приспособляется къ обстоятельствамъ, которыя могутъ и вовсе не повторяться. Языкъ, скотоводство, накопленіе запасовъ суть важнѣйшія пріобрѣтенія общительности животныхъ, но и они не выходятъ изъ предѣловъ тѣхъ наростающихъ цѣлесообразныхъ дѣйствій, тѣхъ прирожденныхъ инстинктовъ, о которыхъ я говорилъ выше.

Повидимому труднѣе представить себѣ психическій процессъ, приводящій къ дѣйствіямъ, которыя цѣлесообразны *для насъ*, обнимающихъ мыслію длинный рядъ явленій, совершающійся

при метаморфозѣ животнаго, но не допускаютъ цѣлесообразности для существа, незнакомаго съ формами своей будущей жизни, и неимѣющаго возможности получить отъ кого либо свѣдѣнія объ этихъ формахъ. Здѣсь едва-ли слѣдуетъ искать какого либо значительнаго вліянія психическаго; вѣроятнѣйшее объясненіе лежитъ въ измѣненіяхъ органическихъ и безсознательныхъ, именно опять въ области естественнаго подбора, небольшихъ постепенныхъ уклоненій въ рядѣ поколѣній. Организмъ насѣкомаго обусловливалъ переходъ его чрезъ формы личинки и куколки. Между различными куколками сохранялось большее число тѣхъ, которыя были лучше укутаны отъ внѣшнихъ вліяній, лучше предохранены отъ враговъ, легче могли освободиться изъ формы куколки въ форму полнаго насѣкомаго. Слѣдовательно, отъ бабочки, положившей нѣсколько яицъ, рождалось новое поколѣніе бабочекъ, большинство которыхъ выходило изъ куколокъ наилучшей формы и передавало своимъ яйцамъ наклонность къ этой формѣ. Тотъ же процессъ повторялся безчисленное множество разъ, и съ каждымъ годомъ рождались бабочки изъ куколокъ все болѣе совершенныхъ, тогда какъ остальныя гибли все въ большемъ числѣ. Если личинка древняго мотылька свивала себѣ оболочку одинаковаго строенія во всѣхъ частяхъ, такъ что куколкѣ приходилось умереть или прорваться въ точку наименьшаго сопротивленія, то случайная точка наименьшаго сопротивленія обратилась чрезъ нѣсколько поколѣній въ наслѣдственную особенность куколки и образованіе оболочки съ болѣе тонкою стѣнкою въ концѣ составило инстинктъ личинки, по прошествіи еще нѣсколькихъ поколѣній отверстіе для выхода оказалось устроеннымъ еще удобнѣе; и, наконецъ, исключительно стали рождаться лишь бабочки, яйца которыхъ передаютъ личинкамъ унаслѣдованный и прирожденный инстинктъ строить себѣ жилище со столь хитрымъ устройствомъ, что одинъ наблюдатель видитъ въ этомъ непостижимое чудо, внѣ-міровое вліяніе, другой же говоритъ о сообразительности и цѣлесообразной дѣятельности, которая была бы не менѣе чудесна. Но мысль, вышколенная наукою, не имѣетъ еще нужды прибѣгать къ подобнымъ внѣ-научнымъ пріемамъ и въ обычныхъ аналогіяхъ находитъ возможность объяснить самыя поразительныя явленія этого рода. Какъ ни кажутся намъ удивительными по своей цѣлесообразности инстинкты суставчатыхъ, но намъ приходится именно въ проявленіи этихъ инстинктовъ приписать наименьшую долю психической дѣятельности, а наибольшую отнести къ унаслѣдованнымъ, безсознательнымъ привычкамъ, тѣсно-свя

заннымъ съ пріобрѣтенными въ рядѣ поколѣній органическими наклонностями. Такъ-какъ въ борьбѣ за существованіе погибли милліарды формъ, которыя намъ пришлось бы признать менѣе цѣлесообразными, сохранились же и передаются по наслѣдству лишь наилучше принаровившіяся къ условіямъ этой борьбы, то было бы странно, еслибы инстинкты существующихъ животныхъ, послѣ дѣйствія подбора, продолжающагося сотни тысячь лѣтъ, не соотвѣтствовали тому, что̀ мы называемъ цѣлесообразностью.

Такимъ образомъ въ высшихъ суставчатыхъ та самая степень разсудительности, которую мы видимъ и въ низшихъ животныхъ, усилилась лишь въ своемъ проявленіи, вслѣдствіе органической способности передавать потомству пріобрѣтенныя привычки; вслѣдствіе развивающагося такимъ образомъ инстинкта общежительности и направленія психическихъ способностей на лучшее достиженіе этихъ инстинктивныхъ цѣлей; вслѣдствіе возможности сообщать другъ другу свои соображенія, всегда очевидныя для всѣхъ; вслѣдствіе большей сложности общественныхъ формъ, такимъ образомъ происшедшихъ. Такъ произошла культура въ средѣ органическаго міра, и существа, достигшія этой ступени, получили громадное преимущество надъ существами, неимѣвшими возможности ее выработать.

Я разсмотрѣлъ явленіе культуры исключительно въ группѣ суставчатыхъ, потому что, какъ и было упомянуто, здѣсь это явленіе высказывается съ наибольшею ясностью и чистотою. Въ классѣ млекопитающихъ явленія культуры тоже безспорны, но здѣсь они видоизмѣняются новымъ элементомъ, придающимъ психической жизни млекопитающихъ иной характеръ.

6. Начало работы мысли.

Психическія явленія въ позвоночныхъ животныхъ кажутся съ перваго взгляда весьма бѣдными, если ихъ сравнить съ общежитіемъ высшихъ суставчатыхъ, но за то въ первыхъ мы встрѣчаемъ такъ много, напоминающаго человѣка, что животный эпосъ, съ его человѣческою обстановкою, кажется намъ совершенно правомѣрнымъ, пока въ немъ участвуютъ волки, лисицы, львы, собаки. Подъ этою маскою мы легко узнаемъ человѣка, какъ въ карикатурномъ изображеніи. Очеловѣченіе млекопитающихъ есть столь же дозволительный пріемъ, какъ пѣніе участниковъ драмы на оперной сценѣ. Уже это самое наводитъ

на мысль, что отсутствіе въ мірѣ позвоночныхъ тѣхъ сложныхъ формъ общежительности, которыя мы видимъ у высшихъ суставчатыхъ, происходитъ отъ психическаго строя не количественно-бѣднѣйшаго, а качественно-инаго.

Я уже говорилъ, что въ низшихъ позвоночныхъ мы не находимъ никакихъ особенныхъ психическихъ явленій, которыя побудили бы поставить рыбъ, земноводныхъ или пресмыкающихся особенно выше низшихъ суставчатыхъ и, даже, головоногихъ. Потребности вызываютъ дѣйствія; привычныя дѣйствія обособляютъ наслѣдственныя склонности; унаслѣдованныя привычки приспособленія къ средѣ образуютъ болѣе или менѣе выработанные и разнообразные инстинкты; общежительность развита весьма слабо и мы не замѣчаемъ явленій взаимной помощи между особями; общее удовлетвореніе прямой потребности, въ особенности же половой, есть едва-ли не единственная причина, временно сближающая особей.

Въ жизни птицъ и млекопитающихъ тоже встрѣчаемъ многочисленныя явленія, которыя приходится объяснить тѣмъ же путемъ, какъ объясняются и самые простые и самые сложные факты общежительности суставчатыхъ. Къ этой группѣ явленій, которыя я, вслѣдъ за многими писателями, буду называть *инстинктивными*, относится наибольшая часть того, что наиболѣе бросается въ глаза въ общежитіи птицъ и млекопитающихъ, и на что было обращено преимущественное вниманіе изслѣдователей, именно все то, что входитъ въ область видовыхъ и родовыхъ обычаевъ животныхъ. Домостроительство птицъ и млекопитающихъ есть явленіе совершенно однородное домостроительству термитовъ и пчелъ; даже у послѣднихъ надо признать его болѣе совершеннымъ. Въ унаслѣдованныхъ органическихъ наклонностяхъ и привычкахъ разныхъ видовъ птицъ надо искать причины для устройства ихъ разнообразныхъ гнѣздъ, для характера ихъ пѣнья, для ихъ періодическихъ перелетовъ. Здѣсь же источникъ наклонности къ устроенію одиночныхъ, семейныхъ или общественныхъ норъ у млекопитающихъ, городовъ, создаваемыхъ бобрами, запасовъ, накопляемыхъ иными грызунами, и т. п. Конечно, можно здѣсь много отнести къ прямому преданію, такъ-какъ почти постоянно молодыя животныя остаются достаточное время въ обществѣ взрослыхъ, чтобы послѣднія могли передать имъ результаты выработанной ими техники и пріобрѣтенныхъ привычекъ жизни. Не многіе факты доказываютъ, что можно обойтись безъ этого объясненія (у суставчатыхъ, во многихъ случаяхъ, какъ я указалъ, совершенно неприложимаго) и удержать теорію унаслѣдованныхъ органическихъ наклонно-

стей даже для привычекъ, пріобрѣтенныхъ родителями путемъ культуры и вліянія человѣка. Щенокъ, удаленный отъ матери немедленно послѣ рожденія, очень часто умѣетъ дѣлать стойку, когда выростетъ, если онъ произошелъ отъ охотничьей собаки, или умѣетъ бѣгать около стада, если произошелъ отъ собаки пастушьей. Если европейская кукушка кладетъ яйца въ чужія гнѣзда, а бразильская выводитъ ихъ сама, то и это, въ настоящемъ, надо уже приписать наслѣдственному инстинкту [1].

Но при всѣхъ этихъ явленіяхъ, которыя не дозволяли бы нисколько отдѣлить психическую жизнь высшихъ разрядовъ позвоночныхъ отъ психической жизни безпозвоночныхъ, мы находимъ нѣкоторыя особенности. Вопервыхъ, индивидуальная разница въ степени подчиненія истинктамъ становится такъ велика, что бросается въ глаза самому неразвитому наблюдателю, тогда какъ у суставчатыхъ она ускользаетъ большею частью отъ наблюденія самаго внимательнаго изслѣдователя. Вовторыхъ, мы не встрѣчаемъ здѣсь ни того безусловнаго слѣдованія однажды пріобрѣтеннымъ формамъ культуры, ни того внезапнаго измѣненія привычекъ цѣлаго общества, которыя я указалъ у суставчатыхъ. Особь можетъ отклониться нѣсколько отъ прежнихъ привычекъ, ею унаслѣдованныхъ, приноровиться къ новымъ обстоятельствамъ среды, за тѣмъ возвратиться къ прежнимъ привычкамъ при возвращеніи къ прежней обстановкѣ. Новыя привычки пріобрѣтаются постепенно, мало по малу; птицы и млекопитающія могутъ быть *пріучены*, *выучены*, *воспитаны*, и здѣсь лежитъ одинъ изъ источниковъ того нравственнаго сближенія, которое можетъ существовать между человѣкомъ и нѣкоторыми породами млекопитающихъ и птицъ, той высокой степени одомашненья, которая развила въ предѣлахъ историческаго періода собакъ и лошадей, болѣе различныхъ умственно между собою, чѣмъ съ другими породами, и сблизила въ одно общежитіе съ малоразличными привычками даже естественныхъ враговъ: собакъ и кошекъ, кошекъ и птицъ [2].

Втретьихъ, общежительность птицъ и млекопитающихъ, по крайней мѣрѣ у наиболѣе развитыхъ породъ, отличается нѣкоторыми весьма существенными признаками отъ общежительности суставчатыхъ, и проявляется преимущественно въ двухъ формахъ: во временномъ союзѣ большаго числа особей для опредѣленной цѣли, и въ семейной связи по выбору. Животныя

---

[1] См. *Ch. Darwin*: «On the origin of species». Ch. VII, и *Wundt*: «Vorlesungen» etc.

[2] См. въ особенности *А. Э. Брэма*: «Иллюстрированная жизнь животныхъ» I, 287 и слѣд., 320 и слѣд.

сохраняютъ свою личную особенность, пока нѣтъ необходимости вступить въ союзъ, и оставляютъ его, какъ лишь необходимость миновала. Онъ представляется не неизбѣжнымъ явленіемъ, безъ котораго существованіе животнаго немыслимо, а полезнымъ средствомъ, выбраннымъ болѣе или менѣе сознательно, для назначенной цѣли. Напримѣръ, республиканцы или общественные ткачики (Philoeterus socius) живутъ по тысячѣ подъ одною крышею, но каждая семья имѣетъ свое гнѣздо и свою обособленную дѣятельность, хотя, повидимому, встрѣчается общая защита отъ непріятеля *. Это равнодушное сближеніе или раздѣленіе особей въ высшихъ классахъ не есть вовсе признакъ низшаго психическаго развитія, подобнаго тому, которое видимъ у низшихъ животныхъ, такъ-какъ эти же самыя существа выказываютъ личную привязанность, идущую даже за предѣлы своего вида, а, въ бо̀льшей части случаевъ, обусловливающую нѣкоторыя особенности культуры, иногда же и особенности анатомическаго строенія. Уже у птицъ мы встрѣчаемъ не только безразличное совокупленіе самца съ самкой, но *выборъ* одной особи изъ многихъ подобныхъ, предпочтеніе, оказываемое на основаніи личныхъ особенностей, соперничество въ любви. Оно выказывается ревностью, непримиримыми поединками у однихъ видовъ, конкурсами въ пѣніи у другихъ. Это соперничество можно считать источникомъ развитія красиваго оперенья у соперничествующихъ самцовъ, развитія ихъ музыкальныхъ способностей, точно также, какъ развитія силы и ловкости у самцовъ, гдѣ самка пріобрѣталась съ бою. Подобный процессъ довольно не трудно себѣ объяснить на основаніи естественнаго подбора въ совокупности съ явленіями личнаго выбора. Въ рядѣ поколѣній изъ соперничествующихъ самцовъ одного и того же вида самка выбирала преимущественно тѣхъ, оперенье которыхъ было лучше, или пѣніе увлекательнѣе, слѣдовательно эти самцы имѣли болѣе вѣроятности оставить потомство и передать ему свои особенности красиваго оперенья или звучной пѣсни. Это относилось только до мужескаго потомства, потому что самки пріобрѣтали поклонниковъ независимо отъ своихъ особенностей. Совершенно понятно, что, наконецъ, естественный подборъ сохранилъ, какъ прочные виды, лишь такія породы, гдѣ самцы унаслѣдовали особенности красивой внѣшности или музыкальнаго таланта. И то и другое само по себѣ не имѣетъ психической важности, но важна здѣсь способность *выбора*, обусловившая и то и другое. Это

* Тамъ же. III, 235 и слѣд. *F. A. Pouchet*: «L'Univers», 142.

уже есть начало выработки *личности*, первая ступень психическаго развитія, которое, въ болѣе усовершенствованной породѣ, должно было повести къ критикѣ, слѣдовательно къ высшимъ результатамъ исторіи.

Способность *выбора*, весьма распространенная въ классѣ птицъ, повела въ нѣкоторыхъ группахъ и къ явленіямъ аффектовъ, перешедшихъ въ то, что̀ мы по праву можемъ назвать привязанностью, и она доходитъ до самоотверженія. О нѣкоторыхъ аффектахъ я уже говорилъ, какъ-то о ревности, ослѣпляющей самцовъ воробьиныхъ птицъ (Passeres) до того, что они совершенно пренебрегаютъ при этомъ самосохраненіемъ [1]. Нельзя придавать здѣсь особенной важности самоотверженію, замѣчаемому во взрослыхъ особяхъ при охраненіи своихъ дѣтенышей отъ опасности. Это можно еще объяснить лишь унаслѣдованною привычкою, которая, способствуя сохраненію потомства именно у такихъ породъ, дѣлала ихъ существованіе болѣе прочнымъ и, слѣдовательно, болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ существованіе породъ, не обладающихъ подобнымъ инстинктомъ. Но среди птицъ мы находимъ примѣры привязанностей въ оборонѣ другъ друга, привязанностей въ сожительствѣ, причемъ попугайчикъ (Psittacula) умираетъ съ тоски, лишенный своего товарища [2]. Наконецъ, птица можетъ въ самомъ дѣлѣ привязаться къ человѣку, возвращаться къ нему даже послѣ того, когда она снова жила свободною жизнію между неодомашненными родичами. Если вѣрить нѣкоторымъ разсказамъ (сообщаемымъ Ленцомъ), то снигирь (Pyrrhula) можетъ даже умереть отъ аффектовъ [3].

Всѣ эти явленія показываютъ въ позвоночныхъ психическіе процессы уже не количественно, а качественно различающіеся отъ того, что̀ видимъ въ безпозвоночныхъ. Этого и слѣдовало ожидать, когда главная нервная система позвоночныхъ представляется намъ не дальнѣйшимъ развитіемъ системы нервныхъ узловъ со спайками, какъ у низшихъ животныхъ, а совершенно новымъ органомъ. Въ спинно-головномъ мозгу позвоночныхъ слѣдуетъ, вѣроятно, искать источникъ той дѣятельности *личной мысли*, которую мы замѣчаемъ въ высшихъ группахъ позвоночныхъ. Пока эта мозговая система не имѣетъ еще достаточнаго развитія, какъ у рыбъ, земноводныхъ и пресмыкающихся, до тѣхъ поръ и позвоночныя не только не могутъ быть поставлены выше суставчатыхъ, или даже головоногихъ, въ

---

[1] Многочисленные примѣры см. у *А. Э. Брэма*, III, 88 и слѣд.

[2] Тамъ же. III, 35 и слѣд.

[3] Тамъ же. III, 121 и слѣд.

психическомъ отношеніи, но стоятъ, безспорно, ниже многихъ суставчатыхъ, потому что наклонность къ личной дѣятельности, лежащая уже въ строѣ ихъ мозга, не дозволяла имъ развить такую стройную культуру, которую замѣчаемъ у муравьевъ и пчелъ, а недостаточная выработка мозга не дозволяла еще развиться психической личности. Но, наконецъ, въ классѣ птицъ и млекопитающихъ, нѣкоторыя группы уже могли заявить именно ту особенность, возможность которой давно уже лежала въ строеніи ихъ мозга. Въ классѣ птицъ эта особенность выражается силою аффекта въ особяхъ и личнымъ выборомъ. Она выражается еще не только возможностью приспособленія, пріученія, но и способностью относиться отрицательно къ существующему обычаю. Какъ на весьма характеристическій фактъ въ этомъ случаѣ, можно указать на анекдотъ (приводимый Вундтомъ) о тайной измѣнѣ самки аиста своему мужу и о мѣрахъ, принятыхъ ею для скрытія своего отступленія отъ семейнаго обычая *. Если этотъ анекдотъ справедливъ, то мы имѣемъ здѣсь уже примѣръ того противоположенія личнаго влеченія обычаю, которое составляетъ основный элементъ человѣческой исторіи. Отрицаніе начинается, совершенно естественно, не въ области понятій, еще недоступной мозгу птицы, а въ области аффекта, чувственнаго влеченія. Важно здѣсь особенно то, что поступокъ птицы доказываетъ одновременно сознаніе установившагося культурнаго обычая, грозящаго наказаніемъ (которое она не потерпѣла впослѣдствіи) и сознаніе своего отрицательнаго отношенія къ этому обычаю. Подобныхъ фактовъ среди самыхъ развитыхъ суставчатыхъ мы не видимъ: тамъ подчиненіе единицы обычаю — безусловно. Можетъ быть, сюда же слѣдуетъ отнести другое явленіе, тоже замѣчаемое у птицъ, вообще живущихъ въ дикомъ состояніи, но способныхъ быть пріученными къ жизни въ клѣткѣ. Хотя птица привыкла къ клѣткѣ, и, повидимому, не мечтаетъ о свободѣ, но, при первой неосторожности тюремщика, когда случайно есть возможность уйдти, большинство заключенныхъ воспользуется неосторожностью и улетитъ на свободу даже послѣ нѣсколькихъ лѣтъ заключенія. Иногда при этомъ птица сохранитъ привязанность къ своему хозяину, прилетитъ снова, даже со своей новой семьей (Брэмъ приводитъ подобные случаи), но она не подчинится привычкѣ заключенія. У муравьевъ никогда не наблюдали, чтобы невольники пытались уйдти отъ своихъ владѣльцевъ, даже при совершенномъ ихъ безсиліи. Все это по-

* *Wundt*: «Vorlesungen über. Menschen und Thierseele». II, 191.

буждаетъ сказать, что съ нѣкоторыми группами класса птицъ, мы переходимъ за предѣлы области *культурныхъ* животныхъ, въ область животныхъ, одаренныхъ высшею психическою способностью, способностью личнаго *выбора*.

Съ этимъ связано и появленіе у нѣкоторыхъ группъ птицъ наклонностей, которыя могутъ быть названы элементарнымъ стремленіемъ къ искусству. Именно у атласныхъ птицъ (Ptilonorhynchus holosericeus) новаго южнаго Уэльса Гульдъ нашелъ кромѣ обычныхъ гнѣздъ еще архитектурныя постройки, назначенныя для удовольствія, для прогулки, обсаженныя вѣтками въ родѣ аллей, воткнутыхъ въ землю и украшенныхъ всѣми красивыми перьями, пестрыми раковинами или блестящими вещицами, какія можетъ достать птица [1]. Здѣсь мы уже имѣемъ стремленіе *къ лучшему*, сперва въ простѣйшей формѣ украшенія, которую находимъ и у низшихъ племенъ человѣка. Впрочемъ, склонность собирать блестящія вещи, какъ нѣчто нравящееся, пріятное, хотя и вовсе не необходимое, давно уже была извѣстна у воронъ и сорокъ.

Я замѣтилъ выше, что привязанность между особями нельзя относить только къ инстинктамъ, поддерживающимъ видъ. Она проявляется не только между самцомъ и самкой, какъ у попугайчиковъ, но также между самцами одной и той же породы, напримѣръ, у какаду-воронъ (colyptorhinebus Banksii) или у снигирей (по Брэму), она доходитъ до забвенія всякой опасности [2], наконецъ сближаетъ даже разныя породы, напримѣръ, кардинала (Cardinalis virginianus) съ воспитаннымъ имъ коровьимъ скворцомъ (Molothrus peroris) [3].

Переходя къ млекопитающимъ, мы опять встрѣчаемъ явленіе, подобное тому, которое можетъ удивить поверхностнаго наблюдателя при переходѣ отъ безпозвоночныхъ къ позвоночнымъ. Въ большинствѣ млекопитающихъ мы столь же мало замѣтимъ поразительныя явленія аффективнаго выбора, отличающія многихъ птицъ, какъ среди позвоночныхъ культуру муравьевъ и пчелъ. Мало того, тамъ, гдѣ у млекопитающихъ (кромѣ обезьянъ) развита привязанность, она представляется намъ результатомъ воспитанія, получаемаго отъ человѣка; результатомъ введенія животнаго не въ ту безсознательную систему органическаго міра, которая обусловливалась развитіемъ пра-организмовъ и борьбою за существованіе, а въ систему, обусловливаемую критическою мыслью человѣка, съ его оцѣнкою полезнаго и вред-

[1] *А. Э. Брэмъ*. III, 335; *F. A. Pouchet*, 147.
[2] *А. Э. Брэмъ*. III, 54, 119.
[3] *А. Э. Брэмъ*. II, 304.

*

наго, съ его стремленіемъ устранить самыя жестокія случайности борьбы за существованіе. Собака, кошка, лошадь представляютъ лучшіе примѣры сознательной привязанности между млекопитающими, но привязанности развитой одомашненіемъ. Изъ дикихъ животныхъ, можетъ быть, слонъ есть единственное существо, которое, и до подчиненія человѣческой культурѣ, способенъ къ сильной привязанности. Я не говорю здѣсь ни о самоотверженности самокъ въ отношеніи дѣтенышей, ни о временной связи самцовъ съ самками во время течки, такъ-какъ то и другое, какъ прямо связанное съ сохраненіемъ породы, представляетъ одну изъ формъ элементарныхъ инстинктовъ, простѣйшихъ орудій въ борьбѣ за существованіе, а не дальнѣйшую ступень развитія.

Но низшая ступень аффективныхъ увлеченій не есть доказательство низшаго развитія. Давно замѣчено (по Вундту), что и между птицами породы, способныя къ наисильнѣйшимъ и напрочнѣйшимъ проявленіямъ аффекта, еще далеко не совпадаютъ съ породами наиболѣе умными [1]. Разсудительность и сдержанность, разсчетъ пользы и цѣлесообразности лишь въ слабой степени возбуждаются аффектами, а, при усиленіи аффекта, не могутъ уже совершаться вполнѣ правильно. Когда снигири возвращаются предъ дуломъ ружья охотника къ трупу только что убитаго собрата, это доказываетъ ихъ привязанность, но не сообразительность. Напротивъ, когда лисица мститъ за взятіе ея дѣтеныша истребленіемъ тридцати индѣекъ, кладетъ одну изъ жертвъ своихъ предъ закованнымъ дѣтенышемъ для его лакомства, а сама скрывается [2], это — дѣло сложнаго разсчета, гдѣ взвѣшено возможное и невозможное, привязанность сдержана разсудительностью и аффектъ проявляется не безграничнымъ властителемъ дѣйствій, но *однимъ* изъ органовъ *мысли*.

Работа мысли—вотъ ступень, достигаемая млекопитающими въ психическомъ развитіи организмовъ. Эту ступень нельзя назвать качественно-отличающеюся отъ психическаго развитія птицъ, потому что между птицами мы видимъ тѣ же явленія сообразительности и разсчета, какъ и между млекопитающими, только въ меньшей мѣрѣ. Это, опять таки, совершенно аналогично тому обстоятельству, что нервная система млекопитающихъ вовсе не отличается существенно отъ нервной системы птицъ, а представляетъ лишь дальнѣйшее развитіе послѣдней въ частностяхъ, въ особенности же въ мозгѣ. Первое прояв-

[1] *Wundt*. II, 189.
[2] *А. Э. Брэмъ*. I, 441.

леніе работы мысли представляется намъ въ видѣ вовсе не привлекательномъ, въ формѣ самаго грубаго эгоизма. Самецъ хищныхъ—самыхъ развитыхъ млекопитающихъ за исключеніемъ обезьянъ—весьма часто съѣдаетъ дѣтенышей, если самка тому не помѣшаетъ и не спрячетъ ихъ отъ него [1]. У одного изъ самыхъ умныхъ хищныхъ животныхъ, у лисицы, встрѣчали примѣры, что дѣтеныши одного помета съѣдали одного изъ своихъ братьевъ, что дѣти съѣдали мать [2]. У собакъ встрѣчаемъ многомужество, явленіе крайне рѣдкое среди животныхъ. Стремленіе къ украшенію, зародышъ искусства, который я указалъ у птицъ, какъ бы исчезаетъ у млекопитающихъ. Онъ представляется только въ любви: въ чистотѣ, въ стремленіи поддерживать гладкость шерсти, опрятность норы, т.-е. опять въ размѣрахъ полезнаго и цѣлесообразнаго, а не аффективно-привлекательнаго. Между кошками и собаками, особенно въ дикомъ состояніи, мы видимъ огромный капиталъ разсчета, разсудительности, хитрости, употребленной на одну цѣль, на добываніе лучшей пищи, на хищничество. Если большіе хищники принуждены къ этому безпрестанному направленію мысли въ одну сторону бо̀льшимъ количествомъ пищи, имъ необходимой, то меньшія животныя, въ особенности грызуны, приходятъ къ той же жестокой необходимости вслѣдствіе своего чрезвычайнаго размноженія и усиленія борьбы за существованіе, изъ этого слѣдующей. Въ опасностяхъ, безпрестанно окружающихъ высшихъ млекопитающихъ до обезьянъ, частью отъ голода, частью отъ многочисленныхъ враговъ, надо искать причины тому явленію, что работа мысли этихъ животныхъ обратилась исключительно на предметъ поддержанія личнаго и видоваго существованія, слѣдовательно представляла слабую возможность совершенствоваться въ длинномъ рядѣ поколѣній. Мы имѣемъ положительныя доказательства, что эта работа мысли *можетъ* быть направлена иначе при лучшихъ обстоятельствахъ и эти доказательства даютъ намъ именно хищныя животныя. Въ ихъ классѣ человѣкъ нашелъ двухъ наиболѣе очеловѣченныхъ животныхъ, собаку и кошку. Онъ ихъ поработилъ, подчинилъ *своимъ* стремленіямъ, *своимъ* цѣлямъ, сдѣлалъ ихъ игрушками своихъ пороковъ и животныхъ наклонностей, слѣдовательно давалъ имъ самое скверное воспитаніе, самое пошлое психическое развитіе. И между тѣмъ одомашенныя хищныя выказали замѣчательную способность къ разсудительности, къ привязанности, къ оцѣнкѣ низшихъ че-

[1] См. тамъ же. I, отдѣлъ второй, отрядъ пятый.
[2] Тамъ же. I, 444.

ловѣческихъ цѣлей. Они развивались аффективно не только въ отношеніи человѣка, но и безусловно. Собаки сдружились съ кошками, съ птицами, кормили дѣтенышей другихъ породъ. Кошки учили котятъ не трогать птицъ [1]. Пудель устыдилъ человѣка, находя совершенно несообразнымъ, что его уськаютъ на другаго человѣка [2]. Вопросъ о томъ, чѣмъ *могутъ* сдѣлаться млекопитающія при раціональномъ развитіи ихъ, когда человѣкъ будетъ ставить себѣ лишь человѣчныя цѣли и не будетъ представлять животнымъ худшаго примѣра хищничества и животныхъ наклонностей, когда онъ станетъ имѣть въ виду ихъ благо и ихъ развитіе на столько же, какъ свою пользу — этотъ вопросъ не получилъ даже начальнаго рѣшенія.

Здѣсь прибавимъ, что уже у птицъ, въ особенности же у млекопитающихъ, мы встрѣчаемъ семью не только какъ органъ размноженія породы, но и какъ органъ воспитанія особей. Тигрята и лисенята воспитываются матерями съ опредѣленною постепенностью, и человѣкъ употребляетъ для пріученія животныхъ къ своимъ цѣлямъ не болѣе искусные и утонченные способы, какъ взрослыя самки животныхъ. Ассоціація представленій и переимчивость — вотъ два элементарные психическіе пріема, которые при этомъ имѣются въ виду. Вторымъ пріемомъ человѣкъ даже пользуется въ несравненно меньшей мѣрѣ, чѣмъ бы могъ это сдѣлать, и почти вся область его приложенія этого пріема заключается въ выученіи птицъ свистать глупыя пѣсни или выговаривать пошлости. Между тѣмъ переимчивость, играющая такую важную роль въ развитіи дѣтей, вообще весьма сильна между животными, и въ ней многіе писатели указывали причину психической разницы между собаками или кошками, живущими въ семьяхъ различнаго характера, подъ вліяніемъ различно развитыхъ людей [3]. Едва-ли можно усомниться, что высшія животныя возвысятся нравственно и умственно, когда основной предметъ ихъ подражанія, человѣкъ, тоже возвысится и когда, въ большинствѣ случаевъ, семьи, среди которыхъ эти животныя существуютъ, будутъ представлять нѣчто повыше рутиннаго обихода мыслей, вовсе не очень далеко ушедшаго отъ семей низшихъ млекопитающихъ.

7. Обезьяны.

Говоря въ предъидущемъ о психическомъ развитіи млекопитающихъ, я постоянно исключалъ ту группу ихъ, которая пред-

[1] Тамъ же. I, 298.
[2] Тамъ же. I, 401.
[3] Тамъ же. I, 296, 348.

ставляетъ наибольшій интересъ для антрополога и для историка, потому что современныя изслѣдованія связываютъ ее всего теснѣе съ человѣкомъ. Слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ знаменитый систематикъ органическаго міра внесъ въ зоологическую классификацію порядокъ *человѣкообразныхъ*. Со времени того, о которомъ современники могли сказать: «Богъ сотворилъ, Линней распредѣлилъ» (Deus creavit, Linneus disposuit), сравнительная анатомія сдѣлала значительные успѣхи. Онъ самъ чрезъ 18 лѣтъ составилъ свой высшій порядокъ *приматовъ* иначе, чѣмъ прежде порядокъ человѣкообразныхъ [1]. Но двѣ высшія группы оставались неизмѣнны въ томъ и другомъ—человѣкъ и обезьяна; и теперь, послѣ многочисленныхъ споровъ, послѣ тщательныхъ сличеній, зоологи приходятъ къ заключенію, что нѣтъ ни одного характеристическаго различія, которое бы можно установить между ними. Разница между высшими человѣкообразными обезьянами и низшими формами этой группы, подходящими къ полуобезьянамъ, далеко значительнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ разница между низшими формами человѣка и высшими человѣкообразными [2]. А если взять въ соображеніе нѣкоторые ископаемые остатки человѣка и нѣкоторыя формы *физически-здоровыхъ* идіотовъ, то постепенность перехода формъ во всей группѣ дѣлается еще болѣе замѣтной.

Межчелюстная кость, которую въ прежнее время не находили у человѣка, найдена у него, только сростаніе ея у человѣка происходитъ ранѣе. Зубы человѣка (одинъ изъ важныхъ признаковъ классификаціи млекопитающихъ) сходны съ зубами обезьянъ стараго свѣта, даже въ порядкѣ прорѣзыванія зубовъ мы встрѣчаемъ сходственныя явленія въ обѣихъ группахъ. Въ зародышѣ человѣка мы имѣемъ аналогію хвоста и аномаліи, часто встрѣчающихся въ сросшихся позвонкахъ, образующихъ хвостцовую кость, указываютъ какъ мало прочна эта особенность типа у человѣка, какъ и у высшихъ обезьянъ. Попытка открыть въ строеніи человѣческаго мозга, или въ формѣ мозговыхъ извилинъ, какую либо особенность, не встрѣчающіяся у обезьянъ, не дала никакого результата. Лишь по величинѣ мозга между *мыслящимъ* человѣкомъ нашего времени и совре-

[1] Въ изданіи «Systema Naturae» 1740 г. находимъ:

Classis I. Quadrupedia. Ordo I. Anthropomorpha: 1. Homo; 2. Simia; 3. Bradypus; 4. Mystecophaga.

Въ изданіи 1758 г.

I. Primates: 1. Homo; 2. Simia; 3. Zemur; 4. Vespertilio.

[2] См. *Т. Г. Гексли*: «О положеніи человѣка въ ряду органическихъ существъ» (1864) 117, 123 и слѣд.

менною намъ обезьяною представляется глубокая пропасть, но и ее наполняетъ мозгъ малоголовыхъ идіотовъ [1]. Лишь обезьяна имѣетъ подобно человѣку осязательные сосочки, допускающіе болѣе тонкое чувство осязанія; лишь она и человѣкъ имѣютъ на сѣтчатой оболочкѣ глаза желтое пятно съ центральнымъ углубленіемъ (Favea centralis); лишь у нея лабиринтъ уха такой же, какъ у человѣка.—Прежде считали обезьянъ *четверорукими* въ отличіе отъ двурукаго человѣка, но новѣйшія изслѣдованія доказываютъ, что въ строеніи мускуловъ задняя конечность обезьяны точно также отличается отъ передней, какъ нога человѣка отъ руки. Правда, что *употребленіе* приспособило заднія оконечности обезьянъ преимущественно къ хватанію, но уже у гориллы замѣтенъ переходъ въ формѣ ноги, въ особенности въ пяткѣ, подобно тому, какъ ея способъ передвиженія составляетъ среднюю ступень между способомъ передвиженія низшихъ существъ и походкой человѣка. Всюду мы находимъ промежуточныя ступени, указывающія на постепенный переходъ, на развитіе, совершившееся въ давнопрошедшее время, но не дозволяющее добросовѣстному зоологу провести болѣе рѣзкую черту между различными группами высшихъ животныхъ формъ, чѣмъ онъ проводитъ между различными формами хищныхъ или грызуновъ [2].

Собраніе группъ, которымъ даютъ общее названіе обезьянъ, представляетъ весьма разнообразные типы, спускается по росту въ игрункахъ до величины бѣлки и превосходитъ въ гориллѣ ростъ человѣка [3]. Мы встрѣчаемъ то длинный хвостъ, играющій въ жизни обезьяны болѣе важную роль, чѣмъ въ жизни какого либо другаго животнаго, то совершенное отсутствіе хвоста. Великолѣпная епанча гверецы (Colobus guereza), уродливо-разрисованное тѣло мандрила (Papiomormon) и длинная борода чертовой обезьяны (Pithecia satanas) разнообразятъ ихъ внѣшность до чрезвычайности. Какъ строеніе тѣла обезьянъ напоминаетъ наблюдателю то грызуновъ, то хищныхъ, то человѣка, такъ и умственное развитіе ихъ чрезвычайно различно [4].

[1] См. весьма замѣчательный мемуаръ, получившій въ Парижѣ Годаровскую премію: *C. Vogt*: «Ueb. d. Mikrocephalen od. Affen—Menschen», помѣщ. въ «Archiv f. Anthropologie» II, 2-ter Heft (1867), и появился особо по-нѣмецки и французски.

[2] См. *Schaafhausen*: «Ueber d. anthropologischen Fragen der Gegenwart» въ «Arch. f. Anthropolog.» II, 336 и слѣд. Тамъ указаны и сочиненія, гдѣ спеціально разработаны упомянутые вопросы.

[3] *А. Э. Брэмъ*. I, 2.

[4] Для подробностей см. вообще *А. Э. Брэмъ*, т. I.

Ископаемые остатки обезьянъ попадаются въ нижнихъ пластахъ третичной системы и указываютъ, что распредѣленіе суши и воды дозволяло имъ прежде жить подъ значительно большими широтами, чѣмъ теперь, когда ихъ распространеніе въ старомъ свѣтѣ ограничено 35⁰ ю. ш. и 37⁰ сѣв. ш , а въ новомъ 28⁰ с. ш. и 29⁰ ю. ш. Если предположеніе первобытнаго сухопутнаго соединенія Африки съ Южною Америкою можетъ быть допущено [1], то слѣдуетъ предположить, что отдѣленіе типовъ американскихъ обезьянъ совершилось гораздо ранѣе и что тамъ борьба за существованіе была для нихъ легче, такъ-какъ среди ихъ сохранились когтистыя обезьяны (Arctopithеci); игрунки и тамарины, составляющіе переходъ къ низшимъ формамъ, и вообще породы плосконосыхъ (американскихъ) обезьянъ не развили ни той живости, ни того ума, ни той тонкости чувствъ, которыя замѣчаемъ у обезьянъ стараго свѣта. Тѣ породы плосконосыхъ, хвостъ которыхъ не служитъ имъ существеннымъ органомъ жизни, стоятъ вообще ниже по развитію. Между тѣмъ у сапажу (Cebes), у пауковидныхъ обезьянъ (Ateles) и у ревуновъ (Mycetes) очевидно психическая жизнь слабѣе именно потому, что въ жизни этихъ животныхъ хвостъ, далеко неспособный сдѣлаться столь удобнымъ органомъ сравненія осязательныхъ ощущеній какъ рука, получилъ преобладающее значеніе. Ревуны дошли лишь до развитія музыкальныхъ наклонностей, которыя, впрочемъ, для человѣка кажутся совершенно чуждыми всякаго гармоническаго начала.

Гораздо интереснѣйшія явленія представляютъ узконосыя обезьяны стараго свѣта. Здѣсь мы видимъ, вопервыхъ, древнее развѣтвленіе трехъ формъ африканскихъ обезьянъ: павіановъ (Cynocephalus), мартышекъ (Cereopitheus) и толстотѣлыхъ обезьянъ (Colobus), на столько несходныхъ между собою, что ихъ приходится считать тремя совершенно установившимися родовыми типами. Далѣе ископаемыя греческія обезьяны (Mesopithecus) представляютъ очевидно форму, близкую къ общимъ предкамъ макаковъ (Macacus, Jnnus) и тонкотѣлыхъ обезьянъ (Semnopithecus) [2], нынѣ обитающихъ преимущественно въ Азіи, за исключеніемъ того замѣчательнаго безхвостаго макака маго (Innus ecaudatus), который остался теперь на гибралтарской

---

[1] См. «Isis». IV, 117 и слѣд.

[2] По Годри, которому наиболѣе обязаны изслѣдованіями ископаемыхъ обезьянъ Греціи, Mesopithecus сходенъ по черепу съ Enopithecus, а по строенію членовъ съ Macacus (*C. Vogt*: «Vorles. üb. den Menschen» II, 267). Поэтому едва-ли можно, какъ сдѣлалъ Гэккель (492), относить эти два рода къ группамъ разнаго происхожденія, на основаніи присутствія или отсутствія у нихъ защечныхъ мѣшковъ.

скалѣ единственною европейскою обезьяною. Къ тонкотѣлымъ принадлежитъ и обезьяна, которая для поверхностнаго наблюдателя покажется, конечно, всего болѣе близкой къ человѣку, именно потому, что у нея чисто человѣческій носъ; я говорю о носачѣ (Semnop. Nasica), живущемъ на Борнео. Вѣроятно отъ предковъ макаковъ и тонкотѣлыхъ отдѣлилась и низшая человѣкообразная безхвостная обезьяна, гиббонъ (Hylobates) [1], которая, по сравнительной длинѣ переднихъ оконечностей, превосходитъ всѣхъ прочихъ человѣкообразныхъ, и, по устройству груднаго ящика, наиболѣе сближается съ человѣкомъ. Здѣсь же надо искать и предковъ второй человѣкообразной обезьяны: широкоголоваго орангъ-утанга (Pithecus Satyrus), живущаго на Борнео и на другихъ Зондскихъ островахъ и мозгъ котораго ближе всѣхъ къ мозгу человѣка. Уже труднѣе прослѣдить родство павіановъ, мартышекъ и толстотѣлыхъ обезьянъ Африки съ двумя самыми огромными африканскими человѣкообразными, съ длинноголовыми чимпанзе (Pongo troglodytes) и гориллою (Gorilla), изъ которыхъ первая приближается къ человѣку по строенію своего черепа, вторая же по строенію конечностей [2].

Психическое развитіе обезьянъ представляетъ намъ ступень, какъ мнѣ кажется, недостаточно оцѣненную даже самыми безпристрастными зоологами (даже Брэмомъ). Невольно они становятся на точку зрѣнія, гдѣ человѣкъ считаетъ *свою* пользу, *свои* разсчеты центромъ цѣлаго міра и, не довольствуясь тѣмъ, что признаютъ въ обезьянѣ животное, отъ котораго человѣкъ получаетъ много вреда и почти никакой пользы, они осыпаютъ неукротимое животное бранью. Но за что такое раздраженіе? Если внимательно взвѣсить вины обезьянъ, то эти самыя вины доказываютъ психическую высоту этихъ животныхъ въ ряду организмовъ: формы обезьянъ не соотвѣтствуютъ идеалу человѣческихъ формъ, оставаясь между тѣмъ очень къ нимъ близкими; ихъ неукротимыя страсти не подчиняются требованіямъ приличія, поставленнымъ его воспитателями; ихъ вѣчно живая мысль не позволяетъ имъ лежать спокойно у ногъ хозяина, какъ собакѣ или кошкѣ, но вызываетъ обезьянъ къ постоянной дѣятельности, большею частью вредной для ихъ хозяевъ; ихъ чрезвычайная впечатлительность съ неимовѣрной быстротой позволяетъ имъ переходить отъ одного состоянія духа къ дру-

[1] А. Вагнеръ, впервые открывшій ископаемую обезьяну, считалъ Mesopithecus промежуточнымъ звѣномъ между Semnopithecus и Hylobates (*C. Vogt*. II, 267).

[2] См. *Haeckel*, 498.

гому, не выноситъ насмѣшки, косаго взгляда, но побуждаетъ ихъ долго помнить обиду и послѣ значительнаго времени мстить за нее. Именно все то, что̀ ставитъ обезьяну выше всѣхъ прочихъ млекопитающихъ, что̀ приближаетъ ее къ человѣку, не дозволяетъ ей быть безсмысленнымъ рабомъ его, покорною игрушкою его прихоти — именно это ставятъ въ укоръ обезьянамъ.

Я говорилъ выше, что въ млекопитающихъ вообще выработался разсчетливый умъ насчетъ аффективной стороны, составлявшей особенность психическаго развитія птицъ. Но въ обезьянахъ мы находимъ соединеніе этихъ двухъ элементовъ. Чрезвычайное развитіе осязательной способности въ ихъ конечностяхъ содѣйствовало умноженію представленій, ими пріобрѣтаемыхъ, и всѣ чувства дозволяютъ имъ расширить свои сношенія со внѣшнимъ міромъ далеко за предѣлы мысли прочихъ существъ. Прочія животныя могутъ наслаждаться реальными благами и ихъ удовольствія въ крайне рѣдкомъ случаѣ идутъ за предѣлы полезнаго. У обезьянъ мы встрѣчаемъ стремленіе къ наслажденіямъ, не только неимѣющимъ полезнаго значенія для ихъ существованія, но прямо вреднымъ, и, съ другой стороны, мы видимъ отвращеніе, не связанное ни съ какою дѣйствительною опасностью. Изъ всѣхъ животныхъ кромѣ человѣка одна обезьяна наслаждается наркотическимъ дѣйствіемъ табачнаго дыма *; ея отвращеніе къ пресмыкающимся есть не боязнь, потому что большія обезьяны не боятся ни леопарда, ни человѣка; это — нервное отвращеніе. Обезьяна раздражается до неистовства насмѣшками, недоброжелательными взглядами и понимаетъ ихъ значеніе. Поэтому она раздѣляетъ съ человѣкомъ способность увлекаться фантазіею, придавать вещамъ значеніе отличное отъ реальнаго, ставить пріятное и увлекательное выше полезнаго и направлять свои силы на доставленіе себѣ наслажденій независимо отъ ихъ пользы. Иные найдутъ это недостаткомъ, но прогрессъ человѣчества былъ обусловленъ возможностью создавать себѣ призраки, стремиться къ нимъ, изучать ихъ потому что они привлекательны, разрушать ихъ потому что они обманчивы, и подвигаться впередъ, стремясь къ тому, что̀ привлекательно. Переходъ отъ ограниченнаго сознанія непосредственной пользы къ увлеченію тѣмъ, что̀ любопытно, привлекательно для мысли, легъ въ основаніе науки и жизненной доблести. Но въ обезьянѣ работаетъ фантазія: она вноситъ въ бытіе предметовъ живой интересъ привлекательности ихъ для нея; ея любопытство уже близко къ любозна-

* *А. Э. Брэмъ.* I, 85.

тельности. Оттого ее такъ трудно пріучить къ чему либо, ее неинтересующему. Оттого она такъ быстро схватываетъ то, что̀ ее интересуетъ, такъ искусно стремится къ цѣли и употребляетъ для этого свои пальцы и свое неимовѣрно-гибкое тѣло, такъ ловко борется съ человѣкомъ. Безчисленные анекдоты о хитрости, догадливости, сообразительности обезьянъ конечно доказываютъ ихъ умственную силу; но ее еще сильнѣе доказываетъ то обстоятельство, что сильнѣйшіе хищники изъ животнаго міра съ трудомъ справляются даже съ обезьянами средняго роста, не говоря уже о человѣкообразныхъ. А слѣдуетъ прибавить и то, что самъ человѣкъ, лишь вооружаясь огнестрѣльнымъ оружіемъ, имѣетъ какой нибудь шансъ бороться съ этими врагами. Лишенный огнестрѣльнаго оружія, онъ могъ только преклониться предъ обезьяною, какъ предъ сверхъестественною силою, признать ее священною или порожденіемъ ада, воздвигать ей алтари или предоставить ей покорно свои сады на грабежъ. Обезьяна достигла этого потому, что соединяла хитрую мысль со страстнымъ возбужденіемъ.

Эта страстность обезьяны дѣлаетъ ее крайне непріятною для человѣка, но, въ то же время, вызываетъ среди обезьянъ весьма часто явленія сознательной и глубокой, но никогда не рабской привязанности, которыя, если и случаются среди иныхъ животныхъ, то лишь крайне рѣдко и какъ исключенія, такъ что разсказы о нихъ можно допустить лишь тогда, когда свидѣтельства были подвергнуты строгой критикѣ. Мимическая подвижность лица обезьянъ можетъ чрезвычайно рѣзко передавать самыя разнообразныя состоянія духа. Какъ обезьяны любятъ возбужденіе своей нервной системы табачнымъ дымомъ, такъ онѣ любятъ опьяненіе алкоголемъ. Здѣсь же лежитъ источникъ ихъ неутолимаго сладострастія: оно вызываетъ среди общества обезьянъ безпрестанныя драки; оно достигаетъ въ павіанахъ до безстыдства, дѣлающаго ихъ близость опасною женщинамъ; оно наполняетъ Индостанъ и Африку разсказами о похищеніи молодыхъ женщинъ обезьянами. Все это высказываетъ въ обезьянахъ присутствіе нервной системы, на столько развитой въ области ощущеній, что цѣли физіологической пользы отступаютъ предъ жаждою наслажденія, и дѣйствіе вызывается не только въ той мѣрѣ, въ какой оно нужно для поддержанія личности или вида, а въ размѣрахъ гораздо дальнѣйшихъ, опредѣляемыхъ лишь способностью совершать требуемое дѣйствіе. Но именно стремленіе увеличить количество наслажденій было въ человѣкѣ однимъ изъ важнѣйшихъ побужденій къ прогрессу, важнымъ шагомъ, который поставилъ предъ нимъ идеалъ лучшаго, когда

самая первоначальная борьба за существованіе была пройдена. Это неудержимое стремленіе наслаждаться и раздражать свою нервную систему не можетъ считаться въ группѣ обезьянъ ни чѣмъ инымъ, какъ дальнѣйшимъ психическимъ развитіемъ сравнительно съ низшими животными, какъ бы безобразно оно ни проявлялось.

Стремленіе къ увеличенію наслажденій выказывается и въ извѣстномъ лакомствѣ обезьянъ, столь непріятномъ для ихъ сосѣдей въ Азіи и въ Африкѣ. Когда обезьяны наполнили свои защечные мѣшочки про запасъ на всякій случай, онѣ не насыщаются, а вкушаютъ, лакомятся. Изъ колоса кукурузы обезьяна съѣстъ нѣсколько зеренъ и броситъ остальное; изъ нѣсколькихъ сорванныхъ плодовъ она съѣстъ немногіе, другіе укуситъ только, третьи совсѣмъ оставитъ. Она обнюхаетъ, попробуетъ, а не станетъ ѣсть безъ разбора. Она хочетъ наслаждаться. Но какъ только необходимость ставитъ ее въ другія обстоятельства, она ѣстъ почти все, что̀ дадутъ, что̀ попадется. Она выбираетъ наслажденіе, когда можетъ это сдѣлать, и ограничивается необходимымъ въ болѣе стѣсненномъ положеніи.

Но ея нервная система способна раздражаться не только прямочувственными удовольствіями, а также удовольствіями аффекта. Привязанность обезьянъ тѣмъ особенно замѣчательна, что она не ограничивается ихъ видомъ: онѣ весьма легко заключаютъ самую нѣжную дружбу съ обезьянами другаго рода, съ дѣтьми человѣка, съ котятами и щенками. Ухаживать за маленькимъ существомъ, возиться съ нимъ, заботиться о немъ, глядѣть на него, быть съ нимъ—составляетъ для нихъ наслажденіе столь сильное, что удаленіе и смерть любимаго существа весьма часто имѣютъ слѣдствіемъ смерть оставленной обезьяны, смерть отъ силы аффекта *. Конечно, аффектъ этотъ не только не разуменъ, но часто соединенъ съ самыми рѣзкими проявленіями эгоизма. Обезьяна, которая постоянно возится съ котятами, маленькими обезьянами другаго рода, даже съ собственными дѣтьми, постоянно ласкаетъ ихъ, способна дозволить имъ умереть съ голоду, захватывая себѣ всю ихъ порцію, но и между людьми неразумныя привязанности нерѣдко соединены съ эгоистическими выходками самаго грубаго свойства: какъ обезьяны, такъ и большинство людей холятъ милыя имъ существа, ухаживаютъ за ними лишь потому, что ихъ собственную нервную систему пріятно раздражаетъ процессъ холенья и ухаживанья, а лишь только другое побужденіе въ нихъ становится въ раз-

---

* *А. Э. Брэмъ.* II, 58, 89 и др.

рѣзъ съ благомъ этихъ милыхъ существъ, то благо послѣднихъ приносится въ жертву собственнымъ влеченіямъ безъ всякаго колебанія. Тѣмъ не менѣе привязанность среди обезьянъ надо считать весьма сильною, и она способна вызвать ихъ на поступокъ, который можно бы въ человѣкѣ поставить весьма высоко, тѣмъ болѣе, что это не поступки неразумной страсти, а поступки обдуманнаго мужества. Когда предъ ружьями охотниковъ и предъ носомъ ихъ собакъ (которыхъ обезьяны боятся болѣе, чѣмъ людей), старый павіанъ, предводитель общины, спускается въ кусты, чтобы захватить оставленнаго павіана-малютку, и поглаживая его по головѣ, чтобы утѣшить испуганное дитя, возвращается къ семьѣ, не обращая даже вниманія на охотниковъ, то должно признать за сладострастнымъ безобразникомъ силу духа, которой могли бы позавидовать многіе люди [1]. Впрочемъ, и въ томъ половомъ влеченіи, которое побуждаетъ обезьянъ самцовъ накидываться на самокъ совсѣмъ иныхъ родовъ, семействъ, и даже классовъ, приходится видѣть возвышеніе личнаго влеченія надъ привычнымъ обособленіемъ вида, прекращеніе инстинктивной враждебности между существами разныхъ типовъ. Чрезвычайная склонность обезьянъ самцовъ къ совокупленію съ самками другихъ породъ заставляетъ думать, что мы имѣемъ между ними многія формы, происшедшія не только путемъ естественнаго подбора и обособленія изъ одного корня, но и формы, происшедшія путемъ помѣсей. Конечно, этому противодѣйствуетъ чрезвычайная ревность самцовъ, недопускающихъ самокъ, если могутъ, до сближенія даже съ другими самцами своей породы, но у обезьянъ, какъ и у людей, ревность не можетъ всегда служить дѣйствительнымъ препятствіемъ. Хитрость и насиліе могли часто повести къ возможности помѣсей.

У обезьянъ находимъ весьма разнообразныя формы первобытной культуры. Жизнь отдѣльными семьями, жизнь союза семей, патріархальное господство вожака надъ родомъ, удаленіе самцовъ отъ семей, жизнь въ шалашахъ, похожихъ на улучшенныя птичьи гнѣзда въ большихъ размѣрахъ, постоянная перекочевка съ мѣста на мѣсто, присвоеніе себѣ въ лѣсахъ территоріи, которую семья или община защищаетъ отъ вторженія иностранцевъ, защита бросаніемъ камней, кусковъ дерева, палокъ, унесеніе раненыхъ и мертвыхъ съ поля битвы [2], мужественная защита въ случаѣ нападенія, при стремленіи избѣжать битвы если возможно, стойкость членовъ общины одного

[1] Тамъ же, 77.
[2] Тамъ же, 62.

за другого, въ особенности же вожака за всякаго члена общины, разставленіе стражи, рекогносцировка, умѣнье пользоваться опытомъ, стремленіе къ опрятности, доходящее до насильственнаго умыванія дѣтей [1],—все это обычныя явленія въ томъ или другомъ видѣ обезьянъ и совершенно естественныя начала всякой общественности. Давно уже спорятъ о томъ, употребляютъ ли обезьяны палки какъ ручное оружіе, и, слѣдовательно, имѣютъ ли онѣ зародышъ человѣческой техники. Едва-ли ихъ способности недостаточны для соображенія техническаго пріема, покрайней мѣрѣ усвоиваютъ онѣ себѣ технику довольно скоро и даже плосконосый капуцинъ (Cebus capucinus) знаетъ, что молоткомъ надо разбивать, а рычагомъ поднимать; но, повидимому, самое устройство тѣла обезьянъ дозволяло бы имъ употребленіе ручнаго оружія лишь въ крайне рѣдкомъ случаѣ, такъкакъ стоя на двухъ заднихъ конечностяхъ, обезьяна стоитъ такъ не крѣпко, что отъ размаха палки она бы не удержалась на ногахъ [2]. Но весьма возможно, что держась на деревѣ тремя конечностями, и схвативъ палку въ четвертую, обезьяны отбиваются палкою отъ враговъ, имъ угрожающихъ. Разсказываютъ, что гориллы такимъ образомъ не дозволяютъ слону проникать въ часть лѣса, захваченную въ собственность ихъ семьею, и заставляютъ громаднаго врага удалиться, колотя его по хоботу [3]. Пока обезьяны жили преимущественно на деревьяхъ и употребляли свои оконечности для лазенья, до тѣхъ поръ орудія были бы имъ лишь помѣхою. Когда нѣкоторые виды спустились на землю, то орудія могли быть употреблены ими лишь тогда, когда виды, бѣгающіе на четверенкахъ, перешли въ виды, которые чаще и чаще стали подниматься на заднія ноги, пріобрѣли въ нихъ болѣе и болѣе крѣпкую опору, перешли сначала въ сгорбленное положеніе, подобное привычному положенію гориллы, наконецъ въ прямое положеніе. Лишь тѣ виды, у которыхъ кости таза и плечъ дозволили имъ стоять прямо и крѣпко на ногахъ, могли употребить свою мысль на улучшеніе техники оружія. До этого древнія обезьяны достигли, конечно, постепеннымъ преобразованіемъ и естественнымъ подборомъ; но тѣ виды, которые достигли этой высшей ступени, съ тѣмъ вмѣстѣ перестали для зоолога носить названіе обезьянъ.

Обезьяны различаются не только видовыми, но чисто индивидуальными особенностями характера [4], т.-е. внѣ вліянія че-

---

[1] Тамъ же, 37.
[2] Тамъ же, 109, 24 и слѣд.
[3] Тамъ же, 14.
[4] Тамъ же, 56.

ловѣка доходятъ до того, что̀ съ чрезвычайнымъ трудомъ выработываютъ нѣкоторыя собаки, хотя эти хищники съ незапамятныхъ временъ находятся въ человѣческомъ обществѣ. Чрезвычайная даровитость обезьянъ особенно замѣтна въ ихъ дѣтствѣ. Краніологическія розысканія [1] и наблюденія живыхъ особей одинаково показали, что въ дѣтскомъ возрастѣ обезьяны, въ особенности человѣкообразныя, гораздо смышленнѣе, мягче характеромъ и во многихъ отношеніяхъ близки къ дѣтямъ низшихъ человѣческихъ племенъ. Но, съ достиженіемъ зрѣлости, ихъ физическое строеніе и ихъ психическія наклонности быстро отдаляютъ ихъ отъ человѣка. Подобныя явленія не разъ встрѣчаются въ ряду животныхъ существъ. Въ формахъ молодыхъ особей зоологъ гораздо чаще можетъ уловить родственную близость животныхъ группъ, взрослыя особи которыхъ очень различны, а, переходя къ формѣ плода и зародыша, сравнительный анатомъ имѣетъ доказательство несомнѣнной близости формъ, о самомъ сближеніи которыхъ могъ бы никогда и не подумать поверхностный наблюдатель. Какъ объяснить эту остановку развитія въ обезьянахъ? Можно въ этомъ случаѣ прибѣгнуть къ двумъ пріемамъ. Вопервыхъ, въ усиленной борьбѣ за существованіе у самцовъ высшихъ обезьянъ и въ подчиненномъ положеніи ихъ самокъ можно видѣть важную причину того, что самцы не имѣютъ времени, а самки не имѣютъ повода къ дальнѣйшему психическому развитію. На первыхъ лежитъ вся забота о прокормленіи, оборонѣ и благосостояніи ихъ патріархальныхъ общинъ; вторыя ни о чемъ не заботятся. Тѣмъ не менѣе строеніе черепа самокъ человѣкообразныхъ указываетъ, что онѣ сохраняютъ болѣе способности къ психическому развитію, чѣмъ самцы; онѣ передаютъ дѣтенышамъ *свою* форму черепа, и только жизнь уподобляетъ впослѣдствіи дѣтенышей самцовъ ихъ болѣе грубымъ отцамъ; у самокъ отсутствуетъ и тотъ черепной гребень, который составляетъ характеристическое отличіе взрослаго самца гориллы отъ человѣка [2]. Слѣдовательно остановка въ развитіи можетъ быть здѣсь разсматриваема, какъ слѣдствіе жизненной обстановки, а не органическаго устройства и возможность высшаго развитія при систематическомъ измѣненіи обстановки молодыхъ особей остается

[1] См. *Th. L. W. Bischoff*: «Ueber die Verschiedenheit in der Schädelbildung des Gorilla, Schimpanse und Orang-Outang». (München, 1867) и превосходную критику Рютимейера на эту книгу въ «Archiv für Anthropologie». II, 343 и слѣд.

[2] *C. Giebel*, въ «Zeitschr. f. d. ges. Naturwiss.» 1866; *Schaafhausen* въ «Arch. f. Anthr.» II, 339.

зоологическою возможностью.—Но можно прибѣгнуть и къ другому объясненію. Чрезвычайная страстность самцовъ обезьянъ (вовсе незамѣчаемая въ такой степени и съ такимъ постоянствомъ у самокъ) можетъ допустить предположеніе, что мысль животнаго, направленная постоянно на учащеніе чувственныхъ наслажденій, получаетъ характеръ мономаніи, и въ то же время излишество половыхъ наслажденій, идущее далеко за предѣлы потребности поддержанія вида, истощаетъ самца физически и умственно. Мысль перестаетъ работать въ направленіи болѣе объективномъ; аффектъ все болѣе и болѣе ее обусловливаетъ; страстность все болѣе мономанически преобладаетъ надъ разсудкомъ, увлекая иногда животное къ самымъ нелѣпымъ дѣйствіямъ *; остановка развитія является естественнымъ слѣдствіемъ отсутствія возможности управлять мыслію. При этомъ приходится признать въ породахъ обезьянъ органическую наклонность къ развитію страстности насчетъ мысли и къ эротической мономаніи, особенно ярко проявляющейся у павіановъ. Въ такомъ случаѣ устраненіе этихъ патологическихъ наклонностей представило бы болѣе затрудненій, чѣмъ одно измѣненіе обстановки, но и здѣсь нельзя утверждать, что систематическое воспитаніе осталось бы совершенно безуспѣшнымъ.

Среди многочисленныхъ отраслей этой обширной группы, въ древній періодъ, когда еще нынѣшнія породы не обособились окончательно, весьма легко могла выдѣлиться изъ формъ человѣкообразныхъ обезьянъ,—или параллельно съ ними, изъ ихъ предковъ, стоявшихъ на ступени полуобезьянъ — и отрасль, въ которой, путемъ естественнаго подбора, органическая наклонность къ преобладанію страстности надъ мыслію дошла до минимума, дозволила наконецъ мысли работать не только надъ способами *удовлетвореній* желаній, но и надъ ихъ взвѣшиваніемъ, надъ ихъ сдерживаніемъ, надъ поставленіемъ цѣли, которая безусловно преобладала бы надъ желаніями, служащими ей помѣхою. Тогда естественная смысленность обезьяны могла получить на столько объективное направленіе, что препятствія *возможности* прогресса устранились. Надо допустить, что еще ранѣе развилась въ этой отрасли (можетъ быть, вслѣдствіе короткости переднихъ конечностей) привычка исключительно опираться на заднія конечности, чтобы въ борьбѣ пользоваться высотою роста. Естественный подборъ давалъ выгоду тѣмъ особямъ, которыя могли сдѣлать это удобнѣе и сгорбленное

* Въ этомъ отношеніи очень интересенъ у Брэма (89 и слѣд.) разсказъ о мандрилѣ, котораго удалось вернуть въ клѣтку и запереть воспользовавшись его ревностью къ дочери сторожа.

положеніе (подобно положенію гориллы) выпрямлялось. Ступня становилась плотнѣе на землю; походка дѣлалась вѣрнѣе; съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивалась возможность употреблять орудія для борьбы. Можетъ быть, именно трудность борьбы для короткорукой породы съ длиннорукими, вызвала преобладаніе мысли надъ влеченіемъ и технику.

По мѣрѣ того, какъ мысль направлялась нетолько на аффекты, но на болѣе сложныя представленія, мимика и звукъ голоса разнообразились. Первой приходилось нетолько *выражать*, но *изображать*. Звуками приходилось выражать нетолько междометія, а также различія представленій. Членораздѣльная рѣчь получила свое начало, дополненная языкомъ движеній и изображеній. Но преобладаніе разсудка надъ влеченіемъ всегда прежде всего проявляется злоупотребленіемъ превосходства мыслящей особи, чтобы гораздо позже лишь перейти къ разумному сочувствію. Такъ было при развитіи млекопитающихъ сравнительно съ птицами. Такъ было и въ эпоху, когда, рядомъ съ группами человѣкообразныхъ обезьянъ, выдѣлились существа, способныя сдерживать влеченія мыслію, ходить прямо, употреблять оружіе и выражать звуками представленія. Они воспользовались своею способностью мыслить для того, чтобы заимствовать привычки хищниковъ, сблизиться съ ними, подражать имъ и изъ всеядныхъ существъ сдѣлались преимущественно потребителями мясной пищи, когда прочія породы оставались преимущественно потребителями пищи растительной. Какъ только это стремленіе обозначилось въ новой обособленной породѣ, она не могла уже жить рядомъ съ другими близкими породами. Она объявила имъ истребительную войну, и войну, всегда окончательно склонявшуюся на сторону человѣка, потому что за него была все болѣе развивающаяся мысль, все болѣе сдержанная страсть, все совершенствующаяся техника. Мясная пища повлекла за собою измѣненіе мускульной системы; прямая походка содѣйствовала бо̀льшему изяществу формы; рѣчь дозволяла мысли прогрессивное развитіе, которому предѣловъ и назначить нельзя; наконецъ, техника устраняла подчиненіе климатическимъ условіямъ. Если существовали другія, преимущественно плотоядныя породы обезьянъ, человѣкъ ихъ истребилъ или онѣ погибли въ борьбѣ съ своими болѣе сильными и ловкими сродниками. Въ узкихъ предѣлахъ жаркаго климата человѣкъ оказался надолго безсильнымъ бороться съ самыми большими обезьянами, но употребленіе мясной пищи, улучшенная техника оружія и домостроительства, наконецъ, техника одежды, позволили ему акклиматизироваться въ странахъ, гдѣ не могли жить другія, близкія къ

нему породы. Въ умѣренномъ климатѣ, въ соперничествѣ и дружбѣ съ хищниками, онъ развилъ въ себѣ мысль до той ступени, на которой ни одно существо уже не въ состояніи оспорить его преобладанія надъ міромъ. Онъ истребилъ ближайшихъ своихъ родственниковъ внѣ предѣловъ жаркаго пояса и, когда, послѣ длинной исторіи, передовыя племена людей вернулись въ мѣстность, гдѣ исключительно могли развиться предки всѣхъ человѣкообразныхъ, тогда пропасть психическая между ними и существующими формами обезьянъ показалась неизмѣримою для взгляда, невооруженнаго самымъ строгимъ безпристрастіемъ науки.

Но въ средѣ самыхъ передовыхъ племенъ людей мы встрѣчаемъ существа, которыя напоминаютъ ученому о первобытныхъ, давно исчезнувшихъ промежуточныхъ формахъ. Случайное или періодическое рожденіе особей, близкихъ по формѣ не къ родителямъ, а къ дѣдамъ, къ прадѣдамъ, или къ гораздо отдаленнѣйшимъ предкамъ, есть явленіе не особенно рѣдко встрѣчающееся въ органическомъ мірѣ. Оно получило названіе *атавизма* и служитъ во многихъ случаяхъ одною изъ важныхъ опоръ ученію Дарвина *. Фогту удалось примѣнить это явленіе къ нѣкоторымъ формамъ человѣческихъ идіотовъ **. Малоголовые идіоты (микрокефалы) оказались связующимъ звѣномъ между нынѣшнимъ человѣкомъ и нынѣшними обезьянами. У нихъ черепъ обезьяны поставленъ надъ лицомъ низшей человѣческой расы, такъ что развитіе головы вверхъ и внизъ происходитъ по двумъ различнымъ типамъ. По формѣ мозжечка, какъ и по устройству тѣла, микрокефалъ уже человѣкъ; по формѣ лобной доли мозга онъ еще обезьяна, иногда даже стоящая ниже человѣкообразныхъ. Въ психическомъ развитіи онъ даже ниже большинства нынѣшнихъ обезьянъ. Надо допустить, что эти послѣднія, при всѣхъ причинахъ, останавливающихъ ихъ развитіе, все-таки развивались, въ особенности въ борьбѣ съ человѣкомъ, такъ что микрокефалы свидѣтельствуютъ о формѣ человѣка, въ періодъ, когда ни одна изъ нынѣшнихъ формъ обезьянъ не существовала. Это существо, уже стоящее на зад-

* См. *Ch. Darwin*, ch. V; *E. Haeckel*: «Nat. Gesch. d. Schöpfung» 162.

** *C. Vogt*: «Ueb. d. Mikrocephalen». Единственный недостатокъ этого замѣчательнаго труда, бросающійся въ глаза и, конечно, выставленный на видъ противниками, но нисколько не зависѣвшій отъ автора, это крайняя бѣдность матеріала. Фогтъ воспользовался всѣмъ, что̀ было на лицо, но это все очень невелико, и живое существо (дѣвушку) онъ могъ изслѣдовать только *одно*. Во всякомъ случаѣ, онъ далъ такую методическую и строго обдѣланную работу, что послѣдующимъ наблюдателямъ легко видѣть, *что* слѣдуетъ наблюдать, въ какомъ направленіи и какъ пополнить недостающій матеріалъ.

нихъ конечностяхъ и въ походкѣ лишь слабо напоминающее обезьяну, но оно столь же мало способно сдерживать свое влеченіе, какъ обезьяна, и не выработало еще членораздѣльной рѣчи для выраженія представленій. Происхожденіе этихъ существъ доказываетъ, что они люди, но они представители періода, когда человѣкъ не имѣлъ еще права на это названіе, подобно тому, какъ многочисленныя неисторическія племена суть въ наше время представители того періода жизни человѣчества, когда оно вовсе не имѣло исторіи. Постепенно работа мысли въ органическомъ мірѣ дошла до выработки мысли человѣческой, способной къ прогрессу. Постепенно работа прогрессивной мысли личности дошла въ нѣкоторыхъ, болѣе счастливо поставленныхъ обществахъ, до дѣйствительнаго прогресса, до исторіи. Рядъ ступеней связываетъ органическихъ идіотовъ, микрокефаловъ, съ идіотами другихъ формъ. Заведенія, посвященныя воспитанію и развитію этихъ существъ, еще недавно получили сколько-нибудь раціональное устройство. Въ нихъ будущіе психіатры соберутъ матеріалъ, который, можетъ быть, дозволитъ возстановить психическій процессъ далекаго періода, когда человѣкъ становился человѣкомъ. Уже теперь результаты, полученные въ пріютахъ для идіотовъ, представляются поразительными *, и можно надѣяться, что здѣсь въ особяхъ мы увидимъ сокращенный наукою процессъ развитія человѣческой мысли изъ животнаго состоянія, процессъ, длившійся въ естественномъ состояніи въ рядѣ многочисленныхъ поколѣній. Во всякомъ случаѣ, болѣе тщательное и раціональное изученіе обезьянъ съ одной стороны, идіотовъ съ другой, дастъ все болѣе связующихъ точекъ для процесса, закончившаго развитіе до-человѣческаго ряда организмовъ, процесса, подготовившаго развитіе до-историческаго человѣка, и долженствовавшаго перейти въ процессъ исторіи.

* См. между прочимъ статью «Пріюты для идіотовъ», переведенную съ англійскаго въ «Загран. Вѣстникѣ» 1865 т. VIII, стр. 317 и слѣд.

БИМИНИ.

ПОСМЕРТНАЯ ПОЭМА ГЕЙНЕ.

*(Окончаніе)**.

II.

Рыцарь флотскія привычки
Сохраняетъ и на сушѣ:
Онъ по прежнему, какъ въ морѣ,
Ночью спитъ въ висячей койкѣ.

И безъ качки, сладко въ морѣ
Усыплявшей, тоже рыцарь
Обходиться не желаетъ —
И велитъ качать онъ койку.

Заправляетъ этимъ Кука,
Старушонка-индіанка;
И, качая колыбельку
Съ спящимъ въ ней сѣдымъ младенцемъ,

Отгоняетъ опахаломъ
Надоѣдливыхъ москитовъ
И поетъ тихонько пѣсню,
Пѣсню родины далекой.

Въ чемъ тутъ чары? Въ этой пѣснѣ,
Или въ голосѣ старухи,
Что̀ чиликаетъ, щебечетъ
Точно чижикъ?... Пѣла Кука:

---

* См. начало въ № 1 «Отеч. Записокъ» 1870.

«Птица — птичка колибри,
Полети ты къ Бимини!
Покажи дорогу нашимъ
Разукрашеннымъ пирогамъ!

«Рыба — рыбка бриддди,
Поплыви ты къ Бимини!
И, убравъ цвѣтами вёсла,
Погребемъ мы за тобою!

«Тамъ, на этомъ Бимини,
Нѣтъ конца веснѣ блаженной;
Золотыя птички свищутъ
Тамъ въ лазури ти-ри-ли!

«А земля покрыта густо
Стройно-чудными цвѣтами...
Страстно ихъ благоуханье
И огнемъ горятъ ихъ краски.

«Пальмы гордыя надъ ними
Распростерли опахала
И возлюбленныхъ цѣлуютъ
Нѣжной свѣжестью и тѣнью.

«Тамъ, на этомъ Бимини,
Протекаетъ ключъ волшебный,
Влага юности могучей
Животворная струится.

«Чуть водицы этой каплю
На цвѣтокъ увядшій брызнешь, —
Онъ воскреснетъ, встрепенется,
Расцвѣтетъ, похорошѣетъ.

«Чуть водицы этой каплю
На сучокъ засохшій брызнешь, —
Онъ воскреснетъ, пуститъ почки,
Въ зелень пышно нарядится.

«Чуть старикъ хлебнетъ водицы, —
Съ плечъ своихъ онъ сброситъ старость

И изъ гусеницы скверной
Въ мотылька преобразится.

«Не одинъ ужь сѣдовласый,
До кудрей допившись черныхъ,
Постыдился возвратиться
Въ край родной молокососомъ.

«Не одна старушка тоже,
До румянца дохлебавшись,
Поконфузилась вернуться
Вновь на родину дѣвчонкой.

«И на островѣ волшебномъ
Навсегда они остались...
Приковалъ ихъ счастьемъ, блескомъ
Островъ молодости вѣчной!

«Островъ молодости вѣчной!
Бимини, пріютъ волшебный!
По тебѣ томлюсь я, но̀ю...
Ахъ, друзья мои, прощайте!

«Старый котъ мой, мимили!
Пѣтушокъ мой, кикрики!
Навсегда мы разстаемся,
Съ Бимини мы не вернемся!»

Такъ старуха пѣла. Рыцарь
Сквозь дремоту слышитъ пѣсню
И порой, во снѣ, лепечетъ
Какъ младенецъ: «Бимини!»

III.

Солнце весело и пышно
Озаряетъ островъ Кубу;
Въ синемъ воздухѣ сегодня
Скрыпки звучныя играютъ.

Отъ лобзаній жгучихъ ма̀я
Разрумянилася Куба

И, въ одеждѣ изумрудной,
Блещетъ, пышетъ, какъ невѣста.

Берегъ весь кишитъ народомъ
Всякихъ возрастовъ, сословій,
Но во всѣхъ сердца трепещутъ,
Какъ въ единомъ человѣкѣ,

Оттого что пòлны, гòрды
Всѣ одной и той же мыслью...
Я во всемъ ее читаю:
Въ тихомъ, радостномъ дрожаньи

Старушонки-богомолки,
Ковыляющей съ клюкою
И гнусящей, при уныломъ
Стукѣ чотокъ, Pater Noster;—

Эту мысль я вижу ясно
И въ улыбочкѣ синьоры,
Величаво проносимой
Въ позлащенномъ паланкинѣ,

И кокетливо шалящей
Съ обольстительнымъ гидальго,
Чтò, крутя свой усъ красивый,
Рядомъ шествуетъ съ синьорой.

Всюду искренняя радость:
И въ чертахъ солдата черствыхъ,
И на лицахъ клерикальныхъ,
Добрый видъ принявшихъ нынче.

Бернардинецъ тощій руки
Потираетъ съ наслажденьемъ;
Капуцинъ самодовольно
Гладитъ жирный подбородокъ;

Даже самъ старикъ-епископъ,
Мужъ, во время литургіи
Столь суровый, ибо это
Замедляетъ часъ обѣда,—

Даже онъ расцвѣлъ сегодня,
И карбункулы на носѣ
Такъ и пышутъ... Разодѣтый
По воскресному, идетъ онъ

Подъ пурпурнымъ балдахиномъ,
Окуряемый дьячками
И со свитой изъ прелатовъ...
Всѣ они въ парчевыхъ ризахъ,

Каждый попъ надъ головою
Держитъ зонтикъ, очень схожій
По объему и по виду
Съ колоссальнымъ шампиньономъ.

Направляется процесья
Къ алтарю, который гордо
Возвышается у моря,
Подъ открытымъ небомъ Кубы,

И украшенъ весь цвѣтами,
Образками, стройной группой
Пальмъ вѣтвистыхъ, позолотой
И свѣчами восковыми.

Господинъ епископъ служитъ
Здѣсь торжественный молебенъ
И, моляся, призываетъ
Онъ небесъ благословенье

На красивый, милый флотикъ,
Что̀ покачиваясь въ рейдѣ,
Собирается направить
Паруса на Бимини.

Да, вотъ онъ и есть тотъ флотикъ,
Что̀ Жуаномъ Понсъ де-Леонъ
Снаряженъ и изготовленъ
Для отплытія на островъ,

Гдѣ течетъ вода живая,
Молодящая... Съ прибрежья

Много тысячъ пожеланій
Всякихъ благъ летятъ къ Жуану,

Благодѣтелю и другу
Человѣчества... Въ надеждѣ
Всѣ, что рыцарь, возвратившись,
Щедро каждаго надѣлитъ

Стклянкой юности. У многихъ
Ужь текутъ заранѣ слюнки;
Ихъ баюкаетъ блаженство,
Какъ флотилью въ рейдѣ — вѣтеръ.

Состоитъ флотилья эта
Изъ пяти судовъ: большая
Каравелла, двѣ фелуки,
Двѣ малютки — бригантины.

Адмиральской шкуной служитъ
Каравелла, и украшенъ
Флагъ ея гербомъ Кастильи,
Аррагоньи и Леона.

Точно сельская бесѣдка,
Вся она — въ вѣтвяхъ березы,
И въ гирляндахъ, и въ букетахъ,
И въ игривыхъ пестрыхъ флагахъ.

Имя ей дано — Надежда;
И на задней части шкуны
Возвышается статуя
Этой донны, вся изъ дуба,

Вся покрытая отлично
Лакированною краской
Презирающею бури...
Величавая фигура!

Ярко-красны щеки донны,
Ярко-красны шея, груди,
Выползающія гордо
Изъ зеленаго корсета;

Также зелены и платье,
И вѣнокъ; но кудри, брови
И глаза — смолы чернѣе;
Въ руку ей вложили якорь.

Экипажъ флотильи нашей
Составляютъ двѣсти слишкомъ
Человѣкъ; межъ ними только
Шесть поповъ и столько жъ женщинъ.

Въ Каравеллѣ, гдѣ командой
Заправляетъ самолично
Донъ-Жуанъ, мужчинъ — сто-десять,
Дамъ — одна. Зовется Кукой

Эта дама. Да, старуха
Кука нынче стала дамой
И синьора Жуанита —
Имя ей съ тѣхъ поръ, какъ рыцарь

Далъ ей санъ гофъ-оберъ-няньки,
Лейбъ-махальщицы придворной
И—(въ грядущемъ)—лейбъ-мундшенкши
Юныхъ силъ на Бимини.

Золотую кружку въ руки
Дали ей, какъ символъ этой
Новой должности, и въ тогу
Облекли ее, какъ Гебу.

Горы кружевъ драгоцѣнныхъ,
Жемчуговъ, смѣясь лукаво,
Почиваютъ на увядшихъ,
Смуглыхъ прелестяхъ синьоры.

Рококо-антропофагно,
Караибо-помпадурно
Возвышается прическа,
Вся утыканная роемъ

Крошекъ-птичекъ; такъ красиво,
Такъ пестро блестятъ ихъ перья,

Что онѣ — точь въ точь цвѣточки
Изъ каменьевъ драгоцѣнныхъ.

Эта странная прическа
Изъ пернатыхъ превосходно
Соотвѣтствуетъ мудреной,
Попугайной рожѣ Куки.

Къ ней pendant вполнѣ достойный
Образуетъ Понсъ де-Леонъ.
Онъ, глубоко убѣжденный
Въ томъ, что юность недалеко,

Ужь заранѣ нарядился
Въ платье молодости милой,
Нарядился по послѣдней,
Лучшей модѣ первыхъ франтовъ:

Съ заостренными носками
И со шпорами сапожки;
Панталончики, въ которыхъ
Цвѣтъ одной ноги — зеленый,

А другой — прозрачно-желтый;
Куртка шелковая, плащикъ,
Ловко кинутый на плечи;
Перья страуса на шляпѣ...

Разрядившись такъ отлично,
Въ руки взявши лютню, бодро
Сѣменитъ онъ по Надеждѣ,
Раздавая приказанья.

Онъ велитъ, чтобъ якорь шкуны
Подымали въ ту минуту,
Какъ сигналомъ возвѣстится
Окончаніе молебна.

Онъ велитъ, чтобъ, отплывая,
Всѣ суда его флотильи
Сотней пушечныхъ салютовъ
Огласили берегъ Кубы.

Онъ велитъ — и самъ смѣется,
И вертится, и танцуетъ;
И пьянѣетъ напослѣдокъ
Отъ волшебнаго напитка

Обольстительной надежды...
Чуть не рветъ онъ струны лютни
И козлино-дребезжащимъ
Голосишкой тянетъ пѣсню:

«Птица-птичка Колибри,
Рыба-рыбка бридиди!
Полетите, поплывите,
Мы за вами — въ Бимини!»

IV.

Понсъ де-Леонъ не изъ дури,
Не изъ прихоти нелѣпой
Экспедицію рѣшился
Предпринять на Бимини.

Что не миѳомъ былъ тотъ островъ, —
Въ это рыцарь твердо вѣрилъ:
Пѣсня старой няни Куки
Для него была порукой.

Въ морякѣ сильнѣе вѣра
Въ чудеса, чѣмъ въ прочихъ людяхъ:
Передъ нимъ вѣдь вѣчно блещетъ
Чудо огненное неба,

Онъ, вѣдь слышитъ безпрерывно
Шумъ таинственно-волшебный
Волнъ, изъ лона коихъ вышла
Donna Venus Aphrodita...

Посвятимъ хореи наши
Мы теперь изображенью
Тѣхъ невзгодъ, лишеній, бѣдствій,
Что̀ терпѣлъ несчастный рыцарь *.

* Какъ видно изъ этого куплета, авторъ намѣревался распространить свою поэму; почему онъ окончилъ ее такъ отрывисто—неизвѣстно. *Перев.*

Ахъ, нетолько съ нимъ остался
Старости недугъ печальный,—
Онъ еще не мало дòбылъ
Новыхъ, всяческихъ болѣзней.

Юныхъ силъ ища, старѣлъ онъ
Съ каждымъ днемъ все больше, больше
И, изсохшій, одряхлѣвшій,
Наконецъ приплылъ на островъ,

Тихій островъ, гдѣ подъ тѣнью
Вѣчно-грустныхъ кипарисовъ
Пробѣгаетъ рѣчка, тоже
Исцѣляющая чудно.

Имя рѣчки — Лета. Выпей
Капли двѣ, — и ты забудешь
Всѣ мученія, забудешь
Все, чтò выстрадало сердце.

Чудный островъ! Стоитъ только
Разъ пріѣхать, чтобъ на вѣки
Въ немъ остаться, потому что
Этотъ островъ — Бимини.

П. Вейнбергъ.

ТИШЕ ВОДЫ, НИЖЕ ТРАВЫ.

(Окончаніе).

VII.

Занятія въ школѣ сначала пошли довольно живо и успѣшно. Не ограничиваясь азбукой, мы стали толковать о разныхъ предметахъ и явленіяхъ, относящихся исключительно до нашего села: мы разобрали такія обыкновенныя вещи, какъ волостное правленіе, кабакъ, сходка, нищій и т. д. Но съ помощію одной родственницы барыни, пожелавшей участвовать въ этихъ бесѣдахъ, болѣе или менѣе ясные выводы наши стали загромождаться кисло-сладкими тенденціями, которыя преподавательница вычитывала изъ какихъ-то переведенныхъ на русскій языкъ нѣмецкихъ книжонокъ, разсылаемыхъ и издаваемыхъ с.-пбургскими благотворительными дамами. Все это, выдержавшее, къ удивленію, по четырнадцати и болѣе изданій, увѣряетъ народъ (за одну только копѣйку) въ томъ, что пьяница мужикъ, послушавъ одинъ разъ хорошую пасторскую проповѣдь, пересталъ пить, и достигъ до такого благополучія, что при концѣ жизни былъ сдѣланъ старшимъ лакеемъ у графа N. Изъ всего этого выходилъ вздоръ. Въ ученикахъ началась апатія и принужденность, которыя, вмѣстѣ съ осенними непогодами, растворившими грязь до степени первобытной хляби, сдѣлали то, что число учениковъ уменьшилось; приходившіе изъ деревень сосѣднихъ, бросили ходить, быть можетъ, до поры до времени, а дѣти жителей нашей деревни стали ходить вяло... Занятія такимъ образомъ стоятъ почти на одной азбукѣ и чтеніи; быть можетъ, устанутъ барыни; быть можетъ, и азбука сдѣлаетъ какое-нибудь дѣло. Все это хотя и держитъ меня на мѣстѣ, но не особенно веселитъ. Участь сестры тоже не радуетъ меня, тѣмъ болѣе, что по случаю распутицы, въ городъ проѣзду нѣтъ, и мнѣ совершенно неизвѣстно, отвлекли

ли ее кое-какія книги, которыя я далъ ей уѣзжая въ послѣдній разъ изъ города, отъ безплодныхъ волненій среди великаго русскаго зла—самодурства, какъ видно, имѣющаго опутать нашу семью, благодаря Семену Андреичу...

Всѣ мои горести несу я обыкновенно къ Ивану Николаичу. Чаи у барыни, на которые я удостоился получить приглашенія, не особенно влекли меня; здѣсь требовалось разсуждать съ заѣзжими гостями «о самомъ послѣднемъ», съ точки зрѣнія новизны; толковать почему-то о новѣйшихъ романахъ, о художественныхъ сценахъ, брякая (непремѣнно съ веселымъ лицомъ) одни только восклицанія въ родѣ: «неподражаемо!» «великолѣпно!», и не проникая въ существо дѣла. О существѣ дѣла просвѣщенные гости обыкновенно разговариваютъ въ уголкѣ, стоя близко другъ къ другу, большею частію съ обиженнымъ лицомъ (дѣло идетъ о мужикѣ и его подлости), которое тотчасъ проясняется, когда потребуется одобреніе дѣйствительно превосходно съигранной пьесы. Но и самое лучшее во всей этой дебри, музыка, — и та удивительно непріятно дѣйствуетъ на мою объюродѣвшую натуру... Поэтому-то я и предпочитаю посѣщать Ивана Николаича.

Кромѣ необыкновеннаго аппетита, съ которымъ пьется чай, въ чистыхъ, теплыхъ и уютныхъ комнатахъ Ивана Николаича, онъ весьма пріятенъ, какъ патріотъ. Русская исторія знакома ему не только по лубочнымъ рисункамъ, продающимся на базарахъ, не только изъ книгъ и книжонокъ, попадающихся ему въ руки при помощи уѣзднаго протопопа, — но въ значительной степени пополнена толками народа, семейными преданіями, перешедшими отъ прапрадѣдовъ и прабабушекъ. Какъ ни темноваты эти свѣдѣнія, но Иванъ Николаичъ умѣетъ по своему доказать ими свою любимую мысль о томъ, что Россія государство богатѣйшее, еслибы за нимъ уходъ. Опоражнивая чашку за чашкой, мы ни на минуту не покидаемъ исторической почвы. Вспоминаетъ Иванъ Николаичъ разсказъ бабушки о томъ, напримѣръ, что однажды императрица Екатерина, желая пресѣчь мотовство, повелѣла генераламъ отрубить шлейфы у двухъ пышно одѣтыхъ дамъ, разгуливавшихъ мимо дворца, и оказавшихся женами мелкихъ подъячихъ. Генералы отхватили саблями шлейфы по самую спину. Въ виду развивающагося мотовства, примѣры и источники котораго представляются Иваномъ Николаичемъ въ подробности и во множествѣ, — нельзя не одобрить этой мѣры... Покуда супруга Ивана Николаича, занимающаяся чаепитіемъ покойно и строго, полощетъ чашки, вытираетъ и наполняетъ вновь, — мы успѣваемъ перебраться къ

12-му году, къ Синопу, Севастополю... Оказывается, что Иванъ Николаичъ самъ видѣлъ раненаго севастопольскаго солдата и собственными ушами слышалъ отъ него разсказъ о томъ, что Севастополь погибъ «за напрасно» и, что ничего бы этого не было, еслибы начальство послушалось одного простого солдатика, который со слезами умолялъ «дозволить ему распорядиться... Я ихъ всѣхъ къ обѣду прогоню». — «А оттого, что простой!» говоритъ Иванъ Николаичъ въ крѣпкомъ огорченіи, пихая пустую чашку женѣ.

Я такъ много навидался въ жизни трусливыхъ, почти безсознательныхъ людскихъ виляній въ убѣжденіяхъ, что эта прямота Ивана Николаича, какая бы она ни была, эта искренность,— дѣлаютъ меня самымъ внимательнымъ его слушателемъ. Искренность его очень велика. Среди огорченія о погибели Севастополя, ему говорятъ, что съ мельницы пришелъ мужикъ. Иванъ Николаичъ идетъ сейчасъ же, и въ голосѣ его, которымъ онъ говоритъ съ мужикомъ, уже не слышно огорченія... Онъ знаетъ «что къ чему», и если не проглядитъ убытка государственнаго, то и на мельницѣ тоже маху не дастъ... «Нѐизчего».

Досидѣвшись до поздняго вечера, мы разстаемся. Иногда Иванъ Николаичъ идетъ меня провожать до дому; собаки, хватающія насъ на улицѣ, грязь, въ которой вязнутъ наши ноги,— наводятъ насъ на разговоры болѣе современные, о земствѣ, о выборахъ, — ибо Иванъ Николаичъ не теряетъ мысли разрушить намѣренія посредника и старосты на счетъ хлѣба... Прямота и искренность, кажется, уломаютъ его на это дѣло, тѣмъ болѣе, что окружающее сильно помогаетъ имъ.

Такъ, однажды, поздно вечеромъ, возвращаясь съ Иваномъ Николаичемъ домой, мы заслышали въ темнотѣ стоны, и какъ бы вытье, сопровождаемое сильною дрожью...

Въ грязи лежала женщина, и долгое время не могла отвѣтить на вопросы Ивана Николаича; злѣйшій лихорадочный пароксизмъ билъ и трепалъ ее.

— Куда жь ты глупая поплелась! укоризненно говорилъ Иванъ Николаичъ, поднимая ее.

Баба говорила что-то щелкая зубами, чѣ̀о дѣлало почти непонятнымъ ея рѣчь. Но Иванъ Николаичъ понялъ.

— Ахъ поганые черти, что выдумываютъ! ахъ проклятыя собаки... Это нашъ кузнецъ - нѣмецъ выдумываетъ! Лечить народъ взялся! Какъ начнетъ лихорадка бить, иди, вишь къ нему въ окно постучись, онъ тебѣ запишетъ, въ которомъ

часу трепало! Безъ этого и лекарства не отпущаютъ... Ахъ собаки, прости Господи! Пойдемъ бабка... помогу.

Иванъ Николаичъ помогъ бабѣ встать, доплестись до конторы и достучаться нѣмца, который спалъ. Дорогой онъ сообщилъ, что нѣмца выписали въ качествѣ кузнеца, а онъ оказался незнающимъ этого дѣла и предложилъ себя въ качествѣ медика. По добротѣ барыня на все согласна, и уступая вѣжливому обращенію нѣмца, прогнать его не можетъ...

— Сколько у насъ этихъ искусниковъ было — счету нѣтъ. Разорятъ барыню... И все по часамъ! Какъ пріѣхалъ, сейчасъ подавай ему часы стѣнные, да-а... съ гирями... И пошелъ нехорошими словами ругаться, да на часы поглядывать, да въ карманъ себѣ попихивать...

Поглядишь на такія вещи, и невольно скажешь Ивану Николаичу:

— Выбирались бы вы, Иванъ Николаичъ, да и разсказали бы тамъ, все какъ есть.

— Ахъ, братъ ты мой! Разсказать!... Пожалуй, что и разскажешь, а пожалуй что и язычекъ прикусишь... Это дѣло надо ладить не съ бацу!...

Проговоривъ что-нибудь подобное, Иванъ Николаичъ обыкновенно почему-то задумается и потомъ совершенно ни къ чему приплететъ какую-нибудь исторію изъ своихъ воспоминаній. Вдругъ вспомнится ему, что ребенкомъ, играетъ онъ въ отцовскомъ кабакѣ, и съ ужасомъ смотритъ на громаднаго мужика, котораго всѣ шопотомъ называютъ «палачъ». Неизвѣстно почему, палачъ разъѣзжалъ въ то время по уѣзду, но страхъ былъ къ нему всеобщій. Похаживая во хмѣлю по кабаку, онъ похлопываетъ по полу своимъ кнутищемъ и предлагаетъ какому-то пьяненькому мужичонкѣ получить «за даромъ» два целковыхъ; желающій долженъ взять бумажки въ зубы, подставить палачу спину и вытерпѣть три удара кнутомъ не крикнувъ, и не выронивъ деньги изо рта... На глазахъ Ивана Николаича хмѣльной мужичонко подставилъ спину и мертвымъ повалился съ одного удара, стиснувъ зубы такъ, что ихъ съ трудомъ разжали двое взрослыхъ дѣтей покойника...

Иванъ Николаичъ не можетъ забыть этой смерти, этого размаха кнутомъ, со свистомъ облетѣвшимъ всю избу...

— Какъ-же можно съ бацу-то... бормочетъ онъ...

Сценъ, съ подобнымъ содержаніемъ, — кругомъ сколько угодно, но я уже не съ особеннымъ рвеніемъ спѣшу глядѣть на

нихъ, и волноваться ими, тѣмъ болѣе, что передо мною, въ видѣ скромнаго солдата, ежедневно является весь смыслъ этихъ сценъ, соединенныхъ воедино...

Послѣ случайной встрѣчи моей съ хромоногимъ солдатомъ, во время открытія школы, онъ сдѣлался единственнымъ и постояннымъ моимъ собесѣдникомъ, по окончаніи работы.

— Нѣтъ, баринъ, видно придется камушекъ на шею нацѣпить да поискать бучила хорошаго!...

Такъ, почти всегда одинаково слегка раздраженно начинаетъ онъ свою рѣчь, влѣзая съ своей деревяшкой ко мнѣ въ переднюю, и одновременно торопясь запереть дверь, снять съ лысой головы шапку и обтерѣть не хромую ногу. Здравія желаю! все ли въ своемъ здоровьѣ? произноситъ онъ уже посолдатски, бодро.

— Слава Богу.

— Ну, слава Богу. А я признаться, ваше благородіе, все бучила ищу хорошаго... Ей-Богу-съ... Хочу просить въ губерніи: «дозвольте, господа судьи, Филиппу Андреву, хромому,—не своею смертью померенть...» Ей-ей!

Этотъ шутливый тонъ, когда-то бывшій большимъ, природнымъ сокровищемъ Филиппа,—теперь недолго владѣетъ имъ; свернутый съ пути господскимъ сюртукомъ, имѣвшимъ когда-то всемогущія права, хромой солдатъ былъ измученъ и изуродованъ, нравственно и физически, до послѣдней возможности; вмѣсто гнѣзда, которое думалъ онъ свить для своей старости,—попалъ въ новое море мученій. Помощниковъ у него нѣтъ, потому, что жена отвыкла отъ работы, разслабла отъ кабачной жизни и пьетъ; на шеѣ солдата сидитъ и женина дочь—дѣвочка больная, полусумасшедшая, избитая въ дѣтствѣ матерью въ припадкахъ отвращенія къ пьяной жизни, и, кромѣ дѣвочки и матери, на той-же шеѣ сидитъ безсрочный солдатъ Ермолай, пьяница и душегубъ, любовникъ жены, который отрываетъ ее отъ дѣла, мутитъ все въ домѣ, и разоряетъ, и отъ котораго ни мужъ, ни жена отдѣлаться не могутъ: оба боятся, а жена, кромѣ того, привыкла къ нему, жила съ нимъ три года... По природѣ добрый, Филиппъ ничего не можетъ подѣлать въ этомъ содомѣ... Иногда даже самъ подгуляетъ на свои съ женой и съ любовникомъ.

— Нѣтъ-ли рюмочки, ваше благородіе, солдату? продолжаетъ онъ хотя и съ оттѣнкомъ шутки, но уже совершенно болѣзненно... Ей-Богу! что ни сдумаю, что ни сгадаю—н-на!... Что-жъ мнѣ. Драться я не охотникъ слава-богу, на войнѣ, поприказу дрался... Самому охоты нѣту!... Да и не слажу я съ этакимъ верзилой... Гляньте-ко: Еруслапъ! Звѣздонетъ по уху, — духъ

*

вонъ... И поджечь ему избу, все одно—тьфу! Этакой собакѣ—что угодно можно...

Выпивъ рюмку, онъ какъ будто пріободряется, и повидимому желая отплатить за нее — какъ будто беззаботно, говоритъ:

— Аль у васъ печки не топили еще?... Что же это вы, ваше благородіе, не скажете? Да я вамъ ее раскалю духомъ-съ... Какой холодъ... как можно?

Печка затапливается среди разговоровъ совершенно постороннихъ—о дровахъ, о дороговизнѣ, о добротѣ барыни, но когда она наконецъ разгорѣлась, — солдатъ усѣлся на полу, около нея и уже не свернетъ никуда съ повѣствованія о своей участи...

— ...И по дому-то, ваше благородіе, болѣзненно лепечетъ онъ:—ежели что—и то она съ неумѣлыхъ-то рукъ до поту бьется! Иная бы вотъ какъ обернула, — а она мечется покуда вотъ этакъ, то за сердце схватится да на бокъ... Больная-съ! Куда ей... Дѣвчонка полоумная, какъ воронъ глазами пучитъ изъ-за печки... Опять слабость... Бьется-бьется,—Ермолка гакнулъ—«пойдемъ!» броситъ... Раскиснетъ... Моего вѣку немного осталось... Скоро поколѣю, все одно... Ну, и что хошь! Что и самъ съ хромой ногой паладишь—все тожь прахомъ... Да и ладить-то не приходится... Цѣловальнику и посейчасъ изъ-за избы-то по шею задолжалъ... Поглядитъ, поглядитъ, да пожалуй и отыметъ избу-то. Прочіе сосѣди рекомендуютъ: «бей!...» Ахъ, господи! Ну, могу я, старый человѣкъ, на это польститься? Она и такъ чуть ходитъ... Боже мой!

Солдатъ помѣшаетъ въ печи деревяшкой, помолчитъ, и снова тянетъ свою исторію.

— Подумаешь, подумаешь, говоритъ онъ въ раздумьѣ: — а выходитъ такъ, что не минешь, пожалуй, напишешь государю императору письмецо!.. Пожалуй, что не обойдешься... Обидно, обидно въ эдакомъ видѣ себя представлять, а попроситься Христа-ради въ богадельню...

Но на этихъ намѣреніяхъ несчастія солдата не очень успокоиваются; собираясь уходить, онъ снова приходитъ къ мысли, что камень да бучило хорошее — единственныя средства для его спасенія.

Солдатъ ушелъ; настала ночь — тишина и темь; степной ревущій вѣтеръ, облетая съ шумомъ стѣны моего жилья, доноситъ множество самыхъ тревожныхъ звуковъ, въ которыхъ слышенъ и какъ бы набатъ, отдаленный и неумолкаемый, и волны, и крикъ... Исторія солдата, подновляемая новыми событіями, вмѣстѣ съ шумомъ вѣтра, долго тянутъ безсонницу.

Скоро къ нашему обществу присоединилось новое лицо. Барыня взяла ко мнѣ въ услужители нѣкотораго человѣка, по имени Ивана.

Иванъ былъ корявый человѣкъ, небольшого роста, съ рябымъ, некрасивымъ лицомъ, большимъ щучьимъ ртомъ и непріятными глазами, изъ которыхъ на одномъ сидѣло громаднѣйшее бѣльмо, а въ другомъ мелькало нѣчто трусливо-наглое и робко-лукавое. Барыня изъ милости и состраданія взяла его только до весны, такъ-какъ весной Иванъ хотѣлъ идти въ соловецкіе монастыри и поступить въ монахи: «хошь бездѣлицу для души похлопочу», объяснялъ онъ это намѣреніе, стараясь низвести свою хрипоту до степени голоса младенца; сѣрый глазъ, нырявшій при этомъ изъ угла въ уголъ и, казалось, незнавшій, куда дѣться, и поддѣльный голосъ, могли привести къ заключенію, что человѣкъ этотъ питаетъ какія-нибудь нечистыя намѣренія. Но это была бы неправда. Иванъ просто былъ пьяница, пьянствовавшій сряду тринадцать лѣтъ, допившійся до постоянныхъ галлюцинацій, которыя не покидали его и въ трезвомъ видѣ и почти убѣдили его, что онъ продалъ свою душу дьяволу на тридцать лѣтъ. Онъ такъ привыкъ быть въ обществѣ бѣсовъ, что въ трезвомъ видѣ не зналъ, о чемъ разговаривать и плёлъ въ оправданіе свое такой вздоръ, который, судя по глазу, шнырявшему изъ угла въ уголъ, казалось, удивлялъ его самаго. Такъ, напримѣръ, объясняя, почему онъ сидѣлъ шесть мѣсяцевъ въ рабочемъ домѣ, онъ обвинялъ въ этомъ жену и чиновниковъ, у которыхъ та тринадцатый годъ живетъ въ нянькахъ въ губернскомъ городѣ, и выражалъ это обвиненіе такъ: «Они, ваше благородіе, хотѣли, чтобъ я былъ воромъ-съ... да-съ!.. А я имъ согласія не далъ-съ... Потому я никогда матушки царицы небесной не забуду... да-съ... Пущай это имъ будетъ извѣстно, свиньямъ... чтобъ я былъ воромъ-съ...» Кроткая хрипота, которою говорились подобныя фразы, отнюдь не соотвѣтствовала тому реву и безобразничанью, которое Иванъ обнаруживалъ въ пьяномъ видѣ... Судя по этимъ проявленіямъ, можно было видѣть, что въ молодости Иванъ былъ великій самодуръ; начавъ свою карьеру маляромъ, онъ въ короткое время пошелъ такъ блистательно, что даже женился на хозяйской дочери; такой неслыханный успѣхъ развилъ сразу самодурство до громадныхъ размѣровъ; но въ ту же минуту Иванъ, полагавшій все въ своей волѣ, получилъ неожиданный ударъ: жена не прожила съ нимъ двухъ мѣсяцевъ, какъ ушла къ роднымъ, а потомъ поступила въ хорошій купеческій домъ. Иванъ «на зло» сталъ пьянствовать и безобрази-

чать, полагая этимъ кому-то насолить, но на жену это не дѣйствовало. Она жила въ купеческомъ домѣ, копила деньгу, и умѣла, при помощи хозяевъ, сажать Ивана въ часть, въ рабочій домъ и даже въ острогъ всякій разъ, когда онъ являлс требовать къ себѣ ее или денегъ. Скромная женская практичность повалила эту громаду самодурства; Иванъ мало по малу дошелъ до убѣжденія, что онъ въ дуракахъ, но вернуться на путь снова уже не могъ. Пьяница изъ него вышелъ совершеннѣйшій. Заручившись копейкой отъ доброхотнаго дателя и окуркомъ папиросы, онъ безъ зазрѣнія дѣлалъ всякія гадости на улицахъ, передъ окнами, передъ прохожими; ругательства его въ это время раздавались на три квартала. Если же заручки не было, то, отыскивая доброхотнаго дателя, онъ умѣлъ вдругъ упасть передъ прохожимъ купцомъ въ грязь, мычать, чавкая ртомъ, какъ нѣмой, рвать на груди кожу, драть лохмотья халата, смотрѣть въ небо выкатившимся бѣльмомъ — и сразу подняться съ земли, когда копейка попадала въ ладонь. Доброхотный датель обыкновенно не успѣвалъ дойти до угла, сдѣлать пяти шаговъ, какъ за минуту рыдавшій Иванъ, разсмотрѣвъ даяніе, оскаливалъ свой щучій ротъ и обдавалъ его на три квартала полновѣснѣйшимъ ругательствомъ. Изъ города, гдѣ жила его жена, его выжили, и онъ шатался кое-гдѣ, то задумывая работать, то идти въ монахи. Послѣднее намѣреніе брало верхъ, ибо нервное разстройство, отъ множества бѣлыхъ горячекъ, достигло высшей степени. По его разсказамъ, бѣсы познакомились съ нимъ лѣтъ двѣнадцать тому назадъ; сначала былъ «приставленъ» къ нему одинъ, который началъ съ того, что уговорилъ Ивана отхватить ножомъ собственный палецъ. Иванъ это исполнилъ и съ тѣхъ поръ за нимъ ежеминутно шатаются двое и дѣлаютъ съ нимъ, что хотятъ; такъ, они примутся его «сбивать съ ноги». Кричатъ: «держи лѣвую ногу! ей, лѣвую ногу держи!» Иванъ держитъ и попадаетъ въ яму со всякою нечистью. Они водятъ его цѣлыя ночи по разнымъ вертепамъ, показывая пьяницъ, которые лежатъ въ темномъ подвалѣ, какъ дрова, заплесневѣлыя и зеленыя, и отъ нихъ несетъ холодомъ, отъ котораго у Ивана захватываетъ духъ... Приводятъ его къ морю—гущѣ, изъ которой торчатъ головы и вопіютъ: «Ваня! вотъ «которое» намъ будетъ за трубочки съ табачкомъ да за водочки». Во время путешествій поминутно попадаются собаки съ человѣческими лицами, которыя его спрашиваютъ: «гдѣ твой ангелъ?» и начинаютъ ругать, а жену хвалятъ. Стоитъ ему заглянуть въ какой-нибудь уголъ, и тамъ тотчасъ же выростаютъ носы по пяти саженъ длины и

тоже ругают. Однажды, Иванъ валялся пьяный около корыта, гдѣ мокъ въ овсянкѣ овчинный рукавъ; этотъ рукавъ цѣлую ночь ругалъ его: «камбала!» Нѣсколько разъ неизвѣстные люди хотѣли его украсть, а на мѣсто его положить «пса», котораго прятали подъ полой и на голову котораго надѣвали Иванову шапку — для сходства. Въ ужасѣ отъ такихъ сценъ, онъ обращался къ Богу, бросался въ церковь и начиналъ бить поклоны, но угодники отмахивались отъ него руками, говоря: «не нужно, не надо, вонъ пошолъ!» Ликъ божіей матери чернѣлъ и уходилъ въ глубь, а глаза бѣлѣли. Иванъ распростирался на землѣ, но изъ полу, прямо въ ротъ, ему лѣзли трубочки съ табакомъ, и какіе-то люди жгли ему пятки, говоря: «поддай ему жару, онъ мать проклялъ родную»... Были минуты глубочайшаго отчаянія, но разстроенные нервы выручали: въ самомъ страшномъ приливѣ тоски ему вдругъ являлось въ небѣ видѣніе — крестъ и евангеліе, или подъ ногами распростиралось небо со звѣздами и Иванъ восклицалъ: «Матушка, царица небесная! Никогда я тебя не забуду! Стало быть, поживемъ еще маленечко!» И начиналъ ту же исторію вновь.

Къ намъ Иванъ поступилъ въ припадкѣ величайшаго унынія и, боясь быть выгнаннымъ, покуда не пилъ, не переставая, однакоже, слышать голоса, проклинавшіе его и выходившіе откуда-нибудь изъ графина или съ потолка; иногда неожиданно онъ совалъ въ щель, между половицами, папиросу, такъ-какъ солнечный лучъ, ударявшій въ полъ, представлялся ему въ видѣ головы, которая говорила: «нѣтъ-ли покурить?» Ночью галлюцинаціи увеличивались до послѣдней степени; стоило погасить свѣчу, стоило Ивану остаться въ темнотѣ, задремать, какъ тотчасъ же начинались таинственныя явленія.

— Прочь! кричитъ Иванъ въ темной комнатѣ. — Убью, какъ собаку! Прочь! Песъ!

Иванъ вскакиваетъ и бросается куда-то.

— Иванъ, Иванъ! кричу я. — Куда ты?

Окрикъ останавливаетъ его.

— Ахъ, ты, Господи, Боже мой! кричитъ онъ, опускаясь на полъ. — А-а-а... Замучили они меня, черти проклятые... Смерть моя. Сейчасъ хотѣлъ бѣжать за топоромъ, убить его... Какъ же, помилуйте, которую ночь пристаетъ: «Ты душу мнѣ продалъ. Пойдемъ!» Ахъ, ты, шельма, сволочь!..

Иванъ тяжело дышетъ и долго сидитъ въ большомъ волненіи.

— Дѣйствительно, говоритъ онъ, какъ бы что-то соображая. — Однова̀, былъ торгъ... Торговались. Ну, тогда обманъ

вышелъ, это я вѣрно знаю... Потому, что я ему тогда согласія не далъ! Вѣрно! Я ему говорю, поди къ купцу Брускову... (на площади домъ-съ)... выноси деньги... пятьдесятъ серебромъ... А онъ въ ту пору уперся: «Обругай, говоритъ, нечистыми словами храмы божіе, тогда вынесу»... Ну, а я ему наплевалъ на это, потому храмовъ божіихъ мнѣ ругать не охота... Это я вѣрно — вотъ какъ знаю... Еще свою шапку тогда продалъ, а отъ него не бралъ ни гроша мѣднаго... Каковъ грошъ... Ахъ, ты, собака поганая... Что̀ тутъ дѣлать? «Продалъ, да и шабашъ!»

— Ты къ доктору, Иванъ, сходи...

— Были-съ... Ну, пожалуй, что тутъ докторамъ-то не ухватить! шепчетъ и хрипитъ Иванъ со вздохомъ и, помолчавъ, прибавляетъ еще болѣе глубокимъ шопотомъ: — тутъ дѣло-то помудренѣй будетъ-съ... Сказать по совѣсти, а вѣдь я, ваше благородіе, шесть недѣль креста на шеѣ не имѣлъ, утерялъ... Вотъ въ чемъ-съ... Такъ тутъ доктора не могутъ-съ... Ужь ежели шесть недѣль безъ креста я прошатался, то ужь сами знаете, все одно — татаринъ, собачье мясо, некрещенный... Тутъ не докторъ-съ... Тутъ къ митрополиту надо писать, чтобъ по крайности хошь перемазали бы...

Иванъ долго разсуждаетъ на эту тему и, уходя, говоритъ предупредительно:

— Вы, ваше благородіе, замыкайте дверь... Неравно что... Шутъ его знаетъ...

Иногда я запираю дверь, но шумъ и крикъ Ивана, вмѣстѣ съ вѣтромъ, который звонитъ и хлещетъ, не даетъ мнѣ покою...

VIII.

Съ появленіемъ Ивана, разговоры у печки сдѣлались гораздо продолжительнѣе, такъ-какъ къ тоскливымъ жалобамъ хромоногаго солдата на свою семейную каторгу, присоединились жалобы Ивана. И хотя несчастія послѣдняго нѣсколько разнились отъ несчастій солдата, но они сдѣлались дружными собесѣдниками, благодаря тому, что Иванъ, подобно солдату, тоже хотѣлъ собраться, да «шепнуть государю императору словечка два», и еще благодаря тому, что Ивану, познакомившемуся съ дѣлами хромаго, была полная возможность излить свою ненависть на собственную жену, которую онъ ненавидѣлъ.

— Я, братъ, знаю ихъ, каковы онѣ, жены-то наши, хрипѣлъ Иванъ, сидя на полу у печки противъ солдата: — онѣ ловки

нашего брата въ землю по самую по шею забивать... Ты у меня спроси-и: что̀ я былъ и что сталъ?

— Да ужь что...

— Да-а... Знаешь Константинова Петра?

— Ну?

— Ну, первый каретникъ по губерніи? Пять домовъ?

— Ну?

— Ну, я его по щекамъ билъ!

Сказавъ это, Иванъ торжественно замолкаетъ, сверкая на насъ глазами.

— Я, своими ручками билъ его по мордѣ! Ученикъ онъ мой былъ... Видишь вотъ? Поди, спроси у него: сколько, молъ, разъ Иванъ Лазаревъ вамъ голову прошибалъ? Поди, что онъ тебѣ скажетъ... А теперь я самъ у него копеечки напрошусь... Онъ милліонщикъ, а я... Вотъ онѣ бабы-то!

Солдатъ вздыхаетъ.

— У меня тридцать человѣкъ рабочихъ — пикнуть не смѣли... У меня... ахъ! Ахъ, бож-же мой! вдругъ обрывая гнѣвную рѣчь и какъ бы отъ сильной боли хватаясь за ухо стонетъ Иванъ. — А-ахъ, какъ завы-ылъ...

— Кто? кто такой?

— Да кто же?... Пошолъ изъ-за спины, завы-ылъ, завылъ такъ, аль-ни подъ сердце подвернуло... Ахъ, боже милостивый!

— Да это вѣтеръ! Что ты? успокоивалъ солдатъ.

— Знаемъ мы его, какой онъ вѣтеръ... Учены очень! говоритъ онъ, мало по малу освобождаясь отъ видѣнія. — Они, жоны-то, довольно хорошо насъ этому обучили... Слава Богу... Прраклятыя...

Несмотря на добродушіе солдата, несмотря на его полное пониманіе невозможности поправить что-нибудь въ своемъ положеніи, открытая вражда Ивана къ женѣ, подкрѣпляемая аргументами, подобными вышеприведеннымъ, дѣйствовала на солдата весьма страннымъ образомъ.

— Да что-жь, ей-богу, сталъ поговаривать онъ: — терпишь, терпишь... Сегодня вотъ опять вломился: «посылай!»

— Ермолка, что-ль? спрашивалъ Иванъ.

— Ну, онъ...

— По шеѣ его! Больше ничего — одно. Дуй какъ собаку!... совѣтовалъ Иванъ гнѣвно.

— Да, что жь, въ самомъ дѣлѣ? Мнѣ тоже требуется свой покой... Право, ей-Богу... «Ты, Ермолай, хушь бы подумалъ, говорю, — вѣдь и ты тоже, чай, будешь на судѣ-то?...» — По-

сылай!... Только и словъ... И жена. — «Пошли, Филипушка, намъ, пропащіимъ...» Ужь я посылалъ, посылалъ...

— Ловки они, нашего брата разорять, собаки... Огрѣть хорошенько, — да и сказъ!

— Да, что, въ самомъ дѣлѣ? какъ-то неопредѣленно произносилъ солдатъ, обращаясь ко мнѣ, — и не то жалуясь, не то соглашаясь.

Въ такихъ разговорахъ мы проводили время, ожидая не получшаетъ ли намъ всѣмъ, не перестанетъ ли непогода, не начнутся ли выборы... Ни того, ни другого, ни третьяго, покуда не случилось, только исторія господскаго сюртука, изображаемая хромымъ солдатомъ, выяснялась все болѣе и болѣе, дѣлаясь отъ этого необыкновенно мучительной. Однажды, въ безсонную ночь, поднявшись къ окну за табакомъ, я случайно увидѣлъ Ермолая, который прошелъ подъ моимъ окномъ по грязи, безъ шапки съ растрепанными по вѣтру волосами, и распоясанной рубахой; онъ шелъ медленно и считалъ на ладони мѣдныя деньги... Вслѣдъ за нимъ проплелась, завернувшись съ головой рваною свитой, сгорбленная и судя по походкѣ крайне изможденная жена солдата; она плелась босикомъ, хромая на одну ногу, обвязанную грязной тряпкой, и повидимому шла куда глаза глядятъ... Послѣ этой сцены мнѣ было весьма тяжело слушать негодующіе вопросы солдата въ родѣ: «Да, что̀ жь, въ самомъ дѣлѣ?», какъ бы грозившіе чѣмъ-то этой замученной женщинѣ. Но благодаря простодушію и добротѣ солдата, низводившимъ этотъ вопросъ до степени глубокаго вздоха, никто изъ насъ троихъ не предполагалъ, что изъ этого что-нибудь выйдетъ.

А между тѣмъ, это «что-нибудь» вышло, и подзадориванія Иваномъ солдата разрѣшились совершенно неожиданно.

Однажды, занимаясь въ школѣ, я слышалъ, какъ хромой солдатъ вошелъ въ мою комнату, толковалъ довольно громко о чемъ-то съ Иваномъ, и потомъ ушелъ куда-то вмѣстѣ съ нимъ; въ послѣднее время солдатъ охотно водилъ Ивана въ кабачокъ, выпить рюмочку, — и возвращались они скоро, боясь разсердить барыню, но въ этотъ разъ пропали на цѣлый день.

Господскій кучеръ, принесшій мнѣ обѣдъ, вмѣсто Ивана, на разспросы о немъ, объявилъ, что онъ вмѣстѣ съ хромымъ солдатомъ погнались куда-то за ворами.

— За какими ворами?

— Да за Ермолкой... Солдатъ... полюбовникъ женинъ. Въ

прошлую ночь ночевалъ онъ у нихъ... Ну, и стянулъ увмѣстяхъ съ Феколкой деньги солдатскія... Рупъ, что-ли-то... И ушли вмѣстѣ съ бабой куды-сь... Надо-быть на прощоповскіе колодези... Солдатъ-то хватился по утру, — анъ денегъ нѣтъ, а они съ бабой ушли... Ну, и погналъ въ догонку... Да что, глупый со всѣмъ старикъ... Куды ему отнять... Это его Ванька поджогъ, онъ бы самъ ни вовѣкъ — куда ему... А они, вашскбродіе, въ кабакѣ сначала зарядились, — солдатъ-то накатился, Боже мой какъ... Мужика нанялъ, — во весь духъ... Барыня имъ попались, въ городъ ѣхали, такъ даже очень удивились этому, что̀ такое со старикомъ... Ей-Богу-съ...

Это извѣстіе весьма удивило меня.

— И стоитъ за этакой сволочью гнаться... На его-бъ мѣстѣ я бы самъ ей рубъ далъ — иди любезная, — право... Что за этакой, за поскудиной таскаться. Извѣстная потаскуха, бродяга... Пирожное еще будетъ, ваше благородіе...

Долго просидѣлъ я въ этотъ вечеръ у Ивана Николаича, и когда воротился, то нашелъ Ивана мертвецки пьянымъ; онъ былъ весь въ грязи, и валялся въ передней безъ чувствъ; рубаха его была изорвана, а лицо и руки покрыты ссадинами и синяками; мнѣ просто страшно сдѣлалось въ компаніи съ нимъ Очевидно, что было большое пьянство, большая драка, разыгралось какое-то невѣроятное буйство, въ которомъ сорвано множество обидъ и огорченій; но люди, на которыхъ эти огорченія сорваны, сами огорчены тѣмъ же, сами готовы сорвать его на комъ-нибудь, такъ-какъ на плечи ихъ оно попало противъ ихъ воли...

Раннимъ утромъ, чуть свѣтъ, я былъ разбуженъ торопливымъ и нетерпѣливымъ стукомъ въ дверь, разбудившимъ даже Ивана.

— Погодишь, не умрешь! рыча съ похмѣлья и отворяя крючокъ у двери бормоталъ онъ.

Въ передней застучала деревяшка солдата.

— Эко грохаешь, хрипѣлъ Иванъ, но солдатъ ему не отвѣчалъ и прямо вошелъ ко мнѣ.

На немъ лица не было.

— Что̀ съ тобою?

— Въ дому нечисто, ваше высокоблагородіе... пролепеталъ онъ, вытянувшись въ струну, и какъ-бы задыхаясь.

— Что̀ такое?

— Очень нечисто, ваше благородіе... Жена померла.

— Ай, померла? воскликнулъ Иванъ въ великомъ испугѣ.

— Померла, прошепталъ солдатъ: — ну, не очень чисто скончалась... Очень... не аккуратно...

— Да въ чемъ дѣло? Будетъ... говори...

Несмотря на испугъ и трепетъ, солдатъ кое-какъ объяснилъ, что вчерашняго числа, послѣ того, какъ они съ Иваномъ «выволокли» жену изъ прощоновскаго кабака, солдатъ привезъ ее домой, ругая дорогой, говоря ей, что она довела его, стараго человѣка, до того, что онъ подрался, что она обокрала его, нищаго, унесла послѣднее... Жена все молчала. Пріѣхавъ домой, онъ взвалилъ ее на печь, и самъ легъ туда же, предварительно привязавъ однимъ концомъ веревки за дверь, чтобы кто не вошелъ, а другой конецъ, съ пьяныхъ глазъ, взялъ съ собой на печку, обвязалъ имъ женину ногу и крѣпко держалъ веревку въ рукѣ, чтобы проснуться, когда она побѣжитъ. Жениной дѣвчонкѣ, которую тоже ударилъ нѣсколько разъ, онъ наказалъ смотрѣть за мамкой, ежели самъ задремлетъ.

Въ глухую ночь онъ слышалъ пронзительный крикъ, голосъ походилъ на дѣвчонкинъ, но очнуться не могъ, потому что голова «дюже» была тяжела.

— Прочухался подъ утро, шепталъ солдатъ.—Глянулъ къ палатямъ... анъ она... и веревка эта самая...

— Ахъ — дѣло-то нечистое! хрипѣлъ Иванъ, очнувшись отъ хмѣля. — А-а, братецъ ты мой...

— Очень нечистое дѣло...

Всѣ мы помолчали.

— Эхъ водочка-а, матушка, утирая градомъ полившіяся слезы, говорилъ солдатъ: — два раза я отъ тебя погибель имѣю, подъ шапку изъ-за тебя попалъ... теперь, можетъ, душу...

— Ахъ, бѣдовое дѣло, охалъ Иванъ. — Дѣвчонка-то что ейная?

— Убѣгла дѣвчонка!... Кабы не пьянъ былъ, я-бъ окликнулъ... Она, надо быть, видѣла, какъ мать-то... ну, и убѣгла. Какъ не убѣчь...

Солдатъ былъ крѣпко убитъ, и почти не разговаривалъ съ Иваномъ.

Почему-то мы сочли нужнымъ пойдти на мѣсто происшествія; въ селѣ уже знали о немъ, у дверей избъ толпились женщины, закутавшись отъ дождя свитами. Рѣдкая изъ нихъ осмѣлилась подступить къ толпѣ мужчинъ, обступившихъ солдатскую избу въ глубокомъ молчаніи.

— Эй! Хромой! послышалось съ солдатскаго двора, когда мы всѣ трое подходили къ нему. — Гдѣ ты шатаешься, старый песъ.. Иди!

Это кричалъ Ермолай.

— Нашелъ время шататься! продолжалъ онъ: — Тоже порядокъ спросятъ... Надо ее выволочь оттеда, для господъ... для воздуха. Эй, ребята! помоги...

Какой-то старичокъ, на лицѣ котораго выражалось полное убѣжденіе, что это дѣло мірское, и его оставить нельзя, отдѣлился изъ толпы; вмѣстѣ съ хромымъ солдатомъ они вошли въ избу. Скоро оттуда вылетѣла на дворъ веревка.

По упругимъ изгибамъ ея, ясно сохранившимся, всѣ стоявшіе здѣсь могли убѣдиться, какая страшная масса горя томила несчастную.

— Ахъ, ты... послышалось въ толпѣ. — Перетянула какъ... Тьфу...

— Пожалуй, что утрафишь въ хорошее мѣсто, — изъ-за этого дѣла... толковалъ Иванъ въ ожиданіи слѣдствія, и самъ же отвѣчалъ на это: — куда угодно! въ Сибири тоже люди... Радъ-радехонекъ...

Но этотъ отвѣтъ не успокоивалъ его, да и не одинъ Иванъ, все село было въ величайшей тревогѣ. Собственно страшенъ былъ не судъ, не начальство, а та, какая-то безпредѣльная душевная тоска, которая съ разу навалилась на всѣхъ послѣ этого происшествія. Что-то тяжелое висѣло надъ головами всѣхъ и не давало покою. По ночамъ можно было замѣтить огоньки, чего прежде не было, что бываетъ, когда грозитъ туча, несчастіе. Солдатъ два дня стоялъ на караулѣ при женѣ, и не показывался, ожидая начальства. Иванъ не посѣщалъ его, и испытывая общій душевный ужасъ, мучился ночью болѣе обыкновеннаго.

— Что, ваше благородіе, говорилъ онъ, тихонько пробираясь ко мнѣ. — Какъ ни вертись, а надо быть, что промахнулъ я имъ душу-то... По совѣсти сказать, чудится мнѣ, что и въ другой разъ мы съ нимъ торговались... Тутъ ужь онъ мнѣ что угодно... Нетокмо храмы божіи, а «хушь, говоритъ, дрова обругай», соглашусь. Тутъ-то должно быть я и ахнулъ... Должно быть, что такъ! Потому, и имъ не изъ чего звать попусту... Ужь ежели кричатъ «пойдемъ», стало быть что-нибудь... Ничего не сдѣлаешь!... Коли Богъ дастъ, отверчусь отъ этого дѣла, надо писать просьбу. Надо...

Наконецъ, всѣмъ полегчало; пріѣхало начальство, судебный слѣдователь, лекарь и фельдшеръ съ ящикомъ анатомическихъ инструментовъ. Толпа около солдатской избы собралась гро-

мадная; на этотъ разъ даже бабы, поодаль отъ мужиковъ, образовали довольно порядочную кучку. Посреди двора возвышался шалашъ, забросанный соломой, подъ которымъ лежала покойница. У воротъ плетня, стояли безъ шапокъ солдатъ и Ермолай, оба застегнувшись на всѣ уцѣлѣвшія пуговицы; трезвое лицо Ермолая было обыкновенное, форменное, солдатское лицо; только разбойничьи глаза его какъ-будто стали меньше: онъ какъ-то хитро поглядывалъ ими и видимо робѣлъ; хромой солдатъ былъ унылъ и какъ будто отощалъ; тѣмъ не менѣе косицы его были приглажены, а когда подошло начальство, то вмѣстѣ съ Ермолаемъ, онъ совершенно посолдатски произнесъ:

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе!

— Здравствуйте ребята! сказалъ слѣдователь, взглянувъ на вытянувшагося и блѣднаго солдата.—Староста! Сафронъ.

— Староста! Эй! Вотъ онъ! Иди... гудѣли въ толпѣ.

— Самоварчикъ, братъ, нельзя ли... а?

— Можно-съ.

— Пожалуйста поскорѣй... Ступай. Такъ это твоя жена-то?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, наша-съ, отвѣчали Ермолай и солдатъ вмѣстѣ.

— Какъ же это?..

— Иванъ Петровичъ, перебилъ лекарь: — скажите, чтобы яицъ въ смятку...

— Эй, Сафронъ, Сафронъ!

Такой разговоръ облегчилъ душу солдата, ибо очевидно не приговаривалъ его къ смерти; онъ поправилъ деревяшку и кашлянулъ. Вообще судьи видимо не имѣли намѣренія чѣмъ-нибудь страшить этотъ народъ. Повидимому, такія трагическія развязки исторій господскихъ сюртуковъ были для нихъ вещью столь же обыкновенною, какъ обыкновенны онѣ и въ самой дѣйствительности. Они усѣлись на бревнушкахъ и обрубкахъ, достали карандаши, бумагу, велѣли открыть покойницу, при видѣ которой толпа шатнулась назадъ; лекарь и фельдшеръ стали приготовлять мѣсто для анатомированія, требовали воду, лавку и проч., а судебный слѣдователь понемногу разспрашивалъ народъ.

— Такъ распутничала? спрашивалъ слѣдователь.

— Было-съ... говорилъ свидѣтель.

— Точно, ваше благородіе... Весьма по глупости своей... Большая поскуда...

— Ты что скажешь?

— Больше ничего-съ... Непорядочная была-съ, покойница...

— Ничѣмъ не жаловалась?

— Кто жь ее знаетъ, это надо у бабъ спросить... Эй, бабы, подь сюда!...

Бабы убѣжали прочь.

— Сердцемъ, ваше благородіе, жаловалась, произноситъ хромой солдатъ: — схватится такъ-то и упадетъ...

— Сердцемъ? Ну, еще не можешь ли что-нибудь сообщить?

— Что жь, ваше благородіе? говоритъ солдатъ убитымъ голосомъ... Жили дружно-съ... Больше ничего... Что!

— Ты кто такой?

— Отставной-съ... Что жь, дѣло божіе! Ево воля... Моей причины нѣту; служилъ царю чисто—двадцать лѣтъ отслужилъ...

— Да ты сядь, старикъ, говоритъ слѣдователь.

— Постоимъ, ваше высокородіе, просвѣтляясь отъ ласковаго слова, говоритъ солдатъ веселѣе. — Я двадцать лѣтъ стоялъ-съ, привыкъ-съ. Во дворцахъ стаивали...

— Во дворцахъ? закуривая папироску переспрашиваетъ слѣдователь.

— Какъ же-съ... Въ тіатрѣ тоже и во дворцахъ. Тутъ стоишь, дыханія своего не слышишь, не шевельнешься... Однова во дворцѣ задремалъ, да и уронилъ ружье, — такъ думалъ умру-съ...

— Какъ же можно! поддакнулъ Ермолай.

— Какъ пошло по царскимъ покоямъ ухать-съ, отъ удара... такъ...

— Эй, ну-ка, поди сюда! перебиваетъ солдата лекарь:—подними-ка покойницу-то.

— Выволочь ее оттедова прикажете? вызывается Ермолай.

Покойницу тащатъ на лавку; солдатъ помогаетъ нести за ногу, Ермолай взялъ ее подъ мышки; проходя мимо слѣдователя, и находясь подъ страхомъ суда, онъ желаетъ заслужить у барина и ласково говоритъ:

— На караулѣ, вашескбродіе, большая строгость... Теперича въ итальянской оперѣ стоишь — ровно желѣзный сдѣлаешься... навзничъ прикажете?...

— Клади навзничъ.

— Слушаю-съ.

— Ты кто такой? обращается слѣдователь къ Ермолаю.

— Безсрочный... Ермолай Семеновъ...

— Ну, ты что?

— Да что жь, ваше высокоблагородіе... Что народъ-съ... Не даромъ онъ про нее... Что было, то было, произноситъ Ермолай съ усиленною ласковостію.

— Распутничала?

— И весьма-съ. Что правда, то правда... Утаить нельзя... Поведеніе имѣла вредное...

Ермолай взглядывалъ на хромаго, но тотъ молчитъ и стоитъ на вытяжку...

Допросъ продолжался и никого виновнаго, кромѣ собственной глупости бабы въ ея самовольной кончинѣ, не нашлось. Затѣмъ покойницу вымѣрили вдоль и поперегъ и изобразили все это въ аршинахъ и вершкахъ; развязали тряпки, которыми были обвязаны ея пальцы на рукѣ и на ногѣ, и узнали, что руку она разбила кирпичомъ, во время поденьщины, а ногу зашибла ей скотина, во время работы. Слово «работа» стало звучать въ устахъ свидѣтелей столь же часто, какъ и «распутство»; все это хотя и не убавляло мнѣнія насчетъ глупости бабы, но тѣмъ не менѣе было записано и затѣмъ приступлено къ анатомированію.

— Десятый часъ! говорилъ докторъ фельдшеру.

— Сію минуту, сію минуту, торопился фельдшеръ, вытирая тряпкою пилу.

Скоро слухъ зрителей былъ глубоко пораженъ скрипомъ пилы по черепу безжизненно мотавшейся головы. И вмѣстѣ съ этимъ звукомъ вдругъ откуда-то раздался пронзительный, кроткій крикъ.

— Дѣвчонка кричитъ! зашумѣлъ народъ. — Догоните, братцы!... Уйдетъ!

— Для начальства а-а!...

Нѣсколько человѣкъ бросились отъискивать дѣвочку, — но не нашли.

Крикъ ея былъ такъ краток, что нельзя было съ точностію опредѣлить мѣста, откуда онъ раздался.

Скоро слѣдствіе кончилось...

— Проворнѣй, ребятки, проворнѣй! торопливо моя въ ушатѣ руки, говорилъ фельдшеръ: — собирай мозги-то... да не руками! Прикинется болѣть, дуракъ... Солому возьми въ руки, да такъ съ соломой и вали въ нутро... Зашьется!... Все одно — прахъ!...

Судебный слѣдователь и докторъ ушли, не дождавшись фельдшера.

— У твоей жены ожиреніе сердца, сказалъ слѣдователь солдату, уходя: — начальство принимаетъ это въ уваженіе...

— Слушаю, ваше высокоблагородіе!

— Я похлопочу, нельзя ли будетъ предать ее землѣ по христіанскому обряду... Не тужи...

— Что̀ ужь тужить, вашскбродіе... На христіанствѣ благодаримъ, а что все одно... Тутъ мнѣ жить не мѣсто...

— Отчего же?

— Сами знаете — мѣсто опоганено... Что̀ жь. Не усидишь.

— Въ этакой погани, вашескбродіе! подбавилъ Ермолай.

Слѣдователь сказалъ еще что̀-то успокоительное, и ушелъ.

— Куда ты, старый хрѣнъ, уйдешь! осторожно подходя къ солдату, прохрипѣлъ Иванъ: — много ты съ костылемъ ухватишь!...

— Да ужь надо! Такъ ли, сякъ ли, — а не будетъ дѣла на поганомъ мѣстѣ...

— Дура-а! продолжалъ Иванъ. — Давай-ко лучше вмѣстѣ возьмемся... Погляди, какъ дѣлами зашевелимъ...

— Опоганено! сказалъ солдатъ.

— Ну, а дѣвчонка?...

— Нешто она моя?... Пущай родители получаютъ... Я самъ калѣка... Да, пожалуй, и дѣвчонка уважитъ не хуже матки... Ну ихъ...

— Кабы *наша* была, сказалъ Ермолай: — все-таки нельзя оставить... Будетъ вамъ балакать-то... Пойдемъ, хромой!... Ночку выстояли, росинки не было... Пойдемъ!...

Всѣ начали понемногу расходиться...

IX.

Покойницу зарыли, перекрестились, крѣпко отплевались, и замолкли о ней совершенно...

Продолжительныя страданія исчезли такимъ образомъ безплодно, не оставивъ ни одной капли вражды къ причинѣ ихъ. Не испытавъ и сотой доли этихъ страданій, я, признаюсь, не могъ вполнѣ ясно и отчетливо представить и понять ихъ глубину, но, благодаря краткимъ и рѣдкимъ разговорамъ солдата, и встрѣчамъ, я видѣлъ, что они велики, выше всего, что̀ таится въ этихъ затылкахъ, жаждущихъ быть разбитыми для собственной пользы, во всѣхъ этихъ пришибенныхъ существахъ, надѣющихся отомстить щепкой... Веревка, которую я видѣлъ на дворѣ солдата, говорила мнѣ, что ею прекращена такая нравственная боль, при которой утрачивалась надежда даже на эти затылки и щепки... И отъ всего этого мнѣ стало какъ-то жутко... «Неужели», думалось мнѣ: «даже такія страданія не оставляютъ ничего, кромѣ молчанія, безслѣдно уходятъ въ землю, только страшатъ, и еще ниже пригибаютъ голову?»

Я считалъ это отвѣтомъ на тотъ вопросъ, который зада-

валъ себѣ ѣдучи въ деревню, относительно работы темной мысли надъ своимъ положеніемъ... Пожалуй, и теперь, я не подыщу другаго отвѣта, но одна неожиданная встрѣча, происшедшая спустя нѣсколько дней послѣ кончины солдатской жены, сдѣлала этотъ отвѣтъ нѣсколько менѣе безотраднымъ.

Я разскажу эту встрѣчу.

Мнѣ давно хотѣлось поглядѣть на дѣвочку, оставшуюся послѣ покойной, какъ на экстрактъ всей массы страданій во всей этой исторіи. Я поджидалъ къ себѣ солдата, чтобы сказать ему объ этомъ, но солдатъ, находясь подъ пьянымъ вліяніемъ Ивана и Ермолая, самъ загулялъ, и во хмѣлю спустилъ избу цаловальнику, укрѣпившись въ намѣреніи идти куда-то...

— Вашбродь! кричалъ онъ однажды, выйдя изъ кабака безъ шапки, когда я шелъ къ Ивану Николаичу. — Пожалуйте разсудить дѣло! Въ честную компанію!

Въ кабакѣ было много народу, и всѣ почему-то засмѣялись, когда мы вошли.

— Ладно, ладно! говорилъ солдатъ всѣмъ.—Я своего дѣла не оставлю... Я это все ворочу!... Вашбродь! Отвѣчайте намъ: могу я цаловальника засудить? Теперичи хочу я судами деньги наживать... дѣло мое пустое вышло...

— Ну, засуди! сказалъ цаловальникъ.

— Изволь, какъ бы съ охотой сказалъ солдатъ. — Изволь, другъ ты мой... Баринъ, глядите, такъ ли будетъ?...

Тутъ солдатъ какъ-то установилъ себя съ деревяшкой передъ стойкой, какъ передъ судьей, и сказалъ цаловальнику:

— Позвольте съ васъ взыскать сто серебромъ...

Всѣ покатились со смѣху.

— За что̀?

— А я вамъ сейчасъ объясню... Погоди грохотать-то... Примали вы мой домъ, а тамъ у меня часы остались... оптическіе... Пожалуйте!...

— Это какіе оптическіе?

— Больше ничего—серебряные съ двумъ доска̀мъ... Штучка маловатая, а цѣна ей—сто цѣлковыхъ. Вынимай деньги! Вышло, ай нѣтъ? Баринъ! обратился солдатъ къ публикѣ и ко мнѣ, выходя изъ позы истца.

Со смѣхомъ ему отвѣтили, что не вышло...

— Ахъ, въ ротъ тѣ галку... Ну, постой, я другую.

— Да будетъ тебѣ, крупа! сказалъ цаловальникъ, стукнувъ его по затылку. — Пропивай остачу-то, да ступай на ярмарку, причитай: «безногому»... Судиться!

— Ну, да ладно, началъ-было солдатъ, повидимому, намѣреваясь разыграть новую сцену, однако, остановился, и сказалъ: — а что, братецъ, вѣдь и такъ на ярмарку, пожалуй, ударишься... Баринъ! Пожалуй, что не сходнѣй ли будетъ этакъ-то... «а-а без-ру-укам-му, а-а биз-ногам-му», пропѣлъ онъ, какъ поютъ нищіе, громко и отчаянно.

— Вотъ такъ-то!... одобрилъ цаловальникъ среди смѣха публики. — Какъ есть нищій.

— Да и такъ нищій, подтвердили въ толпѣ. — И зачѣмъ избу продалъ, старый шутъ?...

— Что̀ ему въ избѣ-то дѣлать хромому? сказалъ цаловальникъ, и прибавилъ солдату: — допивай, что ли... остачу-то...

— Ужь и велика же остача... слышалось въ толпѣ.

На слѣдующій день, когда мы съ Иваномъ Николаичемъ собирались ѣхать въ городъ, на дворъ вошелъ солдатъ и попросился съ нами.

— Есть слушокъ, будто въ части дѣвчонка-то... сказалъ онъ. — Все надыть поискать...

По всей вѣроятности, онъ уже успѣлъ истратить «остачу» отъ дома, взятаго цаловальникомъ, былъ трезвъ, грустенъ, жалѣлъ о избѣ, и не зналъ, что съ собой дѣлать...

— А, пожалуй, что по ярмаркамъ пойдешь... съ дѣвчонкой-то, говорилъ онъ въ раздумьѣ дорогой.—Ничего не сдѣлаешь...

Мы пріѣхали въ городъ подъ вечеръ, и прямо отправились въ часть.

У разрушеннаго каменнаго подъѣзда ветхаго и ободраннаго зданія части, мы встрѣтили пожарнаго солдата, который курилъ трубку и сквозь зубы бурчалъ: «нельзя!», относя эти слова къ нѣсколькимъ обывателямъ, стоявшимъ близь него.

— Блаженная? отнесся онъ къ намъ.—Здѣсь! Надо къ частному идти...

— Ну, будетъ ломаться-то! прервалъ его Иванъ Николаичъ:— авось и на пятачокъ выпьешь...

И далъ ему пятачокъ. Солдатъ снялъ кепи, и произнесъ:

— Дай Богъ ей, очень она насъ выручаетъ, блаженная... Вотъ двое сутокъ, какъ нашли ее, — нѣтъ, нѣтъ, и попадетъ бездѣлица... А очень любопытствуютъ видѣть...

По примѣтамъ, блаженная оказалась солдаткиной дочью. Ее поймали на дорогѣ какіе-то мужики, и доставили въ часть. Разсказывая исторію находки, солдатъ велъ насъ по темному узкому корридору, съ ямами въ каменномъ полу, и съ отвратительнымъ казарменнымъ запахомъ.

— Она у насъ въ темной сидитъ... объяснилъ солдатъ. —

Многіе обижаются, что, напримѣръ, блаженная, ну, начальство... сами знаете... Вотъ тутъ!

Мы очутились передъ маленькой запертой дверью, въ которой было прорѣзано небольшое четвероугольное окно; солдатъ снялъ фуражку, просунулъ туда голову и шепотомъ сказалъ:

— Машутка, здѣсь ты?...

Отвѣта не было, только что̀-то завозилось.

Солдатъ повторилъ вопросъ.

— Жиды пришли?... послышался изможденный и до-нельзя слабый дѣтскій голосъ.

— Я, я, — Филиппъ пришелъ!... говорилъ солдатъ робко.

— А у меня пѣтухъ есть... отвѣтилъ голосъ, и слабо, какъ самый маленькій пѣтушокъ, пропѣлъ: «кукурику-у»...

— Тронулась дѣвка-то! вздохнувъ, сказалъ солдатъ, и попросилъ у пожарнаго огарочка поглядѣть.

— Все больше на жидахъ, объяснилъ пожарный, зажигая огарокъ: — жиды, говоритъ, Христа распяли, а пѣтухъ запѣлъ, — онъ и воскресъ...

— И воскресъ! отвѣтилъ изъ тюрьмы больной и ласковый голосъ. — И матка...

Зажгли свѣчку, и солдатъ пріотворилъ намъ дверь въ темную. Здѣсь, въ обществѣ пьяной бабы, которая спала на лавкѣ спиной къ намъ, и совершенно трезваго мужика, молча сидѣвшаго въ уголкѣ и покорно ожидавшаго, что̀ будетъ, на полу, грязномъ и мокромъ, сидѣла Машутка. Жиденькіе, бѣлые волоса падали, какъ попало на голыя плечи, слегка вывернутыя впередъ, потому что локти были связаны назади мочалкой, — впрочемъ, не туго, такъ, что она могла держать руки на груди, и крѣпко сжимала ими какую-то грязную тряпку, изъ которой высовывался конецъ деревянной ложки... Она была въ одной узкой и испачканной грязью рубашкѣ.

— Питушокъ у мине... лепетала она, прижимая тряпку къ груди и глядя на насъ неподвижными, но не въ мѣру оживленными глазами. — Запоетъ онъ — всѣ передушитесь жиды... Запой, запой жа-а... Ра-адиминькай!... Христосъ-то воскресъ тады... Сю минутучку запоетъ... Бижите отсюда, жиды... Лучче вамъ убѣчь...

Дѣвочка продолжала лепетать слова и фразы въ такомъ родѣ, совѣтуя намъ уйти поскорѣе, потому что пѣтухъ запоетъ сію минуту, — мать воскреснетъ, а мы всѣ задушимся... Мы посмотрѣли на нее, и съ тяжелымъ сердцемъ пошли вонъ, не зная, что̀ предпринять.

— Жаль и кинуть! въ раздумьѣ тосковалъ солдатъ, когда мы вышли на улицу, и остановились потолковать.

Среди такого раздумья, къ намъ подошелъ полицейскій солдатъ и еще кое-кто изъ толпы.

— А, старина! сказалъ Иванъ Николаичъ одному какому-то понурому старичку. — Цѣлъ еще?

Старичокъ не отвѣтилъ, но поклонился Ивану Николаичу, и сталъ около насъ молча.

— Вы родитель ей будете? сказалъ пожарный солдату.

— Да, пожалуй, что, на то найдетъ...

— Такъ вы ее долго у насъ не держите... Вотъ что̀ я вамъ скажу: она блаженная—блаженная, а тоже кормить зря не будутъ... начальство, — нельзя!

Солдатъ задумался.

— Ну, сказалъ Иванъ Николаичъ:—думайте! Думай, старикъ, а то вышвырнутъ, хуже будетъ... Жаль вѣдь... Надумаете— идите къ Миронову въ лабазъ, оттуда вмѣстѣ тронемся.

Мы съ солдатомъ стали думать. Понурый старичокъ стоялъ около насъ и слушалъ. Солдатъ не могъ придумать ничего лучше того, что̀ рекомендовалъ ему цаловальникъ: онъ хотѣлъ какъ-нибудь перезимовать зиму, а съ весны положить блаженную въ тележку и тронуться съ нею по ярмаркамъ. Никакого другаго, болѣе практичнаго плана для нихъ обоихъ нельзя было придумать.

— Ничего не подѣлаешь, порѣшивъ, заключилъ-было солдатъ.

Но въ это время понурый старичокъ не спѣша тронулся съ своего мѣста и, поровнявшись съ солдатомъ, глядя въ землю, буркнулъ:

— Вотъ чего... Бросить это надо... Не приходится младенцевъ божіихъ по толкучкамъ таскать... Не подходитъ это, такъ-то ся.

Руки старикъ держалъ назади, и, говоря это медленно и съ разстановкой, слегка подергивалъ плечомъ въ одну сторону, и не поднималъ головы.

— Кормиться надо, старина!... Душа проситъ прокорму, сказалъ солдатъ.

— Корму хватитъ... Отъ Господа кормъ-то идетъ... А ежели ты имѣешь вѣру—отдай блаженную намъ... Прокормъ будетъ... Не мѣсто толковать-то... въ нумерокъ хошь.

Не дожидаясь отвѣта, старичокъ попрежнему медленной походкой пошелъ въ сторону, направляясь, повидимому, къ харчевнѣ; солдатъ охотно поплелся за нимъ, обрадованный

неожиданнымъ прокормомъ, и я не могъ отстать отъ нихъ, въ первый разъ услыхавъ сочувствіе къ невиннымъ страдальцамъ, считаемымъ «блаженными», которыхъ бросать не приходится.

Всѣ трое мы вошли въ грязную харчевню съ задняго крыльца; въ узенькомъ и низкомъ корридорѣ, обклеенномъ какими-то канцелярскими бумагами, съ маленькими дверьми въ душныя и грязныя «особенныя комнаты», стоялъ, балакая съ половымъ, молодой, красивый парень въ отличнѣйшемъ полушубкѣ, съ гармоніей въ рукахъ; онъ видимо подгулялъ, былъ веселъ, и не замѣчалъ, что картузъ его сидѣлъ на затылкѣ, козырькомъ на бокъ. При появленіи старичка, онъ сунулъ гармонію половому, сдернулъ шапку, и, сдѣлавъ постную физіономію, тономъ сидѣльца, заговорилъ, обращаясь къ старику:

— Изготовлено-съ все-съ... Пятнадцать пудовъ муки пшеничной... два ведра вина-съ... масла...

Старичокъ взглянулъ на него, и молча прошелъ въ нумерокъ; малый, какъ будто струсилъ, оглянулся на смѣющееся лицо половаго, и скромно усѣлся въ уголкѣ нумера; мы трое размѣстились по бокамъ небольшого стола. Старикъ не претендовалъ на мое присутствіе; онъ долго копошился, усаживаясь, покряхтывалъ, пожевывалъ, поднималъ и опускалъ сѣдыя брови и вообще серьёзностію лица доказывалъ, что въ головѣ у него есть нѣчто весьма цѣнное, — по крайней-мѣрѣ, для него, хотя въ глазахъ его, тусклыхъ и маленькихъ примѣтна была нѣкоторая тупость. Мы всѣ молчали, и ждали, что̀ будетъ. Солдатъ, повидимому, былъ отчасти изумленъ тѣмъ, что объ угощеніи не было и помину, хотя дѣло, очевидно, происходило въ харчевнѣ...

— Вотъ чего служба, заговорилъ старецъ, прекративъ свои таинственныя прелюдіи: — отдай ты дѣвочку намъ...

— Кто вы будите?...

— Здѣшніе, подгородніе, прощоновскіе жители... И скажу я тебѣ, что дѣвицу эту ты отдай намъ, по тому случаю, что намъ мученики требуются... Они наши предъ Господомъ заступники, а мы, прощоновскіе, главнѣе о небесномъ благополучіи имѣемъ, а въ земное вѣры у насъ нѣту...

— Не стоитъ того дѣло! подвернувъ ловко обутую ногу подъ лавку, подтвердилъ молодой малый, сплюнулъ и тряхнулъ волосами.

Но старикъ ничѣмъ, даже взглядомъ не одобрилъ этой сочувственной фразы молодца, а продолжалъ:

— Требуются намъ предстатели и защитники на небеси по тому случаю, что на земли у насъ ихъ нѣту... Вѣрно я говорю?

Нельзя было хоть отчасти не согласиться съ этимъ взглядомъ старца, припомнивъ, что на землѣ бываютъ случаи, когда предстательствуютъ затылки и щепки.

— Что̀ твоя дѣвочка? Умудрилъ ли тебя Господь понимать это дѣло? Дите Божіе, ангелъ непорочный, мученица невинная... Слѣдственно ежели мы у Господа награду ищемъ, то отнюдь не можемъ оставлять зря... Отдай ты намъ ее въ обитель, ибо имѣемъ мы обитель собственную, и угодникъ нашъ, новоявленный мученикъ Миронъ, при насъ тоже состоитъ...

Старикъ перекрестился; молодой малый, заслушавшійся-было гармоніи, вскочилъ и сдѣлалъ то же.

— Отъ него, Мирона мученика, получили мы въ эфтомъ понятіе, его слушаемъ и вѣруемъ. Отчего мы, простые христіане, всю жизнь му̀ку видимъ, отчего между нами ссоры и драки, буйства и зависть? По тому случаю, что мы во грѣхѣ, на умѣ у насъ мірское, какъ бы лучше, какъ бы сытнѣе, какъ бы больше... Кого мы боимся? Боимся начальства, суда человѣческаго, а того не видимъ, что и онъ тоже во грѣхѣ и въ блудѣ, и самъ тожь наровитъ для мамоны... а не что ли бы... На него ли положимъ надежду? Его это слова... И было тогда намъ сказано отъ него: «бросьте все, припадите къ Богу, на землѣ какъ мухи поскудныя передохнете, а на небѣ награда будетъ». Оно такъ и выходитъ... Вотъ ты хромъ и нищь, сказалъ старичокъ солдату: — на земное или на небесное ты надежду имѣлъ?

— Грѣшенъ! сказалъ солдатъ: — собственно что для прокорму...

— Какъ же вы... ласково и какъ бы укоризненно попытался произнесть молодой малый, но старецъ продолжалъ:

— Такъ оно и выходитъ... Послушай тепериче, что̀ я тебѣ скажу... Неспроста мученикъ Миронъ этакъ-то говаривалъ. Отъ юности своей имѣлъ онъ большое понятіе, и къ нашему мужицкому мірскому дѣлу не подходилъ. «Господи!» возопилъ онъ единожды передъ міромъ, когда его силкомъ на тягло посадили. «Не могу я въ бракѣ быть... Дозволь служить тебѣ, но не дьяволу». И въ ту же ночь Господь супругу его прибралъ... Съ этихъ поръ мученикъ покинулъ міръ и ушелъ въ пустыню; и пятнадцать лѣтъ лежалъ въ шалашѣ на одномъ мѣстѣ. Вбилъ онъ себѣ колья подъ кожу, по семи вершковъ длины, и такъ стало, что обросли тѣ колья кожею, а ино мѣсто стали раны

и язвы. Завелись въ этихъ язвахъ черви, и ежели случится какой червь упадетъ оттуда, вывалится, то угодникъ его вторительно въ язву кладетъ... И не мало мы дивились, грѣшные, на этакаго мученика. Видимъ мы, не имѣетъ онъ грѣховъ, ни блуда, ни пьянства, не жаденъ; за одно за это стали мы его почитать, потому, всѣ тѣ грѣхи мы оставить не можемъ... Видимъ мы, что и мученія и роптанія наши тоже ничего супротивъ его не составляютъ; намъ голодно, а онъ голоднѣй насъ во сто разъ; намъ холодно, а онъ голый подъ рогожей лежитъ!... И стали мы ходить къ нему. «Помолись о насъ грѣшныхъ... дай совѣтъ»... И тутъ говоритъ онъ на наши глупыя мужицкія жалобы: «Вѣкъ вы свой покою не сыщете, ежели вокругъ себя искать будете... Не о землѣ, но о душѣ думайте»... «Ты, говоритъ, бѣжишь жалиться въ волость на мужа, а ты на жену; наказываютъ васъ и усмиряютъ, а лучше вамъ отъ этого не будетъ! А помоему такъ: замѣшалось промежду васъ земное, брось, уйди отъ него; позабудь земную обиду и защиту, а припади къ Богу, у нево ищи»... Не видали мы на землѣ проку, и ходили къ нему. И носили ему отъ трудовъ своихъ, кто грошикъ, кто сколько, кто и такъ. Пятнадцать годовъ училъ онъ насъ; и бывало такъ, что уйдетъ жена отъ мужняго грѣха, или сынъ отъ отцовой неправды, уйдутъ въ пустыню, ну, слаба была вѣра, ворочались обратно изъ пустыни... на лютую казнь. Видѣлъ это мученикъ и говорилъ: «всѣхъ я васъ спасу, ежели увѣруете въ слова мои»... На шестнадцатомъ году, въ вёсну, полднями слышенъ былъ звонъ въ небеси... «Отхожу!» сказалъ мученикъ. Вынулъ онъ въ ту пору изъ-подъ кожи колья кровавые и роздалъ намъ ихъ... И взялъ самъ одинъ колушекъ, вбилъ его подлѣ себя въ землю, и сказалъ: «будетъ здѣсь колоколъ (стало быть, монастырь), ну, не въ скоромъ времени, а сначала будетъ домъ общій». И померъ. Ровно дитё,—тихо. Тутъ и вышло, какъ онъ насъ спасъ—всѣ-то грошики, всѣ копеечки всѣ въ ямку зарыты, и набралось тѣхъ грошиковъ пятьсотъ рублей... Помня заповѣдь, стали строить домъ. Теперь онъ готовъ, въ два этажа, на двѣ половины, мужскую и женскую. Сталъ къ намъ бѣжать народъ, стали молиться о душѣ своей, и живемъ подъ Богомъ... Работаемъ вмѣстѣ, вмѣстѣ кормимся... И тебя прокормимъ, да и о душѣ своей вспомнишь. Такъ-то. Вотъ мои слова.

— Охъ, надо! сказалъ солдатъ со вздохомъ.

— То-то — надо. А дѣвочку мы сохранимъ въ покоѣ, въ угожденіи. Потому, надо намъ вѣру поднять; вотъ что̀; стеченіе большое, надыть строить другую храмину; а безъ вѣры

толку не будетъ... да опять и то сказать, случается и грѣхъ въ обители... И молитва слаба... Да! Сразу нельзя... И угодникъ, по повелѣнію его, перенесенъ нами въ обитель по осени нониче для того-жь. Самъ онъ батюшка въ видѣніи объявилъ: «Скоро надыть мнѣ придти къ вамъ, укоренить вѣру... Пущай на кости и язвы мои поглядятъ, и укоренятся въ молитвѣ... не даромъ я мучился»...

Я вдругъ вспомнилъ сцену, видѣнную мною ночью, когда я и Иванъ Николаичъ ѣхали въ деревню. Старикъ говорилъ открыто, увѣренно, не боясь, повидимому, чужихъ ушей, и я сказалъ ему также откровенно, что видѣлъ, какъ они переносили Мирона.

— Ай видѣлъ? спросилъ онъ.—Отъ злова глупова глаза хоронились... До времени не болтаемъ зря... Въ скорости ждемъ бумагу изъ синоту, съ митрополитами откроемъ... Тогда ничего; давно послано... Такъ-то, служба... Тебя мы прокормимъ, а дѣвочка, блаженненькая, примѣръ для насъ глупыхъ... «вотъ какъ молъ мучаются, ежели у Господа желаютъ получить»... Ибо, говорю тебѣ, не имѣемъ вѣры въ земное, но молитвою стараемся заслужить на небеси...

— Да по мнѣ что же? говорилъ солдатъ.—Хоть бы какъ пробиться...

— Лучше нашего мѣста не будетъ! тряхнувъ кудрями, произнесъ малый. — Повѣрите.

Разсказъ и философія старика показались мнѣ нѣсколько странными: я никакъ не могъ примирить толковъ его о неусыпной молитвѣ съ веселымъ и румянымъ лицомъ молодаго малаго, который, очевидно, тоже принадлежалъ къ обители. Мнѣ хотѣлось потолковать съ нимъ.

— Вы тоже въ обители? спросилъ я у него, когда солдатъ и понурый мужичокъ вышли изъ нумера, ибо солдатъ потребовалъ «по грѣхамъ» могарыча.

— Какъ же-съ, слава Богу, второй годъ... Живемъ—лучше не надо... ну, молитва, по совѣсти сказать, слаба...

— Слаба?

— Дюже слаба... И очень плоховатое моленіе...

— Почему же?

— Да изволите видѣть, какъ вамъ сказать... Первое дѣло словъ настоящихъ не подберемъ... Путаемся, кое-какъ... Ну, а другое опять... Я вамъ про себя скажу. Убёгъ я къ нимъ отъ отчима... Бѣдность и мученіе отъ него—страсть. Убёгъ я, думаю, отдамъ душу Богу... И другой этакъ-то, и третій, и женскъ полъ... Собрались мы такъ-то, да какъ взялись рабо-

тать не на себя, а на обитель, — апъ у насъ страсть что всего... Пищу имѣемъ хорошую, всего много; что въ дому нуждался, въ обители все есть—на!... Оттаяли мы такъ-то, да молитву-то, признаться, и попризабыли маленько... Анъ и земное взялось... Да-съ... И блудъ-съ! прошепталъ малый, прищуриваясь: — вѣрно-съ... Младенцы даже появились... Ничего не сдѣлаешь!... Молитва-то и поослабѣла... Иванъ Өедосѣичъ, старичокъ-то, они главные у насъ... серчаютъ... «Вы, говоритъ, все больше о мамонѣ»... А по совѣсти сказать, придешь съ работы, поужинаешь, прямо на печь... Ну, и грѣхъ... И бабы-съ... Которая отъ мужа ушла, сейчасъ она ужъ... а не то, чтобы мученію себя предать... Ну, Иванъ Өедосѣичъ и серчаютъ... «Надо вѣру поднять... Слаба молитва»... Чудаки они... хе-хе... робко хихикнулъ малый.—А что̀ житье—лучше не надо!

— Зачѣмъ же вы вырыли Мирона?

— По той причинѣ-съ, что мірское насъ оченно обуяло-съ... Стали душу забывать, Иванъ Өедосѣичъ объясняютъ... Оно и точно грѣхъ... Вотъ и вырыли, чтобы къ Богу оборотить... Вотъ извольте поглядѣть, каковъ полушубокъ?

Полушубокъ былъ отличный, романовскій.

— Обительскій... Сапоги, тепериче, шапка—все обительскіе... Ежелибъ своей силой, ни во вѣкъ не сбился бы завесть, а тутъ у всѣхъ... Потому что выработаемъ, все несемъ на всѣхъ. Полушубки-то завели, а душу-то позапамятовали. Вотъ и вырыли-съ... А то на Илью одинъ нашъ обительскій подгулялъ, высунулъ голову въ окно, да и кричитъ народу: «нашъ-то Богъ получше вашего... вотъ—что̀!» ну, а вѣдь это не ладно... Потому завпсть... Которые нашей вѣрѣ не передались, страсть какъ завидуютъ. Такъ-то...

На разспросы мои, молодой малый съ удовольствіемъ сообщилъ, что положивъ посвятить жизнь дѣлу небесному, они, тѣмъ не менѣе, кое-что удѣляютъ и земному, то-есть исправно взносятъ что̀ слѣдуетъ, и начальство покуда ихъ не трогаетъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ деревенскихъ начальниковъ сами «передались» въ ихъ вѣру, и отдали на построеніе обители свое имущество. Приходскій батюшка не разъ грозилъ имъ Сибирью, но покуда что̀, а не слыхать, «и не будетъ этого», сказалъ малый увѣренно потому, что бумага послана прямо къ митрополиту. Къ бумагѣ приложенъ акаѳистъ и житіе Мирона, написанные дьячкомъ и волостнымъ писаремъ, «то-есть ахъ ка̀къ». Писарь бросилъ жену, мѣщанку нехорошаго поведенія, и уже передался имъ, а дьячокъ все ходитъ къ нимъ, попиваетъ меды и брагу, жалуется на свою участь и поговариваетъ: «аль и

себѣ передаться въ измѣну?» Вообще оказывалось, что спасеніе души покуда ничѣмъ не стѣсняется, что житье, слава Богу, сытное и что недостаетъ только настоящей вѣры, да иноческаго сану... Всего любопытнѣе было мнѣ видѣть, какъ сытное житье и спасеніе души, хорошіе полушубки и загробныя услады, путаясь въ соображеніи малаго, невольно выдавали его симпатіи, главнымъ образомъ, исключительно къ полушубкамъ, къ довольству и сытному житью... Во всей этой исторіи мнѣ было весело видѣть, что неудобства будничной жизни, хотя смутно, но понимаются народомъ, цѣнятся, и хотя темными путями, черезъ гробà, загробную жизнь, самоумерщвленіе и самоистязаніе, все-таки выводятъ его по временамъ къ тому, чтò дѣйствительно нужно ему, и безъ чего онъ рабъ и нищій.

— Баринъ! перервалъ мои размышленія молодой малый. — А чтò я вамъ скажу...

Онъ подсѣлъ ко мнѣ и шепотомъ, почти надъ самымъ ухомъ, проговорилъ:

— А ну-ко, ваше благородіе, да обманъ это все...

— Чтò такое обманъ?

— Да это... Миронъ-то. Третью недѣлю мы его въ обители держимъ, а вѣдь, по совѣсти сказать, благоуханія нѣту!

Я съ изумленіемъ смотрѣлъ на его, какъ бы оробѣвшее лицо.

— Чтò вы скажете? Покуда изъ синоту бумаги не будетъ, открывать его не посмѣемъ, а чтò попробовала у насъ одна бабочка, секретомъ туда заглянуть, говоритъ: «одна земля, все обманъ! не вѣрьте!». Вотъ чтò поговариваютъ-то... Какъ бы, пожалуй, наше дѣло не вышло дрянь!...

Малый весьма озабоченно тряхнулъ головой.

— Какъ дрянь? сказалъ я.—Да вѣдь вамъ хорошо жить? Ты самъ говоришь, что никто изъ васъ такъ хорошо не жилъ дома, какъ здѣсь.

— Разговору нѣту объ этомъ.

— Такъ, стало быть, стоитъ попрежнему только работать дружно...

— Тогда-то? перебилъ меня малый.—Нѣтъ, не будетъ! Разбѣжимся всѣ... Н-нѣтъ, баринъ! За угодникомъ шли, за нимъ покой имѣли... Полагали, какъ предстатель—да обманъ? Стало быть... чтò же?... Коль великъ мой грѣхъ? Правда-то, стало быть, не наша! Вотъ чтò я скажу!... Да лучше я, какъ собака. Да я тады самъ передамся начальству... У-уй-ду-у... То-есть убѣгу, повинюсь. «Какъ угодно... биспащады!»... У-уй-ду-у!

Хотя и трудно было мнѣ понять эти слова, почти галлюцинаціи, но, тѣмъ не менѣе, благодаря имъ, — я только впер-

вые могъ оглянуть всю безграничную темноту, обуревающую темнаго человѣка. Она разрушала сразу, какъ бурная волна, вымученную десятками лѣтъ страданій, темную, робкую, забитую мысль, повидимому, добравшуюся свѣта, и сразу повергала ее еще въ болѣе безвыходную темноту, повелѣвая «повиниться» въ этомъ проблескѣ свѣта, какъ въ преступленіи.

Я просто остолбенѣлъ, ушамъ не вѣрилъ. А между тѣмъ, это была правда.

Малый плелъ мнѣ, довольно долго, о душѣ, о пшеничной мукѣ, о язвахъ, видѣніяхъ, предсказаніяхъ, добрыхъ обительскихъ дѣвкахъ, — но все это не уничтожило во мнѣ ощущенія, похожаго на ощущеніе отъ удара обухомъ.

Подъ вліяніемъ этого ощущенія, я не помню какъ подошли старикъ и солдатъ, что̀ они тутъ еще толковали. Было во всемъ что-то такое, что̀ душило, не давая никакой возможности даже крикнуть...

Я посидѣлъ еще, простился съ компаніей, и получивъ отъ малаго приглашеніе «побывать въ обители» съ увѣреніемъ, что «угощеніе выставимъ настоящее», ушелъ.

Былъ девятый часъ вечера, и темно; движеніе на улицахъ совершенно почти прекратилось, — только лаяли собаки, охраняя наглухо запертую духоту и мертвую тоску, — да звонкими голосами визжали пѣсню двѣ мѣщанки, идя вдоль улицы и, повидимому, тщетно разъискивая хотя самаго ничтожнаго грѣхопаденія.

Нужно было торопиться къ Ивану Николаичу. Но я на минутку еще забѣжалъ къ матери и сестрѣ, узнать о нихъ что-нибудь.

Войдя въ кухню матушкиной квартиры, я услыхалъ чей-то басистый, раскатистый, какъ у дьяконовъ, голосъ. Это былъ Ермаковъ. Онъ былъ трезвъ, кротокъ, и даже стыдливъ, чему много способствовалъ его костюмъ, который хотя и былъ приведенъ въ возможный порядокъ, но рѣшительно не могъ поддержать благоприличія, овладѣвшаго хозяиномъ. Но матушка и сестра, напротивъ, казалось, утратили значительную долю сдержанности и наружнаго спокойствія, бывшихъ ихъ крайнею необходимостію.

Матушка какъ-то похудѣла, и черный чепецъ ея какъ будто увеличился въ размѣрахъ.

— Ахъ, Вася, Вася! заговорила она, качая этимъ чепцомъ.— Что ты намъ надѣлалъ, голубчикъ мой!... Ахъ, Вася!...

Руки ея выронили чулокъ на худыя колѣни, и голова упала на грудь, какъ бы отъ долгой усталости.

— И зачѣмъ только ты про этого, про Бѣлинскаго сказалъ... Ахъ, Боже мой! Пойдемъ мы всѣ по міру... всѣ съ сумой. Ахъ, голубчикъ ты мой!..

Мысль о неизбѣжности пойти по міру, должно быть, долго угнетала матушку и была обсуждена ею крѣпко и основательно, потому что высказавъ ее мнѣ прямо и безъ обиняковъ, она крѣпко вздохнула. Это немного облегчило ее; она могла изложить тайну погибели отъ Бѣлинскаго болѣе покойно и послѣдовательно.

— Не сердись ты на меня, Христа ради... вся я издрожалась, измучилась, истряслась за это время... Не могу я умолчать объ этомъ. Господи Боже мой!... Какъ же, что дѣлается!.. Помнишь, ты заспорилъ съ Семеномъ Андреичемъ?...

— Помню, помню...

— Н-ну, ты сказалъ противъ него... И Гаврило Петровичъ тоже противъ него сказалъ, что, молъ, твоя правда. Не тотъ сочинитель... Какъ его?

— Будетъ объ немъ! произнесла сестра, повидимому, съ большимъ нетерпѣніемъ, и закутавшись въ платокъ съ подбородкомъ, прошептала: — уйду... въ монастырь... Говорите, мамаша!

— Ну, голубчикъ... И книгу достали, тоже Гаврило Петровичъ Машенькѣ ее принесъ... Стало быть, послушанія мы ему не оказали... Видишь, что вышло? А ты знаешь, какой онъ? Сколько разъ я тебѣ говорила — Боже тебя избави заикнуться! Боже тебя сохрани!.. А ты... Ахъ, Вася, Вася...

Къ горестнымъ рѣчамъ матушки присоединились рѣчи Ермакова и сестры; всѣ они, тоже достаточно потерпѣвшіе въ этой исторіи «о вредѣ непослушанія», множествомъ фактовъ старались разъяснить мнѣ, въ чемъ именно заключается этотъ вредъ и почему... Я узналъ, что сестра принялась-было читать оставленныя ей мною книги и очень хотѣла спросить у меня кой о чемъ, весьма ее интересовавшемъ, но съ этой исторіей бросила все: «не до книгъ... рвутъ, какъ собаку!» говорила она. Узналъ я, что Ермаковъ совсѣмъ было-бросилъ шататься по кабакамъ, обрадовавшись, что нашелъ уголъ, гдѣ на него смотрятъ почеловѣчески, сталъ являться каждый вечеръ къ намъ, читать сестрѣ книги вслухъ, такъ-какъ у Марьи Петровны грудь слабая, а онъ, Ермаковъ, радъ-радехонекъ хоть что-нибудь сдѣлать, кому-нибудь... Узналъ я, что даже и штатный смотритель уже намѣренъ былъ ходатайствовать у директора о

допущеніи въ преподаваніе болѣе разумныхъ учебниковъ, нежели тѣ, которые существовали, и о дозволеніи замѣнить въ народной школѣ предметы, неподходящіе къ положенію простыхъ классовъ, какъ, напримѣръ, рисованія, исторіи римской имперіи и пр., изученіемъ на практикѣ башмачнаго и сапожнаго мастерства, и т. д. и т. д. Узналъ я множество самыхъ хорошихъ намѣреній, начинавшихъ говорить о томъ, что гдѣ-то, что-то просыпается, и видѣлъ, что все это было внезапно попрано какимъ-то Семеномъ Андреичемъ, который умѣетъ «купить дешево», любитъ угодить тѣмъ, кто его уважаетъ, человѣкомъ, котораго всѣ любятъ единственно за это умѣнье и ловкость въ покупкахъ. Авторитетъ, оскорбленный неожиданною встрѣчею на своемъ славномъ пути чего-то совершенно къ дешевой покупкѣ неотносящагося, забушевалъ и громадный потокъ самодурнаго «ндрава» хлынулъ, какъ лава изъ огнедышащей горы, и потопилъ все, безъ остатка... Потопилъ матушку, потому что она держитъ у себя извѣстнаго бунтовщика (меня) и, наслушавшись его совѣтовъ, якшается съ бродягами, подобными Ермакову, явившемуся при государственной реформѣ въ видѣ стельки... Потопилъ сестру, упомянувъ попечительницѣ, что, слушая бунтовщика, она хочетъ превратить дочь градскаго головы въ башмачницу, и отзывается про дочерей Ивана Ларивоныча, извѣстнаго по бакалейной части, что яко бы она обломала «всѣ ноги», покуда выучила его кобылъ-дочерей французскому кадрилю... Повалилъ Ермакова, упомянувъ нѣкоторой нетрезваго нрава дѣвкѣ, искавшей отъ Ермакова законнаго удовлетворенія съ угрозами погубить на вѣкъ передъ цѣлымъ свѣтомъ и начальствомъ, что ея подданный сталъ шататься «вонъ куда», чтобы она пошла и открыла барышнѣ самой все, начистоту... Штатный смотритель, узнавъ, что Ермаковъ шатается въ женское училище и пересуживаетъ о смотрителѣ, говоря, что онъ самъ пьяница и что, возвращаясь съ недавнихъ крестинъ, умолялъ жителей втащить его на колокольню, дабы оттуда осмотрѣть мѣстность и такимъ образомъ отыскать свой домъ — узнавъ это, смотритель немедленно разорвалъ бумагу о башмачномъ мастерствѣ и вычелъ у Ермакова изъ жалованья 10 рублей серебромъ за утрату казенной линейки и за разбитіе чернильницы...

Все было поглощено, задавлено, уничтожено безслѣдно.

Тамъ, гдѣ робкая мысль только чуть-чуть пробивалась на свѣтъ, тамъ, гдѣ впервые задумывались о настоящей пользѣ, начинали интересоваться первою дѣльною книгою, неожиданно появилось что-то такое, что̀ совершенно не хочетъ имѣть ни-

какой мысли: стали врываться пьяныя дѣвки съ криками: «не дозволю!.. у меня ребенокъ!.. Не допущу этого!» «въ судъ позову... не погляжу!..» Стали вламываться благотворители и попечители, натягивая со зла бразды своей власти до невозможной степени, подобно тому, какъ кучеръ, обруганный бариномъ за то, что заснулъ на козлахъ кареты, срываетъ зло на лошадяхъ, терзая возжами ихъ рты и что есть мочи отхлестывая кнутомъ на протяженіи пяти улицъ. Поминутно стали слышаться восклицанія: «Позвольте узнать, на ка-к-комъ ос-сновaніи вытребована вами губка, когда уже ассигновано было на оную еще въ 18...?» — «Позвольте узнать, по какому случаю обо̀звана моя дочь коб-былою, а?... Да ты-то кто-о? а-а?» Вездѣ, во всемъ, не исключая и первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики, открылись упущенія, нерадѣніе... Обо всемъ немедленно нужно было довести до свѣдѣнія начальства, необходимо было «не потерпѣть» и т. д.

— Побираться, побираться — больше ничего... Больше ничего! твердила матушка, не зная, что придумать. — Исправникъ приходилъ, каково это! Вася! Каково это мнѣ-то?.. «Что̀ вашъ сынъ дѣлаетъ? Знаете-ли, что его ожидаетъ!... Я этого не спущу!... Я уберу его подальше»... Что̀ тутъ дѣлать?... И зачѣмъ ты только этого сочинителя... О, Господи...

Мнѣ почему-то пришла въ голову мысль о старцѣ и о пустынѣ. Пожалуй, что онъ былъ правъ, изображая, посредствомъ забиванія кольевъ подъ кожу, язвъ и т. п. — всѣ эти ужасныя муки, происходящія отъ безсмысленныхъ, но многочисленныхъ силъ, прочно и плодовито разросшихся въ темнотѣ русской жизни, разорванной ими на клочья и обезсиленной.

Я не могъ ничего посовѣтовать матушкѣ. Но видѣлъ, что виноватъ — я.

— Да пригласите вы ихъ на пирогъ! Ей-богу, хорошо будетъ! съ полнѣйшею искренностью посовѣтовалъ Ермаковъ. — Или ужь я брошу къ вамъ ходить, пусть онъ... Богъ съ нимъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! сказали матушка и сестра. — Нѣтъ, что̀ вы!

— Право. Я готовъ. Эдакія мученія переносить...

— Нѣтъ, нѣтъ!

Матушка склонялась болѣе на сторону пирога, и должно быть она имѣла основаніе вѣрить въ его цѣлебныя свойства, потому что, не переставая убиваться и вздыхать, стала соображать кое-что о начинкѣ, о закладѣ по этому случаю собственнаго салопа.

— Право, это очень имъ будетъ по вкусу, укрѣплялъ ея

вѣру Ермаковъ. — Слава Богу, помучился я отъ нихъ на вѣку... Знаю ихъ натуру...

Я ничего не зналъ, но невольно почувствовалъ теплую вѣру въ пирогъ.

X.

Молча ѣхали мы съ Иваномъ Николаичемъ домой. Въ головѣ стоялъ какой-то хаосъ, безотрадный и тягостный. Все видѣнное и слышанное мною представлялось мнѣ въ видѣ безпредѣльнаго пространства непроницаемой тьмы, въ глубинѣ которой непробуднымъ сномъ покоятся массы человѣческихъ существъ. Десятка два, три мухъ, съ слабымъ, едва слышнымъ жужжаніемъ шныряютъ въ пространствѣ, тревожа тьму, тишину и сонъ... Мухи эти — тощія, измученныя, доведенныя до степени «ниже травы, тише воды», могущія издавать только слабое жужжаніе, которое, тѣмъ не менѣе, дѣлаетъ сонъ человѣческихъ существъ тревожнымъ, заставляютъ шевельнуть рукой, чтобы отогнать или открыть глаза, оглядѣться. Но рѣдкія, слабыя движенія эти немедленно прекращаются вліяніями какихъ-то, какъ сокрушительная буря дѣйствующихъ во тьмѣ силъ, которыя мгновенно комкаютъ человѣка, какъ тряпку, вбиваютъ его въ самую землю, уничтожаютъ въ своей стихійной враждѣ всякій разъ, по крайней мѣрѣ, половину летающихъ мухъ.

Картина выходила безотрадная, и скоро я дѣйствительно увидѣлъ въ ней упущенія. «А пироги-то?» «А гроба̀-то?» вспомнилось мнѣ. Выходило, что во тьмѣ существуетъ уже такое движеніе, такая жизнь, что люди, обитающіе въ ней, уже съумѣли изобрѣсти и средства къ умиротворенію темныхъ силъ. Оказывается, что тамъ, въ глубинѣ мрака, они угощаютъ другъ друга пирогами, думаютъ о томъ, какую сокрушительная сила любитъ начинку, перетаскиваютъ какіе-то гроба и т. д. и т. д. И кое-какъ чего-то добиваются, какого-то покоя, стало быть живутъ.

Это соображеніе перенесло меня отъ отвлеченныхъ соображеній о видѣнномъ и слышанномъ, къ самимъ фактамъ. Мнѣ пришло въ голову, что дѣйствуя посредствомъ пирога, матушка хотя и достигнетъ, быть можетъ, успокоенія и убѣдитъ, пожалуй, послѣ продолжительнѣйшихъ страданій, даже Семена Андреича въ томъ, что «это дѣйствительно не тотъ сочинитель, который писалъ про жидовъ», и сестра, быть можетъ, очнется отъ ужаса, и снова черезъ много лѣтъ будетъ имѣть возможность

заявить о пользѣ башмачнаго мастерства, но кто поручится, что дѣйствіе пирога не будетъ вновь внезапно разрушено налетомъ какой-нибудь другой, тоже разгуливающей во тьмѣ силы, которую будетъ олицетворять не «ндравъ» Семена Андреича, а какое-нибудь другое, не менѣе вѣское и прочное русское свойство?...

Вниманіе мое остановилъ также и прощеновскій гробъ. «Неужели, думалось мнѣ, такая простая мысль, какъ мысль о томъ, что всякій голопятый прощеновецъ нетолько имѣетъ право на полученіе теплаго полушубка и даже обязанъ его получить уже потому, что родился человѣкомъ, а не пѣтухомъ, и не собакой, получающими свое въ исправности,—неужели такая простая мысль должна зарождаться на пятнадцатилѣтнемъ созерцаніи кольевъ, на устремленіи взора въ неизвѣстное будущее загробное дѣяніе, связать себя съ гробами, могилами, плестись путями окольными, не сознавая себя ясно и рискуя быть мгновенно подавленной, чтобы уже не воскреснуть или воскреснуть, но съ мыслію о вредѣ теплыхъ полушубковъ, съ увѣренностью вновь предаться землѣ, которая на сей разъ можетъ рекомендовать только — остроги, тюрьмы, Сибири, каторги и тому подобныя вещи? Неужели мысль эта не можетъ быть осуществима болѣе простымъ и прямымъ путемъ, болѣе краткимъ и яснымъ разъясненіемъ, которое бы объясняло разницу между загробной жизнью и полушубкомъ? Неужели на землѣ нѣтъ возможности произнести открыто, очистивъ отъ могильной тьмы, желаніе сытости и тепла?

Соображенія эти передалъ я Ивану Николаичу, который тотчасъ же согласился, что въ данномъ случаѣ, — идти въ Сибирь за гробокопательство, въ сущности заботясь только о полушубкѣ, — вещь не резонная и недоразумѣніе большое...

Формулируя наши соображенія, мы пришли къ тому окончательному заключенію, что Ивану Николаичу, какъ человѣку, непокидающему намѣренія быть гласнымъ, въ нѣкоторомъ «земномъ» явленіи, именуемомъ земствомъ, — не будетъ предосудительнымъ потребовать отъ лица своихъ представителей — хлѣба, котораго мало, и школъ, — которыя дрожали па грошѣ, умирали съ голоду вмѣстѣ съ учителями, и которыя должны быть устроены теперь по совѣсти...

Иванъ Николаичъ высчиталъ даже и деньги и розыскалъ ихъ весьма достаточное количество.

Такъ мы доѣхали до Двурѣчекъ...

Въ классныхъ окнахъ училища свѣтился огонь, чего никогда не бывало въ эту пору. Войдя въ переднюю, я нашелъ какого-

то чужаго кучера, сидѣвшаго за самоваромъ. При появленіи моемъ онъ поднялся, поставилъ блюдечко и сказалъ:

— Вы учитель будете?

— Я...

— Ну, баринъ извинялись, что помѣстился у васъ... Больше ночи не пробудутъ... Пріѣхали они гласныхъ выбирать... ну, и въ волости имъ не подошло остановиться, — дюже холодно... чистоты нѣту... всего одну ночку... Извинялися...

Я не заявилъ ни малѣйшаго протеста. Меня занимало то, что я увижу въ явь наши «земныя» надежды, о которыхъ мы съ Иваномъ Николаичемъ только что толковали такъ задушевно...

— Они не задержутъ, продолжалъ кучеръ, слѣдуя за мною и остановившись въ дверяхъ моей комнаты. — Гласнаго они съ собой привезли, стало быть духомъ оборотятъ выборы.

— Какъ гласнаго съ собою привезли? Его вѣдь выберутъ завтра мужики?..

— Его и выберутъ-съ... Такъ точно.

— Почему же именно его? Можетъ, у нихъ есть свои?

Кучеръ, казалось, не понялъ.

— Да потому выберутъ, что господинъ землемѣръ завсегда при баринѣ... Онъ за барина, ну, а баринъ само собой за него... «Я тебя сдѣлаю...» сами сказывали... «Ты мнѣ, ну, и я тебѣ...» Ну, и къ свадьбѣ дѣло подходитъ...

Кучеръ почему-то нагнулся къ моимъ калошамъ, взялъ ихъ и переставилъ за дверь...

— Сватается землемѣръ-то... Протопопову дочь беретъ, продолжалъ онъ: — ну, оно къ свадьбѣ и лестно званіе... да-а! Ну, и тоже за барина потянетъ, въ случаѣ что... Они духомъ оборотятъ это дѣло... заключилъ кучеръ, видя что я не обнаруживаю намѣренія разговаривать.

«Земныя надежды» начинали рисоваться мнѣ въ какомъ-то странномъ свѣтѣ...

Иванъ Николаичъ одинъ занималъ меня.

Рано утромъ, когда господа посредникъ и землемѣръ еще почивали, я пошелъ къ нему и объявилъ о ихъ пріѣздѣ.

— О? сказалъ какъ-то поблѣднѣвъ и какъ бы испугавшись чего-то Иванъ Николаичъ.

Я навелъ снова разговоръ на предметы вчерашней дорожной бесѣды; Иванъ Николаичъ поддакивалъ какъ-то суетясь, обирая полы руками, и повидимому растерявшись... Однако, скоро онъ одѣлся и вмѣстѣ со мной пошелъ къ волости. Здѣсь уже была толпа; кто сидѣлъ на землѣ, кто на телегѣ, кто такъ стоялъ у крыльца или у заборчика и толковалъ о своихъ

дѣлахъ... Оказалось, что толпа эта ждала уже нѣсколько часовъ, жаловалась на мокроту, — былъ дождь, — и обнаруживала нетерпѣніе...

Иванъ Николаичъ не переставалъ волноваться и шепотомъ сказалъ мнѣ, — въ отвѣтъ на мое предложеніе потолковать съ народомъ, — «что надо бы да не вдругъ...»

Часъ или два протолклись мы на мѣстѣ. Возможность разрушить матушкинъ пирогъ, помимо темныхъ силъ, имѣющихъ разрушить его только впослѣдствіи, — удерживала меня отъ вмѣшательства, которое могло уничтожить дѣло пирога въ самомъ началѣ, не принеся дѣлу полушубковъ существенной пользы. Меня не знали и слушать меня не стали бы...

Часа черезъ два старшина объявилъ, что «скоро будутъ», а теперь пошли къ барынѣ кушать чай. Чай кушали тоже не менѣе двухъ часовъ, — въ теченіе которыхъ толпа промокла, осоловѣла, и какъ бы задремала, поеживаясь плечами и посылая повременамъ кому-то «въ ротъ», — галку шило, муху, и даже пирогъ, и т. д. Былъ въ теченіе этого времени моментъ, что Иванъ Николаичъ какъ бы что-то надумалъ, стремительно запахнувшись, и кашлянувъ — какъ бы вознамѣрился что-то предпринять, — но вдругъ нагнулся къ моему уху и шопотомъ разсказалъ исторію о томъ, какъ въ нѣкоторомъ уѣздѣ мужики единогласно выбрали однаго гласнаго, а потомъ, сами же и высѣкли его, послѣ чего присутствовать въ собраніи онъ не могъ; оказывалось, что тамъ, гдѣ, по мнѣнію Ивана Николаича, сватья, зятья и шурья оцѣпили мужичій міръ со всѣхъ сторонъ, изобрѣтены ими не хитрыя, но тѣмъ не менѣе весьма существенныя махины къ устраненію отъ себя всякаго вреда, могущаго произойти изъ лагеря мужичья... Анекдотъ былъ очевидно невѣроятный; но Иванъ Николаичъ, не желая на старости лѣтъ быть высѣченнымъ, — запахнувшись попятился назадъ, хотя и надѣялся, что «подумавши хорошенько — надо бы... А вдругъ нельзя...»

Наконецъ «прибыли». Все проснулось, сгрудилось у крыльца волостнаго правленія въ кучу, и долго, долго мочило свои головы, уже не прикрытыя шапками...

— Господа! возглашено было наконецъ съ крыльца... Вы должны произвести выборы гласныхъ, въ предстоящее земское собраніе... Конечно, я не имѣю правъ... Это дѣло ваше... но съ своей стороны — я бы полагалъ, что Леонидъ Петровичъ, — можетъ быть надежнымъ вашимъ представителемъ.

Леонидъ Петровичъ, дымившій папиросой, за спиной ора-

*

тора, прошелся взадъ и впередъ и сѣлъ на лавку, закинувъ ногу на ногу...

— Земство, продолжалъ ораторъ: — это такое важное, государственное дѣло... такое серьёзное учрежденіе, что... что... Впрочемъ, я не смѣю... Желанія ваши — законъ! Но кто согласенъ покончить избраніемъ Леонида Петровича, — надѣвайте шапки и ступайте по домамъ! заключилъ ораторъ внезапно и громко.

— Бѣгите, ребята, по домамъ!.. гаркнулъ старшина, какъ бы бросаясь отъ крыльца...

«Эй, ребята! По домамъ!» загудѣло въ промокшей толпѣ... Все зашевелилось, стало надѣвать мокрыя шапки, тронулось, разбрелось и расползлось по грязи, хляская лаптями, скрипя телегой...

— Готова-а! слышалось гдѣ-то...

— Ай будя?

— Будя-а...

— Шаба-ашъ!

Иванъ Николаичъ плюнулъ, крѣпко накрѣпко запахнулся, еще плюнулъ и нахлобучилъ картузъ на самыя уши...

Тутъ ужь меня рванулъ смѣхъ... Тутъ ужь я такъ засмѣялся, такъ засмѣялся...

(Здѣсь оканчиваются записки). Внизу приписано другими чернилами...

...Смѣхъ не покидалъ меня всю дорогу отъ г. *** до города N, на разстояніи 699 верстъ... Везли меня, разумѣется, не для смѣху... Но мнѣ все какъ-то было смѣшно... Добрался наконецъ и до города, — но тутъ смѣяться пересталъ: меня ожидало письмо сестры, которая просила меня: «Вася, Вася, возьми меня къ себѣ!..»

Все бѣжитъ, все шевелится, все тревожится въ своемъ положеніи, — и все можетъ быть вдругъ проглочено либо собственной темнотой, либо постороннимъ вмѣшательствомъ, задача котораго доводить людей до состоянія — «Тише воды...»

Глѣбъ Успенскій.

ЕСТЕСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКІЯ УСЛОВІЯ

умственнаго и соціальнаго развитія русскаго народа*.

Чѣмъ больше мы вникаемъ въ характеристическія особенности умственнаго и соціальнаго развитія русскаго народа, тѣмъ больше убѣждаемся, что коренными, первоначальными внутренними мотивами его умственно-соціальной исторіи были два, особенно замѣтно выдающіяся, свойства его нервной организаціи, обусловливаемыя общими физіологическими и психологическими законами. Это, вопервыхъ, общая посредственность, умѣренность или медленность возбужденія его нервной воспріимчивости, обусловливаемая частію органическимъ медленнымъ распространеніемъ возбужденій по нервамъ, производимымъ вліяніемъ холоднаго сѣвернаго климата, частію всею предшествовавшею политическою, соціально-педагогическою и физіолого-психологическою исторіею русскаго народа и образовавшимися, вслѣдствіе того, по общимъ законамъ человѣческой природы, нѣкоторыми особенностями его нервной организаціи и физіолого-этнологическаго и психологическаго характера. Другое свойство нервной организаціи русскаго народа — это, при общей умѣренности или посредственности его нервной возбуждаемости впечатлѣніями умѣренно-напряженными, особенная, наибольшая естественная предрасположенность его нервной чувствительности и воспріимчивости къ наиболѣе живому воспріятію только впечатлѣній наиболѣе напряженныхъ и сильныхъ, каковы, напримѣръ, впечатлѣнія совершенно новыя, внезапныя, непривычныя для нервовъ чувствъ, неожиданно поразитель-

---

* Подъ этимъ заглавіемъ авторъ приготовляетъ большое сочиненіе, значительная часть котораго находится у насъ въ рукахъ. Изъ этой части взята нами предлагаемая статья; изъ этой же части будутъ напечатаны еще двѣ или три статьи. Затѣмъ авторъ обѣщалъ, по мѣрѣ дальнѣйшаго хода своихъ работъ, доставлять болѣе интересные большинству читателей очерки изъ нихъ для нашего журнала. *Редакц.*

ныя, или впечатлѣнія, особенно ощутительно затрогивающія чисто эгоистическія чувства и инстинкты животной жизни, господствующія эгоистическія наклонности и страсти и т. п. Это свойство нервной воспріимчивости, какъ увидимъ дальше, обусловливается, главнымъ образомъ, тѣмъ общимъ психологическимъ закономъ, что бо̀льшее напряженіе впечатлѣній производитъ и бо̀льшую возбуждаемость ощущеній, идей и желаній, такъ что бо̀льшее напряженіе каждаго или нѣсколькихъ впечатлѣній, часто испытываемыхъ (или даже мыслимыхъ) или одновременно или въ непосредственной послѣдовательности, производя возбуждаемость одного впечатлѣнія посредствомъ другаго, равняется болѣе частому повторенію ихъ сочетанія *.

Всѣ главные, существенно-выдающіеся и болѣе или менѣе общеизвѣстные факты умственной и соціальной исторіи русскаго народа, въ концѣ концовъ, объясняются, на нашъ взглядъ, этими двумя характеристическими свойствами нервной организаціи русскаго народа, или обусловливающими ихъ общими физіолого-психологическими законами. Съ другой стороны, эти же всѣ факты служатъ прямымъ доказательствомъ и яснымъ обнаруженіемъ существованія въ нервной организаціи и психическомъ характерѣ русскаго народа указанныхъ нами двухъ физіолого-психологическихъ качествъ. Приступая къ болѣе подробной характеристикѣ умственнаго развитія русскаго народа, въ связи съ разсмотрѣніемъ одновременнаго развитія и всѣхъ прочихъ элементовъ его соціальной жизни, — мы напередъ должны охарактеризовать общее историко-психологическое значеніе и проявленіе этихъ двухъ, явно выдающихся свойствъ нервной организаціи русскаго народа. Именно: вопервыхъ — охарактеризовать общую посредственность и медленность нервно-мозговой возбуждаемости и воспріимчивости, и проистекавшія изъ нея, по психологическимъ законамъ, умственно-соціальныя слѣдствія, и, вовторыхъ, охарактеризовать наибольшую чувствительность нервной системы руссаго народа только къ впечатлѣніямъ наиболѣе напряженнымъ и сильнымъ и общія психолого-историческія слѣдствія ея.

I.

Современная индуктивная психологія установила, какъ общій принципъ, что различныя степени или роды нервной воспріим-

* Миллевъ анализъ явленій человѣческой души. Система логики, Милля: «Законы души», ч. II-я, стр. 425.

чивости, зависящія отъ различія тѣлесной организаціи или особенностей гистологическихъ тканей, особенно нервной системы *, порождаютъ и различныя степени напряженія пріятныхъ или непріятныхъ ощущеній, идей и желаній. «Обыкновеннѣйшее наблюденіе показываетъ, говоритъ Милль, что различныя души въ различной степени воспріимчивы къ дѣйствію тѣхъ же самыхъ психологическихъ причинъ. Такъ, напримѣръ, идея даннаго желаемаго предмета возбуждаетъ въ различныхъ душахъ весьма неравныя степени напряженія желанія. Тотъ же самый предметъ размышленія, представившійся различнымъ душамъ, возбудитъ въ нихъ весьма неодинаковыя степени умственной дѣятельности. Эти различія душевной воспріимчивости въ различныхъ недѣлимыхъ могутъ быть, вопервыхъ, первоначальными и послѣдними фактами, или, вовторыхъ, они могутъ быть слѣдствіями предшествовавшей душевной исторіи этихъ недѣлимыхъ, или, наконецъ, втретьихъ, они могутъ зависѣть отъ различія физической организаціи. Что предшествовавшая душевная исторія недѣлимыхъ должна имѣть нѣкоторое участіе въ произведеніи или видоизмѣненіи ихъ всецѣлаго душевнаго характера, — это есть неизбѣжное слѣдствіе законовъ *души*; но что различія въ тѣлесномъ устройствѣ также содѣйствуютъ образованію характера, есть мнѣніе всѣхъ физіологовъ, подтверждаемое общимъ опытомъ. Достовѣрно, что естественныя различія, дѣйствительно существующія въ душевныхъ предрасположеніяхъ или воспріимчивостяхъ различныхъ часто лицъ, не безъ связи съ различіями въ ихъ органическомъ устройствѣ. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что эти органическія различія должны во всѣхъ слу-

* Эти органическія или физіологическія различія въ самыхъ тканяхъ нервной системы, обусловливающія, безъ сомнѣнія, и психическія различія, признаются, какъ извѣстно, физіологами. Напримѣръ, Клодъ Бернаръ говоритъ: «Dans la même espèce animale les races peuvent encore présenter un certain nombre de différences très intéressentes à connaitre pour l'experimentateur. J'ai constaté, dans les diverses races de chiens et de chevaux, des caractères physiologiques tout à fait particuliers qui sont relatifs à des degrès différents dans les propriétés de certains éléments histologiques particulièrement du système nerveux. Enfin on peut trouver chez des individus de la même race des particularités physiologiques qui tiennent encore à des variations speciales de propriétés dans certains éléments histologiques. C'est ce qu'on appelle alors des *idiosyncrasies*... J'ai constaté même des différences individuelles souvent assez tranchées. Or, l'étude experimentale de ces diversités peut seule nous donner l'explication *des différences individuelles que l'on observe chez l'homme soit dans les différentes races, soit chez les individus d'une même race*, et que les medecins appellent des predispositions ou des idiosyncrasies». (Introduction à l'etude de la médicine experimentale, par M. Claud Bernard, Paris. 1865, p. 200—212).

чаяхъ, прямо и непосредственно, влiять на душевныя явленiя. Они часто дѣйствуютъ на нихъ чрезъ посредство своихъ психологическихъ причинъ. Напримѣръ, идея какого-нибудъ опредѣленнаго удовольствiя можетъ возбуждать въ различныхъ лицахъ, даже независимо отъ ихъ привычекъ и воспитанiя, желанiя весьма различной силы, и это можетъ быть результатомъ различныхъ степеней или родовъ ихъ нервной воспрiимчивости; но нужно помнить, что эти органическiя различiя дѣлаютъ и само прiятное ощущенiе болѣе напряженнымъ въ одномъ изъ этихъ лицъ, чѣмъ въ другомъ, такъ что и идея удовольствiя будетъ болѣе напряженнымъ ощущенiемъ и, посредствомъ дѣйствiя однихъ душевныхъ законовъ, возбудитъ болѣе напряженное желанiе. При этомъ нѣтъ необходимости предполагать, что самое желанiе прямо подвержено влiянiю физической особенности. Какъ въ приведенномъ, такъ и въ другихъ случаяхъ тѣми различiями въ родѣ или въ напряженiи физическихъ ощущенiй, которыя необходимо должны происходить отъ различiя тѣлесной организацiи, объясняются многiя различiя не только въ степени, но и въ родѣ другихъ душевныхъ явленiй. Это до того справедливо, что даже различныя *качества* души, различные типы душевнаго характера, естественнымъ образомъ производятся одними различiями въ *напряженiи* ощущенiй вообще». Это весьма хорошо показано въ прекрасной статьѣ д-ра Пристли. «Ощущенiя, составляющiя элементы всякаго познанiя, — говоритъ онъ, — получаются или одновременно, или послѣдовательно; если получается одновременно нѣсколько ощущенiй, напримѣръ, запахъ, вкусъ, цвѣтъ, форма и пр. какого-нибудь плода, то ихъ совокупная ассоцiацiя составляетъ идею *предмета;* если же они получаются послѣдовательно, то ихъ ассоцiацiя производитъ идею *событiя*. И такъ, все, что̀ благопрiятствуетъ ассоцiацiямъ одновременныхъ идей, будетъ стремиться произвести познанiе предметовъ, воспрiятiе качествъ, тогда какъ все, что̀ благопрiятствуетъ ассоцiацiи въ послѣдовательномъ порядкѣ, будетъ стремиться произвести познанiе событiй, порядка случаевъ, и связи причины и дѣйствiя, другими словами, въ одномъ случаѣ результатомъ будетъ воспрiимчивая душа, съ разборчивымъ чувствомъ прiятныхъ и непрiятныхъ свойствъ вещей, пониманiе великаго и прекраснаго; въ другомъ душа, внимательная къ движенiямъ и явленiямъ, мыслящiй и философскiй умъ. Но признано какъ принципъ, что всѣ ощущенiя, испытанныя въ теченiе какого-нибудь живаго впечатлѣнiя, бываютъ крѣпко ассоцiированы съ нимъ и между собою. Не слѣдуетъ-ли изъ этого, что одновременныя ощущенiя чувствитель-

ной натуры (т.-е. такой, которая получаетъ живыя впечатлѣнія) будутъ тѣснѣе слиты, чѣмъ въ душѣ, образованной иначе? Если эта догадка основательна, то она ведетъ къ немаловажному заключенію, именно, — что если природа одарила какого-нибудь человѣка *большою первоначальною чувствительностію*, то онъ, вѣроятно, будетъ отличаться любовью къ естественной исторіи, пониманіемъ прекраснаго и великаго и нравственнымъ энтузіазмомъ, между тѣмъ, какъ *при посредственной чувствительности* результатомъ, вѣроятно, будетъ любовь къ наукѣ, къ отвлеченной истинѣ, при слабости вкуса и энтузіазма» *.

Если эти принципы справедливы относительно индивидуальныхъ человѣческихъ существъ, то они, естественно, должны быть истинными и относительно коллективной или національной совокупности людей, относительно народовъ или обществъ. Ибо «законы явленій общества суть не что иное и не могутъ быть не чѣмъ инымъ, какъ только закономъ дѣйствій и страстей людей, соединенныхъ въ общественномъ состояніи. Но люди въ состояніи общества все-таки люди; ихъ дѣйствія и страсти подчиняются законамъ индивидуальной человѣческой природы. Люди, соединенные вмѣстѣ, не обращаются въ другой родъ существъ, съ иными свойствами, какъ напримѣръ водородъ и кислородъ отличны отъ воды, или какъ водородъ, кислородъ, углеродъ и азотъ отличны отъ нервовъ, мускуловъ и тяжей. Люди въ обществѣ имѣютъ только тѣ свойства, которыя вытекаютъ изъ законовъ природы индивидуальнаго человѣка или могутъ быть сведены на эти законы. Дѣйствія и чувства людей въ соціальномъ состояніи, безъ сомнѣнія, вполнѣ управляются психологическими и этологическими законами; какое бы вліяніе данная причина ни производила на соціальныя явленія, она производитъ его по этимъ законамъ». И дѣйствительно, и цѣлые народы, точно также какъ и отдѣльныя человѣческія личности, естественно должны характеризоваться нѣкоторыми физіолого-психологическими и этологическими различіями, зависящими частію отъ естественныхъ, органическихъ различій въ степеняхъ или родахъ нервной воспріимчивости, въ напряженіи ощущеній, частію отъ физико-географическихъ и этнологическихъ обстоятельствъ ихъ физіолого-психологической исторіи или историческаго воспитанія и развитія. Вслѣдствіе чего одинъ народъ «всегда впечатлителенъ до крайности», какъ выразился, напримѣръ, Мадзини объ италіянцахъ, а у другаго народа чув-

* См. «Логику нравственныхъ наукъ» въ «Системѣ логики» Милля. II, 428—430.

ствительность или впечатлительность почти совершенно притуплена и подавлена, какъ напримѣръ у народовъ полярныхъ. Или одинъ народъ, какъ напримѣръ древніе греки, по общимъ психологическимъ и этологическимъ законамъ своего индивидуальнаго физико-географическаго, этнологическаго и историческаго воспитанія, образовывался преимущественно съ эстетико-идеалистическимъ духомъ, съ преобладающими или замѣтно-выдающимися наклонностями и стремленіями къ эстетическому развитію и изящно-пластическому выраженію человѣческихъ чувствъ, идей, желаній и страстей, съ эстетическимъ вкусомъ, съ артистическими или художественно-творческими дарованіями, съ широкимъ развитіемъ гражданской вліятельности и значенія индивидуальныхъ личностей и т. п. А другой народъ, какъ народъ римскій, преимущественно выходилъ изъ своей исторической школы воспитанія съ характеромъ твердымъ, мужественнымъ, воинственнымъ, практическимъ, съ наибольшею наклонностью къ гражданской борьбѣ изъ-за интересовъ эгоистическо-практическихъ, съ преобладающимъ стремленіемъ къ практико-юридической, законодательной организаціи своего государственнаго и гражданскаго строя, съ наибольшею способностью къ добродѣтелямъ мужественности, твердости воли и характера, а также съ сильною наклонностью къ матеріализму и эпикуреизму жизни и т. п. Третій народъ, какъ напримѣръ германскій, по тѣмъ же общимъ физіолого-психологическимъ и этологическимъ законамъ человѣческой природы, изъ школы своего физико-географическаго и этнолого-историческаго воспитанія, — согласно съ образовавшеюся, вслѣдствіе этого, своею физіолого-психологическою организаціею и исторіею, — выходилъ съ наибольшимъ или преобладающимъ развитіемъ умозрительныхъ способностей, и отличался особенною, замѣтно выдающеюся наклонностью къ отвлеченному глубокомыслію, къ раціонализму въ религіи, къ разсудочной разсчитанности, регулярности и аккуратности въ жизни, къ отвлеченной наукѣ, къ философіи, особенно трансцендентальной и т. п. А вотъ рядомъ съ германцами, славянское племя, вслѣдствіе своеобразнаго склада его индивидуальнаго физіолого-психологическаго характера, образовавшагося подъ вліяніемъ историко-воспитательнаго взаимодѣйствія общихъ физіологическихъ, психологическихъ и этологическихъ законовъ человѣческой природы съ особенными физико-географическими, этнологическими и историко-политическими обстоятельствами всей предшествовавшей его физіолого-психологической исторіи, — славянское племя наиболѣе отличалось пассивною воспріимчивостью нервной чувствительности, или

господствомъ пассивнаго чувства надъ активною самодѣятельностью умозрительныхъ способностей, господствомъ внѣшнихъ чувствъ надъ разумомъ. Отсюда проистекали разнообразныя психологическія проявленія этого преобладанія пассивнаго чувства надъ разумомъ, какъ напримѣръ, особенное естественно-историческое проявленіе и значеніе чувства семейной, родовой и племенной родственности или связи, чувство общинныхъ предрасположеній и стремленій, въ борьбѣ съ чувствами родоваго эгоизма, упорное чувство любви и привязанности къ родовымъ преданіямъ народной эпической старины, чувство пассивной ненависти къ угнетавшимъ народамъ, напримѣръ къ нѣмцамъ, медленная умственная возбуждаемость къ прогрессу, происходившая путемъ пассивной воспріимчивости преимущественно къ такимъ прогрессивно-возбудительнымъ впечатлѣніямъ передовыхъ народовъ, которыя наиболѣе дѣйствуютъ на чувство, чѣмъ на разумъ и т. п. Въ этомъ отношеніи отчасти справедлива характеристика Гануша: «Если — говоритъ онъ — представлять духовную жизнь Европы подъ образомъ организма, то нельзя не замѣтить изъ фактовъ историческаго развитія прошедшихъ и настоящихъ временъ, что въ этомъ организмѣ славяне, взятые въ совокупности, занимаютъ мѣсто сердца, а германскій народъ мѣсто головы, и потому обѣ эти народности относятся другъ къ другу, какъ чувство и мысль» *.

Кромѣ чисто-физіологическихъ различій, а также этнологическихъ особенностей нервной и, вообще, физической организаціи различныхъ національностей, — неодинаковыя и неравныя степени напряженія нервной возбуждаемости и воспріимчивости какъ индивидуумовъ, такъ и цѣлыхъ племенъ или народовъ, обусловливаются и различными физическими вліяніями и обстоятельствами. Одною изъ наиболѣе дѣятельныхъ и сильныхъ физическихъ причинъ, замедляющихъ и ослабляющихъ

* Hanusch: «Die Wissenschaft der slavischen Mythus». Мы представили здѣсь общую характеристику разныхъ народовъ безъ всякой претензіи считать ее вполнѣ вѣрною и прочно установленною, единственно съ тою цѣлью, чтобы показать, что путемъ строго-научныхъ историческихъ изслѣдованій, основанныхъ на знаніи физіолого-психологическихъ и этологическихъ законовъ человѣческой природы, дѣйствительно можно вѣрно опредѣлить индивидуальные характеры разныхъ народовъ, и показать, что естественныя различія въ степеняхъ или родахъ напряженія нервной воспріимчивости и чувствительности, зависящія отъ органическихъ различій въ тѣлесномъ устройствѣ или въ нервной организаціи, и проистекающія отсюда различія психическихъ характеровъ, дѣйствительно такъ же свойственны и физіолого-психологической природѣ различныхъ народовъ, какъ они существуютъ и въ индивидуумахъ человѣческаго рода.

возбуждаемость и воспріемлемость нервной чувствительности, является *холодъ*. Знаменитый современный физiологъ Гельмгольтцъ (Helmholtz) доказалъ, что холодъ понижаетъ или замедляетъ быстроту передвиженія и распространенія возбужденій по нервамъ. Опыты показали, что при охлажденіи животнаго замѣчаются рѣзкія измѣненія въ движеніи и чувствительности; движеніе ослабляется, а чувствительность притупляется. Лягушки, напримѣръ, при 0° не умираютъ, но при этой температурѣ движенія ихъ конечностей становятся медленными, вялыми, какъ у черепахи. Что кожа, охлаждаемая, напримѣръ, льдомъ, становится мало чувствительною, — это извѣстно каждому. Вообще, изъ опытовъ несомнѣнно и въ физіологіи нервной системы принято, какъ принципъ, что охлажденіе нервовъ и вообще дѣйствіе холода на нервную систему производитъ замедленіе и ослабленіе въ быстротѣ передвиженія возбужденій по нервамъ. Наконецъ, если вѣрить разсказамъ замерзавшихъ, но спасенныхъ людей, то охлажденіе тѣла ведетъ за собою сонливость и наконецъ забытье, т.-е. притупленіе дѣятельности нервныхъ центровъ. Животныя въ зимней спячкѣ представляютъ рѣзкій примѣръ такого нервнаго притупленія, а у нихъ въ то время температура тѣла значительно ниже нормальной *.

Изъ этихъ физико-физіологическихъ фактовъ естественнымъ образомъ вытекаетъ, что, если холодъ, вообще, замедляетъ и понижаетъ быстроту распространенія возбужденій по нервамъ, то, естественно, и холодный климатъ необходимо долженъ обусловливать медленное распространеніе возбужденій по нервамъ и, слѣдовательно, вообще, болѣе притупленную или вялую возбуждаемость и воспріимчивость нервной чувствительности. И дѣйствительно, у всѣхъ сѣверныхъ народовъ, живущихъ въ холодномъ климатѣ приполярной и полярной Россіи и особенно Сибири, мы замѣчаемъ въ весьма значительной степени это нервное притупленіе отъ дѣйствія холода и всѣхъ его послѣдствій, и происходящую оттого медленную и вялую возбуждаемость нервной воспріимчивости и чувствительности. Типомъ этой нервной притупленности и, вслѣдствіе того, общей психической вялости, пассивности и тупости служатъ, напримѣръ, лапландцы, самоѣды, остяки, юкагиры, якуты и другіе сѣверные народы. Холодъ суроваго полярнаго климата, въ связи съ голодомъ, и съ этимъ апатичнымъ покоемъ, какой естественно любитъ, напримѣръ, остякъ или самоѣдъ сѣверной тундры, длинными и морозными зимами невольно погружаемый

* Германна «Физіологія», 168—238.

въ спячку и, вообще, въ жизнь дремлющую, сонливую, — холодъ суроваго полярнаго климата, понижая быстроту распространенія по нервамъ возбужденій, замедляя ритмъ сердечныхъ сокращеній, частоту ударовъ сердца и, вообще, притупляя дѣятельность нервныхъ центровъ, естественно производитъ медленную, вялую и слабую возбуждаемость нервной впечатлительности и чувствительности, доходящую до поразительной нечувствительности даже къ самой суровой стужѣ и голоду. А вслѣдствіе всего этого, онъ, естественно, порождаетъ общую медленность и вялость душевныхъ движеній и, въ частности, умственныхъ процессовъ. Объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ замѣчательные и точно-наблюдательные путешественники. «Суровость климата — говоритъ Врангель — кажется, препятствуетъ на крайнемъ сѣверѣ Сибири совершенному развитію физической природы, и такое же вліяніе оказываетъ климатъ и на умственныя способности сѣверныхъ сибиряковъ. Кровь течетъ медленно въ ихъ жилахъ; сердце ихъ бьется вяло, и чувства, если не истреблены, то, по крайней-мѣрѣ, почти совершенно подавлены. Незнакомые съ наслажденіями жизни, располагающими обитателей другихъ, болѣе счастливыхъ земель, къ радости и печали, любви и ненависти, народы полярныхъ странъ живутъ или, лучше сказать, прозябаютъ въ убивающемъ однообразіи, въ безпрерывной борьбѣ съ недостатками, голодомъ и стужею, и незамѣтно переходя отъ юношества къ старости, безъ всякаго сожалѣнія оставляютъ потомъ жизнь, представляющую имъ одни лишенія, безъ радостей и безъ наслажденій» *. Они чрезвычайно хладнокровны, терпѣливы, переносчивы и нечувствительны къ самымъ горькимъ, къ самымъ тяжолымъ впечатлѣніямъ и дѣйствіямъ житейскихъ нуждъ и страданій, неразлучныхъ съ суровымъ климатомъ ихъ земли. Между прочимъ, они кажутся почти совершенно нечувствительными къ суровой полярной стужѣ, и почти до невѣроятной степени могутъ переносить голодъ **. Чтобы подѣйствовать на нервы сѣверныхъ сибирскихъ народовъ, чтобы возбудить ихъ тупую нервную организацію, — нужны сильныя возбуждающія средства. Не даромъ, всѣ сѣверные народы — остяки, самоѣды, буряты, чукчи и др. въ высшей степени наклонны ко всему, что̀ только можетъ возбуждать въ ихъ грубыхъ нервахъ хотя какія-нибудь сильныя ощущенія, хоть временно ускорять быстроту передвиженія по нервамъ воз-

* Врангель: «Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и по Ледовитому морю». Спб. 1841. Ч. II-я. Стр. 114.

** Ibid. Ч. I-я. 184.

бужденій какого бы то ни было рода. Не даромъ, они особенно падки, напримѣръ, къ острымъ, наркотическимъ средствамъ возбужденія нервовъ, къ табаку, мухомору и т. п., а также къ крѣпкимъ горячительнымъ напиткамъ.

Холодный сѣверный климатъ, въ связи съ нѣкоторыми другими естественными и историческими условіями, оказалъ свое дѣйствіе и на нервную организацію русскаго народа, хотя не въ такой степени, какъ климатъ полярный. Безпрерывно замедляя распространеніе возбужденій по нервамъ и частоту или живость ритмическихъ сокращеній сердца, — холодъ сѣвернаго климата, особенно оказывавшій свое продолжительное и рѣзко-ощутительное дѣйствіе въ теченіе длинныхъ сѣверныхъ зимъ и частыхъ суровыхъ морозовъ, естественно, во всѣхъ поколѣніяхъ русскаго народа искони и безпрерывно болѣе или менѣе ослаблялъ, понижалъ нервную возбуждаемость и воспріимчивость, обусловливалъ общую естественную посредственность, умѣренность или медленность возбужденія нервной чувствительности и впечатлительности, и чрезъ то ослаблялъ быстроту и живость возбужденія, сознанія и ассоціаціи ощущеній и идей. Такимъ образомъ, медленное распространеніе возбужденій по нервамъ, производимое дѣйствіемъ холода сѣвернаго климата, притупляя дѣятельность нервныхъ центровъ, возбуждаемость нервныхъ ощущеній и вибрацій, черезъ то уже, частію непосредственно, частію черезъ посредство психологическихъ причинъ или результатовъ, естественно стремилось болѣе или менѣе замедлять всѣ процессы и возбужденія нервной дѣятельности. А вслѣдствіе этого оно естественно давало общій медленный и слабый импульсъ и всѣмъ психическимъ функціямъ, начиная отъ самыхъ элементарныхъ явленій сознанія, каковы первоначальныя ощущенія, простыя идеи отдѣльныхъ впечатлѣній, первыя понятія, и кончая самыми сложными психическими актами, каковы ассоціаціи и дизассоціаціи идей, возбужденіе и развитіе высшихъ отвлеченныхъ и сложныхъ идей, высшихъ чувствъ и желаній, порождаемыхъ путемъ наростанія и усложненія психическихъ дѣйствій, посредствомъ ассоціацій высшихъ порядковъ и т. п.

Но прежде, чѣмъ приступить къ соціально-исторической характеристикѣ этой, обусловливаемой вліяніемъ холоднаго климата, медленной и посредственной возбуждаемости и воспріимчивости нервной организаціи и ея соціально-психологическихъ слѣдствій, мы должны напередъ замѣтить, что эта особенность нервной воспріимчивости русскаго народа, сама по себѣ, еще не составляетъ безусловно-неисправимаго и неблагопріятнаго

для прогресса недостатка. Напротивъ, при благопріятныхъ соціально-педагогическихъ условіяхъ индивидуальнаго, семейнаго и общественнаго воспитанія и всей соціальной, умственной, нравственной, гигіенической и экономической культуры, — она, конечно, могла бы и можетъ принимать совершенно благопріятное для народнаго прогресса направленіе. Потому что, по общимъ психологическимъ законамъ, люди, по природѣ своей, весьма мало чувствительные, или умѣренно воспріимчивые къ живымъ впечатлѣніямъ, при высокомъ умственномъ и нравственномъ развитіи, могутъ представлять естественную своеобразную варіацію прогрессивнаго умственнаго типа, варіацію, существенно-дополнительную, необходимую и плодотворную въ общей сложности и гармоніи человѣческаго прогресса. Вся разница, въ результатѣ, будетъ состоять только въ томъ, что, напримѣръ, въ то время, «какъ въ умахъ, органически весьма чувствительныхъ, какъ говоритъ Милль, дѣлая выводъ изъ общихъ психологическихъ законовъ, — будутъ преобладать, вѣроятно, ассоціаціи одновременныхъ впечатлѣній, производя склонность представлять себѣ предметы въ картинахъ и конкретно, въ богатомъ уборѣ подробностей и обстоятельствъ, и породятъ духовную привычку, обыкновенно называемую воображеніемъ и составляющую одну изъ особенностей живописца и поэта, — въ то время лица, умѣреннѣе впечатлительныя къ наслажденію и страданію, будутъ болѣе склонны ассоціировать факты въ порядкѣ ихъ послѣдовательности, и такія лица, если они обладаютъ духовнымъ превосходствомъ, посвятятъ себя скорѣе исторіи или наукѣ, чѣмъ творчеству и искусству» *. Или, — какъ говоритъ д-ръ Пристли, умозаключая тоже изъ общихъ психологическихъ законовъ, изъ естественнаго различія въ напряженіи ощущеній, — въ то время, какъ человѣкъ, одаренный бо̀льшею первоначальною чувствительностью, по законамъ ассоціаціи ощущеній и идей, вѣроятно, будетъ отличаться бо̀льшею любовью къ живописному изображенію предметовъ природы, пониманіемъ прекраснаго и великаго и нравственнымъ энтузіазмомъ, — въ то время, при посредственной чувствительности, результатомъ, вѣроятно, будетъ любовь къ наукѣ, къ отвлеченной истинѣ, только при слабости вкуса и энтузіазма» **. И дѣйствительно, какъ ни поздно начался и какъ ни медленно движется, напримѣръ, умственный и нравственный прогрессъ русскаго общества, — но съ тѣхъ поръ, какъ

* Милля «Логика». I, 551—552.
** Ibid. Ч. II-я, стр. 430.

онъ возбужденъ, и въ рядахъ передовыхъ двигателей его новѣйшая русская исторія можетъ указать нѣсколько такихъ лицъ, которыя, при естественной, органической умѣренности или посредственности первоначальной нервной впечатлительности и чувствительности, хотя и не отличались особеннымъ нравственнымъ энтузіазмомъ и творчествомъ, но все-таки, благодаря значительно-высокому умственному развитію, много содѣйствовали умственному прогрессу послѣднихъ послѣ-петровскихъ поколѣній своею особенною любовью къ отвлеченной истинѣ, или наукѣ, напримѣръ, къ математикѣ, къ философіи, къ исторіи, къ реальной критикѣ и т. п., каковы напримѣръ были — математикъ Остроградскій, историки Грановскій и Кудрявцевъ, критикъ Бѣлинскій и т. п. Далѣе, при умѣренной чувствительности и медленной или посредственной агитаціи нервно-мозговой дѣятельности, человѣкъ, получившій высокое научное и нравственное образованіе, не будетъ, по всей вѣроятности, отличаться порывистою и горячо-воспріимчивою натурою, или экзальтаціею и энтузіазмомъ въ своихъ чувствахъ, идеяхъ, начинаніяхъ и дѣйствіяхъ, не будетъ обладать слишкомъ разборчивымъ эстетическимъ вкусомъ и т. п.; но за то онъ въ наибольшей степени можетъ отличаться спокойнымъ глубокомысліемъ, не скорыми, но основательными, отчетливыми и строго-послѣдовательными выводами мышленія, разсудительностью и обдуманностью дѣйствій, твердостью и постоянствомъ характера, упорно-твердою энергіею и настойчивостью въ умственномъ и практическомъ трудѣ и начинаніи. Наконецъ, при общей органической медленности и слабости возбужденій нервной дѣятельности и, слѣдовательно, умственныхъ и нравственныхъ силъ, — люди могутъ естественно побуждаться къ коллективному, соціальному концентрированію и усиленію энергіи и дѣятельности этихъ своихъ индивидуальныхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ. Именно, вслѣдствіе происходящей отъ медленности нервно-мозговыхъ возбужденій и воспріятій общей медленности индивидуальнаго обдумыванія вопросовъ, жизненно-касающихся, напримѣръ, общихъ интересовъ всѣхъ индивидуумовъ, живущихъ вмѣстѣ, и по причинѣ слабой возбуждаемости индивидуальной энергіи и рѣшимости къ инициіативѣ или предпріятію въ дѣлахъ общаго интереса, — люди, вѣроятно, скорѣе и наиболѣе могутъ быть склонны къ коллективной или кооперативной дѣятельности умственныхъ способностей, также какъ и физическихъ силъ, для скорѣйшаго и наиболѣе обдуманнаго рѣшенія общимъ умомъ тѣхъ или другихъ теоретическихъ или практическихъ вопросовъ и для скорѣйшаго, легчай-

шаго и надежнѣйшаго кооперативнаго достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей и желаній *. Какъ ни груба была древне-русская община или общинная, «земская дума», идея вѣча и земскаго собора, но и эта сѣверная община и мірская дума, при первоначальной, естественно-слабой возбуждаемости и медленной и вялой дѣятельности индивидуальныхъ умовъ и силъ, вызвана была естественною потребностью коллективной, общинной борьбы грубыхъ умовъ и рабочихъ силъ народа съ земско-хозяйственными бѣдствіями, производимыми суровымъ сѣвернымъ климатомъ, съ трудно доступной и скупой естественной экономіей суровой сѣверной природы, съ безчисленными физическими и историческими препятствіями, на каждомъ шагу стремившимися сокрушить жизнь и благосостояніе отдѣльныхъ личностей. И эта грубая, первобытная древне-русская ассоціація индивидуальныхъ силъ, въ силу естественнаго физіолого-психологическаго притяженія силъ, концентрировалась для коллективнаго, общиннаго обсужденія и рѣшенія («поговоря со всѣмъ міромъ», «мірскою сказкою», «по мірскому уложенью», «повальнымъ обыскомъ всякихъ чиновъ людей») всѣхъ общинныхъ естественно-бытовыхъ вопросовъ **. Но и такое коллективное или общинное сосредоточеніе умственныхъ и физическихъ силъ, при первоначальной естественной медленности нервно-мозговой или умственной дѣятельности, тогда только можетъ быстро и безостановочно вести къ истинному соціальному прогрессу, къ развитію, напримѣръ, раціональныхъ, естественно-научно-рабочихъ ассоціацій, когда недостатокъ естественной возбуждаемости и энергіи нервно-мозговыхъ способностей будетъ восполняться возбудительными импульсами воспитательныхъ и научно-образовательныхъ способовъ. Вообще, при нормальномъ воспитаніи и направленіи, при высокомъ развитіи умственныхъ способностей, и первоначальная, органически-умѣренная нервная воспріимчивость народа,

* Народъ нашъ эту мысль выразилъ такъ: «Сто головъ — сто умовъ; міръ — великъ человѣкъ; міръ — велико дѣло; соборомъ и чорта поборешь; міръ зинетъ — камень треснетъ; какъ міръ вздохнетъ и временщикъ издохнетъ; народъ глупъ — все въ кучу лѣзетъ» и пр. (Даля «Сборникъ пословицъ»).

** Каковы, напримѣръ, вопросы: о смѣтѣ и планѣ мѣстныхъ общинныхъ или земскихъ построекъ и указаніи естественнаго мѣстонахожденія и способовъ доставки необходимыхъ для нихъ строительныхъ матеріаловъ, о дознаніи способности или неспособности рѣки къ судоходству, о мѣстныхъ топографическихъ и гидрографическихъ условіяхъ и наилучшихъ способахъ поправленія поврежденій и разрушеній, произведенныхъ, напримѣръ, бурей или рѣками на общинныхъ дорогахъ, о степени мѣстныхъ дѣйствій моровыхъ повѣтрій, о нравственно-религіозныхъ, такъ-называемыхъ въ актахъ, мірскихъ уложеніяхъ и т. п.

очевидно, сама по себѣ не можетъ сопровождаться неблагопріятными для прогресса послѣдствіями. Но, разумѣется, совершенно другой результатъ долженъ быть, если соціально-педагогическія условія индивидуальнаго, семейнаго и общественнаго воспитанія, образованія и культуры неблагопріятны для нормальнаго возбужденія и направленія этой, естественно-посредственной нервной чувствительности и воспріимчивости народа, особенно, если при этомъ она постоянно болѣе или менѣе ослабляется и притупляется органически-медленнымъ распространеніемъ возбужденій по нервамъ, обусловливаемымъ вліяніемъ холоднаго климата и другихъ физическихъ причинъ. Древняя, до-петровская Россія не обладала и не могла обладать, съ самаго начала своей исторіи, такими воспитательными, образовательными и возбудительными силами и средствами, чтобы нетолько противодѣйствовать притупляющему вліянію холоднаго климата и другихъ обстоятельствъ, но и дать этой, естественно-умѣренной воспріимчивости и чувствительности народной нервной организаціи надлежащее, нормальное возбужденіе и прогрессивное направленіе. При общемъ однообразіи и монотоніи природы великорусской равнины, не представлявшей живыхъ, естественно-возбудительныхъ импульсовъ къ развитію живой впечатлительности, разнообразія привычекъ ума и живой дѣятельности сравнительныхъ процессовъ мышленія, при частомъ убійственномъ дѣйствіи суроваго климата на производительность естественной экономіи русской земли и, слѣдовательно, на жизнь, благосостояніе и нервную организацію народа, при частыхъ опустошительныхъ моровыхъ повѣтріяхъ, неурожаяхъ и голодахъ, тоже деморализовавшихъ духъ народный, при отсутствіи умственно-возбудительныхъ и нравственно-оживляющихъ импульсовъ въ грубомъ строѣ и неблагопріятныхъ условіяхъ общественной жизни, при преобладаніи такихъ подавляющихъ, забивающихъ и притупляющихъ нервную систему народа условій и правилъ воспитанія, ученія, нравственной и хозяйственной практики, суда и управленія, какія установлялись, напримѣръ, византійской доктриной, «Домостроемъ», «Вождемъ по жизни», «Русской Правдой», «Судебниками» и «Уложеніемъ» и т. д., — при всѣхъ этихъ условіяхъ, притупляющее вліяніе холоднаго сѣвернаго климата должно было со всею неотразимою силою дѣйствовать на нервную организацію всѣхъ послѣдовательныхъ рядовъ поколѣній русскаго народа. И потому неудивительно, если нервная система русскаго народа, не обезпеченная противодѣйствующими средствами воспитанія и культуры, съ самаго начала его исторіи, вполнѣ подчинилась этому при-

тупляющему дѣйствію холоднаго климата и всѣхъ его послѣдствій въ умственной и соціально-политической исторіи народа.

А вслѣдствіе такой первоначально-неизбѣжной пассивной подверженности нервной организаціи народа всей силѣ притупляющаго дѣйствія холоднаго климата и другихъ физическихъ и историческихъ обстоятельствъ, и умственныя силы народа естественно должны были по необходимости съ самаго же начала оказаться безсильными для изобрѣтенія разумныхъ соціальныхъ способовъ противодѣйствія этому притупляющему вліянію климата и другихъ причинъ. Именно, сила мозга или сила умозрительныхъ способностей народа по необходимости должна была съ самаго же начала оказаться столь притупленною, вялою, пассивною и импотентною, что неспособна была сама собою исторически выработать и прочно установить самостоятельными усиліями народнаго ума и труда такія благопріятныя соціально-педагогическія и культурныя условія индивидуальнаго, семейнаго и общественнаго воспитанія и развитія, которыя всего могущественнѣе могли реагировать, между прочимъ, и противъ самаго притупляющаго и усыпляющаго дѣйствія суроваго сѣвернаго климата. Такимъ образомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если и холодъ климата, безпрерывно замедляя быстроту распространенія возбужденій по нервамъ и притупляя дѣятельность нервной системы, оказалъ дѣйствительное и сильное вліяніе на медленную возбуждаемость и притупленіе нервной чувствительности и впечатлительности русскаго народа, а черезъ то породилъ, путемъ дальнѣйшихъ, естественно-психологическихъ слѣдствій, и общую медленность умственныхъ процессовъ и привычекъ мышленія, вялую и пассивную дѣятельность умозрительныхъ способностей, и вообще, ограниченную степень возбуждаемости и напряженія силы ощущеній, идей и желаній и т. п.

Отсюда проистекала, вопервыхъ, эта поражавшая всѣхъ западныхъ путешественниковъ особенная притупленность и нечувствительность нервной организаціи русскаго народа къ впечатлѣніямъ привычнымъ, хотя бы то, по природѣ своей, для чувствительныхъ нервовъ и рѣзко ощутительнымъ. Всѣ иностранцы единогласно свидѣтельствуютъ, что русскіе искони отличались удивительною нервною привычкою и нечувствительностью къ самымъ рѣзкимъ перемѣнамъ температуры, къ сильнѣйшему холоду и жару, а также къ самымъ ощутительнымъ накожнымъ раздраженіямъ, напримѣръ, къ сильнымъ тѣлеснымъ ударамъ, мукамъ, ушибамъ и болямъ и т. п. «Русскій—говоритъ Флетчеръ,—чрезвычайно терпѣливъ, привыченъ и нечувствителенъ къ крайно-

стямъ холода и жара»[1]. «Въ суровую холодную зиму, — говоритъ Петрей, — часто можно видѣть, что двухлѣтнія дѣти, почти нагія, бѣгаютъ по снѣгу, потомъ взлѣзаютъ на печь и холодъ прогоняютъ жаромъ»[2]. «Московитяне—пишетъ Олеарій—чрезвычайно нечувствительны къ холоду и жару. Они въ состояніи выносить самый сильный жаръ, а потому въ баняхъ, ложась на полокъ, они заставляютъ бить себя вѣниками и тереть ими себѣ тѣло, что̀ для западнаго европейца невыносимо. Раскраснѣвшись и утомившись отъ сильнаго жара, они выбѣгаютъ изъ бани совершенно голыми и обливаютъ себя холодною водой. Зимой, въ самый жестокій морозъ, валяются въ снѣгу, какъ мыломъ трутъ имъ себѣ тѣло и потомъ снова уходятъ въ жаркую баню. Такъ-какъ подобныя бани обыкновенно устроиваются на рѣкахъ и рѣчкахъ, то моющіеся въ нихъ изъ жару прямо бросаются въ холодную воду. Такой быстрый переходъ отъ тепла къ холоду, и обратно, не приноситъ имъ никакого рѣшительно вреда, такъ-какъ они привыкли уже къ этому съ ранняго дѣтства. Поэтому русскіе, такъ же, какъ и финны, и латыши, народъ сильный и здоровый, способный легко переносить и холодъ и жаръ. Съ величайшимъ удивленіемъ смотрѣлъ я въ Нарвѣ на русскихъ и финскихъ мальчиковъ отъ восьми и девяти до десяти лѣтъ, какъ они, будучи одѣты въ тонкіе, полотняные кафтаны, стояли и ходили по снѣгу босыми ногами впродолженіе получаса, не обращая ни малѣйшаго вниманія на нестерпимый холодъ»[3]. Нечувствительность, притупленность нервной организаціи русскаго народа къ самымъ жестокимъ накожнымъ раздраженіямъ и болямъ доходила иногда до поразительныхъ размѣровъ. Напримѣръ, Корбъ сообщаетъ такое признаніе одного стрѣльца: «Мои соучастники — разсказывалъ стрѣлецъ — учредили товарищество: никто не могъ быть принятъ въ него прежде, чѣмъ не перенесетъ пытку, и тому, кто являлъ болѣе силы при перенесеніи истязаній, оказываемы были и бо̀льшія передъ прочими почести. Каждый поступившій въ это общество выносилъ разныя муки и такимъ образомъ доказывалъ свое *умѣнье терпѣть*. Я былъ шесть разъ мучимъ своими товарищами, почему и былъ, наконецъ, избранъ ихъ начальникомъ. *Битье кнутомъ дѣло пустое; пустяки также для меня и обжиганіе огнемъ послѣ кнутовъ; мнѣ приходилось переносить у моихъ товарищей*

[1] Fletscher, London. 1691. p. 913. Рихтера «Исторія медиц. въ Россіи». I, 46.

[2] Petreus. Leips. 1620. c. 612.

[3] Olearius: Voyages en Moscovie. Amsterd. 1727. I, p. 233. Отрывокъ въ «Архивѣ» Калачева за 1859 г., кн. III.

несравненно жесточайшую боль. Такъ, напримѣръ, самая чувствительная боль, когда горящій уголь вкладываютъ въ уши; не меньшая мука, когда на выбритую голову, съ мѣста, на два локтя надъ нею возвышеннаго, опускается тихо, каплями, весьма холодная вода. И при всемъ томъ *я оказался превыше всѣхъ означенныхъ истязаній и явилъ превосходныя силы*» [1]. При такой притупленности и нечувствительности нервной организаціи неудивительно, если крѣпкіе нервы русскаго народа весьма мало чувствительны были и къ разнымъ страданіямъ и лишеніямъ въ жизни. Медленная возбуждаемость и притупленная воспріимчивость нервной чувствительности, обусловливая слабое возбужденіе и напряженіе ощущеній, естественно порождала и слабую напряженность и возбуждаемость идей и желаній. «Русскіе — писалъ Самуилъ Кихель въ XVI вѣкѣ — ограничиваются малымъ кругомъ желаній и потребностей и отличаются удивительною малочувствительностью, довольствуются немногимъ, неразборчивы въ пищѣ и питьѣ и терпѣливѣе всѣхъ народовъ переносятъ холодъ, голодъ и жажду» [2]. «Русскіе — писалъ въ позднѣйшее время Шторхъ — отличаются умѣренною или слабою чувствительностью къ страданію и твердостью противъ всякаго безпокойства: голодъ и жажду, недостатокъ въ удобствахъ и покоѣ жизни русскій можетъ терпѣть гораздо долѣе всякаго иностранца» [3]. Вообще русскій народъ приводилъ въ изумленіе иностранцевъ своею нервною притупленностью, терпѣливостью, равнодушіемъ и нечувствительностью ко всякимъ лишеніямъ удобствъ жизни, для европейца весьма чувствительнымъ и невыносимымъ. Дѣти, послѣ двухъ мѣсяцевъ, легко, безъ всякаго чувства страданія, отрывались отъ кормленья грудью и привыкали къ грубой пищѣ; ребятишки не чувствовали, какъ морозъ щипалъ имъ ноги, руки, носъ и бѣгали въ однѣхъ рубашкахъ, безъ шапокъ, босикомъ, по снѣгу въ трескучіе морозы; юношамъ нетолько не было непріятно, но еще считалось неприличнымъ спать на постели, а простой народъ вообще не зналъ, что̀ такое постель, спалъ крѣпко на полу грязномъ, сыромъ и холодномъ, на сырой и холодной землѣ, подъ дождемъ и вѣтромъ и т. д. Частые голода и посты съ грубой и скудной пищей, состоявшей изъ кореньевъ и дурной,

---

[1] Дневникъ Корба.

[2] Samuel Kiechel's Reisen, vom Jahre 1583 bis 1589. Извлеч. у Аделунга, въ обзорѣ древнѣйшихъ путешествій иностранцевъ по Россіи. Ч. I-я, стр. 235—236.

[3] Storch: «Historisch-Statistisches Gemälde des Russ. Reichs». Riga. 1797. B. 1, p. 483—484.

вонючей рыбы, народъ переносилъ съ изумительно-крѣпкимъ долготерпѣніемъ. Вообще живучи въ тѣснотѣ и дыму, съ курами и телятами, русскій простолюдинъ получалъ нечувствительную, крѣпкую натуру. На войнѣ русскіе удивляли враговъ своимъ терпѣніемъ: никто крѣпче русскаго не могъ вынести продолжительной и мучительной осады, при лишеніи самыхъ первыхъ потребностей, при стужѣ, голодѣ, зноѣ, жаждѣ *. Даже нервная организація женщинъ, жившихъ при томъ въ богатствѣ и, слѣдовательно, имѣвшихъ возможность изнѣживаться, оказывалась изумительно-переносчивою и нечувствительною къ самымъ суровымъ лишеніямъ и страданіямъ, къ самому жестокому изнуренію тѣла, къ самопроизвольному ущипыванью, укалыванью и всякому непріятному раздраженію осязательной чувствительности кожи на тѣлѣ, къ произвольному перенесенію жестокаго голода, суроваго зимняго мороза и т. п. Напримѣръ, повѣсть объ Уліяніи Муромской, дочери богатаго ключника, обладавшей большимъ богатствомъ и множествомъ рабовъ и, слѣдовательно, имѣвшей всѣ средства къ изнѣженной жизни, разсказываетъ слѣдующее: «Сія Уліянія отъ младыхъ ногтей посту прилежала, такъ что родственницы ея надсмѣхались и говорили ей: «о, безумная, что въ такой младости плоть свою изнуряешь и красоту дѣвственную губишь?» Она же не слушалась ихъ, переносила постъ и на игры и пѣсни съ ними не ходила. Когда случился однажды моръ сильный на людей, она, тайно отъ свекрова и свекрови, язвенныхъ многихъ своими руками обмывала и лечила. Спать съ вечера, послѣ молитвы, *ложилась она на печи безъ постели, только дрова острыми концами къ тѣлу подстилала и ключи желѣзные подъ ребра свои подкладывала* и на тѣхъ мало усыпала. Когда приходила зима, она *всю зиму безъ теплой одежды ходила и въ сапоги босыми ногами обувалась, только подъ ноги свои орѣховыя скорлупы и острыя черепья вмѣсто стелекъ подкладывала* и тѣло утомляла. А зима въ одно время была столь студена, что земля отъ морозу разсѣдалась. Въ то же время былъ голодъ крѣпкій по всей русской землѣ, такъ что многіе отъ нужды скверныя мяса и человѣческіе трупы ѣли, и несчетное множество людей отъ голоду перемерло. И въ дому Уліяніи настала великая скудость въ пищѣ и во всемъ потребномъ, ибо нисколько не выросъ посѣянный ею хлѣбъ, а скотъ и кони вымерли. Она же, сколько осталось скота, и одежды, и посуды все распродала на

---

* Костомарова «Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII стол.», стр. 100.

хлѣбъ, и отъ того челядь и нищихъ кормила, и дошла, наконецъ, до послѣдней нищеты, такъ что ни одного зерна не осталось у ней въ дому, *но она о томъ не унывала*. Когда скудость въ дому ея умножилась, она распустила рабовъ на волю, дабы не изнурились голодомъ, но доброразсудные изъ нихъ обѣщались съ нею терпѣть, и она повелѣла имъ собирать лебеду и кору древесную и сдѣлала изъ того хлѣбъ, и отъ того сама съ дѣтьми и рабами питалась и нищихъ кормила, и хлѣбъ ея казался сладкимъ всѣмъ. *Потерпѣла же она въ той нищетѣ два года и не опечалилась, не смутилась, ни пороптала, ни въ устахъ своихъ согрѣшила и не изнемогла нищетою, но паче первыхъ лѣтъ весела была»* *. Еще болѣе изумительна эта закаленная нервная нечувствительность и крѣпость служилыхъ русскихъ людей, которые открыли сибирскія страны въ XVII вѣкѣ. Они пускались въ невѣдомые края со скудными запасами, нерѣдко еще испорченными отъ дороги; истративъ ихъ, принуждены бывали по нѣсколько мѣсяцевъ сряду питаться мхомъ, травой и кореньями, бороться съ ледянымъ климатомъ, спать въ вырытыхъ въ снѣгу ямахъ, зимовать на Ледовитомъ морѣ, а по возвратѣ изъ такого тяжелаго путешествія нерѣдко въ благодарность были обираемы и оскорбляемы воеводами — и потомъ опять охотно шли въ походы, на новые богатырскіе подвиги, на пріисканіе новыхъ землицъ и народовъ, на бой съ иноземцами и проч. Отписки служилыхъ людей исполнены поразительныхъ извѣстій о ихъ закаленной терпѣливости и переносчивости. Возьмемъ, напримѣръ, первую попавшуюся подъ руки отписку съ Ледовитаго моря знаменитаго казака Семена Дежнева: «На морѣ — писалъ онъ — разнесло насъ безъ вѣсти и носило по морю послѣ Покрова Богородицы всюду неволею, и выбросило на берегъ въ передній конецъ на Анадырь рѣку; а было насъ на косѣ всѣхъ 25 человѣкъ, и пошли мы всѣ въ гору, сами пути себѣ не знаемъ, холодны и голодны, наги и босы, а шли ровно 10 недѣль, а попали на Анадырь рѣку внизу близъ моря, и рыбы добыть не могли (на пищу), лѣсу нѣтъ (на дрова), и голодные ходили мы 20 денъ, ночевали въ снѣгу, ямы копали; дошли мы до Анаульскихъ людей и взяли два человѣка съ боемъ, а меня ранили смертною раною» и пр. **. «А мы, холопы твои — писали царю другіе служилые люди изъ Дауро-Монголіи — мы въ твоей государевой дальней службѣ были не хлѣбны и холодны, и взявъ ясакъ,

* «Памятн. стар. русск. литерат.», вып. I, стр. 63—66.
** Дополн. къ акт. истор., т. IV, стр. 25—26.

какъ воротились назадъ, пристигла насъ зимняя пора, въ Каменю (въ хребтахъ) палъ снѣгъ великій, и захватили морозы лютые, и бездорожица непроходимая, и голодъ смертный, и конишки наши пристали и перепропали, а многія пристальныя лошади по степямъ разметали, и боронишка свои и животишка по дорогѣ разметали, и брели нужную дорогу пѣши, и съ голоду и съ нужи горькіе, не хотя умереть голодною смертію, ѣли по дорогѣ пристальныхъ лошадей, и обутки и камысы ѣли, съ великою нужею едва въ Балаганскій острогъ приволоклися, испухли и оцынжали и позябли, а въ походѣ того нашего терпѣнья было восемь недѣль, и отъ того мы голоднаго терпѣнья обнищали и обдолжали» и проч. *. И съ такою закаленною переносчивостью нервной организаціи служилые люди могущественно совершили свой богатырскій подвигъ боеваго покоренья и первоначальнаго колонизаціоннаго устройства сибирскихъ земель.

При такой общей закаленности или нечувствительности нервной организаціи, вслѣдствіе бо̀льшаго или меньшаго притупленія дѣятельности нервныхъ центровъ, неизбѣжно производимаго постояннымъ и неотвратимымъ дѣйствіемъ суроваго холода сѣвернаго климата, естественно и центральный органъ нервной системы, мозгъ русскаго народа неизбѣжно отличался болѣе или менѣе медленною возбуждаемостью и притупленною воспріимчивостью къ ощущеніямъ, а тѣмъ болѣе — къ идеямъ. Вслѣдствіе медленнаго распространенія возбужденій по нервамъ, при общей медленности и притупленности нервной воспріимчивости и чувствительности, сперва долго нужно было, такъ сказать, однимъ внѣшнимъ чувствамъ русскаго народа пассивно сосредоточиваться на предметахъ внѣшняго міра. Долго нужно было пассивно воспринимать медленное передвиженіе по нервамъ возбужденій со стороны внѣшнихъ предметовъ, чтобы сначала, мало по малу, воспринять, ощутить и сознать эти возбужденія и потомъ, посредствомъ медленныхъ ассоціацій ощущеній, выработывать въ мозгу элементарныя, конкретныя представленія, понятія, идеи о предметахъ и, наконецъ, путемъ медленныхъ ассоціацій этихъ представленій и идей, выработывать болѣе сложныя отвлеченныя идеи и умозаключенія. Правда, при естественной, органической медленности и продолжительности процесса прохожденія возбужденій по нервамъ, умъ русскаго народа всегда реально-изобразительно отпечатлѣвалъ въ себѣ и выражалъ въ словѣ эти медленно вос-

* Доп. къ акт. истор. IV, стр. 239.

принятыя и долго прочувствованныя возбужденія въ нервныхъ центрахъ или ощущенія этихъ возбужденій. Но, съ другой стороны, по причинѣ общей медленности нервно-мозговыхъ процессовъ, происходящей отъ медленнаго передвиженія возбужденій по нервамъ, умъ народный весьма медленно ассоціировалъ эти ощущенія въ отвлеченныя понятія и потомъ въ логическіе выводы или обобщенія. Вообще, онъ медленно обдумывалъ вещи, медленно мыслилъ, разсуждалъ и умозаключалъ. Поэтому, въ «Сводѣ военныхъ постановленій» о малороссахъ, напримѣръ, вѣрно замѣчено: «Умъ ихъ глубокомысленъ, проницателенъ, но какъ-то *медленъ*; обдумываютъ они вещи здраво, но *не скоро*; характеръ ихъ отличается *медленностью*» *. Самъ народъ нашъ своимъ естественно-историческимъ опытомъ дознадъ и метко охарактеризовалъ эту общую медленность и притупленность своей нервно-мозговой чувствительности и воспріимчивости, и происходящую отъ того общую медленность и косность ума. Въ пословицахъ великорусскаго народа много, напримѣръ, такихъ присловій о Руси: «Русь подъ снѣгомъ закоченѣла: русакъ уменъ, да заднимъ умомъ», или «русакъ назадъ уменъ; люди думаютъ, до чего-нибудь додумываются, а мы думаемъ, изъ раздумья не вылазимъ; долго сидѣлъ, да ничего не высидѣлъ — долго думалъ, да ничего не выдумалъ; толку вѣкъ, а толку нѣтъ; дума, что борода — лишняя тягота». Сравнивая себя съ нѣмцами, русскій народъ сдѣлалъ такой выводъ: «нѣмецъ своимъ разумомъ доходитъ (изобрѣтаетъ), а русскій глазами (перенимаетъ); нѣмечина хитра; нѣмецъ хитеръ — обезьяну выдумалъ; русскій народъ — глупый народъ; русакъ заднимъ умомъ крѣпокъ; кабы у нѣмца напереди, что̀ у русскаго назади — съ нимъ бы и ладовъ не было (объ умѣ); кабы русскому тотъ разумъ напередъ, что̀ приходитъ опосля». Или изъ исторіи народъ извлекъ такіе выводы о думѣ народной: «думаютъ думные люди — думаетъ индѣйскій пѣтухъ; новгородцы такали, такали, да Новгородъ и протакали; псковичи небо кольями подпирали: три дня у нихъ сходка стояла, думая, что дѣлать? туча нависла, рѣшили подпереть кольями; по вятски — на угадъ; вятичи — ротозѣи: новгородцы подпустили подъ Болванскій городокъ (село Никулицыно) болвановъ на плотахъ, вятичи зазѣвались на нихъ, а новгородцы съ другой стороны взяли городокъ» и т. п. **. Эта общая медленность

* Сводъ военныхъ постановл. Ч. X. Наказъ войскамъ 1838 г. Пятое приложеніе къ своду, параагр. 102, 103, 106.

** Даля «Сборникъ пословицъ русскаго народа», подъ словами: русь—родина, умъ — глупость, толкъ — безтолочь.

и вялость умственныхъ процессовъ обдумыванья, сообразительности, догадки и т. п., естественно неблагопріятствовала развитію въ умѣ народномъ ассоціаціи идей, необходимыхъ для возбужденія и поддержанія осторожности, осмотрительности и предусмотрительности. И потому предки наши вообще нерѣдко отличались удивительною оплошностью, и часто, единственно по недостатку осторожности и предусмотрительности, пассивно подчинялись нападенію разныхъ народовъ — половцевъ, татаръ, крымцевъ, поляковъ, литовцевъ и т. п. *. Но главное, вслѣдствіе медленнаго распространенія по нервамъ возбужденій и, слѣдовательно, медленной возбуждаемости мозга, русскому народу сначала нужно было много вѣковъ только смотрѣть, слушать, осязать, ощущать, вообще всѣми внѣшними чувствами воспринимать возбужденія или впечатлѣнія отъ предметовъ и явленій русской земли и исторіи. Нужно было цѣлые вѣка только «*дозирать, досматривать*», или черезъ особыхъ «*углядниковъ*» углядывать и записывать то, что̀ было досмотрѣно или что было ощущено, прочувствовано, пережито и испытано народомъ на русской землѣ, чтобы потомъ уже, спустя 7 или 8 столѣтій, все досмотрѣнное и воспринятое внѣшними чувствами начать разумно, отчетливо обдумывать, или чтобы Мессершмидты, Палласы и Шлецеры могли возбудить и воспитать въ лучшихъ передовыхъ русскихъ умахъ мысль о разумномъ, научномъ познаніи природы и исторіи русской земли. Отъ того народъ русскій, путемъ такого медленнаго возбужденія чувствъ или способностей воспріятія, слишкомъ поздно и медленно вступалъ и въ періодъ мысли, размышленія или дѣятельности умозрительныхъ способностей. «Ибо — какъ говоритъ Дуттенгоферъ — люди, которые постоянно живутъ въ мірѣ однихъ созерцаній и восприниманій, *работаютъ чувствами, но не размышляютъ*» **. Тогда какъ среди нѣмецкой націи уже въ XIII и XIV столѣтіяхъ возбудилась, по выраженію Гум-

---

* Графъ Румянцевъ, извѣстный собиратель такъ-называемаго «Румянцевскаго музеума» и меценатъ русскихъ историковъ и археологовъ, разговаривая съ Калайдовичемъ о различіи народовъ отъ климатовъ и о низкомъ состояніи умственнаго развитія нашихъ предковъ временъ Рюрика и Олега, справедливо указывалъ на подобные факты крайней оплошности нашихъ предковъ, какъ на факты ихъ умственной вялости, спячести и медленности, ссылаясь, напримѣръ, на то, что они прозѣвали, какъ разъ угры, не предваривши, смѣло шли мимо Кіева, а въ другой разъ жители Кіева прозѣвали внезапное нашествіе половцевъ и т. п. (Записки Калайдовича. Лѣтоп. рус. литер. 1859—60, кн. VI, отд. II, стр. 83).

** Въ статьѣ: «Ухо и слухъ». См. въ естественно-исторической хрестоматіи I. Ламперта. Спб. 1866. Стр. 404.

больдта, «всеобщая самодѣятельность мышленія», возбудилось отвлеченное, философское мышленіе, выразившееся, напримѣръ, въ борьбѣ номиналистовъ и реалистовъ — умъ русскаго народа, по причинѣ слабой возбуждаемости и самодѣятельности его мозга и по общей медленности мыслительныхъ процессовъ, никогда не чувствовалъ въ себѣ природной наклонности и способности къ философіи, къ отвлеченному, чистому мышленію и философскому умозрѣнію [1]. Онъ долго (до начала умственнаго и лингвистическаго вліянія запада съ XVIII столѣтія) не могъ выработать даже достаточно общихъ, отвлеченныхъ понятій и словъ для выраженія ихъ [2]. Равнымъ образомъ, вслѣдствіе той же медленной возбуждаемости и самодѣятельности умственныхъ способностей, русскому народу долго нужно было только смотрѣть, глазами воспринимать образцы западной изобрѣтательности и искусства, чтобы потомъ уже, послѣ долгой зрительной самовозбуждаемости и воспріимчивости, мало по малу возбудить и развить въ себѣ самостоятельную умственную способность изобрѣтательности. «Нашего народа люди — писалъ Юрій Крыжаничъ — суть коснаго разума и неудобно сами что выдумаютъ, если имъ не покажутъ; сами они ничего не могутъ выдумать, и потому имъ на все нуженъ отъ иныхъ народовъ наглядный образецъ, узоръ, видъ» [3]. Не

[1] Какъ въ прошломъ столѣтіи, по словамъ Рейхеля, русскіе умы «не имѣли склонности къ глубокомысленнымъ разсужденіямъ», такъ въ началѣ XIX столѣтія, по словамъ Роммеля, «пониманіе высшей философіи было имъ почти недоступно». Не далѣе, какъ въ прошломъ году одинъ городской голова на одномъ земскомъ собраніи категорически выразился: «намъ нужны не философскія разсужденія, а нужна земская грамотка». Вслѣдствіе вѣковаго отсутствія возбужденія и развитія философскаго мышленія, въ умахъ русскихъ вообще не развился философскій тактъ, не развилась наклонность и способность къ отвлеченному, философскому мышленію на нѣмецкій манеръ. Поэтому, даже писатели, нѣкогда увлекавшіеся философіей Гегеля, сознавались, что они вовсе не обладали нѣмецкимъ философскимъ тактомъ. Г. Тургеневъ замѣчаетъ о себѣ и о Бѣлинскомъ: «Мы вѣрили тогда въ дѣйствительность и важность философическихъ и метафизическихъ выводовъ, но ни онъ, ни я, мы нисколько не были философами и *не обладали способностью мыслить отвлеченно, чисто на нѣмецкій манеръ*». (Воспоминанія о Бѣлинскомъ. «Вѣстникъ Европы». 1869. Кн. 4-я, стр. 701).

[2] Справедливо замѣчаніе Леклерка: «Почти для всего, что не имѣетъ тѣла и образа, для выраженія вещей, неподлежащихъ чувствамъ, недостаетъ въ русскомъ языкѣ реченій». Еще въ XVIII столѣтіи весьма трудно было передать на русскомъ языкѣ даже заглавія нѣмецкихъ естественно-научныхъ книгъ. И Миллеръ, передавая ихъ въ своихъ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» на латинскомъ языкѣ, оговаривается: «трудныя такія матеріи едва на россійскомъ языкѣ, безъ пространнаго изъясненія, представить возможно». («Ежемѣсячныя сочиненія». 1763. Іюль. Стр. 70).

[3] О москов. госуд., разд. 7.

даромъ и самъ народъ говоритъ въ пословицѣ: «нѣмецъ своимъ разумомъ доходитъ (изобрѣтаетъ), а русскій *глазами*». Въ XVII вѣкѣ русскіе тѣ только вещи похитрѣе и умѣли дѣлать, какія высматривали у иноземныхъ мастеровъ, или, по собственному сознанію ихъ, «дѣлали по образцамъ, которые видѣли у нѣмецкихъ мастеровъ, а сами, окромя того, иного дѣла дѣлать не умѣли» [1]. Такъ и въ началѣ XVIII столѣтія, русскіе, по выраженію одной инструкціи Петра-Великаго, «учились *у фабрикъ, присматривались къ машинамъ и прочему*» [2]. Итакъ, долго и медленно, посредствомъ разсматриванія западныхъ образцовъ, возбуждалась и развивалась въ русскихъ умахъ самостоятельная изобрѣтательность. Точно также, по нечувствительности или притупленности нервной организаціи, русскому народу обыкновенно сначала надобно было много вѣковъ выстрадать, или посредствомъ долговременнаго страданія мало-по-малу воспринять и прочувствовать всѣ, гнетущимъ образомъ раздражающія возбужденія или дѣйствія того или другаго историческаго зла, чтобы потомъ уже, но и то не путемъ размышленія, а вслѣдствіе наболѣвшаго долговременнаго чувства страданія, или дождавшись какого-нибудь внезапно поразительнаго и сильно возбуждающаго толчка на его притупленную нервную чувствительность, начать искоренять это зло, безъ всякой, однакожь, многосложной думы, безъ глубоко продуманной, организаціонной идеи и плана. Такова, напримѣръ, была пугачевщина [3]. И самъ народъ русскій утверждаетъ, что онъ нечувствителенъ къ страданію, терпѣливъ, и что не по сознанію, не вслѣдствіе собственнаго размышленія выходитъ онъ изъ терпѣ-

---

[1] Доп. къ акт. ист. V, стр. 257.

[2] Пекарскаго, «Наука при Петрѣ». I, 227.

[3] Такъ и въ древней Россіи вѣковыя страданія народныя, особенно начавшіяся и постепенно усиливавшіяся съ развитіемъ московской централизаціи, приказной системы опеки и областныхъ учрежденій, самоуправства и насилія воеводскаго и боярскаго, произвола писцовъ и дозорщиковъ въ раскладкѣ податей, отъ чего *инымъ было легко*, *а инымъ тяжело*, и въ народѣ, по словамъ царя Михаила Ѳеодоровича, была *скорбь конечная* и проч. и проч., всѣ эти вѣковыя страданія народа только къ концу XVII вѣка до того наболѣли, что, по выраженію одного хронографа, «*сердца народныя были сильно опечалены и тоскою наполнены*». И потому только къ концу древней Руси на сердцѣ народа до того наболѣло чувство страданія отъ всѣхъ этихъ вѣковыхъ, гнетущихъ золъ и тягостей государственнаго и общественнаго строя древней Руси, что невольно излилось, наконецъ, и въ литературѣ народной, напримѣръ, въ извѣстной повѣсти о «Горѣ Злочастьи», и въ народныхъ движеніяхъ, напримѣръ, въ бунтахъ по городамъ въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, въ бунтѣ Стеньки Разина, въ бунтахъ стрѣлецкихъ и т. п.

нія, а вслѣдствіе какого-нибудь сильно раздражительнаго воздѣйствія на его притупленную нервную чувствительность. «Русскій терпѣливъ до зачина; русскій задора ждетъ». Оттого народъ русскій и нечувствителенъ, долготерпѣливъ и особенно бездуменъ относительно своихъ недостатковъ и страданій: онъ пассивно болитъ ими, но не размышляетъ о вредѣ ихъ, долго даже не сознаетъ ихъ вполнѣ разумно и критически, и потому не додумывается, какъ бы искоренить ихъ. Въ этомъ отношеніи весьма вѣрна замѣтка г. Тургенева: «Нѣмецъ старается исправить недостатки своего народа, *убѣдившись размышленіемъ* въ ихъ вредѣ; русскій еще *долго будетъ самъ болѣть ими*» *. Далѣе, при органической, нервной малочувствительности или притупленности, умъ русскаго народа всегда былъ такъ медленно и неповоротливо воспріимчивъ къ впечатлѣніямъ идей, убѣжденій, къ силѣ доказательствъ, что въ немъ всегда весьма трудно было возбудить такіе живые и быстрые мыслительные процессы, которые бы способствовали живому и быстрому развитію ассоціацій идей, благопріятныхъ для живаго и скораго воспріятія впечатлѣній всякаго сильнаго и разумнаго доказательства. И потому, ему всегда весьма трудно было доказать какую-нибудь непривычную для него мысль или истину, трудно было убѣдить его, если эта истина или ея доказательства и доводы не сопряжены были съ какими-нибудь неожиданно поразительными, наглядными и осязательными впечатлѣніями внѣшнихъ чувствъ, или своею обаятельною силою преодолѣвавшими его притупленную нервную воспріимчивость, или живо ощутительно затрогивавшими наиболѣе чувствительную струну его эгоистическихъ наклонностей. Не даромъ народъ русскій скорѣе на обумъ, безъ всякаго разсужденія, вѣрилъ въ чудо и небылицу, чѣмъ въ доводъ разума и свидѣтельство истины. «Въ небылицѣ — говоритъ Коллинсъ — русскихъ увѣрить легко, но трудно убѣдить ихъ въ истинномъ и вѣроятномъ» **. И въ самомъ дѣлѣ, сколько было умственныхъ, а иногда и внѣшнихъ волненій народа по поводу ложныхъ слуховъ, химерическихъ представленій и недоразумѣній, въ которыхъ никакими разумными доводами невозможно было разубѣдить народъ, пока время и исходъ дѣла, очевидно, не обнаруживали лжи и нелѣпости слуха или недоразумѣнія. Сколько было, даже въ наше время, оптическихъ или галлюцинаціонныхъ обмановъ чувствъ, ложныхъ явленій, въ которыхъ самымъ разумнымъ и убѣдитель-

---

* «Воспоминанія о Бѣлинскомъ» въ «Вѣстникѣ Европы», апрѣль 1869.
** Коллинсъ, 21.

нымъ объясненіемъ дѣла никакъ нельзя было разувѣрить народъ. Наконецъ, сколько есть великихъ истинъ, идей, особенно позитивно-философскихъ и соціологическихъ, которыя давно открыты, доказаны и утверждены европейскимъ разумомъ, но въ которыхъ общество русское еще долго весьма трудно и даже невозможно будетъ убѣдить. Мозгъ русскаго народа всегда былъ особенно тупо воспріимчивъ и мало чувствителенъ къ вліянію умозрительныхъ, отвлеченныхъ идей. Такъ нравственно-теоретическія или умосозерцательныя, соціологическія идеи христіанскаго, евангельскаго ученія народъ нашъ долго вовсе не могъ воспринять умомъ и чувствомъ, особенно по сѣвернымъ и сѣверо-восточнымъ украйнамъ. Даже въ XVI вѣкѣ, и притомъ благочестивые русскіе книжники, по словамъ Максима Грека, «самую книгу евангелія внутрь уду и внѣ уду обильно украшали златомъ и сребромъ, а *силы словесъ его не принимали и не понимали»* *. Да и доселѣ масса народа бо̀льшею частію нисколько не понимаетъ сущности христіанскаго ученія, тупоумно соблюдаетъ одни обряды, а часто даже съ заскорузлымъ тупоуміемъ держится нелѣпыхъ старинныхъ суевѣрій, какъ непреложныхъ истинъ вѣры. На западѣ христіанство такъ возбудительно импульсировало умы, что произвело самую живую дѣятельность умозрительныхъ способностей, породило энтузіастическую борьбу мистики и схоластики и, потомъ, протестанства и католичества, а въ средѣ русскаго народа оно не возбудило никакой теоретической или раціоналистической самодѣятельности умозрительныхъ способностей. Потому средневѣковая умственная исторія русскаго народа не представляетъ никакой борьбы философскихъ, умозрительныхъ идей, никакой école des libres penseurs, какая возникла на Западѣ въ XV вѣкѣ. Вмѣсто insurrection de la raison, какъ выразился Гизо объ умственномъ движеніи, породившемъ на Западѣ раціонализмъ реформаціи,— въ Россіи произошло, въ концѣ концовъ, одно мертвообрядовое закоснѣніе и притупленіе умовъ въ спорахъ раскола о сугубой аллилуіа и т. п., притупленіе, дошедшее въ бо̀льшей части населенія, особенно старообрядческаго, до самой заскорузлой нечувствительности и невоспріимчивости къ идеямъ здраваго разума или науки. Вообще, воспріимчивость мозга русскихъ людей къ умозрительнымъ идеямъ, къ отвлеченнымъ научнымъ истинамъ или теоріямъ, до введенія раціональной европейской системы воспитанія и изощренія умовъ, была до крайности медленно и слабо возбуждаема и тупо податлива. Когда Петръ-

---

* Максимъ Грекъ. Рукоп. солов. библ., № 495, л. 279.

Великій сталъ вводить въ Россіи европейскія науки и посылать русскихъ «въ науку за море», то на первыхъ порахъ оказалась поразительная тупость русскихъ умовъ къ воспріятію научныхъ идей, такъ что нѣкоторые говорили Петру: «напрасны труды твои и издержки, головѣ и уму русскаго народа недоступны науки». Изъ училищъ, основанныхъ Петромъ, ученики десятками исключались единственно «за неудобностію» или «невзятіемъ и непринятіемъ наукъ». Нѣкоторые бояре, учившіеся математическимъ наукамъ за границей, съ горестію и отчаяніемъ писали: «хотя мнѣ всѣ дни живота своего себя въ той наукѣ трудить, но не принять будетъ: наука претрудная» *. И сильные умственно-возбудительные импульсы и впечатлѣнія запада такъ медленно и туго расшевеливали и возбуждали притупленную нервно-мозговую воспріимчивость русскихъ, что еще во второмъ и даже третьемъ ряду послѣ петровскихъ поколѣній господствовало «крѣпколобіе», то-есть крайне тупая воспріимчивость къ умственнымъ возбужденіямъ научныхъ идей и знаній. Въ «Недорослѣ» стародумъ замѣчаетъ, что «Скотинины *всѣ крѣпколобы* и крѣпкіе лбы Вавилъ Фалелеевичей, не разбивающіеся даже объ каменныя ворота, предпочитаютъ лбамъ ученыхъ», то-есть умамъ живовоспріимчивымъ къ наукамъ. Вслѣдствіе этой притупленности нервной воспріимчивости, умъ русскаго народа въ самой возбуждаемости всегда отставалъ отъ умовъ западныхъ, всегда медленно и гораздо слабѣе ихъ возбуждался въ воспріятіи однихъ и тѣхъ же впечатлѣній или предметовъ, даже ему наиболѣе близкихъ. Тотъ же самый предметъ размышленія, представившійся умамъ западнымъ и умамъ русскимъ, въ первыхъ возбуждалъ самую напряженную и энергическую умственную дѣятельность, а въ русскихъ умахъ нетолько не возбуждалъ никакой умственной дѣятельности, но не могъ возбудить и самой воспріимчивости къ идеѣ, какая съ нимъ соединялась. Такъ, часто являвшіяся въ средніе вѣка кометы, а иногда и новыя звѣзды въ энергическихъ западныхъ умахъ возбуждали пылкій и живѣйшій духъ изслѣдованія; по словамъ Гумбольдта, одно явленіе новой звѣзды 1572 — 1573 года произвело самое живое возбужденіе важнѣйшихъ вопросовъ въ астрономіи; и, вообще, явленія звѣзднаго неба возбуждали и вызывали умы къ такимъ обширнымъ и великимъ изслѣдованіямъ, результатомъ которыхъ были міровыя открытія Коперника, Кеплера, Галилея и Ньютона **. А на Руси, тѣ же

---

* Пекарскаго, «Наука при Петрѣ I», т. I.

** «Космосъ», ч. III, отд. I, стр. 183—186.

самыя поразительныя небесныя явленія, хотя и отмѣчались лѣтописцами въ лѣтописяхъ, но не возбуждали никакой мысли о необходимости астрономическихъ наблюденій и знаній; напротивъ, умы русскіе до того невоспріимчивы были къ самой идеѣ астрономіи, что чуждались этой науки, какъ чертовщины, и безъ всякаго размышленія считали ее «отреченною книгою» *. Или, такой близкій уму народному предметъ, какъ физико-географическая природа русской земли, въ умахъ западныхъ путешественниковъ возбуждала живую любознательность, такъ что многіе изъ нихъ, для удовлетворенія собственнаго любопытства и любознательности западной публики, болѣе или менѣе подробно описывали природу русской земли, напримѣръ: ея пространство, гидрографію или системы, истоки и физико-географическія особенности рѣкъ, качества воздуха, климатъ, свойства почвы, растенія, географическое распредѣленіе лѣсовъ, животныхъ, разные народы и степень населенности разныхъ областей и т. п. А въ умахъ русскихъ людей и природа русской земли не возбуждала никакой живой и разумно-сознательной, раціональной любознательности, никакой мысли о болѣе или менѣе подробномъ и систематическомъ познаніи и описаніи ея. Или еще фактъ: даже такой, самый близкій къ насущно-жизненнымъ интересамъ русскаго народа предметъ, какъ русское народное хозяйство, гораздо скорѣе и живѣе возбудилъ западные умы къ разработкѣ относящихся къ нему вопросовъ, чѣмъ умы русскіе. И иностранные ученые съ наиболѣе возбужденною умственною энергіею и любознательностью занимались экономическими вопросами Россіи, и гораздо болѣе сдѣлали въ этомъ отношеніи, чѣмъ русскіе ученые. Поэтому г. Безобразовъ въ рѣчи своей «О вліяніи экономическихъ наукъ на современную жизнь въ западной Европѣ» совершенно справедливо говоритъ: «изъ исторіи наукъ государственнаго и народнаго хозяйства на западѣ Европѣ, мы видимъ постоянно возрастающее вліяніе ея ученія на воспитаніе, образъ мыслей и дѣятельности государственныхъ людей. У насъ это вліяніе было весьма слабо и измѣнчиво. Но каждый народъ западной Европы имѣетъ свое самостоятельное національное мѣсто, завоеванное вѣковою работою мысли, во всемірномъ движеніи науки; на исторической почвѣ Англіи, Франціи, Германіи, Италіи возникъ цѣлый міръ экономическихъ знаній и дѣятелей. Ничего подобнаго не было у насъ. Значительнѣйшіе ученые труды по народному и въ особенности го-

* См., наприм., «Отреч. книгу о астрономіи». Памят. стар. рус. литерат. III, стр. 19.

сударственному хозяйству, такъ или иначе связанные съ именемъ Россіи, принадлежатъ чужеземцамъ (Шторху, Гакстгаузену, Тенгоборскому и другимъ) и составляютъ, какъ, напримѣръ, труды академика Шторха, гораздо болѣе собственность западно-европейской литературы, чѣмъ нашей. Связи этого ученаго были гораздо значительнѣе въ Западной Европѣ, гдѣ онъ пользуется громкою славою, чѣмъ въ Россіи, гдѣ вліяніе его на общественную среду было весьма ничтожно *. За немногими исключеніями, вся отечественная экономическая литература, во всей своей совокупности, была не болѣе, какъ рядомъ заимствованій изъ иностранныхъ литературъ, рядомъ отраженій движенія идей въ остальномъ образованномъ мірѣ **. Потому около этихъ трудовъ не могло быть и не было сочувственной общественной атмосферы, которая бы держала ихъ во взаимодѣйствіи съ народною жизнію. Все, самобытно выросшее на нашей почвѣ, подобно твореніямъ Посошкова въ прошедшемъ столѣтіи, или графа Канкрина въ нынѣшнемъ, не имѣетъ никакого значенія во всемірномъ развитіи науки» ***. По всему этому, можно съ нѣкоторою вѣроятностью предполагать, что и въ будущемъ, если мы будемъ спать умственнымъ сномъ относительно самыхъ животрепещущихъ вопросовъ, волнующихъ Западъ, — роковое рѣшеніе этихъ вопросовъ на Западѣ застанетъ насъ въ расплохъ, разбудитъ съ испугомъ отъ нечаянности, — и западный разумъ, вѣроятно, продиктуетъ намъ рѣшеніе даже и нашихъ домашнихъ нерѣшенныхъ вопросовъ.

Далѣе, вслѣдствіе медленнаго распространенія возбужденій по нервамъ, нервная организація русскихъ, въ самыхъ интеллектуальныхъ функціяхъ своихъ, всегда характеризовалась болѣе или менѣе общею медленностью умственныхъ процессовъ и привычекъ мышленія и преобладаніемъ умственной склонности къ медленнымъ ассоціаціямъ идей или къ ассоціаціямъ фактовъ, впечатлѣній и ощущеній больше въ порядкѣ ихъ послѣдовательности, чѣмъ въ порядкѣ сосуществованія. Эта черта умозрительныхъ способностей свойственна какъ массѣ народной, такъ и мыслящей части русскаго общества. Давно замѣчено, какъ мы сказали уже, что у народа нашего, вообще, медлен-

* Его курсъ политич. экономіи не могъ быть, по цензурнымъ причинамъ, изданъ на русскомъ языкѣ.

** Даже едва-ли не замѣчательнѣйшее до сихъ поръ въ нашей финансовой литературѣ сочиненіе Н. Тургенева «Опытъ теоріи налоговъ» (Спб. 1819) составлено исключительно по иностраннымъ источникамъ и почти не заключаетъ въ себѣ свѣдѣній о Россіи.

*** Торжеств. собран. С.-Петерб. акад. наукъ, 1866 г., стр. 129—130.

ный умъ и медленный характеръ. Медленность процессовъ народнаго мышленія и чувства выразилась, между прочимъ, въ умственномъ творчествѣ народа, въ способѣ выраженія народной поэзіи, особенно пѣсни. Мысль или чувство народа обыкновенно изливается такъ вяло, неповоротливо, медленно, что напримѣръ въ былинѣ, пѣснѣ или духовномъ стихѣ народномъ одно слово, или одинъ стихъ, часто самый бѣдный по выражаемой имъ идеѣ или чувству, сплошь и рядомъ монотонно и вяло повторяется до трехъ и болѣе разъ, пока возбудится или выдумается слѣдующее слово, или слѣдующій стихъ. «Наша народная поэзія — замѣчаетъ г. Буслаевъ, — не способна возбуждать и подстрекать умы; въ теченіе столѣтій она даетъ невозмутимо спокойное настроеніе, состоитъ въ ровномъ, однообразномъ повтореніи однихъ и тѣхъ же ощущеній, вообще носитъ на себѣ характеръ спокойный, замедляемый повтореніями» *. Въ дѣятельности разсудка, въ сложныхъ логическихъ процессахъ классификаціи, анализа, отвлеченія и обобщенія, или въ дѣлѣ обсужденія какого-нибудь вопроса или предмета, давно замѣчена у насъ та же общая медленность мозговыхъ функцій и процессовъ мысли. Весьма характеристично представлена эта общая вялость и медленность дѣйствій умозрительныхъ способностей русскихъ въ сатирическомъ журналѣ «Кошелекъ», издававшемся Новиковымъ въ 1774 году. Тамъ иронически сказано, по поводу проекта одного русскаго ученаго общества: «Приступая къ сему важному дѣлу, намъ (по привычкамъ нашего ума) надлежитъ такимъ образомъ поступать: нѣсколько лѣтъ думать, нѣсколько лѣтъ разсуждать, нѣсколько лѣтъ дѣлать начертаніе, нѣсколько лѣтъ разсматривать оное; много лѣтъ пріуготовлять вещество, много лѣтъ собирать оное, много лѣтъ приводить оное въ порядокъ, много лѣтъ дѣлать изъ приведеннаго въ порядокъ выписку, много лѣтъ изъ выписки сочинять, а потомъ еще болѣе всего, много лѣтъ разсматривать и одобрять оный проектъ къ совершенію; что надлежитъ трудящимся давать много жалованья, покойныя квартиры, хорошіе столы и прочее, дабы все сіе услаждало чувство и приводило отечественный духъ въ сильное движеніе.» ** Такою медленностью умственныхъ процессовъ ознаменовались и многія наши правительственныя коммисіи. Такова напримѣръ была извѣстная коммисія о составленіи законовъ. Она такъ медленно сочиняла сводъ законовъ, что императоръ Александръ I сдѣлалъ запросъ о причинѣ медленности ея. И

* Очерки литер., I, 596, 597.

** Кошелекъ. 1774. М. 1858. Стр. 17.

первый членъ этой коммисіи, графъ Завадовскій сочинилъ и представилъ государю въ особой запискѣ «Отвѣтъ на запросъ о медленности коммисіи». Начавши съ древнѣйшихъ временъ, со временъ Правды Русской, и дойдя до временъ Александра I, Завадовскій, въ концѣ концовъ, пришелъ къ такому заключенію о причинахъ медленности коммисіи: «Коммисія занимается выписками и сличеніемъ пространныхъ матеріаловъ, и ни мало не удивительно, *что огромная машина сія по натурѣ своей идетъ тихо и медлительно»* *. При такой медленности умственныхъ процессовъ, — могли ли русскіе умы додуматься до примѣненія хоть къ той же кодификаціи метода естественной классификаціи Линнея или Жюссье, какъ додумался до этого Бентамъ. По причинѣ общей медленности мыслительныхъ процессовъ умозрительныхъ способностей, мысль наша всегда шла позади, отставала отъ быстраго движенія идей западнаго разума. Особенно медленно-воспріимчива, пассивна, отстала и медлительна наша общественная мысль въ развитіи раціональнаго міросозерцанія, въ вопросахъ общественной критики, философіи или соціологіи. Въ этомъ отношеніи весьма вѣрна замѣтка одного нашего современнаго писателя, разбиравшаго недавно сочиненіе Спенсера о прогрессѣ: «Относительно западной Европы,—замѣчаетъ онъ, — мы играемъ роль кухарки, получающей отъ барыни по наслѣдству старомодныя шляпки. Въ то время, какъ мы еще дѣлимся на матеріалистовъ и спиритуалистовъ, передовая западная мысль, въ лицѣ Конта, Спенсера и проч., отрицаетъ и ту и другую систему. Въ то время, какъ въ нашемъ обществѣ то и дѣло раздаются упреки передовымъ людямъ въ атеизмѣ, позитивизмъ называетъ атеистовъ «самыми нелогическими теологами» **. Легко можетъ быть, что нѣкоторые принципы позитивной соціологіи перейдутъ къ намъ тогда, когда они уже падутъ въ западной Еропѣ». *** Конечно, причиной этого нашего умственнаго замедленія могла быть и относительная юность, незрѣлость, или, лучше сказать, позднее пробужденіе русской мысли. Но самое это позднее пробужденіе ея, въ концѣ концовъ, зависѣло отъ той же коренной естественно-психологической причины, отъ общей медленности умственныхъ процессовъ и привычекъ мышленія, обусловливаемой физико-физіологическими условіями медленнаго и слабаго возбужденія нервной воспріимчивости русскаго народа.

* Чт. общ. 1860. Кн. I. Смѣсь, стр. 64.

** Выраженіе Конта и совершенно независимо отъ него одного изъ крайнихъ лѣвыхъ гегеліянцевъ.

*** «Отеч. Зап.», 1869. № 2, стр. 239.

Тою же общею медленностью возбужденія и движенія мыслительныхъ силъ, умозрительныхъ способностей—объясняется тотъ фактъ нашей умственной исторіи, что партіи консервативныя, стаціонарныя и регрессивныя у насъ всегда преобладали надъ партіями живаго движенія и прогресса. Такова, напримѣръ, партія старообрядческая, партія мистико-славянофильская, партія современной, такъ называемой, «постепенщины», и т. п. И консервативныя партіи, партіи, вообще замедляющія и даже останавливающія умственный прогрессъ, у насъ всегда стояли во главѣ государства и общества, всегда заправляли всѣми умственными функціями социальной жизни. Такъ въ древней Россіи во главѣ народа стояло духовенство и, въ особенности, монашество съ своими догматами и преданіями. Въ новой, послѣ-петровской Россіи интеллигенцію государственной дѣятельности представляло рабовладѣльческое дворянство. Его философія, его «мнѣнія» проникаютъ все наше законодательство, всѣ наши государственныя учрежденія. Всякое новое государственное учрежденіе или узаконеніе проходило сквозь фильтръ «мнѣній» и «разсужденій» этого дворянства. И въ этомъ-то и заключается одна изъ существеннѣйшихъ причинъ, что машина нашего государственнаго и общественнаго развитія, какъ выразился графъ Завадовскій, всегда шла тихо и медлительно. Консервативный элементъ, представляемый дворянствомъ, всегда преобладалъ въ управленіи всѣми высшими умственными функціями общества. Традиціонный консерватизмъ—общая черта мышленія рабовладѣльческаго и землевладѣльческаго класса. Многіе изъ дворянъ любили философствовать о судьбахъ Россіи, о политической экономіи, о благоустройствѣ общественномъ и проч.; но всѣ они мыслили по предвзятымъ и неподвижно установившимся началамъ исторической традиціи и государственной догматики. Въ прошедшей исторіи, въ допетровской старинѣ, гдѣ коренятся зародыши и основы всѣхъ анти-соціальныхъ аномалій и, въ томъ числѣ, крѣпостнаго права, они видѣли вѣковѣчную санкцію и оправданіе своихъ эгоистическихъ, крѣпостническихъ умствованій. Мысль ихъ не двигалась дальше этихъ стаціонарныхъ, регрессивно-задерживающихъ началъ. Всякая живая, быстрая, свободная работа мысли была совершенно незнакома ихъ уму, и потому непонятна, и даже ненавистна. Вообще, и наиболѣе мыслящіе, образованнѣйшіе дворяне вполнѣ держались строго-консервативнаго образа мыслей. Самыя либеральныя идеи ихъ не выходили изъ предѣловъ строго-консервативной постепенности, изъ рамокъ идеи санкціонированнаго, утвержденнаго исторіею порядка, или идеи учре-

жденія и т. п. Напримѣръ, однимъ изъ самыхъ либеральнѣйшихъ мыслителей въ средѣ дворянской былъ адмиралъ Мордвиновъ, высказавшій въ государственной сферѣ много замѣчательныхъ «мнѣній», написавшій нѣсколько замѣчательныхъ политико-экономическихъ разсужденій, каково напримѣръ разсужденіе о причинахъ разстройства финансовъ въ Россіи и т. п. Но и этотъ либеральный мыслитель не простирается далѣе идеи консервативной постепенности. Разсуждая, напримѣръ, объ освобожденіи крестьянъ, онъ основывался на такой точкѣ зрѣнія: «въ природѣ, говоритъ онъ, повѣдающей намъ вѣчные законы Творца, зримъ, что всѣ явленія ея суть слѣдствія постоянныхъ причинъ. Тихое и постепенное теченіе времени даетъ жизнь, ростъ и зрѣлость всему; крутыя же и быстрыя событія въ естествѣ производятъ вѣчно вихри, бури, наводненія, землетрясенія и разрушенія. Зерно, сколько бы здраво и драгоцѣнно ни было, когда брошено бываетъ на неприготовленную землю, не приноситъ вожделеннаго плода, скорѣе же произрастутъ на немъ тернъ и волчцы. Таковъ есть законъ Предвѣчнаго въ вещественномъ мірѣ, таковъ же и въ духовномъ. Народоправители, въ предпріемлемыхъ ими, для блага подвластныхъ, дѣлахъ, преуспѣваютъ, по мѣрѣ токмо сообразованія ихъ съ симъ непреложнымъ уставомъ. Человѣкъ одаренъ дѣятельностью, умомъ и свободною волею; но младенецъ не можетъ пользоваться сими драгоцѣнными дарами, и для даровъ сихъ потребна зрѣлость времени. Народу, пребывшему вѣкъ безъ знанія гражданской свободы, даровать оную изрѣченіемъ на то воли властителя возможно, но знанія пользоваться ею во благо себѣ и обществу даровать законоположеніемъ невозможно. Въ семъ соображеніи, дарованіе свободы тогда токмо не сопровождается никакими ощутительными неудобствами, ниже вредными послѣдствіями, когда располагаемо бываетъ съ нѣкоторою постепенностью; когда свободными дѣлаются не всѣ вмѣстѣ и единовременно, безъ воззрѣнія на степень просвѣщенія и спѣлости всего, что въ гражданскомъ состояніи относится къ человѣку, но когда благо сіе представляется въ видѣ награды трудолюбію и пріобрѣтаемому умомъ достоинству; ибо симъ токмо ознаменовывается всегда зрѣлость гражданскаго состоянія» *. Такая философія медленнаго постепеннаго развитія забываетъ, что и въ самомъ посте-

---

* Мнѣніе адм. Мордвинова: одна изъ мѣръ освобожденія крестьянъ отъ зависимости и съ оною возбужденія народной дѣятельности, начерченная въ 1818 г. Чт. общ. 1859 г., т. III, чт. II. 1860. (51).

пенномъ развитіи обществъ человѣческихъ все зависитъ отъ качествъ движущихъ ими идей, слѣдовательно отъ качествъ дѣятельности и направленія общественнаго разума,—и что самый постепенный ростъ естественно, физически требуетъ напередъ не стѣсненія, а свободы развитія и движенія тканей,—что хоть докуда не будетъ развитія, даже и постепеннаго, а будетъ вѣчный китайскій застой, пока общественные умы или не работаютъ отъ стѣсненія, или работаютъ стѣсненно, и, потому, анормально, неправильно, пока не дается свободы постепенному развитію въ обществѣ лучшихъ, здравыхъ и истинныхъ идей, или, вмѣсто свободнаго развитія общественнымъ разумомъ лучшихъ, здравыхъ и истинныхъ идей, долженствующихъ двигать прогрессивное развитіе общества, постепенно узаконяется и долго терпится только постепенное же развитіе однихъ ретроградныхъ, регрессивныхъ началъ, въ родѣ крѣпостнаго права, цензуры и т. п. Такъ же догматична и консервативна и соціологическая философія мыслящихъ дворянъ прошлаго времени, о чемъ, впрочемъ, будетъ сказано подробно въ своемъ мѣстѣ.

Далѣе, по общей медленности умственныхъ процессовъ и привычекъ мышленія, умъ народный не обладалъ способностью быстраго схватыванія и сокращеннаго обобщенія различныхъ свойствъ одного и того же предмета или явленія. Онъ, въ весьма ограниченной мѣрѣ, обладалъ тѣмъ свойствомъ мышленія, которое Уэвель называетъ процессомъ связыванія фактовъ (colligation). Въ старину, народъ нашъ, по медленности умственныхъ процессовъ и привычекъ мышленія, особенно по неразвитости способности отвлеченія и обобщенія, требующей особенной быстроты и разнообразной подвижности мышленія, не могъ быстро связать въ одно цѣльное, обобщенное представленіе и сокращенно выразить того, что̀ видѣлъ, напримѣръ, въ пространствѣ или въ порядкѣ топографической послѣдовательности. Напримѣръ, писцы выражались: «да перелогомъ и лѣсомъ поросло прибыло 413 четвертей», вмѣсто того, чтобы сказать короче и скорѣе: пущи или запущенной поросли прибыло столько-то и т. п. * Пространственныя, географическія познанія народъ нашъ пріобрѣталъ, вообще, путемъ медленной ассоціаціи топографическихъ впечатлѣній и мышечныхъ ощущеній въ порядкѣ ихъ послѣдовательности, при передвиженіи тѣла по извѣстному пространству. Отвлеченное, умственное соображеніе, исчисленіе или измѣреніе почти нисколько не участвовало въ образованіи общаго представленія извѣстнаго

* Неволина, о пятин. и погост. новгород. Прилож. V, стр. 130.

пространства. Умъ какъ-будто не могъ иначе представить и опредѣлить пространство, какъ слѣдуя, шагъ за шагомъ, за самымъ передвиженіемъ тѣла по этому пространству и схватывая при этомъ послѣдовательный рядъ топографическихъ впечатлѣній и мышечныхъ ощущеній. Съ какого пункта измѣряемаго или разсматриваемаго мѣста или, съ того пункта начинали описаніе измѣренія, и «идучи» по этому мѣсту, смотря по ходу или послѣдовательному передвиженію тѣла, опредѣляли и взаимное положеніе и разстояніе частей измѣряемаго мѣста *. Вслѣдствіе такой медленной ассоціаціи топографическихъ представленій, еще болѣе замедляемой, при томъ, частыми повтореніями ихъ при разсказѣ или въ описаніи, всѣ эти «межевыя записи, отводныя, отмѣрныя и разъѣзжія грамоты», писцовыя книги, отписки сибирскихъ казаковъ, а также книга Большаго Чертежа и чертежа сибирскихъ рѣкъ и земель, обыкновенно и читаются какъ-то тяжело, медленно и утомительно. Всѣ географическія познанія, какія пріобрѣтали русскіе въ Сибири въ XVII вѣкѣ, составлялись также путемъ медленной ассоціаціи послѣдовательныхъ топографическихъ впечатлѣній и мышечныхъ ощущеній. Не математическія умственныя соображенія, а медленный и послѣдовательный рядъ мышечныхъ ощущеній, сопровождавшій актъ продолжительной ходьбы, въ связи съ правильною періодичностью мышечныхъ ощущеній усталости и отдохновенія — вотъ что̀ порождало опредѣленіе разстояній именно «днями, дницами и недѣлями ходьбы», или «добрымъ побѣгомъ» и т. п. И въ отпискахъ казачьихъ поражаетъ эта пассивная ассоціація и копія топографическихъ впечатлѣній и мышечныхъ ощущеній въ монотонномъ, однообразномъ и медленномъ порядкѣ ихъ послѣдовательности. Какъ медленно передвигались ноги съ рѣки на рѣку, день за днемъ, такъ же медленно и въ описательныхъ отпискахъ умы казаковъ ассоціировали и копировали послѣдовательный рядъ топографическихъ впечатлѣній. «Шли горою каменемъ, своею силою, два дни, — писали, напримѣръ, одни служилые люди съ береговъ Охотскаго моря, — а камени тому имя Евакинъ, а конецъ того камени у губы, а въ губу пала рѣчка Шилкапта, и

* Такова, напримѣръ, одна изъ множества описей городоваго мѣста, 1671 г.: «Съ *пріѣзду* башня воротная, въ ширину 4 сажени, поперегъ тоже: отъ того воротнаго мѣста *идучи* въ городъ, по правую сторону до угольнаго башеннаго мѣста, гдѣ была егорьевская башня, стѣннаго мѣста 25 сажень; *по лѣвую сторону идучи въ городъ*, отъ того воротнаго мѣста до угольнаго мѣста, что была воскресенская башня, стѣннаго мѣста 22 сажени съ полусаженью» и т. п. Доп. VI, № 23.

отъ тое рѣчки моржовой мысъ видѣть, а до того мыса итьти день своею силою; имя тому мысу Мотосъ, и по тому мысу моржи ложатся, и становья есть; прошедъ моржовый мысъ, губа не велика, а отъ той губы итьти до рѣчки до Пѣтушковы половина дня своею силою, на устьи той рѣчки стоитъ островокъ каменный, а на томъ островкѣ плодятся пѣтушки морскіе; а отъ той рѣчки итьти день возлѣ озера, край моря, у того озера у служилыхъ людей судно моремъ разбило, а имя тому озеру Котли-топори; а отъ того озера итьти два дни возлѣ утесъ» и т. д.* Шли, шли такимъ образомъ, находили въ какомъ-нибудь мѣстѣ, напримѣръ, слюду; и, возвратившись въ острогъ и извѣщая воеводу о своей находкѣ, не умѣли иначе опредѣлить ни мѣстонахожденія слюды, ни разстоянія до него, какъ только посредствомъ подробнаго перечисленія всѣхъ пройденныхъ мѣстъ, всѣхъ дней ходьбы и всѣхъ связанныхъ съ этой ходьбой топографическихъ впечатлѣній и мышечныхъ ощущеній, въ порядкѣ ихъ послѣдовательности. Потому что, по общей медленности умственныхъ процессовъ и привычекъ мышленія, умъ ихъ не могъ въ отвлеченномъ сокращеніи представить и мысленно соединить весь послѣдовательный рядъ топографическихъ переходовъ и мышечныхъ ощущеній въ одну цѣльную комбинацію обобщеннаго представленія. Напримѣръ, въ актахъ 1680 — 1682 г. о пріискѣ и осмотрѣ разныхъ рудъ въ Сибири читаемъ такія, утомительно-медленныя описанія служилыхъ людей: «189 года казакъ Ивашко Ѳоминъ въ Якутской пріѣхалъ, а съ собою привезъ слюды, вѣсомъ полтора фунта, и объявилъ въ приказной избѣ воеводѣ, а сказалъ: есть на Тондѣ рѣкѣ слюда... и ѣздилъ онъ Ивашко по ту слюду на своихъ проторяхъ, и поѣхалъ онъ Ивашко изъ Якуцкаго на коняхъ, и ѣхалъ до Усть-Учюра, вверхъ по Алдану, ѣхалъ до Усть-Тонторы 8 дней; а судами де итти вверхъ по Алдану до Усть-Тонторы 9 недѣль, а съ Усть-Тонторы итти вверхъ по Тонторѣ до рѣчки судами 2 недѣли, а назвище той рѣчки онъ Ивашко не упомнитъ, и по ней де итти пѣшему 4 дни, и отъ той де рѣчки итти въ сторону съ версту, и тутъ де та слюда въ землѣ и въ каменю, и онъ де Ивашко тое слюду бралъ, которая отъ солнца отпрядывала; а коими де съ Усть-Тонторы ѣхалъ до рѣчки 8 дней, а по рѣчкѣ де ѣхать 2 дни» и т. п. **. Вообще, всѣ отписки служилыхъ людей, всѣ чертежи сибирскихъ рѣкъ и земель представляютъ поразительные образчики

* Допол., III, № 87.
** Доп. къ акт. ист., VIII, № 85.

особеннаго выраженія и преобладанія медленной ассоціаціи фактовъ и впечатлѣній въ порядкѣ ихъ послѣдовательности. Самая идея открытія, напримѣръ, географическаго, въ медленномъ процессѣ представленія служилыхъ людей, ассоціировалась съ послѣдовательнымъ рядомъ мышечныхъ ощущеній и съ физическимъ актомъ *дохожденія* до того или другаго мѣста или народа. У казаковъ — не такъ, какъ, напримѣръ, у Колумба, Алонзо Пинсона, Магеллана и другихъ — никогда не предшествовала географическому открытію идея той или другой земли, мысленная гипотеза о ней, а они только шли, запоминая послѣдовательный рядъ дней ходьбы и *доходили* до новыхъ земель или народовъ: вотъ и открытіе ихъ. Пассивность своихъ географическихъ и этнографическихъ открытій или *дохожденій* они обыкновенно отмѣчали такими выраженіями: шли своею силою, такими-то рѣками, столько-то дней, *нашли*, напримѣръ, на Анадырь рѣку, *дошли* анаульскихъ людей, а казакъ Юрья писалъ ложно, что онъ нашелъ Большой Каменный Носъ на морѣ, *потому что онъ не доходилъ до Большаго Каменнаго Носу*, а мы дошли, и тамъ при насъ еще у служилыхъ людей судно разбило, и мы знаемъ тотъ Большой Носъ, *потому что доходили до него* *.

Точно также, вслѣдствіе первоначальной общей медленности умственныхъ процессовъ и привычекъ мышленія, или вслѣдствіе умѣренной и медленной возбуждаемости и впечатлительности русскихъ умовъ, въ самой научной умственной дѣятельности интеллигентнаго меньшинства нашего, всегда болѣе или менѣе преобладала ассоціація идей или фактовъ въ порядкѣ послѣдовательности. Въ силу общихъ психологическихъ законовъ напряженія ощущеній и ассоціацій идей, какъ говоритъ Пристли, «все, что̀ благопріятствуетъ ассоціаціи въ послѣдовательномъ порядкѣ, будетъ стремиться произвести познаніе событій, порядка случаевъ и связи причины и дѣйствія. Въ умахъ, органически весьма мало чувствительныхъ, или въ лицахъ, умѣреннѣе впечатлительныхъ, напримѣръ, къ наслажденію и страданію, должна преобладать склонность ассоціировать факты преимущественно въ порядкѣ ихъ послѣдовательности, и такія лица, если они обладаютъ духовнымъ превосходствомъ, посвятятъ себя скорѣе исторіи, или отвлеченной наукѣ, чѣмъ творческому искусству» **. Вотъ, въ силу этого естественно-психологическаго закона, вслѣдствіе умѣренной и медленной впечатлительности и воспріимчивости нервной организаціи русскаго

* Доп. къ акт. ист., IV, № 7.

** Система логики, Милля. I, 552; II, 430.

народа, въ умственной дѣятельности его мы замѣчаемъ преобладаніе склонности ассоціировать факты въ порядкѣ ихъ послѣдовательности, и, вслѣдствіе того, въ интеллектуальной дѣятельности мыслящаго меньшинства видимъ долговременное преобладаніе, съ одной стороны, историческаго мышленія и наклонности къ описательной естественной исторіи, съ другой — весьма замѣчательную способность и наклонность къ отвлеченному математическому анализу. Извѣстно, что уже въ умственной дѣятельности древне-русскихъ писателей, лѣтопись, хронографъ, сказаніе, повѣсть и житіе преобладали надъ всѣми другими родами умственной производительности, и до-петровская литература ничѣмъ такъ не богата, какъ лѣтописями, житіями, сказаніями, повѣстями, хронографами и т. п. И въ XVIII вѣкѣ, когда впервые пробуждалась самодѣятельность русской мысли, она прежде всего и съ особенною возбужденностью проявилась самостоятельно въ историческомъ дѣе-писаніи, гдѣ вообще преобладаетъ ассоціація фактовъ въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ — ассоціація, наиболѣе свойственная умамъ умѣренно-впечатлительнымъ, медленно-мыслящимъ и пассивно-воспріимчивымъ къ непосредственной послѣдовательности фактовъ. Татищевъ, Ломоносовъ, Щербатовъ, Болтинъ, Хилковъ, Єминъ, Елагинъ, митрополитъ Платонъ представляютъ непрерывный рядъ историковъ XVIII столѣтія. А, кромѣ того, сколько тогда написано историческихъ и памятныхъ записокъ, въ родѣ записокъ Данилова, Шаховскаго, Болотова, памятныхъ записокъ Храповицкаго, записокъ Державина и т. д. И первая четверть XIX столѣтія, на поприщѣ первыхъ опытовъ вполнѣ самостоятельной работы русской мысли, ознаменовывается прежде всего не инымъ какимъ либо капитальнымъ произведеніемъ, а «Исторіею Государства Россійскаго» Карамзина и т. д. Наконецъ, всего характеристичнѣе выразилось это преобладаніе въ русскихъ умахъ медленной ассоціаціи фактовъ въ порядкѣ ихъ послѣдовательности въ этомъ долговременномъ господствѣ *историко-археологическаго періода* русской мысли, характеризующагося названіемъ «Румянцевской эпохи», отличавшагося историко-археологическими увлеченіями умовъ до энтузіазма и выставившаго цѣлый сонмъ историковъ, археологовъ, палеонтологовъ, палеографовъ и т. п. *. Равнымъ образомъ, вслѣдствіе того же преобладанія ассоціаціи послѣдовательныхъ идей, обусловливаемаго умѣренною нервною впечатлительностью, —

* Этотъ періодъ русской мысли подробно охарактеризованъ нами въ другой части нашихъ очерковъ.

въ умахъ русскихъ, получившихъ высшее научное развитіе, спокойное, ровно-послѣдовательное и медленное мышленіе преобладало надъ порывистой агитаціей и энтузіазмомъ умовъ, надъ эстетическимъ творчествомъ и т. п. Вслѣдствіе этого, въ лучшихъ, передовыхъ или наиболѣе даровитыхъ умахъ прежде всего обнаруживалась, и наиболѣе производительно и блистательно выдавалась наклонность и способность къ такому спокойно-послѣдовательному процессу мышленія, какъ математическій анализъ. На ранней зарѣ пробужденія русской мысли явились такіе замѣчательные русскіе математики, какъ Осиповскій и Остроградскій и первые, изъ русскихъ ученыхъ, обратили на себя особенное вниманіе знаменитыхъ европейскихъ математиковъ *. Равнымъ образомъ, по свидѣтельству иностранныхъ профессоровъ, первые студенты нашихъ университетовъ обнаруживали всего болѣе наклонности къ наукамъ математическимъ, и оказывали въ нихъ изумительные успѣхи. Бартельсъ, первостепенный ученый своего времени, войдя въ первый разъ въ аудиторію казанскаго университета, желалъ ознакомиться съ своими слушателями, и предложилъ имъ нѣсколько вопросовъ изъ математики; полученные отвѣты привели его въ восторгъ; онъ сказалъ, что для такихъ студентовъ надобно профессору готовиться къ лекціи, поклонился и ушелъ» **. Наконецъ, Эрманъ тоже свидѣтельствовалъ о русскихъ: auf eine entschiedenere weise findet man Vorliebe und oft Talent für mathematisches Wissen ***. Наконецъ, самая естественно-научная работа русскихъ умовъ также, повидимому, характеризуется преобладаніемъ ассоціацій фактовъ и идей въ порядкѣ ихъ послѣдовательности. Первыя открытія нашихъ молодыхъ натуралистовъ совершены преимущественно этимъ путемъ. Они всего болѣе прославились открытіями въ области исторіи органическаго развитія, въ области послѣдовательностей, наблюдаемыхъ въ порядкѣ происхожденія, постепеннаго развитія и дальнѣйшей жизни животнаго. Таковы замѣчательныя изысканія, относительно низшихъ животныхъ, г. Ковалевскаго, который прослѣдилъ организацію и развитіе Balanaglossus, Асцидій, Голотурій и Phoronis. Таковы же наблюденія надъ послѣдовательнымъ развитіемъ гусеницъ двукры-

* О математическихъ трудахъ Осиповскаго съ похвалой отзывалась парижская академія наукъ, а блестящія дарованія и многочисленныя математическія изслѣдованія и открытія Остроградскаго обратили на себя особенное вниманіе величайшихъ французскихъ математиковъ — знаменитаго Коши и другихъ. Зап. акад. наукъ 1862 г., т. I, кн. I, стр. 3, 46—50.

** «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1864. Апрѣль, стр. 122.

*** Ermann, Reise, I, 89.

лыхъ насѣкомыхъ, произведенныя професс. харьковскаго университета Ганинымъ, который отыскалъ у гусеницы въ верхней части нижнихъ лопастей жировыхъ тѣлъ мѣшечки, оказавшіеся, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи, яичками, прослѣдилъ послѣдовательное образованіе яичекъ и потомъ всѣ дальнѣйшія послѣдовательныя стадіи развитія новаго поколѣнія гусеницы. Таковы же замѣчательныя открытія и изслѣдованія Вагнера, Мечникова, Степанова, Фаминцына и другихъ. Далѣе, въ одной изъ первыхъ главъ настоящихъ очерковъ, мы подробно разсмотримъ, какъ вслѣдствіе общей медленности отправленія умозрительныхъ способностей и преобладанія медленной ассоціаціи фактовъ въ порядкѣ ихъ послѣдовательности, въ умственной дѣятельности народа всецѣло преобладалъ медленный процесъ пассивнаго эмпирическаго наблюденія, и какъ, со времени начала естественно-научныхъ работъ въ Россіи, медленное и пассивное наблюденіе и описаніе долго преобладало надъ активною экспериментаціею, надъ производствомъ естественно-научныхъ опытовъ. Въ связи съ этимъ мы увидимъ, почему и общины русскія, естественно исторически вызванныя или обусловленныя естественною потребностью коллективно-кооперативнаго сосредоточенія и напряженія рабочихъ силъ въ борьбѣ съ суровой сѣверной природой, почему эти общины, при одномъ пассивномъ и медленномъ эмпирическомъ наблюденіи естественной экономіи русской земли, оказались пассивными, безсильными и почти совершенно пали, потерявши внутреннюю силу жизненности, саморазвитія и самодѣятельности и какъ необходима для возрожденія ихъ активная сила естественно-научной экспериментаціи въ ихъ экономическихъ отправленіяхъ и проч. Здѣсь же продолжимъ общую историко-психологическую характеристику разсматриваемой нами особенности нервной воспріимчивости русскаго народа.

Суровый сѣверный климатъ, холодомъ своимъ постоянно замедлявшій быстроту распространенія возбужденій по нервамъ, въ связи съ неудовлетворительнымъ, антигигіеническимъ питаніемъ народа и неблагопріятными естественно-государственными и соціально-педагогическими условіями его быта, притупляя нервную впечатлительность и воспріимчивость, неизбѣжно благопріятствовалъ долговременной допетровской усыпленности, закоснѣлому оцѣпененію и бездѣйствію умозрительныхъ способностей народа и, вслѣдствіе того, общему замедленію его умственнаго пробужденія. Отсюда въ натурѣ русскаго народа порождалась эта, такъ сказать, воловья увальность, или умственная, нравственная и даже физическая вялость, флегматичность,

апатичность, пассивность и большая наклонность къ недѣятельности, лѣности, сонливости и неподвижности. «Русскіе, — писалъ англичанинъ Флетчеръ,—*вообще вялы и недѣятельны, что происходитъ отчасти отъ климата и отъ тягости продолжительной зимы*, отчасти отъ ихъ пищи, которая состоитъ, главнымъ образомъ, изъ кореньевъ, луку, чесноку, капусты» и проч. *. Хотя нѣсколько преувеличено, но въ сущности вѣрно и характеристично писалъ Бонданелли, въ своей книгѣ: Lettres moscovites, вышедшей въ 1736 году: «не найдешь русскаго, который не предпочелъ бы покойную жизнь у себя въ деревнѣ, при своемъ очагѣ, самой важной дѣятельности: *покой* и *сонъ* — вотъ ихъ идолы, которыхъ они не промѣняютъ ни на что на свѣтѣ: они желали бы, что бы Петръ-Великій вмѣсто того, чтобы стараться сдѣлать ихъ изъ звѣрей людьми, превратилъ бы ихъ окончательно въ животныхъ» **. Леклеркъ такъ же иронически отзывался объ этой русской лѣни и сонливости, которой благопріятствуетъ и долгая русская зима: «по склонности русскаго народа къ лѣности и сну, — говоритъ онъ, — зима, хотя весьма жестокая, есть самое прекрасное время въ году. Эти короткіе дни составляютъ счастье для народа лѣниваго, который очень любитъ спать» ***. Тяжелое, оцѣпеняющее дѣйствіе зимы до того отзывалось на нервной организаціи русскихъ, что въ умахъ ихъ суровый образъ ея невольно ассоціировался даже и съ пріятностями оживляющаго лѣта. И поздравленіе съ весною или лѣтомъ вовсе не было общимъ мѣстомъ въ привѣтствіяхъ или письмахъ русскихъ людей. «Поздравляю васъ, — писалъ, напримѣръ, Ломоносовъ Шувалову 8-го мая 1751 года, — поздравляю васъ съ выѣздомъ въ тѣ прекрасныя мѣста, въ которыхъ холодноватые россійскіе зефиры не могутъ препятствовать силѣ натуры и искусствъ въ произведеніи красотъ, обыкновенныхъ въ благорастворенномъ теплотою климатѣ. Дай Боже, чтобы прежестокая минувшая стужа зимы и тяжелый холодъ весны награждены были вамъ пріятною теплотою прекраснаго неба. А чтобъ ясность и тихость лѣтнихъ дней показались вамъ еще пріятнѣе, то должно вамъ представлять въ умѣ противное время, суровую и скучную зиму. Для того имѣю честь прислать вамъ *зиму* стихотворную въ эклогѣ, сочиненной студентомъ Поповскимъ»****. По сознанію самихъ русскихъ, продолжительная зима

---

* Fletscher, of the Russe common wealt ov mannevs of governement. London. 1691. См. переводъ въ «Современникѣ», кажется, за 1863 г.

** Лѣтописи стар. рус. литер., т. I, отд. III, стр. 67.

*** Болтина, замѣчанія на Леклерка.

**** Соч. Ломоносова. Спб. 1803. Ч. II, стр. 247.

дѣлала ихъ сонливыми, угрюмыми и недѣятельными, и только лѣто оживляло и возбуждало къ дѣятельности. Поэтому, авторъ небольшой брошюрки «Взглядъ на природу», напечатанной въ 1821 году, съ восторгомъ говорилъ о «животворящей силѣ солнца», прогнавшей его сонливость и угрюмость и сдѣлавшей его способнымъ къ дѣламъ званія своего: «я самъ чувствую,— говоритъ онъ, — животворящую силу солнца. Когда восходитъ оно, въ душѣ моей разливается бодрость; свѣтъ и теплота его сообщаетъ мнѣ живость, потребную къ дѣламъ званія моего и къ наслажденію общественною жизнію. *Сонливость* и *угрюмость*, которыя *зимою* сдѣлали меня *толь недѣятельнымъ*, мало по малу пропадаютъ. Я дышу свободнѣе и веселѣе, и работаю съ бо̀льшимъ удовольствіемъ» *. Но, несмотря и на «животворящую силу солнца», сонливость, угрюмость и недѣятельность всегда присущи были нервной организаціи русскихъ людей. Правда, рядомъ съ неблагопріятнымъ вліяніемъ холоднаго климата, замедляющаго возбуждаемость и энергію нервной дѣятельности, много было неблагопріятнаго для живой и энергической ажитаціи и дѣятельности русскихъ умовъ, много было усыпляющаго ихъ и въ самой соціальной и государственной средѣ, которую старообрядческіе писатели представляли подъ образомъ *зимы лютой*, тяжелой и убійственной для свободной жизни народа. Но умы русскіе и не употребляли никакихъ активныхъ усилій надъ собою, чтобы энергично пробудиться, встать отъ сна на дѣло, не усиливались реагировать вліянію климата, ослабляющему возбужденіе нервной мозговой энергіи, замедляющему скорость и живость умственныхъ процессовъ и привычекъ мышленія, равно не усиливались преодолѣвать и усыпительныя вліянія соціально-государственныхъ условій. И потому неудивительно, если исторія нашей мысли и чувства полна жалобъ на лѣность и праздность ума, на бездѣйствіе умозрительныхъ способностей, и даже довольно богата спеціальной поэзіей сна и бездѣйствія. Еще въ запискѣ о знаменитомъ Новиковскомъ «Дружескомъ ученомъ обществѣ» 1782 года, явившемся, какъ реакція противъ спячки, праздности и бездѣйствія умственныхъ способностей русскихъ людей, высказана была такая классификація русскаго общества, на основаніи различныхъ родовъ и степеней его умственнаго бездѣйствія: «Одни, освободясь отъ дѣла, какъ бы отъ несноснаго какого ига, остальное время теряютъ и губятъ въ навлеченномъ на себя безпокойствѣ, въ упражненіяхъ суетныхъ, тщетныхъ, без-

* Взглядъ на природу. Москва. 1821, стр. 51.

полезныхъ и даже часто вредныхъ. Другіе проволекаютъ (влачатъ) жизнь въ *лѣнивомъ бездѣйствіи*, въ сладострастіяхъ тѣлесныхъ и какъ бы въ *безчувственномъ снѣ души своей*. Третьи отъ *праздности почувствовавъ въ* себѣ нѣкоторое *разслабленіе* и *скуку*, всякимъ случаемъ, какъ бы нѣкоею бурею, влекомы и носимы бываютъ всюду» *. Комитетъ устройства училищъ 1828 года произнесъ такой же безотрадный приговоръ о лѣности и бездѣйствіи умозрительныхъ способностей нашего молодаго поколѣнія первой четверти XIX столѣтія: «два главные недостатка,—писалъ онъ,—давно уже были замѣчены въ воспитаніи нашего юношества: склонность заниматься предметами легкими и нѣкоторый родъ отвращенія или равнодушія къ занятіямъ, которыхъ пріобрѣтеніе предполагаетъ навыкъ къ труду и строгое непрерывное упражненіе. Отсюда проистекаетъ отвращеніе отъ труда, стремленіе къ познаніямъ легкимъ и поверхностнымъ, а наконецъ—*праздность ума*, *лѣность* и *бездѣйствіе душевныхъ способностей*» **. Наконецъ, просматривая письма болѣе или менѣе замѣчательныхъ и даже передовыхъ русскихъ мыслитей и писателей,—вы нерѣдко встрѣтите такія, напримѣръ, жалобы на самихъ себя: «касательно до себя скажу то, что я нынѣ совсѣмъ излѣнился, такъ что и мыслей ловить не гожусь. Лѣность и праздность столько мною овладѣли, что я почти ни за какую работу не принимаюсь, а потому и рѣдко бываю въ добромъ расположеніи духа... Я сплю безъ просыпу, и во снѣ снится мнѣ, будто играю роль человѣка что-то дѣлающаго, а зрители, смотря на меня, завидуютъ. Справедливѣе ничего сказать не могу» ***. Удивительно ли, послѣ этого, если русскому народу, при слабости его самостоятельной, внутренней нервно-мозговой самовозбуждаемости, всегда нужны были сильные, нравственно-побудительные толчки, чтобы разбудить его отъ умственнаго сна, и побудить къ дѣлу, къ работѣ. Въ допетровскія времена, когда, несмотря на то, что запросы животной жизни, *чѣмъ сытимъ быти*, были самыми сильными побужденіями къ работѣ, лѣность и сонливость были, однакожь, господствующими народными недостатками,—въ до-петровскія времена даже церковная проповѣдь вынуждена была и признала своею прямою обязанностью будить народъ на работу. Въ церквахъ повторялось «Поученье лѣнивымъ иже не дѣлаютъ», и въ немъ учители церковные возбуждали спя-

* Русскій Архивъ 1863, стр. 207.

** Ж. М. Нар. Просвѣщ. 1864. ч. CXXI, отд. II, стр. 157.

*** Русскій Архивъ 1863, стр. 481—486: письма Петрова къ Карамзину.

щихъ и лѣнивыхъ на дѣло» *. И въ народной литературѣ тоже раздавался голосъ, будившій сонливыхъ и лѣнивыхъ. Напримѣръ, «*Слово о лѣнивыхъ, о сонливыхъ и упіянчивыхъ*» взывало къ народу: «о чада мои любимыя, не долго спите, не долго лежите; якоже многажди спать имамы безъ мѣры, добро не добыти, а лиха не избыти, а славы добрыя не получити, а красныя ризы не носити, а медвяны чаши не испивати, а своего хлѣба не ѣдати, а бѣда сонливаго и лѣниваго по голенямъ бьетъ, недостатки дома живутъ, а уныніе во главѣ его, а срамъ у него на бородѣ, и оскомина ему на зубахъ, а печаль ему на сердцѣ, а во чревѣ у него воркото, и во всѣхъ жилахъ и во удахъ у него слабо и убожіе у него въ калитѣ сидитъ» **. Какъ древней Руси нужно было будить сонливыхъ и лѣнивыхъ на работу изъ-за куска хлѣба, такъ въ XIX вѣкѣ нужно было сильнымъ голосомъ западной литературы будить русскіе сонливые и лѣнивые умы къ работѣ мысли. Напримѣръ, «Атеней» въ 1828 г. такими словами западнаго писателя Бонстеттена будилъ русскіе умы отъ сна и бездѣйствія: «Неспособность къ занятію ведетъ людей въ больницы... Часто ложно думаютъ о пользѣ науки. Науки не для того только служатъ, чтобы узнать ту или другую вещь. *Поддерживая привычку мыслить*, онѣ предупреждаютъ *изнеможеніе мысли*. Когда празднолюбцамъ говорятъ о наукѣ, они возражаютъ, что не всѣ сотворены быть учеными. Но ихъ еще не убѣждаютъ къ учености, имъ предлагаютъ упражненіе ума и душевное здравіе, невозможное безъ какого-либо произвольнаго (умственнаго) движенія. Ихъ не увѣщеваютъ: сдѣлайтесь учоными; но въ

* Именно, такимъ образомъ: братіе, слышите: не хотѣвшу ми о сихъ глаголати вамъ, но боюсь реченнаго: возбуждайте спящихъ и на дѣло подвизайте лѣнивыхъ. Дѣлатель бо лѣнивый не можетъ быти богатъ, ибо добро, еже имѣеши, лѣность погубляетъ, а другаго не даетъ совокупляти. Аще бо и богатъ будеши, а лѣнивъ,—то оскудѣешь. Всякъ лѣнивый, слабя себя, проклятъ. Аще бы Богъ пекися о лѣнивыхъ, то повелѣлъ бы былью жито ростити, и лѣсо овощъ всякій. Всякій лѣнивый облечется въ скудныя и раздранныя портища. Аще кто лѣнивъ на дѣло, тотъ по душѣ своей не подвизается. О, празднолюбцы и лѣнивіи, которую мзду труда своего принесете Богу. Богъ любитъ тѣхъ, которое не лѣнятся, а трудятся: иніи скоты и кони пасутъ, отъ того десятину Богу даютъ и святятся; а иніи сѣно сѣкутъ и агнцы кормятъ, отъ того нищихъ и нагихъ накормляютъ и одѣютъ, благословеніе пріимутъ отъ Бога; иніи же по морю плаваютъ и гостьбы дѣлаютъ, отдѣляюще душевную часть церкви и нищимъ. И рукодѣльницы творите свое дѣло и отъ него милостиню. И жены утвердите лакти своя на дѣло и руцѣ на веретено. Никто же бо безъ труда спастись можетъ. Измарагдъ, рук. Соловец. Библіот. № 170—171.

** Буслаева, Очерки стар. рус. литер. I, 569.

избѣжаніе слабоумія, предлагаютъ умственныя упражненія: не говорятъ имъ: «будьте Ньютоны, но будьте сколько можно менѣе безумны, тупы, неспособны служить самимъ себѣ, вашимъ семействамъ и обществу». Мысль не болѣе осуждена на бездѣйствіе, какъ и жизнь; и дерево, не пускающее новыхъ вѣтвей, скоро начинаетъ засыхать съ вершины. Трудъ и правило сообщаютъ силу и пареніе нашимъ способностямъ. Оставьте трудъ, не наблюдайте порядка въ вашихъ занятіяхъ, на нѣсколько времени еще будутъ у васъ нѣкоторыя несвязныя мысли; но подобно дереву, оставленному садовникомъ, скоро изсякнетъ питательный сокъ и все вдругъ увянетъ. Умъ и органы начинаютъ развиваться согласно; но кажется, что на длинномъ пути жизни иногда они разлучаются. Часто умъ (отъ бездѣйствія) угасаетъ прежде органовъ и живетъ съ однимъ стыдомъ, попустивъ свое умерщвленіе. Напротивъ у человѣка, никогда не покидающаго великую борьбу жизни, умъ переживаетъ, и иногда покидаетъ свое жилище полный силъ и блестящій красотою... Досугъ, посвященный не наукамъ, а страстямъ и зависимости отъ людей и предметовъ, есть отреченіе отъ благороднѣйшей и законнѣйшей власти человѣка надъ самимъ собою» *. Вслѣдствіе той же общей медленности и вялости умственныхъ процессовъ и привычекъ русской мысли, вслѣдствіе апатіи, лѣности и бездѣйствія умозрительныхъ способностей русскаго народа, — въ теченіе всего прошлаго столѣтія нужно было еще только будить нашу общественную мысль къ сознанію необходимости умственной дѣятельности, нужно было еще только безпрестанно, неумолчно доказывать русской публикѣ пользу наукъ, пользу училищъ. И предисловія книгъ, издававшихся со времени Петра Великаго, и публичныя рѣчи профессоровъ московскаго университета, и журналы, въ родѣ «Ежемѣсячныхъ Сочиненій», «Живописца» Новикова и т. п., наполнены этими поученіями о пользѣ наукъ, которыя теперь кажутся намъ дѣтскими. Даже въ первой четверти XIX столѣтія профессора университетовъ должны были еще говорить рѣчи тоже о пользѣ, важности и необходимости наукъ, о пользѣ университетовъ и ученыхъ обществъ и т. п. Такъ медленно пробуждалось наше общество даже къ первоначальной самообразовательной дѣятельности. Да, вѣроятно, и долго еще большой части нашего общества нужны будутъ «Будильники», и долго мы будетъ еще читать, большею частію только на сонъ грядущій, романы, въ родѣ «Сна Обломова». До тѣхъ поръ мы

* Атеней 1828 № 17: Науки, стр. 1—30.

будемъ страдать умственной обломовщиной, пока не употребимъ надъ собою энергическихъ усилій, чтобы, посредствомъ разумнаго реально-образовательнаго воспитанія молодыхъ покалѣній, генеративно-наслѣдственно развить и воспитать въ нашихъ умственныхъ и нравственныхъ способностяхъ такую силу реагенціи противъ всѣхъ усыпляющихъ дѣйствій и климата и соціальнаго строя, какою европейскій разумъ давно уже обладаетъ и могущественно преодолѣваетъ, устраняетъ и покаряетъ разнообразныя, повидимому, непреодолимыя противодѣйствующія силы природы и исторіи *.

Общимъ и самымъ главнымъ слѣдствіемъ слабой самовозбуждаемости нервной организаціи русскаго народа и проистекавшей отсюда общей медленности и недѣятельности высшихъ умозрительныхъ способностей его была эта характеристическая пассивность и несамодѣятельность народнаго ума и общественнаго мнѣнія, или, какъ выражался извѣстный нашъ публицистъ XVII вѣка Юрій Крыжаничъ, *косность и медлительность разума* нашего народа. Отсюда проистекла историческая неизбѣжность легкаго, безпрепятственнаго и сильнаго развитія и упроченія столь могущественной принудительной системы опеки, какая утвердилась въ рукахъ русскаго правительства. Вслѣдствіе общей медленности нервныхъ процессовъ и привычекъ мышленія, народъ русскій самъ собою не могъ ни до чего додуматься, не обнаруживалъ особенной, энергической способности ни къ какой самостоятельной и раціональной предпріимчивости, изобрѣтательности и иниціативѣ. Ему нужна была постоянная указка, мало того, нужна была сила постояннаго принужденія и приказа указнаго, уставнаго, регламентарнаго, бюрократическо-полицейскаго и проч. Съ XVI вѣка для него оказались нужными царскія думы и приказы; съ XVIII столѣтія для него нужны стали государственный совѣтъ, губернскіе совѣты и вся многосложнѣйшая классификація централизаціонно-бюрократическихъ учрежденій. «За то, — говоритъ Юрій Крыжаничъ — казенная дума есть одна изъ наипотребнѣйшихъ промысловъ для славянскаго народа. Въ иныхъ земляхъ и народахъ могло бы быть сіе казенное думанье излишне, т.-е. тамъ, гдѣ людство

* Здѣсь слѣдуетъ пространное изслѣдованіе автора о томъ, что вслѣдствіе того же медленнаго возбужденія по нервамъ была медленна, пассивна, умѣренна въ русскомъ народѣ возбуждаемость, воспріимчивость и сила напряженія воли и дѣятельности. Оттого «пассивно-эгоистическая покорность духа русскаго народа давленію историческихъ обстоятельствъ его воспитанія всегда преобладала надъ энергическою, активною самоопредѣляемостію и самодѣятельностію воли народной». Мы беремъ изъ этого изслѣдованія только заключеніе для связи съ послѣдующимъ. *Редакц.*

само по себѣ и отъ природы своей есть быстраго разума, домысливо, заботливо, работливо. А въ семъ русскомъ, преславномъ государствѣ, какъ и во всемъ славянскомъ народѣ, казенныя думы никакъ не лишни, но всячески корыстны и потребны. Ибо нашего народа люди суть коснаго разума, и неудобно сами что выдумаютъ, аще имъ ся не покажетъ... И здѣсь есть совершенно самовладство; повелѣніемъ царскимъ можетъ на всей землѣ учиниться всякая поправа; а въ иныхъ земляхъ то не было бы возможно» *. Вслѣдствіе этого, именно вслѣдствіе слабой самовозбуждаемости и самодѣятельности нервной организаціи русскаго народа, вслѣдствіе крайне слабой и медленной самодѣятельности его высшихъ умозрительныхъ способностей, въ духѣ его и развилась эта особенная, по выраженію Сперанскаго, *послушная воспріимчивость* (docilité à recevoir) къ диктатурѣ правительства**. Отсюда произошелъ и тотъ основной, краеугольный фактъ русской исторіи, что во главѣ народной дѣятельности въ Россіи всегда стояло правительство, что тысячелѣтнимъ продуктомъ русской исторіи была и есть монархическая имперія, и что возбудить умственную жизнь и дѣятельность русскаго народа естественно-исторически призванъ былъ геній самодержавный, монархическій, законодательный, а не геніи философскіе, научные, естество-испытательные, или религіозно-реформаціонные, не геніи Декартовъ, Бэконовъ, Коперниковъ, Кеплеровъ, Галилеевъ и Ньютоновъ, не умы Лютеровъ, Кальвиновъ и т. п., какъ было на Западѣ. Умственная жизнь русскаго народа должна была возбудиться къ возрожденію не по собственной иниціативѣ мыслящей части интеллектуальнаго класса народа, въ родѣ западной école des libres penseurs XV вѣка и т. п., а по указу и регламенту самодержавнаго, даже деспотическаго генія Петра Великаго. Какъ всѣ низшія племена обыкновенно импульсировались къ высшему естественно-историческому саморазвитію не собственною коллективною или общею племенною инициативою и энергіею, а выдвигавшимися изъ среды ихъ передовыми геніями законодательными и управительными, такъ и русскій народъ, при слабой, пассивной и медленной самовозбуждаемости и самодѣятельности его нервной организаціи, послѣ его вѣковаго сна и застоя, могъ разбудить только самодержавно-законодательный геній. По причинѣ слабой самовозбуждаемости и самодѣятельности, самодѣятельности нервной организаціи русскаго народа, онъ не могъ

* О москов. госуд. розд. 3, стр. 42—43.
** Въ письмѣ къ Дюмону. См. «Вѣстн. Европы» 1869 кн. 4, стр. 734.

самъ собою, своими коллективными, общинными силами выдвинуться изъ застоя, изъ общаго уровня азіатскихъ племенъ. Чтобы возбудить, зародить въ нервной организаціи его живое, генеративно-наслѣдственое развитіе европейскихъ умственныхъ качествъ, европейской энергіи интеллектуальной воспріимчивости, — для этого, вопервыхъ, нуженъ былъ сильный побудительный толчокъ ума самодержавнаго, императивно-законодательнаго, и, вовторыхъ, нужно было, чтобы самый этотъ самодержавно-возбудительный умъ былъ особеннымъ счастливымъ уклоненіемъ отъ общаго уровня или типа пассивно-возбуждаемой нервной организаціи народа, былъ такимъ могучимъ законодательнымъ геніемъ, который бы могъ крутымъ поворотомъ или сильнымъ импульсомъ сразу возбудить въ сонливой и медленно-возбуждаемой нервной организаціи народа живое европейское умственное движеніе, указомъ и регламентомъ заставить народный умъ учиться и мыслить, могучимъ импульсомъ западнаго разума двинуть его къ прогрессивному движенію. Въ этомъ отношеніи умственное возрожденіе русскаго народа, и особенно быстрое, прогрессивное возвышеніе его научно-развитыхъ передовыхъ генерацій надъ общимъ уровнемъ окружающихъ ихъ азіатскихъ племенъ совершилось по тому же общему естественно-историческому закону, какой Ляйелль указываетъ вообще въ умственномъ возрожденіи и возвышеніи однихъ надъ другими низшихъ племенъ. Именно Ляйелль въ своей книгѣ «О древности человѣка», разбирая теорію Дарвина о происхожденіи видовъ въ приложеніи къ племенамъ человѣческаго рода, усвояетъ такое великое, естественно-историческое значеніе геніямъ, какъ выгоднымъ прогрессивнымъ уклоненіямъ или скачкамъ въ постепенномъ развитіи нервной организаціи, или психическихъ измѣненій племенъ и народовъ. «Рожденіе необыкновеннаго генія—говоритъ Ляйелль—отъ родителей, невыказывающихъ особыхъ умственныхъ способностей, стоящаго выше своего вѣка или племени, представляетъ явленіе, которое не слѣдуетъ упускать изъ виду при разсмотрѣніи того, не представляютъ ли иногда послѣдовательныя степени развитія случайныхъ скачковъ и перерывовъ въ непрерывной въ другихъ отношеніяхъ цѣпи психическихъ измѣненій... На людей, которые изобрѣли полезныя искусства, на созидателей новыхъ религіозныхъ и философскихъ системъ, на составителей новыхъ законовъ часто смотрѣли, какъ на посланниковъ съ неба, и, послѣ ихъ смерти, отдавали имъ божескія почести, распространяли баснословные слухи о явленіяхъ, будто бы сопровождавшихъ ихъ рожденіе. Да и, собственно говоря, нечего удив-

ляться распространенію подобныхъ слуховъ, принявъ въ соображеніе, какіе громадные нравственные и умственные перевороты были произведены передовыми людьми. А припоминая какъ нравственныя, такъ и умственныя качества, способныя къ наслѣдственной передачѣ, мы, можетъ быть, можемъ приписать такимъ скачкамъ причину превосходства нѣкоторыхъ человѣческихъ племенъ. Если, согласно теоріи постепеннаго развитія, мы допустимъ, что человѣкъ постепенно развился съ весьма низкой степени, то подобные скачки, производимые геніями, могли не только повести къ болѣе и болѣе высшимъ формамъ и степенямъ развитія, но въ гораздо болѣе отдаленные періоды могли однимъ прыжкомъ перескочить пространства, раздѣляющія неразвитый разсудокъ низшихъ животныхъ отъ первой самой слабой формы совершенствующагося ума, проявляемаго человѣкомъ» *. Геній Петра-Великаго, разсматриваемый съ естественно-исторической точки зрѣнія, какъ счастливое физіолого-интеллектуальное уклоненіе отъ общаго уровня нервной организаціи русскаго народа, произвелъ именно подобный скачокъ отъ полудикихъ, византійско-азіатскихъ поколѣній древней Руси, во главѣ которыхъ стояли только монахи — учители супранатуралистическаго отрицанія разума и аскетическаго умерщвленія плоти, къ генеративно-послѣдовательному нарожденію «новой породы отцовъ и матерей», какъ выражался Бецкій, къ постепенному и довольно быстрому нарожденію послѣдовательныхъ рядовъ новыхъ европейски-интеллигентныхъ генерацій — сначала того поколѣнія, во главѣ котораго были, напримѣръ, Ломоносовъ, Крашенинниковъ, Щепинъ, Рычковъ, Румовскій, Фонвизинъ, Радищевъ, Дашкова, затѣмъ поколѣнія, во главѣ котораго стояли, напримѣръ, Осиповскій, Остроградскій, Грановскій, Бѣлинскій и т. д., и, наконецъ, новаго поколѣнія, во главѣ котораго видимъ русскіе умы, уже вполнѣ принадлежащіе къ европейскому передовому интеллектуальному типу. Въ слѣдующихъ главахъ, гдѣ мы будемъ слѣдить подробно, по поколѣніямъ, за развитіемъ русской мысли съ разныхъ сторонъ, мы во всей полнотѣ увидимъ, какой скачокъ произведенъ былъ геніемъ Петра-Великаго. А здѣсь замѣтимъ только, что для ускоренія умственнаго пробужденія русскаго народа, по причинѣ естественной общей медленности функцій его нервной организаціи, обусловливаемой, вслѣдствіе вліянія холоднаго климата, медленнымъ распространеніемъ возбужденій по нервамъ,—въ умственной исторіи

---

* Ляйелль «О древности человѣка», стр. 484—485.

русскаго народа физіологически необходимъ былъ геній *ускорительнаго движенія*. И Петръ-Великій былъ именно такимъ *ускорительнымъ* геніемъ, такъ-какъ и по общимъ принципамъ общечеловѣческаго развитія, «рѣшительное вліяніе замѣчательныхъ недѣлимыхъ или геніевъ болѣе всего проявляется въ опредѣленіи *скорости* прогрессивнаго движенія, а въ бо́льшей части состояній общества существованіе великихъ людей рѣшаетъ даже то, будетъ ли прогрессъ» *. Недаромъ всѣ консервативныя партіи укоснительнаго, медленнаго движенія, порожденныя тою же общею медленностію и неподвижностію, или застойчивостію умозрительныхъ способностей русскаго народа, каковы, напримѣръ, партія старообрядческая, партія славянофильская, партія постепенности или укоснительнаго постепеннаго развитія, — недаромъ всѣ эти партіи заявляли, и доселѣ еще заявляютъ протестъ именно противъ ускорительнаго скачка, противъ крутаго поворота, произведеннаго геніемъ Петра-Великаго. Недаромъ, со времени Петра-Великаго, мы видимъ постоянную борьбу двухъ направленій въ нашемъ умственномъ движеніи—борьбу движенія регрессивно-укоснительнаго, консервативно-постепеннаго, славянофильско-староверскаго, порождаемаго общею медленностію интеллектуальныхъ функцій нашей нервной организаціи съ движеніемъ прогрессивно-ускорительнымъ, европейско-раціоналистическимъ, произведеннымъ импульсомъ или первоначальнымъ толчкомъ генія Петра-Великаго. Все это мы подробно раскроемъ въ слѣдующихъ главахъ, когда будемъ слѣдить за генеративно-послѣдовательнымъ развитіемъ русской мысли въ послѣдовательныхъ рядахъ послѣ-петровскихъ поколѣній. Но здѣсь не можемъ не остановиться на взглядѣ извѣстнаго нашего историка и публициста XVIII столѣтія, князя Щербатова, именно на взглядѣ его на историческое значеніе генія Петра-Великаго, какъ генія *ускорительнаго*. Взглядъ этотъ Щербатовъ высказалъ въ своей статьѣ, подъ заглавіемъ: «Примѣрное время-числительное положеніе, во сколько бы лѣтъ, при благополучнѣйшихъ обстоятельствахъ, могла Россія сама собою, безъ самовластія Петра-Великаго, дойти до того состоянія, въ какомъ она нынѣ есть, въ разсужденіи просвѣщенія и славы». Сказавши напередъ о крайне-отсталомъ состояніи Россіи и крайне-медленномъ и укоснительномъ ея саморазвитіи до Петра-Великаго, Щербатовъ далѣе исчисляетъ тотъ ускорительный толчокъ или скачокъ, какой произведенъ былъ геніемъ Петра-Великаго. «До Петра-Великаго—говоритъ

* Логика Милля. ч. II, стр. 521.

онъ — русскій народъ даже до басновѣрія привязанъ былъ къ вѣрѣ, считалъ всѣхъ христіанъ другихъ исповѣданій погаными: примѣръ этому, что за безчестіе и за грѣхъ считали, если кто побывалъ у нѣмцевъ въ слободѣ, былъ суевѣренъ,—даже наипросвѣщеннѣйшій мужъ того времени князь Вас. Вас. Голицынъ призывалъ гадальщиковъ и смотрѣлъ на мѣсяцъ для узнанія своей судьбы, подчинялся духовному чину. Народъ не имѣлъ тогда никакого просвѣщенія, но многіе знаменитые бояре и граматы не знали. Гордость и надменность бояръ была безмѣрная, и дворяне у нихъ въ знакомцахъ и прислужникахъ жили. Мѣстничество господствовало даже и послѣ формальнаго уничтоженія его. Не было торговли ни внутренней, ни внѣшней. Не было ни фабрикъ, ни рукодѣлій. Правительство не имѣло ни регламентовъ, ни порядковъ. Не было сухопутнаго порядочнаго войска. Не было флоту. Не было крѣпостей. Изобильная разными металлами и минералами, Россія не имѣла ни золота, ни серебра, ни мѣди, ни желѣза, но принуждены были все это, и даже желѣзо получать изъ Швеціи, ибо не было ни знающихъ минералогію и металлургію, ни умѣющихъ добывать руду, ни обработывать. Таково состояніе Россіи до исправленія ея Петромъ-Великимъ. Въ 1682 году заведена была въ Иконоспасскомъ монастырѣ академія, гдѣ учили полатыни, погречески и аристотелевой философіи. Положимъ, что это училище могло оказать весь успѣхъ, какой только отъ него могъ быть: въ такомъ случаѣ надлежало, чтобы, по крайней-мѣрѣ, прошло два поколѣнія, прежде нежели русскіе могли бы познать лишь только еще пользу науки и имѣть отвращеніе отъ невѣжества, и такимъ образомъ даже и эту важную перемѣну, чтобы было ста два человѣка латинщиковъ и знающихъ дурную философію, даже и эту перемѣну невозможно бы было видѣть раньше 60-ти лѣтъ: ибо пока первое поколѣніе съ прежними своими убѣжденіями оставалось въ живыхъ,—невозможно было бы ожидать этой перемѣны, да и второе поколѣніе было бы еще противно этому новому направленію умовъ, а я соглашаюсь со всѣми времясчислителями, полагая на каждое поколѣніе 30 лѣтъ. Но чему бы въ этой академіи научились? Научились бы только языкамъ греческому и латинскому, аристотелевой философіи, его категоріямъ, тонкимъ и часто непонятнымъ разсужденіямъ Платона, научились бы богословію, разумѣли бы всѣхъ лучшихъ писателей аѳинскихъ, цвѣтущаго Рима, и святыхъ отцовъ. Но познали ли бы новыя открытія, сдѣланныя новыми (европейскими) геніями? Познали ли бы новую систему міра, изобрѣ-

тенія въ физикѣ, химіи и математикѣ? Нѣтъ. И тѣмъ болѣе— нѣтъ, что народъ русскій полагалъ себѣ за правило не сообщаться не съ единовѣрными, утверждаясь въ этой ненависти еще болѣе тѣмъ, что и первенствующая церковь запрещала всякое сообщеніе съ еретиками и раздирателями церкви. И потому Россія, или, какъ отдаленная отъ другихъ частей свѣта, земля, все сама должна была бы изыскивать, или же превозмочь свою ненависть къ иностранцамъ и войти съ ними въ сообщеніе. На первое нужны бы были многія тысячи лѣтъ, да и то невозможно бы было безъ путешествій, слѣдовательно, сколько же бы времени нужно было употребить для преодолѣнія одной ненависти къ иностранцамъ? Я полагаю, на это, по крайней-мѣрѣ, три поколѣнія, то-есть 90 лѣтъ, и полагаю на томъ основаніи, что хотя уже царь Иванъ Васильевичъ, желая ввести въ Россію нѣкоторое просвѣщеніе, призывалъ уже иностранцевъ, хотя Годуновъ еще больше усилія на то употребилъ, и даже посылалъ русскихъ юношей учиться въ чужіе края, однако, ни науки, ни искусства не имѣли тогда никакого успѣха, ненависть къ чужестранцамъ нисколько не убавилась. Да и достигши до нѣкотораго просвѣщенія и познанія, также пріучась имѣть сообщеніе съ чужестранными народами, надлежало познавать вновь изобрѣтенныя науки и искусства. Но тутъ встрѣтились бы новыя препятствія: первое препятствіе — гордость россійскаго дворянства, и донынѣ еще и самымъ деспотичествомъ неукрощенная, не позволяла бы имъ согласиться имѣть незнакомыхъ, и притомъ же часто незнатныхъ иностранцевъ своими учителями и начальниками. А какъ же было научиться этому посредствомъ путешествій? Одна привязанность къ своимъ семьямъ и домамъ не дозволила бы такихъ путешествій въ чужіе краи. Итакъ, надлежало бы еще напередъ воспитывать въ русскихъ дворянахъ новую привычку къ путешествію и къ ученію у иностранцевъ. А для развитія этой привычки, я полагаю, по крайней-мѣрѣ, еще 30 лѣтъ. Но чему бы и тогда они научились? Познали бы развѣ только состояніе чужестранныхъ войскъ, не соображая ихъ строя съ потребностями Россіи. Но пусть бы русскіе сами собой научились и, въ теченіе 30-ти лѣтъ, произвели всѣ преобразованія и учрежденія, хотя бы они колебались у нихъ, навѣрное, прежде, нежели заведены были. Да и то едва-ли бы могло быть сдѣлано безъ самовластія Петра-Великаго, потому что требовало бы наложенья на народъ налоговъ, взятія рекрутовъ и проч. Но пусть и это все исполнилось бы: надлежало предпринять войну для пріобрѣтенія портовъ. И пусть война эта

была бы во всемъ успѣшна. Война, заключеніе мира, отправка русскихъ заграницу для наученія мореплаванію и все прочее, относящееся до заведенія флота, требовали бы еще 30-ти лѣтъ. Я уже не говорю о фабрикахъ и рукодѣліяхъ, о торговлѣ, которой у насъ и нынѣ еще нѣтъ, о металлургическомъ искусствѣ, которое у насъ еще и нынѣ въ весьма дурномъ положеніи,—сколько бы еще лѣтъ нужно было для того, чтобы все это привести хоть въ то состояніе, въ какомъ оно нынѣ находится. А и безъ того уже, по вышеозначенному исчисленію, отъ начала Спасской академіи, надлежало бы пройти 210 годамъ; слѣдовательно, Россія еще начала бы только входить въ то состояніе, въ какомъ она есть, и еще ничѣмъ не прославивъ себя, развѣ только около 1892 года, да и то, принимая только, что въ теченіе этого огромнаго періода времени не произошло бы никакого помѣшательства, ни внутренняго, ни внѣшняго. А кто можетъ поручиться, чтобы въ это время въ Россіи не было такихъ государей, которые неблагоразумными мѣрами своими разрушили бы то, что̀ два или три предка ихъ заводили, и такимъ поступкомъ своимъ еще продлили бы, замедлили бы время просвѣщенія Россіи. А разсмотрѣвши и сообразивши все это внимательно, не судите о времени, когда бы Россія сама собою, собственными побужденіями своего народа, могла дойти до хорошаго состоянія, не судите объ этомъ потому, что̀ теперь Россія представляетъ; но судите, соображая съ древнимъ ея состояніемъ и съ предубѣжденіями, и разсматривайте по степенямъ, во сколько времени, какую болѣзнь она могла бы вылѣчить; или судите еще болѣе по себѣ, сколь еще и надъ вами частныя предубѣжденія дѣйствуютъ, надъ вами, просвѣщенными Петромъ-Великимъ; какъ же трудно было истребить ихъ въ народѣ. И отложа эти тщетныя ваши мысли, будто народъ русскій могъ бы постепенными и медленными шагами, самъ собою, своими собственными побужденіями, безъ побужденія Петра-Великаго, дойти до новаго порядка Россіи, отложа эти напрасныя мысли, воздайте лучше хвалу и благодареніе Петру-Великому, такъ быстро ускорившему шествіе Россіи впередъ» *.

Но какъ же — естественно теперь рождается вопросъ — какъ могъ явиться въ Россіи этотъ *умственно-ускорительный геній*— геній съ живою и быстрою нервною воспріимчивостью и впечатлительностью, когда вся нація, долженствовавшая породить этотъ геній, по природѣ своей отличалась общею медленностію

* Соч. кн. Щербатова. Чтеніе Об. Истор. 1860. Кн. I. 232 и слѣд.

нервной воспріимчивости и умозрительныхъ способностей? Положимъ, появленіе такого генія, какъ случайнаго, индивидуальнаго уклоненія отъ общей нормы нервной организаціи русскаго народа, возможно было, и вполнѣ объясняется тѣмъ естественно-историческимъ закономъ естественнаго подбора, по которому подобныя нормальныя или анормальныя, выгодныя или невыгодныя уклоненія и измѣненія происходятъ и во всемъ физіологическомъ мірѣ, во всей органической природѣ. Спрашивается теперь: какимъ образомъ нервная организація русскаго народа, характеризующаяся вообще слабою или посредственною и медленною воспріимчивостью и впечатлительностью, какимъ образомъ она могла воспринять тотъ умственно-возбудительный импульсъ, какой исходилъ отъ генія Петра-Великаго, и воспринять его съ такою возбуждаемостію и энергіей, чтобы умственный толчокъ, произведенный геніемъ Петра-Великаго, передавался изъ рода въ родъ съ ускорительной энергіей, съ прогрессивнымъ наростаніемъ движенія или дѣйствія, и чтобы новыя европейскія интеллектуальныя качества, зародившіяся въ геніѣ Петра-Великаго и въ *птенцахъ его*, какъ говорили современники Петра, путемъ естественнаго подбора и генеративно-наслѣдственной передачи, непрерывно и прогрессивно развивались въ новый европейскій интеллектуальный типъ, и все больше и больше порождали «Петрово племя», какъ говорило второе и третье послѣпетровское поколѣніе? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, мы опять должны предварительно вникнуть въ нѣкоторыя особенности нервной организаціи и психическаго характера русскаго народа.

А. Щаповъ.

ИСТОРІЯ ОДНОГО ГОРОДА *.

Эпоха увольненія отъ войнъ.

Въ 1802 году Негодяевъ палъ. Онъ палъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, за несогласіе съ Новосильцевымъ и Строгоновымъ на счетъ конституцій. Но, какъ кажется, это былъ только благовидный предлогъ, ибо едва-ли даже можно предположить, чтобъ Негодяевъ отказался отъ насажденія конституціи, еслибъ начальство настоятельно того потребовало. Негодяевъ принадлежалъ къ школѣ такъ-называемыхъ «птенцовъ», которымъ было рѣшительно все-равно, что ни насаждать. Поэтому дѣйствительная причина его увольненія заключалась едва-ли не въ томъ, что онъ былъ когда-то въ Гатчинѣ истопникомъ, и слѣдовательно, до нѣкоторой степени представлялъ собой гатчинское демократическое начало. Сверхъ того, начальство, повидимому, убѣдилось, что войны за просвѣщеніе, обратившіяся потомъ въ войны противъ просвѣщенія, уже на столько изнурили Глуповъ, что почувствовалась потребность на нѣкоторое время его вообще отъ войнъ освободить. Что предположеніе о конституціяхъ представляло не болѣе какъ слухъ, лишенный твердаго основанія—это доказывается, вопервыхъ, новѣйшими изслѣдованіями А. Н. Пыпина по сему предмету, а вовторыхъ тѣмъ, что, на мѣсто Негодяева, градоначальникомъ былъ назначенъ «черкашенинъ» Микаладзе, который о конституціяхъ едва-ли имѣлъ понятіе болѣе ясное, нежели Негодяевъ **.

* См. «Отеч. Зап.» 1870 г. №№ 1 и 2.

** По краткой описи градоначальникамъ, слѣдомъ за Негодяевымъ, показанъ маіоръ Перехватъ-Залихватскій. Но изслѣдованія г. Пыпина показываютъ, что это невѣрно, ибо въ столь богатое либеральными начинаніями время едва-ли возможно допустить существованіе такого дѣятеля, какъ Перехватъ-Залихватскій. Скорѣе всего можно допустить, что послѣдній принадлежалъ къ такъ-называемой Аракчеевской эпохѣ, то-есть къ тому времени, когда вновь ощутилась потребность въ войнахъ и когда начальники, питавшіеся кониной и курившіе

Конечно, невозможно отрицать, что попытки конституціоннаго свойства существовали; но, какъ кажется, эти попытки ограничивались тѣмъ, что квартальные на столько усовершенствовали свои манеры, чтобы не всякаго прохожаго хватать за воротникъ. Это единственная конституція, которая предполагалась возможною при тогдашнемъ младенческомъ состояніи общества. Прежде всего, необходимо было пріучить народъ къ учтивому обращенію, и потомъ уже, смягчивъ его нравы, давать ему настоящія якобы права. Съ точки зрѣнія теоретической такой взглядъ, конечно, совершенно вѣренъ. Но съ другой стороны, не меньшаго вѣроятія заслуживаетъ и то соображеніе, что какъ ни привлекательна теорія учтиваго обращенія, но, взятая изолированно, она ни мало не гарантируетъ людей отъ внезапнаго вторженія теоріи обращенія неучтиваго (какъ это и доказано впослѣдствіи появленіемъ на аренѣ исторіи такой личности, какъ маіоръ Перехватъ-Залихватскій), и слѣдовательно, если мы дѣйствительно желаемъ утвердить учтивое обращеніе на прочномъ основаніи, то все-таки прежде всего должны снабдить людей настоящими якобы правами. А это въ свою очередь доказываетъ, какъ шатки теоріи вообще, и какъ мудро поступаютъ тѣ военачальники, которые относятся къ нимъ съ недовѣрчивостью.

Новый градоначальникъ понялъ это, и потому поставилъ себѣ задачею привлекать сердца исключительно посредствомъ изящныхъ манеръ. Будучи въ военномъ чинѣ, онъ не обращалъ вниманія на форму, а о дисциплинѣ отзывался даже съ горечью. Ходилъ всегда въ разстегнутомъ сюртукѣ, изъ-подъ котораго заманчиво виднѣлась снѣжной бѣлизны пикейная жилетка и отложные воротнички. Охотно подавалъ подчиненнымъ лѣвую руку, охотно улыбался, и не только не позволялъ себѣ ничего утверждать слишкомъ рѣзко, но даже любилъ, при докладахъ, употреблять выраженія, въ родѣ: «и такъ вы изволили сказать», или: «я имѣлъ уже честь доложить вамъ» и т. д. Только однажды, выведенный изъ терпѣнія продолжи-

махорку (см. кр. опись), были не въ рѣдкость. Очень можетъ быть, что послѣдній архиваріусъ, составляя краткую опись, перемѣшалъ тетрадки, и такимъ образомъ поставилъ Перехватъ-Залихватскаго впереди Микаладзе, Прыща и т. д. Но съ другой стороны, представляется и такая догадка: не перемѣшалъ ли тетрадки А. Н. Пыпинъ? и точно ли существовало такое время, когда Глуповъ былъ уволенъ отъ войнъ? Разрѣшить эти вопросы я не берусь, но слѣдую за авторитетомъ г. Пыпина единственно въ томъ соображеніи, что, судя по человѣчеству, нельзя не предположить, что была же когда-нибудь и такая эпоха, когда даже глуповцамъ предоставлена была возможность доказать, что они способны жить безъ утѣсненія. *Изд.*

тельнымъ противодѣйствіемъ своего помощника, онъ дозволилъ себѣ сказать: «я уже имѣлъ честь подтверждать тебѣ, курицыну сыну»... но тутъ же спохватился и произвелъ его въ слѣдующій чинъ. Страстный по природѣ, онъ съ увлеченіемъ предавался дамскому обществу, и въ этой страсти нашелъ себѣ преждевременную гибель. Въ оставленномъ имъ сочиненіи «О благовидной господъ градоначальниковъ наружности» (см. ниже въ оправдательныхъ документахъ), онъ довольно подробно изложилъ свои взгляды на этотъ предметъ, но, какъ кажется, не вполнѣ искренно связалъ свои успѣхи у глуповскихъ дамъ съ какими-то политическими и дипломатическими цѣлями. Вѣроятнѣе всего, ему было совѣстно, что онъ, какъ Антоній въ Египтѣ, ведетъ исключительно изнѣженную жизнь, и вотъ почему онъ захотѣлъ увѣрить потомство, что иногда и самая изнѣженность можетъ имѣть смыслъ административно-полицейскій. Догадка эта подтверждается еще тѣмъ, что изъ разсказа лѣтописца вовсе не видно, чтобы во время его градоначальствованія были произведены какіе либо аресты, или чтобъ кто-нибудь былъ битъ, безъ чего, конечно, невозможно было бы обойтись, еслибъ дѣятельность его дѣйствительно была направлена къ огражденію общественной безопасности. Поэтому, почти навѣрное можно утверждать, что онъ былъ цѣнителемъ женскихъ атуровъ просто, безъ всякихъ политическихъ цѣлей, и выдумалъ этѣ послѣднія лишь для огражденія себя передъ начальствомъ, которое, несмотря на свой несомнѣнный либерализмъ, все-таки не упускало отъ времени до времени спрашивать: не пора ли начать войну? «Онъ же», говоритъ по этому поводу лѣтописецъ: «жалѣючи сиротскія слезы, всегда отвѣчалъ: не время, ибо не готовы еще собираемые извѣстнымъ мнѣ способомъ для сего матеріалы. И, не собравъ таковыхъ, умре».

Какъ бы то ни было, но назначеніе Микаладзе было для глуповцевъ явленіемъ въ высшей степени отраднымъ. Предмѣстникъ его, капитанъ Негодяевъ, хотя и не обладалъ такъ называемымъ «сущимъ» злонравіемъ, но считалъ себя человѣкомъ убѣжденія (лѣтописецъ вездѣ, вмѣсто слова «убѣжденія» ставитъ слово «норовъ»), и въ этомъ качествѣ постоянно испытывалъ, достаточно ли глуповцы тверды въ дѣйствіяхъ. Результатомъ такой усиленной административной дѣятельности было то, что къ концу его градоначальничества Глуповъ представлялъ безпорядочную кучу почернѣвшихъ и обветшавшихъ избъ, среди которыхъ одинъ съѣзжій домъ гордо высилъ къ небесамъ свою каланчу. Не было ни ѣды настоящей, ни одежи

изрядной. Глуповцы перестали стыдиться, обросли шерстью и сосали лапы.

— Но какъ же вы такимъ манеромъ жить можете? спросилъ у обывателей изумленный Микаладзе.

— Такъ и живемъ, что настоящей жизни не имѣемъ, отвѣчали глуповцы, и при этомъ не то засмѣялись, не то заплакали.

Понятно, что въ виду такого нравственнаго разстройства, главная забота новаго градоначальника была направлена къ тому, чтобы прежде всего снять съ глуповцевъ испугъ. И надо сказать правду, что онъ дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ довольно искусно. Предпринятъ былъ рядъ послѣдовательныхъ мѣръ, которыя клонились къ упомянутой выше цѣли, и сущность которыхъ можетъ быть формулирована слѣдующимъ образомъ: 1) просвѣщеніе и сопряженныя съ онымъ экзекуціи прекратить, и 2) законовъ не издавать. Результаты были получены съ перваго же раза изумительные. Не прошло мѣсяца, какъ уже шерсть, которою обросли глуповцы, вылиняла вся безъ остатка, и глуповцы начали стыдиться наготы. Спустя еще мѣсяцъ, они перестали сосать лапу, и въ Глуповѣ, послѣ многихъ лѣтъ безмолвія, состоялся первый хороводъ, на которомъ лично присутствовалъ самъ градоначальникъ, и подчивалъ женскій полъ печатными пряниками...

Такими-то мирными подвигами ознаменовалъ себя черкашанинъ Микаладзе. Какъ и всякая истинно плодотворная дѣятельность, управленіе его не было ни громко, ни блестяще, не отличалось ни внѣшними завоеваніями, ни внутренними потрясеніями, но отвѣчало потребности минуты, и вполнѣ достигало тѣхъ скромныхъ цѣлей, которыя предположило себѣ. Фактовъ было мало, но слѣдствія безчисленны. «Мудрые міра сего!» восклицаетъ по этому поводу лѣтописецъ: «прилежно о семъ помыслите! и да не смущаются сердца ваши, при видѣ шелеповъ и иныхъ орудій, въ коихъ, по высокоумному мнѣнію вашему, якобы сила и свѣтъ просвѣщенія замыкаются!»

По всѣмъ этимъ причинамъ, издатель настоящей исторіи находитъ совершенно естественнымъ, что лѣтописецъ, описывая административную дѣятельность Микаладзе, не очень-то щедръ на подробности. Градоначальникъ этотъ важенъ не столько какъ прямой дѣятель, сколько какъ первый зачинатель на томъ мирномъ пути, по которому чуть-чуть-было не пошла глуповская цивилизація. Благотворная сила его дѣйствій была неуловима, ибо такія мѣропріятія, какъ рукопожатіе, ласковая улыбка и вообще кроткое обращеніе, чувствуются лишь непосредственно, и не оставляютъ яркихъ и видимыхъ слѣдовъ въ исторіи.

Они не производятъ переворота ни въ экономическомъ, ни въ умственномъ положеніи страны, но ежели вы сравните эти административныя проявленія съ такими, напримѣръ, какъ обозваніе управляемыхъ курицыными дѣтьми, или безпрерывное ихъ сѣченіе, то должны будете сознаться, что разница тутъ огромная. Многіе, разсматривая дѣятельность Микаладзе, находятъ ее не во всѣхъ отношеніяхъ безупречною. Говорятъ, напримѣръ что онъ не имѣлъ никакого права прекращать просвѣщеніе—это такъ. Но съ другой стороны, если съ просвѣщеніемъ фаталистически сопряжены экзекуціи, то не требуетъ ли благоразуміе, чтобъ даже и въ этомъ дѣлѣ допускались краткіе часы для отдохновенія? И еще, говорятъ, что Микаладзе не имѣлъ права не издавать законовъ, и это, конечно, справедливо. Но съ другой стороны, не видимъ ли мы, что народы самые образованные, наипаче почитаютъ себя счастливыми въ воскресные и праздничные дни, то-есть тогда, когда сами начальники мнятъ себя отъ законовъ свободными?

Пренебречь этими указаніями опыта едва-ли возможно. Пускай разсказъ лѣтописца страдаетъ недостаткомъ яркихъ и осязательныхъ фактовъ, — это не должно мѣшать намъ признать, что Микаладзе былъ первый въ ряду глуповскихъ градоначальниковъ, который установилъ драгоцѣннѣйшій изъ всѣхъ административныхъ прецедентовъ — прецедентъ кроткаго и безсквернаго словословія. Положимъ, что прецедентъ этотъ не представлялъ ничего особенно твердаго; положимъ, что въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи онъ подвергался многимъ случайностямъ болѣе или менѣе жестокимъ; но нельзя отрицать, что, будучи однажды введенъ, онъ уже никогда не умиралъ совершенно, а время отъ времени даже довольно вразумительно напоминалъ о своемъ существованіи. Ужели этого мало?

Одну имѣлъ слабость этотъ достойный правитель — это какое-то неудержимое, почти горячечное стремленіе къ женскому полу. Лѣтописецъ довольно подробно останавливается на этой особенности своего героя, но замѣчательно, что въ разсказѣ его не видится ни горечи, ни озлобленія. Одинъ только разъ, онъ выражается такъ: «много было отъ него порчи женамъ и дѣвамъ глуповскимъ», и этимъ какъ-будто даетъ понять, что, по мнѣнію его, все-таки было бы лучше, еслибъ порчи не было. Но прямого негодованія нигдѣ и ни въ чемъ не выказывается. Впрочемъ, мы не послѣдуемъ за лѣтописцемъ въ изображеніи этой слабости, такъ-какъ желающіе познакомиться съ нею могутъ почерпнуть все нужное изъ прилагаемаго сочиненія: «О благовидной градоначальниковъ наружности», написаннаго са-

мимъ высокопоставленнымъ авторомъ. Справедливость требуетъ, однакожь, сказать, что въ сочиненіи этомъ пропущено одно довольно крупное обстоятельство, о которомъ упоминается въ лѣтописи. А именно: однажды Микаладзе забрался ночью къ женѣ мѣстнаго казначея, но едва успѣлъ отрѣшиться отъ узъ (такъ называетъ лѣтописецъ мундиръ), какъ былъ застигнутъ въ расплохъ ревнивцемъ-мужемъ. Произошла баталія, во время которой Микаладзе, однакожь, не сражался, но былъ сражаемъ. Но такъ-какъ онъ вслѣдъ затѣмъ тотчасъ же умылся, то, разумѣется, что слѣдовъ отъ безчестья не осталось никакихъ. Кажется, это была единственная неудача, которую онъ потерпѣлъ въ этомъ родѣ, и потому понятно, что онъ не упомянулъ объ ней въ своемъ сочиненіи.

Микаладзе умеръ въ 1806 году, отъ истощенія силъ.

Когда почва была достаточно взрыхлена учтивымъ обращеніемъ и народъ отдохнулъ отъ просвѣщенія, тогда, сама собой, стала на очередь потребность въ законодательствѣ. Отвѣтомъ на эту потребность явился статскій совѣтникъ Ѳеофилактъ Иринарховичъ Беневоленскій, другъ и товарищъ Сперанскаго, по семинаріи.

Съ самой ранней юности, Беневоленскій чувствовалъ непреоборимую наклонность къ законодательству. Сидя на партахъ семинаріи, онъ уже начертилъ нѣсколько законовъ, между которыми наиболѣе замѣчательны слѣдующіе: «всякій человѣкъ да имѣетъ сердце сокрушенно», «всяка душа да трепещетъ» и «всякій сверчокъ да познаетъ соотвѣтствующій званію его шестокъ». Но чѣмъ болѣе росъ высокодаровитый юноша, тѣмъ непреоборимѣе дѣлалась врожденная въ немъ страсть. Что изъ него долженъ образоваться законодатель — въ этомъ никто не сомнѣвался; вопросъ заключался только въ томъ, какого сорта выйдетъ этотъ законодатель, то-есть напомнитъ ли онъ собой глубокомысліе Ликурга, или просто будетъ твердъ, какъ Драконъ. Онъ самъ чувствовалъ всю важность этого вопроса, и въ письмѣ къ «извѣстному другу» (не скрывается ли подъ этимъ именемъ Сперанскій?) слѣдующимъ образомъ описываетъ свои колебанія по этому случаю.

«Сижу я», пишетъ онъ, «въ уныломъ моемъ уединеніи, и всеминутно о томъ мыслю, какіе законы къ употребленію наиболѣе благопотребны суть. Есть законы мудрые, которые хотя человѣческое счастіе устрояютъ (таковы, напримѣръ, законы о повсемѣстномъ всѣхъ людей продовольствованіи), но, по обстоя-

тельствамъ, не всегда бываютъ полезными; есть законы не мудрые, которые ничьего счастья не устрояя, по обстоятельствамъ бываютъ, однакожь, благопотребными (примѣровъ сему не привожу: самъ знаешь!); и есть, наконецъ, законы средніе, не очень мудрые, но и не весьма немудрые, такіе, которые не будучи ни полезными, ни безполезными, бываютъ, однакожь, благопотребны въ смыслѣ наилучшаго человѣческой жизни наполненія. Когда мы забываемся и начинаемъ мнить себя безсмертными, сколь освѣжительно дѣйствуетъ на насъ сіе простое выраженіе: memento mori! Такъ точно и тутъ. Когда мы мнимъ, что счастію нашему нѣтъ предѣловъ, что мудрые законы не при насъ писаны, а дѣйствію немудрыхъ мы не подлежимъ, тогда являются на помощь законы средніе, которыхъ роль въ томъ и заключается, чтобъ напоминать живущимъ, что нѣсть на землѣ дыханія, для котораго не было бы своевременно написано хотя какого-нибудь закона. И повѣришь ли, другъ? чѣмъ больше я размышляю, тѣмъ больше склоняюсь въ пользу законовъ среднихъ. Они очаровываютъ мою душу потому, что это собственно даже не законы, а скорѣе, такъ сказать, *сумракъ* законовъ. Вступая въ ихъ область, чувствуешь, что находишься въ общеніи съ легальностью, но въ чемъ состоитъ это общеніе — не понимаешь. Все это совершается помимо всякаго размышленія; ни о чемъ не думаешь, ничего опредѣленнаго не видишь, но въ то же время чувствуешь какое-то безпокойство, которое кажется неопредѣленнымъ, потому что ни на что въ особенности не опирается. Это, такъ сказать, апокалипсическое письмо, которое можетъ понять только тотъ, кто его получаетъ. Средніе законы имѣютъ въ себѣ то удобство, что всякій, читая ихъ, говоритъ: какая глупость! а между тѣмъ всякій же неудержимо стремится исполнять ихъ. Ежели бы, напримѣръ, издать такой законъ: «всякій да ястъ», то это будетъ именно образецъ тѣхъ среднихъ законовъ, къ выполненію которыхъ каждый устремляется безъ мѣръ понужденія. Ты спросишь меня, другъ: зачѣмъ же издавать такіе законы, которые и безъ того всѣми исполняются? На это отвѣчу: цѣль изданія законовъ двоякая: одни издаются для вящаго народовъ и странъ устроенія, другіе — для того, чтобы законодатели не коснѣли въ праздности...»

Итакъ далѣе *.

Такимъ образомъ, когда Беневоленскій прибылъ въ Глуповъ,

* Справедливость требуетъ засвидѣтельствовать, что многія выраженія этого письма предвосхищены Беневоленскимъ изъ переписки Сперанскаго съ Цейеромъ («Русск. Архивъ» 1870 г. № 1). *Изд.*

то взглядъ его на законодательство ужъ установился, и установился именно въ томъ смыслѣ, который всего болѣе удовлетворялъ потребностямъ минуты. Стало быть, благополучіе глуповцевъ, начатое черкашениномъ Микаладзе, нетолько не нарушилось, но получило лишь пущее утвержденіе. Глупову именно нуженъ былъ «сумракъ законовъ», то-есть такіе законы, которые, съ пользою занимая досуги законодателей, никакого касательства до постороннихъ лицъ имѣть не могутъ. Иногда подобные законы называются даже мудрыми и, по моему мнѣнію, въ этомъ названіи нѣтъ ничего ни преувеличеннаго, ни незаслуженнаго.

Но тутъ встрѣтилось непредвидѣнное обстоятельство. Едва Беневоленскій приступилъ къ изданію перваго закона, какъ оказалось, что онъ, какъ простой градоначальникъ, не имѣетъ даже права издавать собственные законы. Когда секретарь доложилъ объ этомъ Беневоленскому, онъ сначала не повѣрилъ ему. Стали рыться въ сенатскихъ указахъ, но хотя перешарили весь архивъ, а такого указа, который уполномочивалъ бы Бородавкиныхъ, Двоекуровыхъ, Великановыхъ, Беневоленскихъ и т. п. издавать собственнаго измышленія законы — не оказалось.

— Безъ закона все, что угодно, можно! говорилъ секретарь: — только вотъ законовъ на счетъ этого писать нельзя-съ!

— Странно! молвилъ Беневоленскій, и въ ту же минуту отписалъ по начальству о встрѣченномъ имъ затрудненіи.

«Прибылъ я въ городъ Глуповъ», писалъ онъ, «и хотя увидѣлъ жителей въ тучное состояніе приведенныхъ, но въ законахъ встрѣтилъ столь великое оскудѣніе, что обыватели «даже различія никакого между закономъ и естествомъ не полагаютъ. И тако, безъ явнаго свѣтильника, въ претемной «нощи бродятъ. Въ сей крайности, спрашиваю я себя: ежели «кому изъ бродягъ сихъ случится оступиться или въ пропасть «впасть, что̀ ихъ отъ таковаго паденія остережетъ? Хотя же «въ Россійской Державѣ законами изобильно, но всѣ таковые «по разнымъ дѣламъ разбрелись, и даже весьма уповательно, «что большая ихъ часть въ бывшіе пожары сгорѣла. И того «ради, существенная видится въ томъ нужда, дабы можно «было мнѣ, яко градоначальнику, издавать для скорости собственнаго моего умысла законы, хотя бы даже не перваго «сорта (о семъ и помыслить не смѣю!), но вторaго или третьяго. «Въ сей мысли еще болѣе меня утверждаетъ то, что городъ «Глуповъ, по самой природѣ своей, есть, такъ сказать, область «второзаконія, для которой нѣтъ даже надобности въ законахъ

«отяготительныхъ и многосмысленныхъ. Въ ожиданіи же мило-«стиваго на сіе мое ходатайство разрѣшенія, пребываю» и т. д.

«PS. И еще доложу: который градоначальникъ отъ себя за-«коновъ не сочиняетъ — не покажется ли таковой мало потреб-«нымъ и довѣріемъ начальства не обладающимъ?»

Отвѣтъ на это представленіе послѣдовалъ скоро.

«На представленіе», писалось Беневоленскому, «о считаніи «города Глупова областью второзаконія, предлагается на раз-«сужденіе ваше нижеслѣдующее:

«1) Ежели таковыхъ областей, въ коихъ градоначальники «станутъ втораго сорта законы сочинять, явится изрядное ко-«личество, то не произойдетъ ли отъ сего нѣкотораго для «архитектуры Россійской Державы поврежденія?

«и 2) Ежели будетъ предоставлено градоначальникамъ, яко «градоначальникамъ, втораго сорта законы сочинять, то не «приведется ли потомъ и сотскимъ, яко сотскимъ, таковые жь «законы издавать предоставить, и какого тѣ законы будутъ «сорта?»

Беневоленскій понялъ, что запросъ этотъ заключаетъ въ себѣ косвенный отказъ и опечалился этимъ глубоко. Современники объясняютъ это огорченіе тѣмъ, будто бы души его уже коснулся ядъ единовластія; но это едва-ли такъ. Когда человѣкъ и безъ законовъ имѣетъ возможность дѣлать что угодно, то странно подозрѣвать его въ честолюбіи за такое дѣйствіе, которое нетолько не распространяетъ, но именно ограничиваетъ эту возможность. Ибо законъ, каковъ бы онъ ни былъ (даже такой, какъ напримѣръ: «всякій да ястъ», или «всяка душа да трепещетъ»), все-таки имѣетъ ограничивающую силу, которая никогда честолюбцамъ не по душѣ. Очевидно, стало быть, что Беневоленскій былъ не столько честолюбецъ, сколько добросердечный доктринеръ, которому казалось предосудительнымъ даже утереть себѣ носъ, если въ законахъ не формулировалось ясно, что «всякій имѣющій надобность утереть свой носъ, да утретъ».

Какъ бы то ни было, но Беневоленскій на столько огорчился, что удалился въ домъ купчихи Распоповой (которую уважалъ за искусство печь пироги съ начинкой), и чтобы дать исходъ пожиравшей его жаждѣ умственной дѣятельности, съ упоеніемъ предался сочиненію проповѣдей. Цѣлый мѣсяцъ во всѣхъ городскихъ церквахъ читали попы эти мастерскія проповѣди, и цѣлый мѣсяцъ вздыхали глуповцы, слушая ихъ — такъ чувствительно онѣ были написаны! Самъ градоначальникъ училъ, какъ произносить ихъ.

*

— Проповѣдникъ, говорилъ онъ: — обязанъ имѣть сердце сокрушенно, и слѣдственно, главу слегка наклоненную на бокъ. Гласъ не лаятельный, но томный, какъ бы воздыхающій. Руками не неистовствовать, но утвердивъ первоначально правую руку близъ сердца (сего истиннаго источника всѣхъ воздыханій), постепенно оную отодвигать въ пространство, а потомъ вспять къ тому же источнику обращать. Въ патетическихъ мѣстахъ не выкрикивать и ненужныхъ словъ отъ себя не сочинять, но токмо воздыхать громчае.

А глуповцы, между тѣмъ, тучнѣли все больше и больше, и Беневоленскій нетолько не огорчался этимъ, но радовался. Ни разу не пришло ему на мысль: а что, кабы симъ благополучнымъ людямъ да кровь пустить? напротивъ того, наблюдая изъ оконъ дома Распоповой, какъ обыватели бродятъ переваливаясь по улицамъ, онъ даже задавалъ себѣ вопросъ: не потому ли люди сіи и благополучны, что никакого сорта законы не тревожатъ ихъ? Однакожъ, послѣднее предположеніе было слишкомъ горько, чтобъ мысль его успокоилась на немъ. Едва отрывалъ онъ взоры отъ ликующихъ глуповцевъ, какъ тоска по законодательству снова овладѣвала имъ.

— Я даже изобразить сего не въ состояніи, почтеннѣйшая моя Марѳа Терентьевна, обращался онъ къ купчихѣ Распоповой: — что̀ бы я такое надѣлалъ, и какъ были бы сіи люди противъ нынѣшняго благополучнѣе, еслибъ мнѣ хотя по одному закону въ день издавать предоставлено было!

Наконецъ, онъ не выдержалъ. Въ одну темную ночь, когда нетолько будочники, но и собаки спали, онъ вышелъ крадучись на улицу и во множествѣ разбросалъ листочки, на которыхъ былъ написанъ первый, сочиненный имъ для Глупова, законъ. И хотя онъ понималъ, что этотъ путь распубликованія законовъ весьма предосудителенъ, но долго сдерживаемая страсть къ законодательству такъ громко вопіяла объ удовлетвореніи, что передъ голосомъ ея умолкли всѣ доводы благоразумія.

Законъ былъ, видимо, написанъ второпяхъ, а потому отличался краткостью. На другой день, идя на базаръ, глуповцы подняли съ полу бумажки и прочитали слѣдующее:

ЗАКОНЪ 1-й.

«Всякій человѣкъ да опасно ходитъ; откупщикъ же да принесетъ дары».

И только. Но смыслъ закона былъ ясенъ, и откупщикъ на другой же день явился къ градоначальнику. Произошло объ-

ясненіе; откупщикъ доказывалъ, что онъ и прежде былъ готовъ по мѣрѣ возможности; Беневоленскій возражалъ, что онъ въ прежнемъ неопредѣленномъ положеніи дольше оставаться не можетъ; что такое возраженіе, какъ «мѣра возможности», ничего не говоритъ ни уму, ни сердцу, и что ясенъ только законъ. Остановились на трехъ тысячахъ рублей въ годъ, и постановили считать эту цифру законною, до тѣхъ поръ, однакожъ, пока «обстоятельства перемѣны законамъ не сдѣлаютъ».

Разсказавъ этотъ случай, лѣтописецъ спрашиваетъ себя: была ли польза отъ такого закона? и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. «Напоминаніемъ объ опасномъ хожденіи», говоритъ онъ, «жители города Глупова ни мало потревожены не были, ибо и до того, по самой своей природѣ, великую къ таковому хожденію способность имѣли и повсеминутно въ ономъ упражнялись. Но откупщикъ пользу того узаконенія ощутилъ подлинно, ибо когда преемникъ Беневоленскаго, Прыщъ, вмѣсто обычныхъ трехъ тысячъ, потребовалъ противъ прежняго вдвое, то откупщикъ продерзостно отвѣчалъ: не могу, ибо по закону болѣе трехъ тысячъ давать не обязывалось. Прыщъ же сказалъ: и мы тотъ законъ перемѣнимъ. И перемѣнилъ».

Ободренный успѣхомъ перваго закона, Беневоленскій началъ дѣятельно приготовляться къ изданію втораго. Плоды оказались скорые, и на улицахъ города, тѣмъ же таинственнымъ путемъ, явился новый и уже болѣе пространный законъ, который гласилъ тако:

УСТАВЪ

о добропорядочномъ печеніи пироговъ.

«1. Всякій да печетъ по праздникамъ пироги, не возбраняя «себѣ таковое печеніе и по буднямъ.

«2. Начинку всякій да употребляетъ по состоянію. Тако: «поймавъ въ рѣкѣ рыбу — класть; изрубивъ намелко скотское «мясо — класть же; изрубивъ капусту — тоже класть. Люди «неимущіе да кладутъ требуху.

«3. По положеніи начинки и удобреніи оной должнымъ числомъ масла и яицъ, класть пирогъ въ печь и содержать въ «вольномъ духѣ, доколѣ не зарумянится.

«4. По вынутіи изъ печи, всякій да возьметъ въ руку ножъ «и, вырѣзавъ изъ средины часть, да принесетъ оную въ даръ.

«5. Исполнившій сіе да ястъ».

Глуповцы тѣмъ больше поняли смыслъ этого новаго узако-

ненія, что они издревле были пріучены вырѣзывать часть своего пирога и приносить ее въ даръ. Хотя же въ послѣднее время, при либеральномъ управленіи Микаладзе, обычай этотъ, по упущенію, не исполнялся, но они не роптали на его возобновленіе, ибо надѣялись, что онъ еще тѣснѣе скрѣпитъ благожелательныя отношенія, существовавшія между ними и новымъ градоначальникомъ. Всѣ наперерывъ спѣшили обрадовать Беневоленскаго; каждый приносилъ лучшую часть, а нѣкоторые дарили даже по цѣлому пирогу.

Съ тѣхъ поръ законодательная дѣятельность въ городѣ Глуповѣ закипѣла. Не проходило дня, чтобъ не явилось новаго подметнаго письма и чтобы глуповцы не были чѣмъ-нибудь обрадованы. Насталъ, наконецъ, моментъ, когда Беневоленскій началъ даже помышлять о конституціи.

— Конституція, доложу я вамъ, почтеннѣйшая моя Марѳа Терентьевна, говорилъ онъ купчихѣ Распоповой: — вовсе не такое ужь пугало, какъ люди несмысленные о ней полагаютъ. Смыслъ каждой конституціи, доложу вамъ, таковъ: всякій въ дому своемъ благополучно да почиваетъ! Чтò же тутъ, спрашиваю я васъ, сударыня моя, страшнаго или презорнаго?

И началъ онъ обдумывать свое намѣреніе, но чѣмъ больше думалъ, тѣмъ болѣе запутывался въ своихъ мысляхъ. Всего болѣе его смущало то, что онъ не могъ дать достаточно твердаго опредѣленія слову: «правà». Слово «обязанности» онъ сознавалъ очень ясно, такъ что могъ объ этомъ предметѣ исписать цѣлыя дести бумаги, но «правà» — чтò такое «правà»? Достаточно ли было опредѣлить ихъ, сказавъ: «всякій въ дому своемъ благополучно да почиваетъ»? не будетъ ли это черезчуръ ужь кратко? А съ другой стороны, если пуститься въ разъясненія, не будетъ ли черезчуръ обширно и для самихъ глуповцевъ обременительно?

Сомнѣнія эти разрѣшились тѣмъ, что Беневоленскій, въ видѣ переходной мѣры, издалъ «Уставъ о свойственномъ градоначальнику добросердечіи», который, по обширности его, помѣщается нами въ оправдательныхъ документахъ.

— Знаю я, говорилъ онъ по этому случаю купчихѣ Распоповой: — что истинной конституціи документъ сей въ себѣ еще не заключаетъ, но прошу васъ, моя почтеннѣйшая, принять въ соображеніе, что никакое зданіе, хотя бы даже то былъ куриный хлѣвъ, разомъ не завершается! Повремени, выполнимъ и остальное достолюбезное намъ дѣло, а теперь утѣшимся тѣмъ, что возложимъ упованіе наше на Бога!

Тѣмъ не менѣе, нѣтъ никакого повода сомнѣваться, что Бе-

неволенскій рано или поздно привелъ бы въ исполненіе свое намѣреніе, но въ это время надъ нимъ уже нависли тучи. Виною всему былъ Бонапартъ. Наступилъ 1811 годъ, и отношенія Россіи къ Наполеону сдѣлались чрезвычайно натянутыми. Однакожь, слава этого новаго «бича божія» еще не померкла, и даже достигла Глупова. Тамъ, между многочисленными его почитательницами (замѣчательно, что особенною приверженностью къ врагу человѣчества отличался женскій полъ), особенный фанатизмъ выказывала купчиха Распопова.

— Ужь какъ мнѣ этого Бонапарта захотѣлось! говаривала она Беневоленскому: — кажется, ничего бы не пожалѣла, только бы глазкомъ на него взглянуть!

Сначала Беневоленскій сердился и даже называлъ рѣчи Распоповой «дурьими», но такъ-какъ Марѳа Терентьевна не унималась, а все больше и больше приставала къ градоначальнику: вынь да положь Бонапарта, то подъ конецъ онъ изнемогъ. Онъ понялъ, что неисполнить требованіе «дурьей породы» невозможно и, мало по малу, пришелъ даже къ тому, что не находилъ въ немъ ничего предосудительнаго.

— Что же! пущай дурья порода натѣшится! говорилъ онъ себѣ въ утѣшеніе: — кому отъ того убытокъ!

И вотъ онъ вступилъ въ секретныя сношенія съ Наполеономъ...

Какимъ образомъ объ этихъ сношеніяхъ было узнано — это извѣстно одному Богу; но, кажется, что самъ Наполеонъ разболталъ о томъ князю Куракину. Въ одно прекрасное утро, Глуповъ былъ изумленъ, узнавъ, что имъ управляетъ измѣнникъ, и что изъ губерніи ѣдетъ особенная коммисія ревизовать его измѣну.

Тутъ открылось все: и то, что Беневоленскій тайно призывалъ Наполеона въ Глуповъ, и то, что онъ издавалъ свои собственные законы. Въ оправданіе свое, онъ могъ сказать только, что никогда глуповцы въ столь тучномъ состояніи не были, какъ при немъ, но оправданіе это не приняли, или лучше сказать, отвѣтили на него такъ, что «правѣе бы онъ былъ, еслибъ глуповцевъ совсѣмъ въ отощаніе привелъ, лишь бы отъ изданія нелѣпыхъ своихъ строчекъ, кои продерзостно законами именуетъ, воздержался».

Была теплая, лунная ночь, когда къ градоначальническому дому подвезли кибитку. Беневоленскій твердою поступью сошелъ на крыльцо и хотѣлъ-было поклониться на всѣ четыре стороны, какъ съ смущеніемъ увидѣлъ, что на улицѣ никого нѣтъ, кромѣ двухъ жандармовъ. По обыкновенію, глуповцы и въ этомъ случаѣ удивили міръ своею неблагодарностью, и какъ

только узнали, что градоначальнику приходится плохо, такъ тотчасъ же лишили его своей популярности. Но какъ ни горька была эта чаша, Беневоленскій испилъ ее съ бодрымъ духомъ. Внятнымъ и яснымъ голосомъ онъ произнесъ: «бездѣльники!» и сѣвъ въ кибитку, благополучно прослѣдовалъ въ тотъ край, куда Макаръ телятъ не гонялъ. Относительно Распоповой послѣдовали распоряженія болѣе снисходительныя, вслѣдствіе которыхъ она, однакожь, цѣлую недѣлю не могла сидѣть.

Такъ окончилъ свое административное поприще градоначальникъ, въ которомъ страсть къ законодательству находилась въ непрерывной борьбѣ съ страстью къ пирогамъ. Изданные имъ законы въ настоящее время, впрочемъ, дѣйствія не имѣютъ.

Но счастію глуповцеву повидимому не предстояло еще скораго конца. Несмотря на славный 1812 годъ, потребовавшій отъ Глупова, наравнѣ съ прочими городами, довольно значительныхъ пожертвованій, этѣ жертвы отозвались на матеріальномъ благосостояніи жителей лишь въ самой слабой степени (до такой степени они были тучны!). Затѣмъ, къ довершенію благополучія, на смѣну Беневоленскому явился подполковникъ Прыщъ и привезъ съ собою систему администраціи еще болѣе упрощенную.

Прыщъ былъ уже не молодъ, но сохранился необыкновенно. Плечистый, сложенный кряжемъ, онъ всею своею фигурой такъ, казалось, и говорилъ: не смотрите на то, что у меня сѣдые усы: я могу! я еще очень могу! Онъ былъ румянъ, имѣлъ алыя и сочныя губы, изъ-за которыхъ виднѣлся рядъ бѣлыхъ зубовъ; походка у него была дѣятельная и бодрая, жестъ быстрый. И все это украшалось блестящими штабъ-офицерскими эполетами, которые такъ и играли на плечахъ при малѣйшемъ его движеніи.

— Дѣла не уйдутъ-съ! говорилъ онъ безчисленнымъ письмоводителямъ, секретарямъ и протоколистамъ, дожидавшимся его съ кипами бумагъ подъ мышками:—дѣла мы, съ божьею помощью, въ одинъ часъ прикончимъ-съ! Главное же нужно, чтобъ чувства не волновались, чтобъ мыслей прискорбныхъ не было, словомъ сказать, чтобъ жизнь имѣла теченіе-съ! Тогда и дѣла своимъ порядкомъ пойдутъ-съ!

По принятому обыкновенію, онъ сдѣлалъ рекомендательные визиты къ городскимъ властямъ и прочимъ знатнымъ обоего пола особамъ, и при этомъ развилъ свою программу еще подробнѣе.

— Я человѣкъ простой-съ, говорилъ онъ однимъ:—я не для

того сюда пріѣхалъ, чтобъ издавать законы-съ. Моя обязанность наблюсти, чтобы законы были въ цѣлости и не валялись по столамъ-съ. Конечно, и у меня есть планъ кампаніи, но этотъ планъ таковъ: отдохнуть-съ! Не мало я на своемъ вѣку покомандовалъ: и на морозѣ-съ, и въ зной-съ — пора вкусить отъ плодовъ-съ!

Другимъ онъ говорилъ такъ:

— Состояніе у меня, благодареніе Богу, изрядное. Командовалъ-съ; стало-быть, не растратилъ, а приумножилъ-съ. Слѣдственно, какіе есть на счетъ этого законы — тѣ знаю, а новыхъ издавать не желаю. Конечно, многіе на моемъ мѣстѣ понеслись бы въ атаку, а можетъ быть, даже устроили бы бомбардировку, но я человѣкъ простой, и утѣшенія для себя въ аттакахъ не вижу-съ! А дѣла мы, съ божьею помощью, покончимъ и безъ бомбардировки-съ!

Третьимъ онъ высказывался такъ:

— Я не либералъ, и либераломъ никогда не бывалъ-съ. Дѣйствую всегда прямо и потому даже отъ законовъ держусь въ отдаленіи. Въ затруднительныхъ случаяхъ приказываю поискать, но требую одного: чтобъ законъ былъ старый. Новыхъ законовъ не люблю-съ. Многое въ нихъ пропускается, а о прочемъ совсѣмъ не упоминается. Такъ я всегда говорилъ, такъ отозвался и теперь, когда отправлялся сюда. Отъ новыхъ, говорю, законовъ увольте, прочее же надѣюсь исполнить въ точности! Потому что у меня теперь въ предметѣ одно: отдохнуть-съ!

Наконецъ, четвертымъ онъ изображалъ себя въ слѣдующихъ краскахъ:

— Про себя могу сказать одно: въ сраженіяхъ не бывалъ-съ, но въ парадахъ закаленъ даже сверхъ пропорціи. Новыхъ идей не понимаю. Слушаю и не понимаю-съ. Не понимаю даже того, зачѣмъ ихъ слѣдуетъ понимать-съ. По моему, такъ: покомандовалъ въ свое время, погарцовалъ — и баста! пора и отдохнуть-съ!

Этого мало: въ первый же праздничный день онъ собралъ генеральную сходку глуповцевъ и передъ нею формальнымъ образомъ подтвердилъ свои взгляды на администрацію.

— Ну, старички, сказалъ онъ обывателямъ: — давайте жить мирно. Не трогайте вы меня, ради Христа, а я васъ не трону. Сажайте и сѣйте, ѣшьте и пейте, заводите фабрики и заводы — что-же-съ! все это вамъ же на пользу-съ! По мнѣ, даже монументы воздвигайте — я и въ этомъ препятствовать не стану! Только съ огнемъ, ради Христа, осторожнѣе обращайтесь,

потому что тутъ недолго и до грѣха. Имущества свои попалите, сами погорите—что̀ хорошаго! Такъ ли, почтенные?

Какъ ни избалованы были глуповцы двумя послѣдними градоначальниками, но либерализмъ столь безпредѣльный заставилъ ихъ призадуматься: нѣтъ ли тутъ подвоха? Поэтому, нѣкоторое время они осматривались, разузнавали, говорили шопотомъ и вообще «опасно ходили». Казалось нѣсколько страннымъ, что градоначальникъ не только отказывается отъ вмѣшательства въ обывательскія дѣла, но даже утверждаетъ, что въ этомъ-то невмѣшательствѣ и заключается вся сущность администраціи.

— И законовъ издавать не будешь? спрашивали они его съ недовѣрчивостью.

— И законовъ не буду издавать — живите себѣ съ Богомъ! благодушно отвѣчалъ Прыщъ.

— То-то! ужь ты, сдѣлай милость, не издавай! Смотри, какъ за это прохвосту-то (такъ называли они Беневоленскаго) досталось! Стало быть, коли опять за то же примешься, какъ бы и тебѣ и намъ въ отвѣтъ не попасть!

Но Прыщъ былъ совершенно искрененъ въ своихъ заявленіяхъ и твердо рѣшился слѣдовать по избранному пути. Прекративъ всѣ дѣла, онъ ходилъ по гостямъ, принималъ обѣды и балы и даже завелъ стаю борзыхъ и гончихъ собакъ, съ которыми травилъ на городскомъ выгонѣ зайцевъ, лисицъ, а однажды заполевалъ очень хорошенькую мѣщаночку. Не безъ ироніи отзывался онъ о своемъ предмѣстникѣ, томившемся въ то время въ заточеніи.

— Филатъ Иринарховичь, говорилъ: — больше на бумагѣ сулилъ, что обыватели при немъ якобы благополучно въ домахъ своихъ почивать будутъ, а я на практикѣ это самое предоставлю... да-съ!

И точно: несмотря на то, что первые шаги Прыща были встрѣчены глуповцами съ недовѣріемъ, они не успѣли и оглянуться, какъ всего у нихъ очутилось противъ прежняго вдвое и втрое. Пчела роилась необыкновенно, такъ что меду и воску было отправлено въ Византію почти столько же, сколько при великомъ князѣ Олегѣ. Хотя скотскихъ падежей не было, но кожъ оказалось множество, и такъ-какъ глуповцамъ ловчѣе было щеголять въ лаптяхъ, то ихъ тоже спровадили въ Византію. А поелику навозъ производить стало всякому вольно, то и хлѣба уродилось столько, что, кромѣ продажи, осталось даже на собственное употребленіе. «Не то, что въ другихъ городахъ», съ горечью говоритъ лѣтописецъ, «гдѣ желѣзныя до-

роги * не успѣваютъ перевозить дары земные, на продажу назначенные, жители же отъ безкормицы въ отощаніе приходятъ. Въ Глуповѣ, въ сію счастливую годину, всякій наймитъ ѣлъ хлѣбъ настоящій, а не въ рѣдкость бывали и щти съ приваркомъ».

Прыщъ смотрѣлъ на это благополучіе и радовался. Да и нельзя было не радоваться ему, потому что всеобщее изобиліе отразилось и на немъ. Амбары его ломились отъ приношеній, дѣлаемыхъ въ натурѣ; сундуки не вмѣщали серебра и золота, а ассигнаціи просто валялись по полу. Съ своей стороны, глуповцы мало-по-малу оправились отъ первыхъ своихъ подозрѣній и возымѣли неограниченное довѣріе.

— Въ сорочкѣ нашъ батюшка уродился! говорили они, и спѣшили порадовать его приношеніями. Кто двугривенный принесетъ, кто платкомъ подаритъ, а побѣднѣе который, и «шкуркою песьею» отдѣлается. Прыщъ ничѣмъ не брезговалъ, но все принималъ съ благосклонностью.

— Не корысти ради, а за любовь-съ! говорилъ онъ, и на лицѣ у него въ это время играла такая улыбка — такая улыбка!—что глуповцы рады были души прозакладывать, лишь бы друга своего сердечнаго (такъ, по простотѣ своей, они его прозвали) утѣшить.

Такъ прошелъ и еще годъ, въ теченіе котораго у глуповцевъ всякаго добра явилось уже не вдвое или втрое, но вчетверо. Но по мѣрѣ того, какъ развивалась свобода, нарождался и исконный врагъ ея — анализъ. Съ увеличеніемъ матеріальнаго благосостоянія пріобрѣтался досугъ, а съ пріобрѣтеніемъ досуга явилась способность изслѣдовать и испытывать природу вещей. Такъ бываетъ всегда, но глуповцы употребили эту «новоявленную у нихъ способность» не для того, чтобы упрочить свое благополучіе, а для того, чтобъ оное подорвать.

Должно, впрочемъ, сознаться, что такое непрерывное возрастаніе всеобщаго довольства не могло не казаться неестественнымъ, особливо если принять въ соображеніе, что видимая его причина заключала въ себѣ нѣчто, не совсѣмъ обычное. Прыщъ ничего не дѣлалъ, ни во что не вмѣшивался, даже не требовалъ, чтобы жители смотрѣли въ оба, и вотъ отъ этого-то ничего недѣланія, отъ этого невмѣшательства, вдругъ словно расперло всѣхъ глуповцевъ отъ благополучія!

---

* О желѣзныхъ дорогахъ тогда и помину не было; но это одинъ изъ тѣхъ безвредныхъ анахронизмовъ, какихъ очень много встрѣчается въ «Лѣтописи».
Изд.

Сдѣлались они поперегъ себя шире, стала у нихъ земля родить сторицею, стада умножались, пчелы расплодились необыкновенно, даже въ рѣкѣ начала попадаться такая рыба, какой прежде и не видано... Какъ хотите, а это хоть кого озадачитъ.

Не окрѣпшіе въ самоуправленіи, глуповцы начали приписывать это явленіе посредничеству какой-то невѣдомой силы. А такъ-какъ на ихъ языкѣ невѣдомая сила носила названіе чертовщины, то и стали думать, что тутъ не совсѣмъ чисто, и что, слѣдовательно, участіе чорта въ этомъ дѣлѣ не можетъ подлежать сомнѣнію. Стали присматривать за Прыщемъ, и нашли въ его поведеніи нѣчто сомнительное. Разсказывали, напримѣръ, что однажды кто-то засталъ его спящимъ на диванѣ, причемъ будто бы тѣло его было кругомъ обставлено мышеловками. Другіе шли далѣе, и утверждали, что Прыщъ каждую ночь уходитъ спать на ледникъ. Все это обнаруживало нѣчто таинственное, и хотя никто не спросилъ себя, какое кому дѣло до того, что градоначальникъ спитъ на ледникѣ, а не въ обыкновенной спальной, но всякій тревожился. Общія подозрѣнія еще болѣе увеличились, когда замѣтили, что мѣстный предводитель дворянства съ нѣкотораго времени находится въ какомъ-то неестественно-возбужденномъ состояніи, и всякій разъ, какъ встрѣтится съ градоначальникомъ, начинаетъ кружиться и выдѣлывать какія-то нелѣпыя тѣлодвиженія, которыя, очевидно, свидѣтельствовали о восторженности души.

Нельзя сказать, чтобъ предводитель отличался особенными качествами ума и сердца; но у него былъ желудокъ, въ которомъ, какъ въ могилѣ, исчезали всякіе куски. Этотъ не весьма замысловатый даръ природы сдѣлался для него источникомъ живѣйшихъ наслажденій. Каждый день, съ ранняго утра, онъ отправлялся въ походъ по городу и поднюхивалъ запахи, вылетавшіе изъ обывательскихъ кухонь. Въ короткое время обоняніе его было до такой степени изощрено, что онъ могъ безошибочно угадать составныя части самаго сложнаго фарша. Къ обѣду онъ зналъ навѣрное, кто что̀ ѣстъ въ цѣломъ городѣ, и горе тому, у кого подавалось за столомъ подогрѣтое жаркое! Вечеромъ объ этомъ во всеуслышаніе объявлялось въ клубѣ, и гражданинъ, дозволившій себѣ питаться вчерашнею индѣйкою, надолго утрачивалъ уваженіе своихъ соотечественниковъ.

Уже при первомъ свиданіи съ градоначальникомъ, предводитель почувствовалъ, что въ этомъ сановникѣ таится что̀-то не совсѣмъ обыкновенное, а именно, что отъ него пахнетъ трюфлями. Долгое время онъ боролся съ своею догадкою, при-

нимая ее за мечту воспаленнаго съѣстными припасами воображенія, но чѣмъ чаще повторялись свиданія, тѣмъ мучительнѣе становились сомнѣнія. Наконецъ, онъ не выдержалъ, и сообщилъ о своихъ подозрѣніяхъ письмоводителю дворянской опеки, Половинкину.

— Пахнетъ отъ него! говорилъ онъ изумленному наперснику: — пахнетъ! Точно вотъ въ колбасной лавкѣ!

— Можетъ быть, они трюфельной помадой голову себѣ мажутъ-съ? усомнился Половинкинъ.

— Ну, это, братъ, дудки! Послѣ этого каждый поросенокъ будетъ въ глаза лгать, что онъ не поросенокъ, а только поросячьими духами прыскается! Знаемъ мы эти оправданія-то!

На первый разъ разговоръ не имѣлъ другихъ послѣдствій, но мысль о поросячьихъ духахъ глубоко запала въ душу предводителя. Впавши въ гастрономическую тоску, онъ слонялся по городу словно влюбленный, и, завидѣвъ гдѣ-нибудь Прыща, самымъ нелѣпымъ образомъ облизывался. Однажды, во время какого-то соединеннаго засѣданія, имѣвшаго предметомъ устройство во время масляницы усиленнаго гастрономическаго торжества, предводитель, доведенный до совершеннаго изступленія острымъ запахомъ, распространяемымъ градоначальникомъ, внѣ себя вскочилъ съ своего мѣста, и крикнулъ: «уксусу и горчицы!» И затѣмъ, припавъ къ градоначальнической головѣ, сталъ ее нюхать.

Изумленіе лицъ, присутствовавшихъ при этой загадочной сценѣ, было безпредѣльно. Тѣмъ не менѣе, такъ-какъ съ предводителемъ послѣдовалъ обморокъ, то разгадка отложена была на неопредѣленное время. Страннымъ показалось только, что градоначальникъ хотя и сквозь зубы, но довольно неосторожно, сказалъ:

— Угадалъ, каналья!

И потомъ, спохватившись, съ непринужденностію, очевидно, притворною, прибавилъ:

— Кажется, нашъ достойнѣйшій представитель принялъ мою голову за фаршированную... ха, ха!

Увы! Это косвенное признаніе заключало въ себѣ самую горькую правду! Но не будемъ предварять событія.

Предводитель вытерпѣлъ горячку, но ничего не забылъ, и ничему не научился. Произошло нѣсколько сценъ почти неприличныхъ. Предводитель юлилъ, кружился, и, наконецъ, рѣшился попросить наголо̀.

— Кусочекъ! стоналъ онъ передъ градоначальникомъ, зорко слѣдя за выраженіемъ глазъ облюбованной имъ жертвы.

При первомъ же звукѣ столь опредѣленно-формулированной просьбы градоначальникъ дрогнулъ. Положеніе его сразу обрисовалось съ той безповоротной ясностью, при которой всякія соглашенія становятся безполезными. Онъ робко взглянулъ на своего обидчика, и, встрѣтивъ его полный рѣшимости взоръ, вдругъ впалъ въ состояніе безпредѣльной тоски, которое обыкновенно предшествуетъ агоніи.

Тѣмъ не менѣе, онъ все-таки сдѣлалъ слабую попытку дать отпоръ. Завязалась борьба; но предводитель вошелъ уже въ ярость и не помнилъ себя. Глаза его сверкали, брюхо сладостно ныло. Онъ задыхался, стоналъ, называлъ градоначальника «душкой», «милкой» и другими несвойственными его сану именами; лизалъ его, нюхалъ и т. д. Наконецъ, наступила рѣшительная минута, и градоначальникъ изнемогъ окончательно. Съ неслыханнымъ остервенѣніемъ бросился предводитель на своего врага, отрѣзалъ ножомъ ломоть его головы, и немедленно проглотилъ...

За первымъ ломтемъ послѣдовалъ другой, потомъ третій, до тѣхъ поръ, пока не осталось ни крохи...

Тогда градоначальникъ вдругъ вскочилъ и сталъ обтирать лапками тѣ мѣста своего тѣла, которыя предводитель полилъ уксусомъ. Потомъ онъ закружился на одномъ мѣстѣ, и вдругъ всѣмъ корпусомъ грохнулся на полъ.

На другой день глуповцы узнали, что у сердечнаго ихъ друга была фаршированная голова. Съ изумительною проницательностію они поняли:

1) что градоначальникъ уходилъ спать на ледникъ для того, чтобъ голова его не подверглась порчѣ.

2) Что онъ окружалъ свое тѣло мышеловками для того, чтобъ мыши не попортили его головы.

Но никто не догадался, что, благодаря этому обстоятельству, городъ былъ доведенъ до такого благосостоянія, которому подобнаго не представляли лѣтописи съ самаго его основанія.

Оправдательные документы.

I. О благовидной всѣхъ градоначальниковъ наружности.

Сочинилъ градоначальникъ, князь Ксаверій Георгіевичъ Микаладзе.*

Необходимо, дабы градоначальникъ имѣлъ наружность благовидную. Чтобъ былъ не тученъ и не скареденъ, ростъ имѣлъ не огромный, но и не слишкомъ малый, сохранялъ пропорціональность во всѣхъ частяхъ тѣла и лицомъ обладалъ чистымъ, не обезображеннымъ ни бородавками, ни (отъ чего Боже сохрани!) злокачественными сыпями. Глаза у него должны быть сѣрые, способные, по обстоятельствамъ, выражать и милосердіе, и суровость. Носъ надлежащій. Сверхъ того, онъ долженъ имѣть мундиръ.

Излишняя тучность, точно такъ же, какъ и излишняя скаредность, равно могутъ имѣть непріятныя послѣдствія. Я зналъ одного градоначальника, который хотя и отлично зналъ законы, но успѣха не имѣлъ, потому что отъ туковъ, во множествѣ скопленныхъ въ его внутренностяхъ, задыхался. Другаго градоначальника я зналъ весьма тощаго, который тоже не имѣлъ успѣха, потому что едва появился въ своемъ городѣ, какъ сразу же былъ прозванъ отъ обывателей одною изъ тощихъ фараоновыхъ коровъ, и затѣмъ уже ни одно изъ его распоряженій дѣйствительной силы имѣть не могло. Напротивъ того, градоначальникъ не тучный, но и не тощій, хотя бы и не былъ свѣдущъ въ законахъ, всегда имѣетъ успѣхъ. Ибо онъ бодръ, свѣжъ, быстръ и всегда готовъ.

То, что сказано выше о тучности и скаредности, примѣняется и къ градоначальническому росту. Истинный сей ростъ — между 6-ю и 8-ю вершками. Поразительны примѣры, представляемые неисполненіемъ сего на первый взглядъ ничтожнаго правила. Мнѣ лично извѣстно таковыхъ три. Въ одной изъ приволжскихъ губерній, градоначальникъ былъ роста трехъ аршинъ съ вершкомъ, и что же? — прибылъ въ тотъ городъ малаго роста ревизоръ, вознегодовалъ, повелъ подкопы и достигъ того, что сего впрочемъ достойнаго человѣка предали суду.

* Рукопись эта занимаетъ нѣсколько страничекъ въ четвертую долю листа; хотя правописаніе ея довольно правильное, но справедливость требуетъ сказать, что авторъ писалъ по линейкамъ. *Изд.*

Въ другой губерніи, столь же рослый градоначальникъ страдалъ необыкновенной величины солитеромъ. Наконецъ третій градоначальникъ имѣлъ столь малый ростъ, что былъ принятъ нѣкіимъ стрѣлкомъ за пичужку, и убитъ наповалъ утиною дробью. Такимъ образомъ, всѣ трое пострадали по причинѣ непоказаннаго роста.

Сохраненіе пропорціональности частей тѣла также немаловажно, ибо гармонія есть первѣйшій законъ природы. Многіе градоначальники обладаютъ длинными руками, и за это современемъ отрѣшаются отъ должностей; многіе отличаются особливымъ развитіемъ иныхъ оконечностей, или же уродливою ихъ малостью, и отъ того кажутся смѣшными или зазорными. Сего всемѣрно избѣгать надлежитъ, ибо ничто такъ не подрываетъ власть, какъ нѣкоторая выдающаяся или замѣтная для всѣхъ гнусность.

Чистое лицо украшаетъ не только градоначальника, но и всякаго человѣка. Сверхъ того, оно оказываетъ многочисленныя услуги, изъ коихъ первая — довѣріе начальства. Кожа гладкая безъ изнѣженности, видъ смѣлый безъ дерзости, физіономія открытая безъ наглости — все сіе плѣняетъ начальство, особливо если градоначальникъ стоитъ, подавшись корпусомъ впередъ и какъ бы устремляясь. Малѣйшая бородавка можетъ здѣсь нарушить гармонію и сообщить градоначальнику видъ продерзостный. Вторая услуга, оказываемая чистымъ лицомъ, есть любовь подчиненныхъ. Когда лицо чисто и притомъ освѣжается омовеніями, то кожа становится столь блестящею, что дѣлается способною отражать солнечные лучи. Сей видъ для подчиненныхъ бываетъ весьма пріятенъ.

Голосъ обязанъ имѣть градоначальникъ ясный и далеко слышный; онъ долженъ помнить, что градоначальническія легкія созданы для отданія приказаній. Я зналъ одного градоначальника, который, приготовляясь къ сей должности, нарочно поселился на берегу моря и тамъ во всю мочь сквернословилъ. Впослѣдствіи, этотъ градоначальникъ усмирилъ одиннадцать большихъ бунтовъ, двадцать-девять среднихъ возмущеній и болѣе полусотни малыхъ недоразумѣній. И все сіе съ помощью одного своего далекослышнаго голоса.

Теперь о мундирѣ. Вольнодумцы, конечно, могутъ (подъ личною, впрочемъ, за сіе отвѣтственностью) полагать, что предъ лицомъ законовъ естественныхъ все равно, кованная ли кольчуга или кургузая кучерская поддевка облекаютъ начальника, но въ глазахъ людей опытныхъ и серьёзныхъ матерія сія всегда будетъ пользоваться особливымъ передъ всѣми дру-

гими предпочтеніемъ. Почему такъ? а потому, господа вольнодумцы, что при отправленіи казенныхъ должностей, мундиръ, такъ сказать, предшествуетъ человѣку, а не на оборотъ. Я, конечно, не хочу этимъ выразить, что мундиръ можетъ дѣйствовать и распоряжаться независимо отъ содержащагося въ немъ человѣка, но, кажется, смѣло можно утверждать, что при блестящемъ мундирѣ даже худосочные градоначальники—и тѣ могутъ быть на службѣ терпимы. Посему, находя, что всѣ нынѣ существующіе мундиры лишь въ слабой степени удовлетворяютъ этой важной цѣли, я полагалъ бы необходимымъ составить специальную на сей предметъ коммисію, которой и препоручить начертать планъ градоначальническаго мундира. Съ своей стороны, я предвижу возможность подать слѣдующую мысль: колетъ отъ серебряннаго глазета, сзади страусовы перья, спереди панцырь отъ кованнаго золота, штаны глазетовые-же и на головѣ литого зота шишакъ, увѣнчанный перьями. Кажется, что, находясь въ семъ видѣ, каждый градоначальникъ въ самомъ скоромъ времени всѣ дѣла приведетъ въ порядокъ.

Все сказанное выше о благовидности градоначальниковъ получаетъ еще большее значеніе, если мы припомнимъ, сколь часто они обязываются имѣть секретное обращеніе съ женскимъ поломъ. Всѣ знаютъ пользу, отъ сего проистекающую, но и за всѣмъ тѣмъ сюжетъ этотъ далеко не исчерпанъ. Ежели я скажу, что черезъ женскій полъ опытный администраторъ можетъ во всякое время знать всѣ сокровенныя движенія управляемыхъ, то этого одного уже достаточно, чтобы доказать, сколь важенъ этотъ административный методъ. Не одинъ дипломатъ открывалъ симъ способомъ планы и замыслы непріятелей и черезъ то дѣлалъ ихъ непригодными; не одинъ военачальникъ, съ помощью этой же методы, выигрывалъ сраженія или своевременно обращался въ бѣгство. Я же, съ своей стороны, извѣдавъ это средство на практикѣ, могу засвидѣтельствовать, что не дальше какъ на сихъ дняхъ, благодаря оному, раскрылъ слабыя дѣйствія одного капитана-исправника, который и былъ, вслѣдствіе того, представленъ мною въ увольненію отъ должности.

Выполненіе сего, однакожь, далеко не такъ легко, какъ это кажется съ перваго взгляда. Человѣческія отношенія разнообразны, а общество человѣческое имѣетъ въ себѣ множество ступеней, весьма другъ отъ друга отличныхъ. Есть благородное дворянство, есть изворотливое купечество, есть расторопное мѣщанство, а о великомъ множествѣ разныхъ сортовъ крестьянства даже помыслить страшно. Всякій изъ сихъ сортовъ людей

имѣетъ особливыя наклонности, а потому и соблазнительности требуетъ особливой же. Дабы войти въ секретное сношеніе съ крестьянкой, достаточно показать ей двугривенный; мѣщанка, сверхъ того, требуетъ краснаго платка, а жена купца заговариваетъ о медали для своего мужа. Опытный администраторъ отнюдь не долженъ упускать изъ вида сихъ оттѣнковъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ можетъ впасть въ ошибку и понести непосильныя жертвы тамъ, гдѣ можно ограничиться самою малою подачкою.

Затѣмъ, не лишнее, кажется, будетъ еще сказать, что, плѣняя нетвердый женскій полъ, градоначальникъ долженъ искать уединенія, и отнюдь не отдавать сихъ дѣйствій своихъ въ жертву гласности или устности. Въ семъ пріятномъ уединеніи, онъ, подъ видомъ ласки или шутливыхъ манеръ, можетъ узнать много такого, что̀ для самаго расторопнаго сыщика не всегда бываетъ доступно. Такъ, напримѣръ, если сказанная особа — жена ученаго, можно узнать, какія понятія имѣетъ ея мужъ о строеніи міровъ, о предержащихъ властяхъ и т. д. Вообще же необходимымъ послѣдствіемъ такой любознательности бываетъ то, что градоначальникъ въ скоромъ времени пріобрѣтаетъ репутацію сердцевѣдца...

Изобразивъ изложенное выше, я чувствую, что исполнилъ свой долгъ добросовѣстно. Элементы градоначальническаго естества столь многочисленны, что, конечно, одному человѣку обнять ихъ невозможно. Поэтому и я не хвалюсь, что все обнялъ и изъяснилъ. Но пускай одни трактуютъ о градоначальнической строгости, другіе — о градоначальническомъ единомысліи, третьи — о градоначальническомъ вездѣпервоприсутствованіи; я же, разсказавъ что̀ знаю о градоначальнической благовидности, утѣшаю себя тѣмъ,

Что тутъ и моего хоть капля меду есть...

II. Уставъ о свойственномъ градоправителю добросердечіи.

1. Всякій градоправитель да будетъ добросердеченъ.

2. Да памятуетъ градоправитель, что одною строгостью, хотя бы оная была стократъ сугуба, ни голода людскаго утолить, ни наготы человѣческой одѣть не можно.

3. Всякій градоправитель приходящаго къ нему изъ обывателей да выслушаетъ; который же, не выслушавъ, зачнетъ кричать — и тотъ будетъ кричать втунѣ.

4. Всякій градоправитель, видящій обывателя, занимающаго-

ся дѣломъ своимъ, да оставитъ его при семъ занятіи безпрепятственно.

5. Всякій да содержитъ въ умѣ своемъ, что ежели обыватель временно прегрѣшаетъ, то оный же еще того болѣе полезныхъ дѣяній содѣлывать можетъ.

6. Посему: ежели кто изъ обывателей прегрѣшитъ, то не тотчасъ таковаго усѣкновенію предавать, но прилежно разсматривать, не простирается ли и на него россійскихъ законовъ дѣйствіе и покровительство.

7. Да памятуетъ градоправитель, что не отъ кого иного слава россійской имперіи украшается, а прибытки казны умножаются, какъ отъ обывателя.

8. Посему: казнить, расточать или инымъ образомъ уничтожать обывателей надлежитъ съ осмотрительностью, дабы не умалился отъ таковыхъ расточеній россійской имперіи авантажъ и не произошло для казны ущерба.

9. Буде который обыватель даровъ не приноситъ, то всемѣрно изслѣдовать, какая тому непринесенію причина, а если явится оскудѣніе, то простить, а явится нерадѣніе или упорство, то напоминать и вразумлять, доколѣ не будетъ исправенъ.

10. Всякій обыватель да потрудится; потрудившись же да вкуситъ отдохновеніе. Посему: человѣка гуляющаго или мимоидущаго за воротникъ не имать, и въ съѣзжій домъ не сажать.

11. Законы издавать добрые, человѣческому естеству приличные; противоестественныхъ же законовъ, а тѣмъ паче невнятныхъ и къ исполненію неудобныхъ не публиковать.

12. На гуляньяхъ и сборищахъ народныхъ, людей не давить; напротивъ того, сохранять на лицѣ благосклонную усмѣшку, дабы веселящіеся не пришли въ испугъ.

13. Въ пищѣ и питіи никому препятствія не полагать.

14. Просвѣщеніе внѣдрять съ умѣренностью, по возможности избѣгая кровопролитія.

15. Въ остальномъ поступать по произволенію.

Н. Щедринъ.

* *
*

Дай руку мнѣ, любовь моя,
Дай руку мнѣ смѣлѣй!
Милѣй всѣхъ благъ мнѣ рѣчь твоя
И блескъ твоихъ очей.

Не слабъ мой духъ, и твердъ мой шагъ,
И вѣрь, ребенокъ мой —
Ни грозный рокъ, ни сильный врагъ
Не сломятъ насъ съ тобой.

Смѣлѣй же въ путь! Судьбѣ на зло,
Мы весело вдвоемъ,
Рука съ рукой, поднявъ чело,
Въ широкій свѣтъ пойдемъ;

Въ широкій свѣтъ, громадный свѣтъ,
Въ міръ вѣчной суеты,
И всякихъ благъ, и всякихъ бѣдъ,
И лжи, и красоты!

Не страшенъ мнѣ безвѣстный путь,
Не вѣрю я въ злой часъ,
Сильна рука моя, и грудь
Крѣпка, и зорокъ глазъ.

Что намъ — что свѣтъ и золъ, и грубъ?
Во мнѣ не дрогнетъ бровь —
За око — око, зубъ за зубъ
И кровь воздать за кровь!

Смѣлѣй же вдаль, и въ шумъ, и въ гамъ,
На встрѣчу суетѣ,
На встрѣчу счастью и бѣдамъ,
И лжи, и красотѣ!

М.

ДУХОВНОЕ ГОСПОДСТВО.

РИМЪ ВЪ XIX ВѢКѢ.

РОМАНЪ

Гарибальди.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ *.

X.

Сирота.

Когда Сильвіо, со слезами въ душѣ, велъ бѣдную Камиллу изъ Колизея въ домъ Марчелло, онъ во всю дорогу не могъ проговорить ни одного слова.

Сильвіо имѣлъ добрѣйшее сердце; онъ зналъ, что общество, снисходительное ко всѣмъ родамъ разврата, подъ однимъ лишь условіемъ соблюденія наружныхъ приличій, неумолимо къ паденію дѣвушки, хотя бы пала она жертвой западни, либо насилія. Онъ зналъ, что, благодаря этому предразсудку, порочность разгуливаетъ съ поднятою головой, а неопытность,

---

* Въ итальянскомъ текстѣ, вышедшемъ послѣ напечатанія начала нашего перевода, находится слѣдующее предисловіе Гарибальди:

«Вопервыхъ: напомнить Италіи обо всѣхъ тѣхъ храбрыхъ, которые на полѣ битвы пожертвовали за нее жизнью, такъ-какъ если многіе и, быть можетъ, славнѣйшіе изъ нихъ и извѣстны, то еще большее число ихъ осталось въ совершенной неизвѣстности. Это вмѣнилъ я себѣ въ священную обязанность.

Вовторыхъ: побесѣдовать съ итальянскимъ юношествомъ о совершенныхъ ими дѣлахъ и о священной обязанности довершить остальное. Для этого я хотѣлъ бы, чтобы они увидали въ свѣтѣ истины, всѣ низости и измѣны католическаго духовенства.

Втретьихъ, наконецъ: чтобы добыть себѣ этимъ трудомъ кое-какія средства къ жизни.

Вотъ побудительныя причины, заставившія меня сдѣлаться литераторомъ, въ то время досуга, которое предоставили мнѣ обстоятельства, и впродол

предательски обманутая, презирается, — и въ глубинѣ сердца порицалъ эту вопіющую несправедливость.

Онъ, такъ много любившій свою Камиллу, онъ, нашедшій ее такою несчастливою — могъ ли онъ не сжалиться надъ ея судьбою?

Онъ велъ ее подъ руку, и она сдва осмѣливалась время отъ времени поднимать застѣнчиво-покорные взоры на своего провожатаго. Такимъ образомъ шли они къ отцовскому дому, въ которомъ Сильвіо не бывалъ со времени исчезновенія Камиллы,—шли молчаливые.

Какое-то мучительное предчувствіе наполняло душу обоихъ, но ночная темнота скрывала на ихъ лицахъ выраженіе тоски, отчаянія, печали, которыя чередовались у насъ въ мысли.

Къ дому Марчелло вела тропинка, уходившая шаговъ на пятьсотъ въ сторону отъ большой дороги. Едва свернули они на нее, лай собаки вдругъ пробудилъ Камиллу отъ летаргіи, и словно снова обратилъ ее къ жизни.

— Это Фидо! Фидо! воскликнула-было она съ веселостію, которой не знала уже столько мѣсяцевъ, но въ тотъ же мигъ, какъ лучъ памяти озарилъ ея разсудокъ, ей вспомнилось и ея униженіе: она оторвалась отъ руки Сильвіо, вперилась въ него глазами, и замерла, удивленная и неподвижная, словно статуя.

Сильвіо, понявшій все,—какъ будто онъ читалъ въ ея душѣ, и опасавшійся усиленія помѣшательства, заботливо приблизился къ ней.

— Пойдемъ, Камилла, сказалъ онъ: — это вашъ Фидо тебя заслышалъ, и, вѣроятно, узналъ...

Онъ не окончилъ еще послѣднихъ словъ, какъ показался

женіе котораго я предпочелъ лучше временно отстраниться отъ дѣятельности, чѣмъ мѣшать дѣлу — неумѣстною горячностью.

Я буду говорить въ моемъ сочиненіи почти исключительно объ умершихъ; о живыхъ же, возможно меньше, придерживаясь пословицы, что: судить о людяхъ вполнѣ, можно только послѣ ихъ смерти.

Утомленный дѣйствительностью жизни, я призналъ за лучшее избрать форму историческаго романа. Я полагаю, что буду вѣрнымъ истолкователемъ всего относящагося до исторіи, по крайней-мѣрѣ на сколько это окажется возможнымъ; извѣстно, какъ трудно передавать съ точностію особенно описанія военныхъ событій.

Что же касается до романической стороны моего сочиненія, то, еслибы она не была въ связи съ исторіей, въ которой считаю я себя за опытнаго судью, а равно, еслибы я не считалъ заслугою разоблаченіе пороковъ и низостей патеровъ, то не рѣшился бы утомлять публику моимъ романомъ въ тотъ вѣкъ, въ которомъ пишутъ романы Манцони, Гверацци и Викторъ Гюго». *Джузеппе Гарибальди.*

косматый песъ, двигавшійся сначала нерѣшительно, но потомъ со всѣхъ ногъ кинувшійся къ своей хозяйкѣ. Онъ сталъ прыгать, визжать и лаять и вообще выказывать такіе знаки привязанности къ своей госпожѣ, что могъ бы хоть кого тронуть.

Камилла автоматически наклонилась погладить животное, и вдругъ залилась обильными слезами. Усталость и страданія сломили это нѣжное и несчастливое созданіе. Опустясь на земь, она, казалось, была не въ состояніи подняться; Сильвіо прикрылъ ее своимъ плащомъ отъ предутренняго холода, а самъ, между тѣмъ, пошелъ на развѣдку.

Лай Фидо долженъ былъ разбудить всѣхъ въ домѣ, и точно, едва подошелъ къ нему Сильвіо, на порогѣ появился мальчикъ, лѣтъ около 12-ти. Сильвіо его окликнулъ.

— Марчеллино!

Мальчикъ сначала подозрительно взглянулъ на такого ранняго посѣтителя, но тотчасъ же узнавъ знакомый голосъ, выбѣжалъ на встрѣчу Сильвіо, и прыгнулъ ему на шею.

— Гдѣ твой отецъ? спросилъ охотникъ, ласково поздоровавшись съ мальчикомъ.

Тотъ молчалъ.

— Гдѣ Марчелло? повторилъ онъ.

Ребенокъ горько заплакалъ и прошепталъ:

— Умеръ!

Сильвіо присѣлъ на ступеньку порога; онъ не проговорилъ ни слова, но чувствовалъ, что и его, какъ Камиллу, задушатъ слезы...

«Боже праведный», подумалъ онъ: «и ты допускаешь, чтобы, для удовлетворенія причудамъ сластолюбца, столько честныхъ людей гибло и умирало!»...

Онъ провелъ рукой по лицу.

«...Еслибы часъ мщенія не былъ близокъ, еслибы я не надѣялся скоро увидѣть свой ножъ купающимся въ крови чудовищъ, — кажется, сейчасъ же всадилъ бы его себѣ въ грудь, чтобъ не видать больше ни одного дня униженія и бѣдствій бѣднаго моего отечества!»...

Между тѣмъ, Камилла, подъ освѣжающимъ вѣяніемъ молодаго утра, изнеможенная напряженіемъ ума и тѣла, отъ изумленія и безчувственности, перешла къ сну, успокоительному и подкрѣпляющему. Когда Сильвіо и Марчеллино, подойдя, увидѣли, что она спала, первый прошепталъ:

— Не станемъ ее будить на новое горе! Будетъ ей еще довольно времени вдоволь наплакаться и настрадаться.

XI.

Убѣжище.

Аттиліо, Сильвіо и Манліо, тотчасъ же по освобожденіи послѣдняго, бросились въ Кампанью, направляясь прямо къ жилищу стараго Марчелло, занятому теперь Камиллой съ молодымъ Марчеллино. Они шли молчаливо, каждый подъ тяжестью своего раздумья. Манліо радовался свободѣ — свободѣ какъ бы то ни было, ибо самая смерть предпочтительнѣе мучительнаго заключенія въ папскихъ тюрьмахъ, по подозрѣнію въ политическомъ проступкѣ, и летѣлъ мыслью къ своей Сильвіи и къ своей Клеліи, составлявшимъ весь смыслъ его существованія.

Сильвіо, предложившій скрыть бѣглеца покуда въ домѣ Марчелло, подумывалъ о необходимости пріискать для Манліо пріютъ болѣе надежный и болѣе скрытый, хотя бы въ понтійскихъ топяхъ, въ это время не опасныхъ.

Аттиліо припоминалъ самъ съ собою всѣ обстоятельства, связанныя съ арестомъ Манліо, посѣщеніе Джіани его студіи, сцену въ палаццо донъ-Прокопіо, слова Дентато о предлогѣ къ аресту Манліо, придуманномъ прелатомъ и, сближая факты и взвѣшивая обстоятельства, пришелъ невольно къ заключенію, что Клеліи неизбѣжно должны угрожать какія-то козни.

Послѣ долгихъ колебаній, Аттиліо рѣшился открыть свои опасенія Манліо, и разсказалъ ему все подробно. Манліо, при первыхъ же намёкахъ, вскричалъ:

— Ма, per Dio! не хочу я отдаляться отъ моего семейства... Куда мы идемъ? Ну, что̀ если ихъ тамъ, однѣхъ, обидетъ эта сволочь!?...

Аттиліо его успокоивалъ.

— Какъ только доберемся до мѣста, я самъ навѣдаюсь къ вашимъ и разскажу имъ все, какъ думаю... Смѣю васъ увѣрить, что прежде, чѣмъ кто нибудь осмѣлится ихъ обидѣть, я подниму на нихъ весь Римъ.

Аттиліо, несмотря на свою молодость, пользовался сочувствіемъ и уваженіемъ всѣхъ; даже пожилые люди всегда соглашались съ его совѣтами: оттого-то Манліо, любившій его, какъ сына, сдался безъ оговорокъ на его мнѣніе.

Заря начинала уже разсвѣчать небо, когда дошли до тропинки, ведшей къ дому Марчелло. Фидо попробовалъ было сердито залаять, но, увидя Сильвіо, угомонился; на лай его выбѣжалъ Марчеллино.

— Гдѣ Камилла? обратился къ нему Сильвіо.

— Пойдемте за мной и я укажу ее вамъ, отвѣчалъ мальчикъ.

И онъ направился къ пригорку, куда послѣдовали за нимъ и всѣ другіе. Марчеллино указалъ оттуда на неотдаленную часовенку, прислоненную къ оградѣ кладбища, и проговорилъ:

— Тамъ, на зарѣ и при закатѣ, вы всегда найдете Камиллу, она и теперь тамъ...

Сильвіо, не сказавъ ни слова своимъ спутникамъ, направился къ указанному мѣсту, гдѣ Камилла, одѣтая въ траурное платье, стояла колѣнопреклоненная передъ скромною насыпью свѣжей могилы, и была такъ погружена въ свою молитву, что не разслышала приближенія постороннихъ.

Сильвіо смотрѣлъ на нее благоговѣйно, и не посмѣлъ мѣшать ей, пока она не кончила своей молитвы, и не проговорила: «Прости, прости, отецъ, если я, я одна, причиной твоей смерти!» И она поднялась, оглянулась, и, замѣтивъ Сильвіо и его спутниковъ, не выказала ни смущенія, ни досады, но улыбнулась кроткою улыбкой, и направилась къ дому.

Помѣшательство Камиллы было тихое. Съ того дня, какъ Сильвіо отвелъ ее подъ отцовскій кровъ, оно перешло въ тихую меланхолію, такъ что она повидимому казалась совершенно здоровою; но измѣнилась только форма недуга, разсудокъ не возвращался.

«— Если тебя станутъ спрашивать, кто этотъ синьоръ, что̀ поселился съ вами? — говори всѣмъ, что это антикварій, изучающій руины римской Кампаньи».

Таково было истолкованіе, которое Сильвіо счелъ за нужное дать Марчеллино, на случай, еслибъ Манліо пришлось остаться у нихъ на нѣсколько дней.

Аттиліо, послѣ краткаго совѣщанія съ Манліо и Сильвіо, касательно плана дальнѣйшаго ихъ бѣгства, отправился въ Римъ, куда влекли его сердце и обѣщаніе, данное имъ Манліо.

XII.

Прошеніе.

Два дня прошло со времени ареста Манліо, и о немъ еще не было извѣстій. Обѣ женщины были въ отчаяніи.

— И что сдѣлалось съ твоимъ бѣднымъ отцомъ? всхлипывала Сильвія: — никогда онъ не мѣшался въ политическія дѣла, — что онъ всегда былъ либераломъ, это правда; что онъ всегда и по заслугамъ ненавидѣлъ патеровъ, это тоже правда, но вѣдь

онъ никогда и не передъ кѣмъ, кромѣ своихъ, не высказывалъ объ этомъ своихъ мнѣній. Какъ же могла это пронюхать полиція?

Клелія не плакала — и ея печаль по отцѣ, болѣе сосредоточенная, была, впрочемъ, отъ этого не легче. Однако, она находила въ себѣ еще силу утѣшать мать.

— Не плачьте, мамма, ласкалась она: — слезы ничему не помогутъ. Надо узнать, куда они свели отца — и, какъ совѣтуетъ монна* Аврелія, попробовать похлопотать у кого слѣдуетъ. Потомъ и Аттиліо его разыскиваетъ, и, конечно, не отстанетъ, пока не развѣдаетъ всего, что̀ съ нимъ случилось.

Обѣ женщины въ сотый разъ говорили объ этомъ между собой, когда молотокъ у двери возвѣстилъ о приходѣ посѣтителей. Клелія пошла отворить, и впустила монну Аврелію, добрую сосѣдку и старую знакомку семейства.

— День добрый, монна Сильвія.

— И вамъ того же, отвѣтила опечаленная женщина, утирая глаза платочкомъ.

— Вотъ это, заговорила Аврелія: — нашъ другъ Кассіо, которому я говорила о дѣлѣ, написалъ для васъ просьбу на гербовой бумагѣ**, чтобы вручить кардиналу-министру объ освобожденіи Манліо... Онъ говоритъ, что нужно, чтобы вы ее подписали — и для пущаго спокойствія, снесли бы сами къ эминенціи.

Сильвіи, прикосновенной впервые къ подобнымъ дѣламъ, не было по душѣ идти припадать къ стопамъ одного изъ этихъ «свѣтилъ», ненавидѣть которыхъ ее научили съ дѣтства; но что дѣлать? дѣло шло тутъ объ обожаемомъ мужѣ—заключонномъ и можетъ быть уже подвергнутомъ пыткѣ—и эта мысль пробирала дрожью бѣдную женщину. Потомъ Аврелія совѣтовала идти обѣимъ и вызвалась сама проводить ихъ въ палаццо Корсини.

— Идемъ же! рѣшилась, наконецъ, Сильвія, и черезъ полчаса обѣ онѣ были готовы и шли къ жилищу кардинала.

Было девять часовъ утра, когда его эминенція, кардиналъ донъ-Прокопіо, государственный министръ, былъ увѣдомленъ квесторомъ квиринала о побѣгѣ Манліо и о родѣ насилія, которымъ его выкрали. Гнѣвъ прелата былъ неописанный. Тотчасъ же вышелъ приказъ арестовать всѣхъ лицъ, приставленныхъ къ наблюденію за квириналомъ и его тюрьмами— и надзиратели, ключари, командиры карауловъ, драгуны и

* Сокращенное — mia donna (madame).

** Carta bollata; bollo — штемпель, марка. *Прим. перев.*

сбиры, были засажены подъ арестъ по приказанію не на шутку разсердившагося министра. Потомъ, тотчасъ же вслѣдъ за этими распоряженіями, онъ приказалъ позвать къ себѣ Джіани.

— E come diavolo, крикнулъ на него грозный начальникъ:— не засадили вы этого проклятаго скульптора въ за̀мокъ св. Ангела, гдѣ онъ былъ бы въ цѣлости? Зачѣмъ отвели его въ квириналъ, откуда эта караульная сволочь его прозѣвала — отвѣчай?

— Эчеленца! залепеталъ Джіани:—когда дѣло такой важности, то для чего же эминенція ваша не изволила поручить его мнѣ, а довѣрилась этой падали — сбирамъ? что они такое? и чего они стоютъ эти негодяи? порѣшилъ Джіани въ благородномъ намѣреніи возвысить себя самаго въ ущербъ другимъ:— вѣдь это людишки, дозволяющіе себя застращивать и задаривать...

— Что ты мнѣ надоѣдаешь сегодня твоими проповѣдями, скоморохъ! заревѣла эминенція:—словно я нуждаюсь въ совѣтахъ твоихъ! Твоя обязанность—служить мнѣ безотвѣтно. Ищи теперь въ твоей морковьей головѣ, какимъ способомъ добыть дѣвушку... Не то, per Dio, подземелье палаццо огласится гнуснымъ твоимъ фальцетомъ подъ петлею веревки или прихватами щипцовъ...

Джіани хорошо понималъ, что это были не напрасныя угрозы — и хотя свѣтъ думаетъ, что время пытокъ въ наши дни миновало, то онъ заблуждается. Въ подземеліи святаго града пытки еще процвѣтаютъ во всей своей первобытной полнотѣ.

И зналъ еще Джіани, что подземелья церквей, монастырей, дворцовъ и катакомбы скрываютъ столько ужасовъ, что могутъ заставить вздоргнуть самыхъ безстрашныхъ людей.

Съ опущенною головой, презрѣнный скопецъ—ибо таковымъ онъ былъ—такъ-какъ, подобно туркамъ, римскіе патера поручаютъ охрану своихъ женъ кастратамъ, изуродованнымъ еще въ дѣтствѣ, подъ предлогомъ сохраненія чистоты ихъ голоса, съ опущенной головой и не дыша ждалъ своего приговора.

— Подними свои плутовскіе глаза, закричалъ на него кардиналъ: — и гляди на меня прямо!

Джіани, трепеща, устремилъ свои глаза на лицо патрона.

— Неужели же ты все еще не можешь, грабитель, и послѣ того, какъ повыtaskалъ отъ меня, то подъ тѣмъ, то подъ другимъ предлогомъ столько денегъ, доставить мнѣ Клелію?

— Si signore, отвѣтилъ Джіани на удалую, такъ-какъ ему хотѣлось только какъ-нибудь поскорѣе ускользнуть съ глазъ кардинала, а тамъ будь, что будетъ.

Въ эту минуту, къ великому удовольствію Джіани, звонокъ возвѣстилъ посѣтителей, и лакей въ богатой ливреѣ доложилъ:

— Эминенца! три женщины, съ прошеніемъ, просятъ позволенія представиться эминенціи вашей!

— Пусть войдутъ, отвѣтилъ донъ-Прокопіо, но Джіани не сказалъ ни слова.

XIII.

Прекрасная чужестранка.

Извѣстно, что Римъ—классическая страна искусствъ. Тамъ, какъ бы естественная выставка древнихъ руинъ—храмовъ, колоннъ, мавзолеевъ, статуй, остатковъ греческаго и римскаго творчества великихъ произведеній Праксителей, Фидіевъ, Рафаэлей и Микель-Анджело; тамъ на каждомъ шагу возстаютъ, порываясь въ небо, остовы исчезнувшаго величія, запыленные двадцатью протекшими надъ ними вѣками, испещренные побѣдными надписями народа-гиганта, которымъ до сихъ поръ дивятся путешественники, изучаютъ, списываютъ и везутъ къ себѣ, въ свои страны, блѣдныя копіи этого минувшаго величія.

Патеры посягали-было испортить эти двадцати-вѣковыя свидѣтельства величія древности, внося въ стѣны храмовъ современныя украшенія дурнаго вкуса, но, прекрасное, великое, чудесное появляется еще чудеснѣе отъ близости такого сосѣдства.

Джулія, прекрасная дочь гордой Англіи, жила въ Римѣ уже нѣсколько лѣтъ. Дитя свободнаго народа, она презирала все, что̀ принадлежало къ породѣ папистовъ. Но Римъ! Римъ геніевъ и легендъ, отечество Фабіевъ и Цинциннатовъ, ярмарка очарованій,—этотъ Римъ былъ для Джуліи волшебствомъ. Она видѣла все, что̀ было замѣчательнаго въ Римѣ; она посвящала, всѣ дни, всѣ часы свои на изученіе этихъ чудесъ. Она умѣла цѣнить творенія искусствъ, и ежедневное ея занятіе состояло въ копированіи ихъ.

Между великими мастерами она выбрала себѣ предметомъ изученія Буонаротти и всю его школу, представляющую столько разнообразія и пищи для воображенія.

Передъ дивной колоссальной фигурой Моисея * она проводила цѣлые часы въ созерцаніи: отпечатокъ величія на этомъ челѣ и величественность позы казались ей неподражаемыми, не имѣющими себѣ ничего подобнаго въ искусствѣ.

---

* «Моисей» Микель-Анжело Буонаротти, въ церкви св. Петра — in Vincoli. *Прим. авт.*

Она жила въ Римѣ потому, что въ Римѣ нашла пищу своей художественной натурѣ, своей снѣдающей любви къ прекрасному, и въ Римѣ она рѣшилась жить и умереть потому, что не въ состояніи была оторваться даже на одинъ день отъ восторженнаго созерцанія предметовъ своего поклоненія.

Молодая, богатая, рожденная и воспитанная въ дальной и строгой Англіи, какъ могла Джулія разстаться навсегда и навсегда покинуть подругъ и родныхъ, котсрыя ее любили? Ка̀къ?! она нашла свой міръ между остовами развалинъ, и подъ изношеннымъ плащомъ нашего нищаго экзальтированное воображеніе ея отгадало типъ благородной расы древнихъ квиритовъ.

Въ студіи Манліо, куда она заходила нерѣдко, она встрѣтила Муціо, который исполнялъ иногда у художника обязанности натурщика.

Что̀ было за дѣло Джуліи до его низкаго положенія? Развѣ не было на этомъ челѣ того же отпечатка и въ этой поступи того же величія, что поражали ее въ мраморныхъ статуяхъ?

Несмотря на нищету Муціо, Джулія влюбилась въ него съ перваго раза, какъ его увидала. Бѣдность въ ея глазахъ нисколько ему не вредила, нисколько не унижала его. Бѣдность портитъ только людей слабыхъ, а Муціо таковымъ не былъ. Да и что въ богатствѣ? Развѣ оно увеличиваетъ достоинства человѣка?

А Муціо, любилъ ли Джулію? Да, онъ отдалъ бы за̀ нее вселенную, хотя и не рѣшился бы никогда открыть ей любовь свою...

Разъ, вечеромъ, на Лунгарѣ, два пьяные солдата пристали-было къ нашей героинѣ, когда она одна, безъ провожатаго, возвращалась изъ студіи Манліо, и силой хотѣли повести съ собой. То было лучшимъ моментомъ въ жизни Муціо, слѣдившимъ за нею издали: онъ ранилъ и повалилъ одного (другой пустился въ бѣгство), и съ этого вечера никто уже не смѣлъ оскорблять Джуліи на улицѣ.

Въ тотъ самый день, когда женщины Манліо положили отправиться въ палаццо Корсини, Джулія всходила на Яникульскій холмъ, чтобъ посѣтить по обычаю его студію. Отъ молодаго ученика узнала она печальную исторію съ художникомъ, узнала о попыткѣ женщинъ, но не могла узнать, какая именно причина была всему этому. Пока стояла она встревоженная и задумчивая, пришелъ Аттиліо, и отъ него-то услышала она подробности всего дѣла.

— Надобно же, наконецъ, узнать, что̀ все это значитъ, ска-

зала молодая иностранка: — должно думать, что женщины пошли хлопотать о помилованіи, но и намъ не слѣдуетъ терять ни минуты; я имѣю доступъ въ палаццо Корсини; вѣроятно, мнѣ скорѣе, чѣмъ кому-либо другому удастся все разузнать и я надѣюсь еще до вечера увѣдомить васъ обо всемъ...

При этихъ словахъ, не объясняя ничего болѣе, она удалилась.

Аттиліо, усталый отъ ночной тревоги и ходьбы, опечаленный отсутствіемъ Клеліи, остался въ студіи, чтобъ еще разъ поразспросить молодаго Спартако о вещахъ, такъ его интересовавшихъ.

XIV.

Сиккіо.

Возвратимся снова къ 1849 г. и той роковой сценѣ, когда двухлѣтній Муціо былъ обворованъ въ пользу братства «Сан-Винченцы и Паоло». Вспомнимъ, что одинъ изъ служителей дома—Сиккіо—встрѣтилъ этого пройдоху донъ-Игнаціо такимъ пріемомъ, что мы тогда же сочли нужнымъ о томъ упомянуть.

Сиккіо былъ давнишній слуга дома Помпео; въ немъ онъ родился, въ немъ былъ обласканъ, въ немъ и привязался къ сироткѣ Муціо, съ отеческою нѣжностью.

Добрый человѣкъ, но не слишкомъ сметливый, онъ разгадалъ, однако, пронырства «*паолотта*» и его сообщницы; но, кто бы осмѣлился въ Римѣ изобличить исцѣлителя душъ, духовнаго пастыря и исповѣдника знатной барыни?

Для патеровъ исповѣдь — дѣло слишкомъ выгодное, чтобы они не позаботились обставить ее подобающею таинственностью.

Исповѣдь, — это могущественное орудіе католицизма — это главный элементъ его соблазновъ, ключъ къ сокровеннѣйшимъ помысламъ, къ шпіонству, къ богатству, къ вліянію на слабый умъ, къ разврату!

Старый Сиккіо, за преданность свою ребенку и дому, былъ прогнанъ первымъ, когда агентъ паолоттовъ налетѣлъ на свою добычу.

— А младенецъ? спросила-было Флавія донъ-Игнація.

— Младенецъ! воскликнулъ тотъ:—у насъ для него не сиротскій домъ! Его можно отправить туда, пусть онъ тамъ подростаетъ, охраняемый отъ заблужденій развращеннаго вѣка и вліяній еретическихъ доктринъ, преобладающихъ въ обществѣ... Тамъ онъ будетъ всегда подъ нашимъ наблюденіемъ.

И они вторично обмѣнялись такимъ взглядомъ, что обдало бы холодомъ самую смерть.

Къ счастію еще для Муціо, богатство добычи ослѣпило пройдохъ на столько, что послѣ разговора патера со старухою, о немъ совсѣмъ позабыли и, покинутый всѣми, онъ хныкалъ въ колыбели.

Сиккіо, одинъ честный Сиккіо, не забылъ его: воспользовавшись смятеніемъ грабителей, растаскивавшихъ имущество, подъ предлогомъ забранія своего скарба, онъ пробрался въ домъ, унесъ съ собою Муціо и поселился съ нимъ въ отдаленномъ уголкѣ Рима.

Нужно сказать, что отецъ Муціо былъ страстнымъ археологомъ, и во время своихъ изысканій надъ монументами и руинами, имѣлъ привычку брать съ собой Сиккіо. Въ этихъ-то странствованіяхъ по Риму, онъ напрактиковался, слѣдовательно, достаточно, чтобъ избрать ремесло *чичероне* * для пропитанія, ибо съ обузою ребёнка на рукахъ, ему трудно уже было достать себѣ лакейское мѣсто.

Чичеронизмъ въ Римѣ не даетъ большихъ выгодъ, но даетъ относительную независимость жизни, и Сиккіо воспользовался кое-какимъ своимъ знаніемъ для прокормленія себя и своего питомца, къ которому привязывался день-ото-дня горячѣе. Ребенокъ же росъ и дѣлался красивымъ отрокомъ, ловкимъ и сильнымъ. Никогда не возвращался домой Сиккіо съ пустыми руками, не принося своему любимчику чего-нибудь на забаву и, пожалуй, скорѣе отказалъ бы себѣ въ необходимомъ, чѣмъ лишилъ бы своего юнаго друга какой-нибудь дорогой игрушки или любимаго лакомства.

Такъ длилось впродолженіе многихъ лѣтъ, но Сиккіо старѣлъ, старческая хворость стала мѣшать ему слишкомъ усердно заниматься обычнымъ ремесломъ; а отъ чичеронства до нищенства — одинъ только шагъ.

Христарадничать было не по душѣ честному Сиккіо, но надо было кормиться и содержать еще ребенка... Достигнувъ пятнадцатилѣтняго возраста, Муціо сложился въ совершенствѣ и римскіе художники, прельщавшіеся его торсомъ, стали зазывать его въ студіи.

Это нѣсколько облегчало ихъ, но Муціо, знавшій, по разсказамъ Сиккіо, свое происхожденіе, раздумывавшій постоянно о плутовской продѣлкѣ, повергнувшей его въ нищету, мучился

* Чичероне называются въ Римѣ проводники, показывающіе достопримѣчательности, и объясняющіе ихъ иностранцамъ болѣе или менѣе толково.
Прим. авт.

мыслью, что онъ вынуждемъ *позировать* моделью передъ людьми, часто ему незнакомыми, и избѣгалъ этого дѣла. Притомъ сопровождая иногда Сиккіо въ чичеронскихъ его экскурсіяхъ, онъ перенялъ отъ него умѣнье склонить иностранца на осмотръ Campo Vaccino или храма св. Петра и предпочиталъ эту профессію. Не гнушался онъ также и ручными трудами и часто нанимался къ скульпторамъ передвигать глыбы мрамора. Самыя тяжелыя глыбы, сдвигать которыя бывало едва подъ силу тремъ, по крайней мѣрѣ, человѣкамъ—Муціо, 18-ти лѣтъ, ворочалъ почти шутя.

При всемъ томъ никто и никогда еще не видалъ его протягивающимъ руку—почему другіе нищіе и величали его саркастически «*Signor* mendico».

Однажды, закрытая вуалью женщина вошла въ каморку Сиккіо и положила на столъ кошелекъ, полный золотомъ, сказавъ старику повелительнымъ голосомъ:

— Эти деньги помогутъ вамъ обоимъ облегчить свое положеніе. Вы меня не знаете; но еслибъ вамъ и удалось узнать, кто я, не говорите Муціо, отъ кого явилась эта помощь...

И не дожидаясь отвѣта, скрылась.

XV.

Палаццо Корсини.

«Рыбка сама наклевывается», подумалъ развращенный прелатъ, потирая руки при видѣ трехъ вошедшихъ къ нему женщинъ. «Провидѣніе (вотъ какой смыслъ придаютъ подобные люди идеи провидѣнія) на этотъ разъ», продолжалъ онъ разсуждать самъ съ собою: «служитъ мнѣ лучше всѣхъ негодныхъ моихъ наемщиковъ».

Думая такъ, онъ бросалъ время отъ времени плотоядные взгляды на прекрасную дѣвушку, погубить которую составляло его страстное желаніе.

— Гдѣ ваша просьба? спросилъ онъ сухо просительницъ, съ такимъ видомъ, какъ будто ему только изъ этой просьбы придется узнать, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло и по какому поводу, хотя онъ узналъ своихъ посѣтительницъ при самомъ ихъ входѣ.

— Что же, подадите ли вы мнѣ наконецъ вашу просьбу? повторилъ онъ снова, замѣтивъ что послѣ его перваго вопроса женщины молчали, какъ убитыя. Тогда Аврелія выдвинулась впередъ и подала ему бумагу.

Кардиналъ со всѣми внѣшними признаками озабоченности,

углубился въ чтеніе просьбы, потомъ, оставивъ ее, обратился къ Авреліи. «Это вы сами и есть?» сказалъ онъ, показывая видъ, что другихъ женщинъ онъ даже не замѣчаетъ. «Вы жена этого смѣльчака Манліо, который позволяетъ себѣ скрывать въ своемъ домѣ государственныхъ преступниковъ и враговъ его святѣйшества?» Слова эти произнесъ онъ тѣмъ строгимъ и торжественнымъ тономъ, какимъ обыкновенно говорятся увѣщанія неисправимымъ преступникамъ.

— Жена Манліо, не эта синьора, поспѣшила сказать Сильвія: — а я; особа эта пришла со мною только для того, чтобы засвидѣтельствовать передъ вашею эминенціею, что она съ дѣтства знаетъ всю нашу семью и можетъ подтвердить клятвою, что никто изъ насъ никогда не вмѣшивался въ политическія дѣла. Донна Аврелія подтвердитъ вамъ, продолжала горячо Сильвія:— что Манліо — человѣкъ безукоризненно-честный.

— Безукоризненно-честный, подхватилъ кардиналъ, притворяясь раздраженнымъ. — Но если онъ такъ безукоризненно честенъ, то что̀ заставило его прятать у себя еретика и государственнаго преступника? И какъ же это вашъ безукоризненно-честный мужъ рѣшился на бѣгство изъ тюрьмы, воспользовавшись для этого конечно средствами преступными, а̀ не безукоризненными?» За этими словами послѣдовало непродолжительное молчаніе, во время котораго въ головѣ Клеліи, сохранившей наибольшее хладнокровіе и присутствіе духа, быстро пробѣжала мысль: «Бѣгство! значитъ, онъ уже не у нихъ въ когтяхъ болѣе?» Мысль эта такъ ее обрадовала, что все лицо ея озарилось мгновенно радостью и она инстинктивно прошептала вслухъ: бѣгство!

— Да, онъ бѣжалъ, проговорилъ съ разстановкою прелатъ, отгадывая чувства, родившіяся въ душѣ Клеліи:—но радоваться вамъ тутъ еще нечему. Далеко онъ не убѣжитъ. Избѣжать законной кары — не такъ-то легко удается. Манліо — безумецъ. Вмѣсто того, чтобы отвѣчать только за пристанодержательство, онъ окончательно погибнетъ отъ совокупности преступленій за свою дерзкую попытку насильственно вырваться изъ государственной тюрьмы.

Эти рѣзкія и страшныя слова подѣйствовали на бѣдную Сильвію, какъ ударъ грома. Услыхавъ ихъ, она смертельно поблѣднѣла, зашаталась и, протянувъ руки къ своей ненаглядной Клеліи, упала безъ чувствъ въ ея объятія.

Эта неожиданная сцена нисколько не встревожила Прокопіо; мало того, онъ рѣшилъ мысленно извлечь изъ нея себѣ пользу. Для этого онъ позвонилъ, и когда на зовъ его пришли люди,

приказалъ имъ отвести женщинъ въ другую комнату, и стараться всѣми мѣрами привести скорѣе въ чувство женщину, находившуюся въ обморокѣ.

«Вы не выйдете изъ моего дворца, не заплативъ мнѣ за мое безпокойство тѣмъ, чего я такъ долго добиваюсь», подумалъ онъ, оставшись одинъ и, потирая отъ удовольствія руки, потребовалъ къ себѣ немедленно Джіани. Джіани тотчасъ же явился, такъ-какъ онъ находился въ одной изъ комнатъ палаццо, зная, что его услуги могутъ во всякое время понадобиться кардиналу.

— Подходите-ка поближе, сеньоръ, весело сказалъ Прокопіо, и Джіани уже по этому приступу (сеньоромъ кардиналъ называлъ его только въ исключительныхъ случаяхъ, догадался, что ему предстоитъ интимное порученіе.

— Провидѣніе намъ услужило сегодня лучше, чѣмъ это съумѣли бы сдѣлать вы, со всею вашею опытностью и расторопностью... продолжалъ съ улыбкою кардиналъ.

— Кто же смѣетъ сомнѣваться, что ваша эминенція рождена подъ счастливой звѣздой и должна во всемъ имѣть успѣхъ, замолвилъ Джіани, кланяясь и сгибаясь, какъ угорь.

— Н-да! Теперь, слѣдовательно, когда провидѣніе (слово провидѣніе не сходило съ нечистыхъ устъ прелата) устроило главную часть дѣла,—на твоей обязанности выполнить другую. Прежде всего распорядись, чтобы съ женщинами обращались какъ можно лучше. Потомъ — ихъ надо отвести въ заднія комнаты, знаешь? Оттуда, подъ предлогомъ вызова ихъ къ объясненію съ монсиньоромъ Игнаціо (читатель знаетъ уже эту почтенную личность), ихъ надо развести по разнымъ комнатамъ. Когда же онѣ успокоятся отъ всякихъ подозрѣній, мнѣ нужно будетъ видѣться наединѣ съ Клеліею... Понялъ ли?..

— Все будетъ исполнено, какъ желаетъ ваша эминенція, поклонился Джіани.

Кардиналъ, зажмурясь, провелъ рукою по своему подбородку, и далъ знакъ Джіани, чтобы онъ оставилъ его одного. Джіани безмолвно и съ почтительнымъ поклономъ ретировался. Развратный кардиналъ проводилъ его полустрогой, полуснисходительной улыбкой, но едва онъ остался одинъ, какъ вошедшій человѣкъ доложилъ ему, что его желаетъ видѣть какая-то синьора англичанка.

— Проси же, проси ее, быстро проговорилъ Прокопіо: — просто манна сегодня падаетъ на меня съ неба, подумалъ онъ, и снова провелъ себѣ сладострастно рукою по подбородку. Лицо его, покрытое темными пятнами—слѣдами разврата, меж-

ду которыми проглядывала желто-зеленая кожа, какъ у хамелеона — приняло самодовольное выраженіе.

— Добро пожаловать! радушно воскликнулъ онъ, когда на порогѣ двери показалась высокая и красивая женщина-артистка. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, и предложивъ ей руку, подвелъ ее къ кресламъ.

— Чему я обязанъ счастіемъ, забормоталъ онъ: — видѣть подъ своею кровлею снова васъ, въ той самой комнатѣ, которую вы нѣкогда уже удостоивали своимъ посѣщеніемъ? Ахъ! съ тѣхъ поръ, какъ вы уже ее болѣе не украшали собой, я на нее сталъ смотрѣть, какъ на печальную пустыню...

«Какъ извивается эта змѣя», думала про себя Джулія (это была она), пока прелатъ витійствовалъ и сѣвъ въ кресла, сказала: — ваша эминенція попрежнему любезны, за что я вамъ немало благодарна. Я бывала тогда часто, какъ вы знаете, потому, что снимала копіи съ вашихъ превосходныхъ картинъ. Послѣ же того, какъ всѣ копіи были сняты, я не видѣла основаній снова сюда являться.

— Основаній! основаній! Какъ холодно вы выражаетесь, заставляя меня скорбѣть отъ такой холодности.—Право, синьора Джулія, я бы имѣлъ право обидѣться тѣмъ, что вы находите, что нѣтъ никакого основанія посѣщать людей, искренно намъ преданныхъ. Вы, съ вашей красотой, кромѣ того, имѣете полнѣйшее основаніе появляться всюду. Васъ вездѣ ожидаетъ почетъ и поклоненіе.

Произнося эти и подобныя медовыя фразы, донъ-Прокопіо въ то же время, какъ бы нечаянно, подвигалъ свои кресла къ кресламъ гостьи, чтобы къ ней какъ можно приблизиться. Маневръ его, впрочемъ, не удавался, такъ-какъ при каждомъ движеніи его кресла, гостья отодвигала свое на такое же разстояніе, такъ что два эти кресла напоминали собою двѣ волны, постоянно стремящіяся въ одну сторону и никогда несливающіяся.

Наскучивъ неудачнымъ двиганьемъ стульевъ, прелатъ очевидно что-то придумалъ новое и съ рѣшительнымъ видомъ всталъ и подошелъ къ Джуліи.

— Да сидите же, бога ради, спокойно, строго перебила она его:—или я сейчасъ же уйду. И она тоже поднялась, поставивъ между собою и прелатомъ, въ видѣ защиты, кресло...

Кардиналу эта поза очевидно не особенно понравилась, онъ съ досадою опустился снова въ кресла; Джулія тоже сѣла и сухо сказала:

— Я посѣтила васъ по важному дѣлу, знайте это, такъ-какъ

я уже сообщила вамъ, что не считаю для себя удобнымъ какія бы то ни было посѣщенія вашего палаццо безъ особенно важныхъ основаній для этого. Я пришла къ вамъ, получить отъ васъ свѣдѣнія объ одномъ семействѣ, которое меня интересуетъ, о семействѣ скульптора Манліо, которое приходило къ вамъ.

— Приходило-то оно, точно приходило, проговорилъ неохотно Прокопіо: — но теперь оно уже ушло.

— И давно уже ушло оно? спросила Джулія голосомъ, въ которомъ сквозило недовѣріе.

— Нѣтъ, нѣтъ, недавно... только что... минутъ пять...

— Значитъ, теперь онѣ уже не въ палаццо? переспросила гостья.

— Конечно, уже не въ палаццо, твердо солгалъ прелатъ.

Джулія недовѣрчиво покачала головою, медленно поднялась съ мѣста и, едва удостоивъ поклономъ негодяя-кардинала, удалилась изъ залы.

Британская раса, подобно всякой другой, имѣетъ свои недостатки. Совершеннаго народа на землѣ, какъ извѣстно, нѣтъ, но я очень высоко цѣню англичанъ. По моему мнѣнію, въ наше время только между англичанами можно встрѣтить такихъ личностей, которыхъ можно смѣло сравнить по доблестямъ съ типами нашихъ предковъ, *отцовъ* первобытнаго Рима.

Какъ нація—Англія эгоистична и властолюбива; исторія ея представляетъ не мало преступленій, задуманныхъ и приведенныхъ въ исполненіе во имя этихъ пороковъ—въ средѣ своего народа и среди народовъ чуждыхъ.

Для того, чтобъ удовлетворить своей ненасытной жаждѣ золота и владычества, Англія загубила и замучила въ своихъ желѣзныхъ тискахъ не мало чуждыхъ національностей, но едва-ли кто нибудь рѣшится отрицать, чтобы въ общемъ ходѣ человѣческаго прогресса—значеніе ея не было громадно. Англія посѣяла сѣмена того сознанія личнаго человѣческаго достоинства, во имя котораго каждый уважающій себя человѣкъ является сильнымъ, гордымъ и непреклоннымъ, лицомъ къ лицу съ самыми прихотливыми требованіями тѣхъ, кто, по собственному признанію, сотворенъ для опеки надъ міромъ себѣ подобныхъ.

Благодаря своему постоянству и отвагѣ, англичане съумѣли соединить у себя правительственный порядокъ съ полною свободою личности и самоуправленіемъ. Островъ ихъ сдѣлался святилищемъ и неприкосновеннымъ пріютомъ для всякаго

несчастія. Деспотъ на немъ, рядомъ съ послѣднимъ изъ своихъ подданныхъ, политическимъ изгнанникомъ, въ равной мѣрѣ пользуется гостепріимствомъ, ради одного того, что они оба—люди.

Въ Англіи впервые раздалось слово—объ освобожденіи черныхъ, которое послѣ гигантской борьбы восторжествовало недавно и по ту сторону окена—между соплеменниками англичанъ, на новомъ материкѣ. Даже начавшееся возрожденіе Италіи могло удасться отчасти только благодаря Англіи, такъ-какъ въ 1860 году, въ мессинскомъ проливѣ—Англія первая произнесла мужественное слово невмѣшательства.

Но Италія, такъ же какъ и Англія, много обязана и Франціи. Человѣчество всегда будетъ помнить, что во Франціи, прежде чѣмъ вездѣ, распространилось господство философскихъ принциповъ. Міръ никогда не забудетъ также перваго торжественнаго провозглашенія правъ человѣка. Уничтоженіемъ варварскаго рабства на Средиземномъ морѣ, мы тоже обязаны Франціи. Страна эта долгое время умѣла стоять во главѣ европейской цивилизаціи,—но теперь, увы! она это свое величіе утратила! Нынѣ, ползая передъ истуканомъ призрачнаго величія, она разрушаетъ то самое великое дѣло, созидать которое—было важнѣйшею задачею ея прошлаго.

Нѣкогда Франція гордо провозглашала и стремилась водворить повсюду свободу міра; теперь она же сама стремится ее повсюду истреблять и уничтожать.

Она отрицается и отчуровывается нынѣ отъ Разума,—олицетвореннаго ею нѣкогда въ образѣ божества. Теперь она—не признаніе разума, и ея солдаты, дѣти ея земли, становятся добровольно жандармами главнаго жреца мрака и невѣжества.

Будемъ же хоть надѣяться, что настоящее Франціи—измѣнится. Будемъ утѣшаться тѣмъ, что мы снова увидимъ Францію въ прежнемъ блескѣ, когда двѣ великія націи—встанутъ дружно и вмѣстѣ во главѣ и на сторожѣ міроваго прогресса.

XVI.

Совѣтъ.

Въ тотъ же самый вечеръ, въ маленькой комнаткѣ Сиккіо находились три лица, которыя своею красотою могли бы привести въ восторгъ и удивленіе любого изъ великихъ художниковъ, даже изъ тѣхъ, которые умѣли своими произведеніями «сводить на землю Олимпъ».

Что такое красота? Отъ чего зависитъ ея чарующее влiянiе на всѣхъ и каждаго? Отчего отличенные ею пользуются особеннымъ почитанiемъ отъ окружающихъ? Развѣ внѣшняя красота всегда служитъ ручательствомъ внутреннихъ достоинствъ? Развѣ встрѣчается мало людей, которые при некрасивой внѣшности обладаютъ золотымъ сердцемъ? Отчего же это предпочтенiе красотѣ? Что дѣлать! Человѣкъ какъ бы инстинктивно привлекается и подкупается красотой, и женщины въ этомъ отношенiи еще чувствительнѣе мужчинъ.

Красивая внѣшность невольно возбуждаетъ довѣрiе къ человѣку. Прiятно, когда старикъ отецъ красивъ, когда красивы мать и дѣти, прiятно и для самого себя обладать чертами лица, которыя представляютъ бо̀льшее сходство съ Ахиломъ, нежели съ Ѳерситомъ.

Красивый военачальникъ легче другого возбуждаетъ энтузiазмъ въ своихъ подчиненныхъ, страхъ во врагахъ своихъ. Однимъ словомъ, родиться красивымъ—великое благо, хотя и въ этомъ случаѣ, какъ и во множествѣ другихъ, наблюдателя поражаетъ неравномѣрное распредѣленiе этого дара между людьми. Трудно понять, почему всемогущая природа и вслѣдствiе какого своего закона или пожалуй каприза—однихъ надѣляетъ и въ этомъ смыслѣ черезчуръ щедро, другихъ же совершенно обдѣляетъ.

Сколько ненужныхъ страданiй выноситъ обыкновенно человѣкъ, если онъ безобразенъ. Сколько невольныхъ оскорбленiй, сколько тяжелыхъ обидъ—инстинктивно наносятъ ему ближнiе. Уродъ не можетъ разсчитывать на любовь женщины. Онъ возбуждаетъ въ ней состраданiе, а не восторгъ. Если она хороша, онъ никогда не возбудитъ къ себѣ даже и такого чувства. Если женщина дурна, она также не будетъ любить его, такъ-какъ безобразныя женщины или бываютъ совершенно лишены инстинкта состраданiя, или своимъ сочувствiемъ къ уроду побоятся выказать какъ бы признанiе своего собственнаго уродства, побоятся быть заподозрѣнными въ томъ, что своимъ участiемъ онѣ вымаливаютъ подобное же чувство къ себѣ. Встрѣчая къ себѣ сочувствiе, уродъ всегда долженъ опасаться, не притворное ли оно? не скрывается ли подъ нимъ только стремленiе какъ можно скорѣе—такимъ подаянiемъ отъ него отдѣлаться, или, что̀ еще хуже, не прикрываетъ ли подобное сочувствiе, какъ маска, только обидной для него насмѣшки, только желанiя надъ нимъ посмѣяться.

Извѣстно, что одно лишь золото въ состоянiи нѣсколько скрасить безобразiе тѣла.

Между тѣмъ красота позволяетъ человѣку, даже безъ всякой съ его стороны личной заслуги, чваниться и властвовать надъ толпою.

Что это? разсчетъ ли природы или капризъ? Случайность—или необходимость?

Когда Джулія вошла, Аттиліо и Муціо закидали ее вопросами о семействѣ Манліо.

— Да, отвѣтила она:—я увѣрена, что онѣ въ палаццо Корсини, хотя безчестный Прокопіо и отпирается. Вы понимаете, что ему отпираться не трудно, онъ можетъ купить все за свое золото, что̀ ни задумай онъ сдѣлать. Его порочные клевреты помогутъ ему при всякомъ преступленіи спрятать концы въ воду.

Аттиліо при этихъ словахъ судорожно поднялся, какъ бы собираясь уходить. Онъ приложилъ руку ко лбу, какъ бы что-то обдумывая; потомъ, устыдясь, вѣроятно, своей мысли, въ изнеможеніи снова опустился на стулъ.

Джулія, отгадавшая по его движенію, какой вулканъ нылъ въ его груди, обратилась къ нему.

— Аттиліо! вамъ больше всякаго другаго слѣдуетъ сдерживаться и быть хладнокровнымъ,если вы хотите дѣйствительно высвободить свою невѣсту изъ недостойныхъ сѣтей; теперь еще рано— и дѣлать нечего, надо ждать. Раньше десяти часовъ вамъ нельзя и начинать вашей попытки, если вы только хотите успѣха.

— Безъ сомнѣнія! подтвердилъ Муціо:—да и мнѣ надобно еще прежде сходить, предупредить Сильвіо, чтобы онъ со своими товарищами явился въ сосѣдство палаццо. Пожалуйста, другъ, ужь не трогайся съ мѣста до моего возвращенія.

Мы знаемъ, какъ сильно любилъ Муціо—Джулію. Къ чести его надобно сказать, что оставляя ее съ глазу на глазъ съ Аттиліо, красивѣйшимъ римскимъ юношей, онъ не чувствовалъ никакой ревности. Онъ зналъ, что любовь къ нему Джуліи была любовь сильная, не измѣняющая, не умирающая, не проходящая съ годами или съ перемѣной судьбы. Онъ зналъ, что его несчастія дѣлаютъ его еще дороже для его возлюбленной.

XVII.

Правосудіе.

Правосудіе — великое слово, но какъ оно поругано, какъ осмѣяно на землѣ сильными міра! Христосъ былъ распятъ на крестѣ во имя человѣческаго правосудія. Галилея въ видахъ правосудія подвергали пыткѣ. А тѣ порядки и законы, кото-

рыми управляются еще столькія страны — современнаго Вавилона — цивилизованной Европы, развѣ они не составляютъ олицетворенія правосудія?

Европа! Страна, гдѣ работающій голоденъ и рискуетъ погибнуть голодной смертью, гдѣ тунеядцы благоденствуютъ, утопая въ порокахъ и роскоши, гдѣ только немногія семьи участвуютъ въ управленіи націями, гдѣ поддерживаются постоянныя войны и раздоры подъ прикрытіемъ безпрестанно произносимыхъ громкихъ словъ: патріотизмъ, законность, честь знамени, военная слава, гдѣ половина населенія составляетъ рабовъ, а другая половина исправляетъ правосудіе, наказывая и истязая рабовъ, если они осмѣливаются заявлять свое недовольство жалобами!..

Однообразный ходъ законнаго правосудія нарушаетъ только изрѣдка какой-нибудь частный случай, когда кинжалъ или карабинъ самовольно берутъ на себя роль капризныхъ исполнителей правосудія. И тогда повсюду поднимается шумъ и гвалтъ, какому-нибудь Орсини тотчасъ же отрубаютъ голову, а Наполеонъ III, за то, конечно, что онъ во всю свою жизнь не пролилъ ни капли человѣческой крови (ни въ Парижѣ, ни въ Римѣ, ни въ Мексикѣ!), повсюду превозносится и прославляется за свое великодушіе.

Но... пробьетъ и для Франціи часъ настоящаго правосудія. Тогда встрепенутся всѣ тѣ шакалы, которые живутъ достояніемъ бѣдняковъ, и тѣ, которые способствуютъ развращенію націи изъ двадцати-пяти милліоновъ людей.

Прокопіо и Игнаціо, преступныя дѣйствія которыхъ намъ уже извѣстны, также были близки отъ исполненія надъ ними правосудія. Въ то время, когда они приготовлялись къ новому преступленію, въ палаццо Корсини, подлѣ этого дворца уже имѣлись наготовѣ Аттиліо, Муціо, Сильвіо и человѣкъ двадцать ихъ товарищей изъ трехсотъ, чтобы сдѣлаться исполнителями правосудія, хотя и разбойническимъ способомъ.

Это гордые сыны Рима понимали и чувствовали, что для раба не существуетъ нигдѣ опасности, что всякое предпріятіе для него удобоисполнимо, такъ-какъ все, что онъ можетъ при этомъ потерять—только жизнь; на жизнь же смотритъ онъ, какъ на предметъ, не имѣющій никакой цѣны. Такою сдѣлали ему жизнь тираны!

Поэтому три наши героя совершенно спокойны, какъ бы въ ожиданіи праздника. Дыханіе ихъ ровно; если сердце ихъ и бьется ускоренно, то только отъ надежды, что скоро должна наступить минута отмщенья. Въ ожиданіи, когда пробьетъ де-

сять часовъ, они прохаживаются по Лонгарѣ, но прохаживаются не вмѣстѣ, а въ разбродъ, такъ-какъ папскимъ правительствомъ строго запрещены на улицахъ всякія сборища.

За то они соединятся... за дѣломъ.

Въ палаццо все устроилось по мысли Прокопіо. Подъ предлогомъ допроса—три женщины разлучены. Клелія—одна. Клелія безпокойна... она предчувствуетъ что-то недоброе... и вотъ она вынимаетъ изъ своей косы небольшой кинжалъ, какой обыкновенно носятъ при себѣ римлянки, осматриваетъ его, пробуетъ его остріе и какъ вѣрнаго друга прячетъ къ себѣ на грудь подъ складки своего платья.

Послѣ девяти часовъ, прелатъ надѣваетъ свои лучшія, и, по его мнѣнію, наиболѣе украшающія его одежды и собирается на «осаду крѣпости», какъ онъ обыкновенно называетъ свои нечистыя и насильственныя интриги. Онъ тихо открываетъ дверь комнаты, гдѣ находится Клелія, и мягкимъ, сладенькимъ голосомъ говоритъ ей: «добрый вечеръ».

Клелія чуть не съ презрѣніемъ отдаетъ ему такое же привѣтствіе.

— Вы меня извините, обращается онъ къ ней съ ласковымъ полушопотомъ: — что васъ такъ долго продержали въ этой комнатѣ, но это произошло оттого, продолжаетъ онъ уже совсѣмъ медовымъ голосомъ:—что я самъ хотѣлъ видѣть васъ передъ вашимъ уходомъ и сообщить вамъ, что я нашелъ возможнымъ закрыть глаза на преступное бѣгство отца вашего и оставить его безъ преслѣдованія. Кромѣ того я хотѣлъ бы, продолжаетъ волкъ: — чтобы вы узнали, что я вижу васъ уже не въ первый разъ, и что съ тѣхъ поръ, какъ я васъ увидѣлъ, я сгараю къ вамъ самою чистою, пламенною любовью...

Говоря это, лукавый прелатъ, производя легкій шумъ своею шелковою сутаной, шагъ за шагомъ приближается къ Клеліи, но въ дѣвушкѣ уже промелькнула мысль о необходимости своей защиты, и вотъ она ловкимъ прыжкомъ становится за большой столъ, загораживается имъ отъ прелата и дѣлается для него совершенно недоступною, даже еслибы онъ могъ быть на столько же легокъ и ловокъ, какъ она.

Тогда прелатъ обращается къ мольбамъ и лести, на какую онъ только способенъ; онъ проситъ и умоляетъ дѣвушку не препятствовать его страсти и раздѣлить съ нимъ его чувство. Но дѣвушка съ каждымъ его словомъ отвѣчаетъ ему все съ бо̀льшею и бо̀льшею гордостью. Тогда онъ начинаетъ сердиться, и выходитъ изъ себя отъ мысли, что ему приходится терять столько времени понапрасну. Гнѣвъ его все растетъ, и

вотъ онъ, послушный уже одному голосу страсти, дѣлаетъ условный знакъ, и на помогу къ нему являются донъ-Игнаціо и Джіани.

Испуганная необходимостью борьбы противъ трехъ, Клелія съ рѣшительностью вынимаетъ кинжалъ: «Подступитесь только», говоритъ она съ твердостью, «и я вонжу кинжалъ этотъ въ свое сердце!» Но дѣвушкѣ врядъ ли удастся исполнить эту свою угрозу. Старикъ, ограбившій Муціо въ младенчествѣ, уже успѣлъ подкрасться къ ней и схватить своею костлявой рукой ее за правую руку, сжавъ ее какъ бы желѣзными клещами. Джіани точно также подступился съ лѣвой стороны. Имъ нужно укротить дѣвушку, обезоруживъ ее.

Но это дѣло нелегкое. Клелія отбивается съ такою силою гнѣва, что оба злодѣя изнемогаютъ. Руки ихъ переранены и изъ нихъ льется кровь. Тогда массивный Прокопіо видитъ, что безъ его личнаго вмѣшательства они ни до чего не достигнутъ. Онъ приближается, и они втроемъ успѣваютъ побѣдить свою жертву. Обезсиленная борьбой, съ разметавшимися волосами, она почти безъ чувствъ. Трое достойныхъ бойцовъ берутъ ее на руки и относятъ въ альковъ, примыкающій къ комнатѣ. Альковъ этотъ — заповѣдная арена великихъ подвиговъ прелата.

Читавшіе исторію папъ, конечно, не станутъ удивляться только-что описанной мною сценѣ. Чего нельзя ожидать отъ патеровъ послѣ классической продѣлки одного изъ Фарнезе — сына папы, съ епископомъ фанскимъ? Почему подчиненные донъ-Прокопіо отказались бы ему помогать въ истязаніяхъ несчастной дѣвушки, если это могло доставить ему удовольствіе? Ихъ повиновеніе не останавливается ни передъ какими щекотливыми соображеніями.

Въ эту самую минуту, однакожь, когда дѣвушку несли, извнѣ послышался необычайный шумъ. Дверь въ сосѣднюю комнату отворилась съ громовымъ звукомъ и посреди комнаты внезапно появились два человѣка, отчаянный видъ которыхъ могъ бы привесть въ содроганіе самаго сатану. Это были наши друзья — Аттиліо и Муціо. Но какъ они измѣнились отъ негодованія! Черты лица ихъ были искажены, и подъ вліяніемъ энтузіазма, создающаго героевъ, который одушевлялъ ихъ, они казались даже выше своего роста.

Аттиліо прежде всего и внѣ себя, отъ избытка чувствъ, бросился къ своей возлюбленной дѣвушкѣ. Злодѣи могли воспользоваться этой минутой, чтобы бѣжать, такъ-какъ ихъ сдерживалъ всѣхъ троихъ своимъ холоднымъ и торжественнымъ взо-

ромъ одинъ только Муціо, еслибы Сильвіо не успѣлъ тотчасъ же явиться къ нему на выручку. При входѣ его Муціо указалъ ему на дверь съ грозными словами: «Присмотри, чтобы никто отсюда не вышелъ».

Тогда Муціо, вынувъ изъ кармана пистолетъ, приказалъ, подъ опасеніемъ смерти, всѣмъ троимъ соумышленникамъ не двигаться и перевязалъ ихъ съ руками назадъ, поочередно, крѣпкою веревкою. Честь быть связаннымъ послѣ всѣхъ выпала на долю монсиньора, и связанъ онъ былъ такъ крѣпко, что кости его захрустѣли. При этомъ звукѣ злая улыбка осѣнила красивое лицо нищаго.

Донъ-Игнаціо охалъ и ахалъ, пока его связывали. «Что же ты не охалъ», насмѣшливо спрашивалъ его Муціо, «въ ту ночь, когда грабилъ сироту-ребенка? Почему не охалъ, своднichая молодыхъ дѣвушекъ своему развратному кардиналу?»

Не желая возбуждать въ читателяхъ чувства омерзенія, я опускаю всѣ мольбы, и просьбы и клятвы трехъ несчастныхъ о сохраненіи имъ жизни. Всѣ эти мольбы были, конечно, тщетны. Обиды, нанесенныя ими нашимъ героямъ, были слишкомъ кровными обидами; Клелія, Камилла, Манліо—три ихъ жертвы требовали за себя отмщенія. Казнить ихъ было необходимо во имя будущей свободы Рима.

И вотъ они всѣ трое—съ связанными руками, были повѣшены одинъ вслѣдъ за другимъ за окномъ, на высотѣ третьяго этажа.

Съ наступленіемъ утра—на такое зрѣлище собралась громадная толпа.

«Такъ имъ и надобно», слышалось тамъ и сямъ. «Эти висѣльники изъ той породы, которая вотъ уже пятнадцать столѣтій сряду, помощью лжи, развращенія, обмана, плутовства, превратила Римъ, нѣкогда великую метрополію міра—въ грязную и вонючую клоаку всяческихъ преступленій и нечистотъ».

XVIII.

Изгнаніе.

Было утро пятнадцатаго февраля, и римскую Кампанью освѣщали первые лучи восходящаго солнца.

Эта торжественная пустыня, гдѣ нѣкогда процвѣтало столько населенныхъ городовъ, нынѣ вся покрыта лѣсами и топями и представляетъ собой удивленному путешественнику картину запустенія и отчаянія. Жалкіе обитатели ея, время отъ времени по-

падающіеся вамъ на встрѣчу, отражаютъ на своихъ жолтыхъ и исхудалыхъ лицахъ страданія и зараженіе маларіей. Безконечныя равнины, гдѣ нѣкогда тѣснилось многочисленное населеніе, сдѣлались мѣстомъ пребыванія дикихъ буйволовъ и кабановъ. Сады, виллы, виноградники, снабжавшіе нѣкогда своими плодами двухмилліонное населеніе метрополіи, заглохли, исчезли и на ихъ мѣстахъ видны однѣ только, распространяющія міазмы, болота.

Тамъ и сямъ разбросанные кресты служатъ путешественникамъ указаніемъ, что убійства здѣсь совершаются нерѣдко, такъ какъ невѣжество и грубость правящаго духовенства съумѣли обратить потомковъ великаго народа въ безпутныя шайки фанатиковъ и разбойниковъ.

Слѣды знаменитыхъ консульскихъ дорогъ, напоминающихъ о проходѣ по нимъ безсмертныхъ легіоновъ, и нѣкогда пересекавшихъ эти долины во всевозможныхъ направленіяхъ, едва замѣтны между рвами и развалинами, скрывающими ихъ. Кажется, что духъ владѣльцевъ этихъ земель, патеровъ *, безраздѣльно царитъ надъ ними, обезлюдивъ и обезплодивъ ихъ, изсушивъ и истощивъ самую почву.

Въ утро, о которомъ я говорю, у дома Марчелино остановилась дорожная карета, и изъ нея вышли четыре знакомыхъ намъ женщины. Какъ радо было встрѣчѣ съ Манліо все семейство художника, сколько тутъ было искреннихъ поцалуевъ — мнѣ говорить, разумѣется, нечего. Встрѣчи, послѣ столькихъ бѣдъ, всегда бываютъ радостными. Джулія и Аврелія съ глазами, полными слезъ, молча любовались на эти простыя выраженія чувствъ и проклинали въ душѣ своей тѣхъ, кто этимъ честнымъ людямъ нанесъ столько горя.

Камилла съ испугомъ смотрѣла на новое для нея зрѣлище и не могла произнести ни слова. Еслибы она была въ состояніи понять, что ея обольстителя уже не существовало, можетъ быть, она бы могла, кто знаетъ, придти въ себя... но сознаніе ея къ ней — еще не возвращалось.

Марчеллино, налюбовавшись прекрасными лицами Джуліи и Клеліи, разсудилъ, что такихъ гостей ему, въ качествѣ маленькаго хозяина, не грѣхъ поподчивать свѣженькимъ молокомъ, и потому побѣжалъ подпрыгивая въ конюшню, доить корову.

— И такъ, сказалъ Манліо Джуліи, послѣ безчисленныхъ разспросовъ и толковъ: — остается только одно—изгнаніе. Конеч-

* Вся римская Кампанья принадлежитъ въ настоящее время нѣсколькимъ монсиньорамъ и прелатамъ, которые оставляютъ свои земли для разврата въ столицѣ. *Прим. авт.*

но, настоящій проклятый порядокъ вещей долго не продержится, но все-таки, послѣ всего, что произошло, надо остерегаться, чтобы не подпасть подъ руку патерамъ, при послѣднихъ пароксизмахъ ихъ неистовства. Теперь месть и месть—любимое всюду слово!

— Я думаю то же самое, отвѣчала Джулія: — надобно, не теряя времени, укрыться отъ преслѣдованія этихъ людей, остальное все само собою устроится, и вѣроятно, всѣмъ вамъ весьма скоро можно будетъ вернуться назадъ въ Римъ, который обновится и станетъ свободнымъ.

Способъ къ отъѣзду отыскался легко.

— У меня въ портѣ д'Анцо своя *яхта*, сказала англичанка.

Слово «яхта», безъ сомнѣнія, будетъ непонятно для итальянскихъ читателей и особливо читательницъ. Что это за талисманъ такой, подумаютъ они, при помощи котораго иностранка тотчасъ же нашла средства къ отъѣзду цѣлаго семейства.

Яхта вовсе не талисманъ, а морское судно, на какихъ смѣлые и богатые англичане любятъ переплывать океанъ и навѣщать всѣ страны міра, какъ бы не выходя изъ своей комнаты.

Ни у французовъ, ни у испанцевъ, ни у итальянцевъ яхтъ не существуетъ, хотя они и причисляютъ себя къ морскимъ націямъ. Обычай владѣть яхтой, слишкомъ наперекоръ ихъ изнѣженному воспитанію. Богатые люди этихъ странъ обыкновенно предаются всѣмъ наслажденіямъ роскошной жизни въ столицахъ, и изъ нихъ врядъ-ли кому придетъ на мысль рисковать своею драгоцѣнною жизнью для морскихъ путешествій, при которыхъ они могутъ подвергаться всѣмъ случайностямъ бурной стихіи.

Поэтому-то ни у итальянцевъ, ни у испанцевъ, ни у французовъ, нѣтъ въ средѣ народа своихъ Раднеевъ, Жервисовъ, и Нельсоновъ.

Англичанинъ—на оборотъ. Будь онъ богатъ, какъ набобъ— онъ отъ всей души ненавидитъ праздность и ничегонедѣланіе... Если ему уже ровно нечего дѣлать, онъ заводитъ себѣ яхту и отправляется на ней въ океанъ—искать сильныхъ ощущеній, бурь и урагановъ. Онъ одинаково не опасается, какъ тропическихъ жаровъ, такъ и полярнаго холода. Онъ появляется вездѣ и всюду, ко всему присматривается, прислушивается, всему учится и дѣлается здоровымъ и крѣпкимъ—духомъ и тѣломъ. Благодаря такому складу своихъ дѣтей, Альбіонъ цѣлые вѣка безраздѣльно господствуетъ надъ моремъ. Со своими деревянными кораблями, пловучею защитою своей страны, Англія умѣла отстоять независимость своей гостепріимной для изгнанниковъ страны. Те-

перь, когда вмѣсто деревянныхъ построекъ, у ней появились металлическія, броненосныя суда—она, конечно, уже обезпечена навсегда отъ всякихъ внѣшнихъ непріятельскихъ нападеній.

— И такъ, сказала Джулія:—у меня своя яхта въ портѣ д'Анцо, и я надѣюсь, что мнѣ удастся посадить васъ на нее незамѣченными, послѣ чего мы отлично поплывемъ съ попутнымъ вѣтромъ.

XIX.

Термы Каракаллы.

Я предоставляю читателю судить самому, какой шумъ долженъ былъ произойти въ Римѣ пятнадцатаго февраля, которое наступило вслѣдъ за трагической ночью въ палаццо Корсини. Шумъ, толкотня, давка, движеніе—передъ палаццо. «Что случилось?» «Что произошло?» слышалось повсюду. «Не сигналъ ли это къ возстанію?» «не пора ли покончить съ свѣтской, а кстати уже и съ духовной властью блюстителя душъ нашихъ?»

Между тѣмъ трупы повѣшенныхъ висѣли, да висѣли себѣ на окнахъ, и такъ-какъ въ Римѣ чуть не каждый житель опасается всѣхъ другихъ, то никто не осмѣливался приблизиться къ роковому мѣсту и войти въ самое палаццо, изъ опасенія, чтобы не навлечь на себя этимъ подозрѣніе. Трусливое начальство тоже на это не отваживалось, вѣроятно опасаясь западни, и наконецъ, рѣшило призвать къ себѣ на помощь роту иностраннаго легіона, и подъ ея прикрытіемъ вошло въ палаццо. Солдаты съ глубочайшимъ цинизмомъ глумились надъ повѣшенными патерами.

— Экіе три окорока, говорили одни.

— Это еще что, вторили имъ другіе:—если такіе вывѣшены у нихъ на виду, то какія же свиныя туши должны сохраняться въ кладовыхъ!

Солдаты приступили къ снятію труповъ, толпа голосила и смѣялась.

— Что ты такъ больно нѣжно его снимаешь, небось не ушибется, слышалось въ одной кучкѣ.

— Ишь хватается за рыбу, которую не самъ вдѣвалъ на крючокъ, отзывались въ другой сторонѣ. Между тѣмъ солдаты, снимая трупъ дона-Прокопіо, упустили нечаянно веревку. Массивный трупъ съ шумомъ упалъ на мостовую улицы.

Толпа и на это цинически разсмѣялась.

Нищій сказалъ тогда Сильвіо:

— Эта толпа негодяевъ производитъ во мнѣ отвращеніе. Она безъ пощады и разбора готова смѣяться надо всѣмъ. Отъ стараго Рима остался одинъ *Паскино* *. Я бы хотѣлъ, наконецъ, хотя бы когда-нибудь увидѣть въ этомъ народѣ ту важность, то сознаніе своего достоинства, которыя проявляли наши отцы—на форумѣ, когда они за дорогую цѣну продавали и покупали земли, занятыя войсками побѣдоноснаго Аннибала, или когда избирали диктатора, чтобы спасти республику отъ погибели—и никогда не ошибались въ своемъ выборѣ. Но сколько времени должно еще пройти, чтобы народъ снова могъ подняться до такого величія, послѣ такой коренной своей испорченности отъ господства духовныхъ. Изо всѣхъ золъ, принесенныхъ этими невѣждами нашей странѣ, — наибольшее — то развращеніе массъ, при помощи котораго они сумѣли совершенно исказить ихъ нравственный характеръ.

— Что же станешь тутъ дѣлать? отвѣчалъ Сильвіо.—Рабство дѣлаетъ изъ человѣка—звѣря. Наше рабство — самое печальное и позорное. Наши развратители тщеславятся своимъ рабствомъ, и хотѣли бы, чтобы и мы также обожали нашихъ тирановъ.

Разговаривая такимъ образомъ, они дошли машинально до студіи Аттиліо. Они застали его за скромной трапезой, и оба съ удовольствіемъ приняли въ ней участіе. Потолковавъ еще между собою о событіяхъ дня, они всѣ трое легли отдыхать, въ чемъ послѣ бурно проведенной ночи они всѣ одинаково нуждались.

Около десяти часовъ вечера они всѣ вмѣстѣ отправились въ термы Каракаллы, гдѣ въ этотъ день назначена была, какъ мы уже знаемъ, сходка трехсотъ.

XX.

Въ термахъ.

Когда римляне получили господство надъ міромъ, когда они не знали что̀ дѣлать съ сокровищами, награбленными отовсюду, они, какъ извѣстно, предались лѣни, нѣги, роскоши и всякаго рода излишествамъ.

Земляныя работы и всякія упражненія, нѣкогда поддерживавшія ихъ силы и бодрость, стали для нихъ непривлекательны, трудны и даже невыносимы. При ихъ изнѣженности древнее оружіе показалось имъ тяжело, не подъ силу, и они ста-

---

* Столбъ, на который наклеивали пасквили. *Прим. перев.*

ли между иноплеменными рабами отыскивать людей болѣе крѣпкихъ, чтобы изъ нихъ образовать свое войско. Эти иноплеменники, сильные, хорошо вооруженные и хорошо обученные, вскорѣ начали смотрѣть съ презрѣніемъ на своихъ изнѣженныхъ и оженоподобившихся начальниковъ. Отъ презрѣнія они скоро перешли къ убійствамъ и отнятію у римлянъ ихъ женъ и сокровищъ.

Такова исторія паденія громадной имперіи, которая кончила тѣмъ, чѣмъ должны кончить всѣ государства, основанныя на несправедливости и насиліи.

Въ числѣ зданій, украшавшихъ Римъ, жители особенно заботились о роскошныхъ постройкахъ термъ или общественныхъ бань. На украшеніе ихъ, приданіе имъ всевозможнаго блеска и удобства, тратились баснословныя суммы.

Не всѣ термы были общественными, нѣкоторыя изъ нихъ принадлежали частнымъ лицамъ, и такъ-какъ во времена императоровъ, каждый могущественный человѣкъ непремѣнно хотѣлъ чѣмъ нибудь отличиться, то Каракалла, одинъ изъ презрѣннѣйшихъ личностей этой серіи деспотовъ, велѣлъ построить себѣ великолѣпныя термы, развалины которыхъ до сихъ поръ носятъ его имя. Эти развалины или лучше сказать цѣлая пустыня руинъ, напоминаютъ одновременно, какъ величіе, такъ и упадокъ Рима.

Почти всѣ главнѣйшія постройки древняго Рима снабжались подземными галлереями и ходами. Могущественные люди оставляли себѣ въ этихъ ходахъ лазейку для спасенія—на случай непредвидѣнной бѣды.

Подземелья термъ Каракаллы избрали себѣ наши триста для своей сходки на 15-е февраля, и едва ночь стала темнѣть надъ Римомъ, ихъ часовые были уже всѣ собраны по близости термъ и по дорогамъ, которыя къ нимъ вели.

XXI.

Предатель.

Освобожденіе Манліо и набѣгъ на палаццо Корсини не на шутку испугали папское правительство. Кардиналу Прокопіо и товарищамъ его судьбы приготовлялись великолѣпныя похороны. Всѣ войска, какія только нашлись въ Римѣ, мѣстныя и иноземныя, были приведены на военное положеніе. Полиція и ея ищейки совсѣмъ потеряли голову. Жителей арестовали безъ числа, по малѣйшему подозрѣнію, не разбирая, къ какому бы

классу они ни принадлежали. Тюрьмы буквально ломились отъ массы арестантовъ.

Патеры съумѣли найти себѣ переметчика даже въ самой средѣ трехсотъ. Къ счастію, этотъ предатель не былъ въ числѣ ни тѣхъ десяти, которые освободили Манліо, ни въ числѣ тѣхъ двадцати, которые участвовали въ дѣлѣ палаццо Корсини. Онъ зналъ однакоже о сходкѣ, назначенной на 15-е февраля въ термахъ, и поспѣшилъ предувѣдомить о ней полицію.

Итальянцы, какъ люди привычные къ заговорамъ, знаютъ, что̀ такое значитъ контръ-полиція. Для незнающихъ я объясню. Это собственно полиція самихъ заговорщиковъ, обязанность которой слѣдить за общей полиціей и знать все, что̀ она предпринимаетъ.

Предводителемъ контръ-полиціи былъ избранъ Муціо. Ремесло нищаго доставляло ему значительныя удобства для этого рода дѣятельности. Между просящими милостыню въ Римѣ весьма не мало доносчиковъ, подкупленныхъ духовными. Муціо имѣлъ также своихъ эмисаровъ, и обладая здравымъ умомъ, онъ могъ весьма удобно черезъ этихъ эмисаровъ вызнавать отъ нищихъ-шпіоновъ своевременно многое изъ того, что̀ ему было нужно.

Когда послѣдніе изъ заговорщиковъ, подобно тѣнямъ, исчезли во входѣ подземелья, Аттиліо сдѣлалъ окликъ и опросъ часовымъ. Когда всѣ они оказались на своихъ мѣстахъ, стали добывать огонь, но едва пламя успѣло озарить строгія лица юношей-заговорщиковъ, какъ по подземелью раздался сильный свистъ, подобный змѣиному, отдавшійся раскатомъ подъ древними сводами подземелья.

Этотъ свистъ былъ именно—знакомъ объ опасности, который подавалъ нищій.

Онъ самъ показался на порогѣ пещеры, и произнесъ впопыхахъ:

— Спасайтесь, не теряя времени! Мы окружены полиціей и войскомъ, и не только со стороны этого входа, но и у сѣвернаго выхода изъ подземелья!

Неизбѣжная опасность, вмѣсто того, чтобы испугать заговорщиковъ, доставила имъ, напротивъ, какъ бы нежданную радость. Эта радость озарила мужественныя лица. Такова обыкновенно бываетъ истинная храбрость, особливо если дѣло идетъ о свободѣ и отечествѣ. Аттиліо довольнымъ взглядомъ оглядѣлъ товарищей, и приказалъ Сильвіо съ двумя другими лицами отправиться къ сѣверному выходу и дать знать, что̀ тамъ происходитъ.

Отъ входа подошелъ часовой, и подтвердилъ все сказанное Муціо, но отъ сѣвернаго входа часовые не подходили, что̀ заставляло подозрѣвать, что они сняты и арестованы.

Едва Сильвіо сталъ подходить къ сѣверной оконечности подземелья, какъ нѣсколько выстрѣловъ, послышавшихся извнѣ, показали ему, что войско близко. Въ это время и четверо часовыхъ, дѣлавшіе рекогносцировку, вошли и объявили, что приближаются значительныя войска... Сильвіо возвратился и тотчасъ же сообщилъ обо всемъ этомъ Аттиліо.

Тогда Аттиліо сдѣлалъ слѣдующія распоряженія. Муціо съ его сотней онъ велѣлъ находиться въ авангардѣ, самъ съ другою сотнею расположился посерединѣ, а Сильвіо съ остальными приказалъ составлять авангардъ.

— Братья!—сказалъ онъ—люди, подобные вамъ, не нуждаются въ поддержкѣ и одобреніи. Скажу только одно: какъ бы ни велика была масса войска, идущаго на насъ, мы должны черезъ нее пробиться при помощи нашихъ кинжаловъ. Пусть передніе двадцать человѣкъ твоей сотни, Муціо, идутъ тихо и въ разсыпную, до тѣхъ поръ, пока не встрѣтятъ врага. Встрѣтивъ же, пусть съ крикомъ прямо бросаются на него и очистятъ себѣ путь къ проходу. Я со своими тотчасъ же явлюсь за тобой.

Муціо тотчасъ же расположилъ свою сотню, отдѣлилъ двадцать человѣкъ, взялъ въ правую руку кинжалъ, и со словами: «слѣдуйте за мной» отправился къ выходу подземелья.

Мрачно глядѣлъ выходъ изъ пещеры. Въ темнотѣ, молчаніи и ощупью шли потомки Фабія, готовые къ нападенію на сателитовъ деспотизма.

Первые встрѣчные солдаты едва успѣли ухватиться за ружья, какъ въ одно мгновеніе они были сбиты сотнями храбрецовъ и обращены въ бѣгство. Страшный крикъ: «впередъ!», вылетѣвшій разомъ изъ груди трехсотъ сильныхъ людей, могъ бы нагнать смертельную боязнь и не на такихъ солдатъ, какъ римское разношерстное войско.

Во время кратчайшее, чѣмъ это необходимо для словесной передачи, Кампо Вакчино и римскія дороги превратились какъ бы въ движущіяся рѣки бѣглецовъ. Каски, сабли, ружья, валялись на дорогѣ, и большинство раненыхъ, были ранены именно этимъ падавшимъ оружіемъ, а не отъ рукъ сотенъ. Многіе, споткнувшись, падали, и, въ свою очередь, служили причиною паденія другихъ, такъ что въ разныхъ мѣстахъ образовывались цѣлыя груды упавшихъ. Одни роптали, другіе кричали отъ

страха: «не убивайте меня Бога-ради, господа либералы, я помимо воли попалъ въ этотъ просакъ!»

Во время этой суматохи храбрые триста, заставивъ бѣжать папскихъ наемщиковъ, спокойно раздѣлились на небольшія группы, и пошли по своимъ домамъ.

Что̀ можетъ сдѣлать одинъ, дѣйствительно храбрый человѣкъ — этому трудно даже и повѣрить. Одинъ человѣкъ можетъ обратить въ бѣгство цѣлое войско — и это нисколько не преувеличеніе. Я видѣлъ цѣлые полки, обращавшіеся въ бѣгство въ паническомъ страхѣ не только отъ одного человѣка, но даже когда никого не было—отъ призрака, отъ воображаемой опасности. Простаго крика: «спасайся кто можетъ!», «кавалерія!», «непріятель!» въ ночное время, а иногда даже и дымъ при нѣсколькихъ выстрѣлахъ, или даже и безъ нихъ бываетъ достаточно, чтобы обратить въ бѣгство цѣлый корпусъ такого войска, которое въ другое время будетъ сражаться, или уже сражалось нѣсколько разъ съ величайшею храбростью. Недаромъ панику называютъ постыдной; разсуждая о ней спокойно, видишь, что въ ней есть что̀-то унизительное. Я бы дорого далъ, чтобы никогда не видѣть итальянцевъ, подъ вліяніемъ паническаго страха. Между тѣмъ, кажется, что народы южные и самые развитые, какъ французы, итальянцы и испанцы гораздо болѣе подвержены паникѣ, чѣмъ спокойные и положительные народы сѣвера.

Между храбрыми тремя стами на этотъ разъ почти не было раненыхъ, какъ это почти всегда бываетъ при отвагѣ; между продажными же папскими войсками не только многіе съумѣли, по бо̀льшей части, сами себя изранить, но между ними оказались даже и убитые!

На утро между трупами, лежавшими вблизи термъ, найденъ былъ трупъ юноши, почти мальчика, съ едва выступившимъ пухомъ на бородѣ. Онъ лежалъ на спинѣ, а на груди его крупными буквами была сдѣлана надпись: *предатель*.

Паоло, такъ звали этого несчастнаго, имѣлъ несчастіе полюбить дочь одного патера. Новая Далила, по наущенію отца, съумѣла отъ него вывѣдать, что онъ принадлежалъ къ заговорщикамъ. За первой ошибкой Паоло надѣлалъ много другихъ, и кончилъ тѣмъ, что вполнѣ отдался презрѣнному ремеслу доносчика.

Въ эту ночь онъ получилъ достойное возмездіе.

XXII.

Пытка.

Такъ-какъ грозный часъ торжественной мести и правосудія для патеровъ въ это время еще не пробивалъ, то они сами себѣ создавали въ ожиданіи его всякіе страхи и ужасы. Такъ и въ описанную мною ночь они опасались, что для нихъ все уже кончено, что мечъ Божьяго гнѣва, висящій надъ ихъ головами, на нихъ неизбѣжно обрушится и истребитъ ихъ: но казнь ихъ была еще отсрочена! Отсрочена она, конечно, не потому, чтобы чаша ихъ преступленій не была переполнена, а потому, что люди, вѣроятно, за свои заблужденія осуждены еще на нѣкоторое время терпѣть ихъ владычество.

Знаете ли вы, что̀ такое пытка?

Итальянцы! знаете ли вы, что великій Галилей, величайшій изъ всѣхъ итальянцевъ, былъ подвергнутъ патерами пыткѣ? Пытка тоже — ихъ изобрѣтеніе! Звѣрь, придумавшій казнить графа Уголино голодною смертью съ четырьмя его сыновьями, назывался архіепископомъ.

Привыкнувъ держать все человѣчество въ невѣжествѣ и мракѣ, патеры, когда явился человѣкъ высокаго развитія, понимавшій всю ихъ ложь и могшій обличить ихъ въ этой лжи, — не придумали ничего лучше, какъ подвергнуть этого человѣка пыткѣ и пытать его до тѣхъ поръ, пока онъ не перестанетъ отличать свѣта отъ мрака, истины отъ лжи и не станетъ соглашаться съ ними въ томъ, на что имъ было нужно его согласіе!

Чѣмъ болѣе патеровъ въ какой-либо странѣ, тѣмъ чаще въ ней казни, тѣмъ безпощаднѣе наказанія!

Въ нѣкоторыхъ странахъ, тамъ, гдѣ прогрессъ не пустое слово, какъ въ Америкѣ, Англіи, Швейцаріи, уничтожены, по крайней мѣрѣ, хоть пытки.

Въ Римѣ тоже о пыткахъ молчатъ, но это еще ничего не значитъ. Кто рѣшится проникнуть въ тѣ потаенные ходы, которые идутъ подъ церквами, семинаріями, монастырями? Кто можетъ войти въ тѣ клѣтки безчисленныхъ тюремъ, гдѣ томятся осужденные на вѣчное одиночное заключеніе? Кто знаетъ тайны тѣхъ братствъ, гдѣ всякое лицо, мужчина или женщина, принадлежащія къ нему, даютъ страшныя клятвы—позабыть все остальное человѣчество и служить тѣломъ и духомъ интересамъ одного братства! Кто знаетъ, что̀ дѣлается въ этихъ тайныхъ конгрегаціяхъ, гдѣ деспотизмъ абсолютенъ, безотвѣтственъ, всемогущъ!

Да! въ Римѣ, гдѣ находится престолъ намѣстника Бога мира и искупителя, до сихъ поръ существуютъ пытки, какъ во время святаго Доменика и Торквемады. Въ Римѣ, въ его мрачныхъ подземельяхъ, до сихъ поръ работаютъ неустанно щипцы и веревки при каждомъ самомалѣйшемъ политическомъ волненіи, при каждомъ пароксизмѣ страха патеровъ.

Бѣдный Дентато! Этотъ драгунскій сержантъ, помогшій бѣгству Манліо, подвергался пыткѣ по два раза въ день, утромъ и вечеромъ,—такъ жадно хотѣли отъ него добиться именъ его сообщниковъ.

Я избавлю читателей отъ страшной картины мученій, какимъ подвергали этого честнаго римлянина, какъ его перетягивали веревками, жгли щипцами, и какъ обративъ еще при жизни въ безформенную массу, бросили его въ уголъ его потайной кельи—при послѣднемъ издыханіи—ожидать прихода смерти, какъ благодѣянія. Но я не могу умолчать о томъ, что наши инквизиторы-палачи не довольствуются обыкновенно одними тяжелыми страданіями несчастныхъ, попадающихъ къ нимъ въ руки. Терзая тѣло, они стараются въ то же время унизить душу своей жертвы. Для этого, въ то время, когда страдалецъ потеряетъ отъ мукъ всякія силы и произноситъ безсвязныя слова, они обыкновенно прислушиваются къ нимъ, ловятъ каждый неясный звукъ, для того, чтобы потомъ, придавъ имъ то значеніе, которое имъ нужно, по ихъ соображеніямъ, покрыть стыдомъ и позоромъ добрую память замученнаго. Такимъ образомъ бѣдный Дентато адскими муками искупилъ свою любовь къ Риму и Италіи въ когтяхъ безчеловѣчныхъ инквизиторовъ. И не одинъ онъ. Въ эти дни бѣшенства и страха аресты были безчисленны. Изъ числа арестованныхъ нѣкоторыхъ также пытали. Даже когда патеры очнулись отъ своего страха, то они и тогда еще продолжали свои жестокости. Трусы всегда въ то же время и жестоки. Самые грозные тираны, самые кровожадные палачи во всѣ вѣка были въ то же время и самыми позорными трусами.

Бѣдный Дентато! Его палачи наклеветали на него, распустивъ слухъ, что онъ назвалъ въ раскаяніи нѣсколько именъ. Во имя этого слуха были произведены еще новые аресты, новыя жестокости, новыя пытки.

Вотъ подъ какими условіями существуетъ Италія. И образованный міръ видитъ это и выноситъ. Мало того, онъ поддерживаетъ нашихъ гонителей, покровительствуетъ имъ, дѣлаетъ ихъ владычество для Италіи обязательнымъ.

Не знаешь просто, на чью долю выпадаетъ болѣе позорная роль: на долю ли нашихъ патеровъ, ихъ покровителей, или

того тупаго, несчастнаго народа, который, страдая безъ конца, переноситъ съ непостижимымъ терпѣніемъ свое рабство, бѣдствія и униженія!

XXIII.

Разбойники.

Оставимъ на время все, только что описанныя нами сцены ужаса и отчаянія, отдохнемъ отъ чумной и зараженной атмосферы, тяготѣющей надъ жителями Рима, и послѣдуемъ на дорогу къ Порту д'Анцо за нашими дорогими путешественницами. Ѣхали онѣ грустно, такъ-какъ въ Римѣ оставили свое сердце, вмѣстѣ съ дорогими имъ людьми. Но свѣжій воздухъ, который такъ ясенъ и чистъ у насъ въ февралѣ, все-таки сдѣлалъ свое, и онѣ, чѣмъ далѣе отъѣзжали, тѣмъ свободнѣе дышали.

Римская Кампанья, нѣкогда столь плодородная и населенная, въ наши дни, какъ я уже говорилъ, жалкая пустыня, покрытая лѣсомъ, топями и болотами. Любитель дикой природы, однакоже, найдетъ въ этой странѣ не малую пищу для своего пылкаго воображенія, и, можетъ быть, въ цѣломъ мірѣ трудно встрѣтить другой такой клочокъ земли, который представлялъ бы мысли наблюдателя столько различныхъ поводовъ задуматься о прошедшемъ, о его славѣ, величіи и несчастіяхъ.

Охотникъ найдетъ здѣсь множество дичи и звѣрья, отъ перепелокъ до дикаго кабана, и кто рѣшается тутъ поселиться, предпочитая тишину пустыни, шуму и заразѣ городской жизни, найдетъ себѣ и спокойствіе и достаточную пищу.

Собственниковъ земли, какъ я уже говорилъ, въ римской Кампаньи, немного. Вся она принадлежитъ нѣсколькимъ патерамъ, которые, погруженные въ омутъ столичной жизни, никогда даже и не заглядываютъ въ свои владѣнія и содержатъ тутъ развѣ только стада буйволовъ и рогатаго скота.

Но Кампанья замѣчательна еще кое-чѣмъ другимъ.

Въ ней процвѣтаетъ разбойничество. Сосѣдство папскаго правительства, трусливаго и неспособнаго, пользующагося услугами невѣжественныхъ и незнакомыхъ съ военнымъ дѣломъ наемщиковъ, какъ нельзя болѣе способствовало здѣсь возникновенію и распространенію этого печальнаго промысла. Всякій преступникъ и убійца бѣжитъ сюда изъ Рима, находя весьма удобнымъ для себя, въ двухъ шагахъ отъ столицы, находить убѣжище и возможность существованія. Нѣкоторые остаются здѣсь на всю жизнь. Для гонимыхъ по политическимъ причинамъ — Кампанья представляетъ такой же безопасный пріютъ.

Статистики утверждаютъ, что нигдѣ не совершается такого количества убійствъ, какъ въ Римѣ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если принять во вниманіе развращающее вліяніе на населеніе духовнаго господства и ту степень раззоренія, въ какое приведена Папская Область, со времени этого господства. Нельзя слѣдовательно удивляться и тому, что вся Кампанья заселена бѣглецами изъ Рима, между которыми встрѣтится столько же ни въ чемъ неповинныхъ, сколько и закоренѣлыхъ преступниковъ. Всѣхъ этихъ поселенцовъ обыкновенно называютъ безъ различія разбойниками.

Къ этому немалому числу разбойниковъ, по необходимости, слѣдуетъ прибавить всѣ тѣ многочисленныя и страшныя шайки, которыя навербовываются самими патерами для противодѣйствія новому итальянскому правительству. Шайки эти пользуются всесвѣтною извѣстностью — и кто не слыхалъ за послѣдніе годы о всѣхъ ужасахъ и опустошеніяхъ, которые онѣ производятъ!

Скажу откровенно, я симпатизирую кампанскимъ разбойникамъ.

Разумѣется, что мое сочувствіе не простирается на тѣхъ кровожадныхъ злодѣевъ, которые изъ видовъ корысти или для удовлетворенія грубымъ инстинктамъ своей животной натуры, рѣшаются съ изумительнымъ хладнокровіемъ на всевозможныя злодѣянія, которые мучаютъ и уродуютъ несчастныхъ, попадающихся въ ихъ руки, жгутъ и истребляютъ все, что̀ ни придется, изъ одного ненасытнаго стремленія къ истребленію и разрушенію. Эти злодѣи — ничего, кромѣ ужаса и отвращенія во мнѣ не возбуждаютъ.

Мои симпатіи лежатъ къ другому роду такъ называемыхъ разбойниковъ, къ тѣмъ изъ нихъ, которые дѣлаются ими изъ необходимости, вынужденные бѣжать отъ деспотизма и тираніи властителей, къ которымъ они питаютъ непримиримую ненависть. Они дѣлаются бѣглецами потому, что не умѣютъ выносить ежедневныхъ оскорбленій и униженій, какимъ подвергаются въ городахъ на каждомъ шагу. Не смѣшиваясь съ ворами и убійцами, они ведутъ бродячую жизнь въ кампанскихъ лѣсахъ, предпочитая ее спокойной осѣдлости, покупаемой дорогою цѣною потери своего человѣческаго достоинства.

Имъ-то я и сочувствую.

Нѣкоторые изъ нихъ могутъ возбуждать къ себѣ, кромѣ сочувствія, даже уваженіе и удивленіе, если при своемъ завидномъ чувствѣ гордой независимости, они въ то же время проявляютъ въ борьбѣ со всякимъ, кто покушается оскорбить ихъ, ловкую неустрашимость и отвагу, храбрость, доходящую до ге-

ройства. Въ наши дни, когда наша военная слава пала весьма низко, я, признаюсь, нерѣдко съ невольной гордостью слѣжу за кучками храбрецовъ (къ сожалѣнію, направляющихъ свою дѣятельность на ложную дорогу), которымъ ни почемъ безпрестанныя стычки съ полицейскою стражей, карабинерами, національной гвардіей, регулярными войсками — чуть не цѣлымъ міромъ враговъ — и побѣдить которыхъ до сихъ поръ еще никому не удавалось.

Всѣмъ и каждому извѣстно, что за исключеніемъ тѣхъ звѣрствъ, которыя позволяли себѣ шайки, состоящія на жалованьи духовенства, наши такъ-называемые разбойники выказывали за послѣднее время немало храбрости, отваги и предпріимчивости, достойной лучшаго дѣла. Я вывожу изъ этого заключеніе, что эти же самые люди, способные проявлять чудеса храбрости, при другихъ обстоятельствахъ и при умѣньи направить ихъ на хорошую дорогу, могли бы приносить огромную пользу Италіи, составляя какъ бы непобѣдимый ея оплотъ противъ нашествія чужеземцевъ.

Бо̀льшая часть изъ этихъ людей — бывшіе земледѣльцы, находившіеся подъ постояннымъ вліяніемъ патеровъ. Понятно, почему они вооружаются противъ единства Италіи.

И сколько времени пройдетъ еще до тѣхъ поръ, пока изъ этой вредной силы не преобразуется сила, полезная для Италіи.

Что между *этими* разбойниками не все убійцы, довольно указать хотя на Ораціо, этого доблестнаго римлянина, котораго вся Трастеверія, а особенно женщины, склонныя увлекаться храбростію, считали чуть не потомкомъ того знаменитаго Ораціо, который нѣкогда одинъ могъ защитить мостъ отъ цѣлаго войска Порсены. Сходство его съ древнимъ героемъ подкрѣплялось еще однимъ случайнымъ обстоятельствомъ: онъ былъ кривъ. Онъ потерялъ лѣвый глазъ еще въ дѣтствѣ во время схватки съ своимъ однолѣткомъ. Побѣжденный имъ мальчикъ, изъ мести и досады на свое пораженіе, выкололъ ему этотъ глазъ.

Ораціо съ честью послужилъ римской республикѣ. Будучи еще безбородымъ юношей, онъ въ знаменитый день 30-го апрѣля, былъ однимъ изъ первыхъ, напавшихъ на чужеземцевъ и прогнавшихъ ихъ. При Палестринѣ онъ былъ раненъ пулею въ лобъ, при Велетри онъ напалъ на неаполитанскаго кавалериста, обезоружилъ его и принесъ какъ трофей въ Римъ.

Нашимъ путешественникамъ пришлось тоже познакомиться съ разбойниками. Къ несчастію ихъ — они встрѣтили не Ораціо и не людей этого типа, а разбойниковъ, принадлежавшихъ къ

одной изъ самыхъ звѣрскихъ шаекъ. Онѣ уже приближались къ морскому прибрежью, какъ вдругъ изъ сосѣдняго перелѣска послышались выстрѣлы, кучеръ ихъ упалъ съ козелъ и имъ не представлялось уже никакой возможности не убѣдиться въ дѣйствительности постигшаго имъ несчастія.

Манліо, замѣтивъ, что кучеръ убитъ, съ быстротою и легкостью, какой отъ него въ его возрастѣ нельзя было даже и ожидать, вскочилъ на козлы и схвативъ возжи ударилъ по лошадямъ, чтобы пустить ихъ въ галопъ, но безполезно. Четыре злодѣя, вооруженные съ головы до ногъ, выросли какъ изъ подъ-земли и остановили лошадей подъ уздцы.

«Не трогайтесь съ мѣста, или всѣ вы погибли!» закричалъ повелительнымъ тономъ одинъ изъ разбойниковъ, повидимому атаманъ ихъ — и путники при одномъ взглядѣ на него и его товарищей очень хорошо поняли, что дѣйствительно всякое сопротивленіе съ ихъ стороны будетъ безполезно.

Манліо вынужденъ былъ безъ движенія оставаться на козлахъ. Женщинамъ разбойники приказали, довольно не любезно, тотчасъ же выдти изъ экипажа, но красота Клеліи и Джуліи повидимому произвела и на нихъ сильное впечатлѣніе, такъ-какъ при выходѣ ихъ изъ кареты, они нѣсколько минутъ, молча и даже какъ бы съ почтительнымъ удивленіемъ, смотрѣли на нихъ.

Но это чувство въ нихъ продолжалось недолго и атаманъ первый прервалъ молчаніе:

— Сеньоры, сказалъ онъ, обращаясь къ женщинамъ: — если вы безъ сопротивленія и тотчасъ послѣдуете за нами, то я отвѣчаю за безопасность каждаго волоса съ головы вашей. Въ случаѣ же вашего непослушанія — вы поплатитесь жизнью, и, для большей убѣдительности, я тотчасъ же застрѣлю на глазахъ вашихъ этого человѣка — закончилъ онъ, указывая на Манліо.

Предлагаю самимъ читателямъ судить объ ужасѣ, какой произвели эти слова на бѣдныхъ женщинъ.

Сильвія зарыдала, также какъ и Аврелія. Клелію бросило въ жаръ и холодъ — при угрозѣ убить ея отца. Она смертельно поблѣднѣла. Только одна Джулія съ безстрашною холодностью, составляющею отличительную черту націи, къ которой она принадлежала, оставалась повидимому мужественною и спокойною. Казалось, ея прежняя жизнь, исполненная всякихъ случайностей, пріучила ее не терять присутствія духа ни при какихъ обстоятельствахъ.

— Не найдете ли вы возможнымъ, сказала Джулія, подходя

къ атаману:—взять все наше имущество (при этомъ она вынула и отдала ему свой набитый золотомъ кошелекъ), но только отпустите насъ самихъ, какъ не могущихъ сдѣлать вамъ никакого зла?

Но золото произвело на атамана далеко не примиряющее впечатлѣніе. Видъ его пробудилъ въ немъ только звѣрскіе инстинкты сладострастія, и на рѣчь соблазнительной иностранки онъ отвѣчалъ съ пошлою усмѣшкою:

— Ахъ, сеньора! сеньора! Развѣ на нашу долю, на долю преслѣдуемыхъ и гонимыхъ бѣдняковъ, каждый день выпадаетъ счастіе и удача подобной встрѣчи?... Кому улыбнется фортуна, тотъ долженъ съумѣть цѣпко схватиться за представляющуюся ему добычу... иначе все потеряешь. Наслаждаться же красотою, намъ тоже не особенно часто приходится...

И говоря это, онъ перебѣгалъ блуждающимъ взглядомъ отъ Джуліи къ Клеліи.

Джулія не упала духомъ передъ ужасомъ грозившей ей опасности, и въ то время, когда она снаружи казалась холодной и безстрастной, въ головѣ ея бѣгало тысяча мыслей и составлялись самые невѣроятные планы для освобожденія. Не то было съ Клеліей. Отъ ужаса—при мысли объ убійствѣ отца, она перешла къ отчаянію и страху передъ опасностью, предстоявшею ея чести, а въ настоящемъ смыслѣ словъ разбойника сомнѣваться было невозможно. Съ быстротою южнаго воображенія, она въ одно мгновеніе поняла всю безвыходность своего положенія, и давъ волю своему негодованію, схватилась за свой кинжалъ, стиснула рукою крѣпко на-крѣпко его рукоятку, и съ быстротою грозы кинулась на злодѣя. Джулія, неуступавшая въ храбрости Клеліи, замѣтивъ геройскую рѣшимость своей подруги, послѣдовала ея примѣру, и атаману пришлось бы несдобровать, еслибы онъ былъ одинъ. Но три товарища его не дремали, и одинъ изъ нихъ схватилъ Джулію за талію своими желѣзными руками, такъ что Клеліи пришлось вести одной неравную борьбу съ разбойникомъ-силачемъ. Она хотя и успѣла нанести ему нѣсколько царапинъ, но онѣ, казалось, были ему рѣшительно нипочемъ.

Джулію схватившій ея разбойникъ влекъ уже къ лѣсу, товарищъ его велъ туда же обѣихъ пожилыхъ женщинъ, приставивъ къ ихъ головамъ, чуть не въ упоръ, двуствольный карабинъ; третій разбойникъ, стащивши съ козелъ Манліо, велъ и его тѣмъ же порядкомъ. Наконецъ, атаманъ, наскучивъ сопротивленіемъ Клеліи, тоже потащилъ ее за собою, направляясь къ тому же лѣсу.

Клелія мѣшала ему быстро идти и онъ отсталъ отъ своихъ товарищей.

Вдругъ, надъ головою атамана, разразился чей-то ударъ толстою палкою, ошеломившій и поваливший его. Клелія, даже не сознавая еще хорошо, что̀ такое произошло, воспользовалась минутой и высвободилась изъ рукъ злодѣя, грохнувшагося всею своею тяжестью на дорогу.

XXIV.

Освободитель.

Новое лицо, появившееся такъ кстати, чтобы помѣшать грубому насилію, былъ человѣкъ мало чѣмъ выше обыкновеннаго роста, но даже бѣглый взглядъ на него внушалъ невольное уваженіе къ его спокойной силѣ. Сложенный красиво и пропорціонально, онъ отличался крѣпкими, чуть не квадратными, плечами, и каждое его движеніе, по своей ловкости, наводило на мысль, что такой человѣкъ, въ случаѣ защиты, можетъ стоить десятка другихъ.

Курчавые и черные, какъ смоль, волосы, красиво падали на его плеча. Черные и блестящіе его глаза производили внечатлѣніе яркаго солнца, неожиданно появляющагося на небѣ изъ-подъ скрывавшихъ его тучъ.

Защита нуждавшихся въ его помощи придавала ему въ эту минуту, сверхъ того, еще особенное обаяніе.

Сваливъ атамана ловкимъ ударомъ на землю, неизвѣстный тотчасъ же поторопился взять его карабинъ и разрядилъ его выстрѣломъ въ разбойника, ухватившаго Манліо, котораго и свалилъ тотчасъ же на мѣстѣ. Другимъ выстрѣломъ онъ также ловко убилъ того изъ злодѣевъ, который велъ пожилыхъ женщинъ. Привыкшій попадать въ глазъ кабану на разстояніи двухсотъ шаговъ, онъ послѣ обоихъ этихъ выстрѣловъ не удостоилъ даже взглянуть, упали ли лица, служившія ему цѣлію, а вмѣсто того устремилъ свой взоръ на Клелію. Но Клелія, вмѣсто сочувственнаго отвѣта на этотъ взглядъ, закричала ему: «не теряйте времени, одну изъ нашихъ разбойники еще тащутъ въ лѣсъ», и она указала ему рукою путь, по которому влекли Джулію.

Незнакомецъ, не теряя ни минуты, съ легкостью серны, пустился по указанному направленію, и черезъ нѣсколько минутъ вернулся назадъ съ Джуліей. Разбойникъ, тащившій ее, замѣ-

тивъ за собою погоню, тотчасъ же разсудилъ за благо бросить ее и прибѣгнуть къ спасительному бѣгству.

Разрядивъ взятый у разбойника карабинъ, незнакомецъ передалъ его Манліо, валявшееся по дорогѣ оружіе они подобрали вмѣстѣ и положили въ карету, и привели въ порядокъ лошадей.

Все общество разсыпалось въ благодарности своему неожиданному избавителю, но виновникъ общаго благополучія принималъ эту благодарность съ необыкновенною разсѣянностью. Его мысль, казалось, была занята чѣмъ-то другимъ и бродила далеко отъ недавней кровавой сцены.

Одно изъ драгоцѣннѣйшихъ качествъ женщины, какъ это извѣстно, составляетъ ея тонкое чутье въ оцѣнкѣ всего дѣйствительно-прекраснаго и героическаго. Будьте только отважны, великодушны, цѣломудренны, презирайте смерть, и вы смѣло можете быть увѣрены, что заслужите не только одобреніе женщины, но даже и ея привязанность. Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что это тонкое чувство женщинъ служитъ главнѣйшимъ двигателемъ и рычагомъ всего развитія человѣчества.

Мужчина, для того, чтобы понравиться женщинѣ, старается быть, такъ сказать, чище, лучше, изящнѣе и любезнѣе самого себя. Ему хочется выказать, во что бы то ни стало, что и онъ способенъ на высокія мысли и дѣла. Такимъ образомъ въ отношеніи великодушія, героизма, храбрости, на женщину слѣдуетъ смотрѣть, какъ на естественную воспитательницу мужчины, и женщина же составляетъ слѣдовательно главное орудіе въ рукахъ Творца—для совершенствованія грубой и крѣпкоголовой породы людей.

Наши женщины не могли оторвать своихъ взглядовъ отъ своего освободителя. Онѣ съ любопытствомъ оглядывали незнакомца. Ихъ поразила его необычайная стройность, онѣ съ удовольствіемъ смотрѣли на его чудесные волосы, на благородный лобъ, украшенный... круглымъ рубцемъ отъ непріятельской пули. Казалось, онѣ не могли побѣдить въ себѣ того очарованія, которое производила на нихъ вся его изящная внѣшность—какое-то олицетвореніе спокойной силы и храбрости. А между тѣмъ—онъ былъ кривъ на одинъ глазъ, хотя этого недостатка почти нельзя было замѣтить.

Мало того—это былъ разбойникъ!

Да, разбойникъ, или такъ его, по крайней мѣрѣ, называли патеры.

Для нихъ, впрочемъ, онъ и дѣйствительно былъ настоящимъ разбойниковъ.

Но онъ не казался разбойникомъ ни Клеліи, ни Джуліи... Глядя на него, обѣ онѣ—увы! забыли даже на время Аттиліо и Муціо, которые были не менѣе его красивы, но... такова слабость человѣческой природы, пересиливающая въ насъ порою самые дорогіе намъ и святые наши взгляды.

Путешественникамъ нашимъ пришлось, однакожь, еще болѣе изумиться, когда незнакомецъ, выйдя изъ своей задумчивости, вдругъ быстро подошелъ къ Сильвіи, взялъ ее за руку, поцаловалъ ее со слезами и растроганнымъ голосомъ произнесъ:

— Какая встрѣча! Вы не узнаете меня, дорогая? Взгляните на мой лѣвый глазъ. Потеря его, припомните, не стоила мнѣ жизни только единственно благодаря вашей истинно материнской и нѣжной заботливости.

— Ораціо! Ораціо! сынъ мой! ты ли это! произнесла рыдая Сильвія, раскрывая незнакомцу свои объятія.

— Да я, Ораціо! тотъ самый Ораціо, котораго вы пріютили умирающимъ, сиротою, которому вы дали кусокъ хлѣба тогда, когда его у него не было... Однако, сказалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, все еще рыдавшей Сильвіи: — мы выбрали очень дурное мѣсто для выраженія нашихъ чувствъ. Здѣсь очень небезопасно. Если вамъ удалось отдѣлаться отъ однихъ негодяевъ, то это еще не значитъ, что вы не встрѣтитесь съ другими... Я, напримѣръ, знаю навѣрно, что въ этой рощѣ скрывается цѣлая шайка...

Говоря это, Ораціо снова осмотрѣлъ лошадей, пригласилъ общество сѣсть въ карету и, вскочивъ на козлы, весело помчалъ карету къ морю.

Когда карета достигла прибрежья, бальзамическій морской воздухъ благотворно подѣйствовалъ на все общество, утомленное столькими неожиданностями. Особенно сильно видъ моря подѣйствовалъ на Джулію—дочь страны, справедливо прозванной «царицею морей». Она, какъ и всѣ, выросшіе на морскомъ берегу, была его восторженной поклонницей. Если человѣкъ растетъ на берегу моря, онъ въ него влюбляется. Теряя море, онъ не умѣетъ ничѣмъ утѣшиться; возвращаясь къ нему, онъ встрѣчаетъ его, какъ любимаго человѣка...

Понятенъ, поэтому, тотъ восторгъ, который ощутили десять тысячъ грековъ Ксенофонта, послѣ своихъ утомительныхъ и печальныхъ десятилѣтнихъ странствованій въ Персіи. Единодушный крикъ ихъ, при видѣ моря, и единодушная мысль

встрѣтить «Амфитриту-освободительницу» — понятно, не нуждается ни въ какихъ объясненіяхъ.

XXV.

Яхта.

«Здравствуй, красивая Наяда, любующаяся своимъ отраженіемъ въ струяхъ Средиземнаго моря! Возвращаюсь къ тебѣ растроганною и исполненною къ тебѣ любовью.

«И какъ мнѣ не любить тебя, какъ подругу? Не обязана ли я тебѣ столькими наслажденіями, множествомъ необыденныхъ ощущеній?

«Да, я люблю тебя. Когда океанъ становится гладкимъ, какъ зеркало, отражая съ волшебною ясностью всякій предметъ, находящійся на его поверхности, какъ хорошо смотрѣть на него съ твоей палубы.

«Какъ я люблю находиться на тебѣ, когда водное лоно покроется легкой зыбью и рябью, и какъ медленно расправляешь свои бѣлыя крылья-паруса и ѣдешь, накрѣнясь нѣсколько въ одну сторону, какъ бы играя съ волнами и прислушиваясь къ той пѣсни, которую шепчетъ тебѣ, какъ бы ласкаясь, легкій вечерній вѣтеръ.

«Но я влюбляюсь въ тебя до безумія, когда, подобно дикому степному скакуну, взметавъ бѣлую пѣну, мчишься ты въ догонку за разгулявшимися волнами, догоняя ихъ, разсѣкая, раздавливая, разгорячаясь и становясь только дѣятельнѣе отъ тѣхъ различныхъ препятствій, какія своенравная буря противопоставляетъ твоему побѣдному бѣгу.

«Я люблю тебя, прекрасная Наяда, но стану любить еще больше, такъ-какъ я рѣшила называть тебя впередъ Клелiей— въ честь моей дорогой и милой подруги, въ честь безстрашнаго ребенка, который не задумался, при неизбѣжной почти опасности, разстаться съ жизнью, наброситься на сильнаго врага для того, чтобы избѣгнуть посрамленія»...

Такъ привѣтствовала мысленно свою яхту Джулія, собираясь ее увидѣть. Она рѣшила называть ее уже не Наядою, а Клеліею, потому что съ той минуты, когда она увидала энергическое нападеніе дѣвушки на атамана, она всецѣло подчинилась ея вліянію. Привязанность ея съ этой минуты получила необычайную прочность, такъ-какъ удовлетворяла инстинктивному влеченію Джуліи ко всему прекрасному и возвышенному. Привязанностямъ этого рода обыкновенно не могутъ мѣшать

ни мелкіе разсчеты, ни жалкая ревность,—онѣ заключаются на всю жизнь. Связью ихъ служитъ взаимное удивленіе и уваженіе.

Джулія нашла, что идти всѣмъ обществомъ въ Портъ д'Анцо было бы неблагоразумно, такъ-какъ этимъ можно было возбудить подозрѣніе въ папской полиціи, сторожившей портъ. Поэтому она предложила идти съ собою только Манліо, въ видѣ кучера, и Авреліи, въ видѣ служанки. Съ Сильвіей и Клеліей она разсталась на нѣкоторомъ разстояніи, вблизи рощи, прилегавшей къ морскому прибрежью, поручивъ ихъ охрану Ораціо.

Трудно было и найти лучшаго для нихъ охранителя. Римлянинъ Ораціо съумѣлъ бы защитить ихъ отъ цѣлаго войска, и съ готовностью позволилъ бы, ради ихъ, разрѣзать себя на куски.

Мысъ д'Анцо къ югу и Чивитта-Веккія на сѣверъ составляютъ границы того негостепріимнаго и опаснаго прибрежья, которое носитъ названіе «римскаго». Мореплаватели зимою держатся обыкновенно въ открытомъ морѣ какъ можно дальше отъ этого прибрежья, для того, чтобы избѣгнуть вѣтровъ Либеціи, дующихъ съ необычайною силою, и способствующихъ нерѣдко гибели и крушенію судовъ.

Устья Тибра, находящіяся почти въ самомъ центрѣ прибрежья, судоходны только въ той своей части, которая носитъ названіе фіуминченской косы, для судовъ, сидящихъ въ водѣ не глубже четырехъ или пяти футовъ, да и то только въ весеннюю пору, такъ-какъ лѣтомъ вся эта мѣстность подвержена злокачественнѣйшимъ лихорадкамъ, а зимою морскіе вѣтры грозятъ здѣсь постоянною опасностью.

На лѣвомъ берегу Тибра, къ мысу д'Анцо и горѣ Цирцелло—обитали нѣкогда въ древности воинственные вольски, покорить которыхъ римлянамъ стоило не мало труда. Отъ знаменитой ихъ столицы, Ардеи, до сихъ поръ сохраняются развалины, свидѣтельствующія о благоденствіи этого древняго народа. Папское управленіе обратило и эту мѣстность въ пустыню.

Такимъ образомъ мысъ д'Анцо съ его возвышенностію образуетъ портъ, носящій это же имя. Портъ этотъ годенъ только для самыхъ мелкихъ судовъ, и въ немъ-то красовалась, ожидая посѣщенія свой повелительницы, красивая яхта Джуліи.

Прибытіе Джуліи въ портъ, хотя не составило праздника папскимъ властямъ, искренно ненавидящимъ англичанъ, какъ еретиковъ и либераловъ, за то было привѣтствовано, какъ праздникъ на самой яхтѣ, съ служащими которой Джулія умѣла всегда сохранять дружбу, за что они ее чуть не боготворили.

Морякъ, человѣкъ подвергающійся цѣлую свою жизнь постояннымъ опасностямъ, имѣетъ множество правъ на симпатію женщины, склонной, какъ я уже говорилъ, всегда тонко цѣнить отвагу и храбрость. Съ своей стороны грубые, но честные и великодушные моряки — всегда умѣютъ цѣнить женщину. Мудрено ли же, что при своихъ достоинствахъ Джулія была идоломъ всего экипажа.

Осмотрѣвъ палубу и отвѣтивъ дружески на искреннія привѣтствія своихъ земляковъ, Джулія взошла въ каюту и позвала туда капитана Томсона, чтобы сговориться, какъ взять остальныхъ пассажировъ съ мѣста, гдѣ они оставались, чтобы идти потомъ въ какую нибудь безопасную страну.

— Все устроимъ какъ нельзя лучше! отвѣчалъ смѣлый морякъ, котораго уже начинала томить скука бездѣйствія, и который былъ очень радъ сослужить любую службу изящной владѣтельницѣ яхты, хотя бы даже съ опасностью собственной жизни.

Менѣе, чѣмъ черезъ часъ послѣ того, какъ на *Клелію* пришли пассажиры, яхта снялась съ якоря и съ развѣвавшимися парусами, при легкомъ попутномъ вѣтрѣ, вышла изъ порта въ море.

XXVI.

Буря.

Напомнимъ читателямъ, что дѣйствіе нашего разсказа происходитъ во второй половинѣ февраля, а этотъ мѣсяцъ,—худшій изъ всѣхъ для находящихся въ морѣ, особенно въ Средиземномъ. «Февраль коротокъ, да хуже турка», говорятъ здѣсь наивно моряки.

Капитанъ Томсонъ, торопясь скорѣе исполнить приказаніе Джуліи, не обратилъ особеннаго вниманія на барометръ, а барометръ падалъ страшно. Въ этихъ же мѣстахъ усиленное паденіе барометра — вѣрный признакъ наступленія крѣпкихъ вѣтровъ Либецціи.

«Клелія», какъ мы уже сказали, вышла на всѣхъ парусахъ, и шла бойко, приведенная по вѣтру. Встрѣчная старая зыбь встрѣтила ее легкой, убаюкивающей качкой, «легкой и убаюкивающей», впрочемъ, только для капитана Томсона или для наблюдателей съ прибрежья. Ни Манліо, ни Аврелія не находили ее такой, и брошенные игрою судьбы, противъ желанія, въ первый разъ на произволъ капризной стихіи, они не нахо-

дили въ качкѣ особеннаго наслажденія и уже испытывали всѣ непріятные симптомы морской болѣзни.

Пристать къ мѣсту, гдѣ оставались Ораціо и двѣ женщины, должно было ночью, такъ-какъ мѣсто это находилось мили за три на сѣверъ отъ мыса Анцо. Джулія просила капитана непремѣнно быть тамъ около полуночи, и съ Ораціемъ было условлено, что онъ при приближеніи яхты разведетъ костеръ, для опредѣленія мѣста своего нахожденія. Казалось, все было обдумано отлично и неуспѣха трудно было ожидать, такъ-какъ и Томсонъ и Ораціо не принадлежали къ людямъ, останавливающимся передъ исполненіемъ, взятаго ими на себя, долга. Но... буря рѣшила иначе.

Легкій восточный вѣтеръ, называемый мѣстными жителями «грекомъ», провожавшій «Клелію» за двѣ мили отъ порта, вдругъ совершенно стихъ. На небѣ со стороны Либеціи показались черныя тучи, и, что̀ всего было хуже, по этому направленію шло сильнѣйшее волненіе. Наши путники стали желать вѣтра, котораго сначала боялись, такъ-какъ при безвѣтріи и при невозможности наставлять паруса, ихъ тянуло волненіемъ прямо на скалистые берега, гдѣ ихъ ожидало неизбѣжное крушеніе.

Наступила ночь; опасный берегъ былъ совсѣмъ близко и Томсону, къ его неудовольствію, пришлось объявить Джуліи, что единственнымъ средствомъ къ спасенію было — встать на мертвый якорь.

Джулія, безстрашная на морѣ, какъ и на землѣ, стояла на палубѣ, закутавшись въ большой платокъ. Она слѣдила за всѣмъ: и за ходомъ облаковъ, и за направленіемъ зыби, и за каждымъ движеніемъ своей бѣдной яхты, которая, подобно страдающему и утомленному человѣку, заявляла особымъ скрипомъ свои усилія противостоять бѣшеному напору волнъ, толкавшихъ ее на опасныя береговыя скалы.

Замѣчаніе капитана о необходимости встать на мертвый якорь было конечно справедливо, но едва-ли какое либо судно въ этой мѣстности могло бы удержаться на якорѣ при крѣпкомъ вѣтрѣ, дувшемъ прямо на берегъ. Дѣлать было однако нечего—другихъ средствъ спасенія не оставалось, и Джулія должна была согласиться. Матросы уже стали тянуть якорную цѣпь, какъ вдругъ Джулія громкимъ крикомъ остановила начатую работу.

Дѣло въ томъ, что первымъ, легкимъ порывомъ вѣтра отъ Либеціи у ней унесло перчатку. Этого было достаточно, чтобы она увидѣла, что якорная стоянка будетъ невозможною. И въ самомъ дѣлѣ, паруса Клеліи начали вздуваться, судно сдѣлалось устойчивѣе, стало слушаться руля и нѣсколько накренилось

влѣво. Яхта, носъ которой тянуло къ сѣверу, вставъ противъ зыби, принимала направленіе къ югу—и во время! Судно дрейфовало къ прибрежному мелководію и во время поворота набѣжавшею волною его едва не захлестнуло. Гибель—у римскаго прибрежья не заставляетъ себя долго ожидать!

Ураганъ быстро приближался. Мачты, паруса, снасти, цѣпи, все трещало, все грозило гибелью. Правый бокъ Клеліи залило на нѣсколько мгновеній водой, но благодаря своимъ хорошимъ морскимъ качествамъ, легкое судно, съ быстротою дельфина, вынырнуло на поверхность пѣнившихся волнъ. Смѣлый Томсонъ энергически отдавалъ приказанія и сильная, отрывистая рѣчь его команды разносилась по палубѣ. Онъ приказалъ матросамъ находиться на готовѣ у снастей, но безъ надобности не стягивать парусовъ.

Сдѣлавъ оборотъ назадъ съ тою отчетливостью, какою обыкновенно отличаются суда этого рода, яхта стала подъ вѣтеръ, качка стала тотчасъ же меньше, и такъ-какъ вѣтеръ крѣпчалъ, то Томсонъ приказалъ уменьшить паруса. Почти черезъ полчаса всѣ лишніе паруса были убраны и все закрѣплено и приготовлено для борьбы съ насиліемъ моря.

Клелія пошла съ лѣвымъ вѣтромъ, а черезъ часъ она уже штормовала съ вполнѣ развившимся ураганомъ.

— Что за ужасный порывъ вѣтра, сказалъ Томсонъ Джуліи, не хотѣвшей еще оставить палубу. — Юнгу Джона унесло въ море!

— Бѣдный юноша! вздохнула Джулія.

— Однако, вамъ необходимо уйти въ каюту, сказалъ капитанъ: — иначе я ни за что не отвѣчаю! вы видите, что мы сами приняли всѣ предосторожности, чтобы насъ не снесло въ море...

Въ самомъ дѣлѣ, готовилось какъ бы нѣчто страшное: всѣ люки были забиты, люди находились у вантъ, и оба рулевыхъ были привязаны веревкою къ судну.

Джулія вынуждена была согласиться на просьбу Томсона, хотя она и не страшилась погибели; согласилась она только для того, чтобы успокоить своихъ друзей.

При входѣ въ каюту она увидала сцену, при видѣ которой не могла не разсмѣяться. Вѣроятно, тѣмъ же ударомъ волны, которымъ снесло въ море Джона — Аврелію и Манліо сбросило съ коекъ на полъ, какъ разъ на одно и то же мѣсто. Бѣдная женщина, первый разъ въ жизни испытывавшая бурю, потеряла всякое соображеніе, думала, что насталъ конецъ міра, и видя подлѣ себя живое существо, какъ бы желая убѣдиться, что это дѣйствительно человѣкъ, схватилась за Манліо съ тою силою

какую даетъ отчаяніе. Напрасно Манліо кричалъ ей, что она его задушитъ,—она услыхала дружескій голосъ, но въ приливѣ симпатіи еще сильнѣе сжала своого невольнаго сосѣда. Бѣдный Манліо не зналъ, что̀ дѣлать; ему было трудно дышать, и хотя, привыкнувъ таскать цѣлыя глыбы мрамора, онъ могъ бы при нѣкоторомъ усиліи высвободиться отъ объятій своей сосѣдки, но отчасти по добродушію, отчасти отъ истощенія вслѣдствіе морской болѣзни — онъ ничего не предпринималъ для своего освобожденія.

Въ этомъ траги-комическомъ положеніи застала своихъ друзей Джулія... Это произвело въ ней неудержимый взрывъ смѣха и веселости. Съ помощію прислуги она тотчасъ же кое-какъ высвободила Манліо, и старалась ободрить какъ его, такъ и Аврелію.

Клелія всю ночь боролась съ бурею, и если она не погибла, то благодаря только своимъ отличнымъ морскимъ качествамъ, такъ же, какъ энергіи Томсона и всего экипажа.

На зарѣ буря стала какъ бы нѣсколько стихать, и направленіе вѣтра позволило судну направиться для стоянки въ портъ Ферайо или Лонгоне, чтобы оправиться тамъ отъ вынесенныхъ имъ аварій, которыя были весьма значительны. Шлюпки, привязанныя къ бокамъ судна, были разбиты въ щепы, борты поломаны, и обѣ рубки снесены въ море, отъ кормы до носа была одна гладкая поверхность.

При самомъ наступленіи дня громадная волна, вкатившаяся на палубу, свалила фокъ-мачту, и такимъ образомъ доставила бурѣ возможность довершать свободно свое дѣло разрушенія.

Такимъ образомъ Томсонъ, рѣшившись искать порта, былъ вынужденъ къ этому крайнею необходимостью. Такъ же, какъ и бо̀льшая часть его земляковъ, онъ на подобную мѣру рѣшался не охотно, если оставалась еще хотя малѣйшая возможность держаться. Потакать безумнымъ прихотямъ моря было не въ его духѣ...

XXVII.

Пустыня.

Пора, однакоже, намъ вернуться отъ Клеліи-Яхты къ Клеліи настоящей. Oраціо, какъ это было условлено, ровно въ полночь, зажегъ костеръ, и довольно долго съ безпокойствомъ всматривался въ мракъ моря, прислушиваясь, не приближается ли шлюпка, долженствовавшая принять нашихъ путницъ для

доставленія ихъ на яхту. Но поднимавшійся ураганъ и сильное волненіе моря убѣдили его очень скоро, что въ такую ночь ожидать возможности попасть на яхты — было бы однимъ безуміемъ.

Кромѣ того, не будучи морякомъ, Orаціо еще до наступленія теплоты видѣлъ по эволюціямъ яхты, съ которой онъ не спускалъ, пока было можно, глазъ, что она, повидимому, вовсе не разсчитывала идти къ прибрежью, и съ усиленіемъ урагана онъ сталъ внутренно опасаться, чтобы судно не погибло.

Поэтому онъ рѣшился прежде всего сыскать какой-нибудь пріютъ на ночь для порученныхъ его охранѣ женщинъ, что̀ скоро и отыскалъ въ развалинахъ старой башни *. Потомъ онъ сталъ ходить вдоль прибрежья, съ цѣлью подать помощь, если это понадобится, кому либо изъ подвергнувшихся крушенію. Съ трудомъ протирая глаза, которые залѣпляли ему брызги съ моря и крупныя капли дождя, мочившаго его безъ милосердія, онъ замѣтилъ, что какъ будто на бѣломъ гребнѣ одной изъ поднявшихся волнъ лежало что̀-то черное. Это заставило Орацiо подойти поближе къ морю, и вскорѣ онъ разглядѣлъ почти у берега человѣка, лежавшаго почти безъ движенія.

Это былъ бѣдный Джонъ, который боролся со смертью послѣ продолжительной и тяжкой борьбы съ волнами. Орацiо приблизился къ нему, насколько могъ, и вынесъ его на себѣ на берегъ, а потомъ отнесъ и въ башню, гдѣ Клелія и Сильвія хлопотали о поддержкѣ огня, который въ подобную ночь бываетъ обыкновенно такъ дорогъ людямъ.

Джону было не болѣе одиннадцати или двѣнадцати лѣтъ, но онъ былъ хорошо сложенъ и силенъ, какъ бо̀льшая часть англійскихъ дѣтей-моряковъ. Наши женщины приняли его съ распростертыми объятіями, и ему тотчасъ же подали всевозможную помощь: раздѣли, высушили, одѣли въ сухое платье. Не доставало только грогу, но и этой бѣдѣ помогъ Орацiо: при немъ оказалась фляга орвіетскаго вина, купленнаго имъ на дорогу дамамъ. Джонъ выпилъ вина, и часа черезъ два, въ сухомъ платьѣ, передъ огнемъ и въ такомъ пріятномъ обществѣ, совершенно забылъ и яхту, и бурю, и цѣлый свѣтъ, и, опершись головой о скалу, захрапѣлъ такъ, какъ будто покоился гдѣ-нибудь у себя дома, на мягкомъ пуховикѣ.

Орацiо, нѣсколько передохнувъ, снова отправился на поиски

* Почти по всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря находятся развалины сторожевыхъ башень, служившихъ во времена морскихъ разбоевъ для наблюденія за появленіемъ пиратовъ. *Прим. авт.*

на прибрежье, со страхомъ и надеждою встрѣтить какого-нибудь несчастнаго и еще кому-нибудь принести помощь. Но такъ-какъ послѣ продолжительныхъ поисковъ онъ ничего не нашелъ, то вернулся, почувствовавъ также необходимость обсушиться у огня.

Клелія, утомленная происшествіями дня, спала глубокимъ сномъ, положивъ голову свою на колѣна матери. Молодость и утомленіе убаюкали ее сразу.

Но Сильвія не спала, а только дремала. Множество впечатлѣній, испытанныхъ ею за эти дни, произвели у ней безсонницу. Кромѣ того, она опасалась заснуть, и даже почти боялась пошевельнуться, чтобы не разбудить своей дорогой Клеліи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, безпокойство о судьбѣ Манліо въ такую непогоду не оставляло ее. «Что̀-то съ нимъ, бѣднымъ, теперь дѣлается?» думала она, и для очищенія совѣсти прибавляла: «а также и съ Авреліей?»...

Орацiо и не думалъ даже о снѣ; онъ зналъ, что папская стража порта д'Анцо слишкомъ близка, чтобы можно было думать объ отдыхѣ. Онъ сидѣлъ на камнѣ передъ огнемъ, и время отъ времени подкидывалъ въ пламя сухіе сучья.

Онъ былъ безъ плаща, такъ-какъ отдалъ его женщинамъ вмѣсто покрывала. За поясомъ его висѣли патронташъ, два револьвера и кинжалъ съ широкимъ лезвіемъ, могшій служить въ то же время охотничьимъ ножомъ.

Садясь къ огню, чтобы обсушить свое промокшее платье, онъ положилъ осторожно возлѣ себя свой карабинъ, предварительно тщательно его осмотрѣвъ.

Одѣтъ онъ былъ въ черное бархатное платье, съ серебряными пуговицами; на ногахъ его были кожанные штиблеты, застегивавшіяся до колѣнъ. На шеѣ его былъ широко повязанъ красный, шелковый платокъ, съ большимъ узломъ на груди. Черная шляпа, почти калабрійской формы, надвинутая нѣсколько на правую сторону, покрывала его голову, напоминавшую Марса.

Когда время отъ времени разгоравшееся пламя освѣщало его мужественное лицо, любой художникъ могъ бы залюбоваться выраженіемъ этого лица, на которомъ можно было прочесть спокойное сознаніе силы и храбрость, доходящую до героизма.

Сама Сильвія не разъ во время своей дремоты невольно любовалась его фигурой, и въ эти минуты едва-ли не забывала даже о Манліо.

Пусть современные гермафродиты, преклоняющіеся передъ идоломъ папской власти, или умиляющіеся передъ чужеземцемъ-

узурпаторомъ, удивляются, что я съ такою любовью останавливаюсь на описанiи разбойника, голова котораго оцѣнена папской полицiей. Мнѣ до нихъ нѣтъ никакого дѣла. Если желать искренно единства Италiи, быть всегда наготовѣ на борьбу съ неправдой и съ чужеземцами, значитъ, быть разбойникомъ, то мнѣ все равно, я и въ разбойникѣ признаю героя и такого человѣка, какого ищу. Вотъ итальянецъ, скажу я: — какимъ онъ долженъ быть, какимъ представляется мнѣ въ мечтахъ моихъ, и какимъ навѣрно будетъ, когда Италiи удастся вырваться изъ когтей и влiянiя послѣдователей Лойоллы!

— Сеньора! сказалъ Орацiо, обращаясь къ Сильвiи, такимъ сладкимъ и почтительнымъ голосомъ, что заставилъ ее вздрогнуть: — утро не должно насъ застать здѣсь, такъ-какъ мы здѣсь не внѣ опасности. Едва разсвѣтетъ и въ лѣсу можно будетъ распознавать тропинки, мы должны отсюда удалиться, чтобы не попасть въ руки нашихъ враговъ.

— Но, вѣдь такимъ образомъ мы разойдемся еще болѣе съ Манлiо, Аврелiей и Джулiей, отвѣтила она грустно.

— Что же дѣлать? отвѣчалъ Орацiо: — объ нихъ намъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ основанiй опасаться; они очевидно въ открытомъ морѣ, и будемъ надѣяться, не пострадали отъ бури. Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ удалиться въ лѣсъ, мы осмотримъ на всякiй случай все прибрежье, хотя, конечно, дай Богъ, чтобы мы тамъ съ ними не встрѣтились.

— Боже мой! неужели же ихъ выкинуло на берегъ ураганомъ! вскричала Сильвiя, обращая умоляющiй взоръ къ небу.

Орацiо ничего не отвѣчалъ; онъ зналъ, что въ такую страшную бурю все могло случиться. При первомъ блескѣ разсвѣта, когда онъ нашелъ, что было уже настолько свѣтло, что женщины будутъ въ состоянiи отличать дорогу, онъ поднялся, взялъ карабинъ и сказалъ Сильвiи: «теперь пора!»

Сильвiя разбудила осторожно Клелiю, Орацiо разбудилъ Джона, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ они съ Орацiо впереди вышли изъ пещеры и направились къ сѣверу по краю болота, параллельно съ берегомъ.

Буря значительно стихла, но не настолько, чтобы не затруднять пути нашимъ друзьямъ. Дождь почти пересталъ, но брызги отъ разбивавшихся волнъ летѣли имъ прямо въ лицо, что̀ причиняло имъ не мало безпокойства. Прежде поворота въ лѣсъ надобно было осмотрѣть прибрежье, и вотъ Орацiо, взявши съ собою Джона, вскарабкался на довольно высокiй песчаный холмъ и вперился своимъ быстрымъ взоромъ въ даль, достаточно уже освѣщенную восходившимъ солнцемъ. Къ счастiю, нигдѣ по-

всему пустынному и печальному берегу, кромѣ пѣнившихся валовъ, не было замѣтно никакихъ слѣдовъ крушенія. Тогда Орацiо вернулся къ ожидавшимъ его за холмомъ женщинамъ и сказалъ: «Наши друзья внѣ опасности, теперь и намъ слѣдуетъ озаботиться о своемъ спасеніи», и съ этими словами повернулъ направо, по хорошо знакомой ему тропинкѣ, ведшей въ лѣсную чащу, куда все общество и послѣдовало за нимъ.

XXVIII.

Отступленіе.

Послѣ всего происшедшаго въ термахъ Каракаллы, положеніе Аттиліо и его друзей стало крайне опаснымъ. Предатель заплатилъ жизнью за свою вину; то же послѣдовало и съ нѣкоторыми ищейками полиціи, но дѣло въ томъ, что полиція всетаки напала на слѣдъ заговора, и конечно, знала или догадывалась объ именахъ главныхъ его руководителей. Еслибы заговорщики другихъ частей Италіи были наготовѣ, какъ римляне, то въ эту самую ночь, 15 февраля, все дѣло могло быть окончено, какъ могло бы окончиться и въ каждый послѣдующій день. Но большинство этихъ заговорщиковъ принадлежало къ умѣреннымъ; умѣренные же, какъ и всегда своею нерѣшительностью и колебаніями—и тутъ только мѣшали дѣлу, сами не отваживаясь ни на что опредѣленное и ожидая, что освобожденіе родины упадетъ къ нимъ съ неба — подобно маннѣ, или будетъ любезно предложено имъ иноземцами. Что имъ было за дѣло до національнаго достоинства? до того, что Италія подавала поводъ къ насмѣшкамъ надъ нею всѣмъ остальнымъ народамъ Европы. Что ея провинціи за деньги покупались и продавались? Большинство итальянцевъ не были даже способны поступиться для общаго блага и своего національнаго единства тѣми жалкими выгодами, которыя доставляла имъ служба и карьера. Они цѣпко держались за ту подачку, какой имъ удалось добиться—послѣ революціи. И такимъ образомъ Италія, въ теченіе столькихъ вѣковъ раздѣленная, поруганная, проданная, опозоренная, униженная, развращенная своими патерами, даже и послѣ своего начавшагося возрожденія снова принесена была въ жертву — сатанинскому честолюбію своего верховнаго жреца и ей не оставалось ничего болѣе, какъ со смиреніемъ снова приступить къ принятію древняго обычая—церемоніальнаго цалованія туфли.

Такія условія представлялъ Римъ въ первые мѣсяцы 1867

года, когда чуждые и наши наемщики упрочились въ вѣчномъ городѣ, и Италія, въ угоду ханжившему хищнику, должна была торжественно отречься отъ обладанія Римомъ и отказаться отъ всякой славы въ будущемъ. Вмѣсто того, чтобы имѣть возможность возродиться и быть славною и счастливою, украситься ореоломъ свободы и независимости, для которыхъ ея вѣрные сыны принесли уже столько жертвъ, ей пришлось безстыдно опуститься снова въ грязь и подчиниться, Богъ знаетъ на сколько еще времени, съ смиреніемъ развратителямъ народа и гонителямъ и ненавистникамъ всего человѣчества!

Но вернемся къ нашему разсказу.

Въ одинъ изъ вечеровъ первыхъ чиселъ марта, въ небольшой комнатѣ дома Манліо, выходившей на дворъ, собрались Аттиліо, Муціо и Сильвіо, для совѣщанія о дальнѣйшемъ направленіи своей дѣятельности. Они послѣ 15-го февраля оставались въ Римѣ въ надеждѣ, не улыбнется ли судьба ихъ дѣлу... Но дѣло Италіи было такъ дурно, что, несмотря на весь великодушный героизмъ нашихъ молодыхъ людей и всю отвагу трехсотъ ихъ товарищей, изъ лабиринта обстоятельствъ, для блага Рима, было невозможно найти никакого выхода.

— Въ наши дни, произнесъ Аттиліо: — жертвовать жизнью за отечество не считается уже болѣе заслугой. Въ ходу другіе взгляды, и итальянцы прославляютъ бездѣйствіе, лишь бы не помѣшать черепашьему ходу машины порядка, пришедшагося такъ по душѣ людямъ мелкой посредственности, хвалящимся своею умѣренностью. Наши друзья изъ другихъ провинцій, кажется, окончательно побратались съ врагами и грабителями Италіи... Но мы!... что̀ остается намъ дѣлать?... Можемъ ли мы войти въ сдѣлки и сношенія съ негодями, готовыми сто разъ продать наше отечество чужеземцамъ?... Можемъ ли мы жить спокойно рядомъ съ этими развратителями народа, ругающимися надъ нашими отцами, дѣлающими нашихъ сестеръ жертвами своего сластолюбія, обратившими весь Римъ въ зловонную помойную яму, въ клоаку своихъ преступленій?

Аттиліо, разгорячаясь, все болѣе и болѣе возвышалъ голосъ, что̀ заставило Сильвіо, болѣе его осторожнаго, остановить его.

— Говори тише, благородный братъ; ты никакъ не хочешь понять, до какой степени насъ преслѣдуютъ. Неужели ты думаешь, что даже теперь не подслушиваетъ насъ какой-нибудь негодяй, притаившись гдѣ-нибудь около дома? Намъ говорить не о чемъ. Всѣ мы — все это хорошо знаемъ, и дѣло совсѣмъ не въ томъ. Дѣло въ томъ только, что въ Римѣ намъ дольше оставаться нельзя, да и незачѣмъ. Оставимъ здѣсь Реголо,

которому поручимъ наши дѣла, а сами уѣдемъ на время въ Кампанью. Тамъ мы тоже найдемъ друзей, хорошіе люди водятся вездѣ. Будемъ ждать, пока Италія не отрезвится, не устанетъ услаждать своихъ взоровъ либеральной арлекинадой, которою ей отводятъ глаза, не убѣдится, что ее продаютъ на каждомъ шагу, и что она довѣрчиво отдалась сама въ руки деспотизма и предательства!

— Уѣдемте, братья! произнесъ снова Сильвіо, послѣ минутнаго молчанія, впродолженіе котораго, казалось, рѣшеніе его пріобрѣло еще бо̀льшую опредѣленность: — уѣдемте! Пусть враги наши назовутъ насъ разбойниками, авантюристами, какъ они уже называли насъ во время славной марсальской экспедиціи. Что намъ до того за дѣло! Какъ и тогда, мы будемъ охранять свободу своего отечества, и когда пробьетъ часъ, въ который Италія захочетъ дѣйствительно освободиться отъ тираніи, мы явимся снова и вовсеоружіи къ ней на выручку!

XXIX.

Лѣсъ.

Общество, оставленное нами, шло около двухъ часовъ сряду по лѣсу, пробираясь по чуть замѣтнымъ тропинкамъ. Кое-гдѣ не встрѣчалось даже слѣдовъ человѣческихъ или ихъ, по крайней мѣрѣ, можно было принять скорѣе за разрывы земли, произведенные буйволовыми рогами. Орацiо шелъ впереди всѣхъ и расчищалъ путь отъ валявшихся деревьевъ и сучьевъ, лѣзшихъ въ глаза; Джонъ ему въ этомъ усердно помогалъ. Наконецъ, дойдя до одного мѣста, гдѣ лѣсъ разступался, выходя на небольшой закрытый лужокъ, Орацiо остановился.

Погода разгулялась. Изрѣдка только порывы вѣтра, остатки стихнувшей бури, качали вершинами вѣковыхъ деревьевъ, но на лугу, гдѣ общество наше остановилось, не было замѣтно даже малѣйшаго вѣтерка.

— Сеньора Сильвіо, сказалъ Орацiо:—оставайтесь съ Клеліей здѣсь и отдохните, вамъ отдыхъ такъ нуженъ; я же съ Джономъ пойду не на долго поискать пищи.

Говоря это, онъ разостлалъ свой плащъ и пригласилъ женщинъ на него сѣсть, самъ же сдѣлалъ Джону знакъ головою и пошелъ съ нимъ по другому направленію лѣса.

Сильвія дѣйствительно не чувствовала подъ собою ногъ отъ устали, и потому тотчасъ же заснула. Клелія, благодаря своей молодости и сильному сложенію, меньше страдала отъ устало-

сти, но и она была не прочь нѣсколько отдохнуть, особливо въ такой очаровательной мѣстности, гдѣ притомъ не было даже и слѣдовъ человѣческихъ, исключая тѣхъ свѣжихъ слѣдовъ, которые проложили сами наши путники.

Заснуть она, однакоже, не могла, и отдохнувъ только нѣсколько минутъ, побуждаемая живостью своей натуры, снова поднялась. Ее соблазнило множество разнообразныхъ полевыхъ цвѣтовъ, украшавшихъ собою лужайку. Она тотчасъ же стала ихъ рвать, соединяя въ роскошный букетъ, который она задумала поднести матери при ея пробужденіи. Едва она его собрала и сѣла подлѣ заснувшей Сильвіи, какъ невдалекѣ раздался ружейный выстрѣлъ, перекаты котораго чуткое эхо разнесло по всему лѣсу.

Сильвія пробудилась отъ этого звука, и испуганная, долго не могла придти въ себя, не понимая, откуда произошло это нарушеніе молчанія; но она тотчасъ опомнилась, когда Клелія, разсмѣявшись, сказала ей:

— Чего ты такъ испугалась, мама! вѣдь это наши друзья охотятся для нашего обѣда, и, конечно, скоро явятся сюда и сами.

Въ отвѣтъ на это Сильвія нѣжно поцаловала Клелію, и между ними завязался тихій разговоръ о дорогихъ людяхъ, съ которыми онѣ недавно такъ странно разлучились, и надежда скораго новаго свиданія съ которыми живило ихъ безпокойное сердце.

Вскорѣ появился и Орацiо съ Джономъ, таща за собою молодаго кабана, убитаго первымъ.

— Клелія, сказалъ Орацiо: — не можете ли вы объяснить Джону, чтобы онъ набралъ сухихъ вѣтвей для костра.

Клелія нѣсколько знала поанглійски, и обратясь къ Джону, объяснила ему, въ чемъ дѣло. Джонъ тотчасъ же сталъ ломать сучья, складывать ихъ въ ворохъ, и черезъ нѣсколько минутъ большой костеръ весело запылалъ передъ нашими путниками.

На ремесло мясника обыкновенно глядятъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, и я нахожу это совершенно справедливымъ. Вѣчно обращаться въ крови, убивать, рубить и рѣзать мясо—въ этомъ занятіи заключается нѣчто возмутительное и отталкивающее, что-то напоминающее дикарей. Какъ бы ни были чувства человѣка огрубѣлыми, къ такому дѣлу онъ не можетъ относиться безъ нѣкотораго отвращенія. Я лично, напримѣръ, гораздо скорѣе рѣшился бы на всю жизнь сдѣлаться послѣдователемъ пиѳагорейцевъ, не употреблявшихъ животной пищи, чѣмъ взяться за подобное дѣло. Я долженъ признаться, что во мнѣ съ лѣ-

тами постоянно растетъ отвращеніе отъ всякихъ убійствъ и пролитія крови. Нѣкогда, напримѣръ, я былъ страстнымъ охотникомъ; теперь же, каюсь, даже видъ раненой птички заставляетъ меня глубоко страдать.

Не знаю, испытывалъ ли нѣчто подобное Орацiо, отважное дитя лѣса, но такъ или иначе, какъ могъ бы онъ просуществовать не будучи охотникомъ, осужденный постоянно скрываться и избѣгать близости человѣческихъ жилищъ?

На этотъ разъ, однакоже, онъ съ необыкновенною граціею принялся за дѣло, разложилъ убитое животное на траву, и вынувъ свой ножъ-кинжалъ, раздѣлилъ его на куски, сдѣлалъ изъ крѣпкаго сучка нѣчто въ родѣ вертела, продѣлъ на него мясо, и черезъ нѣсколько минутъ подалъ своимъ товарищамъ такое жаркое, отъ котораго, пожалуй, потекли бы слюнки у любого изъ завзятейшихъ представителей нашихъ умѣренныхъ партій.

Приправой къ жаркому послужилъ обществу голодъ, и когда первое чувство его было удовлетворено — общество развеселилось. Начался общій разговоръ и смѣхъ. Джонъ сдѣлался героемъ праздника. Клелія начала его учить говорить поитальянски, и первыя попытки мальчика въ этомъ трудномъ для него дѣлѣ были до того смѣшны и подавали поводъ къ такимъ сближеніямъ, что все общество хохотало отъ чистаго сердца.

Впрочемъ, и самъ Джонъ, какъ морякъ, былъ мальчикъ веселаго нрава. Моряки обыкновенно бываютъ необычайно веселы, когда вступаютъ на землю, если они передъ тѣмъ долго на ней не были. Конечно, это не относится къ Джону, который нѣсколько дней находился на стоянкѣ въ портѣ д'Анцо, а передъ тѣмъ незадолго перебывалъ почти во всѣхъ итальянскихъ портахъ; но ему, только что избѣгнувшему смерти, такъ нравилась новость его положенія въ обществѣ незнакомыхъ людей, и притомъ въ лѣсу, гдѣ ему не случалось еще бывать — что онъ себя чувствовалъ превосходно и вѣроятно нисколько не завидовалъ участи своихъ товарищей, плывшихъ въ это время на яхтѣ. Красота и доброта Клеліи произвели на него сильное впечатлѣніе, такъ же какъ и личность Орацiо — одна изъ тѣхъ типическихъ личностей, которыя производятъ чрезвычайное обаяніе на дѣтей, да сверхъ того онъ еще видѣлъ въ немъ своего спасителя.

Окончивъ свой походный обѣдъ, общество снова пустилось въ путь, придерживаясь почти того же направленія, какому слѣдовало и до своей остановки, и послѣ продолжительной

ходьбы дошло подъ вечеръ до мѣста, откуда передъ ними открылась одно изъ тѣхъ древнихъ построекъ, которыя, подобно Пантеону, повидимому пощадило самое время. Я лично никогно не могу подумать о подобныхъ постройкахъ, безъ того чтобы съ благоговѣйнымъ удивленіемъ не преклониться предъ ними въ своей мысли.

Путники наши остановились у опушки лѣса, откуда начиналась широкая, почти круглая поляна. Столѣтніе дубы возвышались какъ бы съ нѣкоторою правильностью на всей поверхности круга. И нѣсколько упавшихъ дубовъ, можетъ быть, за цѣлые вѣка назадъ сраженные ураганомъ, составляли какъ бы естественныя скамьи, на одну изъ которыхъ и сѣли наши путники.

— Отдохните здѣсь нѣсколько, сказалъ Opaціо женщинамъ, прикладывая къ губамъ небольшой рогъ, висѣвшій у него за поясомъ, изъ котораго раздались звуки на столько сильные, что этого нельзя было даже и ожидать отъ такого небольшаго рожка. Точно такой же звукъ послышался въ отвѣтъ на его сигналъ. Выходилъ онъ, какъ казалось, изъ сторожки, стоявшей недалеко на возвышеніи и которой наши путники сначала даже не замѣтили.

Спустя нѣсколько минутъ, какой-то человѣкъ, одѣтый подобно Opaціо, вышелъ изъ сторожки и подошелъ къ нему съ почтительнымъ видомъ. Дружеское пожатіе руки, которымъ они обмѣнялись, показывало, что они были между собою знакомы. Послѣ недолгихъ разговоровъ часовой (неизвѣстный оказался часовымъ) вернулся въ сторожку, и Opaціо, попросивъ знакомъ женщинъ подняться, пошелъ вмѣстѣ съ ними, нѣсколько впереди ихъ, прямо къ возвышавшемуся передъ ними древнему зданію.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПРОВИНЦІЯЛЬНЫЕ МОТИВЫ.

I.

ДОРОЖНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Луга.

(Членамъ главнаго общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ).

Благодарю васъ, господа,
За ту великую услугу,
Что ужь конечно никогда
Не попаду теперь я въ Лугу!
Бывало — охъ! болятъ бока!
Зимою мерзнешь, мокнешь лѣтомъ,
Глядишь на спину ямщика
И—въ Лугу ввалишься съ разсвѣтомъ;
Надъ ней стоитъ холодный паръ,
Уподобляясь наводненью;
Постройки — плохи: *къ украшенью*
Ей не способствовалъ пожаръ.
Унылый видъ! что шагъ, то лужа,
Кривой вдоль улицы заборъ...
Какъ пустъ и сѣръ гостиный дворъ!
Какъ церковь съ виду неуклюжа!
Сгорѣла Луга отъ стыда...
И всѣ-то наши города,
Хоть съ виду будто бы и древни —
Большія, сѣрыя деревни...
Валяйте мимо, господа!

Старый и новый Псковъ.

Мечъ тяжелый Гавріила,
Златоверхій нашъ соборъ,

Князя Довмонта могила,
Запахъ древности, просторъ;
Чудотворныя иконы,
Стѣны стараго Кремля,
Башня, славная въ дни оны
Чудной силой обороны
Отъ Батура короля;
Монастырь, что̀ на Мирожѣ,
Обмелѣвшая Пскова̀,
Ольгинъ ключь и (древность тоже)
Ольга, Ф... вдова,
Да бревенчатыя хаты
Вдоль Великой береговъ,
Да *Поганкина палаты* —
Вотъ онъ — добрый, старый Псковъ!

Домъ собранія нарядный,
Кой-какой публичный садъ,
Да одинъ актеръ изрядный,
Да чиновники палатъ;
Клубъ—должникъ неисправимый,
Члены—клубу должники,
Миръ и сонъ неодолимый,
Нѣмцы всюду, кабаки;
Все одни и тѣ же лица,
По копѣйкѣ ералашъ,
Да за Лугою—столица,
Какъ плѣнительный миражъ;
Ожиданіе *чего-то*
Отъ шоссе и отъ паровъ,
Къ сплетнямъ страстная охота —
Вотъ онъ, вотъ онъ, новый Псковъ!

Островъ.

Островъ! тонешь ты въ грязи,
А еще кичишься славою,
Что находишься въ связи
Съ Петербургомъ и Варшавою!
Могъ бы, право, совершить
Ты хоть что-нибудь полезное:
Хоть велѣлъ бы побѣлить
Ты училище уѣздное!

Новый мостъ висячій твой
Съ остальнымъ не гармонируетъ,
Скромный людъ твой дѣловой
Блага жизни игнорируетъ.
Плохо ѣсть въ тебѣ даютъ;
Ты снабженъ двумя *отелями*,
Чтобъ какой-нибудь пріютъ
Былъ застигнутымъ мятелями,
Но въ одномъ изъ нихъ—пока—
Пріютилась лишь мятелица:
Нѣтъ ни печки, ни замка!
У другого—нѣтъ звонка,
Не попасть въ него—бездѣлица!?
Островъ! плохъ ужь ты совсѣмъ,
Полонъ скуки и унынія,
И живутъ въ тебѣ зачѣмъ?
Не могу постичь донынѣ я!
Мимо жизнь тебя летитъ
На парахъ, съ локомотивами,
Сыплетъ искрами, спѣшитъ
Съ вѣчно-новыми мотивами...
Ты жь — закутался въ снѣгахъ
И, во снѣ самозабвенія,
Киснешь гдѣ-то, въ трехъ верстахъ
Отъ прогресса и движенія!
Можешь пыль въ глаза пустить,
Передъ прочими уѣздами,
Новоржевъ собой затмить...
Но ни *земствами*, ни *съѣздами*
Ужь тебя не разбудить!

Новоржевъ.

Тамъ, гдѣ болотная трясина,
Великая Екатерина,
Смягчить желая Божій гнѣвъ,
Замѣтно вѣющій надъ краемъ,
Рекла: «здѣсь — граду быть желаемъ!»
И бысть — градъ нѣкій, Новоржевъ.
Обзаведенье, для показу,
Не мало стоило труда,
Соборъ соорудили сразу,
Но Божій гнѣвъ, на зло указу,

Здѣсь водворился навсегда.
Сто верстъ скачи — во всемъ уѣздѣ
Подобной ямы не сыскать;
Беретъ отчаянье при въѣздѣ,
Беретъ при выѣздѣ — опять!
И вѣдь нашлися горожане!
И угораздило жь ихъ тутъ
Похоронить себя заранѣ!
Чего хотятъ они и ждутъ?
Чего?! о счастьѣ, о карьерѣ
Въ умъ не придетъ здѣсь никому,
Чего?! Любви, надеждѣ, вѣрѣ,
Терпѣнью — здѣсь конецъ всему!

II.

СТАТИСТИЧЕСКІЙ КОМИТЕТЪ.

(Воспоминаніе о быломъ).

Возникающій періодически,
Съ губернаторомъ новымъ на свѣтъ,
Говорятъ, что опять статистическій
Соберется у насъ комитетъ;
Какъ въ періодахъ русской словесности —
Этой книги изъ бѣлыхъ листовъ —
Русскій умъ пропадалъ въ неизвѣстности,
Въ глубинѣ допетровскихъ вѣковъ,
Такъ и нашъ комитетъ не похвалится,
Что работаютъ наши умы:
Поживетъ, поживетъ — и провалится
Въ бездну хлама, забвенья и тьмы.
Но вотщель министерство дѣлъ внутреннихъ
Обращаетъ къ намъ велій свой гласъ?
Нѣтъ! *Курилко все живъ еще*!... утреннихъ
Засѣданій не будетъ у насъ.
Кончивъ день и его треволненія,
Пообѣдавъ, соснувъ вечеркомъ,
Благороднаго полные рвенія,
Обгоняя другъ друга, для пренія
Мы спѣшимъ въ губернаторскій домъ.
Тутъ — всѣхъ вѣдомствъ сидятъ представители:
И директоръ гимназіи здѣсь,
И попы, и купцы, и учители —

Всѣхъ сословій пріятная смѣсь.
За зеленымъ столомъ, безъ различія,
Засѣдаютъ, далеки отъ зла,
Съ тонкимъ тактомъ и чувствомъ приличія,
При усиленныхъ средствахъ тепла.
Первымъ дѣломъ — идетъ чаепитіе:
И тогда — въ первый тотъ періодъ —
Каждый вѣритъ въ успѣхъ и развитіе
Безкорыстныхъ грядущихъ работъ;
Важность, цѣль статистической миссіи
Сознаемъ, проповѣдуемъ мы:
Избираются тотчасъ комиссіи,
Секретарь возникаетъ изъ тьмы;
Видимъ розы вдали мы... а терніи?
Ихъ не будетъ на нашемъ пути!
Штука въ чемъ? населенью губерніи
Однодневный итогъ подвести...
Но... на первыхъ порахъ ужь сомнительно,
Чтобъ успѣхомъ увѣнчанъ былъ трудъ:
Широки вѣдь уѣзды! рѣшительно
Нѣтъ дорогъ! что подѣлаешь тутъ?
Гдѣ найти намъ усердія рьянаго?
Не умѣютъ писать старшины,
Вся надежда — на писаря пьянаго:
Грамотѣи у насъ сочтены!
Есть у насъ и училища штатныя
И надъ ними — смотрительскій глазъ,
Школы земскія, школы безплатныя —
Много ихъ на бумагѣ у насъ!
(Все вѣдь терпитъ бумага безгласная)
Отчего жь у насъ *теменъ* народъ?
Что же грамотность наша несчастная
Шагу сдѣлать не можетъ впередъ?
Мы объ этомъ судить необязаны:
Пусть въ коммисіи все разберутъ.
(Ей и прусскія формы указаны)
Насъ вопросы дальнѣйшіе ждутъ.
Что тамъ далѣе? Промыслы мѣстные
И народная наша мораль?
Цифры тѣхъ и другой интересныя,
Да поди собери ихъ; а жаль!
Сколько льну мужичками посѣяно,
Сколько въ Ригу *на бракъ* свезено?

Сколько хлѣба *лопатами* свѣяно?
Сколько ржи превратилось въ вино?
Для питейныхъ графа особливая:
Ихъ судьба возростать и цвѣсти!
Дальше, мысль возникаетъ счастливая:
Проституткамъ итогъ подвести.
Дальше — новая рубрика: слѣдуютъ
Цифры плутней, разбоевъ и кражъ;
Что суды окружные преслѣдуютъ,
Словомъ — всякій скандалъ и пассажъ.
Какъ точнѣе собрать эти свѣдѣнья?
Вотъ задача!... И споръ начался.
Кто-то, кончившій курсъ правовѣдѣнья,
Собирать ихъ на мѣстѣ взялся;
Кто-то мысль заявляетъ, что сотскіе
Для уѣздной статистики, — кладъ,
А другой, что попы лишь приходскіе
Всѣ задачи какъ-разъ порѣшатъ.
Членъ одинъ указалъ на полицію,
Но ее *ненадежной* нашли...
Тутъ исправникъ вломился въ амбицію,
И пошли, и пошли, и пошли!
Всякъ талантъ заявляетъ ораторскій,
Не давая другимъ говорить,
Только голосъ одинъ губернаторскій
Властенъ бурю страстей усмирить.
Велико въ насъ къ статистикѣ рвеніе,
Но, средь этого шума всего,
Затѣвая горячія пренія
Каждый носитъ въ душѣ убѣжденіе,
Что не выйдетъ изъ нихъ ничего.

III.

КЪ ЗЕМСТВУ.

Земство! ты налоги
Съ насъ дерешь безбожно...
Почини дороги!
Ѣздить невозможно!!
Мужикамъ канавы
Ты копать велѣло;
Мужики и правы:

Имъ какое дѣло?
Вотъ они оттуда
Роютъ на средину
Камни, дернъ и глину
И выходитъ груда!
Прежде, серединкой
Все-жь рысцой ѣзжали,
А чинить какъ стали...
Богъ съ ней и съ починкой!
А мосты, мосты-то!
Разберетъ досада:
Ихъ пробьетъ копыто —
Объѣзжать ихъ надо.
По широкой лужѣ
Съ мостомъ ѣдешь рядомъ,
Сравнивая взглядомъ:
Гдѣ проѣхать хуже?

IV.

РѢЧЬ ГУБЕРНАТОРА ПРИ ОТКРЫТІИ ГУБЕРНСКАГО ЗЕМСКАГО СОБРАНІЯ.

Милостивые государи!
Земство — новое зданіе,
Намъ нужна сила новая!
Открывая собраніе,
Задушевное слово я
Вамъ скажу, въ назиданіе.
Вы, что̀ избраны *гласными!*
По законамъ грамматики
И самой математики,
Вамъ нельзя быть *согласными.*
Какъ отъ споровъ избавиться?
Всякъ свое проповѣдуетъ...
Это можетъ не нравиться,
Но сердиться — не слѣдуетъ.
Много надо смиренія,
Но вездѣ ужь такъ водится:
Вѣдь чужія-то мнѣнія
Уважать намъ приходится!
Слышишь: баринъ не ладное
Затѣваетъ — и тщательно

Спрячешь чувство досадное:
Слушать надо внимательно!
Соблюдаешь политику,
Хоть языкъ твой и чешется,
Не пускаешься въ критику:
Пусть ораторъ натѣшится.
Тутъ — пойдутъ возраженія:
Слушай всѣ разсужденія;
Всякій пусть фантазируетъ,
Президентъ — резюмируетъ!

Какъ отъ тренья упорнаго
Искра, свѣтъ появляется,
Такъ изъ пренія спорнаго
Что нибудь уясняется.
Пожелаемъ единаго:
Чтобы не было личностей,
Да рыканія львинаго
И другихъ неприличностей.

Ваше слово — свободное,
Дѣло земства — народное:
Прочь сословность спѣсивая,
Апатія сонливая,
Равнодушье безплодное!
Всѣхъ предвидѣть случайностей
Не могло Положеніе,
Избѣгайте лишь крайностей,
Въ нихъ же нѣтъ вамъ спасенія!
Приложите стараніе
Увѣнчать ваше зданіе:
Роль творящихъ — божественна!...

Я открытымъ собраніе
Объявляю торжественно!

Яхонтовъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ТЕОРІЯ ДАРВИНА И ОБЩЕСТВЕННАЯ НАУКА.

II. Теорія Дарвина и телеологія.

I.

Каждому изъ васъ, читатели, можетъ быть, не разъ на своемъ вѣку приходилось испытать то тревожное, непосѣдное состояніе духа, когда человѣку кажется, что всѣ встрѣчные обращаютъ на него особенное вниманіе, что мысли и глаза всѣхъ и каждаго устремлены въ его сторону. Такъ иного, если ему случится явиться въ обществѣ безъ галстуха, неотступно преслѣдуетъ мысль, что безпорядокъ его костюма немедленно замѣтятъ, что все общество только и дѣла дѣлаетъ, что смотритъ на его шею. Такъ свѣже-испеченный прапорщикъ гордо шагаетъ по улицѣ, будучи твердо увѣренъ, что его новенькіе эполеты составляютъ фокусъ, въ которомъ сходятся всѣ взгляды и помышленія. Такъ мелочно-самолюбивый писатель въ глубинѣ души своей непоколебимо убѣжденъ, что каждая его строчка имѣетъ великое значеніе и должна приковать къ себѣ общее вниманіе. Такъ есть мономаны, предполагающіе, что имъ со всѣхъ сторонъ грозитъ опасность, что каждый норовитъ имъ насолить, унизить ихъ, наконецъ даже покуситься на ихъ жизнь. И человѣку кажется обыкновенно въ такихъ случаяхъ, что онъ дѣйствительно составляетъ предметъ общаго вниманія — благосклоннаго или враждебнаго. Онъ не только съ удовольствіемъ или со страхомъ ждетъ случая сдѣлаться средоточіемъ взглядовъ, помышленій, чувствъ, дѣйствій, но истолковываетъ въ этомъ смыслѣ каждый шагъ, каждое движеніе всякаго встрѣчнаго, и готовъ приплести къ дѣлу своей личности даже «чиновника совершенно посторонняго вѣдомства». На дѣлѣ такое всеобщее вниманіе выпадаетъ на долю очень немногихъ, а потому указанному психическому состоянію сплошь и рядомъ приходится сталкиваться съ фактами, столь осязательно свидѣтельствующими о его несоотвѣтствіи дѣйствительному ходу вещей, что

перетолковать ихъ не представляется никакой возможности. Въ такомъ случаѣ человѣкъ, одержимый вѣрою въ центральность своего положенія, либо чрезмѣрно радуется самымъ естественнымъ и обыденнымъ событіямъ, либо чрезмѣрно печалится о вещахъ не менѣе простыхъ и естественныхъ. Такъ если отсутствія галстуха очевидно никто не замѣтилъ, то владѣлецъ обнаженной шеи готовъ привѣтствовать это происшествіе, какъ изъ ряду вонъ выходящее. Такъ какой нибудь плохой виршеплетъ, разсчитывающій на всеобщія похвалы, негодуетъ на встрѣчаемое имъ равнодушіе, хотя равнодушіе это есть явленіе совершенно законное и естественное. Въ большинствѣ случаевъ, однако, виршеплетъ этого явленія оцѣнить не можетъ и видитъ въ немъ не просто равнодушіе, а намѣренное преслѣдованіе его личности. Въ нѣкоторыхъ душевныхъ болѣзняхъ эта чисто личная нота достигаетъ совершенно уродливой звучности: человѣкъ слышитъ одобреніе или неодобреніе себѣ въ скрипѣ колесъ, въ завываніяхъ вѣтра, въ шумѣ волнъ и проч. Если мы вздумаемъ анализировать то охватывающее все существо человѣка предвзятое мнѣніе, которое заставляетъ его смотрѣть на весь окружающій міръ подъ такимъ острымъ угломъ, то найдемъ, что элементы его крайне бѣдны содержаніемъ сочувственнаго опыта. Только у людей, психическій аппаратъ которыхъ сложился совершенно въ сторонѣ отъ чужихъ радостей и горестей или только въ такіе моменты, когда наши личные интересы совершенно заслоняютъ отъ насъ интересы сосѣдскіе, можетъ явиться подобная слѣпая увѣренность въ центральности своего положенія. Если вы явились въ общество не для того только, чтобы себя показать, отсутствіе галстуха отнюдь не смутитъ васъ въ такой мѣрѣ, и вы навѣрное послѣдній замѣтите этотъ небольшой безпорядокъ своего туалета. Если писатель имѣетъ какую-нибудь общую хотя бы съ небольшою группою людей цѣль, а не ушелъ весь въ свою собственную личность, то хотя его и можетъ огорчить невниманіе къ его работамъ, но онъ будетъ знать себѣ цѣну: онъ не объ себѣ думаетъ, когда пишетъ, не на свою личность желаетъ обратить вниманіе общества, а на тѣ свои мысли, которыя считаетъ хорошими, вѣрными, справедливыми, полезными.

Тревожное состояніе духа человѣка, ушедшаго въ себя и рекомендующаго свою личность особенному покровительству или особенному преслѣдованію со стороны окружающаго міра, принимаетъ иногда явно патологическія формы, сопровождаясь иллюзіями и галлюцинаціями. А не разъ уже было замѣчено многими антропологами, что между нѣкоторыми патологическими явленіями въ средѣ современной цивилизаціи и явленіями первобытной жизни человѣка можетъ быть установленъ весьма плодотворный параллелизмъ. Хотя мы и не совсѣмъ раздѣляемъ мысль объ этомъ параллелизмѣ въ томъ общемъ видѣ, въ какомъ она обыкновенно высказывается, но указанные нами

психологическіе факты могутъ, кажется, отчасти способствовать уясненію первыхъ ступеней человѣческой исторіи. Голый, грязный, одинокій первобытный человѣкъ, только что ставшій человѣкомъ, еще не извѣдавшій ничего, кромѣ своихъ личныхъ желаній и потребностей, естественно впродолженіе всей своей жизни долженъ находиться въ тревожномъ эгоцентрическомъ настроеніи. И безъ сомнѣнія, источникъ того страннаго явленія, въ жизни дикарей, которое извѣстно, благодаря многимъ наблюдателямъ, подъ именемъ пантофобіи (всебоязнь), лежитъ въ слабомъ развитіи кооперации и маломъ количествѣ ощущеній и впечатлѣній сочувственнаго опыта. Представьте только себѣ этого дикаго двуногаго звѣря, въ которомъ уже копошатся однако человѣческія мысли; представьте его себѣ среди роскошной тропической природы, полной страшныхъ и восхитительныхъ звуковъ, полной опасностей и въ то же время щедрой до роскоши, или среди холода и мрака сѣвера, гдѣ воетъ леденящій вѣтеръ, гдѣ стелятся безконечныя снѣжныя равнины. И среди всего этого величія, среди этихъ ужасовъ и роскоши, среди этого царства холода и голода движется и живетъ человѣкъ. Онъ слышитъ рокотъ грома, шумъ прибоя волнъ, вой вѣтра, шумъ вершинъ деревьевъ въ дремучемъ лѣсу, въ который онъ вступаетъ, боязливо оглядываясь по сторонамъ и прислушиваясь къ каждому шелесту. Что это за звуки? Отвѣтъ у него готовъ. Онъ знаетъ, какіе оттѣнки принимаетъ его собственный голосъ, когда онъ доволенъ или недоволенъ, когда ему хочется ѣсть или когда онъ наѣлся; онъ ловитъ жалкія аналогіи и воздвигаетъ на нихъ цѣлое міросозерцаніе. Человѣкъ создаетъ себѣ боговъ по образу и подобію своему. Но если громовой ударъ означаетъ чей-то гнѣвъ, то на кого онъ обращенъ и кому угрожаетъ? Кому! Развѣ этотъ двуногій звѣрь знаетъ что нибудь кромѣ самаго себя? развѣ онъ можетъ принять въ соображеніе, что тутъ-же, въ двухъ шагахъ отъ него, такой же двуногій звѣрь принялъ тотъ же ударъ грома на свой счетъ, а тамъ дальше третій двуногій звѣрь со страхомъ отскочилъ отъ куста, въ которомъ послышался зловѣщій шумъ колецъ змѣинаго хвоста, и что въ головѣ этого третьяго двуногаго звѣря уже смутно мерцаетъ такое-же эгоцентрическое рѣшеніе вопроса о значеніи этого шума? Развѣ этотъ двуногій звѣрь не тотъ же свѣтскій человѣкъ безъ галстуха, не тотъ же свѣже-испеченный прапорщикъ, не тотъ же мелкотравчатый, но самолюбивый писатель, который весь ушелъ въ себя, и ничего кромѣ своей собственной личности не знаетъ, не видитъ и не понимаетъ?

Въ теченіе множества вѣковъ раздвигается мало по малу путемъ кооперации личное существованіе первобытнаго человѣка. Онъ сознаетъ солидарность своихъ интересовъ съ интересами своей семьи, рода, племени и т. д., научается переживать чужую жизнь, и его телеологія становится шире. Характеръ ея

*

однако еще долго не измѣняется, т.-е. долго еще человѣкъ предоставляется исключительному покровительственному или враждебному вниманію окружающаго міра. Если эта объективно-антропоцентрическая телеологія и претерпѣваетъ какія либо измѣненія, то не качественныя, а только количественныя. Смотря по ходу историческихъ событій, средоточіе природы, предметъ особеннаго вниманія всякихъ естественныхъ и неестественныхъ силъ, то расширяется, то съуживается, т.-е. уменьшается или увеличивается число кооперирующихъ, находящихся подъ покровительствомъ однѣхъ и тѣхъ-же силъ. Маркъ-Аврелій воюетъ съ маркоманами; при этомъ ему однажды совершенно неожиданно помогаетъ дождь: находящіеся въ войскѣ Марка-Аврелія христіане приписываютъ эту помощь своимъ молитвамъ, язычники и самъ Маркъ-Аврелій — благости Юпитера. Ѳразивулъ идетъ освобождать Аѳины отъ ига тридцати тирановъ; войско Ѳразивула видитъ передъ собой блестящій метеоръ: то пламя, ниспосланное богами для освѣщенія пути, неизвѣстнаго врагамъ. И т. п. *. Въ своихъ послѣднихъ «Опытахъ» Максъ-Мюллеръ различаетъ троякаго рода касты: этнологическія, политическія и профессіональныя. (Essays von Max-Müller. Leipzig, 1869, B. II. Es. XXVII «Kaste», p. 285). Арійцы и судра въ Индіи, бѣлые и негры въ Америкѣ и т. п. суть представители этнологически обособленныхъ группъ, т.-е. касты состоятъ здѣсъ изъ различныхъ расъ. Этнологическій элементъ ведетъ къ установленію только двухъ кастъ: побѣдителей и побѣжденныхъ, рабовъ и господъ. Затѣмъ въ обществѣ начинается борьба партій, результатомъ которой являются касты политическія, каковы патриціи и плебеи въ древнемъ Римѣ. Политическій элементъ дробитъ обыкновенно общество на три группы, обособляя изъ массы народа военную аристократію и духовную іерархію. Такъ въ Индіи, наряду съ этнологическими кастами арійцевъ и судровъ, сами арійцы распадаются на браминовъ, кшатріевъ или воиновъ, и ваисіевъ или простыхъ гражданъ. Естественнымъ продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ политической касты является каста профессіональная. Каждая этнологическая, политическая и профессіональная группа придаетъ себѣ особенное значеніе и признаетъ своихъ членовъ достойными исключительнаго вниманія боговъ. Максъ-Мюллеръ приводитъ нѣкоторые военные гимны арійцевъ, въ которыхъ не знаешь чему удивляться: безграничной-ли ненависти

* Pour rattacher à l'intervention divine un événement rare, ou arrivé dans une circonstance opportune, suffira soit de *la passion violente qui veut associer à son délire la nature entière*, soit de la flatterie qui appele le Ciel au secours des princes ses représentants sur la terre, soit enfin du sentiment religieux qui arme contre le crime et le vice une vengeance surnaturelle, et, par une assistance merveilleuse, seconde les desseins de l'homme juste et les efforts de l'innocence opprimée. (Des sciences occultes ou essai etc., par E. Salverte, 3 ed. Paris, 1856, p. 63)

къ судрамъ, или объективному антропоцентризму, насквозь проникающему эти страшныя пѣсни. Тѣ же элементы враждебности и вѣры въ центральность своего положенія сквозятъ въ каждой строкѣ древнихъ разсказовъ о безпощадной войнѣ между браминами и кшатріями. Но ходъ исторіи можетъ то сгладить кастовыя перегородки и дать перевѣсъ принципу простаго сотрудничества, то усугубить эти перегородки и установить ярко выраженное раздѣленіе труда. Сообразно этимъ колебаніямъ, въ развитіи и историческихъ формахъ кооперацін измѣняются и направленіе и интенсивность объективно-антропоцентрической телеологіи. Она достигаетъ высшей ступени своего развитія, когда центромъ природы признается не та или другая этнологическая, политическая или профессіональная каста, а все человѣчество, человѣкъ вообще. Таково высокое ученіе Будды. Выше этого объективно-антропоцентрическая телеологія подняться не можетъ. И за этимъ послѣднимъ количественнымъ измѣненіемъ первобытной телеологіи, идетъ измѣненіе уже качественное. Рушится послѣдняя соломенка, за которую хватается утопающій антропоцентризмъ, и оказывается, что

...unfühlend
Ist die Natur:
Es leichtet die Sonne
Ueber Bös und Gute... (Гёте).

Знаніе, наблюденіе окружающихъ явленій убѣждаютъ человѣка, что природа отнюдь не выражаетъ особенной заботливости къ его судьбѣ. Но сама, додумавшаяся до этого отрицательнаго результата, мысль человѣческая находится подъ вліяніемъ формы кооперацін и, охваченная со всѣхъ сторонъ эксцентрическимъ общественнымъ строемъ, т.-е. кооперацiей раздѣльнаго труда, воздвигаетъ новую телеологію, — телеологію эксцентрическую. Мы говорили уже о судьбахъ человѣческой мысли подъ вліяніемъ раздѣленія труда. Мы видѣли, что, вмѣстѣ съ окончательнымъ практическимъ распаденіемъ труда на трудъ умственный и физическій, теоретически человѣкъ разрубается на двѣ части; что, далѣе, наука и философія стремятся разбѣжаться въ разныя стороны, т.-е. происходитъ практическое распаденіе и въ сферѣ спеціалистовъ умственной дѣятельности. Какъ представители умственнаго труда и труда физическаго вступаютъ между собою въ страшную, хотя и не всегда кровавую борьбу за существованіе, такъ борятся между собою и представители науки и философіи. Одни зарываются въ мелочи, не пытаясь связать ихъ въ одно цѣлое, и съ презрительною улыбкою противопоставляютъ эмпирическимъ путемъ добытые грошовые результаты произвольнымъ трансцендентальнымъ обобщеніямъ метафизической философіи. Метафизики, съ другой стороны, не менѣе презрительно смотрятъ на этихъ жалкихъ тружениковъ, на этихъ «рабовъ чувствъ и опыта», и тщатся объяснить и обнять

вселенную чистою (отъ примѣси чувственныхъ воспріятій) мыслію. Эксцентризмъ, распаденіе человѣка на самостоятельные и враждебные другъ другу осколки забиваетъ однихъ и разбиваетъ другихъ. Забитые не смѣютъ поднять глаза къ небу, разбитые не оглядываются на землю. Особенность эксцентрическаго періода развитія мысли состоитъ, какъ мы видѣли, въ попыткахъ половинчатыхъ, разрубленныхъ людей отрѣшиться отъ своего эмпирическаго содержанія. Одни считаютъ возможнымъ обойтись безъ всякой теоріи, другіе наоборотъ — строить теоріи помимо опыта и наблюденія. На дѣлѣ однако и то, и другое оказывается одинаково невозможнымъ, ибо, какъ ни много сдѣлала исторія для того, чтобы раздробить человѣка, но онъ все-таки представляетъ единое цѣлое, и мысль связана съ чувственными воспріятіями неразрывною цѣпью. Данныя опыта необходимо группируются въ извѣстномъ порядкѣ, т.-е. обобщаются, теоретизируются, а теоріи необходимо вытекаютъ изъ данныхъ опыта и наблюденія. Все дѣло въ томъ, что, какъ говоритъ Гэккель, «чистые эмпирики довольствуются неполною и неясною, ими самими несознаваемою философіею, а чистые философы — столь же неудовлетворительною эмпиріею» *. Такъ строго обозначены границы человѣка и такъ тщетны наши усилія вырваться изъ нихъ въ ту или другую сторону. Поэтому нельзя полагаться на увѣренія спеціалистовъ-эмпириковъ, будто они не придерживаются никакой философіи; хотя философія эта, по всей вѣроятности, очень бѣдна и жалка, но она несомнѣнно су-

---

* „Im Grunde freilich gestaltet sich das thatsächliche Verhältniss überall so, dass die reinen Empiriker sich mit einer unvollständigen und unklaren, ihnen selbst nicht bewussten Philosophie, die reinen Philosophen dagegen mit einer eben solchen, unreinen und mangelhaften Empirie begnügen". (Generelle Morphologie der Organismen. I, 73).

„Zwei Wege sind es, auf denen die Naturwissenschaft gefördert werden kann: Beobachtung und Reflexion. Die Forscher ergreifen meistens für den einen von beiden Partei. Einige verlangen nach Thatsachen, andere nach Resultaten und allgemeinen Gesetzen, jene nach Kentniss, diese nach Erkentniss, jene möchten für besonnen, diese für tiefblickend gelten. Glücklicherweise ist der Geist des Menschen selten so einseitig ausgebildet, dass es im möglich wird, nur, den einen Weg der Forschung zu gehen, ohne auf den anderen Rücksicht zu nehmen. Unwillkürlich wird der Verächter der Abstraction sich von Gedanken bei seiner Beobachtung beschleichen lassen; und nur in kurzen Perioden der Fieberhitze ist sein Gegner vermögend, sich der Speculation im Felde der Naturwissenschaft mit völliger Hintansetzung der Erfahrung hinzugeben". (C. E. v. Bär. Zwei Worte über den jetzigen Zustand der Naturgeschichte. Königsberg, 1821).

«Метафизики всѣхъ вѣковъ, пытавшіеся построить законы вселенной умозаключеніемъ отъ предполагаемыхъ необходимостей нашей мысли, всегда дѣйствовали и могли дѣйствовать, лишь ревностно открывая въ своемъ умѣ то, что сами предварительно въ него вложили, и выпутывая изъ своихъ идей то, что они сами сначала впутали». (Дж.-Ст. Милль, «Система логики», II, 307).

ществуетъ. Точно также нельзя вѣрить и метафизикамъ, утверждающимъ, что они добыли данныя своей философіи путемъ чистаго, независимаго отъ чувственныхъ воспріятій мышленія; хотя обобщенія ихъ покоятся на очень плохо обслѣдованныхъ фактахъ опыта и наблюденія, но несомнѣнно вытекаютъ изъ послѣднихъ. И дѣйствительно. Метафизики, обнимающіе чистою мыслью вселенную, съ гордостью отворачиваются отъ древняго предразсудка, ставившаго средоточіемъ природы человѣческую индивидуальную, реальную или юридическую, идеальную личность. Предразсудокъ этотъ лежитъ у ихъ ногъ, раздавленный успѣхами знанія и коопераціи. Но съ презрѣніемъ попирая одну историческую форму телеологіи, метафизики выставляютъ новую. «Нѣтъ, — говоритъ эксцентрикъ, — человѣкъ не есть средоточіе и цѣль природы. Это жалкая, грубая, эгоистическая телеологія. Изучая природу, мы должны забыть, что мы люди, должны забыть свои стремленія, желанія, нужды, и тогда мы увидимъ, что истинная, законная телеологія состоитъ въ изысканіи цѣлесообразности въ природѣ вообще, въ вѣрованіи, что природа осуществляетъ собою нѣкоторый предуставленный планъ, неимѣющій одного опредѣленнаго центра, но заранѣе указывающій мѣсто, направленіе и силу дѣйствія каждаго малѣйшаго атома. Отбросимъ предвзятое мнѣніе, что природа заботится о насъ болѣе, чѣмъ о какой-либо другой своей части; она осуществляетъ свои цѣли не въ виду человѣка, а на каждомъ шагу, въ каждой инфузоріи, въ каждомъ кристалѣ». Такъ говоритъ эксцентрикъ-метафизикъ, рекомендуя свой выводъ, какъ полученный путемъ созерцанія чистой мысли. Нетрудно однако открыть тѣ вполнѣ реальныя, опытно-наблюдательныя сваи, на которыхъ построена эта эксцентрическая телеологія. Нетрудно также показать, что, несмотря на коренную разницу между этою телеологіею и телеологіею первобытныхъ людей, обѣ онѣ имѣютъ гораздо болѣе общихъ чертъ, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Нетрудно, наконецъ, убѣдиться и въ томъ, что въ случаѣ эксцентрической телеологіи въ дѣйствительности не происходитъ никакого отреченія отъ человѣческихъ нуждъ, стремленій, желаній, предвзятыхъ мнѣній, что самообольщеніе коренится здѣсь только въ недостаткѣ контроля сознанія.

При видѣ обыкновеннаго маятника передо мною поднимаются иногда, какъ бы воплощенныя, нѣкоторыя стороны исторіи человѣческой мысли. Раздумывая о судьбахъ человѣческой мысли, я часто вспоминаю колебанія маятника.

Если вывести маятникъ изъ спокойнаго состоянія, т.-е. отвести его на какое-нибудь разстояніе, напримѣръ, вправо, то маятникъ опишетъ въ противоположную сторону, т.-е. влѣво, дугу, математически-равную (если не принимать въ соображеніе дѣйствія тренія и сопротивленія воздуха) высотѣ, на которую вы его подняли, и опять устремится назадъ. Съ исторіей человѣческихъ мнѣній и взглядовъ происходитъ нѣчто въ томъ

же родѣ, особенно, если представить себѣ, что маятникъ, кромѣ колебательнаго, имѣетъ еще поступательное движеніе впередъ, всею своею поверхностью.

Было время, когда люди выходили на поединокъ, какъ на «судъ божій», для рѣшенія своихъ личныхъ вопросовъ. Они вѣрили, что «пуля виноватаго найдетъ», что божественные дѣятели непремѣнно снизойдутъ до ихъ домашнихъ дѣлъ и дрязгъ, примутъ въ поединкѣ сторону праваго, дадутъ ему побѣду и поразятъ виноватаго. Прошли года, и эта вѣра въ возможность и необходимость ежеминутнаго вмѣшательства божества въ человѣческія дѣла исчезла: опытъ, наблюденіе и кооперація вырвали изъ-подъ нея почву; объективно-антропоцентрическая телеологія въ этой сферѣ стушевалась. Но исторія вложила новое содержаніе въ старую форму. Поединокъ, какъ судъ божій, исчезъ, но мы имѣемъ поединокъ, какъ судъ чести. Убѣдившись, что божество не слѣдитъ за каждымъ ихъ шагомъ, люди создали себѣ новое божество — честь, и соціальный маятникъ поднялся влѣво на высоту, равную высотѣ дуги, на которую онъ былъ поднятъ вправо процессомъ образованія объективно-антропоцентрическихъ понятій. Что розмахи маятника вправо и влѣво равны между собою, хотя и происходятъ въ противоположномъ направленіи, въ этомъ нетрудно убѣдиться. Что̀ такое дуэль, какъ судъ божій? Это, вопервыхъ, испытаніе—кто правъ и кто виноватъ, и современная дуэль, какъ судъ чести, представляетъ то же самое: и тамъ и здѣсь виноватъ погибшій и правъ уцѣлѣвшій. Это, вовторыхъ, очищеніе грѣха передъ божествомъ, какъ современная дуэль есть искупленіе грѣха передъ честью. Но въ первомъ случаѣ дѣло предоставляется рѣшенію ясно и цѣльно представляемаго сверхъестественнаго, но человѣко-подобнаго существа, тогда какъ во второмъ дѣло рѣшается честью, то-есть спеціализированною, обособленною отвлеченною категоріею, частицею психическаго механизма, оторванною отъ своего цѣлаго. Какъ чистая истина, чистое искусство, абсолютная справедливость, богатство для богатства, такъ и честь дуэлиста—созданы однимъ и тѣмъ же процессомъ общественныхъ дифференцированій. И, какъ всѣ остальныя отвлеченныя категоріи, изъ которыхъ пытаются вывести какое-либо практическое правило, честь, въ дуэльномъ смыслѣ, есть не что иное, какъ возведеніе факта данной минуты въ принципъ, рабское поклоненіе эмпирическимъ формамъ общественности. Человѣкъ воображаетъ, что онъ, идя на дуэль, отрекается отъ своихъ чувствъ, помысловъ, отъ всей своей жизни, и передъ нимъ, какъ одинокій маякъ, блеститъ только одна честь. Но никакого отреченія тутъ, очевидно, нѣтъ: въ его понятіи о чести, невѣдомо для него самого, сконцентрированы, сдавлены всѣ тѣ эмпирическія условія жизни, среди которой онъ выросъ и которую онъ, повидимому, приноситъ въ жертву чести. Его понятіе о чести относится къ его и окружающей его жизни,

какъ оттискъ печати на конвертѣ къ самой печати. И здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ эксцентризма, которые мы указали въ другомъ мѣстѣ, голый фактъ, такъ сказать, принципіализируется, поднимается на высоту и облекается туманомъ отвлеченной категоріи. Затѣмъ въ самомъ ходѣ событій предполагается извѣстная тенденція, стремленіе къ нѣкоторой предопредѣленной цѣли; именно въ случаѣ дуэли предполагается, что самъ исходъ поединка отличитъ праваго отъ виноватаго. Далѣе, логическая необходимость, не столь очевидная въ вопросѣ о поединкѣ, но не оставляющая сомнѣній для самаго поверхностнаго взгляда въ области теоретической мысли, влечетъ мысль къ созданію сверхъестественной, но чувствующей, желающей и мыслящей, по образцу человѣка, личности, и этому субъективному образу придается объективное значеніе *. Можно ли говорить объ отреченіи мыслителя отъ своихъ человѣческихъ чувствъ и желаній, и не должна ли отразиться въ изслѣдова-

* «Въ ведахъ, въ сочиненіяхъ и платониковъ, и гегельянцевъ, мистицизмъ есть ни болѣе ни менѣе какъ приписываніе объективнаго существованія субъективнымъ созданіямъ нашихъ собственныхъ способностей, идеямъ или чувствамъ нашего духа, и убѣжденіе, что, сторожа и созерцая эти идеи собственнаго произведенія, духъ можетъ читать въ нихъ происходящее во внѣшнемъ мірѣ» (Милль, l. c., 313). «Слѣдствіе неспособности отдѣлять ясно внѣшній объектъ отъ мысли или идеи его въ душѣ — очень полно и ясно проявляется въ суевѣрныхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ необразованныхъ людей, но ея результаты никакъ этимъ не ограничиваются. Безъ преувеличенія можно сказать, что для того, чтобы прослѣдить ихъ вполнѣ, потребовалось бы полное изученія исторіи философіи и религіи» (Тайлоръ. Доисторическій бытъ человѣка и начало цивилизаціи. М. 1868, 195). Позволяю себѣ привести здѣсь слѣдующій, довольно любопытный эпизодъ изъ личной моей психической жизни. Мнѣ было лѣтъ шестнадцать, когда феномены сна и сновидѣній обратили на себя мое особенное вниманіе. И думы объ этихъ явленіяхъ привели меня къ такой космогоніи. Человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души; когда мы спимъ, то душа отдѣляется отъ тѣла и создаетъ разныя, хотя иногда и фантастическія фигуры, но по образу и подобію нашему. Эти образы, часть нашей души, живутъ своею собственною, самостоятельною жизнью, они имѣютъ реальное бытіе. Мы ихъ творимъ, и живутъ они, только пока мы не проснемся; тутъ имъ и конецъ. Мы сами такія же творенія, созданныя по образу и подобію божію, мы не что иное, какъ божественныя сновидѣнія. Богъ видитъ весь нашъ міръ во снѣ. Начало міра, — когда Богъ заснулъ, конецъ — когда онъ проснется, т.-е. воплотится. Наше творчество слабѣе, потому что ужъ изъ вторыхъ рукъ оно. Но можетъ быть еще третья генерація: создаваемые нами образы сами могутъ спать и творить. Замѣчательно, что передъ самымъ созданіемъ этой грандіозно-поэтической космогоніи, я былъ въ болѣзненно-сонливомъ настроеніи и спалъ очень много; слѣдовательно моя ребяческая фантазія въ буквальномъ смыслѣ копировала Бога съ моего психическаго состоянія. Естественнымъ практическимъ выводомъ изъ этой фантазіи была обязанность какъ можно больше творить, т.-е. какъ можно больше спать. Но, увы! — моя способность спать по шестнадцати часовъ въ сутки немедленно исчезла, вмѣстѣ съ чѣмъ я сталъ замѣчать крупныя прорѣхи въ своей космогоніи...

нія личность мыслителя со всѣми ея, эмпирическими условіями опредѣленными, психическими движеніями, когда, напримѣръ, Мильнъ-Эдвардсъ прямо говоритъ, что онъ смотритъ на природу, постоянно имѣя въ виду вопросъ: какъ бы сталъ поступать человѣкъ, еслибы ему предстояла задача построить вселенную (См. его Introduction à la zoologie générale ou consideration sur les *tendances de la nature* dans la constitution du règne animal. Paris, 1853). Естественное дѣло, что, такъ-какъ каждое дѣйствіе знаменитаго зоолога управляется извѣстными стремленіями, имѣетъ извѣстную цѣль, то, строго придерживаясь своего плана объясненія природы, онъ неминуемо и въ ней долженъ усмотрѣть des tendances и des causes finales. И онъ ихъ дѣйствительно усматриваетъ. Выкладывая передъ читателемъ свою программу объясненія природы, Мильнъ-Эдвардсъ только наивно откровенно передаетъ тотъ процессъ мысли, который проходитъ красною нитью сквозь весь эксцентрическій періодъ и который у другихъ эксцентриковъ лежитъ подъ спудомъ. Люди суть смертные боги, а боги — безсмертные люди, — это изрѣченіе Гераклита справедливо не для одной древности и не для одного объективно-антропоцентрическаго строя мысли. Лѣтъ за двадцать до появленія «Происхожденія видовъ» Дарвина, вышла на англійскомъ языкѣ книга неизвѣстнаго автора «Слѣды творенія» (Vestiges of Creation), въ которой, такъ сказать, предвосхищены нѣкоторыя стороны теоріи Дарвина (у насъ, кажется, есть переводъ ея съ нѣмецкаго перевода К. Фогта). Отрицая неизмѣняемость видовъ, неизвѣстный авторъ колеблетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому, всѣ основы телеологіи. Онъ утверждаетъ, что силы природы суть силы безнравственныя и неразумныя, и что законъ причинной связи и необходимости безконтрольно царствуетъ во вселенной. Но вся эта прекрасная аргументація, направленная противъ телеологіи объективно-антропоцентрической, вдругъ обрывается; авторъ объясняетъ, что возникновеніе матеріи было особымъ творческимъ актомъ, даровавшимъ вмѣстѣ съ тѣмъ матеріи законы, которыми она уже и управляется сама собой. Фогтъ весьма остроумно и вѣрно замѣчаетъ, что такое представленіе «произволенія Божія», Творца и его отношеніе къ твореніямъ, есть точный снимокъ съ англійской конституціи: Творецъ даровалъ природѣ великую хартію и затѣмъ уже не вмѣшивается лично въ ходъ дѣлъ. Словомъ, это — перенесеніе на устройство вселенной извѣстной конституціонной формулы Гизо: le roi regne et ne gouverne pas. Едва-ли нужно доказывать, что такое понятіе о Творцѣ недостойно всемогущаго Бога и не имѣетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, за себя никакого научнаго оправданія.

Итакъ, мистицизмъ, т.-е. возведеніе субъективной идеи на степень объективнаго существованія, и антропоморфизмъ, т.-е. копированіе личности Бога съ личности человѣка и окружающихъ его условій — вотъ та почва, которая обща и объективно-

антропоцентрическому и эксцентрическому строю мысли. Безъ сомнѣнія, общность этихъ чертъ значительно помогла Гэккелю, какъ и многимъ другимъ, смѣшать оба эти міросозерцанія подъ общимъ именемъ «дуалистическаго» или «телеологическаго», въ противоположность «монистическому» или «механическому». Строго дуалистиченъ только эксцентризмъ, и если какъ объективно-антропоцентрическое, такъ и эксцентрическое міросозерцанія оба имѣютъ одинаковое право на названіе телеологическихъ, то, тѣмъ не менѣе, между тою и другою телеологіею есть, съ человѣческой, гуманной, т.-е. единственно научной и справедливой точки зрѣнія, весьма важная разница: розмахи соціальнаго маятника равны между собою, но направлены въ разныя стороны. Съ тѣхъ поръ, какъ мышленіе перестало быть средствомъ и обратилось въ самостоятельную цѣль, въ Selbstzweck, какъ говорятъ нѣмцы, доступную только одной части общества, связь между этою частью и остальнымъ обществомъ порывается или, по крайней мѣрѣ, утрачивается сознаніе связи. Мыслящая часть общества значительно расширяетъ въ извѣстную сторону свое психическое содержаніе. Опытъ и наблюденіе постепенно убѣждаютъ этихъ обезпеченныхъ чужимъ трудомъ людей, что вѣрованія ихъ предковъ и бокъ-о-бокъ живущихъ съ ними представителей физическаго труда суть не болѣе, какъ сказки, порожденныя запуганною фантазіею. Съ другой стороны, къ тому же результату приводитъ и видоизмѣненіе, вслѣдствіе раздѣленія труда, направленія и интенсивности сочувственнаго опыта. Еслибы возможенъ былъ такой ходъ исторіи, который не допустилъ бы въ обществѣ ничего подобнаго органическому развитію, т.-е. обособленію частей для разнородныхъ, спеціальныхъ функцій, то наростаніе знаній привело бы человѣчество отъ объективнаго антропоцентризма прямо къ антропоцентризму субъективному. Человѣкъ прямо, безъ всякихъ эксцентрическихъ зигзаговъ, убѣдился бы, что формула: все сотворено на пользу человѣка — совершенно справедлива, но не въ объективномъ, а только въ субъективномъ смыслѣ; что ничто не создано для человѣка, что до всего ему приходится добиваться своимъ потомъ и кровью, но что въ виду своихъ интересовъ онъ самъ, силою своего сознанія, становится въ центрѣ природы и покоряетъ ее себѣ. Но наростаніе знаній при кооперацiи раздѣльнаго труда не доводитъ міросозерцанія до этого пункта. Мышленіе, какъ обособленная функція общественнаго организма, даетъ только отрицательный результатъ: ничто не создано для человѣка. Но такъ-какъ эксцентрическая мысль ищетъ опоры въ самой себѣ, въ своей чистотѣ и обособленности отъ физическаго труда и чувственныхъ воспріятій, то, замѣчая въ себѣ извѣстныя стремленія, извѣстныя цѣли, она навязываетъ тѣ и другія и природѣ. Но разъ въ природѣ существуютъ цѣли и стремленія, онѣ должны исходить отъ нѣкоторой человѣкоподобной личности — божества. Однако, это

не то божество первобытнаго антропоцентрика, которое даровало гремучей змѣѣ оригинальный хвостъ для того, чтобы онъ предупреждалъ человѣка своимъ шумомъ объ опасности, а самую змѣю создало для наказанія и устрашенія человѣка.......

Человѣкъ эксцентризма настолько уже раздробился, настолько пересталъ быть недѣлимымъ *человѣкомъ*, чтобы приблизиться къ состоянію того или другаго обособленнаго *органа*, что цѣли провидѣнія не могутъ уже лежать для него въ *человѣкѣ*; онѣ разносятся для него по всему пространству и времени, размѣщаясь сообразно той спеціальной физіологической функціи, которую человѣкъ, въ качествѣ спеціальнаго органа общественнаго организма, развилъ въ себѣ на счетъ остальныхъ. Такова существенная разница между телеологіями объективно-антропоцентрическою и эксцентрическою. О. Контъ, очевидно, недостаточно вдумался въ смыслъ и значеніе того, что̀ онъ называетъ метафизическимъ фазисомъ развитія (и что, какъ мы уже упоминали, относится къ эксцентризму, какъ часть къ цѣлому), когда говоритъ: «Система теологическихъ вѣрованій, очевидно, покоится на идеѣ вселенной, управляемой въ интересахъ человѣка. Нелѣпость этой идеи должна неизбѣжно выясниться даже для самыхъ обыкновенныхъ умовъ, коль скоро доказано, что земля не есть центръ небесныхъ движеній, что она не болѣе, какъ второстепенное свѣтило, обращающееся вокругъ солнца, точно также, какъ и сосѣдніе Венера и Марсъ, жители которыхъ имѣютъ столько же поводовъ придавать себѣ первенствующее значеніе. Полуфилософы, пожелавшіе удержать доктрину цѣлесообразности и провиденціальныхъ законовъ, но отринувшіе ходячія воззрѣнія на значеніе цѣлей природы и дѣятельности провидѣнія, впали, какъ мнѣ кажется, въ весьма важную и существенную непослѣдовательность. Ибо, исключивъ, по крайней мѣрѣ, ясное и осязательное соображеніе интересовъ человѣка, нельзя уже усмотрѣть никакой понятной цѣли въ провиденціальной дѣятельности. Поэтому признаніе движенія земли необходимо подкопало фундаментъ всего теологическаго зданія» (Cours de philosophie positive. T. II, 117). Подъ именемъ «полу-философовъ» Контъ разумѣетъ здѣсь, повидимому, англійскихъ и французскихъ деистовъ прошлаго столѣтія. Но болѣе короткое знакомство съ современною ему нѣмецкою философіею показало бы, безъ сомнѣнія, Конту, что послѣдовательно ли или непослѣдовательно эксцентрическое міросозерцаніе, но корень его (а слѣдовательно, и метафизика) заключается именно въ усмотрѣніи цѣлей природы внѣ человѣка; что здѣсь именно лежитъ граница между догматическою теологіею и метафизикой. И идея движенія земли подкопала фундаментъ только первобытной, объективно-антропоцентрической телеологіи. Метафизика вся основана на увѣренности въ томъ, что, наблюдая состоянія нашего духа, мы можемъ получить точное понятіе о явленіяхъ внѣшняго міра. Наши дѣй-

ствія цѣлесообразны, и фактъ этотъ метафизиками переносится и на природу: они видятъ въ ней цѣлесообразность. Другая вѣтвь теоретическаго эксцентризма—спеціализація и эмпиризмъ—ведетъ съ своей стороны къ тому же результату. И здѣсь мы отмѣтимъ другую странную ошибку Конта. «Весьма характеристично — говоритъ онъ — что когда астрономы предаются нынѣ такого рода восторгу (передъ совершенствомъ и цѣлесообразностью явленій природы), восторгъ этотъ имѣетъ предметомъ преимущественно организацію животныхъ, съ которою астрономы совершенно незнакомы. Біологи, напротивъ, знающіе все несовершенство организаціи, восторгаются совершенствомъ расположенія небесныхъ свѣтилъ, объ которомъ они имѣютъ только поверхностное понятіе. Здѣсь-то и слѣдуетъ искать истиннаго источника такого настроенія умовъ» (1. с. 26, въ примѣчаніи). Замѣчаніе это не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Одинъ изъ источниковъ эксцентрической телеологіи дѣйствительно лежитъ въ односторонности представителей науки, но искать его слѣдуетъ совсѣмъ не такъ, какъ это дѣлаетъ Контъ. Замѣчаніе его, вопервыхъ, не оправдывается фактически. Мы могли бы привести длинный списокъ біологовъ, прямо говорящихъ о совершенствѣ и цѣлесообразности организаціи, и притомъ біологовъ не дюжинныхъ, а такихъ, какъ, напримѣръ, Іоганнъ Мюллеръ, Агассицъ, Мильнъ-Эдвардсъ и проч. * Можно утвердительно сказать, что идея цѣлесообразности организаціи вплоть до появленія теоріи Дарвина царила въ біологіи почти самодержавно. Да иначе и быть не можетъ. Какъ нѣкоторые экономисты, наблюдая экономическую жизнь Англіи, возвели эмпирическій фактъ англійскаго хозяйственнаго порядка въ принципъ, такъ и естествоиспытатель, отведя себѣ извѣстный уголъ знанія и не стараясь привести его въ соотвѣтствіе съ сосѣдними отраслями, неизбѣжно увидитъ въ результатѣ столкновенія слѣпыхъ силъ — цѣль природы. Такимъ образомъ, отреченіе отъ обобщеній и отреченіе отъ опыта и наблюденія, несмотря на свою кажущуюся противоположность, представляютъ много общаго. Вопервыхъ, и то и другое суть не болѣе, какъ самообольщенія, такъ-какъ на дѣлѣ спеціалисты-эмпирики имѣютъ свои теоріи, а философы-метафизики — свои данныя опыта и наблюденія. Вовторыхъ, и то и другое приводятъ человѣка разными путями, но къ одному и тому же результату: къ телеологіи эксцентрической.

Любопытны телеологическія воззрѣнія Вольтера. Онъ никогда, разумѣется, не былъ проникнутъ фантастически дѣтскими грезами, которыя стоятъ густымъ туманомъ надъ первыми сту-

---

* Мюллеръ говоритъ, напримѣръ: „Ein mechanisches Kunstwerk ist hervorgebracht nach einer dem Künstler vorschweb nden Idee, dem Zwecke seiner Wirkung. Eine Idee liegt auch jedem Organismus zu Grunde, und nach dieser Id e werden alle Organe zweckmässig organisirt“. (Handbuch der Physiologie des Menschen; I, 23). Объ Агассицѣ, см. ниже.

пенями развитія человѣчества. По крайней мѣрѣ, онъ не написалъ ни одной строки, въ которой можно бы было найти отголосокъ объективно-антропоцентрическаго настроенія. Напротивъ, чуть не вся его многолѣтняя дѣятельность была страстною и страшною борьбою съ этимъ міросозерцаніемъ и всѣми его послѣдствіями. Не мало найдется въ его сочиненіяхъ и прямыхъ, по обыкновенію сильныхъ и ядовитыхъ, нападковъ на объективный антропоцентризмъ. Такъ въ своей поэмѣ о человѣкѣ Вольтеръ заставляетъ мышей хвалить Бога за прекрасное устройство мышиныхъ норъ; затѣмъ выводятся на сцену утки, индѣйскіе вѣтухи, бараны, поочередно заявляющіе свое убѣжденіе въ томъ, что средоточіе природы лежитъ именно въ уткахъ, индюкахъ, баранахъ. Оселъ прямо утверждаетъ, что и самъ гордый человѣкъ созданъ съ спеціальной цѣлью ухаживанія за нимъ, осломъ, такъ-какъ онъ чиститъ ему стойло, приноситъ кормъ, приводитъ ослицу и т. д. Но если Вольтеръ такъ вѣрно понималъ нелѣпость объективно-антропоцентрической телеологіи, то только повременамъ и видимо съ большими усиліями вырывался онъ изъ оковъ телеологіи эксцентрической. Causae finales цѣпко держались за этотъ необыкновенный умъ. Вотъ, что̀ говорится въ статьѣ «Causes finales» въ философскомъ словарѣ: «Если только часы сдѣланы не для того, чтобы показывать время, я соглашусь, что сознательныя конечныя цѣли — чистый вздоръ. Есть люди, которые смѣются надъ этими цѣлями, такъ-какъ онѣ давно уже опровергнуты Эпикуромъ и Лукреціемъ; имъ слѣдовало бы скорѣе смѣяться надъ Эпикуромъ и Лукреціемъ. Глазъ, говорятъ они, сдѣланъ не для того, чтобы видѣть; имъ только воспользовались для этого употребленія, потому что замѣтили, что имъ отлично можно воспользоваться для этой цѣли. По этому мнѣнію ротъ созданъ вовсе не для принятія пищи, желудокъ не для переваривания, сердце не для кровообращенія, ноги не для ходьбы, уши не для слушанія; но эти же люди сознаютъ, что портной сдѣлалъ имъ платье для надѣванія, каменьщикъ сдѣлалъ домъ для житья. Они осмѣливаются отказывать природѣ, высшему существу, всеобщему разуму — въ томъ, что̀ они охотно признаютъ за самымъ ничтожнымъ работникомъ. Конечно, было бы преувеличеніемъ утверждать, что ноги существуютъ для того, чтобы носить сапоги, носъ — для очковъ. Только то можетъ считаться дѣйствительной конечной цѣлью, гдѣ одно и то же дѣйствіе во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ связано съ той же причиной. Корабли были не во всѣ времена и не на всѣхъ моряхъ; слѣдовательно нельзя сказать, что море создано для кораблей. Руки существуютъ не для перчаточниковъ. Но всѣ существа имѣютъ глаза и видятъ, всѣ имѣютъ ротъ и ѣдятъ, всѣ имѣютъ желудокъ и перевариваютъ. Мы извращаемъ свое мышленіе, когда не хотимъ принимать такихъ всеобщихъ истинъ *».

* Я цитирую по Геттнера Исторіи литературы, II, 139.

Изумительно, какъ такой сильный и проницательный умъ могъ довольствоваться столь бѣдными аргументами. Вся приведенная тирада есть не болѣе, какъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе грубыхъ логическихъ ошибокъ. Вольтеръ указываетъ какъ на противорѣчіе на то обстоятельство, что люди «осмѣливаются отказывать природѣ, высшему существу, всеобщему разуму — въ томъ, что̀ они охотно признаютъ за самымъ ничтожнымъ работникомъ», тогда какъ дѣло именно въ томъ, чтобы признать или опровергнуть присутствіе сознательныхъ цѣлей, «всеобщаго разума» въ природѣ. Мыслители, отвергающіе цѣлесообразность устройства вселенной, отрицаютъ тѣмъ самымъ присутствіе того самаго «всеобщаго разума», который Вольтеръ ставитъ имъ въ счетъ. Слѣдовательно противники его могутъ быть уличаемы въ невѣрности посылки, но не въ противорѣчіи, а Вольтеръ именно старается уличить ихъ въ послѣднемъ и обходитъ, такъ сказать, сердце вопроса. Далѣе, дистелеологія (терминъ Гэккеля), въ своемъ чистомъ видѣ, утверждаетъ не то, что ноги созданы не для ходьбы и т. п.: она учитъ, что существованіе ногъ и ходьба связаны только причинно, а не телеологически, что ноги, вопервыхъ, не созданы, а развились и что, слѣдовательно, вовторыхъ, ими удовлетворяется не заранѣе предназначенная имъ цѣль: змѣи, рыбы, черви не имѣютъ ногъ, и однако движутся. Если кто нибудь и утверждалъ, что «глазъ сдѣланъ не для того, чтобы видѣть; что имъ только воспользовались для этого употребленія, потому что замѣтили, что имъ отлично можно воспользоваться для этой цѣли»; — если кто нибудь утверждалъ такую нелѣпость, то опроверженіе ея не стоило бы бумаги. Добросовѣстный сторонникъ цѣлесообразности, и притомъ съ силами Вольтера, долженъ бы былъ направить свои удары не на эту жалкую форму дистелеологіи, а на формы, лучше защищенныя. Но деистъ-Вольтеръ не могъ подойти къ здравой дистелеологіи даже на столько, чтобы увидѣть ее. Онъ не могъ оторваться отъ своей антропоморфической идеи Бога-работника, Бога-мыслителя, Бога-художника. Какъ ни сильна была со стороны Вольтера реакція противъ первобытнаго міровоззрѣнія, онъ сходился съ нимъ на пунктѣ созданія Бога по образу и подобію своему. Какъ мыслящій художникъ, онъ представлялъ себѣ божество такимъ-же мыслящимъ художникомъ. И онъ не разъ высказывалъ мысль, что природа есть не природа, а искуство: вселенная — великое художественное произведеніе. Русскій поэтъ, г. Фетъ, выразилъ недавно, что направленіе, цѣлесообразность въ искусствѣ (одинъ изъ видовъ *субъективно*-антропоцентрической телеологіи) есть ни болѣе ни менѣе, какъ «мочальный хвостъ». Я не смѣю утверждать, чтобы г. Фетъ имѣлъ какія-либо опредѣленныя философскія воззрѣнія, такъ-какъ онъ ихъ, сколько мнѣ извѣстно, никогда и нигдѣ не высказывалъ. Но нѣкоторые изъ его единомышленниковъ по вопросу о на-

правленіи, какъ о мочальномъ хвостѣ, не разъ заявляли себя въ качествѣ эксцентрическихъ телеологовъ, т.-е. людей, принимающихъ causes finales и исповѣдующихъ, что все въ природѣ совершается по извѣстному плану и съ извѣстными цѣлями. Не осмѣливаюсь изумляться этому воспрещенію сознательнаго творчества человѣку рядомъ съ вѣрою въ сознательное творчество природы. Но осмѣливаюсь воспользоваться остроумнымъ выраженіемъ г. Фета и замѣтить, что истолковывать природу такимъ образомъ, чтобы въ каждомъ результатѣ столкновенія естественныхъ силъ видѣть заранѣе указанную цѣль, — что истолковывать такимъ образомъ явленія природы значитъ подвязывать къ нимъ мочальный хвостъ. Я рѣшаюсь даже утверждать, что все это міросозерцаніе состоитъ въ схватываніи человѣкомъ явленій за предварительно имъ самимъ придѣланный къ нимъ мочальный хвостъ. Надо сознаться, что такой способъ объясненія явленій природы какъ нельзя болѣе простъ и удобенъ, хотя и нѣтъ ничего легче, какъ запутаться въ мочальномъ хвостѣ *.

Послѣдовательный оптимистъ, отрицающій самое существованіе зла въ мірѣ, Вольтеръ запѣваетъ съ 1755 года совершенно иную пѣсню. Въ этомъ году произошло, какъ извѣстно, знаменитое лиссабонское землетрясеніе. Это страшное событіе многихъ заставило призадуматься и во многихъ умахъ произвело глубокій переворотъ: разрушеніе великолѣпнаго города, шестьдесять тысячъ смертей въ нѣсколько мгновеній — тяжело и больно отдалось въ сердцахъ и головахъ людей. Шестилѣтній Гёте, какъ онъ самъ разсказываетъ въ своихъ Wahrheit und Dichtung, былъ страшно потрясенъ. Въ его дѣтскомъ психическомъ аппаратѣ раздалась совершенно новая, щемящая нота, въ душу запали раннія сомнѣнія. «Богъ, творецъ и вседержитель неба и земли, — говоритъ онъ, — о которомъ говорится

---

* „Dieselben Ursachen, welche es haben bewirken können, dass einst in so grosser Ausdehnung über der Erkenntniss des Zweckes die Frage nach der Causalität vergessen wurde, bewirken es nun auch heutigen Tages noch, dass dies gar häufig auf dem Gebiete des organischen Lebens geschieht. Der Complex bewirkender Ursachen, durch welchen das organische Wesen entsteht, ist so höchst verwickelt, dass uns hier noch immer die Analyse nach vielen Punkten vollständig im Stiche lässt. Da ist es nun natürlich, dass die ferneliegende Hoffnung einer solchen Aufklärung gar leicht ganz in den Hintergrund tritt, um so mehr als die Frage nach dem Zwecke *nicht nur mannichfach leicht zu beantworten ist, sondern in ihrem Interesse auch noch durch den Egoismus erhöht wird*". (Bergmann und Leuckart. Anatomisch-physiologisches Übersicht des Thierreichs. S 22). Послѣднее, вскользь брошенное замѣчаніе отличается, если я его только вѣрно понимаю, рѣдкой глубиной. Гэккель, у котораго я заимствую эту цитату, приводитъ еще слѣдующее замѣчательное признаніе одного изъ величайшихъ сторонниковъ цѣлесообразности Канта: „Die Zweckmässigkeit ist erst vom reflectirenden Verstande in die Welt gebracht, der demnach ein Wunder anstaunt, das er selbst erst geschaffen hat".

въ первомъ членѣ символа вѣры, какъ о всемудромъ и всеблагомъ, не показалъ въ этомъ случаѣ отеческой заботливости, подвергнувъ гибели безъ разбору и добрыхъ и злыхъ. Тщетно мой юный умъ старался осилить эти впечатлѣнія, но рѣшительно былъ не въ состояніи, тѣмъ болѣе, что даже умные и сами религіозные люди не могли согласиться между собою въ объясненіи этого событія». (Д. Г. Льюисъ. Жизнь І. В. Гёте. Спб. 1868 г., ст. 27). Кантъ, которому въ 1755 году перевалило за сорокъ, писалъ: «Зрѣлище такой скорби, какую недавняя катастрофа внесла въ ряды нашихъ ближнихъ, должно возбудить гуманное чувство любви и заставить насъ отчасти пережить несчастіе, такъ тяжко обрушившееся на этихъ людей (soll die Menschenliebe rege machen und uns einen Theil des Unglücks empfinden lassen, welches sie mit solcher Härte betroffen hat). Но мы удалились бы отъ этой любви, еслибы стали смотрѣть на подобные случаи, какъ на божественную кару, а на несчастныхъ страдальцевъ, какъ на цѣль божіей мести за грѣхи. Такое сужденіе, предполагающее возможность проникнуть въ виды и намѣренія Бога, ошибочно. Человѣкъ воображаетъ, что онъ составляетъ единственную цѣль божеской дѣятельности, какъ будто бы она только его и имѣетъ въ виду и только съ нимъ и соображается въ управленіи вселенною. Вся природа есть предметъ, достойный мудрости и промысла божіихъ; мы не болѣе какъ часть и хотимъ быть цѣлымъ. Правила совершенства цѣлой природы приносятся въ жертву человѣку. Думаютъ, что все, клонящееся къ нашему удобству или удовольствію, для насъ именно и существуетъ, и что если въ природѣ совершается нѣчто невыгодное для человѣка, то это должно быть объясняемо карою, местью, угрозою. Однако мы видимъ, что многое множество злодѣевъ благоденствуетъ; что землетрясенія издревле поражаютъ извѣстныя страны безотносительно къ смѣняющимся поколѣніямъ жителей; что явленія эти не исчезли, напримѣръ, въ Перу, съ тѣхъ поръ, какъ страна изъ языческой стала христіанскою; что бѣдствіе это никогда не касалось нѣкоторыхъ городовъ, не могущихъ похвалиться особою безгрѣшностью». (Geschichte und Beschreibung der merkwürdigsten Vorfälle des Erdbebens, welches an dem Ende des 1755 Jahres einen grossen Theil der Erde erschüttert hat. Въ VI т. изданія Розенкранца и Шуберта, ст. 266). Шестидесятилѣтній Вольтеръ совершенно преобразился. У него, утверждавшаго доселѣ, что «знать, что земля, люди, звѣри таковы, каковы они должны быть по порядку провидѣнія, — есть признакъ мудреца» (Геттнеръ, 141), — у него теперь вдругъ одинъ за другомъ вырываются полные скорби, иронія и сомнѣнія звуки. Въ Poëme sur le Désastre de Lisbonne читаемъ:

Direz vous, en voyant cet amas de victimes:
Dieu s'est vengé, leur mort est le prix de leur crime?
Quel crime, quelle faute ont commis ces enfants

Sur le sein maternel ecrasés et sanglants?
Lisbonne qui n'est plus, eut elle plus de vices
Que Londres, que Paris, plongés dans les delices?
Lisbonne est abimée et l'on danse à Paris.

Недѣли черезъ три послѣ землетрясенія Вольтеръ пишетъ Троншену: «Какъ жестока природа! Трудно будетъ сказать, почему законы движенія должны производить такія страшныя опустошенія dans le meilleur des mondes possibles. Что за печальная игра случая — игра человѣческой жизни! Это должно бы научить человѣка—не преслѣдовать человѣка. Когда одинъ собирается сжигать другаго, земля поглощаетъ обоихъ». Затѣмъ явился глубоко прочувствованный и глубоко сатирическій «Кандидъ». Вольтеръ жестоко смѣется надъ своими недавними учителями, Болингброкомъ, Шафтесбери и Попомъ, утверждавшими, что все устроено наилучшимъ образомъ. Такъ передернуло «царя мысли» XVIII вѣка лиссабонское землетрясеніе. Любопытно было бы сравнить результаты этого вліянія съ меткими замѣчаніями Бокля о вліяніи землетрясеній на укрѣпленіе суевѣрія и задержку развитія наукъ. Сравненіе это показало бы, какъ одно и то же явленіе при различныхъ условіяхъ оказываетъ діаметрально противоположныя дѣйствія на людей. Бокль полагаетъ, что понятіе о землетрясеніяхъ и грозныхъ явленіяхъ природы вообще, какъ о божественной карѣ, есть продуктъ суевѣрія, которое въ свою очередь само поддерживается этими грозными явленіями. Это, конечно, до извѣстной степени справедливо, и постепенное, въ цѣломъ ряду поколѣній, усвоеніе закона причинной связи явленій безъ сомнѣнія значительно расчищаетъ почву для смѣны объективно-антропоцентрическихъ представленій болѣе правильными. Но здѣсь не трудно замѣтить и вліяніе сочувственнаго опыта и коопераціи. Вольтеръ и прежде смѣялся надъ вѣрою человѣка въ центральность своего положенія; онъ и до лиссабонскаго землетрясенія очень хорошо понималъ, что силы природы дѣйствуютъ не для наказанія и награжденія человѣка. Ясно, что его внезапное возбужденіе было порождено представленіемъ смерти тысячъ людей, ни въ чемъ неповинныхъ. Онъ пережилъ послѣднія страшныя минуты этихъ несчастныхъ жертвъ слѣпой и глухой природы, и надломилась въ немъ и эксцентрическая телеологія. Но еще міръ не пережилъ великой революціи, окончательно обезпечившей Европѣ смѣну порядка раздѣленія труда порядкомъ простаго сотрудничества; еще сочувственный опытъ не получалъ достаточно широкихъ областей примѣненія. И Вольтеръ остановился на полдорогѣ. Жалко видѣть, какъ путается и заикается этотъ дерзкій и сильный умъ, говоря о значеніи зла на землѣ. «Болингброкъ, Шафтесбери и Попъ—говоритъ онъ — (статья Tout est bien въ философскомъ словарѣ; Геттнеръ, 142) защищаютъ взглядъ, что все устроено наилучшимъ образомъ. Если это значитъ, что все происходитъ изъ вѣчнаго неизмѣннаго закона, — кто этого не знаетъ? Порядокъ

есть конечно вездѣ. Если въ моемъ мочевомъ пузырѣ образуется камень, то это образованіе происходитъ совершенно согласно съ природой, и также согласно съ природой и съ искусствомъ дѣйствуетъ врачъ при своемъ леченіи; но если я умираю подъ этимъ болѣзненнымъ (?) леченіемъ, какая мнѣ польза изъ сознанія, что я подчиняюсь неизмѣннымъ естественнымъ законамъ? Зла никакого нѣтъ — говоритъ Попъ; всѣ частные роды зла составляетъ только общее благо. Славное общее благо, составленное изъ каменной болѣзни, ревматизмовъ, преступленій и страданій всякаго рода, изъ смерти и осужденія; и мнѣ кажется плохимъ утѣшеніемъ, когда Попъ говоритъ, что Богъ одинаково смотритъ на гибель героя и воробья, тысячи планетъ или атома, или когда Шафтесбери спрашиваетъ, почему бы долженъ былъ Богъ мѣнять свои вѣчные законы въ пользу такого жалкаго творенія, какъ человѣкъ. Надобно покрайней-мѣрѣ согласиться, что человѣкъ имѣетъ право жаловаться, что частное благосостояніе не примирятся съ вѣчными законами. Это ученіе представляетъ божество могущественнымъ, но насильственнымъ властителемъ, которому нѣтъ дѣла до тысячъ человѣческихъ жизней, когда ихъ требуютъ его произвольныя цѣли. Это ученіе неутѣшительно, оно тягостно. Вопросъ о происхожденіи зла остается неразрѣшимой путаницей, отъ которой нѣтъ другаго спасенія, какъ довѣріе къ провидѣнію». Или: «Есть высшее вѣчное разумное существо, отъ котораго происходитъ все, что̀ живетъ и существуетъ. Но происходитъ ли отъ этой основной причины всѣхъ вещей и зло, физическое и моральное? Что касается до зла физическаго, то всѣ религіи и всѣ философскія ученія относили его къ Богу; только безвкусіе манихеевъ хотѣло освободить Бога отъ созданія и допущенія зла, но безвкусіе вовсе не есть доказательство. Эта основная причина произвела ядъ и пищу, болѣзнь и наслажденіе; въ этомъ сомнѣваться нельзя. Зло необходимо, потому что оно есть; все, что есть, необходимо, — какую бы иначе оно имѣло причину своего существованія? Но зло нравственное, преступленіе, Неронъ, Александръ VI? Весь свѣтъ говоритъ: какъ можетъ быть Богъ причиной столькихъ страданій? Но если нашъ разумъ есть только часть всеобщаго разума, только истеченіе высшаго существа, какъ можемъ мы думать и желать проникнуть всѣ намѣренія и конечныя дѣла самаго этого высшаго существа? Что три есть половина шести, что діагональ дѣлитъ квадратъ на два равные трехугольника, это мы знаемъ также вѣрно, какъ это знаетъ Богъ; но мы остаемся только частью и можемъ понять только часть міра. Высшее существо сильно, мы слабы; мы также необходимо ограничены, какъ высшее существо необходимо безконечно. Зная, что одинъ лучъ ничего не значитъ противъ солнца, я покорно подчиняюсь высшему свѣту, который долженъ просвѣтить меня во мракѣ міра». (L. c. 143, ст. «Tout en Dieu»).

*

Какимъ старческимъ безсиліемъ вѣетъ отъ этихъ строкъ, какъ немощна проскальзывающая здѣсь мѣстами иронія! «Царь мысли» жалѣетъ о томъ, что онъ не можетъ вѣрить, что «вѣчные законы измѣняются въ пользу такого жалкаго творенія, какъ человѣкъ». Этотъ безповоротно изгнанный изъ рая царь мысли, повидимому, и не подозрѣваетъ, что кромѣ объективно-антропоцентрическаго и эксцентрическаго, возможно еще субъективно-антропоцентрическое рѣшеніе занимающаго его вопроса; что человѣкъ можетъ сказать:

Un jour tout sera bien, voilà notre espérance,
Tout est bien aujourd'hui, voilà l'illusion —

и при этомъ возложитъ свои надежды не на «высшій свѣтъ», какъ это дѣлаетъ Вольтеръ, а на самаго себя, на свои руки и на свою голову. Человѣкъ можетъ сказать: да, природа ко мнѣ безжалостна, она не знаетъ различія, въ смыслѣ права, между мною и воробьемъ; но я и самъ буду къ ней безжалостенъ и своимъ кровавымъ трудомъ покорю ее,заставлю ее служить мнѣ, вычеркну зло и создамъ добро. Я не цѣль природы, природа не имѣетъ и другихъ цѣлей. Но у меня есть цѣли, и я ихъ достигну.

II.

Передъ нами лежатъ двѣ книги. Обѣ онѣ написаны людьми съ громкимъ авторитетомъ, совершенно независимо другъ отъ друга. Обѣ трактуютъ объ одномъ и томъ же предметѣ, обѣ появились въ одномъ и томъ же году (1859), обѣ получили обширную, хотя и неравную извѣстность. Но сходство между ними рѣзко завершается на этихъ внѣшнихъ и случайныхъ обстоятельствахъ. Это представители двухъ діаметрально-противоположныхъ міросозерцаній, между которыми невозможно никакое соглашеніе, никакой компромиссъ. Простое сопоставленіе этихъ двухъ складокъ мысли неизбѣжно ведетъ къ рѣшительному отверженію которой-нибудь изъ нихъ. Каждому предоставляется выбрать, по крайнему своему разумѣнію, Ормузда и Аримана, свѣтъ и тѣнь, бѣлое и черное; но, признавъ свѣтомъ одну группу воззрѣній, другую вы уже обязаны признать тьмою. Въ своемъ опытѣ о воспитаніи Спенсеръ полагаетъ, что исторія человѣческой мысли можетъ быть сведена къ тремъ фазисамъ: единогласія невѣждъ, разногласія изслѣдователей и единогласія знающихъ. Эта формула, по нашему мнѣнію, очень удачна, главнымъ образомъ по своей наглядности, и представляетъ дѣйствительный и неизбѣжный ходъ вещей, порядокъ нормальный. Однако, вслѣдствіе нѣкоторыхъ частныхъ неправильностей, наука часто слишкомъ, невыносимо долго задерживается на второмъ періодѣ развитія, то-есть на періодѣ разногласія изслѣдователей, и такая чрезмѣрная задержка пред-

ставляетъ уже явленіе печальное и ненормальное. По крайней мѣрѣ то разногласіе изслѣдователей, какое мы встрѣчаемъ въ двухъ занимающихъ насъ книгахъ, наводитъ на очень грустныя мысли. Разногласіе тутъ не въ оцѣнкѣ какихъ-нибудь частныхъ, мелочныхъ фактовъ; нѣтъ, антагонизмъ лежитъ здѣсь въ самыхъ общихъ и основныхъ чертахъ міросозерцанія, въ чертахъ столь основныхъ, что мы, простые смертные, имѣли бы полное право разсчитывать на совершенное согласіе на этомъ пунктѣ, по крайней мѣрѣ, въ средѣ изъ ряду вонъ выходящихъ тружениковъ науки. Мы, простые люди жизни, съ почтеніемъ слѣдящіе за постройкою величественнаго зданія науки, со страхомъ ожидающіе отъ великихъ людей науки разрѣшенія нашихъ сомнѣній, узаконенія или отверженія нашихъ желаній; мы, наконецъ, знающіе, что тамъ внизу, еще ниже насъ, стоитъ сплошная сѣрая масса людей физическаго труда, ничего пока, правда, отъ науки не требующихъ, но несущихъ до поры до времени на себѣ всѣ тяготы жизни, — мы замѣчаемъ вдругъ, что два великіе ученые, изучающіе одинъ и тотъ же предметъ, единовременно издаютъ два сочиненія, изъ которыхъ одно мы должны признать Ормуздомъ, а другое Ариманомъ... И опять-таки дѣло тутъ не въ мелочахъ какихъ-нибудь. Споръ идетъ ни больше ни меньше, какъ о томъ, какъ мы должны смотрѣть на природу и на себя, слѣдовательно, о вопросѣ фундаментальномъ, вопросѣ общемъ и элементарномъ, такъ сказать, азбучномъ. Положимъ, что составленію азбуки предшествуютъ цѣлые вѣка формировки языка, но не мало уже прошло вѣковъ. Какъ бы то ни было, а это проявленіе современной философской анархіи должно неизбѣжно произвести самое тяжелое впечатлѣніе на всякаго, способнаго вдумываться въ значеніе явленій умственной жизни. Конечно, народная мудрость, или вѣрнѣе народное смиренномудріе и терпѣніе, учатъ, что нѣтъ худа безъ добра. И хоть цѣлая бездна горькой ироніи заключается въ этой поговоркѣ, но и изъ указаннаго худа можно выжать нѣкоторую долю отрицательнаго добра. Именно, если два противоположныя міросозерцанія прилагаются къ оцѣнкѣ однихъ и тѣхъ же фактовъ двумя высокими учеными авторитетами, то можно надѣяться, что авторитеты эти исчерпаютъ вопросъ до дна, и люди жизни безпрепятственно пройдутъ по этому дну, какъ нѣкогда евреи по дну Чермнаго моря; что авторитеты эти выскажутся съ такою полнотою и обстоятельностью, которыя сдѣлаютъ невозможными дальнѣйшія пререканія, колебанія и сомнѣнія. Трудно, конечно, ожидать, чтобы который-нибудь изъ авторитетовъ склонился на сторону своего противника, потому что авторитетъ слагается долгими годами труда и мышленія, въ теченіе которыхъ нѣкоторыя основныя, давно уже залегшія въ головѣ мыслителя положенія успѣли уже, такъ сказать, окостенѣть. Поднять здѣсь жизнь, то-есть сомнѣнія, разбудить эту окостенѣвшую часть психическаго механизма,—дѣло

трудное, если не просто невозможное: предвзятое мнѣніе будетъ искажать самые очевидные факты *. Но за то зрители, присутствующіе при столкновеніи мнѣній двухъ людей, долго, усердно и съ успѣхомъ послужившихъ на пользу науки, получаютъ возможность выбрать себѣ дорогу направо или налѣво. Что вопросъ стоитъ именно такимъ образомъ въ занимающемъ насъ случаѣ, это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ. Книги, о которыхъ мы говоримъ, суть: «О происхожденіи видовъ» Дарвина и «О видѣ и классификаціи» Агассица. «Я не вижу ничего невѣроятнаго — говоритъ Дарвинъ — въ томъ, чтобы естественный подборъ, *при измѣняющихся условіяхъ жизни, накоплялъ легкія видоизмѣненія инстинкта въ любой мѣрѣ* и во всякомъ полезномъ направленіи» (О происхожденіи видовъ. Переводъ г. Рачинскаго, стр. 195).

«Кто хотя на одну минуту можетъ повѣрить, — говоритъ Агассицъ,—что *инстинкты животныхъ въ какой бы то ни было мѣрѣ опредѣляются условіями ихъ жизни*, при видѣ, напримѣръ, маленькой черепахи изъ рода Chelydra» и проч. (De l'espéce et de la classification en zoologie par L. Agassiz. Traduction de l'anglais par F. Vogeli. Edition revue et augmentée par l'auteur. Paris 1869, p. 90 **). Или: «Но, замѣтятъ можетъ быть, нѣкоторыя животныя, живущія въ исключительныхъ условіяхъ, отличаются такими особенностями строенія, которыя, повидимому, составляютъ результатъ этихъ условій. Такъ слѣпой ракъ, слѣпая рыба, слѣпыя насѣкомыя Мамонтовой пещеры въ Кентукки представляютъ неопровержимое свидѣтельство непосредственнаго дѣйствія исключительныхъ условій на органъ зрѣнія. Если такъ, скажу я въ свою очередь, то отчего же извѣстная замѣчательная рыба Amblyopsis speloeus имѣетъ хотя бы отдаленное сходство съ другими рыбами? Была ли способна сумма вліяній, обусловливавшихъ образованіе этой слѣпой рыбы, — придумать (imaginer) эту комбинацію структурныхъ чертъ, общихъ этой и другимъ рыбамъ, и особенностей, отличающихъ ее ото всѣхъ? Не доказываетъ ли скорѣе существованіе зачаточнаго глаза, открытаго у слѣпой рыбы докторомъ Вайманомъ, что животное это, какъ и всѣ другія, было создано, со всѣми его характеристическими особенностями, все-

* L'extrême imperfection de notre système d'éducation ne permet, même aux plus éminents esprits, d'être initiés à ces hautes pensées philosophiques, que lorsque tout l'ensemble de leurs idées á deja reçu la profonde empreinte habituelle d'une doctrine absolument opposée: en sorte que les connaissances positives qu'ils parviennent à acquérir, au lieu de dominer et de diriger leur intelligence, ne servent ordinairement qu'à moditier et à contenir la tendance vicieuse qu'on à d'abord développée en elle. (A. Comte. Cours de phil. pos., II, 121).

** Переводъ этотъ, просмотрѣнный авторомъ, заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя дополненія и, между прочимъ, главу о дарвинизмѣ вообще и о Гэккелѣ въ особенности.

могущимъ «да будетъ»; и что этотъ зачатокъ глаза былъ оставленъ ему какъ воспоминаніе (réminiscence) объ общемъ планѣ строенія, положенномъ въ основаніе великаго типа, къ которому онъ принадлежитъ?» (Агассицъ, 19).—«Всѣмъ извѣстно, что животныя разныхъ классовъ, обитающія въ пещерахъ Штиріи и Кентукки, совершенно слѣпы. У нѣкоторыхъ изъ раковъ глазная ножка осталась, хотя глазъ исчезъ; статпвъ телескопа сохранился, хотя самый телескопъ съ его стеклами утратился. Такъ-какъ трудно предположить, чтобы глаза, хотя бы и безполезные, могли быть сколько нибудь вредны животнымъ, постоянно живущимъ въ темнотѣ, я вполнѣ приписываю ихъ утрату неупотребленію. У одного изъ слѣпыхъ животныхъ, а именно у пещерной крысы, глаза имѣютъ огромные размѣры, и профессоръ Силлиманъ полагаетъ, что поживши нѣсколько дней на свѣту, она пріобрѣтаетъ слабую способность къ зрѣнію. Точно также, какъ на Мадерѣ, крылья нѣкоторыхъ насѣкомыхъ увеличились, крылья же другихъ уменьшились въ размѣрахъ дѣйствіемъ естественнаго подбора, при содѣйствіи изощренія или неупотребленія, такъ и въ случаѣ пещерной крысы естественный подборъ, повидимому, боролся съ отсутствіемъ свѣта и увеличилъ объемъ глазъ, между тѣмъ какъ въ остальныхъ жителяхъ пещеръ одно неупотребленіе произвело весь результатъ. Трудно придумать условія жизни, болѣе сходныя, чѣмъ условія, соединенныя въ глубокихъ известковыхъ пещерахъ, въ почти одинаковыхъ климатахъ, такъ что, по обыкновенному воззрѣнію отдѣльнаго сотворенія слѣпыхъ животныхъ для американскихъ и европейскихъ пещеръ, можно бы было ожидать близкаго сходства въ ихъ строеніи и систематическаго сродства; но такого сходства нѣтъ, и пещерныя насѣкомыя обоихъ материковъ не ближе сходны между собою, чѣмъ слѣдовало ожидать по общесходству организмовъ Европы и Сѣверной Америки. По моему воззрѣнію, слѣдуетъ предполагать, что сѣверо-американскія животныя съ обыкновенными зрительными способностями, медленно, въ теченіе многихъ поколѣній, переселялись все глубже и глубже въ кентуккійскія пещеры, и что точно такъ же поступали и животныя европейскія. Мы имѣемъ указанія на такую постепенность...... Животныя, достигши, въ теченіе безчисленныхъ поколѣній, до отдаленнѣйшихъ закоулковъ пещеры, должны были утратить, болѣе или менѣе окончательно, свои глаза, вслѣдствіе неупотребленія ихъ; а естественный подборъ долженъ былъ въ то же время обусловить нѣкоторыя другія измѣненія, выполняющія эту утрату, каковы удлиненіе усиковъ или щупалецъ. Несмотря на такія видоизмѣненія, мы имѣемъ право ожидать, что найдемъ въ пещерныхъ животныхъ Европы сродство съ прочими жителями этого материка, а въ американскихъ пещерныхъ животныхъ сродство съ организмами, населяющими материкъ американскій. И это оказывается на дѣлѣ..... Предполагая, что эти

пещерныя животныя сотворены отдѣльно, было бы чрезвычайно трудно объяснить ихъ сродство съ прочими животными тѣхъ же материковъ» (Дарвинъ, 114 — 115).

Уже по этимъ четыремъ выпискамъ нетрудно видѣть, что мы имѣемъ передъ собою людей, смотрящихъ на вещи съ діаметрально противоположныхъ точекъ зрѣнія и придающихъ однимъ и тѣмъ же явленіямъ совершенно различное освѣщеніе. Оба смотрятъ на одинъ и тотъ же предметъ, но одинъ говоритъ, что это предметъ черный, а другой утверждаетъ, что онъ бѣлый. Разногласіе полное и коренное, глубокое. Но читатель пожелаетъ, можетъ быть, знать, какое отношеніе къ общественной наукѣ имѣютъ эти объясненія происхожденія инстинктовъ черепахъ и зачаточныхъ глазъ пещерныхъ животныхъ. Если читатель не задастъ намъ этого вопроса, если онъ насъ даже выбранитъ за предположеніе возможности столь азбучнаго вопроса съ его стороны,—мы будемъ очень рады. Но въ печати то и дѣло приходится наталкиваться на самыя дикія понятія на этотъ счетъ. Отсюда слѣдуетъ заключить, что и между читателями такія понятія нѣкоторый блескъ имѣютъ. Вотъ, напримѣръ, что̀ мы прочли въ недавно вышедшемъ сочиненіи г. Щеглова «Исторія соціальныхъ системъ отъ древности до нашихъ дней» (Т. I, Спб. 1870, стр. 337): «За тѣмъ въ головѣ С.-Симона возникаетъ новая мысль внести свѣтъ въ систему наукъ, уничтожить существующую въ ней анархію. Мысль чрезвычайно важная, достойная тѣхъ способностей, которыми былъ одаренъ С.-Симонъ, но для которой очевидно было недостаточно его философскаго образованія. Вотъ здѣсь-то и приходится пожалѣть о томъ, что онъ поздно, только передъ смертью созналъ пользу наукъ нравственныхъ, на которыхъ строится самое общество, то-есть наукъ изъ круга философскаго и политическаго. Еслибы С.-Симонъ вмѣсто изученія свойствъ тѣлъ органическихъ и неорганическихъ, равно какъ вмѣсто изученія характера людей ученыхъ, которое къ тому же было соединено съ проживаніемъ состоянія, употребилъ свое время и средства на изученіе наукъ философскихъ, то, можетъ быть, его «Введеніе въ ученые труды XIX вѣка» оказалось бы болѣе состоятельнымъ». Выраженная здѣсь г. Щегловымъ мысль, надо ему отдать справедливость, есть нелѣпость радикальная, нелѣпость 84-й пробы. И нелѣпость эту легче всего доказать на избранномъ г. Щегловымъ предметѣ—на исторіи соціальныхъ ученій. Мы, можетъ быть, займемся этимъ дѣломъ по выходѣ втораго тома сочиненія г. Щеглова, который (не г. Щегловъ, а второй томъ) обѣщаетъ быть, судя по оглавленію, весьма поучительнымъ. Г. Щегловъ, въ главѣ о С.-Симонѣ, неоднократно упоминаетъ имя О. Конта, и всегда съ почтеніемъ. Думаемъ, однако, что въ почтеніи этомъ самъ Контъ нисколько не виноватъ; попросту говоря, мы думаемъ, что г. Щегловъ совершенно незнакомъ съ предметомъ своего почтенія, никогда его

въ глаза не видалъ. Неоспоримая заслуга Конта состоитъ въ ясной формулировкѣ послѣдовательной зависимости и связи между науками въ порядкѣ возростающей сложности и убывающей общности. Еслибы г. Щегловъ былъ знакомъ съ взглядами на этотъ предметъ Конта, то онъ убѣдился бы, что мнѣніе его, г. Щеглова, о ненадобности изученія для соціолога «свойствъ тѣлъ органическихъ и неорганическихъ, и характера людей ученыхъ» (психологіи?)—есть совершенный вздоръ. Такъ думаемъ мы, имѣя въ виду, съ одной стороны, силу доводовъ Конта, а съ другой то обстоятельство, что г. Щегловъ все-таки человѣкъ, и, слѣдовательно, одаренъ извѣстною степенью пониманія. Знакомство съ Контомъ могло бы оказать г. Щеглову еще одну важную услугу. Г. Щегловъ «имѣетъ въ виду исключительно такихъ авторовъ, которые представили новыя или только подновленныя теоріи экономической и вообще соціальной организаціи общества» (IX). Контъ удовлетворяетъ этому условію, ибо представилъ то, что̀ г. Щеглову требуется, но представилъ теорію, совершенно несостоятельную. А потому, еслибы г. Щегловъ послѣдовалъ примѣру Рейбо, удѣлившаго соціологической теоріи Конта мѣсто въ своихъ Etudes sur les reformateurs, то, сравнивая эту теорію съ исходною точкою философіи Конта—классификаціей наукъ,—г. Щегловъ могъ бы, руководствуясь своей своеобразной логикой, окончательно утвердиться въ вышеприведенной мысли объ отсутствіи связи между естествознаніемъ и общественною наукою. Конечно, эти двѣ услуги, которыя могли бы быть оказаны Контомъ г. Щеглову, взаимно исключаются. Но это не суть важно, ибо г. Щегловъ имѣлъ бы такимъ образомъ въ рукахъ обоюдоострый мечъ, которымъ могъ бы поражать враговъ гораздо болѣе искусно, чѣмъ это имъ дѣлается теперь. А что обоюдоострые мечи весьма удобны, и находятся нынѣ въ большой модѣ, тому мы имѣли въ послѣднее время достаточно примѣровъ. Давно ли, кажется, московская пресса связала самыми, повидимому, прочными узами естествознаніе и революцію. Нынѣ та же московская пресса расторгаетъ эти узы безъ малѣйшей застѣнчивости, ибо московская пресса съ обоюдоострыми мечами обхожденіе имѣть умѣетъ, и всякіе артикулы съ ихъ помощію весьма развязно выдѣлываетъ. Въ октябрьской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» г. Безобразовъ, проводя параллель между «нашими охранителями и нашими прогрессистами», заявляетъ, что наши теперешніе прогрессисты, вдавшись въ естествознаніе и отказавшись отъ идеализма и изслѣдованія конечныхъ цѣлей и причинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ отвернулись и отъ идеализма, такъ-сказать, гражданскаго, примирились съ дѣйствительностію, и даже подали руку «нашимъ охранителямъ». Г. Безобразовъ не только рѣшается утверждать, что такой фактъ существуетъ, но еще усматриваетъ, повидимому, органическую связь между естествознаніемъ и отреченіемъ отъ

изслѣдованія конечныхъ причинъ, съ одной стороны, и консервативнымъ, или даже ретрограднымъ направленіемъ — съ другой. Конечно, какъ артикулъ, выкинутый обоюдоострымъ мечомъ, обвиненіе г. Безобразова имѣетъ свои достоинства, ибо съ помощію его можно сказать: «не довернись — прибью, перевернись — опять-таки прибью», и предоставить противнику единственный безопасный образъ дѣйствія—вертѣться на подобіе флюгера. Но если искать въ словахъ г. Безобразова не артикула, а какой-нибудь серьёзной мысли, то такіе поиски едва-ли увѣнчаются успѣхомъ. Мы не намѣрены трактовать здѣсь о многосторонней связи между естествознаніемъ и общественною наукою, о неизбѣжности этой связи и ея плодотворности,—это завело бы насъ слишкомъ далеко. Да и, наконецъ, мысль объ этой связи едва-ли уже не стала общимъ мѣстомъ. Мы отмѣтимъ только слѣдующія два обстоятельства. Вопервыхъ, если современная наука (да, современная наука, а не «наши прогрессисты») отказалась отъ изслѣдованія конечныхъ причинъ и цѣлей, то тѣмъ самымъ она направила на иныя сферы всю ту силу мысли, которая расходовалась до сихъ поръ на это неблагодарное дѣло. Вовторыхъ, значительная доля этой силы направляется современною наукою на болѣе точную разработку вопросовъ общественныхъ, и притомъ на разработку въ смыслѣ неизбѣжно прогрессивномъ. Конечно, дѣло это еще столь ново, что здѣсь возможны весьма крупныя недоразумѣнія и ошибки. Такъ, напримѣръ, намъ было очень странно и прискорбно встрѣтить въ сочиненіи одного изъ замѣчательныхъ современныхъ ученыхъ слѣдующаго ублюдка: «Переносить человѣческія понятія вреднаго и полезнаго, красоты и уродливости, экономіи и расточительности на порядокъ природы—нелогично; нелогично мѣрять безконечное конечнымъ масштабомъ. *На сколько велико значеніе міросозерцанія, представляющаго міръ устроеннымъ цѣлесообразно, въ педагогическомъ и эстетическомъ отношеніи, на столько же оно недостойно строгой и точной науки о природѣ*». (Die Individualität in der Natur mit vorzüglicher Berücksichtigung des Pflanzenreiches. Von Carl Nägeli. Zürich. 1856, S. 10). Подобные ублюдки и упражненія въ двойной бухгалтеріи неизбѣжны, пока наука сама по себѣ, а жизнь тоже сама по себѣ. Но не трудно подмѣтить общее, болѣе или менѣе значительное уклоненіе въ сторону единства науки и жизни, науки о природѣ и науки общественной. Чѣмъ же являются въ общественной наукѣ сторонники конечныхъ цѣлей? Школа Мальтуса, напримѣръ, полагаетъ, что извѣстная пропорція между ростомъ населенія и средствъ продовольствія со всѣми своими послѣдствіями отъ вѣка составляла цѣль всеблагаго провидѣнія. Г. Безобразовъ можетъ быть какого ему угодно мнѣнія о школѣ Мальтуса и ея противникахъ, отказывающихся проникнуть въ цѣли провидѣнія, но едва-ли онъ рѣшится уличать послѣднихъ въ коварномъ примиреніи съ дѣйствитель-

ностію. Изъ этого примѣра—а ихъ можно привести множество—слѣдуетъ заключить, что для разработки вопросовъ общественныхъ уясненіе законности или незаконности телеологической точки зрѣнія составляетъ дѣло весьма существенное. А во всей исторіи человѣческой мысли не найдется въ этомъ отношеніи ничего столь цѣннаго, какъ теорія Дарвина. Все великое значеніе этой могучей концепціи можетъ быть понято въ настоящее время только отчасти. Но съ теченіемъ времени, съ дальнѣйшей разработкой теоріи, окажется безъ сомнѣнія, что ни разу еще люди не получали въ свое распоряженіе столь точнаго, широкаго и плодотворнаго обобщенія. Объ этомъ можно судить и по количеству свѣтлыхъ умовъ, немедленно примкнувшихъ къ воззрѣніямъ Дарвина и уже пытающихся освѣтить ими различныя спеціальныя сферы знанія; и по количеству головъ туманныхъ, изображающихъ изъ себя въ виду теоріи Дарвина вопросительный знакъ препинанія; по азартности наконецъ, съ которою накидываются на эту теорію головы, окончательно скорбныя *. Что касается до общественной науки, то, не говоря о косвенной помощи, которую ей должна оказать теорія Дарвина болѣе правильною постановкою задачъ и вопросовъ біологіи и психологіи; не говоря далѣе о непосредственной помощи, которой мы вправѣ ожидать отъ теоріи Дарвина въ разъясненіи нѣкоторыхъ спеціально-соціологическихъ законовъ, — теорія эта должна расчистить путь соціологіи, окончательно и безапелляціонно низвергая всякую телеологію, за исключеніемъ субъективно-антропоцентрической. Какъ мало однако понимается еще эта философская сторона теоріи Дарвина, — можно видѣть изъ слѣдующаго. Лаказъ-Дютье, нѣкоторыя замѣчанія котораго о борьбѣ за существованіе достойны всякаго вниманія — мы ихъ въ свое время разсмотримъ — говоритъ, между прочимъ: «И такъ подборъ родичей, какъ и борьба за существованіе, есть фактъ, котораго никто не станетъ отрицать. Но какъ слѣдуетъ ихъ объяснять съ точки зрѣнія цѣлесообразности (quant à leur cause finale)? Здѣсь я совершенно расхожусь съ ученымъ англійскимъ натуралистомъ. Цѣль подбора, какъ результата борьбы за существованіе, есть сохраненіе видовъ чис-

* Приведемъ одинъ примѣръ. Гибель утверждаетъ, что теорія Дарвина противорѣчитъ «всѣмъ зоологическимъ фактамъ» и должна быть поставлена «рядомъ съ столоверченіемъ и одомъ». (Zeitschrift für die gesammten Naturwissenschaften. Bd. XXVII, 1866, S. 53). Такіе строгіе приговоры встрѣчаются, впрочемъ, довольно рѣдко и исходятъ, главнымъ образомъ, изъ среды заскорузлыхъ систематиковъ, у которыхъ теорія Дарвина совершенно отняла хлѣбъ. Въ Göttinger gelehrten Anzeigen (1862, S. 198) Кефернштейнъ, выдавая Агассицу патентъ на твердость характера, прямо скорбитъ о томъ, что теорія измѣняемости видовъ «пытается обратить въ ничто вѣковую усердную работу систематиковъ». Онъ радуется также, что въ лицѣ Агассица «воззрѣнія, выработанныя поколѣніями и издревле принятыя человѣчествомъ, стоятъ прочнѣе, нежели искусно обставленное ученіе новатора».

тыми и неприкосновенными. Безъ всякаго сомнѣнія, выборъ недѣлимыхъ одного и того же вида имѣетъ извѣстную цѣль, и эта цѣль состоитъ въ постоянномъ поддержаніи существъ, входящихъ въ составъ группы, на высокой ступени относительнаго совершенства. Слабость есть условіе уничтоженія, исчезновенія видовъ; и потому, для избѣжанія этого условія вырожденія типовъ, природа одарила самцовъ могучею, непреодолимою страстью, вслѣдствіе чего въ борьбѣ за самку одолѣваютъ сильные, здоровые и побѣждаются слабые, которые могли бы дать только подобное себѣ потомство, т.-е. индивидовъ, наименѣе могущихъ противостоять окружающимъ ихъ неблагопріятнымъ условіямъ» и т. д. (Annales des sciences naturelles. Zoologie et paléontologie. T. II, 1864, «Memoire sur les Antipathères», p. 224). Лаказъ-Дютье судитъ здѣсь теорію Дарвина такими принципами, которымъ она не только неподсудна, но компетентность которыхъ она именно и ниспровергаетъ. Телеологическая точка зрѣнія не можетъ быть для теоріи Дарвина обязательною, ибо теорія эта раздавила телеологію. Она говоритъ не то, что природа одарила самцовъ страстностью для того, чтобы они дрались изъ-за самки и чтобы въ этой дракѣ одерживалъ верхъ сильнѣйшій, который и передаетъ свои качества потомству. Она разсуждаетъ совершенно иначе. Она говоритъ, что, вслѣдствіе различныхъ причинъ, которыя всѣ сводятся къ наслѣдственности и приспособленію къ условіямъ среды, существуютъ самцы сильные и слабые. При недостаткѣ самокъ, самцы вступаютъ между собою въ борьбу, которая оканчивается въ пользу сильнѣйшаго, и этотъ сильнѣйшій передаетъ свои особенности потомству. Телеологическая точка зрѣнія требуетъ заранѣе поставленной цѣли и видитъ ее въ результатѣ цѣлой цѣпи естественныхъ причинъ. Теорія же Дарвина совершенно вычеркиваетъ изъ своихъ соображеній вопросъ о подборѣ и борьбѣ, quant à leur cause finale. Она просто слѣдитъ за причинною связью явленій. Такое же непониманіе самаго основанія теоріи Дарвина обнаруживаетъ и Кёлликеръ въ статьѣ, напечатанной въ Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie (1864, XIV) * и въ своей позднѣйшей книгѣ о теоріи Дарвина. «Что касается до основныхъ взглядовъ Дарвина — говоритъ Кёлликеръ — то слѣдуетъ прежде всего сказать, что онъ телеологъ въ полномъ смыслѣ слова. Онъ рѣшительно утверждаетъ, что въ организмѣ животнаго все сотворено для его пользы». Въ основѣ этого обвиненія лежитъ простое недоразумѣніе, разъясненіе котораго важно для насъ не только въ виду настоящей нашей цѣли, — опредѣленія отношенія теоріи Дарвина къ телеологіи, — но пригодится и впослѣдствіи при обзорѣ болѣе спеціальныхъ отношеній теоріи Дарвина къ обще-

* Статья эта была переведена г. Линдеманомъ въ «Отеч. Запискахъ» прежнихъ годовъ.

ственной наукѣ. Дѣло въ томъ, что ни Дарвинъ и ни одинъ изъ его здравомыслящихъ сторонниковъ никогда не утверждали и не могутъ утверждать, что устройство организма цѣлесообразно и строго соображено съ его пользами. «Принципъ полезности — говоритъ Нэгели — есть не что иное, какъ послѣдовательно проведенная причинная связь явленій. Полезныя разновидности являются не потому, что онѣ полезны, но, вслѣдствіе естественныхъ причинъ, образуются вредныя, безразличныя и полезныя разновидности, и вслѣдствіе тѣхъ же причинъ первыя и вторыя погибаютъ, между тѣмъ какъ послѣднія сохраняются. Тогда только можно думать о телеологіи, еслибы являлись однѣ только полезныя индивидуальныя отклоненія. Если что либо оказывается полезнымъ, то это еще не значитъ, чтобы оно было обязано существованіемъ своимъ телеологическому принципу. Изъ всѣхъ солнечныхъ лучей на луну падаетъ самое незначительное количество и безконечно малая часть послѣднихъ отражается отсюда и освѣщаетъ намъ ночью дорогу. Такое устройство вселенной для насъ очень выгодно; но мы не назовемъ его телеологическимъ (преднамѣреннымъ, такъ-какъ оно не явилось конечно съ тою цѣлью, чтобы освѣщать намъ дорогу. Точно такое же разсужденіе относится и къ образованію разновидностей. Подобно тому, какъ изъ всѣхъ лучей безконечное число ихъ теряется для насъ и только немногіе оказываютъ дѣйствіе, такъ и изъ всѣхъ индивидуальныхъ уклоненій пропадаютъ всѣ, за исключеніемъ немногихъ, образующихъ разновидность, способную къ существованію» (Происхожденіе естество-историческаго вида и понятіе о немъ. М. 1866, 21).

Но этого мало. Однѣ и тѣ же индивидуальныя особенности, при различныхъ условіяхъ, могутъ поочередно оказаться и вредными, и безразличными, и полезными; и въ теоріи Дарвина подъ именемъ полезныхъ уклоненій слѣдуетъ разумѣть уклоненія только практически полезныя, т.-е. полезныя только въ данную минуту и при данныхъ условіяхъ, и ничто не мѣшаетъ имъ оказаться вмѣстѣ съ тѣмъ не только не орудіями дальнѣйшаго усовершенствованія типа, но и прямыми причинами его вырожденія. Борьба за существованіе и подборъ родичей отнюдь не ручаются за улучшеніе породы. Хотя самъ Дарвинъ и говоритъ, напримѣръ, о «прогрессіи размноженія, столь быстрой, что она ведетъ къ борьбѣ за существованіе, а слѣдовательно и къ естественному подбору, съ коимъ неразрывны расхожденіе признаковъ и вымираніе менѣе усовершенствованныхъ формъ; такъ — прибавляетъ онъ — изъ вѣчной борьбы, изъ голода и смерти прямо слѣдуетъ самое высокое явленіе, которое мы можемъ себѣ представить, а именно — возникновеніе высшихъ формъ жизни» (l. c. 387); но неточность столь безусловныхъ выраженій доказывается самою теоріею Дарвина. Положимъ, что въ данной мѣстности существуетъ видъ

жесткокрылыхъ сѣраго цвѣта, питающійся листьями деревьевъ и служащій пищею насѣкомояднымъ птицамъ. Положимъ далѣе, что въ средѣ этого вида жуковъ явилось индивидуальное уклоненіе, — нѣсколько недѣлимыхъ съ зеленоватымъ цвѣтомъ. Эта зеленоватая разновидность, близко подходящая къ цвѣту листьевъ, будетъ, скрываясь въ зелени, подвергаться меньшей опасности истребленія со стороны птицъ, нежели разновидность сѣрая. Поэтому въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, вслѣдствіе подбора родичей, первая можетъ совершенно вытѣснить послѣднюю, передавая своему потомству не только *полезную* зеленую окраску, а вмѣстѣ съ нею и всѣ свои качества, *каковы бы они ни были*, хотя бы они состояли въ какомъ-нибудь органическомъ недостаткѣ, если, разумѣется, этотъ недостатокъ не играетъ самъ большой роли въ борьбѣ за существованіе. Такъ, напримѣръ, если для жука зеленый цвѣтъ окажется полезнѣе, чѣмъ сильныя крылья, то подборъ родичей можетъ подхватить вмѣстѣ съ зеленой окраской надкрыльевъ и слабость мускуловъ. И такая форма будетъ не усовершенствованная, а только лучше приспособленная къ требованіямъ окружающихъ условій. А потому нельзя утверждать, что въ борьбѣ за существованіе непремѣнно одерживаютъ побѣду сильнѣйшіе, совершеннѣйшіе представители типа; нѣтъ, побѣда можетъ остаться и за слабыми, уродливыми, если только они удачнѣе приспособились, благодаря неважнымъ, но въ данную минуту и при данныхъ обстоятельствахъ практически полезнымъ особенностямъ. Самый недостатокъ, самая слабость, самая уродливость могутъ обратиться въ сильное оружіе борьбы за существованіе, и въ такомъ случаѣ подборъ необходимо повлечетъ за собою вымираніе и вырожденіе сильныхъ формъ. На островахъ пропорція между безкрылыми или по крайней мѣрѣ слабокрылыми насѣкомыми и крылатыми совершенно иная, чѣмъ на материкахъ: относительное число безкрылыхъ тамъ несравненно больше. Это объясняется тѣмъ, что крылатыя насѣкомыя слишкомъ далеко залетаютъ и погибаютъ въ морѣ, что̀ невозможно для безкрылыхъ, которыя и выживаютъ. Такимъ образомъ слабость мускуловъ, управляющихъ крыльями, оказывается практически полезною. Да и наконецъ, если у Дарвина и встрѣчаются тамъ и сямъ фразы, которыя придирчивый читатель можетъ перетолковать, то тотъ же Дарвинъ говоритъ, напримѣръ, слѣдующее: «По свидѣтельству первыхъ авторитетовъ, даже совершеннѣйшій изъ органовъ — глазъ не вполнѣ исправляетъ сферическую аберрацію свѣта. Естественный подборъ не всегда, по необходимости, ведетъ къ безусловному совершенству, и, насколько мы можемъ судить, не всегда природа представляетъ намъ такое совершенство. Если нашъ разумъ заставляетъ насъ восхищаться въ природѣ множествомъ неподражаемыхъ приспособленій, тотъ же разумъ учитъ насъ, хотя въ обѣ стороны возможны ошибки, что другія приспособленія менѣе совершенны.

Можемъ ли мы считать совершеннымъ жало осы или пчелы, которое, при употребленіи противъ разныхъ враговъ, не можетъ быть снова втянуто, вслѣдствіе загнутыхъ назадъ зубцовъ, и слѣдовательно производитъ неизбѣжно смерть насѣкомаго, вырывая его внутренности?» (l. c., 163). Какъ справедливо замѣчаютъ многіе нѣмецкіе ученые, Дарвинъ имѣлъ въ виду преимущественно практическую сторону вопроса, вслѣдствіе чего сторона философская у него недостаточно разработана, и встрѣчающіяся здѣсь мѣстами общія замѣчанія дѣйствительно могутъ иного ввести въ заблужденіе, хотя факты сгруппированы до послѣдней степени ясно. Что теорія Дарвина требуетъ дополненій, разъясненій и дальнѣйшихъ приложеній, это не подлежитъ сомнѣнію. И важнѣе всего, по нашему мнѣнію, разъясненіе отношеній теоріи Дарвина къ великому закону органиническаго развитія, формулированному Бэромъ и развитому Мильнъ-Эдвардсомъ и Бронномъ. Обстоятельство это превосходно понялъ Нэгели, хотя и недостаточно развилъ свою мысль. Нэгели полагаетъ, что рядомъ съ принципомъ полезности Дарвина долженъ быть поставленъ принципъ усовершенствованія, по которому «организму присуще стремленіе преобразовываться въ болѣе сложную форму» (l. c., 34), такъ что «самая высшая организація обнаруживается двумя свойствами: совмѣщеніемъ въ себѣ самыхъ разнообразныхъ органовъ и самымъ совершеннымъ раздѣленіемъ между ними труда» (31). Замѣчанія Нэгели не встрѣтили, однако, сочувствія. Его упрекаютъ въ телеологическомъ построеніи, что̀ отчасти справедливо. Но реакція противъ всякихъ телеологическихъ объясненій, вызванная теоріею Дарвина, заходитъ иногда слишкомъ далеко. Мы видимъ, что дарвинисты такъ боятся телеологіи, что уже слишкомъ тщательно избѣгаютъ словъ и выраженій, напоминающихъ объ ней. Такъ Гэккель, Галліеръ находятъ неудачными выраженія Нэгели «теорія полезности» и «теорія усовершенствованія», ибо видятъ въ нихъ намекъ на телеологическое объясненіе явленій. Такъ на томъ же основаніи въ русской литературѣ кто-то предлагалъ замѣнить терминъ «подборъ родичей», которымъ г. Рачинскій перевелъ англійское Selection, терминомъ «отборъ». Конечно, точность и чистота языка дѣло очень важное. Но, вопервыхъ, трудно въ настоящее время обойтись безъ метафорическихъ выраженій, бо̀льшая часть которыхъ по необходимости отзывается телеологіей, и я не вижу, чѣмъ собственно въ этомъ отношеніи «отборъ» лучше «подбора». Вовторыхъ, излишній страхъ передъ словомъ можетъ оттолкнуть отъ скрывающейся подъ нимъ мысли, хотя бы она заслуживала не этого. А мысль Нэгели, хотя и скрывается подъ метафизической маской Tendenz, заслуживаетъ вниманія. Она важна уже, какъ напоминаніе о законѣ Бэра, которому, повидимому, грозитъ участь, по крайней мѣрѣ на время, затереться въ «расхожденіи признаковъ» (дивергенціи) Дар-

вина, тѣсно связанномъ съ борьбою за существованіе и подборомъ родичей. Законъ индивидуальнаго развитія, какъ онъ выработанъ трудами Гёте, Бэра, Мильнъ-Эдвардса, Бронна, сводится къ постепенному обособленію органовъ и усиленію между ними раздѣленія труда и различія, *различія между органами*. Законъ дивергенціи или расхожденія признаковъ говоритъ, что, вслѣдствіе борьбы за существованіе, организмы стремятся образовать все большее и большее количество разновидностей, т.-е. установить возможно бо̀льшее *различіе между недѣлимыми*. Мы уже приводили примѣры смѣшенія этихъ двухъ законовъ, и приведемъ здѣсь еще одинъ, быть можетъ еще болѣе поразительный. Даровитѣйшій изъ дарвинистовъ, Гэккель, замѣчаетъ, что законъ дивергенціи распространяется Дарвиномъ только на физіологическихъ недѣлимыхъ, входящихъ въ составъ вида. «По нашему же мнѣнію — продолжаетъ онъ — эта дивергенція (расхожденіе признаковъ) вида не отличается отъ такъ-называемаго «дифференцированія органовъ» или раздѣленія труда между ними. Мы думаемъ, что въ основаніи всѣхъ явленій дифференцированія лежитъ одно и то же явленіе, именно раздѣленіе труда, обусловленное естественнымъ подборомъ, гдѣ бы дифференцированіе ни происходило, касается ли оно самостоятельныхъ физіологическихъ недѣлимыхъ, борящихся между собою въ данной мѣстности за существованіе, или подчиненныхъ морфологическихъ недѣлимыхъ (органовъ). Существенная черта процесса во всѣхъ случаяхъ состоитъ въ образованіи разнородныхъ формъ изъ однороднаго начала, и механическая причина его состоитъ въ естественномъ подборѣ, въ борьбѣ за существованіе» (Generelle Morphologie. II, 253). Мы уже достаточно говорили о совершенной несостоятельности такого обобщенія. И потому ограничимся указаніемъ на неудачныя объясненія, которыя Гэккель, руководимый приведеннымъ добавленіемъ къ теоріи Дарвина, даетъ нѣкоторымъ фактамъ. Разсуждая о неудовлетворительности телеологическаго міросозерцанія, онъ говоритъ, между прочимъ, что теорія Дарвина окончательно показала, что природа въ своемъ развитіи не слѣдуетъ какому бы то ни было опредѣленному плану; что она не только доказала отсутствіе въ природѣ предуставленной цѣлесообразности и усовершенствованія, но поколебала и самое понятіе объ усовершенствованіи. Такъ, говоритъ онъ, Бэръ и другіе считали признакомъ и мѣриломъ совершенства организаціи ея сложность и степень дифференцированія, т.-е. раздѣленія труда между органами. Теперь же мы видимъ, что дифференцированіе отнюдь не обусловливаетъ собою усовершенствованія. Ибо, напримѣръ, нѣкоторыя ракообразныя, съ переходомъ отъ самостоятельной жизни къ паразитизму, утрачиваютъ ненужные имъ при этомъ новомъ образѣ жизни, органы движенія и зрѣнія. Такимъ путемъ группа ракообразныхъ становится болѣе разнородною, болѣе дифференцированною, и,

однако, дифференцированіе это, хотя и практически полезное для самихъ паразитовъ, потому что еслибы ненужные имъ органы сохранились, то они задаромъ поглощали бы извѣстную долю пластическаго, питательнаго матеріала,—представляетъ примѣръ не прогрессивнаго развитія, не усовершенствованія, а движенія ретрограднаго. Итакъ дифференцированіе и усовершенствованіе—двѣ вещи различныя. Читатель видитъ, что софизмъ этотъ построенъ на двусмысленности слова «дифференцированіе». Бэръ и другіе утверждаютъ, что совершенство *организма* измѣряется степенью его сложности, рѣзкостью дифференцированія его органовъ и тканей — въ морфологическомъ отношеніи, и степени физіологическаго раздѣленія труда, обособленности функцій — въ отношеніи физіологическомъ *. Что же мы имѣемъ въ случаѣ ракообразнаго, перешедшаго отъ свободной жизни къ паразитизму? Его организмъ упростился морфологически, ибо онъ лишился орудій зрѣнія и движенія; и упростился и физіологически, ибо количество обособленныхъ функцій стало въ немъ меньше. Регрессъ очевидный, но именно потому, что дифференцированіе, какъ законъ Бэра, какъ законъ *индивидуальнаго* развитія, нарушено. Это регрессъ именно въ смыслѣ закона Бэра. Случай этотъ не опровергаетъ, а самымъ очевиднымъ образомъ подтверждаетъ его. Гэккель же разсуждаетъ такимъ образомъ. Дифференцированіе или дивергенція, расхожденіе *видовыхъ* признаковъ, образованіе новыхъ и новыхъ, все болѣе расходящихся *разновидностей и видовъ*, какъ результатъ борьбы за существованіе и подбора родичей, утверждается теоріею Дарвина. Это фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію. Но, продолжаетъ Гэккель, по моему мнѣнію, процессъ органическаго, индивидуальнаго развитія, процессъ дифференцированія органовъ и ихъ функцій тождественъ съ процессомъ дифференцированія вида, такъ-какъ и тотъ и другой представляютъ возникновеніе разнородности изъ первоначальной однородности. Увлекшись этимъ чисто формальнымъ сходствомъ и не вглядѣвшись въ суть обоихъ процессовъ, Гэккель опровергаетъ или, по крайней мѣрѣ, ограничиваетъ законъ Бэра, подставляя вмѣсто выражаемаго имъ индивидуальнаго дифференцированія дифференцированіе видовое. Опровергнуть такимъ образомъ можно все, что угодно. Мнѣ говорятъ, напримѣръ, что деревья растутъ. Я же, отмѣтивъ предварительно,

---

* Гэккель вслѣдъ за Бронномъ (Morphologische Studien über die Gestaltungsgesetze der Naturkörper überhaupt und der organischen insbesondere. Leipzig und Heidelberg. 1858) принимаетъ нѣсколько законовъ органическаго прогресса или усовершенствованія. Но по нашему мнѣнію всѣ они могутъ быть безъ натяжки сведены къ закону обособленія и дифференцированія, который впрочемъ и Бронномъ и Гэккелемъ признается наиболѣе важнымъ. Во всякомъ случаѣ Бронновы дополненія къ закону Бэра могутъ быть пока нами оставлены въ сторонѣ, безъ ущерба для ясности дѣла.

что, по моему мнѣнію, понятіе дерева должно быть расширено, возражаю: стулъ, на которомъ я сижу, столъ, на которомъ я пишу, ручка пера, которое я держу—не растутъ, а между тѣмъ и стулъ, и столъ, и ручка—все это изъ дерева. Итакъ законъ: деревья растутъ невѣренъ и одностороненъ. Другой, приводимый Гэккелемъ, примѣръ еще очевиднѣе указываетъ на корень софизма. «Естественно—говоритъ онъ—что возрастающее дифференцированіе всѣхъ земныхъ явленій, всѣхъ условій существованія имѣетъ непосредственнымъ результатомъ и соотвѣтственное дифференцированіе организмовъ, и въ большинствѣ случаевъ самое это дифференцированіе есть рѣшительный шагъ впередъ, несомнѣнное усовершенствованіе. Съ другой стороны, однако, не слѣдуетъ забывать, что всякое раздѣленіе труда имѣетъ, на ряду съ выгодами, и свои невыгоды. Мы видимъ это въ особенности на полиморфизмѣ человѣческаго общества, представляющемъ въ своемъ государственномъ и соціальномъ развитіи наиболѣе сложные изъ феноменовъ дифференцированія» (Generelle Morphologie. II, 261). Какъ спеціальный примѣръ невыгоды полиморфизма (т.-е. раздѣленія труда) человѣческаго общества, Гэккель приводитъ спеціалиста ученаго, который не только не видитъ ничего дальше своей спеціальности, но и въ ней неспособенъ ни къ какому шагу впередъ. Это, конечно, случай ретрограднаго развитія, хотя, какъ справедливо замѣчаетъ Гэккель, самъ спеціалистъ чувствуетъ себя очень хорошо и черпаетъ изъ своего уродства многія практическія выгоды. Но опять-таки, при чемъ тутъ законъ Бэра? Съ точки зрѣнія этого именно закона изображенное Гэккелемъ уродство и есть шагъ назадъ. И здѣсь Гэккель смѣшиваетъ законъ Бэра, какъ законъ дифференцированія, расчлененія, обособленія *органовъ*, составляющихъ *недѣлимое*, съ закономъ обособленія *недѣлимыхъ*, какъ членовъ *вида* или *общества*. Гэккель просто увлекся своею борьбою противъ теологическаго воззрѣнія на природу и съ разбѣгу сталъ утверждать, что не только въ природѣ нѣтъ стремленія къ совершенствованію, — что̀ теоріею Дарвина доказывается окончательно, — но что мы не имѣемъ и никакого критерія относительнаго совершенства организаціи, что̀ и не вѣрно и для аргументаціи дистелеолога вовсе не требуется. Критерій относительнаго совершенства организаціи есть, данъ онъ Бэромъ. И какъ ни путается Гэккель, но онъ именно къ этому критерію прибѣгаетъ безпрестанно, когда говоритъ, напримѣръ: «Хотя различія между человѣкомъ и другими животными суть свойства не качественнаго, а только количественнаго, однако раздѣляющую ихъ пропасть весьма важно замѣтить. По нашему мнѣнію, дѣло сводится главнымъ образомъ къ тому, что человѣкъ совмѣщаетъ въ себѣ многія важныя функціи, встрѣчающіяся въ другихъ животныхъ только въ раздробь» (l. c., 430). Замѣчательно, что тотъ же Гэккель считаетъ весьма важнымъ для опре-

дѣленія законовъ развитія различеніе практическихъ, односторонних, монотропныхъ типовъ и типовъ идеальныхъ, многостороннихъ, политропныхъ. (Термины эти принадлежатъ, кажется, К. Снеллю: «Die Schöpfung des Menschen», Leipzig, 1863). Практическими типами онъ называетъ такіе виды, роды, классы организмовъ, которые окончательно приспособились къ извѣстнымъ спеціальнымъ условіямъ жизни и уже не могутъ существовать внѣ ихъ; таковы, между позвоночными, костистыя рыбы (Teleostei), черепахи, летучія мыши. Типы идеальные, напротивъ, благодаря своему многостороннему развитію, не приспособились ни къ какимъ спеціальнымъ условіямъ, и потому способны къ дальнѣйшему развитію; таковы, между позвоночными, поперечноротыя (Selachia), полуобезьяны и др. «Это въ высшей степени важное различіе — замѣчаетъ Гэккель, возвращаясь къ своему любимому коньку — можетъ быть усмотрѣно и въ членахъ человѣческаго общества вообще, а слѣдовательно и въ средѣ представителей науки. Человѣчество движется впередъ идеальными и разносторонними, философски развитыми головами, не отступающими предъ обобщеніями и синтезомъ. Практическіе и односторонніе ученые, напротивъ, довольствующіеся анализомъ, не будучи въ состояніи приспособиться къ болѣе высокому строю идей, могутъ только доставить первымъ матеріалъ» (l. c., 223). Какъ бы, однако, ни было важно указываемое Гэккелемъ различіе между практическими и идеальными типами, они могутъ переходить другъ въ друга, и особенно легокъ переходъ отъ идеальнаго типа къ типу практическому: стоитъ только первому попасть въ неблагопріятныя условія, которыя въ человѣческомъ обществѣ всѣ сводятся къ раздѣленію труда. Въ другомъ мѣстѣ (262), Гэккель замѣчаетъ: «естественный подборъ вездѣ способствуетъ развитію практическихъ типовъ въ ущербъ идеальнымъ». Да, das ist eine alte Geschichte, doch ist sie immer neu:

Нѣтъ могучаго Патрокла,
Живъ презрительный Терситъ!

Однако, выраженная абсолютно, эта печальная истина столь же мало оправдывается фактами, какъ и противоположный ей выводъ, дѣлаемый нѣкоторыми изъ теоріи Дарвина, а именно, будто бы борьба за существованіе и естественный подборъ необходимо суть орудія прогресса, что въ борьбѣ выживаютъ только лучшіе и сильнѣйшіе; точно такъ, какъ невѣрно и снотворное правило буржуазныхъ моралистовъ: добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказывается. Природа, какъ она намъ освѣщается теоріей Дарвина, не знаетъ избранниковъ. Здѣсь она раздавитъ великаго Патрокла и сохранитъ презрительнаго Терсита; тамъ выдавитъ изъ строя жизни цѣлый видъ, здѣсь разбиваетъ видъ на два, на три; тамъ низведетъ Патрокла до состоянія Терсита, здѣсь выставитъ Патрокла во всемъ его ве-

личіи; тамъ разовьетъ жизнь, сюда пошлетъ смерть; тамъ посѣетъ слезы и страданія, здѣсь разольетъ море наслажденій... Не спрашивайте для чего? зачѣмъ? Съ такимъ вопросомъ нельзя обращаться къ природѣ. Она не дастъ отвѣта. Она скажетъ вамъ, *почему* произошло то-то и то-то, но вы не вырвете отъ нея отвѣта на вопросъ: *зачѣмъ?* Если вы пожелаете отвѣтить за нее, то-есть навязать ей свой отвѣтъ, то вы можете навязать любой. Цѣли и дѣйствія одухотворенной вами природы окажутся разумными и глупыми, великими и мелкими, добродѣтельными и безсовѣстными, высоконравственными и до послѣдней степени преступными, смотря по тому, какъ вы сами посмотрите на дѣло. Всякую цѣль, всякій планъ можно отъискать въ природѣ, именно потому, что въ ней нѣтъ никакой цѣли, никакого плана. Но это значитъ, что природою управляетъ слѣпой случай? Въ этомъ упрекали и Дарвина, между тѣмъ, какъ упрекать тутъ собственно не въ чемъ и не за что. Если подъ случаемъ разумѣть совокупность неизвѣстныхъ намъ, но могущихъ быть прослѣженными цѣпей причинъ и слѣдствій, то да, — природой управляетъ слѣпой случай. Если подъ понятіе случая подшивать какую-либо мистическую, таинственную подкладку, то теорія Дарвина свидѣтельствуетъ, что случая въ *этомъ* смыслѣ вовсе нѣтъ, что словомъ этимъ мы только маскируемъ свое незнаніе. Цѣли и планы сказались въ природѣ въ достаточно широкой степени только тогда, когда рядомъ съ естественнымъ подборомъ сталъ подборъ искусственный, а рядомъ съ борьбой за существованіе — смутные проблески ея отрицанія въ сферѣ человѣческихъ отношеній, когда человѣкъ вступилъ въ борьбу съ природой и пожелалъ измѣнить ее сообразно своимъ нуждамъ и потребностямъ. Телеологирующіе противники Дарвина, вѣрующіе въ отдѣльное сотвореніе видовъ по нѣкоторому плану и для извѣстныхъ цѣлей, отрицающіе естественный подборъ, должны вмѣстѣ съ тѣмъ отрицать и подборъ искусственный и всякое воздѣйствіе человѣка на природу. Если «высшій разумъ», «высшій художникъ» создалъ для какой-нибудь цѣли волка, то истребленіе волковъ или прирученіе ихъ есть, вопервыхъ, актъ неразумный, ибо нельзя прати противу рожна. Вовторыхъ, это актъ преступный, ибо заключаетъ въ себѣ покушеніе на возстаніе противъ всеблагого провидѣнія и высшаго разума. И такъ, «волкъ тебя заѣшь», вотъ какое утѣшеніе преподносятъ человѣку телеологи, съ ужасомъ отступающіе отъ принципа борьбы за существованіе, который, съ точки зрѣнія теоріи Дарвина, можетъ быть на практикѣ совершенно модифицированъ.

Чтобы судить объ аргументаціи современныхъ телеологовъ, надо видѣть книгу Агассица. Только здѣсь, подпертая фактическими данными, телеологія является въ апогеѣ своего величія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, только здѣсь обнаруживается вся очевидность ея слабости и несостоятельности. Пока телеологія витала

въ сферахъ отвлеченныхъ и спускалась на землю только для того, чтобы произнести свое окончательное рѣшеніе, она, какъ, напримѣръ, въ нѣмецкихъ метафизическихъ системахъ, подкупала, кромѣ лести человѣческимъ предразсудкамъ и поддакиванія лѣности мысли, еще изяществомъ своего діалектическаго построенія. Храмъ телеологіи висѣлъ на воздухѣ, но въ немъ все было симметрично, изящно, были обдуманы мельчайшіе орнаменты этого воздушнаго храма. Только законъ тяжести не принимался въ соображеніе. Нынѣ телеологія хочетъ устроиться солиднѣе, хочетъ спуститься на землю и опереться на фактахъ опыта и наблюденія. Такимъ образомъ она становится на почву эмпирической науки, и по тѣмъ судорожнымъ, неловкимъ, нелѣпымъ движеніямъ, которыя она принуждена выдѣлывать, чтобы удержаться на этомъ скользкомъ для нея пути, всякій можетъ убѣдиться, что ея пѣсня спѣта. Да, книга Агассица — лебединая пѣсня телеологіи. Между современными учеными нѣтъ телеолога, столь хорошо вооруженнаго, какъ Агассицъ. И вотъ какъ разсуждаетъ этотъ первый и, вѣроятно, послѣдній телеологіи боецъ.

Агассицъ полагаетъ, что виды въ своихъ существенныхъ признакахъ неизмѣнны; они могутъ въ извѣстныхъ границахъ измѣняться, но никогда не выступаютъ изъ положенныхъ имъ творческою мыслію предѣловъ и никогда одинъ видъ не можетъ перейти въ другой или произойти изъ другаго. Каждый видъ есть воплощенная творческая идея. Натуралисты—не болѣе, какъ переводчики мыслей Творца на человѣческій языкъ. «Человѣческій умъ находится въ гармоніи съ природой, и многое изъ того, что̀ намъ кажется результатомъ усилій нашего разума, есть только естественное выраженіе этой предуставленной гармоніи» (l. c., 9). Всѣ растенія и животныя созданы по нѣкоторому плану, строго обдуманному Творцомъ. Создавая животное царство, Творецъ обдумалъ сначала четыре различные общіе плана, которые составили идею четырехъ группъ: позвоночныхъ, суставчатыхъ, мягкотѣлыхъ и лучистыхъ. Затѣмъ Творецъ приступилъ къ обдумыванію тѣхъ, болѣе разнообразныхъ и многочисленныхъ формъ, въ которыя могли бы быть воплощены означенные планы строенія. Онъ пришелъ къ мысли въ общемъ планѣ строенія, напримѣръ, позвоночныхъ, установить болѣе спеціальные планы млекопитающихъ, птицъ, рыбъ, пресмыкающихся. Далѣе Творецъ допустилъ еще бо̀льшую спеціализацію признаковъ и разбилъ каждый классъ на порядки, порядки на семейства, семейства на роды, роды на виды, которые, наконецъ, и воплотились. Созданы всѣ различные виды (въ видѣ зародышей или яицъ) вдругъ, въ огромномъ количествѣ и на всемъ земномъ шарѣ. Затѣмъ, по прошествіи нѣсколькихъ тысячелѣтій, Творецъ или Intelligence suprême, Высшій разумъ, какъ его охотнѣе называетъ Агассицъ, по недоступнымъ намъ соображеніямъ, внезапнымъ геологическимъ пе-

реворотомъ уничтожаетъ все доселѣ имъ созданное и создаетъ новыя и болѣе совершенныя формы. Но при этомъ онъ придерживается старыхъ своихъ принциповъ строенія и создаетъ, главнымъ образомъ, только новые виды, изрѣдка роды, еще рѣже семейства, порядки, классы. Изъ предѣловъ четырехъ основныхъ группъ эта Intelligence suprême выбиться не можетъ. Проходятъ еще и еще вѣка, и опять Высшій разумъ истребляетъ свою работу и опять принимается за нее. Наконецъ, создаетъ человѣка, по образу и подобію своему, вмѣстѣ съ чѣмъ божественная работа прекращается. «Анатомія—говоритъ Агассицъ—могла бы, по моему мнѣнію, доказать, что нетолько человѣкъ есть совершеннѣйшее изъ существъ современнаго періода, но что онъ есть послѣднее звено цѣпи, за которымъ уже физически невозможенъ дальнѣйшій прогрессъ въ общемъ планѣ животнаго царства» (35). Въ метафизикѣ своей Агассицъ возвращается почти къ идеямъ мудраго, но уже довольно давно умершаго Платона. Онъ полагаетъ, что недѣлимыя «имѣютъ только (?) матеріальное существованіе и суть не болѣе, какъ субстраты съ одной стороны различныхъ категорій строенія, на которыхъ основана естественная зоологическая система, а съ другой — всѣхъ отношеній животныхъ къ окружающему міру» (7). Вліяніе внѣшней природы на измѣненіе организмовъ Агассицъ отрицаетъ безусловно. Онъ утверждаетъ, что можно бы было исписать цѣлые томы на эту тему. Наслѣдственности, какъ связующаго начала между различными видами, онъ также не признаетъ. Какъ нѣкогда Катонъ всѣ свои рѣчи, какого бы онѣ ни были содержанія и къ чему бы ни относились, заканчивалъ восклицаніемъ: а Карѳагенъ все-таки надо разрушить! такъ и Агассицъ заключаетъ каждую главу своего сочиненія такими замѣчаніями: «И эту-то логическую связь, эту изумительную гармонію, это безконечное разнообразіе въ единствѣ — намъ хотятъ представить, какъ результатъ силъ, не имѣющихъ ни способности мышленія, ни способности сравненія, ни идей пространства и времени!» (24). «Это возрастающее согласіе между нашими системами (зоологическими) и системою природы доказываетъ, что въ сущности умъ человѣческій и божественный разумъ тождественны. Въ этомъ еще болѣе можно убѣдиться, принимая въ соображеніе ту высокую степень совершенства и соотвѣтствія реальному порядку вещей, которой достигли нѣкоторыя апріорическія философскія построенія, независимо отъ данныхъ эмпирической науки» (31). «Здѣсь мы опять видимъ новое и поразительное доказательство порядка и цѣлесообразности установленныхъ въ началѣ вещей касательно различныхъ степеней сложности организмовъ» (43). «Кто же станетъ утверждать, что столь разнообразныя выраженія одного и того же чувства, одного и того же инстинкта истекаютъ единственно изъ физической организаціи, изъ особенности строенія, которое вдобавокъ и понять нельзя, если исключить идею мето-

дически исполненнаго плана, обдуманнаго заранѣе, и мы должны признать, что намѣреніе вездѣ предшествовало факту» (167). И т. д., и т. д., и т. д. Мало того, всѣ эти варіяціи на одинъ и тотъ же рефрень Агассицъ собираетъ далѣе въ одно цѣлое и, подъ заглавіемъ «Recapitulation», вновь преподноситъ читателю *. Очевидно, что Агассицъ принадлежитъ къ числу людей, подвѣшивающихъ къ явленіямъ природы мочальный хвостъ. Это можно бы было, даже не читая всей его книги, заключить уже изъ того, что онъ, вопервыхъ, принимаетъ явленія органической жизни совершенно оторванными отъ явленій неорганической природы, отрицаетъ вліяніе среды на организацію и, слѣдовательно, зависимость біологіи отъ низшихъ наукъ. Далѣе, онъ прямо говоритъ, что человѣкъ долженъ, «проникая въ природу своего духа, стараться понять безконечный разумъ, котораго эманацію представляетъ его собственный разумъ» (9). Естественное дѣло, что при подобномъ методѣ мышленія личность мыслителя должна неизбѣжно оставить свой явственный отпечатокъ на мочальномъ хвостѣ. И дѣйствительно, что̀ такое этотъ творецъ, созидающій единственно для созиданія, разрушающій единственно для разрушенія, самъ совершенствующійся съ теченіемъ времени, какъ не самъ Агассицъ съ придачею огромныхъ, неестественныхъ съ человѣческой точки зрѣнія, но все-таки ограниченныхъ силъ. Какъ человѣкъ науки для науки, Агассицъ и не могъ создать инаго Творца, который, изъ-за созиданія и разрушенія, видѣлъ бы какую-либо иную цѣль. Какъ мыслитель, необходимо проходящій извѣстныя ступени развитія, Агассицъ проводитъ по подобнымъ же ступенямъ совершенствованія и свою Intelligence suprême. Богъ Агассица вовсе не всемогущъ, не премудръ и проч. Онъ просто очень сильный человѣкъ, въ которомъ любовь къ порядку довольно странно перепутывается съ постоянными капризами. Агассицъ очень хлопочетъ о томъ, чтобы его не заподозрѣли въ ортодоксальности. Еще бы! Замѣчательно, что въ числѣ великихъ

* Вотъ два-три примѣра на выдержку: II) L'existence simultanée des types les plus divers, au milieu de circonstances identiques, manifeste de l'intelligence; — la capacité d'adapter une grande variété de structures aux conditions les plus uniformes. VII) L'existence simultanée, dès que l'animalité apparut, de représentants de tous les grands types du règne animal manifeste, d'une manière plus spéciale, de l'intelligence: — une intelligence judicieuse, en laquelle se combinent le pouvoir, la préméditation, la prescience, l'omniscience. XXXII) La combinaison dans le temps et dans l'espace de toutes ces conceptions profondes, non seulement manifeste de l'intelligence, mais, de plus, elle prouve la préméditation, la puissance, la sagesse, la grandeur, la prescience, l'omniscience, la providence. En un mot, tous ces faits et leur naturel enchaînement proclament le Seul Dieu que l'Homme puisse connaître, adorer et aimer. L'Histoire Naturelle deviendra, un jour, l'analyse des pensées du Créateur de l'Univers, manifestées dans le Règne Animal et le Règne Végétal, comme elles l'ont été dans le monde inorganique (214, 219).

качествъ, приписываемыхъ Агассицомъ сотворенному имъ творцу, нѣтъ ни одного качества нравственнаго. Онъ ни разу не упоминаетъ о томъ, въ какой мѣрѣ его Intelligence suprême обладаетъ благостію, справедливостью и проч. И въ этомъ опять сказался человѣкъ науки для науки, человѣкъ, весь ушедшій въ исключительно умственные, и притомъ весьма узкіе, интересы. Но если Агассицъ находитъ нужнымъ преклоняться передъ этою Intelligence, то люди жизни, волнуемые любовью и ненавистью, люди жизни, страдающіе и наслаждающіеся, не послѣдуютъ примѣру Агассица. Они обратятся къ его Intelligence со словами гётевскаго Прометея къ Юпитеру:

Ich dich ehren? Wofür?
Hast du die Schmerzen gelindert
Je das Beladenen?
Hast du die Thränen gestillet
Je des Geängsteten?

Еслибы мы были ближе знакомы съ особенностями личнаго характера Агассица, то, безъ сомнѣнія, могли бы провести болѣе специфическую параллель между нимъ и созданнымъ имъ Создателемъ. Однако, и теперь мы можемъ отмѣтить одну любопытную частную черту совпаденія. Творецъ Агассица, приступая къ творческому акту, придумываетъ сначала наиболѣе общіе планы четырехъ основныхъ группъ животнаго царства, и затѣмъ уже постоянно специализируетъ свои идеи, придаетъ имъ все болѣе и болѣе частный характеръ. Это точный снимокъ съ пріемовъ мысли самого Агассица, который въ своемъ объясненіи природы не отъ фактовъ поднимается къ теоріи, а исходитъ, напротивъ, изъ теоріи, подгоняя къ ней факты. Въ этомъ нелогическомъ пріемѣ Агассицъ упрекаетъ теорію Дарвина. Но дѣло говоритъ само за себя, да и наконецъ Агассицъ открыто заявляетъ свое уваженіе къ апріорическимъ метафизическимъ системамъ, построеннымъ внѣ опыта и наблюденія. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что это пріемъ невозможный и что все дѣло только въ качествѣ и количествѣ данныхъ опыта и наблюденія, легшихъ, помимо сознанія мыслителя, въ основаніе его яко бы апріорической системы. Проникая въ природу своего собственнаго духа, Агассицъ нашелъ, что реализаціи его намѣреній необходимо предшествуетъ самый психическій фактъ намѣренія; что, кромѣ этого общечеловѣческаго факта, личныя намѣренія Агассица всѣ направлены въ одну сторону, въ сторону довлѣющаго самому себѣ познанія. И вотъ всѣ эти факты своего сознанія Агассицъ перенесъ на личность Божества, то-есть списалъ ее съ самого себя. Когда я читалъ книгу Агассица, мнѣ живо вспомнилась моя вышеприведенная ребяческая космогонія. Не уступая міросозерцанію Агассица въ состоятельности, она положительно превосходитъ его по поэтическому колориту и силѣ концепціи. Мое вѣчно спящее божество было

гораздо многостороннѣе, ибо если и ему приходилось испытывать затрудненіе думать о небывалыхъ еще формахъ, прежде чѣмъ увидѣть ихъ во снѣ, то-есть даровать имъ реальное бытіе, то оно нетолько созидало и разрушало, оно любило. Какъ любящая женщина думаетъ на ночь о суженомъ, чтобы увидѣть его во снѣ, такъ дѣйствовалъ и мой сонный богъ. И потому онъ заслуживалъ уваженія, любви и подражанія съ гораздо бо́льшаго числа сторонъ, чѣмъ сомнительная Intelligence suprême Агассица *.

Мы желаемъ книгѣ Агассица полнаго успѣха, ибо ея успѣхъ (въ смыслѣ распространенія) есть успѣхъ теоріи Дарвина. Не имѣя ни времени, ни мѣста сравнивать въ подробностяхъ эти два міросозерцанія, мы́ должны предоставить самому читателю окончательно выбрать себѣ Ормузда и Аримана. Мы остановимся однако на одномъ любопытномъ рядѣ фактовъ, получающихъ съ точекъ зрѣнія Дарвина и Агассица совершенно различный смыслъ. Мы говоримъ о такъ-называемыхъ рудиментарныхъ или зачаточныхъ органахъ. Гэккель, который слишкомъ часто забываетъ мудрое изрѣченіе Кювье, что la science des noms va bientôt devenir plus difficile que la science des choses, установилъ для ученія о зачаточныхъ или недоразвитыхъ органахъ особый терминъ — «дистелеологія». Терминъ этотъ впрочемъ и удаченъ и далеко не лишній, но нѣтъ никакой надобности ограничивать дистелеологію ученіемъ о рудиментарныхъ органахъ; ибо этимъ именемъ можно назвать всю доктрину подбора и борьбы за существованіе, если, разумѣется, не держаться того совершенно неосновательнаго убѣжденія, будто бы побѣдителями изъ борьбы непремѣнно выходятъ лучшія, совершеннѣйшія формы. Какъ бы то ни было, но существованіе зачаточныхъ органовъ дѣйствительно должно ставить въ тупикъ телеологовъ и, по своей наглядности, дѣйствительно представляетъ одну изъ сильнѣйшихъ опоръ дистелеологіи. Изъ строгой зависимости, какая, вообще говоря, существуетъ между органами и ихъ отправленіями, выводили прежде свидѣтельство въ пользу предуставленной гармоніи и цѣлесообразности организаціи. При этомъ оставались безъ всякаго объясненія тѣ случаи, когда въ организмахъ оказывались аппараты совершенно лишніе въ экономіи организаціи, органы безъ отправленій, органы, часто не только безразличные по отношенію къ нуждамъ даннаго организма, не только пассивно-вредные для него, какъ поглощающіе извѣстную долю пищи, не отплачивая за нее ничѣмъ, но иногда завѣдомо вредные. Это тѣ именно заглохшіе, зачаточные, рудиментарные органы, которые Дарвинъ остроумно сравниваетъ «съ буквами, еще сохранившимися въ правописаніи слова, но уже

---

* Рѣчь здѣсь идетъ не о христіанскомъ Богѣ, наказующемъ и милующемъ, а о Богѣ Агассица, Богѣ еретическомъ.

непроизносящимися, которыя служатъ намъ указаніемъ на происхожденіе слова» (l. c., 360). Но, какъ путеводная нить по ступенямъ развитія органическихъ формъ, какъ указаніе на происхожденіе организма, существованіе зачаточныхъ органовъ могло получить значеніе только по твердомъ установленіи принципа измѣняемости видовъ. Намеки на такое объясненіе встрѣчаются у Ламарка, но наиболѣе полно вопросъ этотъ былъ поставленъ только Дарвиномъ. Какой смыслъ съ телеологической точки зрѣнія имѣютъ, напримѣръ, зубы зародышей китовъ, исчезающіе у взрослаго животнаго? Никакой пользы они организму не приносятъ, никакого дѣла не дѣлаютъ; зачѣмъ же они вошли въ «планъ творенія» и какова ихъ «цѣль»? Или зачѣмъ у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ существуютъ крылья, когда они совершенно скрыты подъ плотно спаянными твердыми надкрыліями и слѣдовательно служить для летанія, исполнять предписанную имъ функцію — не могутъ? Какой предуставленной цѣли удовлетворяютъ сосцы самцовъ, никогда не функціонирующіе? Множество подобныхъ вопросовъ должны были сильно смущать телеологію, и нѣкоторые изъ нихъ не поддаются самымъ тонкимъ ея ухищреніямъ *. Съ дистелеологической же точки зрѣнія теоріи Дарвина факты рудиментарныхъ органовъ получаютъ очень простое и естественное объясненіе. Какъ скоро организмъ переходитъ отъ сравнительно сложныхъ условій жизни къ условіямъ сравнительно простымъ, какъ напримѣръ въ случаяхъ паразитизма, нѣкоторыя отправленія становятся для него совершенно лишними, ему не приходится пускать ихъ въ ходъ, напримѣръ ему не приходится двигаться. Органы движенія, вслѣдствіе неупотребленія, уменьшаются въ объемѣ, а такъ-какъ они все-таки потребляютъ извѣстную долю питательнаго матеріала, то борьба за существованіе и подборъ родичей выдвигаютъ постепенно впередъ паразитовъ, лишенныхъ органовъ движенія, ибо они болѣе приспособлены къ средѣ, имѣютъ все, что̀ имѣютъ и ихъ способные къ движенію родичи, но освобождены отъ лишняго для нихъ бремени. Когда животное, вслѣдствіе какихъ-нибудь причинъ, начинаетъ вести подземную жизнь, если, напримѣръ, борьба за существованіе

---

* Фрицъ Мюллеръ замѣчаетъ: „Nirgends ist die Versuchung dringender den Ausdrücken: Verwandschaft, Hervorgehen aus gemeinsamer Grundform — und ähnlichen, eine mehr als bloss bildliche Bedeutung beizulegen, als bei den niedern Krustern. Namentlich bei den Schmarotzerkrebsen pflegt ja längst alle Welt, als wäre die Umwandlung der Arten eine selbstverständliche Sache, in kaum bildlich zu deutender Weise von ihrer Verkümmerung durchs Schmarotzerleben zu reden. Es möchte wohl Niemandem als eines Gottes würdiger Zeitvertreib erscheinen, sich mit dem Ausdencken dieser wunderlichen Verkrüppelungen zu belustigen, und so liess man sie durch eigene Schuld, wie Adam beim Sündenfall, von der früheren Vollkommenheit herabsinken“. (Für Darwin. Leipzig 1864, 2).

загоняетъ его въ пещеру, то органы зрѣнія атрофируются или, какъ выражается Дарвинъ, телескопъ исчезаетъ, хотя ставивъ его еще цѣлъ. Такимъ-то образомъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе неупотребленія и вліянія внѣшнихъ условій, подхватываемаго естественнымъ подборомъ, атрофируются и переходятъ въ рудиментарное состояніе органы движенія, чувствъ, дыханія, дѣтородные, нѣкоторые мускулы (у человѣка, напримѣръ, мускулы, движущіе уши и хвостовые позвонки). И эти зачаточные органы дѣйствительно оказываются буквами, сохранившимися въ правописаніи слова, но уже не произносящимися; и по нимъ дѣйствительно можно судить объ общности происхожденія и близости родства органическихъ формъ. Если мы, напримѣръ, видимъ, что всѣ позвоночныя, обладающія легкими, имѣютъ ихъ два, за исключеніемъ змѣй и нѣкоторыхъ змѣевидныхъ ящерицъ, у которыхъ одно изъ легкихъ непремѣнно недоразвито; если далѣе у тѣхъ же змѣй подъ кожей скрыты зачаточныя конечности, — то уже одинъ этотъ рядъ необъяснимыхъ съ телеологической точки зрѣнія явленій долженъ убѣдить насъ въ несостоятельности гипотезы отдѣльнаго сотворенія видовъ по нѣкоторому плану. Слѣдуетъ замѣтить, что Дарвинъ предлагаетъ раздѣлить рудиментарные органы на атрофированные, заглохшіе (по терминологіи Гэккеля катапластическіе) и неразвившіеся, начинающіеся (анапластическіе). Напримѣръ, крылья бѣгающихъ птицъ (страусъ, пингвинъ) представляютъ, по Гэккелю, органы катапластическіе, а крылья летучихъ рыбъ—анапластическіе.

Что̀ же противопоставляетъ такому естественному объясненію Агассицъ? Онъ очень хорошо понимаетъ, что телеологическій аргументъ, основанный на предполагаемой гармоніи между органомъ и его функціею, не оправдывается фактами, ибо въ наукѣ извѣстно множество органовъ, никогда не функціонирующихъ. Но «эти органы сохранены для поддержанія нѣкотораго единства въ основаніи строенія; они не играютъ важной роли въ существованіи организма, они имѣетъ значеніе только по отношенію къ первичной формулѣ группы, къ которой организмъ принадлежитъ. Присутствіе ихъ имѣетъ цѣлью не исполненіе функціи, но сохраненіе единства и опредѣленности плана. Они подобны тѣмъ украшеніямъ, которыя архитекторъ располагаетъ на внѣшней сторонѣ стѣнъ дома ради симметріи и гармоніи, но безъ всякой практической цѣли» (l. c., 12). «Не доказываетъ ли открытое докторомъ Вайманомъ существованіе зачаточныхъ глазъ у слѣпой рыбы, что животное это, подобно другимъ, было создано всемогущимъ *fiat* со всѣми своими особенностями, и что этотъ *зачатокъ глаза былъ оставленъ ему, какъ воспоминаніе объ общемъ планѣ строенія группы, къ которой эта рыба принадлежитъ*»? Было время, когда окаменѣлости считались то неудачными пробами творенія, то моделями, которыя Творецъ приготовлялъ изъ гипса и глины, чтобы построить

потомъ по нимъ представителей органическаго міра. Агассицъ, оказавшій столь много и столь важныхъ услугъ палеонтологіи, конечно, только посмѣялся бы надъ подобными толкованіями. Но его философія не далеко отъ нихъ ушла. Говоря о рудиментарныхъ органахъ, Дарвинъ замѣчаетъ: «Въ естественно-историческихъ сочиненіяхъ обыкновенно говорится, что эти органы созданы «для симметріи», или «для пополненія природнаго плана»; но это, мнѣ кажется, не объясненіе, а лишь иное выраженіе того же факта. Удовольствовались ли бы мы положеніемъ, что такъ-какъ планеты описываютъ эллипсисы вокругъ солнца, ихъ спутники описываютъ вокругъ нихъ такую же кривую, ради симметріи и для пополненія плана природы»? (l. c., 358). И въ другомъ мѣстѣ: «Хотя я вполнѣ убѣжденъ въ справедливости воззрѣній, изложенныхъ въ этой книгѣ въ видѣ извлеченія, я нисколько не надѣюсь убѣдить опытныхъ естествоиспытателей, которыхъ память наполнена множествомъ фактовъ, разсматриваемыхъ ими въ теченіе долгихъ лѣтъ съ точки зрѣнія, прямо противоположной моей. Такъ легко прикрывать наше незнаніе такими выраженіями, какъ «планъ творенія», «единство плана» и т. п., и воображать, что мы даемъ объясненіе, когда только выражаемъ самый фактъ» (380).

Да не посѣтуетъ на насъ читатель за то, что мы въ настоящей статьѣ не касались спеціально-соціологическихъ вопросовъ. Мы выговорили себѣ право дѣлать отступленія, которыя намъ пригодятся впослѣдствіи.

Ник. Михайловскій.

P. S. Въ февральской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» напечатана статья о моей теоріи прогресса. Мой почтенный и слишкомъ снисходительный критикъ говоритъ, между прочимъ, о томъ, что ему было бы крайне больно, еслибы я увидѣлъ въ его замѣчаніяхъ что̀ либо для себя враждебное. Мнѣ же больно только это предположеніе почтеннаго автора, ибо столь добросовѣстное и сочувственное отношеніе критики выпадаетъ немногимъ на долю. Скажу болѣе: зная центръ тяжести умственныхъ интересовъ моего критика, я могъ разсчитывать, что мои, далеко неудовлетворительныя работы — говорю это совершенно искренно и не смотрясь въ зеркало—обратятъ на себя его вниманіе; но я ждалъ и желалъ критики гораздо болѣе строгой, и даже придирчивой, въ смыслѣ полноты и многосторонности. При первомъ удобномъ случаѣ, который, я надѣюсь, представится скоро, я постараюсь взвѣсить сдѣланныя мнѣ возраженія со всѣмъ вниманіемъ, какого они заслуживаютъ, и на какое я только способенъ, и критикъ мой не встрѣтитъ во мнѣ самозащиты quand-même. Однако, мнѣ теперь же хотѣлось бы устранить одну ошибку относительно моей теоріи, въ которой, по всей вѣроятности, почтенный авторъ неповиненъ, но которая, будучи способна придать теоріи нѣ-

сколько комическій характеръ, раздѣляется, какъ я имѣю основаніе думать, многими. Желаю ли я внезапнаго исчезновенія государственныхъ, экономическихъ, промышленныхъ, научныхъ спеціализацій и внезапной смѣны общественнаго порядка, построеннаго на принципѣ раздѣленія труда, порядкомъ простаго сотрудничества? Ни желаю, ни не желаю; я просто отношусь къ этой мысли, какъ къ невозможности, которая отнюдь въ мою формулу не входитъ. Вопросъ о томъ, какимъ образомъ предлагаемая мною формула должна быть осуществлена на практикѣ, принадлежитъ области искусства, и долженъ рѣшаться сообразно тѣмъ эмпирическимъ условіямъ, среди которыхъ насъ застаетъ исторія. Напримѣръ, система такъ-называемой свободной торговли есть въ сущности такое примѣненіе принципа международнаго раздѣленія труда, при которомъ на долю однихъ народовъ выпадаетъ производство сырья, а другихъ—его обработка. Итакъ, я долженъ бы быть протекціонистомъ, и работать на пользу высокихъ тарифовъ. Однако, такое огражденіе отечественной промышленности можетъ повести къ усугубленію промышленныхъ спеціализацій внутри покровительствуемаго общества, и, собственно говоря, желательно было бы только въ томъ случаѣ, еслибы производитель и потребитель, капиталъ и трудъ совпадали въ одной личности, или еслибы, по крайней-мѣрѣ, трудъ поставленъ былъ въ возможность бороться съ концентрированными капиталами. Существованіе отдѣльности власти судебной и административной есть также осуществленіе принципа раздѣленія труда, но, смѣю думать, меня никто не заподозритъ въ желаніи слить судъ и администрацію воедино. И это отнюдь не отступленіе отъ моей формулы, ибо результатомъ интеграціи суда и администраціи было бы укрѣпленіе общественныхъ диффенцированій, не упрощеніе, а усложненіе формулы общества и не усложненіе, а упрощеніе формулы его индивидуальныхъ членовъ. Докторъ Бѣлоголовый напомнилъ недавно профессору Полунину законъ раздѣленія труда по тому поводу, что означенный профессоръ пожелалъ совмѣстить въ себѣ дѣятельности при настоящемъ уровнѣ науки и состояніи общества несовмѣстныя. Г. Бѣлоголовый былъ совершенно правъ, правъ съ моей точки зрѣнія, ибо формула моя требуетъ не внезапнаго исчезновенія спеціализацій, а вліянія на условія, порождающія эти спеціализаціи, т.-е., въ настоящемъ случаѣ, съ одной стороны, такой систематизаціи фактовъ науки, которая доводила бы до minimum'а необходимость въ ней раздѣленія труда, разумѣется, безъ ущерба для самой науки; а вовторыхъ, такого воздѣйствія на жизнь, которое устраняло бы по возможности самую надобность въ медицинѣ; а это воздѣйствіе опять-таки въ концѣ концовъ сводится къ моей формулѣ. Я нисколько не сомнѣваюсь, что мой критикъ имѣлъ въ виду это практическое усложненіе дѣла. Но нѣкоторыя замѣчанія его могутъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Такъ онъ говоритъ, напримѣръ,

о рѣдкости случаевъ примѣненія простого сотрудничества, о томъ, что «самые передовые люди должны вступать въ сложную, а не въ простую кооперацію», предлагаетъ мнѣ подумать о томъ, что̀ бы произошло при немедленномъ исчезновеніи научныхъ спеціализацій и превращенія «науки для науки» въ «науку для человѣка». Я буду имѣть случай, повѣряя свою формулу теоріею Дарвина, возвратиться къ относительному значенію обѣихъ половинъ моей формулы (я продолжаю думать, что это собственно не двѣ, эклектически соединенныя половины, но только двѣ стороны одной и той же формулы), а равно и къ степени ея приложимости къ болѣе или менѣе удаленной отъ насъ исторіи. Позволяю себѣ однако теперь же выразить сомнѣніе въ справедливости мнѣнія автора, будто только въ неопредѣленномъ будущемъ законъ возможно-меньшаго раздѣленія труда между членами общества можетъ стать «довольно полною формулою общественной задачи»; будто «прогрессъ относительно вопроса о правильномъ раздѣленіи труда между людьми еще такъ малъ, что для настоящаго приходится его поставить въ далекія desiderata»; будто нельзя считать возможнымъ «при настоящемъ состояніи соціологіи концентрировать ея задачи на этотъ пунктъ, который требуетъ еще значительной подготовки». Мнѣніе это и всѣ сопряженныя съ нимъ возраженія автора были бы справедливы только въ такомъ случаѣ, еслибы мною не принимались въ соображеніе вышеупомянутыя практическія усложненія. Но они не только принимаются мною въ соображеніе, но критеріемъ въ дѣлѣ практическаго осуществленія прогресса признается мною опять-таки та же формула цѣлостности недѣлимыхъ, возможно бо̀льшаго дифференцированія членовъ общества и возможно меньшаго дифференцированія самаго общества. Если извѣстная, установленная исторіею спеціализація можетъ служить залогомъ прогресса, то только потому, что ею предотвращаются болѣе вредныя и основныя спеціализаціи. Быть можетъ, я и погрѣшилъ какъ нибудь въ своихъ статьяхъ на этомъ пунктѣ, но я не думаю, чтобы прегрѣшеніе это могло быть основательно распространено на всю теорію. Такъ-какъ, правильно понятая, теорія эта требуетъ не непосредственнаго разрушенія раздѣленія труда, а разрушенія условій, его порождающихъ, то я, въ противность мнѣнію автора, убѣжденъ, что моя постановка вопроса отнюдь не преждевременна, что соціологія обязана устремить свои силы на разработку именно этого пункта, тѣмъ болѣе, что цеховая наука рѣшаетъ его до послѣдней степени неудовлетворительно. Въ числѣ условій, ослабляющихъ интенсивность общественныхъ дифференцированій, развитіе критической мысли, безъ сомнѣнія, занимаетъ очень видное мѣсто. Но я думаю, что авторъ преувеличиваетъ значеніе научныхъ спеціализацій, какъ разсадниковъ критической мысли. Кто возстаетъ противъ теоріи Дарвина, представляющей такой высокій примѣръ объеди-

ненія философіи и науки, синтезирующей мысли и анализирующаго опыта? Кто эти Кефернштейны, отрицающіе теорію Дарвина, потому, что она ниспровергаетъ «вѣками и поколѣніями сложенныя убѣжденія»? и кто, какъ Мессію, встрѣчаетъ Агассица, это замѣчательное порожденіе эксцентризма, этого спеціалиста-метафизика, потому что онъ отгоняетъ критическую мысль отъ вѣковыхъ заблужденій? Гизо такъ говоритъ о поучительныхъ для насъ явленіяхъ XII вѣка: «Въ это же самое время происходило движеніе другого рода, совершалось освобожденіе городскихъ общинъ. Странная непослѣдовательность невѣжественныхъ и грубыхъ нравовъ! Еслибы горожане, такъ страстно стремившіеся завоевать себѣ свободу, узнали, что есть люди, домогающіеся признанія правъ человѣческаго разума, права анализа, люди, которыхъ церковь признаетъ еретиками, то эти люди тутъ же были бы сожжены или побиты камнями. Абеляръ и его приверженцы не разъ подвергались такой опасности. Съ другой стороны, писатели, боровшіеся за право человѣческаго разума, говорили объ усиліяхъ освободившихся гражданъ, какъ о гнусномъ безпорядкѣ, какъ о разрушеніи общества. Философское и общинное движеніе, освобожденіе политическое и освобожденіе умственное были въ открытой враждѣ между собой. Нужны были цѣлые вѣка, чтобы примирить эти двѣ великія силы, чтобы заставить ихъ убѣдиться въ общности своихъ интересовъ. Въ XII вѣкѣ у нихъ не было ничего общаго» («Исторія цивилизаціи въ Европѣ», 173). Между положеніемъ Европы въ періодъ ломки средневѣковаго порядка и теперешнимъ ея положеніемъ есть большое сходство. Какъ тогда поземельный феодализмъ былъ раздавленъ въ невольныхъ объятіяхъ городскихъ общинъ и королевской власти, такъ и теперь феодализму промышленному предстоитъ быть задушеннымъ въ, надлежитъ надѣяться, вольныхъ объятіяхъ верховной власти и рабочихъ классовъ. Если въ XII вѣкѣ, вслѣдствіе оригинальности средневѣковаго строя, наука и философія были отвлечены на борьбу съ церковью и разошлись съ общественнымъ движеніемъ — что̀, во всякомъ случаѣ, представляетъ явленіе печальное — то какова будетъ въ современномъ движеніи роль науки, науки, въ лицѣ наилучшихъ своихъ представителей, отождествляющей принципъ экономическаго раздѣленія труда съ принципомъ нормальнаго физіологическаго развитія? Если самая обособленность средневѣковыхъ, такъ-называемыхъ свободныхъ мыслителей была не безполезна, ибо ослабила авторитетъ духовенства и такимъ образомъ участвовала въ подготовленіи почвы для свободнаго развитія послѣдующихъ поколѣній, то современныя научныя спеціализаціи не могутъ имѣть и этой заслуги. Ихъ положеніе совершенно иное, ихъ положеніе обязываетъ ихъ не развивать привычку къ критической мысли, а, напротивъ, становиться ей поперегъ дороги.

НОВЫЯ КНИГИ.

Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 году. *(Воспоминанія и разсказы очевидцевъ). Спб. 1870 г.*

Въ 1820 году, по повелѣнію императора Александра I и при непосредственномъ участіи графа Аракчеева — на западной и южной границахъ Россіи, были учреждены военныя поселенія, цѣлью которыхъ, по собственнымъ словамъ императора, было — «осушить народныя слезы, которыя рѣками льются по всей Россіи при каждомъ рекрутскомъ наборѣ». А черезъ одиннадцать лѣтъ по учрежденіи, въ поселеніяхъ вспыхнулъ бунтъ, окончившійся «безчеловѣчнымъ умерщвленіемъ поселянами своихъ начальниковъ и потомъ жестокимъ истязаніемъ убійцъ». Кровавый эпизодъ этотъ, какъ нельзя лучше рисуетъ непросвѣтную темноту народныхъ массъ, попадающихся въ бѣду, какъ «куръ во щи» и остающихся, въ концѣ концовъ, всегда и во всемъ виноватыми, съ вѣковѣчной репутаціей дикаго звѣря. Указанная нами въ заглавіи книга почти вся наполнена фактами, подтверждающими это мнѣніе, и къ сожалѣнію, очень мало содержитъ свѣдѣній о положеніи поселянъ въ теченіе одиннадцати лѣтъ со дня учрежденія поселеній, до холернаго 1831 года. Если принять въ разсчетъ всю трудность положенія тогдашняго крестьянина, то недовольство поселенцевъ можетъ быть отчасти понятнымъ, когда мы представимъ себѣ, что въ военныхъ поселеніяхъ къ трудамъ крестьянина прибавились всѣ тягости и обязанности тогдашняго солдата. Поселенецъ долженъ былъ пахать, косить, работать въ мастерскихъ, и въ то же время ходить на караулы, на ученья, на разводы. Всѣ семейства поселянъ, какъ бы ни были они разнообразны по количеству своихъ членовъ, должны были жить въ домахъ одинаковыхъ размѣровъ, соблюдать чистоту, и казаться одинаково зажиточными, хотя земля была не одинаково плодородна, а отъ казны не выдавалось никакого пособія для удобренія безплодныхъ участковъ. Примиреніе всѣхъ этихъ невозможностей съ самаго начала возбудило въ поселянахъ недовольство (Записки), но невозможное дѣло, несмотря на это, все-таки дѣлалось. «Мы — разсказывается въ запискахъ Панаева (на 67 стр.)—

работали много прилежно; тратили матеріалы; изнуряли людей». «Главное правило было, что всѣ средства хороши, лишь бы сдѣлано было, что приказало начальство». «При десятой доли умирающихъ между работавшими батальонами, смертность не считалась большою; когда умирала восьмая доля, тогда только производились слѣдствія, начальники были отдаваемы подъ судъ, но суды оканчивались всегда почти ничѣмъ—или вмѣненіемъ бытности подъ судомъ въ наказаніе, *или наложеніемъ взысканія на людей, собственности не имѣющихъ*». Ревизоры, спеціально разъѣзжавшіе для попеченія о нуждахъ поселенцевъ, постоянно спрашивали ихъ: «не заставляютъ ли ихъ работать въ праздники? Не изнурительны ли для нихъ работы?» Но «ежели начальника хотѣли удержать, то и, по справедливой жалобѣ, отдавали претендующихъ подъ судъ» (Пан., стр. 68). «Высшее начальство всегда старалось выставить себя защитниками солдатъ», и въ то же время «секретно приказывало не баловать ихъ: задавать уроки больше, высылать на работу и въ праздники, а ежели *спросятъ:* отчего люди въ праздникъ выведены на работу?» отвѣчать: «это лѣнивцы, невыдѣлавшіе своихъ уроковъ» (тамъ же, стр. 68). Все это очевидно совершалось подъ какимъ-то тягостнѣйшимъ давленіемъ, повидимому сдѣлавшимся цѣлію, и неимѣвшимъ никакого разумнаго побужденія. И, несмотря на весь ужасъ положенія поселенцевъ, рисующійся и въ этихъ краткихъ свѣдѣніяхъ, найденныхъ нами въ изданномъ сборникѣ — поселенцы не высказывали никакого сопротивленія въ теченіе одиннадцати лѣтъ; наканунѣ кровавыхъ дней они «спокойно занимались своими работами... дѣятельность и быстрота внутреннихъ распоряженій — были вполнѣ совершенны» (стр. 1). Во всей книгѣ, мы отыскали только одно мѣсто, гдѣ понятное недовольство между начальствомъ и подчиненными выразилось сколько нибудь опредѣленно, устами одного пожилаго поселянина, сказавшаго Панаеву: «намъ нужно, чтобы вашего дворянскаго козьяго племени не было». Въ остальной массѣ, доведенной повидимому до горячечнаго состоянія, пониманіе событій было совершенно затемнено крайнею забитостію, съ страшными жертвами колесившею по непроходимымъ дебрямъ тьмы. Еще зимою 1830 года, народъ съ ужасомъ смотрѣлъ на необыкновенныя сѣверныя сіянія, продолжавшіяся часа по три; припоминалъ комету 1811 года, — ждалъ послѣднихъ временъ; на подмогу этой темнотѣ, — лѣтомъ 1831 года, начинается падежъ скота, повсюдные пожары лѣсовъ, луговъ, цѣлыхъ полей съ хлѣбомъ, дымъ наполняетъ воздухъ, и затмѣваетъ солнце и главное — повсюду свирѣпствуетъ холера. Мѣры предосторожности, принимаемыя начальствомъ, обставляются такими аттрибутами, которые не возбуждаютъ довѣрія: карантинныя окуриванія очень часто оканчивались смертію окуриваемыхъ; «знаемъ, какая это окурка! толковалъ народъ. Она насквозь прожигаетъ! а по

нашему это называется — мышьякъ!» Окуриваемаго, останавливая предъ карантиномъ, привязывали къ длинному шесту и потомъ перекидывали его во внутренность карантиннаго двора; это тоже скорѣе походило на мученіе и истязаніе, нежели на дѣло, полезное для народа. Народъ — извощики, шедшіе изъ Петербурга съ обозами, солдаты, возвращенные съ дороги въ Петербургъ, — приносилъ вѣсти объ отравѣ, умышленно затѣянной господами противъ народа; разнесся слухъ, что для покупки отравы прислано изъ Польши 5 милліоновъ рублей; что нѣкоторые господа, проникнутые этимъ умысломъ, — стрѣляли на Исакіевскомъ мосту въ государя; отравителей видали во всѣхъ городахъ, селахъ и даже на поляхъ: они сыпали ядъ въ колодцы, въ рѣки, съ ядомъ ходили по ржи, мазали ее и отравляли также колодцы. Такимъ образомъ, всѣ дѣйствительныя народныя страданія, благодаря темному, доведенному до высшей степени раздраженія, воображенію, — потонули въ какой-то нелѣпой фантазіи *«о подпискѣ на холеру»*, въ которой принимали участіе господа,— и въ томъ числѣ, разумѣется, начальство военныхъ поселеній. Для успокоенія народа, начальство поселеній распорядилось отслужить молебенъ съ крестнымъ ходомъ съ церемоніей и церковнымъ парадомъ, выписавъ въ то же время изъ Новгорода резервную роту солдатъ и размѣстивъ ее по крестьянскимъ гумнамъ. Солдаты, явившіеся изъ города, оказались вполнѣ солидарными съ своими собратіями-поселянами относительно «подписки на холеру» и даже пополняли собственными свѣдѣніями справедливость ея существованія. Несмотря на это, крайне раздраженный народъ не выходилъ изъ повиновенія, ибо подписка на холеру основывалась только на слухахъ и толкахъ; отсутствіе факта, который бы во очію убѣдилъ ихъ въ справедливости этихъ толковъ, — связывало ихъ; но фактъ этотъ скоро представился. 17-го іюля 1831 г., по дорогѣ, проходившей мимо военныхъ поселеній Новгородской губерніи, шелъ шоссейный солдатъ, посланный своимъ докторомъ въ сосѣднюю казарму для доставленія туда хлористой извести и сѣрной кислоты. На пути ему попалась дѣвка, его любовница, которую онъ незадолго предъ тѣмъ прогналъ изъ своей казармы; дѣвка просила ее взять опять, такъ-какъ идти ей некуда: по какой дорогѣ она ни шла, вездѣ ее встрѣчали карантины и прогоняли назадъ; но солдатъ ударилъ дѣвку и сказалъ ей, что сію минуту отравитъ ее, если она не уйдетъ; «взявъ хлористой извести, положилъ на камень и налилъ кислоты, — известь закипѣла, повалилъ дымъ, а дѣвка закричала: «караулъ! Травятъ!» На крикъ этотъ сбѣжались военные поселяне, косившіе въ сосѣднемъ оврагѣ траву; увидали дымъ, выходившій изъ камня; узнали отъ дѣвки, что ее хотѣли отравить, что въ пузырькѣ ядъ, что «яду этого еще много лежитъ у шоссейныхъ въ сундукахъ» (стр. 130) — и фактъ отравы засвидѣтельствованъ какъ нельзя лучше. Не медля ни минуты, съ энергіею людей, по со-

вѣсти считающихъ необходимымъ искоренить зло, — они бросились разыскивать людей — «подписывавшихся на холеру». Напрасно начальство, одиннадцать лѣтъ *«изнурявшее людей»*, и заботившееся о томъ, что «не заставляютъ ли ихъ работать въ праздникъ», — навалило на себя заботу разъяснить безумцамъ, что это не ядъ, а хлорная известь, что она не во вредъ, а на пользу, — но убѣжденный въ правотѣ своей народъ ничему не вѣрилъ и «съ неистовымъ видомъ» говорилъ: «знаемъ мы, какая это окурка!» Докторъ Богоявленскій, — посылавшій солдата съ хлорною известью, — случайно пріѣхавшій во 2-ю роту взбунтовавшагося полка, былъ встрѣченъ криками: «вотъ она сама холера пріѣхала!», тотчасъ же его вытащили изъ повозки, утащили въ ригу, и колотя его чѣмъ ни попадя, кричали: «Говори, гдѣ у тебя ядъ? Намъ извѣстно, что всѣ начальники, недавно сдѣлали подписку отравить насъ, — говори кто подписался?» Избитый Богоявленскій, подъ вліяніемъ страха, объявилъ, что подписка дѣйствительно была, и написалъ имена лицъ, подписавшихся на холеру. «Болѣе ничего не нужно!» закричали поселяне и бросили Богоявленскаго; черезъ нѣсколько минутъ онъ умеръ. Этими фактами — отравленіемъ дѣвки и свидѣтельствомъ Богоявленскаго подозрѣнія поселянъ оправдались вполнѣ; за нѣсколько дней передъ этимъ подполковникъ Бутовичъ собиралъ къ себѣ на совѣтъ всѣхъ начальниковъ поселеній; теперь было ясно, что начальники собирались къ нему для подписки, — и поэтому вслѣдъ за Богоявленскимъ началось избіеніе начальства. Резервная рота, несмотря на команду Бутовича — стрѣлять въ бунтовщиковъ, — присоединилась къ нимъ же, и Бутовичъ былъ убитъ поселяниномъ Семеновымъ, который, подойдя къ нему, сказалъ: «—Здравія желаю ваше высокоблагородіе! Желаете ли умереть съ покаяніемъ?» и ударилъ его по головѣ, сорвалъ эполеты и закричалъ «берите его! Онъ насъ бы всѣхъ уморилъ, вѣдь отъ него у насъ и холера». Бутовичъ былъ отведенъ въ ригу и убитъ. Въ короткое время, — рига наполнилась трупами начальниковъ и представляла ужасную картину... «у подполковника Бутовича было выломано два ребра... У ногъ его лежалъ убитый штабъ-лекарь, подлѣ него ротный командиръ Забѣлинъ; онъ былъ еще живъ, но безъ всякаго сознанія вращалъ глазами; по другую сторону лежалъ Поповъ ничкомъ, и обнаруживалъ жизнь хрипѣніемъ ..» (стр. 80). Слухъ объ этой расправѣ 2-й роты съ быстротою молніи распространился по сосѣднимъ ротамъ, и повсюду начали хватать начальниковъ и тащили ихъ на расправу во 2-ю роту; нѣкоторыхъ поселяне выхватывали изъ экипажей и плашмя ударяли о землю, другихъ тащили на веревкѣ, обвязавъ ее за шею. Все это совершалось съ криками: «что на нихъ смотрѣть! Бей всѣхъ за одно!» «Бейте до смерти! Я одинъ за все буду отвѣчать!» кричалъ поселянинъ Макаровъ. Бойня происходила ужасная. Спаслись тѣ, кто успѣлъ спрятаться, или тѣ, кто не попалъ въ

списокъ подписавшихся на холеру, сдѣланный Богоявленскимъ, ибо преслѣдуя свою цѣль, — отысканіе этихъ подписчиковъ, поселяне, какъ ни звѣрски были ихъ поступки, дѣйствовали необыкновенно послѣдовательно, полагая, что Государь будетъ имъ благодаренъ за искорененіе зла. Въ такую-то критическую минуту, угрожавшую погибелью всѣмъ начальствующимъ лицамъ, — на шумную площадь 2-й роты случайно является инженеръ - подполковникъ Панаевъ, игравшій въ усмиреніи поселянъ едва-ли не самую главную роль. Не будучи прямымъ начальникомъ поселянъ, — какъ инженеръ, Панаевъ считался поселянами лучшимъ изъ нихъ, по тому уже обстоятельству, что кончалъ работы на постройкахъ въ 4 часа послѣ обѣда, начиная ихъ разумѣется спозаранку. Несмотря на крики поселянъ, совѣтовавшихъ и его тащить въ ригу, — Панаевъ сразу понялъ, что онъ имѣетъ дѣло съ народомъ темнымъ, ничего невидящимъ кромѣ своей «подписки на холеру», — и сталъ дѣйствовать съ бунтовщиками, какъ съ дѣтьми, которыхъ высѣчь можно во всякое время. Не толкуя о томъ, что все это не болѣе какъ «хлорная известь» и т. д., и не приказывая стрѣлять, — онъ сталъ говорить, что «ежели начальники ихъ такіе изверги, что имѣли дерзновеніе идти противъ государя и отравлять подчиненныхъ, то намъ самимъ даже не слѣдуетъ марать и рукъ своихъ въ крови ихъ, на то есть палачъ, котораго пришлетъ государь казнить по дѣламъ ихъ» (стр. 78). Вмѣстѣ съ тѣмъ Панаевъ просилъ выдать ему виновныхъ живыми, чтобы сохранить ихъ для допроса. «—А что, ребята, заговорила толпа, вѣдь онъ говоритъ дѣло?» Когда раздалось нѣсколько недовѣрчивыхъ голосовъ, Панаевъ сказалъ: «Ребята! Кто вѣренъ государю — кричите ура!» Толпа закричала ура, а Панаевъ вынулъ записную книжку и сталъ вносить имена кричавшихъ ура, говоря: «Я такъ и донесу государю, что мы вѣрны ему!» (стр. 79). Благодаря этому маневру, поселяне выбрали его начальникомъ, такъ-какъ безъ начальства быть нельзя. Спустя нѣсколько времени по избраніи, Панаевъ, за какую-то провинность поселянъ, приказалъ наказать нѣкоторыхъ изъ нихъ палками по 25 ударовъ, и когда тѣ стали роптать, говоря, что они же его выбрали, и онъ же ихъ бьетъ, — то другіе и главнымъ образомъ депутаты, говорили: «на то начальникъ, чтобы за нами смотрѣлъ; безъ начальника быть нельзя; вотъ и у забора есть столбы, какъ бы ты закрѣпилъ заборъ безъ нихъ?» «Я увидалъ, говоритъ Панаевъ, что народомъ управлять можно!» (стр. 96). И дѣйствительно управленіе его можно считать образцовымъ, относительно умѣнья попадать въ самыя слабыя точки народнаго пониманія. Въ самомъ разгарѣ волненія, когда на него наступаетъ цѣлый батальонъ, держа штыки на руку, — онъ кричитъ: стой! и приказываетъ кричать ура! Батальонъ это исполняетъ, такъ-какъ ура къ холерѣ не относится; затѣмъ онъ приказываетъ *съ церемоніею* отнести знамя, въ его

квартиру, становитъ бунтовщиковъ на караулы охранять виноватыхъ начальниковъ, которые поэтому остаются живы, требуетъ команду для охраненія полковаго ящика, обѣщая по окончаніи всего дѣла раздать полученные отъ поляковъ на холеру, 5-ть милліоновъ, — всѣмъ поровну сколько придется на брата, и посылаетъ депутатовъ изъ поселянъ, вмѣстѣ съ дѣвкой и съ спискомъ лекаря Богоявленскаго въ Петербургъ, чтобы они объяснили государю свои дѣла. Попавъ на точку дѣтскаго развитія бунтовщиковъ, Панаеву не стоило никакого труда уничтожать волненія поселянъ, продолжавшіяся и послѣ избранія его начальникомъ. Такъ напримѣръ, когда поселяне перехватили его донесенія, посланныя имъ въ Новгородъ къ генералу Эйлеру съ просьбою о присылкѣ военной силы, и приступили къ нему, вооружившись ружьями и алебардами съ крикомъ, что ихъ обманываютъ, просятъ помощи противъ нихъ, — то Панаевъ сначала окрикнулъ ихъ. — «Такъ ли слѣдуетъ пріѣзжать къ начальнику?» А потомъ повернулъ дѣло на то, что они не солдаты, а мужики, что они не знаютъ воинскаго устава, который приказываетъ начальникамъ посылать рапорты , но что они этого ничего не понимаютъ...» Слова «рапортъ», «воинскій уставъ» отуманили народъ, а когда старый солдатъ съ анненскимъ крестомъ на вопросъ Панаева: «Не правда ли, старина, что начальникъ всегда получаетъ рапорты и честь ему отдается?» — подтвердилъ это, — то поселяне стали извиняться передъ нимъ, говоря, что они этого не знали (стр. 93).

Другой случай. Поселяне явились къ Панаеву съ предложеніемъ, не прикажетъ ли онъ взорвать штабъ, ибо они нашли 300 бочекъ пороху, множество патроновъ и ружей. Панаевъ имъ отвѣчалъ, что лучше порохъ этотъ отправить въ Новгородъ, что «намъ его не надо!» Совѣтъ былъ принятъ, порохъ отправленъ, но люди, которые его отвозили — остались или были оставлены въ городѣ. Поселяне, подумавъ, что Панаевъ выдалъ ихъ товарищей, приступили къ нему съ угрозами, но Панаевъ вынесъ къ нимъ знамя и вмѣсто всякихъ отвѣтовъ, обѣщалъ его сжечь, если они посмѣютъ что нибудь сдѣлать. Поселяне притихли, а на другой день Панаевъ устроилъ парадъ и церемонію перенесенія грамоты на владѣніе землями, высочайше дарованной полку, — изъ главнаго штаба въ его квартиру... «Грамоту вынесъ штабсъ-капитанъ и отдалъ унтеръ-офицеру и двумъ депутатамъ, ассистентамъ со стороны поселянъ. Взводъ отдалъ честь съ пробитіемъ похода и процессія отправилась ко мнѣ на квартиру. Два караула, по дорогѣ бывшіе, отдали честь съ пробитіемъ похода. На крыльцѣ моего дома, я, въ сопровожденіи офицеровъ, явившихся въ мундирахъ и шарфахъ, встрѣтилъ грамоту, и взводъ опять отдалъ честь съ пробитіемъ похода. Грамоту унтеръ-офицеръ съ двумя ассистентами внесли въ комнату и положили на прикрытый столъ подъ знаменемъ» (стр. 95). Столь же торжест-

венно былъ вынесенъ полковой ящикъ и поставленъ у крыльца, а къ ящику поставленъ часовой...

Третій случай. Для постепеннаго приведенія поселянъ къ порядку, на 3-й день своего управленія ими, Панаевъ устроилъ торжественную обѣдню, съ молебномъ, водоосвященіемъ и молитвою отъ холеры. Зная притомъ, что поселяне очень хотятъ быть въ Новгородѣ, онъ думалъ ихъ покорить сразу выдачею отпускныхъ билетовъ, съ тѣмъ, чтобы они предварительно дали подписку о повиновеніи властямъ; но крестьяне стали роптать, говоря, что онъ хочетъ ихъ предать городскому начальству, которое и такъ задержало 6 человѣкъ, отвозившихъ порохъ. Тогда Панаевъ снялъ съ себя шпагу, шарфъ и эполеты, и объявилъ, что онъ начальникомъ ихъ не будетъ и пусть они дѣлаютъ, что хотятъ... Поселяне присмирѣли...

Мало по малу, отъ убійствъ и уродованій начальниковъ, вниманіе поселянъ было отвлечено къ знамени, къ полковому ящику, къ грамотѣ. Церемоніи и торжественныя перенесенія сбили ихъ съ кровавой дороги. Неизвѣстно, почему они стали бояться — «нуко сожгутъ знамя?» Стали подумывать о томъ, что хорошо-бы его перенести на гауптвахту, и въ отсутствіе Панаева дѣйствительно перенесли его, а послѣ отказа Панаева отъ начальства, — приходили взять сундукъ и грамоту... Панаевъ «нарочно» надѣлъ халатъ, вышелъ къ нимъ уже не какъ начальникъ, а какъ житель, и сказалъ, что конечно лучше взять эту государеву собственность, нежели оставлять безъ часовыхъ и подвергать расхищенію, ибо «я ночью буду спать, какъ уже не начальникъ вашъ... и ежели боже избави случится пожаръ, то грамота должна сгорѣть, ибо, сложивъ начальство, я не осмѣлюсь коснуться оной...» (стр. 109). Поселяне поглядѣли на грамоту, но не тронули; пошли къ ящику, хотѣли тащить, но оставили и пошли въ штабъ...» (Ibid). Изъ этого видно, что бунтовщики сбились съ толку. Нѣсколько разъ они пробовали приступить къ Панаеву съ разными вопросами, — но тотъ отвѣчалъ, что онъ уже не начальникъ, что листовъ они подписывать не хотѣли и что вообще пусть пѣняютъ на себя. Поселяне уходили въ раздумьѣ, — безъ начальства дѣла ихъ разстроились и, наконецъ, они рѣшились выбрать своего начальника, и избрали одного,—но другіе воспротивились, говоря, что «лапотника мужика слушать не будутъ... и хотятъ, чтобы выбрали кого нибудь изъ служащихъ государю...» (стр. 110). «Началась драка, одни стояли за то, что у нихъ есть свои головы, которые умѣли говорить съ исправниками и губернаторами; другіе говорили, что лучше идти къ старымъ начальникамъ, и стали выбирать депутатовъ, чтобы послать къ Панаеву... Панаевъ вышелъ въ халатѣ и сказалъ, что они бунтовщики и что начальствовать онъ не хочетъ... Можно-ли въ такомъ положеніи принять команду? говорилъ онъ. Ежели вы этого желаете, то приходите съ аммуниціею, съ хлѣбомъ

на два дня, тогда я васъ возьму подъ свою команду, но съ условіемъ, что за всякое непослушаніе будетъ взыскано примѣрно... Подумайте, хорошо-ли, что ваше знамя стоитъ на гауптвахтѣ и денежный ящикъ безъ часоваго?..» (стр. 110). Но поселяне въ это время, повидимому, утратили способность понимать, что̀ имъ нужно. Стали выгонять арестантовъ, осадили камеру офицера, сидѣвшаго въ арестантской, но тотчасъ бросились бѣжать, когда офицеръ выхватилъ изъ кармана кусокъ желѣза отъ арестантской рѣшетки и замахнувшись имъ закричалъ: «подступись кто нибудь! Убью какъ собаку!» Называя его разбойникомъ, который хотѣлъ ихъ перестрѣлять, стали они разъѣжаться, а оставшіеся начали подумывать о томъ, что «неладно сдѣлали посадивъ маіора Кутузова за рѣшетку»... «Это не то, что простой офицеръ, за него отвѣтишь!» Пошли къ Кутузову, попросили прощенія... Словомъ, не знали, что дѣлать... Въ это время воротились депутаты, ѣздившіе къ государю, и привезли ободрительныя вѣсти; государь, будто бы, сказалъ имъ: «спасибо ребята, что вы за меня постояли... Поѣзжайте домой, я пришлю графа Орлова разобрать дѣло...» Нѣкоторые изъ депутатовъ впрочемъ говорили, что государь ихъ не похвалилъ... Большинство же было склонно думать, что дѣла идутъ ладно. Однако всѣ предшествовавшія событія до того спутали все въ ихъ головахъ, что когда пріѣхалъ графъ Орловъ и сказалъ, что они должны раскаяться, то они пали на колѣни и сказали: «Виноваты». Когда же графъ Орловъ, обошедшійся съ ними не особенно любезно, сказалъ, что «виновные отвѣтятъ по всей строгости законовъ»—то они почему-то стали думать, что дѣла ихъ кончились хорошо (стр. 49). «Вѣдь государь-то разсудилъ по нашему, говорили они, небось иному придется въ казаматѣ посидѣть, забудетъ и думать травить насъ!..» (ibid). Въ это время прятавшіеся начальники стали выходить наружу и говорили уже «тономъ начальника»:—«Время остановить вамъ сборища! Вы слышали, что если не усмиритесь, то всѣ погибните какъ черви!.. Въ противномъ случаѣ я имѣю мѣры усмирить васъ, чрезъ часъ придутъ два эскадрона гусаръ и васъ какъ свиней перевяжутъ...» А нѣсколько дней предъ этимъ, тотъ же начальникъ говорилъ съ поселянами такъ: «Кто вамъ сказалъ? (что изъ Петербурга идетъ артиллерія, и что всѣмъ поселянамъ придется положить животъ). Не можетъ этого быть! Государь навѣрно пощадитъ своихъ подданныхъ, притомъ вѣдь теперь здѣсь всѣ раскаялись,—а раскаяніе не только государь, но и Богъ прощаетъ»...

Разница большая; но теперь поселяне были уже не то, что четыре дня назадъ. Они уже чуяли, что имъ надо бояться. Начались страхи; еще на второй день бунта, какая-то старуха, выглянувъ ночью въ окно, увидѣла, что убитый Бутовичъ проѣхалъ въ своемъ кабріолетѣ, не разобравъ, что это проѣхалъ фельдшеръ. Слухъ объ этомъ распространился на другой же

день, и многіе приходили къ Панаеву просить кутьи, чтобъ отслужить панихиду. Панаевъ воспользовался этимъ, и когда потомъ на поселянъ напалъ суевѣрный страхъ, сталъ распространять слухи, что убитые офицеры многимъ являются по ночамъ, что «будто, проходилъ обозъ и извощики видѣли на кладбищѣ большой свѣтъ...». Почва для распространенія этихъ слуховъ была добрая; если среди разгара бунта поселянамъ ничего не стоило принять уланскаго трубача, ѣхавшаго черезъ поселеніе съ офицеромъ, — за татаръ, и броситься укладываться съ крикомъ «наступаютъ татары» то теперь, вѣсти о привидѣніяхъ распространились съ быстротою молніи. 23-го іюля поселяне сами пришли къ Панаеву и объявили, что имъ чудится свѣтъ надъ могилами убитыхъ, а другимъ дѣлаются представленія во снѣ, и просили отслужить панихиду (стр. 118). Панаевъ воспользовался этимъ, чтобы исполнить желаніе государя, переданное Орловымъ,—«довести поселянъ до желанія отслужить панихиду по убіеннымъ», и назначилъ совершеніе ея на 26-е число іюля. Изъ Новгорода пріѣхалъ архіерей Тимоѳей, и сказалъ песелянамъ рѣчь неутѣшительную: «души убіенныхъ дреколіемъ вашимъ вопіютъ къ небу!... Неужели наскучило вамъ трудиться и собственными руками пріобрѣтать себѣ благосостояніе?.. Какое чрезъ это утѣшеніе бываетъ? Самъ Господь сказалъ: въ потѣ лица твоего снѣди хлѣбъ твой, а вы возлюбили пуще праздность. Я, какъ архіерей, Богомъ поставленный, говорю вамъ, что при такомъ постыдномъ житіи не будетъ надъ вами благословенія, ни въ сей жизни, ни въ будущей!» (стр. 51).Народъ пріунылъ. «Пропала наша правда! Нѣтъ ее видно на землѣ! Орловъ-то видно насъ обманулъ!» 26-го же іюля прибылъ въ поселеніе императоръ Николай I-й; Панаева поцаловалъ, но медъ и круглые крендели (хлѣба и соли у нихъ не было, стр. 120) не принялъ, сказавъ «послѣ!» Отстоявъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, государь сказалъ поселянамъ: «какъ смѣли вы возстать противъ меня? вы убили вашихъ начальниковъ, Богомъ и мною поставленныхъ; это все равно, что вы подняли руку на меня?» (стр. 122). По запискамъ капитана Заикина, государь упрекнулъ ихъ въ «ослѣпленіи» (стр. 53). Обратясь затѣмъ къ георгіевскимъ кавалерамъ, государь сказалъ: «Васъ ли я вижу? И вы всѣ живы?»— «Слава Богу, ваше величество, Богъ помиловалъ!» Но государь сказалъ произнесшему эти слова: «—Молчи, не срами Бога! Вы, кавалеры, должны были всѣ лечь тутъ и не допускать истреблять вашихъ начальниковъ!» И обратясь къ Панаеву, прибавилъ: «а ты съ ними не шути,—и при первомъ ослушаніи выведи и тутъ же разстрѣляй па мѣстѣ!»—«А что, братцы, вдругъ послышалось въ толпѣ:—полно, государь ли это? Не изъ ихъ ли переряженцевъ?» «Услыхавъ это, говоритъ Панаевъ (стр. 123), я обмеръ отъ страха, государь прочелъ на лицѣ моемъ смущеніе, ибо послѣ того не настаивалъ о выдачѣ

виновныхъ, а отломилъ кусокъ кренделя и изволилъ скушать, сказавъ: «Ну, вотъ я ѣмъ вашъ хлѣбъ и соль... Конечно, я могу васъ простить, но какъ васъ проститъ Богъ?».

По отъѣздѣ государя, выписано было изъ Новгорода пять монаховъ, и началось говѣнье поселянъ; въ теченіе 2-хъ недѣль всѣ роты исполняли таинство покаянія и тѣ, кои чувствовали себя достойными, пріобщались св. тайнъ (стр. 125). 20-го числа бунтовщики были арестованы. «Исполняя приказаніе графа, говоритъ Панаевъ, я утромъ въ 5 часовъ взялъ, безъ всякаго сопротивленія со стороны военныхъ поселянъ, 160 человѣкъ, по предварительно составленному списку и, заковавъ въ кандалы по 10 человѣкъ на прутъ, отправилъ въ Новгородъ» (стр. 127).

Такъ кончились и разсѣялись недоумѣнія и фантазіи поселянъ.

Мы въ краткомъ очеркѣ изложили происшествія, случившіяся во 2-й поселенной ротѣ; въ книгѣ, по поводу которой мы говоримъ,—помимо сообщеннаго нами, читатель найдетъ множество подробностей о событіяхъ въ другихъ ротахъ, въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, совершенныхъ подъ вліяніемъ той же, глубокой народной забитости. Обѣщанное издателями обозрѣніе исторіи военныхъ поселеній могло бы быть полезнымъ относительно болѣе обстоятельнаго и простого разъясненія этого времени.

Раскольники и острожники, *очерки и разсказы. Сочин.* Ѳед. Вас. Ливанова *Томъ II, изданіе 1-е, съ портретомъ автора. Санктпетербургъ. 1870 г.*

Мы говорили въ свое время о первомъ томѣ книги г. Ливанова («От. Зап.» 1868 г. кн. V) и въ статьѣ нашей выяснили, какъ взглядъ нашъ на русскій расколъ и его исторію, такъ и на трудъ г. Ливанова, который, по изобилію матеріаловъ, преимущественно офиціальнаго происхожденія, считаемъ весьма важнымъ и интереснымъ, а по взглядамъ, выводамъ, тенденціямъ, пріемамъ и подвохамъ разрабатывателя этого матеріала — автора книги, весьма жалкимъ, противорѣчивымъ, обскурантнымъ и слабымъ. Почти точно то же высказала по поводу перваго тома книги г. Ливанова и вся остальная русская печать, за исключеніемъ, разумѣется, темныхъ органовъ старо-московскаго закала. Не такого мнѣнія о себѣ самомъ, какъ оказывается, самъ г. Ливановъ, помѣстившій въ началѣ второго тома шесть страницъ «Вмѣсто предисловія», на которыхъ усердно занимается, какъ восхваленіемъ и превозношеніемъ собственной своей личности, такъ и самою площадною бранью своихъ критиковъ и рецензентовъ, бранью такого разбора, какой не рѣшатся произносить даже порядочные извощики и напоминающею своею безцеремонностью развѣ только откровенныя «израженія» какой нибудь дѣвки-ѳедосѣевки. Первое, разумѣется, только смѣшно,

но второе не смѣшно ни на волосъ, но отвратительно до того, что собираясь привести нѣкоторые образчики, до чего можетъ доходить у насъ растрепанный цинизмъ различныхъ «просвѣтителей», врывающихся въ литературу и не признающихъ за собою обязательности литературныхъ приличій, мы должны предварительно просить извиненія у читателей, что вынуждены марать страницы нашего изданія нечистоплотными цитатами изъ книги г. Ливанова. Между тѣмъ оставлять безъ преслѣдованія и указанія такихъ грязныхъ и жалкихъ выходокъ, какія позволяетъ себѣ en gros нашъ раскологонитель, не въ правѣ ни одинъ сколько нибудь уважающій себя журналъ—во имя достоинства самой литературы, и безъ того уже не мало посрамленной у насъ за послѣднее десятилѣтіе. Еслибы дѣло шло только объ одномъ Ливановѣ, то, разумѣется, не ожидая возможности его переубѣжденія, мы о его безобразіяхъ упомянули бы только вскользь, предостерегли бы отъ него неопытную часть публики, а ему лично, въ его назиданіе, посовѣтовали бы купить, прочесть и постараться вникнуть въ извѣстное «Наставленіе о нѣкоторомъ словѣ». Но дѣло въ томъ, что г. Ливановъ, перемѣшивая свои израженія съ изслѣдованіями о расколѣ, явленіи, которымъ на Руси интересуется не мало людей, будетъ имѣть навѣрное значительный кругъ читателей различной степени образованія и, конечно, найдетъ не мало лицъ, которыя станутъ ему вѣрить на слово, заразятся его міазматическими воззрѣніями на русскую литературу и, пожалуй, примутъ его клеветы и инсинуаціи за чистую монету. Ради этого-то, преодолѣвъ невольное отвращеніе, мы скажемъ нѣсколько словъ о характерѣ «израженій» г. Ливанова...

Но прежде этого, укажемъ, до какихъ геркулесовскихъ столбовъ доходитъ и у г. Ливанова самомнѣніе. Это лучше всякихъ разсужденій освѣтитъ самую его личность и укажетъ, насколько къ его словамъ и мнѣніямъ вообще можно имѣть довѣрія.

Заявляя свое недовольство на бо̀льшую часть критикъ и рецензій на первую часть его книги, называя своихъ критиковъ и рецензентовъ «тараканами» и «выкидышами» (!!), а нѣкоторые изъ разборовъ «наглыми», г. Ливановъ высказываетъ мысль, что бо̀льшая часть русскихъ критиковъ могутъ труды его только «безсмысленно облаять, а не критиковать съ умомъ, честью и знаніемъ», такъ-какъ имъ для составленія ихъ «прочитана не одна сотня ученыхъ сочиненій, просмотрѣна не одна тысяча правительственныхъ дѣлъ, изъѣзжено три части Россіи и слушался полный курсъ *самыхъ высшихъ* (?!) наукъ о всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ, не только что о раскольникахъ русскихъ». Такимъ образомъ, забывая, что подобныя предварительныя работы, выставляя въ похвальномъ свѣтѣ его трудолюбіе, нисколько однакоже не гарантируютъ ни ума, ни знанія, ни таланта, ни совѣсти его, г. Ливановъ

полагаетъ, что обыкновенные смертные, даже съ хорошимъ образованіемъ, но не слушавшіе какихъ-то самыхъ высшихъ наукъ, которыхъ, разумѣется, даже и не существуетъ—не въ состояніи ни понять, ни оцѣнить той премудрости, которою онъ обогащаетъ литературу. Судить о расколѣ, по его мнѣнію, безъ знанія самыхъ высшихъ наукъ, такъ же трудно, какъ не зная химіи, разбирать химическія сочиненія. Очевидная натяжка подобнаго взгляда ясна для каждаго, но комическія претензіи г. Ливанова—этимъ не исчерпываются. Претендуя, подобно папѣ, на абсолютную непогрѣшимость и сдѣлавъ весьма игривое предположеніе, что всѣ критики необходимо должны быть неучами, онъ предсказываетъ, что всѣ, кто осмѣлится быть несогласнымъ съ его воззрѣніями, «разобьютъ свои лбы объ его книгу», которую онъ называетъ «крѣпкимъ камнемъ». Такимъ дѣйствительно вѣрнымъ названіемъ онъ какъ бы предупреждаетъ упреки тѣхъ, кто сталъ бы его уличать въ томъ, что онъ ближнимъ своимъ, алчущимъ познаній о расколѣ, предлагаетъ камень вмѣсто хлѣба. «Мы знаемъ, говоритъ онъ, *что и какъ пишемъ для Россіи* (подчеркнутыя слова напечатаны въ книгѣ крупнымъ и жирнымъ шрифтомъ), пребываемъ въ полной увѣренности въ полезности своей общественной дѣятельности *и не неучаемъ насъ учить, а мы будемъ учить неучей!..*» «Книги наши проживутъ *столѣтія*!» восклицаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, забывая то, какъ непрочны надежды человѣческія, и даже не догадываясь, что едва фактическій офиціальный матеріалъ, находящійся въ его произведеніяхъ, попадетъ въ руки какому нибудь дѣйствительно серьёзному разработывателю раскольничьяго вопроса, то его «Раскольники и Острожники» потеряютъ всякую, даже относительную цѣнность и погибнутъ скоропостижною смертью, и что это можетъ совершиться весьма скоро, на нашихъ глазахъ... такъ что столѣтія останутся не при чемъ... Но таково самомнѣніе г. Ливанова, полагающаго, что касаться раскола «не въ угоду раскольничьимъ мѣшкамъ» никто, кромѣ его, неспособенъ, да и ожидать другаго такого феномена, пожалуй, придется цѣлыя столѣтія. Исходя отъ такой мысли, г. Ливановъ увѣренъ, что все, что говорится въ нынѣшней литературѣ о вредѣ гоненія раскола, пишется или «по скудоумію и невѣжеству» или «за бутылку шампанскаго и обѣдъ въ трактирѣ Палкина и Митятова». Мало того, отождествляя себя съ единоистиннымъ пониманіемъ раскола, подобно тому, какъ Катковъ отождествляетъ себя съ цѣлостію русскаго государства, онъ утверждаетъ, что всякое критическое къ нему отношеніе и всякій смѣхъ надъ его ограниченностью появляются въ литературѣ результатомъ «пары сапогъ, подаренныхъ раскольниками, и кислой селянки въ трактирѣ».

Хотя все, приведенное нами, достаточно характеризуетъ состояніе умственныхъ способностей г. Ливанова, но все это блѣднѣетъ передъ слѣдующею фразою, которою онъ заканчиваетъ свое безстыдное «Вмѣсто предисловія»:

«Мы знаемъ, что за свою дѣятельность, помимо литературныхъ, мы нажили себѣ **мильйоны** другихъ враговъ, религіозныхъ фанатиковъ, отъ которыхъ можемъ въ своемъ положеніи опасаться преждевременной смерти, но и тутъ мы вѣримъ, что безъ соизволенія Божія и власъ главы человѣческой не пропадаетъ... Пусть будетъ, что будетъ!»

Эти мильйоны враговъ г. Ливанова, передъ которыми меркнутъ даже тысячи курьеровъ Хлестакова, не нуждаются ни въ какихъ комментаріяхъ. Но за то трогательная угроза читателямъ о возможности преждевременной кончины г. Ливанова— разумѣется, должна была бы несказанно опечалить всѣхъ и каждаго, еслибы г. Ливановъ не утѣшилъ ихъ въ то же время параллелью между собою и «власомъ главы человѣческой».

На всякій случай однакоже, г. Ливановъ обезпечилъ публику отъ возможности всякой случайности, подаркомъ ей своего портрета, которымъ украшенъ второй томъ его «Острожниковъ». Хотя подъ портретомъ значится «приложеніе отъ издателя книги», но такъ-какъ имя издателя второго тома книги не означено, то можно съ большою вѣроятностью предположить, что этотъ анонимный издатель не кто иной, какъ онъ самъ, то разумѣется, публика должна быть ему несказанно благодарна. Замѣчательно, что это уже второй портретъ, преподносимый публикѣ, наперекоръ существующему въ литературѣ обычаю, помѣщать при сочиненіяхъ портреты только умершихъ писателей, если только они при жизни не пользуются особенной славой, достающейся, какъ извѣстно, въ удѣлъ только весьма немногихъ. Сочли себя достойными подобнаго исключенія, по личному своему суду, только два писателя, весьма родственные между собою по духу своихъ произведеній: гг. Стебницкій и Ливановъ, составивъ такимъ образомъ особеннаго рода квартетъ съ господами Старчевскимъ и Аскоченскимъ, которые точно также озаботились о снабженіи публики своими портретами при жизни, въ качествѣ *знаменитыхъ* редакторовъ.

Отожествивъ себя съ единоистиннымъ пониманіемъ раскола и возвеличивъ себя выше мѣры, указаніемъ на мильйоны своихъ враговъ нелитературныхъ, г. Ливановъ, разумѣется, уже не почелъ для себя обязательнымъ сколько нибудь приличныя отношенія къ своимъ литературнымъ противникамъ;

Посему
Хоть кому...

рѣшилъ онъ съ ѳедосѣевской логикой, и въ своемъ «Вмѣсто предисловія» и въ текстѣ самой книги уже безъ всякаго разбора ругательски относится ко всѣмъ пишущимъ, отъ гг. Корша и Благосвѣтлова до гг. Миллера и Кельсіева, къ большинству изданій, начиная съ «Петербургскихъ Вѣдомостей» называемыхъ г. Ливановымъ: литературной колбасной, и кончая единомышленною съ нимъ «Зарей», именуемой г. Ливановымъ «жел-

тымъ домомъ, издающимся въ желтыхъ крышечкахъ» *. Все это пока однакоже только безконечно тупо; но вотъ неугодно ли полюбоваться, до чего можетъ доходить въ своемъ бѣшенствѣ расходившійся самодуръ въ родѣ г. Ливанова. «Ну, что мы можемъ, напримѣръ, сказать о нагломъ разборѣ нашихъ изданій въ № 1-мъ за 1869 г. младенчествующаго и юродствующаго журнальца «Дѣло», издаваемаго на потѣху гимназистамъ *съ подставнымъ (?) редакторомъ, какимъ-то Н. Шульгинымъ* нѣкіимъ Гр. Евг. *Благосвѣтловымъ, прославившимся* сначала спаньемъ въ передней графской на лакейскихъ шубахъ, потомъ *битьемъ по зубамъ своихъ наборщиковъ*, отрицаніемъ семьи и *всего святаго*... и, наконецъ, сидѣніемъ въ «крѣпкихъ мѣстахъ» за свои невыносимыя тупость и глупость?.. (каково ливановское *литературное* нововведеніе?)... Этотъ юродствующій журналецъ, печатающійся, по меткому выраженію серьёзныхъ и умныхъ людей, для младенцевъ, замѣчателенъ и тѣмъ еще, что въ послѣднее время наполнялся самыми дерзкими и безсмысленными критиками выгнаннаго изъ с.-петербургскаго университета недоучившагося юноши Ткачова, извѣстнаго подъ именемъ «младенца Петеньки». Встрѣчали мы сего малограматнаго «юношу» въ нѣкоторыхъ домахъ С.-Петербурга, имѣли случай узнать все его скудоуміе, *видали какъ его таскали съ конвойными въ сенатъ, гдѣ онъ судился за студенческія безсмысленныя пакости* (,) но никогда не могли предположить, чтобы этотъ недоросль, не изучившій даже ни одной науки въ жизни своей, изъ праздношатающагося могъ вдругъ сдѣлаться «всероссійскимъ критикомъ» и т. д.

Что это такое? неужели все это напечатано? неужели вся уважающая себя часть литературы,забывъ всякія распри и несогласія, не соединится въ одно, чтобы выразить свое единодушное презрѣніе къ подобнымъ, невозможнымъ и нетерпимымъ ни въ какой литературѣ безобразіямъ г. Ливанова? Неужели все это пройдетъ ему даромъ... и русская публика не отвернется съ негодованіемъ отъ этого жалкаго и грязнаго шепотника, сплетника, сквернослова, клеветника и доносителя?

Всѣ таковые вопросы непремѣнно родились бы у насъ, по прочтеніи вышеописаннаго нами мѣста изъ книги Ливанова, еслибы мы разбирали ее назадъ тому лѣтъ десять... Теперь, умудренные горькимъ опытомъ, мы такихъ вопросовъ уже не задаемъ, а только съ отвращеніемъ заносимъ въ нашу хронику новый шагъ, сдѣланный г. Ливановымъ въ видахъ пору-

* Нестѣсненіе литературными приличіями вообще составляетъ весьма характерную черту большинства современныхъ писателей извѣстнаго сорта. Такъ, напримѣръ, «Отечественныя Записки» и наша личная дѣятельность подверглась на дняхъ самымъ площаднымъ и чисто-ливановскимъ нападкамъ г. І. Паульсона, редактора жиденькаго журнальца «Учитель». Хотя громъ, въ этомъ случаѣ, раздался не изъ тучи, но отъ тупой брани г. Паульсона, намъ все-таки сдѣлалось стыдно за него.

ганія достоинства русской литературы, томящейся уже цѣлые годы подъ игомъ московско-татарскаго плѣненія...

Всеволодъ Крестовскій. *Повѣсти, очерки и разсказы. Томъ 1-й. С.-Петербургъ. 1870.*

Повѣсти, очерки и разсказы, лежащіе передъ нами, сами по себѣ, не заслуживали бы не только никакого разбора, но даже самаго коротнаго о себѣ отзыва, по крайнему ничтожеству своего содержанія и по рутинно-пошловатой формѣ своего изложенія. Но принадлежатъ они перу автора «Петербургскихъ Трущобъ» и «Панургова стада», и пикантность этого обстоятельства не позволяетъ намъ обойти ихъ молчаніемъ, тѣмъ болѣе, что мы еще ни разу не имѣли случая высказывать своего взгляда на роль, занимаемую г. Крестовскимъ въ русской литературѣ. Что онъ пользуется довольно распространенною извѣстностью, — отрицать этого нельзя; что произведенія его находятъ не только читателей, но и почитателей, — это тоже фактъ несомнѣнный, хотя оба эти обстоятельства и наводятъ на весьма неутѣшительныя размышленія о томъ, какъ у насъ еще легко, при извѣстной степени литературной сваровочной дерзости, порою составлять себѣ имя, пріобрѣтая его не талантомъ или доброкачественностью своихъ произведеній, а выуживая его себѣ, такъ-сказать, въ мутной водѣ общественнаго недомыслія, царившаго у насъ почти безраздѣльно за послѣдніе годы. Литературная карьера г. Крестовскаго дѣйствительно весьма интересна и заслуживаетъ вниманія. Началъ онъ свою дѣятельность лѣтъ десять тому назадъ и дебютировалъ, какъ извѣстно, въ качествѣ стихотворца кантариднаго направленія; воспѣвалъ онъ въ своихъ лирическихъ стихотвореніяхъ, какъ прелесть человѣческаго и преимущественно женскаго тѣла вообще, такъ и въ частности красоты его различныхъ, отдѣльныхъ частей и органовъ, неудержимое сладострастіе, неутолимую чувственность и даже чуть не всевозможныя извращенія половаго инстинкта. Потомъ, вслѣдствіе ли сознанія непригодности избраннаго имъ рода стихотворства, о чемъ ему неуставала напоминать критика, или просто потому, что огонь и жаръ его пылкихъ страстей, составлявшій главнѣйшій, если не единственный источникъ его вдохновеній, сталъ потухать, онъ бросился въ беллетристику, куда, впрочемъ, тоже не остановился внести, какъ присущій своему творчеству элементъ, остатки тлѣющаго подъ пепломъ своего вожделѣнія, за что и былъ прозванъ писателемъ клубничнымъ по преимуществу. Послѣ нѣсколькихъ ничтожныхъ беллетристическихъ попытокъ, онъ отважился, какъ извѣстно, на составленіе большаго, quasi-соціальнаго романа, который не затруднился назвать «книгою о сытыхъ и голодныхъ». Книга эта—пресловутыя «Петербургскія Трущобы»—жалкая сказка, трескучее сплетеніе былей и небылицъ, неразборчивое собраніе грубыхъ и рутинныхъ эффек-

товъ, сшитыхъ на живую нитку, безъ всякой основной мысли, лишенная всякаго серьёзнаго значенія по отсутствію въ ней сколько-нибудь продуманныхъ взглядовъ, сколько-нибудь правильнаго и глубокаго міросозерцанія или реальной правды. На ней, однакожь, зиждется начало главнѣйшаго успѣха г. Крестовскаго. Люди непроницательные, малосвѣдущіе, а, пожалуй, и малограмотные вполнѣ удовлетворились тою помѣсью ужасовъ и скандаловъ, которые составляли сущность «Трущобъ», и рѣшили, что г. Крестовскій писатель хоть куда. Книгой его еще недавно зачитывались въ Петербургѣ, а, пожалуй, даже и теперь зачитываются всласть въ отдаленныхъ провинціяхъ, всѣ тѣ, кто по уровню своего образованія, лишенъ возможности находить въ чтеніи что-либо иное, кромѣ праздной забавы или безполезнаго развлеченія. Такимъ образомъ, такъ или иначе, г. Крестовскій пожалъ въ нѣкоторомъ родѣ лавры и могъ бы вполнѣ успокоиться на значеніи второстепеннаго писателя, весьма любезнаго и симпатичнаго для своей публики. Но самолюбіе, и особливо авторское, не знаетъ предѣловъ. И вотъ, неудовлетворенный лаврами, доставленными ему успѣхомъ «Трущобъ», г. Крестовскій самоувѣренно отваживается уже на полученіе значенія политическаго романиста, и задумывая «Панургово стадо», дерзаетъ на постановку и разрѣшеніе самыхъ жгучихъ и сложныхъ задачъ современности, пытается воспроизвести свое время и объяснить его смыслъ и значеніе по отношенію къ важнѣйшимъ вопросамъ человѣческой мысли и общежитія. Таковое предпріятіе, какъ видятъ читатели, уже весьма крупно, трудно и серьёзно, и задаваться подобными цѣлями можетъ только или дѣйствительно мыслящій, сознательный писатель, твердо увѣренный въ обширности своихъ знаній, въ глубокой справедливости и прочности своего міросозерцанія — vir probus, scribendi peritus, или писатель уже до того легковѣсный, что для него ни почемъ безцеремонно-развязное отношеніе къ чему бы то ни было и, по мнѣнію котораго, всякія философскія и соціологическія трудности и сложности можно весьма удобно разрѣшать «отъ своего чрева», нисколько надъ ними не задумываясь и даже не останавливаясь на предварительномъ соображеніи, соотвѣтствуетъ ли разработка означеннаго матеріала количеству и качеству его наличныхъ мыслительныхъ силъ. Теперь, когда «Панургово стадо» уже напечатано, всѣмъ прочитавшимъ это капитальнѣйшее произведеніе г. Крестовскаго извѣстно, что автору въ немъ не повезло, и не съумѣлъ онъ въ немъ, несмотря на всѣ свои потуги, даже ровно ничего измыслить, кромѣ «польской интриги», сочиненной и затасканной до безобразія не имъ, а раньше его, и что весь его подвигъ въ этомъ романѣ сводится на одну безсознательную болтовню попугая. Еслибы самъ г. Крестовскій могъ понять, въ какое жалкое и комическое положеніе всталъ онъ съ своимъ усердіемъ не по разуму, взявъ на себя легкомысленно роль

политическаго романиста, то это было бы для него лично обстоятельствомъ далеко небезполезнымъ: онъ имѣлъ бы хорошій поводъ оглядѣться, чтобы быть въ дальнѣйшей своей литературной дѣятельности осмотрительнѣе и осторожнѣе. Но, кромѣ того, что подобная ретроспективная оглядка совершенно не въ духѣ литературнаго характера г. Крестовскаго, дѣйствующаго преимущественно «пламеннымъ натискомъ», есть еще одно обстоятельство, которое не позволитъ ему ничего подобнаго совершить, еслибы даже онъ на это и былъ способенъ. Каждый пишущій, какъ извѣстно, имѣетъ своихъ поклонниковъ и хвалителей, а г. Крестовскій, какъ мы уже замѣтили выше, по характеру своего творчества, приходящагося по плечу людей самаго скуднаго развитія, имѣетъ ихъ, вслѣдствіе этого, даже болѣе всякаго другого, и эти-то невзыскательные поклонники, разумѣется, своими хвалами и лестью поддержатъ въ немъ дерзость самомнѣнія и самоувѣренности. Результатомъ же такого настроенія г. Крестовскаго неизбѣжно будетъ то, что вслѣдъ за «Панурговымъ стадомъ» онъ не остановится съ обычною своею развязностью преподнести публикѣ еще не одно произведеніе того же чекана и закваски, если только въ дальнѣйшихъ своихъ работахъ не превзойдетъ перваго своего политическаго опыта. Тѣ же публицисты, которымъ съ руки беллетристическія произведенія того направленія, которое столько прославило гг. Стебницкаго, Ключникова и tutti quanti, съ своей стороны также не устанутъ своими похвалами и поощреніемъ поддерживать въ г. Крестовскомъ его самоувѣренную отвагу...

Съ самимъ г. Крестовскимъ, слѣдовательно, критикѣ дѣлать уже нечего; онъ писатель въ своемъ родѣ, законченный и вполнѣ опредѣлившійся, такъ что его лично не проймешь никакими рецензіями, никакимъ критическимъ анализомъ его дѣятельности, води рукою его цѣнителей — сама истина. Говорить же о немъ литература обязана, по нашему мнѣнію, для нагляднаго уясненія качествъ его таланта и характера его дѣятельности, въ видахъ предостереженія отъ увлеченія настоящими и будущими его произведеніями, тѣхъ ихъ читателей, которые не настолько еще умудрены опытомъ, что полагаютъ, что извѣстность, какъ бы она ни была незавидна, не можетъ быть пріобрѣтена помимо всякихъ заслугъ, помимо всякаго таланта, только одною отвагою и дерзостью.

Въ этомъ смыслѣ мы считаемъ не лишнимъ нѣсколько остановиться на «Очеркахъ, повѣстяхъ и разсказахъ» г. Крестовскаго. Хотя эти «Очерки» и т. д. и написаны имъ ранѣе «Панургова стада», но собравъ ихъ въ одну книгу и издавая ихъ въ 1870 году, г. Крестовскій этимъ показываетъ, что онъ ихъ считаетъ вполнѣ достойными своего таланта и настоящей своей извѣстности. Мы же думаемъ, что даже самое бѣглое указаніе на содержаніе этихъ очерковъ и разсказовъ, ясно покажетъ читателямъ, какъ бѣдна, смутна и невѣжественна вообще мысль

г. Крестовскаго, какимъ пустоцвѣтомъ всегда проявлялось его творчество, и какъ вообще призрачна самая его извѣстность, цѣна которой, по нашему мнѣнію, всего грошъ.

Повѣстей, очерковъ и разсказовъ въ книгѣ г. Крестовскаго двѣнадцать и написаны они имъ въ разное время: иные при самомъ началѣ его литературной карьеры (напримѣръ, «Торныя дороги»), другіе (Катакомбы Фары, «Подземный ходъ») гораздо позднѣе и, кажется, даже послѣ его «Трущобъ»; третьи, наконецъ («Царь отъ міра сего» и «Въ веселомъ домѣ») — суть не что иное, какъ наиболѣе любезные самому автору отрывки изъ самыхъ этихъ «Трущобъ». Позднѣйшими своими произведеніями, очевидно придавая имъ главнѣйшее значеніе, начинаетъ г. Крестовскій свою книгу, а потому и разсмотрѣніе наше мы начнемъ тоже съ нихъ.

Въ первомъ своемъ очеркѣ г. Крестовскій разсказываетъ о варшавскихъ подземельяхъ свенто-янскаго костела, которыя онъ осматривалъ въ качествѣ «члена-литератора, для веденія журнала и описанія предметовъ, подлежащихъ изслѣдованію» особой коммисіи, назначенной въ Варшавѣ въ 1865 году для изслѣдованія подземелій и подземныхъ ходовъ. Въ описаніи этомъ читателя прежде всего поражаетъ необычайная развязность г. Крестовскаго при исполненіи его оффиціальнаго и отчасти щекотливаго порученія. Развязность эта именно того характера, какимъ отличается вообще дѣятельность нашихъ отечественныхъ просвѣтителей. Съ перваго шага въ этой роли, онъ съ нею вполнѣ усвоивается и тщеславится тѣмъ, что ему удается попасть туда, «куда едва-ли могъ проникнуть въ прежнее время кто-нибудь изъ частныхъ людей». «Въ прежнее время — говоритъ онъ—ихъ находили болѣе удобнымъ скрывать, чѣмъ показывать», и очень недоволенъ, что старикъ сакристіанъ свенто-янскаго костела отказывается указать спускъ въ подземелье, когда его объ этомъ *проситъ* коммисія. Нетерпѣливая его досада выражается при этомъ невольнымъ восклицаніемъ: «Нечего дѣлать! приходится самимъ отыскивать! А отыскиваніе это представляетъ довольно мѣшкотную работу и т. д.». Проникнувъ въ подземелье, авторъ увидѣлъ себя въ жилищѣ смерти, въ смрадной атмосферѣ. «Катакомбы—говоритъ онъ—были наполнены гробами. Многіе изъ нихъ уже совсѣмъ разрушились и лежали развалившимися досками; многіе въ конецъ истлѣли и образовали, вмѣстѣ съ истлѣвшими тѣлами и одеждами, одну гробовую труху... Весь полъ былъ усыпанъ обильною гробовою трухою и костями. Тутъ въ ужасающемъ изобиліи валяются ребра, суставы (?), черепа, такъ, что для того, чтобы пройти впередъ, вамъ нѣтъ никакой возможности обходить эти кости... Вы идете, а подъ ступнею раздается легкій, сухой трескъ и хрустъ: это ребра ломаются и хрустятъ подъ вашими ногами. Порою нога по щиколку и даже выше уходитъ въ гробовую труху»... Проникнувъ такимъ образомъ въ заповѣдное мѣсто

чуждой святыни, стоя по щиколку въ гробовой трухѣ, что дѣлаетъ, думаете вы, нашъ авторъ? Онъ *острить*, и вотъ въ какомъ родѣ. Онъ находитъ, что груда череповъ, сваленныхъ въ одно мѣсто, напоминаетъ «брюкву въ подвалѣ у доброй бабы-хозяйки»; онъ удивляется, что рабочіе неохотно спускаются въ катакомбы, что это занятіе имъ «охъ какъ не по сердцу», и объясняетъ ихъ простое, вполнѣ человѣческое чувство уваженія къ смерти и чужой святыни, непонятное г. Крестовскому, ихъ боязнью, «склонностью неразвитаго человѣка вообще къ *суевѣрному* опоэтизированію загробнаго міра, которое будитъ въ немъ *суевѣрный* страхъ». Чтобы выказать передъ публикою въ полномъ блескѣ свою развитость, онъ разсказываетъ, какъ ему «хотѣлось сказать дурака» одному черепу, тупо глядѣвшему на него своими черными впадинами, проявляетъ свое крайнее невѣжественное незнакомство съ явленіями, извѣстными каждому школьнику, признаваясь, что онъ не обратилъ особеннаго вниманія и не придалъ особенной важности тому, что свѣчи стали горѣть все тусклѣе и тусклѣе, по мѣрѣ того, какъ онъ углублялся въ подземелье (вслѣдствіе недостатка кислорода въ воздухѣ—объяснимъ мы ему), и говоритъ по этому поводу, въ свое оправданіе, что «всему на свѣтѣ научаетъ опытъ», забывая, что существуютъ еще элементарныя знанія, обязательныя для всякаго мало-мальски грамотнаго человѣка, берущагося за перо. Для гробовой трухи, въ которой, по словамъ его, «перемѣшались между собою вконецъ истлѣвшіе гробы, тѣла, перержавѣвшіе позументы и гвозди, лохмотья одежды и *лохмотья засушившагося человѣческаго мяса*», онъ придумываетъ развязное названіе «винигрета», и, наконецъ, въ знакъ памяти, беретъ къ себѣ воспитывать пару нетопырей, «самца и самку, изъ гробовой крыши», гдѣ они, очевидно прельстили его фантазію тѣмъ, что на его глазахъ «наслаждались актомъ полнаго супружескаго счастія!!»

Такимъ образомъ, заявивъ въ первомъ очеркѣ свой черствый и недальній цинизмъ, г. Крестовскій въ описаніи «Подземнаго хода» показываетъ другое свое качество: легкомысліе, которое онъ въ состояніи доводить до степени преступленія. Мы нисколько не шутимъ. Авторъ самъ съ изумительною наивностью разсказываетъ, какъ онъ изъ ребяческаго каприза позволилъ себѣ рисковать чужою жизнью. Дѣло было такъ. Однажды трое изъ членовъ коммисіи, производя *гуляючи* наружный осмотръ Королевскаго замка, обратили вниманіе на то, что въ одномъ мѣстѣ подъ терассной галлереей, кладка кирпича наружнымъ своимъ видомъ нѣсколько отличалась отъ общей кладки внутренней стѣны, и такъ-какъ возможность существованія тамъ подземнаго хода оправдывалась народной молвой, то рѣшили тотчасъ же сдѣлать пробную пробоину. Пробоина черезъ часъ была готова и догадка коммисіи оказалась справедливою; еще черезъ полчаса была сдѣлана брешь—и глазамъ изслѣдователей

предстала довольно высокая, сводчатая и равносторонняя камера, изъ которой отверстія вели въ какіе-то корридоры, одинъ вверхъ, другой внизъ. Коммисія рѣшила тотчасъ же изслѣдовать эти подземные ходы, благополучно прошла первымъ и вошла во второй, ведшій къ Вислѣ. Но тутъ встрѣчены были ею препятствія, какъ въ тѣснотѣ самаго прохода (впередъ подвигаться приходилось гуськомъ, согнувшись всѣмъ корпусомъ), такъ и въ затхлости и удушливости воздуха. Спустя нѣкоторое время, общество (три члена коммисіи и двое рабочихъ) увидѣло, что воздухъ дѣлался чѣмъ дальше, тѣмъ удушливѣе, а ходъ все глубже и глубже уходитъ въ землю, и остановились, для совѣта, идти ли дальше. Г. Крестовскій, при помощи какой-то непонятной атмосферо-метрической операціи, рѣшилъ, что «густаго спертаго воздуха едва-ли хватитъ для свободнаго дыханія пятерыхъ легкихъ» (авторъ думаетъ, что у каждаго человѣка только по одному легкому), но тутъ же, наперекоръ здравому смыслу, несмотря на то, что усталые и утомленные его спутники были за немедленное возвращеніе, одинъ настаивалъ на продолженіи изслѣдованія. «Все неоспоримое благоразуміе — наивно говоритъ онъ — было на ихъ сторонѣ, потому что, въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о трудностяхъ подземнаго путешествія, мы не знали, куда насъ выведетъ этотъ корридоръ и долго ли еще онъ протянется, тогда какъ воздухъ, что ни шагъ далѣе, то все хуже, да хуже; весьма легко могло вдругъ сдѣлаться съ кѣмъ-нибудь дурнота, обморокъ, а у насъ—ни воды, ни спирту, да и освѣтительнаго-то матеріала одна только свѣчка, такъ-какъ мы въ этотъ день не разсчитывали на подобное подземное путешествіе, и потому не запаслись ничѣмъ необходимымъ для этого рода странствій. На моей сторонѣ былъ весьма шаткій резонъ (увы! даже и не резонъ!), заключавшійся въ томъ, что все равно, молъ, не сегодня, такъ завтра, а вѣдь идти-то все-таки придется, такъ ужь лучше сразу. Кромѣ этого аргумента, въ поддержку мысли за немедленное продолженіе изслѣдованія, я могъ еще представить одно только мое личное желаніе, что, конечно, болѣе (даже и не болѣе, а совсѣмъ) походило на личный капризъ». Мудраго совѣта г. Крестовскаго общество не приняло, но по непонятной снисходительности къ капризу своего сочлена, позволило г. Крестовскому сдѣлать вызовъ къ рабочимъ, не хочетъ ли кто изъ нихъ двоихъ идти. «Охотникъ нашелся—говоритъ авторъ—молодой солдатикъ изъ нѣмчиковъ», даже и не подозрѣвая, что охота въ этомъ случаѣ для нѣмчика была хуже неволи, а онъ, какъ человѣкъ робкій, не осмѣлился, вѣроятно, ослушаться начальства. Далѣе, какъ повѣствуетъ авторъ, онъ съ нѣмчикомъ едва не задохлись, остались въ потьмахъ, такъ-какъ упавшимъ камнемъ у нихъ погасило свѣчу, а у предусмотрительнаго г. Крестовскаго не оказалось въ карманѣ даже спичекъ; обоихъ ихъ едва не засосалъ вязкій и глубокій илъ, они чуть не заблудились, да,

вдобавокъ, г. Крестовскому пришла шальная фантазія приказать рабочему открыть люкъ, находившійся вверху корридора, при исполненіи чего прогнившіе, старые кирпичи не выдержали тяжести тѣла нѣмчика и онъ съ размаху упалъ и впалъ въ безпамятство.

«Если *онъ убился*, — гуманно воскликнулъ по этому поводу г. Крестовскій,—что же *я* буду дѣлать!

«Убился—*тогда все равно:* какъ-нибудь пойду дальше» и т. д.

Замѣчательно, что при этомъ случаѣ, ни тѣни угрызенія совѣсти, что катастрофа произошла по его капризу, не промелькнуло въ мозгу г. Крестовскаго.

А между тѣмъ, черезъ нѣсколько страницъ, когда опасность смерти представлялась, по словамъ автора, для него неминучею, онъ лицемѣрно пишетъ: «И замѣчательно вотъ еще что. Въ нашемъ положеніи, между нами какъ-то само собою сгладилось и совершенно исчезло всякое соціальное различіе» (что же тутъ замѣчательнаго-то?). Тутъ уже *обоюдно* было позабыто, что одинъ—рядовой, другой—въ его глазахъ все-таки въ нѣкоторомъ родѣ «начальство» и «благородіе». Тутъ уже не было, да и не могло быть ни малѣйшимъ образомъ никакихъ этихъ внѣшнихъ градацій, которыя только *тамъ* и могутъ имѣть какое-нибудь мѣсто (фигура усугубленія). Тутъ были просто два равныя другъ другу существа, два человѣка, два брата (изъ которыхъ одинъ губитъ другаго изъ-за своего каприза), нравственно соединенные воедино одною общею судьбою, общею недолей.

«Это было именно равенство могилы, равенство смерти.

«Человѣкъ положительно становится лучше и чище въ безъисходныя минуты подобныхъ испытаній. Тутъ онъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, способенъ почувствовать въ себѣ не Ивана, не Петра, или Сидора, не дворянина или рядоваго, не поляка, не нѣмца и не русскаго, а именно *человѣка*—и только одного человѣка, *обоюдно* почувствовать одинъ въ другомъ (точно, прости Господи, люди всегда подвергаются опасностямъ попарно) во плоти и во Христѣ брата своего единоприроднаго».

Путешествіе единоприроднаго г. Крестовскаго кончилось, однако, благополучно, но безполезно для него, такъ-какъ онъ даже и не задумался о своемъ легкомысленномъ рискѣ чужою жизнью, а дѣлаетъ въ концѣ очерка только слѣдующій поверхностный выводъ: «Такъ кончилось это путешествіе, доставившее *мнѣ*, *благодаря* собственному капризу, нѣсколько такихъ сильныхъ ощущеній, которыя, конечно, останутся мнѣ навсегда памятны».

Брату же г. Крестовскаго, въ которомъ авторъ обоюдно себя почувствовалъ, это путешествіе доставило... стеариновый огарокъ, такъ-какъ изъ разсказа явствуетъ, что авторъ ему таковой подарилъ.

Очеркъ «О собакѣ» написанъ г. Крестовскимъ для доказа-

тельства, что пословица «собакѣ собачья и смерть»—пословица несправедливая. Немудрую таковую задачу весьма удобно было бы разрѣшить въ пяти строкахъ, но авторъ, желая, вѣроятно, блеснуть глубиною своей мысли, пускается въ длинныя разглагольствованія о собачьей физіономикѣ и объ умѣ и инстинктѣ животныхъ вообще. Оказывается, однакожь, что объ этомъ дѣлѣ онъ не имѣетъ ровно никакихъ опредѣленныхъ понятій, руководствуется только уличными знаніями и даже не заглядывалъ ни въ одно популярное руководство по этимъ вопросамъ, столь у насъ распространеннымъ, такъ какъ, напримѣръ, Перти и Брэма — не читалъ у насъ развѣ лѣнивый. Иначе г. Крестовскій не могъ бы надѣлать такихъ основныхъ и комическихъ ошибокъ, которыми преисполненъ очеркъ, и не сталъ бы самымъ очевиднымъ признакамъ инстинкта (отыскиваніе, напримѣръ, собакою жилища своего хозяина, совершающееся по тѣмъ же законамъ инстинкта, какъ и прилетъ птицы къ отдаленнымъ гнѣздамъ) приписывать свойствъ ума, и не сдѣлалъ бы великаго открытія, что «у звѣрей самыхъ различныхъ породъ гораздо болѣе общительности между собою, чѣмъ у людей» (!!). Но этимъ глубокимъ выводомъ еще не исчерпываются великія научныя открытія г. Крестовскаго. Такъ въ томъ же очеркѣ онъ разсказываетъ о «бо̀льшею частью платонической» любви у собакъ. Это mezzo-termine — безподобно! Кромѣ любви платонической, авторъ придумываетъ еще не совсѣмъ платоническую, а только полу-платоническую, внѣшнія физическія проявленія которой, вѣроятно, совершаются не столь часто, сколько авторъ того бы желалъ, забывая, или не зная, что у собаки время проявленія физической любви ограничено нѣкоторыми физіологическими условіями.

За «Собакою» слѣдуютъ «Сильныя ощущенія подъ Петербургомъ — фантастическій разсказъ изъ дѣйствительнаго міра», гдѣ авторъ, признающій сильными ощущеніями только опасность погибели (для романиста—недурно), разсказываетъ двѣ свои поѣздки изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ, однажды во время сильной оттепели и распутицы (однако, въ ноябрѣ мѣсяцѣ), а въ другой разъ въ декабрѣ. Во время второй поѣздки его на полдорогѣ застигла непогода, или какъ разсказываетъ самъ авторъ: «Нѣтъ, это не была буря, *про* которую Пушкинъ говоритъ:

То какъ звѣрь она завоетъ
То заплачетъ, какъ дитя.

«Нѣтъ! А это былъ такой раздирающій душу и нервы ревъ, *какъ еслибы положить рядомъ батальонъ солдатъ и нещадно начать пороть его батожьемъ*» (!!). Не обладая прокезскимъ воображеніемъ, мы даже не съумѣемъ себѣ составить и приблизительнаго понятія о подобномъ ревѣ, но полагаемъ, что было страшно, ибо животолюбивый г. Крестовскій въ каждой

строкѣ живописуетъ свой несказанный страхъ, хотя, съ другой стороны, обѣ поѣздки не представляются намъ нисколько необычайными, и всякому бывалому человѣку, ѣздившему по свѣту, вѣроятно, неоднократно случалось бывать въ положеніи автора-путника, хотя большинство путешествующихъ и не считаютъ необходимымъ передавать публикѣ объ испытанныхъ ими ощущеніяхъ. Въ подкрѣпленіе той мысли, что въ обѣ поѣздки автора никакой особенной опасности драгоцѣнной жизни его не предстояло, онъ самъ наивно приводитъ противъ себя же свидѣтельства. Такъ во время первой поѣздки, когда г. Крестовскій ежеминутно дрожалъ всѣмъ тѣломъ, испытывая свои сильныя ощущенія, и кибитка его плелась шажкомъ и пополамъ съ горемъ, «вдругъ — какъ свидѣтельствуетъ онъ самъ — на встрѣчу попадается какая-то кибитка изъ Кронштадта въ Рамбовъ. Въ кибиткѣ веселые офицеры. Катятъ себѣ рысью, и горя имъ мало!» Такъ во время второй поѣздки, когда авторъ испытывалъ «чрезвычайно ясное сознаніе близкой и *почти* неизбѣжной смерти», у спутника его по поѣздкѣ, покойнаго поэта Мея «проглядывало ироническое отношеніе къ обстоятельствамъ» — слѣдовательно, онъ не былъ всецѣло подверженъ страху. Воскрешая въ своемъ очеркѣ образъ покойнаго Л. А. Мея, г. Крестовскій вспоминаетъ при этомъ, какъ онъ далъ ямщику, начавшему засыпать, «добраго подзатыльника». Бѣдный Мей! въ очеркѣ своемъ г. Крестовскій едва-ли не для одного этого воспоминанія его и вставилъ.

Всѣ разобранные нами очерки меркнутъ, однакоже, передъ «Красавицей», гдѣ уже авторъ показываетъ публикѣ крайнія грани своего легкомыслія. Все дѣло въ этомъ очеркѣ или «грезѣ», какъ называетъ его г. Крестовскій, состоитъ въ томъ, что онъ 23-го мая какого-то года на одномъ изъ пароходиковъ «Сѣвернаго Общества» встрѣтилъ какую-то необыкновенную красавицу, которая, къ прискорбію г. Крестовскаго, предстала передъ нимъ, о, ужасъ! въ сопровожденіи коммисаріатскаго чиновника. Г. же Крестовскій, подобно купеческимъ дочерямъ, о красавицахъ вообще такого понятія, что сопровождать ихъ достойны развѣ одни кавалергарды или тѣ офицеры, которые, по словамъ Олимпіады Самсоновны изъ «Своихъ людей», «къ ногамъ для легкости колокольчики подвязываютъ».

«Красавица... такая красавица... и гдѣ же? На Выборгской сторонѣ... Выборгская сторона... (пощадите, г. Крестовскій, да вѣдь на Выборгской лѣтомъ Излеръ, гдѣ же красавицамъ-то и быть, какъ не тамъ?). Коммисаріатскій чиновникъ... Зачѣмъ, и для чего тутъ этотъ коммисаріатскій чиновникъ? И что̀ онъ ей такое? Мужъ, братъ, знакомый?... *И какъ онъ смѣлъ* такъ небрежно-фамильярно кивнуть ей головою (съ батальономъ бы его, хотя въ воображеніи за это положить)? Вотъ *мысли*, которыя безсвязно преслѣдовали меня всю дорогу».

Всѣ остальныя якобы мысли очерка въ томъ же родѣ. Встрѣ-

чей своей съ красавицей г. Крестовскій пользуется, чтобы написать съ три короба чепухи въ прозѣ и стихахъ въ quasi гётевскомъ родѣ. Такъ онъ описываетъ при сей вѣрной оказіи ивановскую ночь, говоря, что

Въ эту ночь я сладко жажду смерти
Отъ лихой русалочьей руки,

забывая, что въ предъидущихъ очеркахъ онъ уже вполнѣ высказалъ свои не особенно храбрыя отношенія къ мысли близости смерти, описываетъ сонъ русалокъ,

И — то здѣсь, то тамъ — сгибаясь
И *легко* и *смѣло*
Спитъ на струйкахъ колыхаясь
Молодое тѣло.

приводитъ еще какія-то вирши, въ которыхъ у него у его героини

... Здоровымъ яркимъ дышетъ
Ланиты пухъ, (!!)

не забываетъ заявить міру, что онъ вообще любитъ «больныхъ женщинъ», говоритъ о какой-то «апотезѣ», вспоминаетъ о трехъ прежде видѣнныхъ имъ красавицахъ, одну изъ которыхъ онъ кратко характеризуетъ словами «чортъ и смерть», вообще несетъ всякую чушь и... только pour la bonne bouche приберегаетъ разсказъ о томъ маневрѣ, на какой его подвигла нечаянная встрѣча:

«Когда она встала у пристани Лѣтняго сада, — повѣствуетъ онъ, — я безсознательно, и *словно какъ покорная, вѣрная собака* пошелъ вслѣдъ за нею», дошелъ почти до угла Большой Садовой и, наперекоръ складу своей фантазіи, съ мыслями самыми цѣломудренными... ради одного... «ощущенія близкаго присутствія красоты живой и чистой... ощущенія присутствія жизни».

«Подходя уже къ Невскому проспекту, она, должно быть, замѣтила мое преслѣдованіе, и два раза обернулась на меня съ недоумѣвающимъ вопросомъ въ глазахъ. Во второй разъ, обернувшись, даже пріостановилась немного».

«Въ эту минуту не помню и не знаю, что̀ сдѣлалось со мною: словно бы какая внѣшняя, посторонняя сила повлекла меня невольно впередъ и — я подошелъ къ ней, — я заговорилъ съ нею».

«— Сударыня! Бога ради, не сочтите за дерзость мой поступокъ... Это можетъ быть очень глупо (еще бы!)... но я не виноватъ въ этомъ, заговорилъ я взволнованнымъ голосомъ, *остановясь передъ нею*».

«— Что же вамъ угодно? спросила она, приходя еще въ бо̀льшее недоумѣніе»...

«— Угодно? угодно сказать вамъ... что я давно уже живу въ Петербургѣ, но такой красавицы, какъ вы — клянусь вамъ, ни разу еще не встрѣчалъ въ моей жизни!

«Кто вамъ далъ право говорить мнѣ такія вещи?

«Меня немного покоробило: это было глупо сказано.

«— Кто далъ право? отвѣчалъ я, — ваша красота. Да и отчего же не сказать, если это въ самомъ дѣлѣ хорошо, и если это говорится искренно? Ни вы меня, ни я васъ не знаю, — не все ли равно вамъ отъ этого?

«— Вы совершенно напрасно говорите ваши любезности и я не понимаю, что вамъ отъ меня нужно?

«— Нужно мнѣ было сказать вамъ — и больше ничего. Простите, если это оскорбило васъ: — я оскорблять не хотѣлъ. Прощайте, сударыня! сказалъ я, *прыгнувъ* уже въ дрожки перваго попавшагося извощика, — и больше уже не оглянулся ни разу на *мою* красавицу.

«Можетъ быть, это и странно, и глупо было (неужели вы еще сомнѣваетесь въ этомъ, г. Крестовскій?) — такъ несдержанно отдаться этому, во всякомъ случаѣ *наивному* порыву, но... ужъ лучше бы она молчала и, не удостоивая меня ни взглядомъ, ни отвѣтомъ, продолжала бы идти своей дорогой. Но увидѣть во всемъ этомъ одно только пошлое уличное приставанье, не разглядѣть въ томъ, что въ сущности было такъ ясно и просто, — не разглядѣтъ *наивно-искренняго и безкорыстнаго движенія* — это не шутя меня огорчило. Вотъ она — *жизнь-то* и первое прикосновеніе къ ней».

Вся эта выписка сочинена не влюбленнымъ писаремъ, а русскимъ писателемъ, авторомъ «Панургова стада»! И онъ же при этомъ еще вламывается въ амбицію! Оставляя уже въ сторонѣ всю пошлость выходки г. Крестовскаго, посмотримъ только, какая глубина несмыслія и непониманія самыхъ простыхъ и основныхъ началъ общежитія заключается въ теоріи наивно-искреннихъ и безкорыстныхъ движеній автора, и для наглядности объяснимъ это на томъ же самомъ примѣрѣ. Что̀ было бы, еслибы всѣ люди исповѣдывали бы подобныя теоріи, да еще — не сдерживаясь приличіемъ, — приводили ихъ въ практику? Что еслибы красавицѣ г. Крестовскаго приходилось бы ежедневно встрѣчать хотя по пяти, шести человѣкъ, которые затѣвали бы съ нею на улицѣ и повсюду подобныя бесѣды? Что̀ было бы съ самимъ г. Крестовскимъ, еслибы встрѣчные и прохожіе, услыхавъ, что онъ далеко не въ первой молодости вступилъ въ кавалерійскіе юнкера, въ видахъ разъясненія этого обстоятельства (интересъ истины, безъ сомнѣнія, болѣе обаянія красоты имѣетъ права быть побудителемъ наивно-искреннихъ и безкорыстныхъ движеній), останавливали бы его повсюду на улицахъ и въ переулкахъ, для дознанія любопытныхъ поводовъ, для этого его, по истинѣ любопытнаго дѣйствія, какъ бы онъ назвалъ своихъ вопрошателей, что̀ бы онъ подумалъ объ нихъ, какъ вынесъ бы тяготу послѣдствій дѣйствій того рода, которыя онъ *идеально* — признаетъ законными и естественными? О, легкомысліе!

Въ очеркѣ «Любовь въ двухъ часахъ» г. Крестовскій разсказываетъ эпизодъ изъ того періода своей жизни, который онъ образно называетъ временемъ, когда онъ былъ «розово-глупъ», обходя молчаніемъ дальнѣйшіе цвѣта, которые вѣроятно принимало это его качество, прежде чѣмъ исчезнуть. Начало происходитъ на яву, конецъ во снѣ, но и на яву автору кажется, что въ человѣческой жизни «звуки — это все» и что «Лѣтній садъ — точно вылитъ изъ серебра» и т. д.

Въ разсказѣ «M-ll (sic) Gaillard, авторъ разсказываетъ скандальную исторію, какъ французская гувернантка учитъ 14 лѣтняго мальчика-богача физической любви, подробно описывая тѣ позы, какія она при этомъ предпринимала, когда его впервый разъ схватила за руку, поцаловала и т. д. Для насъ въ этомъ разсказѣ интереснѣе всего то, что авторъ страсть, возбужденную въ ребенкѣ этой пріятною дѣвицею — называетъ «почти-ненормальною»...

Полагаемъ, что это «почти» г. Крестовскаго вполнѣ избавляетъ насъ отъ непріятнаго разбора остальныхъ его произведеній. Для сколько нибудь проницательнаго читателя всего того, что̀ мы уже сказали, довольно за-глаза — чтобы оцѣнить съ достаточною ясностью качество генія г. В. Крестовскаго, носящаго, къ сожалѣнію, ту фамилію, которую ранѣе появленія его на литературную арену выбралъ себѣ псевдонимомъ писатель умный, даровитый и достойный всякаго уваженія (авторъ недавно помѣщенной у насъ «Первой борьбы»), и его-то, пожалуй, неопытные люди могутъ смѣшивать съ авторомъ «Панургова стада» и «Трущобъ». Это было бы уже просто обидно.

Н. Е. Смирновъ. Современные типы. *Очерки, повѣсти и разсказы. 2 части. С.-Петербургъ. 1870.*

Г. Н. Е. Смирновъ—писатель не новый. Очерки, повѣсти и разсказы, нынѣ имъ собранные, были въ разное время напечатаны въ различныхъ журналахъ, а нѣкоторые (напримѣръ, «Станціонный писарь», «Свадьба» и т. п.) даже въ «Современникѣ». Извѣстностью въ литературѣ однакоже г. Смирновъ не пользуется, или пользуется только тою скромною ея долею, при которой имя его извѣстно развѣ однимъ только библіографамъ. Вѣроятно, впрочемъ, г. Смирновъ за особенною извѣстностью и не гонится, такъ-какъ главное достоинство его произведеній составляетъ именно простота и безпритязательность. Мы думаемъ даже, что выдавая собраніе своихъ разсказовъ, онъ сдѣлалъ отчасти промахъ. Въ свое время нѣкоторые изъ его разсказовъ представляли своего рода интересъ; но теперь, когда ординарныя беллетристическія произведенія давно набили публикѣ оскомину, заинтересовать общество и заставить его говорить о себѣ—дѣло не особенно легкое. Названіе книги: «Современные типы» также, по нашему мнѣнію, неудачно, такъ-какъ ничего особеннаго выдающагося, типич-

наго или современнаго мы въ книгѣ г. Смирнова, при самомъ тщательномъ обслѣдованіи, не нашли. Все, написанное г. Смирновымъ—читателю уже извѣстно какъ свои пять пальцевъ, обо всемъ этомъ онъ уже не однажды читалъ; всѣ мотивы, на которыхъ авторъ созидаетъ свои произведенія — уже давно устарѣли и лучшими современными беллетристами по негласному соглашенію признаны къ употребленію мало пригодными. Что новаго, напримѣръ, въ образѣ дѣвушки-модистки, умирающей отъ чахотки вслѣдствіе непосильнаго труда, или въ героѣ, оставившемъ университетъ, нуждающемся въ хлѣбѣ насущномъ и занимающемся сочиненіемъ большаго романа, гдѣ проводятся имъ самыя возвышенныя чувства, красотъ котораго однако не умѣютъ оцѣнить редакторы, почему-то въ такихъ повѣстяхъ изображаемые обыкновенно какими-то зачерствѣлыми и безсердечными эгоистами («Тяжелый трудъ»)? Что новаго также въ исторіи бѣдной дѣвушки, возлюбленный которой, несмотря на всѣ данныя ей обѣщанія и заклинанія, измѣняетъ ей ради выгодной для своей карьеры партіи («Бѣдная дѣвушка»)? Кого все это и подобное, въ наши дни можетъ тронуть, плѣнить, удивить, даже подъ условіемъ болѣе блестящаго изложенія, болѣе совершеннаго обладанія художественно-техническими пріемами, чѣмъ на это можетъ претендовать самъ г. Смирновъ? Никакой же общей идеи, которая сквозила бы черезъ всѣ собранные г. Смирновымъ разсказы, никакой опредѣленной мысли, которая связывала бы воедино его очерки — въ книгѣ его мы не нашли.

Между тѣмъ, г. Н. Е. Смирновъ, какъ видно изъ его книги, человѣкъ бывалый, изъѣздившій вдоль и поперегъ Россію, жившій въ Сибирѣ и на Кавказѣ. Лучшіе изъ его разсказовъ именно тѣ, гдѣ онъ говоритъ объ этихъ двухъ мѣстностяхъ, почему мы и совѣтовали бы г. Н. Е. Смирнову, въ дальнѣйшей его литературной дѣятельности, бросить совершенно старые и затасканные ординарные мотивы трафаретныхъ повѣстей,— ну, ихъ совсѣмъ!, а приналечь на очерки, представляющіе этнографическій характеръ. Тогда, быть можетъ, онъ намъ сказалъ бы что либо и новое. Въ этомъ смыслѣ обратимъ вниманіе читателей на его очеркъ «На дальнемъ сѣверѣ», гдѣ, къ сожалѣнію, весьма кратко разсказывается нѣчто о бытѣ ссыльныхъ за отдаленными сибирскими горами. Указали бы мы также на «Станціоннаго писаря», очеркъ, начатый весьма удачно, но, къ сожалѣнію, весьма плохо оконченный.

Лучшимъ изъ разсказовъ г. Смирнова слѣдуетъ безспорно признать его «Очерки кавказской жизни», такъ-какъ онъ написанъ несравненно живѣе всего остальнаго и въ немъ проглядываетъ у автора нѣкоторая доза наблюдательности надъ чуть не растительною жизнью офицерскаго общества на Кавказѣ за весьма недавнее время. Жаль только, что эти «Очерки» очень сильно напоминаютъ, какъ «Разсказъ Алексѣя Дмитріевича»

покойнаго А. В. Дружинина, такъ и «Рубку лѣса» г. Л. Н. Толстаго и другіе разсказы въ томъ же родѣ. Замѣчательно, что это единственный разсказъ г. Смирнова, въ которомъ замѣтенъ нѣсколько даже юморъ.

Вотъ какъ, напримѣръ, описываетъ авторъ совѣщанія офицеровъ, по поводу проектируемаго ими торжественнаго бала, устроиваемаго ими въ складчину въ честь прибытія новаго полковаго командира:

«— А-а, вотъ братъ С., тебя-то намъ и нужно, сказалъ смѣясь Скоковъ, подмигивая мнѣ. — Видишь, братецъ мой, мы тутъ думаемъ, какъ украсить залу къ балу для новаго полковаго командира. Александръ Васильевичъ проситъ у меня совѣта насчетъ математической точности въ разстановкѣ столбовъ и тамъ, знаешь... этакихъ украшеній. Ну, а я какъ не математикъ, такъ вотъ и рекомендовалъ тебя.

«— Помилуй! сказалъ я сердито Скокову: — я хуже тебя знаю математику.

«— Ну, полноте, полноте С., ну, какъ хуже?... Вѣдь мы знаемъ, что вы знаете, заголосилъ совѣтъ. Пожалуйста, пособите.

«— Пожалуйста, побудь съ ними немного, они мнѣ надоѣли до смерти... а потомъ я тебя выручу... сказалъ пофранцузски Скоковъ, проходя мимо меня.

«— Господа! сказалъ я: — я серьезно не знаю математики, и хотѣлъ уйти вслѣдъ за Скоковымъ.

«— Ну, нѣтъ, я тебя не пущу, ишь ты какой! Что же, ты не хочешь намъ помочь, сказалъ комендантъ, держа меня за мундиръ.

«Дѣлать нечего; я скрѣпя сердце остался, но далъ слово отомстить Скокову.

«— Вотъ видите ли, С., въ чемъ дѣло, сказалъ Александръ Васильевичъ. — Мы не знаемъ, гдѣ поставить столбы изъ стволовъ. Думаемъ, что по угламъ зала.

«— Да, по угламъ зала будетъ хорошо.

«— Ну, а гдѣ вензель? какъ вы думаете?

«— Ей-Богу, не знаю, какъ вамъ кажется?

«— Мы хотимъ на окнѣ, а сзади свѣчки.

«— Нѣтъ, зачѣмъ на окнѣ, лучше надъ портретомъ государя, заговорилъ комендантъ.

«— А вы что скажете? спросилъ Александръ Васильевичъ.

«— Хорошо и на окнѣ, и надъ портретомъ.

«— Ну, а перуанское солнце гдѣ поставить?

«— Какое перуанское солнце?...

«— А вотъ изъ тесаковъ.

«— Ей-Богу, я не знаю, господа, я никогда не видалъ, гдѣ перуанское солнце ставятъ.

«— А волшебное зеркало?...

«— Какое зеркало?...

«— А волшебное, изъ шомполовъ. Онъ и этого не знаетъ! смѣясь продолжалъ Александръ Васильичъ.

«— Гдѣ лучше, тамъ и поставьте.

«— Да, что же вы, батюшка, вмѣшался Трифонъ Трифонычъ: — гдѣ лучше... гдѣ лучше... Вы намъ подайте мнѣніе свое: учились же, чай, чему-нибудь?...

«— Вы намъ скажите, С., только насчетъ симетріи... симетріи-то эдакъ, знаете, математической, продолжалъ Александръ Васильевичъ.

«— Да такъ-то такъ, вкусъ-то вкусъ: куда все, знаете, того... вѣдь онъ (полковникъ) можетъ ученый?

«— Что же, что ученый, онъ все-таки оцѣнитъ вашъ трудъ.

«— Да, я на это надѣюсь, надѣюсь.

«— Нѣтъ, да ты самъ скажи, что ты думаешь? спросилъ комендантъ.

«— Я думаю точно такъ же, какъ вотъ и Александръ Васильичъ.

«— Да у него, должно быть, фазанья косточка застряла въ горлѣ, оттого онъ не хочетъ и говорить, сказалъ Прутиковъ.

«Совѣтъ засмѣялся.

«— Да, какъ же мы вотъ не рѣшили, гдѣ поставить вензель-то, сказалъ комендантъ.

«— Да на окнѣ, сказалъ Александръ Васильичъ.

«— Ну, нѣтъ, я того мнѣнія, что лучше поставить вензель надъ портретомъ государя, отозвался Трифонъ Трифонычъ.

«— Да тамъ не будетъ его хорошо видно?

«— Нѣтъ, будетъ.

«—Да, какъ будетъ, помилуйте, свѣчи-то гдѣ же вы поставите?

«— А сзади, тамъ...

«Въ это время новый полковой командиръ, сопровождаемый огромнымъ хвостомъ ищущихъ милостей, съ шумомъ вошелъ въ библіотеку. Всѣ вскочили, а я, благодаря судьбу за такое неожиданное избавленіе, выбѣжалъ вонъ».

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

СОВРЕМЕННЫЯ УЧЕНІЯ О НРАВСТВЕННОСТИ И ЕЯ ИСТОРІЯ.

Will. Edw. Hartpole Lecky: «History of European morals from Augustus to Charlemagne» (1869).

Статья первая.

Нравственныя ученія.

I.

Новая книга Лекки.

Было время, когда наши московскіе славянофилы толковали о національной наукѣ. Ихъ подняли на смѣхъ, и въ сущности насмѣшники были правы: наука національности не имѣетъ. Но, изучая внимательно ученую литературу разныхъ народовъ, легко замѣтить, что фантастическое представленіе о національной наукѣ опиралось на недоразумѣніи. Поклонники формъ, славянофилы, и въ ученой литературѣ не различали формы отъ содержанія. Для нихъ наука отожествилась со способами ея литературнаго проявленія; подъ названіемъ науки они подразумѣвали не научныя истины, а книги, писанныя о наукѣ въ раз-

ныхъ странахъ, какъ подъ прославляемымъ ими русскимъ духомъ, они подразумѣвали не прогрессъ русской мысли на полѣ истины и справедливости, а нѣкоторое собраніе оборотовъ рѣчи, стараго платья, ветхихъ зданій и книжныхъ обычаевъ. Съ ихъ точки зрѣнія, подобное смѣшеніе было совершенно понятно, а замѣняя слово *наука* словами *ученая литература*, можно согласиться, что замѣчаніе ихъ о національныхъ особенностяхъ ученыхъ литературъ разныхъ странъ не лишено меткости. Одна часть произведеній, относящихся къ научнымъ предметамъ, пишется для всего цивилизованнаго міра, другая для ближайшихъ коллегъ, учениковъ и противниковъ автора. Произведенія послѣдняго рода неизбѣжно имѣютъ въ виду ту форму школъ и ту форму жизни и привычекъ ученыхъ, которая сложилась въ данной странѣ, даже въ данной мѣстности. Значительная часть французскихъ книгъ, которыя приходится отнести къ ученой литературѣ, немыслимы въ Германіи, такъ-какъ фразёрство, ихъ наполняющее, оттолкнуло бы отъ нихъ читателей: нѣмцы въ наукѣ не лишены фразёрства, но инаго рода. За то и во Франціи немыслимы книги, въ родѣ изслѣдованій о психологіи Гартсена (Hartsen: Untersuchungen über Psychologie, 1869), написанныхъ въ формѣ примѣчаній къ чужому произведенію. Но и книги, имѣющія болѣе широкое значеніе, носятъ на себѣ неизбѣжно отпечатокъ литературныхъ традицій, въ которыхъ выросъ авторъ. Тѣ самыя истины, которыя выскажетъ ученый на берегахъ Шпрэ въ систематической формѣ, со строгимъ раздѣленіемъ на параграфы, выльются въ Англіи и во Франціи въ формѣ болѣе свободной. Тамъ, гдѣ французскій писатель тщательно ограничится необходимымъ и позаботится о выставленіи на видъ основъ и результатовъ въ наиболѣе выпуклыхъ изрѣченіяхъ, англичанину и нѣмцу трудно будетъ не вдаться въ излишнія подробности, не привлечь къ дѣлу посторонняго, при чемъ одинъ склоненъ слишкомъ пренебречь обобщеніемъ, другой слишкомъ затемнитъ имъ частности. Даже тогда, когда замѣчательные мыслители разныхъ національностей имѣютъ въ виду обширную публику и хотятъ придать своимъ произведеніямъ болѣе легкости, они невольно составляютъ себѣ совершенно различное понятіе о легкости, сообразно привычкамъ своего общества. Конечно, самостоятельные умы менѣе другихъ подчиняются національнымъ привычкамъ, переработываютъ традиціи силою мысли и таланта, даже создаютъ новыя литературныя традиціи, но въ этихъ переработкахъ и въ этихъ созданіяхъ все-таки невольно отразится та или другая сторона національной мысли. Наука въ своихъ выводахъ и въ своихъ методахъ останется неизмѣнною, но литература ея въ каждой народности приметъ особый характеръ.

Англійская литература въ послѣднее время стоитъ положительно во главѣ европейскихъ литературъ во всѣхъ отрасляхъ. Милль не имѣетъ соперниковъ въ ряду мыслителей Европы,

такъ-какъ Фейербахъ давно уже остановился на вопросахъ сороковыхъ годовъ. Бокль въ исторіи, Ляйель, Дарвинъ и группа термо-механиковъ въ естествознаніи обозначаютъ своими именами новыя направленія науки, а около нихъ группируется цѣлая фаланга крупныхъ знаменитостей. Романисты Англіи создали беллетристику, съ которой въ настоящую минуту нельзя сравнить ни одну беллетристику на материкѣ. Не мудрено, что при этомъ почти каждый годъ приноситъ намъ изъ Англіи труды, которые обращаютъ на себя вниманіе основательностью и трезвостью мысли, свѣжестью постановки вопросовъ. Главное достоинство англійскихъ трудовъ этого рода составляетъ то возбуждающее дѣйствіе, которое они производятъ. Обыкновенно они вызываютъ многочисленныя противорѣчія. Противники указываютъ на недостаточность ихъ и по полнотѣ, и по плану, и по отдѣлкѣ, но при всей ихъ недостаточности, они вліяютъ сильно на однородную имъ литературу, вызываютъ замѣчательную работу мысли и, чрезъ нѣсколько времени, историки литературы должны сознаться, что къ англійскимъ трудамъ приходится возвести цѣлыя отрасли литературныхъ произведеній, что самые противники ихъ, болѣе или менѣе, подчинились ихъ вліянію. Самые замѣчательные писатели материка несравненно болѣе способны подпасть рутинѣ литературнаго и ученаго преданія, чѣмъ писатели Англіи.

Но эти неоспоримыя достоинства англійской литературы связаны и съ нѣкоторыми недостатками, вліяніе которыхъ пропорціонально вліянію англійскихъ писателей. При множествѣ свѣжихъ и вѣрныхъ мыслей, эти писатели гораздо болѣе стараются о разнообразіи подтвержденій своей мысли примѣрами, чѣмъ о строгости ихъ вывода, а еще менѣе о томъ, чтобы обобщить ихъ, довести до простѣйшихъ началъ и затѣмъ изъ этихъ началъ прослѣдить логическое развитіе слѣдствій до окончательнаго округленія системы. Именно *это* вызываетъ другихъ писателей на работу мысли, но это самое имѣетъ слѣдствіемъ поразительныя неточности, встрѣчающіяся въ самыхъ замѣчательныхъ трудахъ, логическіе промахи, крупные пробѣлы и неосторожныя умозаключенія. Ни Милль, ни Бокль, ни Ляйель не избавлены отъ этихъ недостатковъ, а тѣмъ болѣе Гексли, Льюисъ, Спенсеръ, Грове, Томсонъ, Карлейль и т. д. Относительно одного Дарвина трудно доказать подобное же положеніе. Но вліяніе писателей обыкновенно отражается такъ, что ихъ недостатки столь же быстро переходятъ въ общее литературное достояніе, какъ и ихъ достоинства, тѣмъ болѣе, что, въ первоначальной полемикѣ, противники тычутъ въ глаза недостатками, не признавая достоинствъ, а послѣдователи, въ пылу борьбы, защищаютъ недостатки наравнѣ съ достоинствами. Только современемъ выработывается болѣе трезвый и спокойный взглядъ на вопросы, а между тѣмъ слишкомъ много силъ теряется на развитіе ложныхъ основаній и на оспариваніе истинныхъ. Сами

англійскіе писатели, гордые высокимъ положеніемъ ихъ отечественной литературы и ея вліяніемъ на материкъ, повидимому, вовсе не сознаютъ въ себѣ этой общей наклонности къ недостаткамъ послѣдняго рода, а потому незамѣтно, чтобы эти недостатки уменьшились въ послѣднее время, какъ въ Германіи замѣтно уменьшается склонность къ метафизическимъ пріемамъ мышленія, а во Франціи склонность къ фразёрству и къ національной исключительности въ литературѣ.

Книга Лекки: «Исторія европейской нравственности отъ Августа до Карла-Великаго», по поводу которой пишется эта статья, принадлежитъ хотя и не къ первостепеннымъ, однако, къ весьма замѣтнымъ явленіямъ современной литературы; но именно предметъ, выбранный авторомъ, такого рода, что достоинства и недостатки, о которыхъ я говорилъ предъ этимъ, должны были здѣсь выказаться всего ощутительнѣе. Нельзя не посовѣтовать прочесть эту книгу, и я увѣренъ, что большинство читателей вынесетъ изъ этого чтенія много свѣжихъ мыслей, бо̀льшую ясность взгляда на нѣкоторыя важныя событія исторіи цивилизаціи и охоту самому подумать о многихъ вопросахъ, возбужденныхъ авторомъ. Но я полагаю, что столь же неизбѣжно читатель вынесетъ весьма смутное понятіе объ области, исторію которой пишетъ авторъ, о существенномъ и второстепенномъ въ ея задачахъ, и о томъ отношеніи, которое имѣетъ исторія нравственности къ прогрессу человѣчества.

Нѣтъ области, гдѣ рутинёрное преданіе и предвзятая мысль имѣли бы такое обширное поле дѣйствія, какъ именно область нравственности и ея исторіи. Въ большинствѣ книгъ по этому предмету читатель встрѣтится съ узкимъ взглядомъ моралиста извѣстной партіи, и сейчасъ подмѣтитъ стремленіе гнуть факты и оцѣнивать ученія сообразно нѣкоторымъ догматическимъ предразсудкамъ автора. Именно этотъ недостатокъ не существуетъ въ разсматриваемомъ трудѣ. Прочтя книгу, можно сказать, что авторъ стремится всѣми силами къ тѣмъ двумъ видамъ правдивости мысли, кото̀рые онъ называетъ политическою и философскою правдивостью. Первая составляетъ для него (I, 145) «тотъ духъ безпристрастія, который въ спорныхъ вопросахъ желаетъ полнаго и добросовѣстнаго изложенія всѣхъ мнѣній, доводовъ и фактовъ». Лекки говоритъ о ней справедливо: «Эта привычка къ тому, что называютъ обыкновенно *добросовѣстнымъ состязаніемъ* (fair play), характеризуетъ спеціально свободныя общества и преимущественно питается политическою жизнью. Практика преній создаетъ чувство несправедливости устраненія одной стороны вопроса, чувство, которое распространяется на всѣ формы умственной жизни, и становится существеннымъ элементомъ національнаго характера».

Далѣе онъ говоритъ: «Но за этимъ существуетъ еще высшая форма умственной добродѣтели. Расширеніе умственной культуры, въ особенности же философскія изслѣдованія приводятъ,

наконецъ, людей къ изысканію истины для нея самой, къ установленію обязанности освободить себя отъ духа партіи, отъ предразсудковъ, отъ страсти, и, путемъ любви къ истинѣ, выработать въ себѣ духъ судебнаго безпристрастія въ столкновеніи мнѣній. Люди стремятся имѣть умъ не сектатора, но философа, умъ не человѣка партіи, а государственнаго человѣка».

Именно это высокое безпристрастіе при оцѣнкѣ событій, мнѣній и нравственныхъ типовъ разныхъ историческихъ эпохъ самымъ пріятнымъ образомъ дѣйствуетъ на читателя. Онъ видитъ ясно, что авторъ стремился къ истинѣ, къ одной истинѣ, что онъ пытался быть справедливымъ даже и къ формамъ жизни, ему, очевидно, не симпатичнымъ. Это невольно внушаетъ довѣріе.

Замѣтимъ, что подобная «философская правдивость» — какъ Лекки называетъ—прилагается имъ нетолько къ минувшему, но и къ настоящему. Я не могу не выписать при этомъ случаѣ прекрасной характеристики французовъ и англичанъ, представленной авторомъ, характеристики, гдѣ самый правомѣрный патріотизмъ соединенъ съ самымъ человѣчнымъ взглядомъ на иныя націи (I, 160).

«Главныя національныя добродѣтели французовъ вытекаютъ изъ большой способности ихъ къ сочувствію, способности, служащей также основаніемъ нѣкоторыхъ изъ ихъ самыхъ прекрасныхъ умственныхъ качествъ, ихъ общественныхъ привычекъ и ихъ вліянія на Европу, недопускающаго соперничества. Ни одной націи не привычно на столько и ни въ одной націи не живо такъ сочувствіе къ великимъ битвамъ за свободу, происходящимъ внѣ собственной территоріи. Ни одна литература не выражаетъ духа столь открытаго для впечатлѣній, столь вселенскаго, ни одна не излагаетъ такъ умно и не оцѣниваетъ такъ широко чужія идеи. Ни въ одной странѣ безкорыстная война для поддержанія страждущей національности не нашла бы столь широкой поддержки. Многочисленны и тяжки національныя преступленія Франціи, но многое простится ей, потому что она много любила. Съ другой стороны, англо-саксонскія національности, хотя иногда возбуждались сильнымъ, но проходящимъ энтузіазмомъ, обыкновенно же чрезвычайно узки по мысли, не цѣнятъ другихъ и не склонны къ сочувствію. Великій источникъ ихъ національной добродѣтели есть чувство долга, способность слѣдовать по пути, который они считаютъ надлежащимъ, независимо отъ всякихъ соображеній о сочувствіи или содѣйствіи, объ энтузіазмѣ или успѣхѣ. Другія націи превзошли ихъ во многихъ прекрасныхъ и въ нѣкоторыхъ великихъ качествахъ. Достоинство англо-саксонской расы въ томъ, что она болѣе всѣхъ другихъ произвела людей, подобныхъ Вашингтону, людей, пожалуй, равнодушныхъ къ славѣ, но весьма заботливыхъ о чести; людей, для которыхъ высшее величіе нравственной прямоты составляло руководящее начало

жизни; людей, доказавшихъ въ самыхъ рѣшительныхъ обстоятельствахъ, что ни искушенія честолюбія, ни бури страсти не побудятъ ихъ на волосъ отклониться отъ того пути, который они считаютъ своимъ долгомъ».

Другая важная заслуга Лекки заключается въ томъ, что онъ оставилъ рутинный пріемъ исторіи мысли, господствующій на материкѣ, пріемъ, по которому системы мыслителей составляютъ какъ бы особую традицію, независимую отъ жизни общества, общественные же нравы, привычки, преданія и беллетристика составляютъ особую группу. Лекки разсматриваетъ нравственныя понятія и представленія въ цѣлости ихъ развитія, то концентрирующагося въ системахъ мыслителей, то раздробляющагося въ различныхъ проявленіяхъ общественной жизни *. Это придаетъ его изложенію разносторонность и живость, которыя отсутствуютъ въ обычныхъ исторіяхъ нравственной философіи, переходящихъ отъ одного философскаго автора къ другому. Въ то же время это позволяетъ осмысливать жизненныя явленія лучше, чѣмъ оно было бы возможно при рядѣ картинъ этой жизни.

Еслибы мы захотѣли привести читателямъ всѣ замѣчательныя мѣста книги, гдѣ Лекки высказываетъ свѣжія и вѣрныя мысли, заслуживающія вниманія, намъ пришлось бы выписывать очень много. Впрочемъ, къ иному мы еще вернемся, можетъ быть, впослѣдствіи. Здѣсь попутно замѣтимъ мысль очень простую и брошенную авторомъ мимоходомъ, но на которую публицисты и историки иногда недостаточно обращаютъ вниманія. Мы приводимъ ее, такъ-какъ едва-ли будемъ имѣть случай вернуться къ этому предмету. Авторъ говоритъ объ оцѣнкѣ характера націи (I, 159): «Покорный, добродушный и лояльный народъ, вслѣдствіе этихъ самыхъ качествъ подпадаетъ подъ иго деспотическаго правленія; но эта неограниченная власть всегда оказывала самое вредное вліяніе на правителей; ихъ многочисленныя хищническія и оскорбительныя дѣйствія приписывались исторіею народу, которому эти лица служили представителями, и національный характеръ былъ изображенъ совершенно ложно».

Мы отдаемъ, такимъ образомъ, полную справедливость достоинствамъ труда Лекки, достоинствамъ, которыя доставляютъ этому труду видное мѣсто въ ряду англійскихъ историко-философскихъ произведеній, и принадлежатъ, какъ сказано выше, къ характеристическимъ чертамъ англійской литературы новаго времени въ ея лучшихъ представителяхъ. Но и характеристическіе недостатки здѣсь выставляются также крупно.

Вопервыхъ, въ сочиненіи Лекки васъ поражаетъ недостатокъ системы, безпрестанныя забѣганія впередъ и назадъ въ историческомъ изложеніи, отступленія, повторенія, не совсѣмъ по-

* Въ русской литературѣ были указанія на возможность соединенія этихъ двухъ элементовъ въ исторіи философіи.

нятныя выдѣленія вопросовъ, имѣющихъ свое мѣсто, въ особенныя главы, наконецъ, смѣшеніе историческаго изложенія съ критикою мнѣній. Напримѣръ, вся третья глава, въ 140 страницъ, составляющая болѣе четверти перваго тома, весьма интересна и дѣльна, но къ предмету нисколько не относится. Это диссертація о причинахъ обращенія имперіи въ христіанство, имѣющая въ виду опровергнуть многочисленныя ложныя мнѣнія, существующія на этотъ счетъ. Читатель найдетъ въ ней много для себя полезнаго, но ничего уясняющаго развитіе нравственныхъ идеаловъ или мѣру ихъ. Другимъ примѣромъ можетъ служить послѣдняя, пятая глава книги: «Положеніе женщинъ». Даже въ подробномъ оглавленіи авторъ поставилъ въ концѣ четвертой главы слово: *заключеніе,* слѣдовательно, выдѣлилъ эту пятую главу; но почему? Это съ систематической точки зрѣнія тѣмъ менѣе можно объяснить, что предметъ пятой главы прямо относится къ исторіи нравственности и бо̀льшую часть вопросовъ, заключающихся въ этой главѣ, авторъ неизбѣжно затрогиваетъ во второй и въ четвертой главахъ, по сущности составляющихъ всю основу сочиненія. Поэтому онъ не избѣгаетъ ни повтореній, ни разбрасываній совершенно однородныхъ частностей по разнымъ мѣстамъ своего труда. Подобные формальные недостатки истекаютъ, очевидно, изъ пренебреженія къ систематическому изложенію мысли и къ отдѣлкѣ труда въ его построеніи, пренебреженія, на которое было уже указано, когда мы говорили объ особенностяхъ англійскихъ авторовъ. Впрочемъ, бойкость рѣчи, интересъ содержанія и ясность изложенія Лекки имѣютъ слѣдствіемъ, что читатель не очень непріятно пораженъ этимъ недостаткомъ.

Нельзя этого сказать о теоретическомъ построеніи, лежащемъ въ основѣ исторіи автора. Этому теоретическому построенію посвящена вся первая глава въ 168 страницъ; оно должно уяснить читателю задачу сочиненія, планъ его и послужить опорою для всѣхъ частныхъ историческихъ сужденій; но читатель способенъ вынести изъ первой главы впечатлѣніе крайней неясности нравственныхъ вопросовъ или вообще или для автора въ особенности; впечатлѣніе очень слабой аргументаціи и нѣкотораго недовѣрія къ предстоящей оцѣнкѣ. Наконецъ, эти недостатки теоретическаго построенія отразились въ нѣкоторой степени и на исторической оцѣнкѣ. Авторъ слишкомъ усвоилъ себѣ точку естествоиспытателя и нравственные типы, имъ обрисованные, выходятъ столь же объективно-равноцѣнными, какъ строеніе мухи сравнительно со строеніемъ паука. Они смѣняютъ другъ друга, но вопросъ о нравственномъ развитіи или паденіи при смѣнѣ этихъ типовъ одинъ другимъ, вопросъ о прогрессѣ или регрессѣ при этомъ, какъ бы не существуетъ. Авторъ даже положительно высказываетъ въ иныхъ мѣстахъ, что нравственный прогрессъ въ одномъ отношеніи всегда сопровождается регрессомъ въ другомъ. Все это сообщаетъ его исторіи нрав-

ственности видъ панорамы, не представляющей философскаго интереса, такъ-какъ для прошедшаго имѣешь лишь результатъ: бывали очень различные нравственные типы; для настоящаго и будущаго: приходится относиться индифферентно къ различію нравственныхъ взглядовъ, такъ-какъ безусловнаго преимущества однихъ передъ другимъ не имѣетъ. Мы теперь же выскажемъ прямо, что считаемъ подобное заключеніе радикально ложнымъ.

Подобный взглядъ на исторію нравственности тѣмъ болѣе можетъ поразить читателя, что, читая первую сотню страницъ произведенія, онъ скорѣе имѣетъ поводъ ожидать совершенно противнаго. Здѣсь авторъ излагаетъ и оцѣниваетъ взгляды на нравственность, выработанные двумя различными школами англійскихъ мыслителей, именно школою утилитаристовъ и школою прямаго воззрѣнія (intuitive school). При этомъ авторъ весьма рѣшительно становится въ ряды послѣдней школы и всѣми силами полемизируетъ противъ утилитаристовъ. Лекки характеризуетъ различіе мнѣній этихъ двухъ направленій (распадающихся, впрочемъ, на много оттѣнковъ) слѣдующимъ образомъ (I, 127): «Школа, исходящая изъ основной истины, что всѣ люди желаютъ счастія, и стремящаяся развить изъ этого начала всѣ нравственныя ученія, и школа, возводящая наши нравственныя системы къ воспріятію прямаго воззрѣнія (intuitive perception), что нѣкоторыя части нашей природы выше или лучше другихъ». Въ другихъ мѣстахъ онъ устанавливаетъ болѣе опредѣленно особенности школъ. Такъ, онъ говоритъ объ утилитаріанцахъ (I, 75), что они, «не вѣруя въ существованіе нравственнаго чувства или способности, открывающей намъ, что̀ добро и что̀ зло, утверждаютъ, что источникъ этихъ представленій заключается просто въ нашемъ опытѣ относительно стремленія различныхъ родовъ поведенія содѣйствовать или мѣшать истинному счастію». Мнѣнія же противоположной школы (которой самъ придерживается) онъ формулируетъ такъ (I, 102): «Все необходимое во мнѣніяхъ приверженцевъ этой школы заключается въ двухъ предложеніяхъ: вопервыхъ, наша воля не руководится исключительно закономъ удовольствія и страданія, но и закономъ долга, закономъ, который мы сознаемъ, какъ отличный отъ предыдущаго, и влекущій за собою чувство обязательности. Вовторыхъ, основа нашего попеченія о долгѣ есть воспріятіе прямаго воззрѣнія, что между различными чувствованіями, стремленіями и побужденіями, составляющими наше аффектируемое существо (emotional being), иныя существенно хороши, и ихъ слѣдуетъ поощрять, а иныя существенно дурны, и ихъ слѣдуетъ подавлять. Они утверждаютъ, какъ психологическій фактъ, что мы сознаемъ прямымъ воззрѣніемъ превосходство нашихъ доброжелательныхъ аффектовъ надъ зложелательными, правды надъ ложью, справедливости надъ несправедливостью, благодарности надъ неблагодарностью, половой воздержности надъ чувственностью, и что всегда и вездѣ до-

бродѣтель была направлена къ высшимъ чувствованіямъ, а не къ низшимъ».

Въ своей полемикѣ противу утилитаризма Лекки еще съ бòльшею опредѣленностью выставляетъ фактъ существованія постояннаго элемента въ нравственности. «Цѣль человѣка—говоритъ онъ (I, 120)—есть полное развитіе его существа въ той симметріи и пропорціональности, которая назначена ему его природою, и это развитіе обусловливаетъ, что высшее, господствующее побужденіе его жизни должно быть побужденіе нравственное». Во всѣ времена добродѣтель состояла въ развитіи однихъ и тѣхъ же чувствованій, хотя мѣрки достигнутой доблести могли быть различны. Но нравственные факты вѣрнѣе выражаются терминами: выше и ниже, болѣе или менѣе благородно; болѣе или менѣе чисто, чѣмъ терминами добро и зло, добродѣтель и порокъ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ наши нравственныя различія безусловны и неизмѣнны... Существуютъ дѣйствія, столь явно и столь грубо противныя нашимъ нравственнымъ чувствамъ, что они считались зломъ на самыхъ низшихъ ступеняхъ развитія этихъ чувствъ» (113). «Мы утверждаемъ одно неизмѣнное положеніе: доброжелательство есть всегда настроеніе добродѣтельное; чувственная сторона нашей природы есть всегда сторона низшая» (114).

Послѣ этого конечно можно ожидать, что авторъ разберетъ строго элементы «неизмѣнно добродѣтельныхъ» чувствованій и дѣйствій, и что аргументы его въ пользу этой неизмѣнности начала добра и начала зла опираются на научныя данныя, вполнѣ очевидныя или критически изслѣдованныя. Но при внимательномъ чтеніи оказывается, что Лекки пытается лишь доказать, на сколько точка зрѣнія утилитаристовъ расходится съ *обычнымъ* употребленіемъ словъ: добродѣтель и порокъ. «Если моралисты утверждаютъ — говоритъ онъ (I, 34), — что все называемое нами добродѣтелью, извѣстно подъ этимъ названіемъ лишь изъ-за своей полезности, и что лишь разсчетъ дѣйствующаго лица служитъ ему побужденіемъ для добрыхъ дѣлъ, то мы спросимъ естественно (?) прежде всего, на сколько эта теорія согласна съ чувствами и съ рѣчью человѣчества. Но на основаніи этого критерія, не было ученія болѣе рѣшительно осужденнаго, какъ утилитаризмъ. На всѣхъ своихъ ступеняхъ, во всѣхъ своихъ утвержденіяхъ, онъ прямо противорѣчитъ обычной рѣчи и обычнымъ чувствамъ. У всѣхъ народовъ и во всѣ времена, идея разсчета и пользы съ одной стороны, добродѣтели—съ другой, были для массы совершенно различны и всѣ языки признаютъ это различіе». Лекки ссылается (I, 10) на «общій голосъ человѣчества, который неизмѣнно считалъ добродѣтельное побужденіе принадлежащимъ иному роду, чѣмъ побужденія разсчета». Онъ заключаетъ свою полемику словами (I, 50): «Я думаю, что приведенныя мною соображенія достаточны для выясненія, что начало утилита-

ризма, при полномъ развитіи его логическихъ выводовъ, нисколько бы не совпадало съ обычными нравственными понятіями». Едва-ли въ какой либо области науки подобные аргументы могутъ быть признаны основательными: разногласіе съ *обычнымъ* взглядомъ на вещи и съ *обычнымъ* способомъ выраженія можетъ служить поводомъ къ болѣе внимательной критикѣ, и только. Обычная рѣчь есть точка отправленія научнаго изслѣдованія; но не можетъ служить ни способомъ повѣрки этого изслѣдованія, ни ненарушимою гранью критики. Еще менѣе научными можно признать выраженія Лекки (I, 15) объ «откровеніи добра и зла» путемъ особенной способности».

Но напрасно искали бы мы у него и точнаго перечисленія тѣхъ началъ, которыя онъ считаетъ добродѣтелями. Въ разныхъ мѣстахъ его труда и въ особенности, въ первой главѣ, мы имѣемъ различные списки добродѣтелей и, даже, различную группировку ихъ. Повидимому, всего опредѣленнѣе онъ выразился (I, 161), различая четыре группы добродѣтелей: героическія, пріязненныя (amiable), промышленныя и умственныя, но въ другихъ мѣстахъ говорится о добродѣтеляхъ общественныхъ (I, 135, 157), благодѣтельныхъ (charitable) (I, 157), аскетическихъ (I, 135) и т. дал., при чемъ нигдѣ не указано отношеніе этихъ группъ къ прежнимъ, или различіе ихъ объемовъ. Изъ частныхъ добродѣтелей чаще другихъ упоминаются: доброжелательство (benevolence), половая воздержанность (chastity), справедливость и правдивость; но встрѣчаемъ и много другихъ, которыя едва-ли авторъ подводитъ подъ одну изъ предыдущихъ рубрикъ; таковы: благодарность, скромность, политическій энтузіазмъ въ его трехъ видахъ: лояльности, любви къ отечеству, любви къ свободѣ; далѣе уваженіе (reverence), благочестіе (devotion) (I, 84), довѣріе къ провидѣнію, довольство и примиреніе съ судьбою (resignation) (I, 145); смиреніе, терпѣливость въ оскорбленіяхъ (161), даже покорность (obedience) (163), неувѣренность въ себѣ (149) упоминаются въ такомъ смыслѣ, что, повидимому, авторъ относится къ нимъ какъ къ различнымъ проявленіямъ добродѣтели; хотя на ряду съ ними упоминаетъ, какъ добродѣтели инаго типа, предпріимчивость, ненависть къ предразсудкамъ. *Однажды*, мимоходомъ, сказано (145) о твердости въ мнѣніяхъ, впрочемъ религіозныхъ. При пересмотрѣ этого смутнаго ряда добрыхъ качествъ человѣка, невольно приходишь къ мысли, что авторъ весьма небрежно отнесся къ тому самому, что̀, по его собственному взгляду на исторію нравственности, должно бы составлять основу его разсужденія. Чѣмъ громче онъ говоритъ *о постоянныхъ* началахъ добродѣтели, тѣмъ труднѣе читателямъ разглядѣть эти начала въ его частныхъ разсужденіяхъ. Въ одномъ мѣстѣ (I, 95) вы находите, что «порочность воровства, убійства, лжи и прелюбодѣянія опирается непосредственно на повелѣнія совѣсти», слѣдовательно, какъ будто бы, должна быть постоянно созна-

ваема. Въ другомъ мѣстѣ (I, 145) авторъ приводитъ примѣръ личностей и народовъ, одаренныхъ многочисленными добродѣтелями, но «лжецовъ и плутовъ по привычкѣ». Вы встрѣтите не разъ увѣренія, что «существенная природа добродѣтели и порока остается неизмѣнною» (I, 154), что «первоначальныя начала нравственности неизмѣнны» (I, 156), но рядомъ съ этимъ можно поставить замѣчаніе Лекки (I, 299), что факты изъ временъ римской имперіи «выказываютъ живѣе чисто-философскаго изслѣдованія, до какой глубины безнравственности можетъ доходить человѣческая природа». Что же именно Лекки нашелъ неизмѣннаго въ добродѣтеляхъ, которыя, по его собственному выраженію, могутъ «вымирать» (I, 154) въ непрерывной смѣнѣ типовъ добродѣтелей — этого нигдѣ не видно.

Повидимому, всего опредѣленнѣе авторъ выражается о смыслѣ *различныхъ* типовъ добродѣтели въ слѣдующихъ словахъ (I, 148): «Я, просто, утверждаю слѣдующее положеніе: существуетъ естественная исторія нравственности, опредѣленный и правильный порядокъ, въ которомъ развиваются наши нравственныя чувства, или, иными словами, существуютъ нѣкоторыя группы добродѣтелей, которыя происходятъ самостоятельно изъ обстановки и нравственныхъ условій жизни не цивилизованнаго народа, и существуютъ другія группы, которыя составляютъ нормальный и естественный продуктъ цивилизаціи. Добродѣтели нецивилизованныхъ людей признаются за добродѣтели людьми цивилизованными, но не осуществляются ими съ тѣмъ же совершенствомъ, и получаютъ иное положеніе на лѣстницѣ обязанностей». Здѣсь какъ будто можно уловить мысль, что съ увеличеніемъ цивилизаціи сумма добродѣтелей увеличивается, но это несогласно съ мыслью (157): «Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ условія умственнаго успѣха неблагопріятны для успѣха нравственнаго», и съ другою (154): «Въ обществахъ можетъ быть нѣчто въ родѣ нравственнаго успѣха, но рѣдко или никогда не встрѣчается широкаго проявленія чистаго успѣха. Можетъ быть, мы выигрываемъ болѣе чѣмъ теряемъ, но мы всегда нѣчто теряемъ. Есть добродѣтели непрерывно вымирающія съ успѣхомъ цивилизаціи».

На основаніи другихъ мѣстъ можно бы допустить, что, по мнѣнію автора, всѣ добродѣтели въ нѣкоторомъ минимумѣ прирождены духу человѣка и признаются обществами, но «непрерывно измѣняется лишь мѣра, въ которой онѣ обязательны и относительное достоинство частныхъ добродѣтелей», такъ, что «въ нѣкоторыхъ случаяхъ развитіе одной группы несовмѣстно, если не съ существованіемъ, то съ высокимъ положеніемъ другой группы» (I, 161). Но и это оказывается недостаточнымъ, такъ-какъ легко замѣтить изъ приведеннаго выше списка добродѣтелей, что въ немъ находятся качества, взаимно другъ друга отрицающія, какъ неувѣренность въ себѣ и предпріим-

чивость, ненависть къ предразсудкамъ и смиреніе, покорность, благочестіе, уваженіе (reverence), о которомъ авторъ даже говоритъ (I, 148), что «къ нему наиболѣе рѣшительно можетъ быть приложенъ эпитетъ *прекраснаго* изъ всѣхъ формъ нравственнаго добра».

Остается только сознаться, что теорія постояннаго элемента добра для автора осталась неясною, и что онъ ея уясненію не придалъ особеннаго значенія, такъ-какъ практическаго значенія для исторіи эта теорія на его взгляды вовсе не имѣетъ. Здѣсь особенно, по его мнѣнію, важна разница нравственныхъ типовъ и ихъ взаимные переходы. На эту разницу и на вліянія, ее производящія, авторъ и обратилъ особенное вниманіе. Онъ не оставляетъ въ сторонѣ ни вліянія климата (151) и народныхъ привычекъ, ни образованія нравственныхъ теорій изъ предшествующей имъ обычной культуры, при чемъ очень мѣтко говоритъ (I, 58): «Нравственность людей гораздо болѣе зависитъ отъ цѣлей, ими преслѣдуемыхъ, чѣмъ отъ ихъ мнѣній. Сперва обстоятельства составляютъ нѣкоторый типъ добродѣтели, и люди потомъ принимаютъ его за образецъ, по которому устроиваютъ свои нравственныя теоріи». Весьма мѣтко замѣчаніе о вліяніи общественной культуры на физіологическія данныя нравственнаго типа личности (165): «Воинственное, утонченное, промышленное общество вызываетъ и требуетъ спеціальныхъ качествъ и производитъ соотвѣтственный типъ. Если является человѣкъ инаго типа.... то онъ не найдетъ надлежащаго поля для своей дѣятельности, онъ придетъ въ столкновеніе съ своимъ временемъ, и на его типъ будутъ смотрѣть непріязненно. Результатъ этого противодѣйствія не только въ томъ, что этотъ человѣкъ не будетъ оцѣненъ по достоинству, но ему никогда не удастся и развить свои характеристическія добродѣтели, какъ онѣ развились бы при другихъ обстоятельствахъ. Все будетъ противъ него—сила воспитанія, привычки общества, мнѣнія человѣчества, даже его собственное чувство долга. Такъ-какъ всѣ высшіе образцы доблести около него составлены по другому типу, то самыя стремленія его къ совершенствованію будутъ заглушать въ немъ качества, въ которыхъ онъ, по своей природѣ, долженъ бы особенно высоко стоять. Отсюда измѣнчивость типовъ, вызываемыхъ измѣнчивостью обстоятельствъ». По мнѣнію Лекки (162) «характеры Сократа, Катона, Баярда, Фенелона, Франциска д'Ассизи всѣ прекрасны, но различны по роду, а не только по степени доблести». «Элементарныя добродѣтели различаются въ разныя времена, у разныхъ народовъ, въ разныхъ общественныхъ слояхъ... Наиболѣе важное дѣло, представляющееся историку нравственности, это — открытіе для каждаго періода той элементарной добродѣтели, которая въ различной степени опредѣляетъ положеніе всѣхъ остальныхъ добродѣтелей» (163). Становясь на эту точку зрѣнія, авторъ совершенно опредѣленно

поставилъ свою задачу (168): «Моя настоящая цѣль—просто указать вліяніе внѣшнихъ обстоятельствъ на нравственность, разсмотрѣть, каковы были нравственные типы, предположенные въ различныя времена, какъ идеалы, на сколько они были осуществлены на практикѣ, и какія причины ихъ измѣняли, развивали или разрушали». Въ концѣ сочиненія авторъ прибавляетъ (II, 292), что онъ имѣлъ въ виду разъяснить «не только природу разсказанныхъ (имъ) нравственныхъ фактовъ, но и ихъ значеніе, показать, на сколько они вліяли на послѣдовательныя общественныя измѣненія».

Вся эта теорія типовъ и задача, поставленная авторомъ въ его исторіи, ничего не имѣетъ общаго съ вопросомъ о вѣрности утилитаризма или теоріи прямого воззрѣнія въ этикѣ и соціологіи. Ученіе, исповѣдуемое авторомъ, и его планъ исторіи нравственности существуютъ каждый самъ по себѣ, и потому именно содержаніе его книги могло быть весьма поучительно, несмотря на крайнюю слабость его теоретической аргументаціи. Измѣненіе *проявленій* нравственности имѣетъ свой интересъ, какъ всякій разсказъ объ измѣненіи *культурныхъ формъ*. Но едва-ли можно согласиться, что этимъ рядомъ картинъ *ограничивается* задача историка нравственности. Изученіе исторіи вообще было бы забавою празднаго любопытства, еслибы все дѣло заключалось въ описаніи смѣняющихся формъ общественной жизни и фейерверка событій. Историкъ долженъ пытаться *понять* исторію, какъ химикъ пытается *понять* связь явленій, а не ограничивается ихъ описаніемъ. Исторія науки не можетъ безразлично разсказывать содержаніе послѣдовательныхъ сочиненій по данному предмету: она должна выдѣлять наростаніе научной истины изъ массы заблужденій, неизбѣжныхъ въ каждую эпоху, изъ массы метафизическихъ мечтаній, всегда окружавшихъ зерно реальной истины, изъ массы любопытныхъ фактовъ, составлявшихъ образъ эрудиціи, но остававшихся непонятными. Неужели нравственныя начала еще такъ мало подлежатъ научной оцѣнкѣ, что о нихъ приходится говорить какъ о любимыхъ кушаньяхъ разныхъ народовъ, прибавляя: о вкусахъ не спорятъ? Для утилитариста исторія нравственности имѣетъ смыслъ лишь какъ расширеніе или съуженіе пониманія общей пользы, — ея воплощенія въ жизнь и въ общественныя формы. Для того, кто вѣритъ въ неизмѣнныя начала нравственности и добра, эта исторія не можетъ имѣть другаго смысла, какъ указаніе бо̀льшаго или меньшаго выясненія въ теоріи и осуществленія на практикѣ именно *этихъ* неизмѣнныхъ началъ. Лишь для рутинера или индиферентиста можетъ быть удовлетворительна исторія нравственности, представляющая прагматическій разсказъ о смѣнѣ культурныхъ идеаловъ нравственности, неосвѣщенная ни идеей общей пользы, ни идеей безусловной нравственности. Я не хочу обвинять Лекки ни въ рутинерствѣ, ни въ индифферентизмѣ, а готовъ объяснить предѣлы, имъ себѣ по-

ставленные въ исторіи, лишь привычками англійской мысли, но считаю необходимымъ указать на неполноту задачи имъ высказанной, и на необходимость внести въ его сочиненіе дополнительное начало освѣщающей основной мысли.

Такъ-какъ весьма возможно, что сочиненіе Лекки будетъ переведено на русскій языкъ, то мнѣ бы хотѣлось на слѣдующихъ страницахъ дать читателю нѣсколько замѣтокъ, которыя, по моему мнѣнію, болѣе способны уяснить читателю задачи и основы исторіи нравственности, чѣмъ первая глава книги Лекки. Въ то же время эти замѣтки могли бы служить, какъ мнѣ кажется, полезнымъ введеніемъ къ чтенію слѣдующихъ главъ, весьма заслуживающихъ ихъ вниманія, и къ различенію существеннаго процесса въ ходѣ нравственной мысли, за періодъ, разсматриваемый авторомъ, отъ пестрыхъ формъ, сопровождающихъ этотъ процессъ, но неимѣющихъ особеннаго научнаго значенія.

Я счелъ нужнымъ остановиться на этомъ вопросѣ потому, что въ настоящее время на правильную постановку соціологическихъ вопросовъ приходится обратить самое усиленное вниманіе. Европейское общество вступило за послѣдніе 25 лѣтъ въ періодъ потрясеній, гдѣ самыя основы общественной жизни подвергаются опасности патологическаго процесса, если законы физіологіи общества не будутъ уяснены и рутина или эмпиризмъ будутъ руководить вліятельныхъ дѣятелей. Наше отечество въ этомъ отношеніи менѣе отличается отъ Европы, чѣмъ можно бы подумать по чрезвычайной отсталости нашей политической жизни отъ Европы. Одинъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ современной соціологіи заключается въ томъ, что фикція раздѣльности областей экономическихъ, юридическихъ и нравственныхъ явленій болѣе и болѣе сознается какъ слишкомъ элементарный пріемъ науки, неприложимый къ самымъ обыденнымъ вопросамъ общественной жизни. Политическій экономъ и юристъ, воображающіе разрѣшать соціологическіе вопросы при помощи своихъ абстрактныхъ теорій богатства и законности, похожи на ятро-механиковъ или на ятро-химиковъ старой медицины, когда считали достаточнымъ механическія или химическія знанія, взятыя отдѣльно, для леченія болѣзней. Медики въ настоящее время называютъ свою школу школою *физіологической* медицины. Они опираются на элементарные законы механики и химіи *одновременно*, но берутъ въ соображеніе ту особенную группировку, въ которую механическія и химическія явленія вступаютъ въ организмѣ. Соціологи настоящаго времени опираются на необходимые законы экономическихъ явленій, на культурную среду обычнаго права и установившагося кодекса, но они сознаютъ, что общественная связь есть связь преимущественно нравственная, что лишь нравственныя задачи даютъ санкцію экономическимъ отношеніямъ, что лишь нравственный смыслъ придаетъ жизнь мерт-

вой буквѣ обычая и закона; что лишь нравственная сила связываетъ общество въ цѣльный организмъ. Физіологи-реалисты смѣются надъ фикціею жизненной силы; реалисты-социологи также иронически относятся къ абстрактной морали, незнающей условій необходимаго и возможнаго. Но жизнь есть реальный процессъ, выдѣляющій особую область въ механизмѣ міра; точно также нравственность есть реальная область, выдѣляющаяся изъ міра необходимыхъ побужденій. Соціологія должна знать законы этой области въ ихъ особенности. Но всѣ соціологическіе вопросы уясняются преимущественно исторіею. Поэтому и правильное пониманіе роли нравственнаго элемента въ исторіи есть не вопросъ простого любопытства, а важная задача соціологіи. Именно о правильномъ пониманіи роли нравственнаго элемента въ исторіи мнѣ и хочется поговорить съ читателемъ на слѣдующихъ страницахъ.

II.

Утилитаризмъ.

«Краткое изслѣдованіе природы и основъ нравственности, кажется, составляетъ очевидное и, въ дѣйствительности, даже неизбѣжное вступленіе въ разсмотрѣніе нравственнаго развитія Европы». Такими словами начинаетъ Лекки свою исторію, хотя, во вступленіи, имъ написанномъ, онъ не только не даетъ основаній для послѣдующаго изслѣдованія, но, скорѣе, затемняетъ его. Тѣмъ не менѣе съ этими словами нельзя не согласиться, и всякая исторія нравственности можетъ опираться лишь на ясно опредѣленную теорію нравственности, иначе исторія можетъ упустить изъ виду весьма важные элементы событій нравственнаго міра и завалить свое настоящее содержаніе громадною массою анекдотическаго хлама. Лишь строго обдуманная теорія уяснитъ объемъ и предѣлы содержанія исторіи.

Но этика или теорія нравственности есть наука выводная или дедуктивная, т.-е прямое наблюденіе и его обсужденіе даютъ въ ней истины элементарныя и простыя, изъ которыхъ, путемъ совокупленія и развитія основныхъ понятій, получаются уже истины высшія и болѣе сложныя, тогда какъ въ наукахъ наведенія или индуктивныхъ наблюденіе даетъ истины высшія и болѣе сложныя, изъ которыхъ слѣдуетъ получить основныя начала путемъ наведенія въ то же время, какъ, путемъ вывода, получаются еще болѣе сложныя истины. Такъ въ химіи и въ органической морфологіи было извѣстно много частныхъ истинъ прежде, чѣмъ тщательное приложеніе индуктивныхъ методовъ позволило открыть общіе законы, и, при всей тщательности изслѣдованій, химики увѣрены, что имъ предстоитъ еще открыть болѣе элементарные законы, обусловливающіе разнообразіе вещества; біологи же знаютъ очень хорошо, что всѣ

предшествовавшія розысканія привели ихъ лишь на первыя ступени пониманія элементарныхъ законовъ органическаго строенія

Не такъ въ наукахъ выводныхъ, напримѣръ въ математикѣ, съ которою этика имѣетъ много точекъ сходства. Новѣйшія изслѣдованія психологовъ доказали, повидимому, убѣдительно, что наши понятія о геометрическихъ величинахъ и о числахъ возникаютъ путемъ наблюденія и развиваются на своихъ первыхъ шагахъ по началамъ умозаключенія, по наведенію, но весь этотъ путь совершается человѣческою мыслью *до* того времени, когда мысль становится способною къ сознательной научной дѣятельности. Когда мы задаемъ себѣ первый геометрическій или ариѳметическій вопросъ въ научномъ смыслѣ, то въ нашемъ умѣ уже готовы не отдѣльныя сложныя математическія истины, не отрывочныя представленія, но самыя *понятія* числа и разстоянія. Дѣло ученія заключается лишь въ томъ, чтобы уяснить эти понятія, придать имъ опредѣленность, развить ихъ въ рядъ простѣйшихъ истинъ и, комбинируя эти истины, идти далѣе и далѣе къ истинамъ болѣе сложнымъ.

Точно такъ же въ этикѣ. Нравственныя понятія вырабатываются изъ многочисленныхъ жизненныхъ наблюденій и формируются путемъ индукціи, но все это совершается въ сферѣ безсознательной жизни мысли. Пока человѣкъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ необходимости, пока онъ разсчитываетъ свои выгоды, увлекается страстью или подчиняется культурнымъ привычкамъ, до тѣхъ поръ онъ не живетъ нравственною жизнью, законы этики къ нему неприложимы и не могутъ быть выводимы изъ его дѣятельности. Но лишь только человѣкъ дошелъ до того развитія, когда онъ себѣ сознательно поставилъ вопросъ *нравственный*, этотъ вопросъ является крайне простымъ, очевиднымъ, и дѣло науки заключается лишь въ томъ, чтобы и здѣсь уяснить понятія, уже пріобрѣтенныя личностью не въ формѣ отрывочныхъ представленій, а именно въ формѣ понятій. Они весьма легко укладываются въ основныя, элементарныя теоремы, позволяютъ развитіе этихъ теоремъ въ болѣе сложныя слѣдствія, приложеніе ихъ къ задачамъ практическимъ и т. под. Главное отличіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, главная трудность науки нравственности заключается лишь въ двухъ обстоятельствахъ. По сложности нравственной жизни и по ея многочисленному сплетенію съ жизненными вопросами другихъ сферъ, гораздо труднѣе выдѣлять элементарныя понятія нравственности изъ массы другихъ представленій, съ ними соединенныхъ, чѣмъ выдѣлить понятія числа и протяженія изъ сопутствующихъ имъ чувственныхъ образовъ. Кромѣ того обычная рѣчь захватила на столько термины нравственности и такъ безсмысленно приложила ихъ къ безчисленному множеству случаевъ, гдѣ ровно ничего нѣтъ нравственнаго, что, при научномъ изслѣдованіи, приходиться бороться съ установившеюся привычкою рѣчи; это

встрѣчается въ математикѣ въ несравненно меньшей степени, можетъ быть уже и потому, что эпоха выработки языковъ цивилизованнаго человѣчества слѣдовала за усвоеніемъ простѣйшихъ научныхъ понятій математики, а не предшествовала ему, тогда какъ этика и соціологія едва вступаютъ въ свой научный фазисъ. Къ этимъ двумъ неудобствамъ присоединяется третье, которое, можетъ быть, позволительно считать временнымъ, но которое въ настоящее время оказываетъ громадныя препятствія усвоенію научныхъ началъ этики. Оно заключается въ томъ, что къ научному изученію математики приступаютъ съ молодыхъ лѣтъ, когда извращающихъ привычныхъ представленій накопилось еще немного и они легко устранимы, учители-же считаютъ дѣйствительною обязанностью давать ученикамъ научныя, а не рутинныя понятія; тогда какъ къ этикѣ и къ соціологіи приступаютъ даже съ добросовѣстнымъ желаніемъ критическаго изслѣдованія вопросовъ, лишь въ годы, когда рутина жизни внесла въ умъ множество ложныхъ представленій, когда трудно оставить привычные взгляды на жизнь, а къ тому же огромное большинство лицъ, берущихъ на себя обязанности учителей по этикѣ и по соціологіи, стремится всѣми силами отнестись къ вопросамъ этихъ наукъ не критически, а тенденціозно, большею частію именно въ смыслѣ существующей культурной рутины, и стремится внушить ученикамъ даже отвращеніе отъ критики въ этой области.

Тѣмъ не менѣе и въ формѣ ложныхъ ученій и въ формѣ научнаго изслѣдованія эти науки выказываютъ преобладаніе выводнаго характера. Рутинеры и критики одинаково стремятся получить прямо нѣкоторыя элементарныя истины, которыя, комбинируясь, дали бы нравственную и общественную теоріи. Приступая прямо къ сложнымъ задачамъ нравственности, получая для нихъ искусственное рѣшеніе (напримѣръ, на основаніи повѣрки ихъ общепринятымъ мнѣніемъ), мы придемъ неизбѣжно къ весьма запутаннымъ и неубѣдительнымъ методамъ, какъ пришли бы къ подобнымъ же методамъ мыслители, которые бы пожелали извлечь математическія аксіомы изъ бухгалтеріи страховаго общества, изъ пріемовъ землемѣра или изъ законовъ передачи движенія на машинахъ. При этомъ безъ натяжки теорія обойтись едва-ли можетъ, а всего вѣроятнѣе, что подобный пріемъ въ нравственности и въ соціологіи привелъ бы къ собранію ряда любопытныхъ свѣдѣній и картинокъ, но теоріи не далъ бы никакой.

Такимъ образомъ вопросы о нравственныхъ понятіяхъ представляются въ двухъ существенно различныхъ видахъ. Собственно въ психологію входитъ теорія *генезиса* нравственныхъ понятій, безъ уясненія которой, мы вѣчно будемъ сбиваться въ предѣлахъ возможнаго для нравственныхъ силъ человѣка. Этотъ генезисъ долженъ указать связь нравственныхъ явленій съ болѣе обширною областью необходимыхъ психическихъ побужде-

ній и предѣлы, поставляемые нравственному развитію личностей и обществъ условіями времени и обстоятельствъ. За тѣмъ *феноменологія* нравственныхъ понятій и ихъ жизненное приложеніе въ личности и въ обществѣ составляетъ самую теорію личной и общественной нравственности. Безъ уясненія послѣдней невозможно выдѣлить область научнаго пониманія долга и права изъ колеблющихся увлеченій минуты, рутиннаго служенія буквѣ легальности или предразсудку обычая и вопросъ о нравственномъ прогрессѣ остается крайне смутнымъ. Первая половина изслѣдованій о нравственности индуктивна, вторая—дедуктивна, но первая къ этикѣ вовсе не относится, какъ не относится къ математикѣ теорія происхожденія математическихъ понятій. Смѣшеніе вопросовъ двухъ этихъ областей не можетъ служить въ пользу ни которой изъ нихъ.

Школа утилитаристовъ оказала особенныя заслуги по разработкѣ *генезиса* нравственныхъ понятій. Она ихъ возвела къ ихъ элементарному психическому началу, къ *необходимому* элементу всякаго побужденія, всякаго стремленія, всякой дѣятельности. Она же указала самый общій принципъ человѣческой осмысленной дѣятельности, *предшествующій* проявленію нравственнаго начала въ человѣкѣ, но способный дать прочныя основанія общественной жизни. Школа прирожденной нравственности особенно обратила вниманіе на *феноменологію* нравственности, на тѣ обособляющія явленія, которыя характеризуютъ нравственный элементъ въ личности и въ обществѣ. Но та и другая школа придала своимъ построеніямъ нѣсколько одностороннюю форму, потому что ни та ни другая не хотѣла и не хочетъ сознать, что онѣ разработываютъ двѣ *особыя* области и что ихъ пріемы, годные для одной области, вовсе не годны для другой.

Утилитаристы полагаютъ, что *закончили* теорію нравственности, возводя ее къ простѣйшему и болѣе общему началу, лежащему *внѣ* области нравственности и охватывающему множество явленій, къ ней вовсе не относящихся. Они дѣлаютъ ту же ошибку, которую сдѣлали бы новѣйшіе физики, доказавшіе, что теплота есть превращенное движеніе, еслибы эти физики стали отрицать самое *ощущеніе* теплоты, свели бы всю теорію теплоты на механику и отожествили бы первую съ послѣднею. Метафизически, т.-е. съ точки зрѣнія безусловнаго существа, можетъ быть, и точно теплота есть не что иное, какъ видоизмѣненное движеніе, но *для человѣка* ощущеніе теплоты *всегда* останется ощущеніемъ sui generis, и глава о теплотѣ, какъ особенномъ явленіи, никогда не исчезнетъ изъ физики, писанной *для человѣка*. Точно также разсчетъ пользы можетъ сознательно или безсознательно предшествовать сознанію нравственной обязанности, и для общенія между мыслящими существами, это начало болѣе научное, чѣмъ нравственное сознаніе долга (что̀ мы уяснимъ ниже), но для человѣка, пробужденнаго

къ нравственной жизни, сознаніе *личнаго убѣжденія* будетъ всегда явленіе sui generis, имѣющимъ свои *особенныя* формы, и требующимъ особенной главы для своего изслѣдованія. Анализъ утилитаристовъ не полонъ.

Но гораздо важнѣе еще ошибки ихъ противниковъ. Школа непосредственной, прирожденной нравственности дѣлаетъ ложное предположеніе, что обязательность нравственныхъ началъ распространяется не только на людей, выработавшихъ въ себѣ убѣжденіе, но и на всѣхъ людей, т.-е., отрицаетъ подчиненіе человѣка законамъ необходимаго и условіямъ возможнаго, а въ то же время распространяетъ большею частью положеніе объ обязательныхъ началахъ нравственности не только на ея субъективные элементы, но и на разныя объективныя культурныя формы. Отсюда выходитъ, съ одной стороны, склонность къ отвлеченной морали, никого и никогда не руководившей; съ другой стороны — склонность къ идолопоклонству предъ обычаемъ, что̀ ведетъ къ самому пестрому разнообразію нравственности, которая предполагается врожденною всѣмъ людямъ и обязательною для всѣхъ людей. Не мудрено, что изслѣдователи, привычные къ научнымъ методамъ, несравненно охотнѣе примыкаютъ къ лагерю утилитаристовъ, которые строго послѣдовательны, чѣмъ къ школѣ, выставляющей практическія требованія, противорѣчивыя съ жизнью, и теоретическія начала, противорѣчивыя съ слѣдствіями этихъ же самыхъ началъ. До сихъ поръ большая часть работъ этой школы дала лишь матеріалъ для будущихъ изслѣдованій, а научный результатъ этихъ работъ крайне незначителенъ; возраженія же, противопоставляемыя этою школою утилитаристамъ, большею частью, весьма слабы. Но надо сознаться, что замѣчательнѣйшіе представители обѣихъ школъ вовсе не такъ далеко отстоятъ другъ отъ друга, какъ оно кажется съ перваго взгляда.

Самъ Лекки сознается (1,72), что удовольствіе и страданіе составляютъ элементарныя основы дѣятельности, и если мы ищемъ перваго и избѣгаемъ второго, то нельзя подобный фактъ объяснить ни чѣмъ инымъ, какъ устройствомъ нашей природы, сообразно которому мы такъ поступаемъ. Это есть и начало, признаваемое утилитаристами. Трудно въ немъ не сознаться и всякому теоретику, не закрывающему глаза передъ фактами наблюденія и предъ собственнымъ сознаніемъ. Но это начало, при своей простотѣ и общности, служитъ точкою отправленія не только для нравственныхъ дѣйствій, а для всякой дѣятельности. Оно не только связываетъ существа, способныя ощущать, въ общества, но и вызываетъ борьбу за существованіе между особями. Оно есть начало общее человѣку со всѣмъ животнымъ міромъ, а, можетъ быть, и съ нѣкоторыми растеніями. Исторія и современность убѣждаютъ насъ, что значительное большинство человѣчества было и осталось погруженнымъ въ неисходную борьбу за существованіе, слѣдовательно руководствовалось

и руководствуется лишь законами *естественной необходимости*, имъ управляющей. Для этого большинства начало удовольствія и страданія есть безусловный и высшій законъ жизни. Они *не могутъ* имѣть другого убѣжденія, другого права, другой нравственности, какъ стремленіе увеличить личное наслажденіе и избѣжать личнаго страданія. Всякое существо имѣетъ значеніе для нихъ лишь какъ элементъ ихъ наслажденія или страданія: камень, звѣрь, человѣкъ для нихъ одно и то же. Личныя привязанности и привычки могутъ образовать здѣсь связи, но измѣненіе привязанностей и привычекъ немедленно разрушаетъ эти связи. Въ современныхъ цивилизованныхъ обществахъ осталось еще не мало слѣдовъ этаго животнаго состоянія человѣка и между прочимъ къ нимъ слѣдуетъ повидимому отнести то наслажденіе, о которомъ спрашивалъ Гоббзъ (On human nature): «какая страсть побуждаетъ человѣка находить наслажденіе въ томъ, что онъ видитъ съ берега опасность другихъ людей, находящихся на морѣ во время бури или во время битвы?» Но и человѣкъ высшаго развитія можетъ быть временно поставленъ обстоятельствами на ту же точку зрѣнія. Для цѣлыхъ обществъ могутъ наступить минуты, гдѣ борьба за существованіе есть высшій законъ. При подобныхъ обстоятельствахъ и въ подобныя минуты для личности и для общества нѣтъ другаго правила жизни, кромѣ естественной необходимости и нравственныя обязательства прекращаютъ свою дѣятельность.

Но вся доля человѣчества, которая жила историческою жизнью, стояла на иной ступени. Обстоятельства не вынуждали этихъ людей *неизбѣжно* къ опредѣленной дѣятельности. Борьба за существованіе была для нихъ нѣсколько легче. Они имѣли возможность *обдумать* свои дѣйствія. Тогда вступило въ свои права великое утилитарное начало *пользы*, опирающееся на *разсчетъ*. Основное положеніе ученія прекрасно концентрировано въ четырехъ правилахъ эпикуреизма, какъ ихъ приводитъ Лекки (I, 14): «Должно предаваться удовольствію, которое не влечетъ за собою страданія. Должно избѣгать страданія, которое не сопряжено съ удовольствіемъ. Должно избѣгать удовольствія, которое устраняетъ бо̀льшее удовольствіе или влечетъ за собою бо̀льшее страданіе. Должно терпѣть страданіе, которое устраняетъ большее страданіе, или обезпечиваетъ большее удовольствіе». Эта точка зрѣнія доступна всѣмъ мыслящимъ существамъ и потому, при первомъ облегченіи борьбы за существованіе, вела къ сближенію всего мыслящаго, къ выдѣленію человѣчества изъ міра животныхъ, къ сознанію взаимной нужды личностей для общей пользы, къ укрѣпленію общественной связи. Культура животныхъ и культура человѣка возникла на этой прочной основѣ, такъ-какъ и въ культурныхъ животныхъ неизбѣжно допустить достаточную степень разсудительности, чтобы сознаніе большей пользы отъ общественной жизни для однородныхъ существъ повело къ обособленію животныхъ

общинъ и семей. Большая разсудительность человѣка позволяла ему разсчитывать лучше, полнѣе и разнообразнѣе пользоваться обстоятельствами и искуснѣе примѣняться къ средѣ. Человѣческія общества вышли разнообразнѣе и могущественнѣе. Стремясь къ наибольшей пользѣ, человѣкъ покорилъ себѣ міръ.

Конечно, на этой точкѣ зрѣнія, оказывалось всего важнѣе установить сравнительную оцѣнку благъ и страданій, а затѣмъ при общественной жизни, обезпечить большинство общества отъ такихъ дѣйствій отдѣльныхъ личностей, которыя бы уменьшали благо другихъ членовъ изъ-за того, что личности стремились бы къ своимъ частнымъ цѣлямъ, не думая о другихъ. Первое было несравненно труднѣе и, какъ вопросъ теоретическій, получило болѣе или менѣе тщательную разработку лишь въ новѣйшее время. Такъ Бентамъ бралъ въ соображеніе, для оцѣнки удовольствій, семь обстоятельствъ, къ нимъ относящихся, именно: ихъ напряженіе, ихъ продолжительность, ихъ вѣрность, ихъ близость, ихъ независимость отъ страданій, ихъ плодовитость и ихъ обширность. Но сколько бы категорій при этомъ мы ни брали, все-таки здѣсь выступаетъ на видъ невозможность объективнаго мѣрила для міра ощущеній. Есть наслажденія, которыя объективно сравнивать возможно; это — наслажденія однородныя, различающіяся количественно; но есть и наслажденія, рознящіяся качественно, наслажденія разнородныя, и для нихъ общая мѣра лежитъ лишь въ сознаніи личности, ощущающей наслажденіе. Когда физіологи найдутъ возможность объективно изслѣдовать нервы существа наслаждающагося и нервы существа страждущаго, когда они отличатъ нервы, находящіеся въ этихъ двухъ состояніяхъ, и различатъ разныя степени наслажденія или страданія въ нервѣ объективно наблюдаемомъ, тогда — но только тогда — можно будетъ сравнить разнородныя наслажденія для различныхъ особей и придать началу утилитаризма болѣе точную опору орудіями естествознанія. На сколько извѣстно, физіологи еще безсильны въ этомъ отношеніи; а потому для насъ возможно лишь грубое сравненіе между наслажденіемъ гастронома, вкушающаго хорошо изготовленное блюдо, и наслажденіемъ оратора, вдохновленнаго своей мыслью, и поддержаннаго сочувствіемъ восторженной аудиторіи, между наслажденіемъ отдыхающаго лѣнивца и наслажденіемъ влюбленнаго при свиданіи съ любимою особою, между страданіемъ голода и страданіемъ освистаннаго автора. Приходится вѣрить личностямъ, испытывавшимъ разнородныя наслажденія или страданія, но эта мѣра очень не вѣрная, такъ-какъ, для различныхъ личностей, всѣ элементы мѣры наслажденія и страданія могутъ быть на столько различны, что относительныя величины могутъ быть діаметрально противоположны въ двухъ различныхъ случаяхъ. Приходится руководствоваться соображеніями, въ которыхъ слишкомъ часто отражаются личные взгляды соображающаго. Самое

прочное начало для мѣры здѣсь доставляетъ самый грубый способъ, именно счетъ личностей, наслаждающихся или страждущихъ отъ даннаго дѣйствія. Этотъ критерій составляетъ одно изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній утилитаризма и, при всей своей грубости, служитъ весьма часто въ соціологіи самымъ удачнымъ пріемомъ для рѣшенія ея вопросовъ.

Гораздо ранѣе люди пришли къ соображенію о практическихъ мѣрахъ *принужденія* личности, живущей въ обществѣ, отказаться отъ того, въ чемъ эта личность видѣла свою личную пользу въ виду того, что̀ называется *общею пользою*. Бентамъ признаетъ четыре санкціи, сдерживающія личность въ этомъ отношеніи: физическій вредъ порока для самой личности, коэрситивную силу закона, могучее давленіе общественнаго мнѣнія и замогильныя обѣщанія религіи. Но первая санкція не выходитъ изъ предѣловъ личнаго разсчета, послѣдняя же зависитъ отъ умственнаго развитія личностей, слѣдовательно, при столкновеніи понятій о пользѣ частной и общей, остается законъ и общественное мнѣніе. И то и другое достаточно сильны въ организованномъ обществѣ, для того чтобы личность, взявъ ихъ въ соображеніе, разочла, на сколько въ большей части случаевъ, выгоднѣе для нея утаить мысль, подавить желаніе, отказаться отъ личнаго наслажденія и вытерпѣть личное страданіе, чѣмъ вооружить противъ себя законъ и общественное мнѣніе. Это можетъ склонить личность къ воспитанію въ себѣ привычки подчиняться закону и обычаю, привычки считать ихъ высшимъ правиломъ жизни; общество, состоящее изъ личностей, которыя бы вполнѣ и всегда руководствовались закономъ и обычаемъ, представляло бы, дѣйствительно, довольно полное согласіе личной пользы съ общею, не особенно большое число страданій, и слѣдовательно, съ утилитарной точки зрѣнія, должно бы быть поставлено довольно высоко. Бѣда лишь въ томъ, что *общая польза*, которая должна бы охраняться закономъ и общественнымъ мнѣніемъ, почти никогда ими не охранялась. Законъ охранялъ обыкновенно пользы меньшинства противъ пользъ большинства, а мнѣніе общественное было, большею частію, синонимомъ мнѣнія небольшаго кружка, руководившаго обществомъ. При этомъ господство закона и обычая означало эксплуатированіе общества немногими, но сила закона и обычая отъ этого мало уменьшалась и разсчетъ личной пользы каждаго все-таки руководилъ его въ большей части случаевъ къ покорности закону и обычаю, чтобы не было хуже, и къ развитію въ рядѣ поколѣній привычки къ этой покорности.

Тѣмъ не менѣе точка зрѣнія утилитаризма имѣла весьма большія выгоды для развитія соціологіи какъ науки и для практической полемики политическихъ партій, особенно въ обществѣ, которое исторія возвела на ступень не очень стѣснительной законности и довольно разумнаго обычая, какова была Англія сравнительно съ материкомъ въпродолженіе всей новой

исторіи. Она и сдѣлалась главнымъ центромъ пропаганды утилитаризма.

Вопервыхъ, утилитаризмъ позволилъ брать въ соображеніе при соціологическихъ вопросахъ не отвлеченную мораль, а условія необходимаго и возможнаго. Онъ требовалъ изученія тѣхъ общихъ законовъ, которые господствуютъ одинаково надъ развитымъ и неразвитымъ членомъ общества. Онъ выдвинулъ экономическіе вопросы на первый планъ при изученіи общества, и сдѣлалъ при этомъ все, что̀ можно было сдѣлать, оперируя умственно не надъ цѣльными людьми, а надъ абстрактными существами, размышляющими единственно объ обогащеніи. Предъ началомъ наибольшей пользы потеряли свое вѣковое значеніе завоевательныя предпріятія, фанатическія преслѣдованія, варварскія уголовныя наказанія, монополіи званій, занятій, имуществъ, спеціальностей. Правильный разсчетъ пользы для будущаго стремится уравнять общественныя положенія, расширить благосостояніе въ большинствѣ, разсѣять нелѣпую вражду между національностями, сблизить людей въ одно кооперативное общество. Безчисленное множество соціологическихъ вопросовъ, которые казались крайне трудными съ точки зрѣнія прежнихъ нравственныхъ кодексовъ съ ихъ неподвижными рубриками, получили теоретически весьма простое рѣшеніе, какъ только вопросъ былъ поставленъ прямо: что́ полезнѣе?

Къ тому-же утилитаризмъ способствовалъ въ высшей степени уясненію соціологическихъ вопросовъ и ихъ популяризаціи. Люди различныхъ взглядовъ на добродѣтель и порокъ, на обязанности человѣка къ обществу и государству, могли стать на общую почву, когда дѣло шло о пользѣ, и могли вести споръ, приводящій къ практическимъ результатамъ. Утилитаризмъ обращался со своими выкладками ко всѣмъ способнымъ разсуждать и разсчитывать. Не требовалось ни особеннаго развитія, ни исключительной силы духа, чтобы усвоить себѣ понятіе о пользѣ, чтобы разсчитать ее въ простѣйшихъ случаяхъ; даже въ случаяхъ болѣе сложныхъ пріемы самыхъ учоныхъ и развитыхъ утилитаристовъ не могли, по самой сущности дѣла, стоять особенно высоко надъ пріемами, доступными большинству, способному разсчитывать. Могучее орудіе критики переходило въ руки значительнаго числа личностей. Многочисленные идолы стараго времени валились передъ этимъ оружіемъ не только въ глазахъ спеціалистовъ, но въ глазахъ всего цивилизованнаго общества. Утилитаризмъ давалъ возможность большему числу лицъ понимать общественные вопросы, участвовать разумно въ ихъ рѣшеніи словомъ и дѣломъ и придать строю общества болѣе удобныя формы. Какъ положеніе англійскихъ законовъ и обычаевъ способствовало развитію утилитаризма, такъ утилитаризмъ, въ свою очередь, способствовалъ улучшенію юридическаго и обычнаго строя англійскаго общества. Именно эта выгода утилитаризма побудила меня выше сказать,

что, для общенія между существами, способными мыслить, утилитаризмъ есть начало болѣе научное, чѣмъ нравственное сознаніе долга, такъ-какъ чрезвычайная разница въ нравственномъ развитіи людей дѣлаетъ весьма часто проповѣдь болѣе развитыхъ личностей совершенно недоступною слушателямъ, слѣдовательно вліяніе ихъ невозможнымъ, проповѣдь же утилитаризма доступна всякому мыслящему существу, способна вѣрнѣе всего къ общенію интересовъ между мыслящими существами, и для обширнаго дѣйствія въ обществѣ — по крайней мѣрѣ въ наше время — къ ней *научнѣе* прибѣгать, чѣмъ къ проповѣди чисто нравственной; соціологія, какъ наука, должна всегда имѣть въ виду возможное. Астрономъ, читающій лекцію передъ смѣшанною аудиторіею, былъ бы очень страннымъ лекторомъ, еслибы онъ прибѣгъ къ пособію интегральнаго исчисленія.

При этихъ безспорныхъ выгодахъ утилитаризма, никакъ нельзя отрицать у него права пересмотрѣть списокъ обычныхъ добродѣтелей и пороковъ и поставить для нихъ свою мѣрку. Самъ Лекки сознается, что обычай, преданіе и отсутствіе привычки къ критикѣ могутъ извратить наши нравственные взгляды. «Мѣстные обычаи и обряды — говоритъ онъ (I, 82) — такъ тѣсно сплетаются съ нашими самыми ранними воспоминаніями, что, подъ конецъ, мы смотримъ на нихъ какъ на предметы, заслуживающіе уваженія по самому своему существу, и даже въ самыхъ обыденныхъ дѣлахъ намъ нужно употребить нѣкоторое усиліе, чтобы разрушить ассоціацію представленій». Въ другомъ мѣстѣ (95), онъ указываетъ на «древніе обычаи, которые именно вслѣдствіе своей древности, или вслѣдствіе смѣшенія средствъ съ цѣлями, становятся предметомъ религіознаго почитанія». Далѣе онъ выражается такъ (101): «Когда богословы внушали впродолженіе долгаго періода привычки вѣрить скорѣе, чѣмъ привычки изслѣдованія; когда они увѣряли людей, что лучше холить предразсудки, чѣмъ анализировать ихъ; лучше подавлять въ себѣ всякое сомнѣніе относительно воспринятаго ученія, чѣмъ разбирать честно достоинство этого ученія, — то они наконецъ успѣютъ образовать умственныя привычки, которыя будутъ инстинктивно и обычно отталкивать человѣка отъ безпристрастія и отъ умственной честности». Наконецъ Лекки напоминаетъ и о нашей склонности увлекаться болѣе яркостью впечатлѣнія, производимаго анекдотомъ, чѣмъ оцѣнивать зло и добро по ихъ истинному значенію (139): «Наша природа такъ слаба, что насъ болѣе волнуютъ слезы какой либо заключенной принцессы или какое либо мелкое біографическое обстоятельство, всплывшее на потокѣ исторіи, чѣмъ страданія безчисленныхъ массъ, погибшихъ подъ мечомъ Тамерлана, Баязета или Чингисъ-Хана». Все это служитъ подтвержденіемъ давно извѣстной истины, что обычный взглядъ на вещи не можетъ служить указаніемъ для нравственной оцѣнки, и что всякій мы-

слящій изслѣдователь этики долженъ подвергать безбоязненной критикѣ то, что обычай передалъ подъ именемъ добродѣтели и подъ именемъ порока, долженъ отыскивать раціональныя основанія для этихъ категорій и имѣетъ полное право противопоставить установившемуся списку основныхъ нравственныхъ качествъ другой списокъ. Лекки весьма недалекъ отъ утилитарнаго взгляда, когда онъ признаетъ (I,119), что моралистъ его школы не можетъ провести черты между дозволеннымъ и недозволеннымъ, и при этомъ беретъ въ соображеніе полезныя или вредныя слѣдствія даннаго дѣйствія. Вліяніе утилитаризма на него еще болѣе отражается въ словахъ (I,163): «Отъ идеала можно требовать лишь совершенство въ его собственномъ родѣ, типъ, наиболѣе нужный для его времени и приносящій наиболѣе широкую пользу человѣчеству». Наконецъ онъ прямо указываетъ (I,123), что во многихъ случаяхъ требованія отвлеченной морали должны уступить соображеніямъ о наибольшей пользѣ.

Если мы вообще просмотримъ возраженія, дѣлаемыя Лекки утилитаризму, то должны будемъ сознаться, что эти возраженія большею частью крайне слабы. Иныя изъ нихъ заключаютъ въ себѣ ложный кругъ, именно утилитаризмъ опровергается опираясь на положенія, вовсе недопускаемыя утилитаріанцами. Такъ Лекки справедливо говоритъ (I,41), что, по теоріи утилитаризма, «всякое дѣйствіе, всякая наклонность, всякое состояніе, всякое положеніе въ обществѣ, должны занимать на нравственной лѣстницѣ мѣсто, какъ разъ соотвѣтствующее степени, въ которой они увеличиваютъ или уменьшаютъ человѣческое счастіе». Онъ думаетъ опровергнуть это, выставивъ на видъ, что «самыя чудовищныя формы чувственности» въ такомъ случаѣ заслужили бы менѣе порицанія, чѣмъ медлительность или неосмотрительность; что личность скромная, неувѣренная въ себѣ и избѣгающая столкновеній въ своемъ смиреніи, стала бы нравственно ниже самоувѣренной, смѣлой, высокомѣрной личности, развивающей всѣ свои способности въ борьбѣ съ обстоятельствами. Утилитаристамъ очень легко было бы возразить, что ничто не обязываетъ ихъ держаться прежнихъ нормъ сравнительной порочности, еслибы точнымъ наблюденіемъ было доказано иное отношеніе дѣйствія къ человѣческому благу; но не трудно было бы также доказать, что извращеніе чувственности, развращая воображеніе, болѣе потрясаетъ нервную систему и даетъ болѣе наслѣдственнаго зла, чѣмъ всякій недостатокъ характера, ограничивающійся одною личностію, и вызывающій всегда въ окружающихъ людяхъ отвращеніе къ этому недостатку. Въ другихъ мѣстахъ Лекки какъ будто забываетъ, что, для вѣрной оцѣнки утилитаризма, надо имѣть въ виду утилитаріанца вполнѣ убѣжденнаго, а не половинчатаго. Такъ онъ не имѣетъ права говорить (I,63) о личности, которая находила бы свое счастіе въ бѣдствіи ближняго, потому что подоб-

ная личность не могла бы даже понять начала *общей* пользы и потому къ утилитарьянцамъ отнесена быть не можетъ. Точно также тайныя преступленія доказали бы, что человѣкъ, ихъ совершающій, исповѣдуетъ *на словахъ* требованіе общей пользы, но не руководствуется имъ *въ дѣйствіяхъ*, слѣдовательно тутъ утилитаризмъ опять ни при чемъ. Когда Лекки иронически возражаетъ старымъ утилитаристамъ (I,92), что «никакое повтореніе удовольствія отъ ѣды пирожнаго не можетъ уравновѣсить удовольствія, истекающаго изъ великодушнаго дѣла», то онъ касается того недостатка въ возможности сравнить разнородныя наслажденія, о которомъ сказано выше, но и при современномъ состояніи вопросовъ возраженіе очень легко. Удовольствіе отъ ѣды пирожнаго ограничивается *одною* личностью; очень часто пирожное *одной* личности соотвѣтствуетъ *нѣсколькимъ* днямъ въ проголодь для *нѣсколькихъ* личностей; продолжительность удовольствія отъ пирожнаго ограничивается нѣсколькими минутами даже для одной личности, а при повтореніи весьма скоро настаетъ отвращеніе или привычка, доводящая удовольствіе до минимума. Въ воспоминаніи же удовольствіе отъ пирожнаго весьма ничтожно. Великодушное дѣло (конечно, разумное) даетъ удовольствіе, которое во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, по величинѣ далеко превосходитъ предыдущее, и это удовольствіе растетъ неизмѣримо съ разумностью дѣла, потому что слѣдствія разумнаго дѣла даютъ длинный рядъ удовольствій для личностей даже не родившихся, когда оно совершено; а для того самаго, кто его совершилъ, воспоминаніе о немъ усиливаетъ удовольствіе, такъ-какъ жертва, принесенная великодушному дѣлу, давно успѣла стать уже не жертвою, когда мысль все яснѣе и яснѣе представляетъ благія слѣдствія. Итакъ это сравненіе вовсе не даетъ повода иронизировать надъ теоріею утилитаризма. Изъ прочихъ возраженій я остановлюсь лишь на томъ, которое обращено (I,157) противъ мнѣнія, что измѣненія въ нравственныхъ взглядахъ происходятъ отъ умственныхъ причинъ и суть слѣдствія измѣненія знанія. Лекки на это возражаетъ: «Въ числѣ самыхъ ясныхъ фактовъ заключается и фактъ, что ни личности, ни періоды, наиболѣе отличавшіеся умственными успѣхами, не отличались наиболѣе нравственною доблестью, и что высокая умственная и матеріальная цивилизація часто совмѣщалась съ значительною степенью разврата». Мнѣ кажется, что это нисколько не составляетъ возраженія на предыдущее положеніе. Допустивъ истину послѣдняго, необходимо допустить, что вѣка умственнаго застоя производятъ глубокое нравственное паденіе, и сообщаютъ обществу привычки мысли и жизни, которыя надолго остаются въ большинствѣ. Періодъ умственныхъ успѣховъ, слѣдующій за періодомъ застоя, есть лишь *приступъ* къ нравственному улучшенію общества, и первые признаки этого улучшенія представляются именно въ томъ, что вся накопившаяся

безнравственность выходитъ наружу, становится болѣе замѣтною, обращаетъ на себя общее вниманіе и вызываетъ, съ одной стороны, откровенныя заявленія безнравственныхъ мнѣній, съ другой — громкіе вопли и обличенія тому, что̀ существовало вѣка и не привлекало особеннаго вниманія. Умственные успѣхи всегда совершаются очень небольшимъ меньшинствомъ, усвоиваются цивилизованнымъ обществомъ лишь въ слѣдующія поколѣнія, и могутъ проявлять свое нравственное вліяніе лишь въ эпохи, когда давно сошли со сцены всѣ замѣчательнѣйшіе дѣятели этихъ успѣховъ. Сами же эти дѣятели весьма естественно въ своей жизни несравненно болѣе подчинены привычкамъ своего времени, чѣмъ нравственнымъ идеямъ, которыя ими же вызваны въ ихъ потомствѣ. Слѣдовательно, вліяніе умственныхъ успѣховъ на нравственность, если его принять за истину, не могло вовсе отклонить тѣ историческія и біографическія явленія, которыя Лекки думаетъ противопоставить ученію объ этомъ вліяніи. Всякая цивилизація заключаетъ въ своихъ культурныхъ формахъ весьма много слѣдовъ прежнихъ цивилизацій, и формы, выработанныя въ ней мыслью, собственно ей принадлежащею, составляютъ очень часто весьма малую долю ея строя.

Но есть одно возраженіе противу утилитаризма, которое Лекки приводитъ, между прочимъ, даже рѣже останавливаясь на немъ, чѣмъ на другихъ, но которое, какъ мнѣ кажется, важнѣе всѣхъ остальныхъ. На точкѣ зрѣнія *личной* пользы можно согласиться съ Лекки, что весьма сомнительно, будетъ ли «человѣкъ, который горячо усвоиваетъ въ борьбѣ съ препятствіями несравненно высшій нравственный критерій, чѣмъ критерій его времени и его общественнаго положенія», счастливѣе «человѣка, который просто подходитъ подъ общій уровень нравственности общества, его окружающаго, или весьма мало надъ нимъ возвышается и допускаетъ въ себѣ небольшой порокъ, не вредящій ни его здоровью, ни его репутаціи» (I 60). На точкѣ зрѣнія благополучія для *большинства* лицъ даннаго общества можно также усомниться, на сколько сумма благополучія увеличивается отъ потрясенія вѣры въ существующія культурныя формы критическою мыслію. «Первое сердечное желаніе — говоритъ Лекки (I, 53) — это — желаніе найти для себя опору. Первое условіе счастія обычныхъ умовъ, это — отсутствіе сомнѣній... Внести въ мысль сознаніе незнанія и мученія сомнѣнія, значитъ — обречь другихъ на многія страданія или вынести ихъ самому». Жена Лютера жаловалась, что горячія молитвы ея, когда она была монахиней, сдѣлались холодны. Старый монахъ Серапіонъ плакалъ въ отчаяніи, что у него отняли его бога, когда его увѣрили, что богу не слѣдуетъ придавать человѣческихъ формъ. Но эти отдѣльные мелкіе факты не даютъ вовсе понятія о томъ количествѣ нравственнаго страданія, чрезъ которое переходитъ масса, теряю-

щая обычныя вѣрованія, чтобы стать на высшую ступень развитія. Личности же, призывающія ее на этотъ путь, не только страдаютъ внутренно еще болѣе, потому что онѣ впечатлительнѣе, но большинство ихъ гибнетъ, подавленное старой культурой, не видя успѣха своего дѣла, а видя только волненія и страданія, ими внесенныя въ общество; немногіе же, доживающіе до успѣха, видятъ, большею частію, съ отчаяніемъ, что чистая идея, ими исповѣдуемая, воплотилась совсѣмъ не въ той чистотѣ, въ которой они ей служили; что мильйоны мелкихъ интересовъ, старыхъ привычекъ облѣпили ее со всѣхъ сторонъ; что, подъ именемъ ихъ идеи, общество исповѣдуетъ совсѣмъ иное начало; что ихъ внутреннія страданія и страданія всѣхъ, вынесшихъ муки сомнѣнія, и страданія погибшихъ ихъ предшественниковъ не окуплены небольшою долею пользы, полученною отъ новаго ученія. Утилитаристы могутъ возразить, что польза, полученная отъ разрушенія предразсудочныхъ культурныхъ формъ для *всѣхъ* грядущихъ историческихъ поколѣній, искупаетъ съ избыткомъ страданія проповѣдниковъ критической мысли и ихъ современниковъ; но это возраженіе едва-ли основательно, если взять пользу лишь въ смыслѣ отсутствія страданій или увеличенія наслажденій. Представимъ себѣ общество, гдѣ животная борьба за существованіе перестала свирѣпствовать въ своихъ самыхъ отвратительныхъ формахъ. Всѣ члены его обезпечены отъ голодной смерти и отъ самыхъ тяжелыхъ заботъ о завтрашнемъ днѣ. Затѣмъ допустимъ для этого общества культуру, даже самую несовершенную; міросозерцаніе, представляющее смѣсь отрывочныхъ знаній съ многочисленными догматическими предразсудками и немногими научными понятіями; общественный строй, гдѣ неравенство и господство обычая преобладаетъ надъ человѣчными отношеніями между личностями. Но допустимъ также, что всѣ члены общества, или по крайней-мѣрѣ, значительное большинство ихъ, на столько сжилось со своимъ міросозерцаніемъ и со своимъ общественнымъ строемъ, что видитъ въ первомъ полную безспорную истину, во второмъ—единственный возможный общественный строй, неудобствамъ котораго приходится подчиниться наравнѣ съ законами природы. Можно, кажется, согласиться, что подобное общество, просуществовавъ безъ измѣненія нѣсколько тысячъ лѣтъ, испытаетъ въ незначительной мѣрѣ въ своихъ личностяхъ страданія сомнѣнія, критической борьбы, ненависти и преслѣдованія людей разныхъ взглядовъ на вещи. Всѣ эти страданія явятся, когда въ обществѣ возникнутъ или въ него проникнутъ проповѣдники умственнаго развитія, проповѣдники критической мысли, провѣдники прогресса. Какъ только общество это вступитъ на путь прогресса, то каждое поколѣніе дастъ свою долю личностей сомнѣвающихся, борющихся, изнывающихъ въ неудачной борьбѣ или отчаявающихся, что борьба дала плохіе результаты.

Въ виду этой борьбы охватываетъ и всѣхъ остальныхъ неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, озлобленіе противу возмутителей общественнаго спокойствія. И каждый замѣтный шагъ на пути прогресса приноситъ тѣ же явленія, причемъ точно столько же, если не больше, страданій того же самаго рода вносится въ общество ложно-направленною критическою мыслью, въ ея многочисленныхъ отклоненіяхъ, которыхъ исторія представляетъ несравненно болѣе, чѣмъ истинно прогрессивныхъ движеній. Крайне сомнительно, чтобы можно было когда-нибудь доказать, что сумма личностей, выигравшихъ отъ выведенія общества изъ застоя *и почувствовавшихъ* этотъ выигрышъ, превосходитъ сумму личностей, безспорно *прочувствовавшихъ* свое страданіе въ періодъ внутренней и внѣшней борьбы за прогрессъ. Отсюда рождается вопросъ: руководясь заповѣдями эпикурейцевъ, приведенными выше, слѣдуетъ ли человѣку, сознавшему лживость господствующаго міросозерцанія, сознавшему неразумность общественнаго строя,—проповѣдывать свою мысль, идти на произвольныя страданія впродолженіе всей жизни и вызвать многочисленныя страданія для современниковъ и для потомства? Или онъ поступитъ лучше, подавивъ въ себѣ мысль, ограничась личнымъ страданіемъ сомнѣнія, въ немъ возникшаго, и, мало-по-малу, заглушивъ это сомнѣніе жизненною привычкою? Если оцѣнивать только количество страданій и наслажденій, то я рѣшаюсь сказать, что утилитаризмъ долженъ бы посовѣтовать послѣднее. Въ такомъ случаѣ Лекки былъ бы правъ, говоря (I, 68), что утилитаризмъ «неблагопріятенъ для самоотверженія и героизма».

Но утилитаристы могли бы, повидимому, сдѣлать здѣсь уступку потому для себя безвредную, что не существовало никогда общества, гдѣ безусловная вѣра въ истину даннаго міросозерцанія и въ благодѣтельность существующаго строя не вызывала бы протесты, слѣдовательно, реальный вопросъ былъ всегда въ томъ, которое изъ спорящихъ мнѣній полезнѣе для общества, а не о самомъ возникновеніи критики существующаго. Подобное заключеніе было бы ошибочно, потому что если идеалъ застоя (при обезпеченіи первыхъ необходимостей жизни всѣмъ членамъ общества) есть высшій соціологическій идеалъ, то всякое общество, стремящееся къ застою, выше общества прогрессирующаго въ умственномъ отношеніи; всякія мѣры, ведущія къ застою, удушающія критику личностей, должны быть признаны цѣлесообразными и научными, какъ уменьшающія количество общественнаго страданія въ настоящемъ и будущемъ. Слѣдовательно, утилитаризмъ можно бы признать тогда проповѣдью соціальнаго застоя.

Это было бы справедливо для прежнихъ утилитаристовъ Бентама и др.), которые не признавали въ наслажденіяхъ субъективной разницы по достоинству. Но новѣйшіе утилитаристы, и въ главѣ ихъ Джонъ-Стюартъ Милль, сдѣлали дру-

гую уступку. Они допустили, что есть наслажденія, сознаваемыя какъ *высшія*, и другія, сознаваемыя какъ *низшія*. Это допущеніе, какъ указалъ и Лекки (I, 92, прим.), значительно сближаетъ спорящія теоріи нравственности между собою; оно составляетъ, кромѣ того, весьма важный психологическій фактъ, дозволяющій идти далѣе въ построеніи теоріи нравственности. Этимъ фактомъ устанавливается нравственное значеніе *развитія* личности, а съ тѣмъ вмѣстѣ полагается основаніе и научной этикѣ.

НАШИ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДѢЛА.

Напрасныя опасенія нѣкоторыхъ, слишкомъ ужь пугливаго свойства людей, по поводу 19-го февраля 1870 года.—Чего намъ въ дѣйствительности нужно опасаться.—Вопросъ о реальномъ образованіи, поднятый самимъ обществомъ.—Хлопоты елисаветградскаго земства объ открытіи, на свой собственный счетъ, земской реальной гимназіи.—Объ опасности, какая грозитъ сельскому населенію при открытіи земскихъ гимназій, преимущественно классическихъ.—Объ учрежденіи во внутреннихъ губерніяхъ такого количества прогимназій, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи сравняться съ западными губерніями. Оригинальныя мѣстныя распоряженія по минист. нар. пр.—Отчетъ инспектора казанской гимназіи Горскаго, напоминающій блаженной памяти Магницкаго.—Мѣры, предпринимаемыя въ Казани, противъ тамбовскаго Горскаго.

Ну вотъ, пережили мы съ вами, читатель, благополучно и 19-е февраля 1870-го года, конецъ *девятилѣтняго* срока, обозначеннаго курсивомъ въ Положеніи о крестьянахъ 19-го февраля 1861-го года. По неразумію и по поводу совершеннѣйшаго незнакомства съ крестьянскими «Положеніями» и съ крестьянскимъ положеніемъ, т.-е. бытомъ, многіе съ какимъ-то страхомъ ожидали этаго дня, считая его, почему-то, роковымъ, хотя въ этомъ числѣ ровно на столько же заключалось роковаго, какъ и во всякомъ другомъ числѣ каждаго мѣсяца, напримѣръ въ 20 февраля, въ 15 марта и въ 1 апрѣля, хотя въ первомъ числѣ апрѣля роковаго заключается несравненно даже больше, потому что въ это число принято, почему-то, непремѣнно надувать другъ друга. Совѣстно сознаться, а вѣдь многіе, очень многіе изъ наивныхъ людей серьёзно думали, что, какъ скоро наступитъ 19-е февраля 1870-го года,— сейчасъ же всѣ «двадцать милліоновъ» освобожденныхъ мужиковъ, подвязавши на спины котомки и обувшись въ лапти, куда-то сейчасъ-же уйдутъ, покинувъ свои избы, какъ курныя, такъ и устроенныя даже «по бѣлому». Куда всѣ эти милліоны освобожденныхъ уйдутъ, зачѣмъ уйдутъ и кто имъ позволитъ куда нибудь съ мѣста тронуться?—такихъ вопросовъ наивные,

пугливые люди никогда себѣ не задавали. «Уйдутъ, да и кончено! — стояли на своемъ наивные, потому-де, что Юрьевъ день!» Хотя я очень хорошо знаю, что увѣрять мнѣ въ настоящую пору некого и незачѣмъ, но, еслибы было зачѣмъ и было кого, то я бы немедленно увѣрилъ всѣхъ и каждаго, что юрьева дня у насъ не будетъ, а старинная поговорка: «вотъ тебѣ, бабушка, и юрьевъ день!»—существуетъ еще и будетъ жить еще долго. Газеты наши начинаютъ, по обыкновенію, наполняться описаніями «народныхъ» торжествъ, будто бы въ разныхъ мѣстахъ происходившихъ 19-го февраля. По обыкновенію, описывается, что и лица у всѣхъ были радостныя и платья и даже лапти на всѣхъ были праздничныя, а въ одной газеткѣ, въ корреспонденціи изъ Москвы, помѣщена была даже не совсѣмъ понятная фраза: ликующіе граждане были *какъ бы* одѣты во все праздничное, хотя дальше и не объяснено, что̀ значитъ это странное какъ бы (См. Петерб. газету). Мнѣ кажется, что изъ всѣхъ праздниковъ этого, дѣйствительно исторически замѣчательнаго дня, самый лучшій былъ въ петербургскомъ клубѣ художниковъ, въ которомъ въ этотъ вечеръ публики было, какъ сельдей въ бочонкѣ, а гг. артисты очень добросовѣстно изображали собою балаганныхъ паяцовъ и панорамщиковъ съ петрушками, которымъ, въ самомъ ближайшемъ отъ насъ будущемъ, грозитъ серьёзная конкуренція въ предполагаемыхъ народныхъ театрахъ. Наша, такъ называемая, *чистая* публика попраздновать и хорошо пообѣдать всегда готова. Она даже готова-бы веселымъ пиркомъ отпраздновать и Юрьевъ день, котораго не будетъ; а, если случай выйдетъ, то она не прочь попировать и по поводу старинной народной поговорки: «вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!» Да отчего-жь ей и не пировать, этой чистой (въ отличіе отъ нечистой, такъ сказать курной публики): пилось бы, да ѣлось! Ей, чтобы поѣсть и попить, приводится только лишь аппетита поджидать, а не то чтобы аппетитъ нетерпѣливо выжидалъ пищи.

Народъ нашъ, т.-е. простой народъ (христіане или крестьяне) вообще не любитъ, да и не умѣетъ по какимъ бы то ни было случаямъ, оффиціальными праздниками заявлять свою радость и ликованія. Обѣденныхъ спичей мужики вообще не произносятъ, а, если когда и случится такой грѣхъ, то выходитъ дѣло дрянь! Помню я, какъ года четыре тому назадъ, одинъ мужикъ-губернскій гласный, посаженный за оффиціальный земскій обѣдъ, заразился-было спичами своихъ собратій и, подъ хмѣлькомъ, предпринялъ спичъ: дѣло вышло изъ рукъ вонъ плохо! — «Господа почтеннѣйшіе — началъ-было онъ — господа правительствующій сенатъ и синклитъ!..» да такъ на этой путаницѣ и остановился. Только головой мотнулъ, улыбнулся и сѣлъ. Впрочемъ, вотъ и купцы: они хотя и побогаче крестьянъ, а спичи говорятъ почти такіе-же, потому что обѣденный спичъ—собственно дѣло чисто дворянское. Въ прошломъ году,

въ самый день 19-го февраля, я, помню, встрѣчалъ по улицамъ Петербурга цѣлыя группы мужиковъ и бабъ, съ красными, какъ кострюли изъ красной мѣди, лицами и съ вѣниками подъ мышками: они въ великій день освобожденія преспокойно возвращались изъ бани, и, по моему, такимъ мирнымъ порядкомъ праздновать этотъ день вовсе не зазорно. Значеніе этого историческаго дня освобожденный мужикъ вполнѣ пойметъ только лишь тогда, когда онъ поосвободится отъ тягостей, лежащихъ на землѣ, въ большей части случаевъ даже ему теперь еще и не принадлежащей. Мужикъ, владѣющій и теперь одной десятиной, полученной въ подарокъ, находится въ полной зависимости отъ землевладѣльца, потому что одной десятины, считая тутъ и усадьбу, далеко недостаточно, а, такъ называемые *выкупные* должны еще платить не малыя суммы въ теченіе сорока лѣтъ слишкомъ: срокъ не маленькій! Далеко еще не всѣ бывшіе крѣпостные освободились отъ обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ. Изъ девяти съ половиною (слишкомъ) душъ крестьянъ крупно-помѣстныхъ имѣній только 6 съ половиною милліоновъ освободились посредствомъ выкупа, а остальные три милліона находятся, покуда, въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ. Если къ числу освобожденныхъ прибавимъ еще съ полмилліона получившихъ *нищенскій надѣлъ* (т.-е. въ даръ четверть надѣла на душу), то всѣхъ свободныхъ мужскаго пола насчитаемъ 7 милліоновъ изъ десяти, да и тѣмъ приходится платить по сорока слишкомъ лѣтъ, чтобы получить возможность назвать землю *своею собственною*. Изъ всего этого вы видите, что ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, если вамъ въ великій день 19-го февраля встрѣтятся толпы раскраснѣвшихся простолюдиновъ, съ вѣниками подъ мышками.

Но вѣдь были же хоть какія нибудь причины считать 19-е февраля нынѣшняго года чѣмъ-то въ родѣ Юрьева дня?—спроситъ читатель, мало знакомый съ крестьянскими «Положеніями», но однако мелькомъ замѣтившій, что въ «Положеніяхъ» этихъ вездѣ курсивомъ напечатано «*въ первые девять лѣтъ*» и *по прошествіи девяти лѣтъ:* значитъ, есть-же какой нибудь въ этомъ смыслъ? Зачѣмъ-же, притомъ, въ газетѣ «Вѣсть» третьяго и прошлаго года печатались ужасающія статьи, въ которыхъ постоянно гвоздили и доказывали, что, въ виду приближающагося *девятилѣтія*, необходимо приняться за *силу воли* и *энергію дѣйствія*, подразумѣвая подъ этими двумя штуками, видимое дѣло, ничто иное, какъ розги и пули, или штыки? Если теперь «Вѣсть» повидимому присмирѣла и перестала гвоздить свою *силу воли*, то, развѣ это значитъ, что она отстала отъ своей теоріи? Какъ бы не такъ! Нѣтъ, причина этого ложнаго смиренія совсѣмъ иная, а нынче, кстати, ложнымъ-то смиреніемъ никого ужь не надуешь: свѣжихъ примѣровъ слишкомъ много! Послѣ того, какъ холмскіе крупные землевладѣльцы-гласные, а въ числѣ ихъ и самъ редакторъ «Вѣсти» силою

своей воли и энергіею дѣйствій достигли того, что имъ удалось переморить голодной смертью половину всего мужицкаго населенія Холмскаго уѣзда и попали за свои подвиги подъ судъ, — имъ ужь стало неловко гвоздить одно и то же: вѣру ужь потеряли. Да, притомъ, они все-таки и теперь гвоздятъ все свое, хотя и поскромнѣе, какъ будто опираясь на чужія мнѣнія, когда отъищутъ гдѣ нибудь подходящія къ своимъ, т.-е. такого же братоубійственнаго свойства, какъ и свои собственныя.

Недавно какъ-то «Московскія Вѣдомости», развивая мысль о необходимости распредѣленія населенія соотвѣтственно экономическимъ условіямъ, высказались, что, для облегченія переселеній, необходимо открыть крестьянамъ возможность продавать выкупленные ими надѣлы, т.-е. что правительство должно даже оказать имъ такое же содѣйствіе, какое оно оказывало прежде помѣщикамъ, при выкупѣ у нихъ земли крестьянами.

Мысль о переселеніи крестьянъ на другія, лучшія мѣста, само собою, не понравилась «Вѣсти» потому, что она допускаетъ одного рода только переселенія крестьянъ: въ міръ загробный, гдѣ нѣтъ ни плача, ни болѣзни, ни голода, какой напримѣръ испытали на себѣ холмскіе мужички, — но за то отъ одной мысли о содѣйствіи правительства къ обратному выкупу земель—«Вѣсть» просто въ восторгъ пришла. Да и какъ было не прійти въ восторгъ? Вѣдь, если у крестьянскихъ обществъ отобрать землю и, въ то же время, не велѣть мужикамъ никуда уходить, то, не ясно-ли, что у насъ вразъ образуется огромное количество фермеровъ, какъ въ счастливой Англіи, и тысячи рабочихъ, для которыхъ можно будетъ настроить теплыхъ сараевъ въ родѣ казармъ, съ крѣпко запирающимися дверями? Тогда рабочіе поневолѣ будутъ работать аккуратно и земледѣліе процвѣтетъ, какъ въ богатой и счастливой Англіи, гдѣ, по мнѣнію «Вѣсти», хозяйство потому именно и ведется хорошо, что тамъ фермеры обработываютъ не свою собственную землю, а наемную.

Отыскавши въ *демократическихъ* «Московскихъ Вѣдомостяхъ» такую истинно-демократическую мысль, «Вѣсть» въ восторгѣ, что она, наконецъ, отъискала себѣ товарища, восклицаетъ: «Мы не можемъ не остановиться на этой мысли, которая открываетъ возможность исправить одну изъ самыхъ слабыхъ, по нашему мнѣнію, сторонъ Положенія 19-го февраля 1861 г.

«Намъ было тѣмъ пріятнѣе встрѣтиться съ такою мыслію, что она исходила отъ тѣхъ самыхъ публицистовъ, которые обзывали измѣной и враждой къ русскому народу всякое указаніе на недостатки той или другой реформы. Мы радуемся, что и самое Положеніе 19-го февраля не почитается болѣе этими публицистами за Евангеліе, и что этотъ законъ, какъ и всякій другой, можетъ подлежать исправленіямъ.

«Если таковая, обратная выкупной, операція можетъ совер-

шиться, то она постепенно освободитъ Россію, какъ отъ обязательныхъ поземельныхъ отношеній, такъ и отъ явленія рѣдкаго и довольно грустнаго, ибо если стремленіе къ переселенію съ выкупленныхъ надѣловъ усилится, то мы рискуемъ увидѣть собственниковъ, которые бѣгутъ отъ собственности.

«Мы думаемъ, что предложенная *Московскими Вѣдомостями* мѣра поведетъ не къ переселенію, но къ тому единственно разумному исходу, который возстановитъ производительность земель, находящихся теперь въ рукахъ крестьянъ. Таковое возстановленіе откроетъ обширное поприще для примѣненія труда и капитала и удержитъ населеніе на мѣстахъ». И чему, повидимому, радуется эта «Вѣсть»? «Московск. Вѣд.» ратуютъ за переселеніе на самихъ широкихъ началахъ; «Вѣсть» положительно противъ переселеній, а между тѣмъ она чуть не обнимаетъ и не цалуетъ свою новую московскую пріятельницу. Что за странность такая? Въ сущности, однако-же, страннаго тутъ ничего нѣтъ. Важное дѣло только — обезземелить крестьянскія общества, а потомъ можно ихъ и не пустить, а въ такомъ случаѣ эта мѣра дѣйствительно и поведетъ къ тому, «единственно разумному исходу», о которомъ хлопочетъ «Вѣсть».

Съ 19-го февраля нынѣшняго года крестьяне дѣйствительно получили бо̀льшую возможность переселяться, чѣмъ они имѣли ее до сей поры, но Юрьева дня, однако же, опасаться нечего, потому что переселяться не такъ-то легко, какъ кажется, да и идти собственно некуда. Крестьяне, находящіеся до сей поры въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщику, если находятъ невыгоднымъ платить существующіе оброки, дѣйствительно могутъ отказаться отъ своихъ надѣловъ, — и, вѣроятно, многіе изъ нихъ откажутся, потому что надѣлы эти разные бываютъ иной гроша не стоитъ, а мужикъ плати за него каждый годъ по девяти рублей. Крестьянинъ, выкупившій усадьбу, можетъ отказаться отъ пользованія надѣломъ. Общество получаетъ право не принимать въ свое пользованіе тѣхъ участковъ, отъ которыхъ откажутся отдѣльные крестьяне. Почти этимъ только и ограничиваются права крестьянъ, которыя многимъ казались такими страшными! Намъ кажется, что, если дѣйствительно чего слѣдуетъ бояться, — такъ это не Юрьева дня, не великаго переселенія народа, которое вовсе не такъ легко, какъ многіе думаютъ, а единственно — обезземеленія крестьянскихъ обществъ, къ которому, какъ мы видѣли, многіе уже и теперь стремятся. Къ сожалѣнію, мы не встрѣчаемъ еще въ нашихъ крестьянскихъ общинахъ той устойчивости, той недоступности стороннимъ вліяніямъ, какія мы видимъ, напримѣръ, въ нѣмецкихъ колоніяхъ. Причина, безъ сомнѣнія, та, что въ общемъ, нѣмцы, по умственному своему развитію, стоятъ выше нашихъ крестьянъ; но вѣдь придетъ же время, и, быть можетъ, не такъ далеко оно, когда и наши крестьяне, всѣ безъ исключенія, яснѣе поймутъ, въ чемъ вся суть дѣла — и хорошо, если они

прійдутъ къ этому сознанію, не обратившись предварительно въ вѣчныхъ, безземельныхъ батраковъ: тогда, пожалуй, школъ сколько хочешь заводи, а толку никакого ужь не выйдетъ.

Впрочемъ, теперь о послѣдствіяхъ, получающихъ силу съ 19-го февраля 1870 года статей «Положеній» говорить еще рано. Теперь только можно, да и то отчасти лишь, знать, въ какомъ мѣстѣ праздновался этотъ день, въ какомъ не праздновался, а о томъ, какъ крестьяне воспользовались новыми своими правами, — узнать еще не откуда. По недостатку въ фактахъ, на основаніи которыхъ можно было бы сказать что нибудь рѣшительно, и мы отложимъ это дѣло до болѣе благопріятнаго времени и займемся другими общественными дѣлами, имѣющими несомнѣнную важность.

Наконецъ, вопросъ о преимуществахъ реальнаго образованія предъ классическимъ мало по малу начинаетъ выступать изъ области туманной (для громаднаго большинства гг. разсуждающихъ) теоріи на практическую почву. Конечно, еще и теперь далеко не всѣмъ, даже изъ самихъ судей, рѣшающихъ этотъ вопросъ, хорошо извѣстно, въ чемъ именно заключается разница между тою и другою системою образованія; конечно, очень многіе подъ реальнымъ образованіемъ понимаютъ именно то, что̀ въ настоящее время введено въ гимназіяхъ подъ этой кличкой, и потому, весьма основательно, отмахиваются отъ такого реализма и руками и ногами, но все-таки, если сравнить настоящее положеніе вопроса съ тѣмъ, въ какомъ онъ находился лѣтъ шесть тому назадъ, то нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ успѣховъ. Припомните, что̀ отвѣчали лѣтъ шесть тому назадъ гг. городскіе головы, когда ихъ министерство спрашивало, какія они хотятъ у себя гимназіи открыть: классическія или реальныя? Если въ настоящее время задать подобный вопросъ сразу, безъ всякой подготовки, киргизскимъ, бухарскимъ или ташкентскимъ старшинамъ, то, вѣроятно, отвѣты получились-бы ничѣмъ не хуже! Иной голова, по обыкновенію, жестоко испуганный страннымъ для него запросомъ, просто на просто отвѣчалъ попечителю: «какую вамъ будетъ угодно, ваше превосходительство!» другой отмалчивался съ полгода, разсчитывая, не забудутъ ли какъ нибудь? Иные подъ лавку и подъ печку прятались, опасаясь, чтобы изъ-за такой оказіи чего не вышло, а самые рѣшительные отвѣчали на отрѣзъ, что имъ никакихъ «*зимназій*» не требуется: «ни *кастическихъ*, *ни гемороидальныхъ*», т.-е. ни классическихъ ни реальныхъ, такъ какъ-де ребяткамъ нашимъ, чтобы сукно аршинами отмѣривать да на фунты сахаръ развѣшивать, — наукъ никакихъ не требуется. «Каки-таки зимназіи тамъ еще?—спрашивалъ иной лабазникъ Китъ Китычъ въ кругу своихъ пріятелей.—По мнѣ такъ наплевать на нихъ! Отпишись тамъ какъ нибудь, приказная ты строка!»—приказывалъ онъ думскому секретарю—и приказная строка, разумѣется, отписывалась. Въ иной губерніи

или уѣздѣ замѣшается, бывало, какой нибудь изъ понимающихъ дѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ вліятельныхъ въ обществѣ, — ну, и открывались тамъ, «по желанію общества», реальныя гимназіи; но, такъ-какъ, съ одной стороны, именно въ то самое время, московскіе публицисты начали поругивать всѣхъ реалистовъ поджигателями, а, съ другой стороны, вновь испеченныя реальныя гимназіи были сразу лишены нѣкоторыхъ правъ состоянія (напр. лишеніе права окончившихъ въ нихъ курсъ вступать въ университетъ), то, разумѣется, что жители этихъ губерній взбѣленились на «зачинщиковъ» и чуть не на колѣнахъ, со слезами, начали просить объ обращеніи ихъ *гемназіи* или *зимназіи* опять изъ негодной *геморидальной* въ годную, *кастическую*. Съ подобными вершителями судебъ дѣло вести, разумѣется, не трудно и положиться на нихъ во всемъ можно. Совсѣмъ иного рода дѣло: не странно-ли киргизу задавать такіе запросы, разрѣшеніе которыхъ далеко не подъ силу даже каждому англичанину!

Года два-три спустя, когда появились кое-гдѣ на свѣтъ божій земскія учрежденія, взглядъ на классическое и реальное образованіе во многомъ прояснился, потому что личный составъ вершителей судебъ измѣнился повсюду, но въ это время уже никого и не спрашивали, какую хочешь имѣть гимназію, а прямо предлагалось на выборъ: или отдать сына въ классики, или оставить дома—собакъ гонять.

Жалобы ребятишекъ на безплодное, ни къ чему путному не ведущее зубренье латинскихъ и греческихъ вокабулъ, достигли наконецъ до ушей отцовъ, въ рукахъ которыхъ теперь, нежданно-негаданно, вдругъ сосредоточилось «завѣдываніе мѣстными хозяйственными пользами и нуждами». А тутъ еще, кстати, къ вопросу о классическомъ образованіи, тоже неожиданно, откуда-то тѣсно присталъ другой, не менѣе важный вопросъ о покупкѣ ребятишкамъ на новые кафтанишки непремѣнно синяго сукна, показавшагося многимъ провинціальнымъ отцамъ черезчуръ ужъ дорогимъ, не по карману, — вотъ и возстали земскія, черноземныя силы, чуть не огуломъ и принялись за вопросы педагогическіе, вѣдѣнію ихъ не подлежащіе.

Роль и значеніе всѣхъ земскихъ ходатайствъ чрезвычайно удобно опредѣляется старинною поговоркою: «дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ». Какъ у полугодоваго ребенка, такъ и у нашего вновь реставрированнаго земства, органъ голоса существуетъ единственно только лишь за тѣмъ, чтобы крикомъ или пискомъ давать нѣкоторое понятіе о самыхъ крайнихъ и неотложныхъ своихъ нуждахъ. Если мы поведемъ сравненіе свое дальше, то увидимъ, что прежде, до открытія земскихъ учрежденій, земство наше изображало собою ребенка, совершенно лишеннаго голоса, такъ что, въ случаѣ крайности, ему предоставлялось только жалобно, молча смотрѣть изъ своей люльки на кормилицу и терпѣливо выжидать, пока та сама ужь не

обратитъ вниманія и не начнетъ разжевывать кашу и пальцемъ совать жвачку въ ротъ ребенку, хотя бы ребенокъ тревожился вовсе и не потому, что ему именно ѣсть хочется. Со времени введенія земскихъ учрежденій, положеніе несчастнаго питомца во многомъ измѣнилось и улучшилось: ему теперь доставлена возможность орать сколько душѣ угодно, до хрипоты, хотя иногда и требуется, чтобы крикъ этотъ не вылеталъ изъ стѣнъ закупоренной дѣтской комнаты, которую, впрочемъ, каждый нехитрый архитекторъ легко можетъ устроить именно такимъ образомъ. Съ перваго-же года по дарованіи младенцу права и возможности кричать, на многихъ (чуть-ли не всѣхъ) земскихъ собраніяхъ поднятъ былъ вопросъ о реальныхъ гимназіяхъ и начались ходатайства, которыя, впрочемъ, или оставались вовсе безъ отвѣта, какъ и бо̀льшая часть земскихъ ходатайствъ, или же отвѣтъ хотя и получался, но отрицательный. Наконецъ, уставомъ гимназій и прогимназій 19-го ноября 1864 года предоставлено обществамъ, сословіямъ и частнымъ лицамъ открывать учебныя заведенія, которыя раздѣляются на три разряда; и вотъ этимъ-то уставомъ рѣшилось воспользоваться земство.

Первый починъ въ этомъ новомъ дѣлѣ принадлежитъ земству Елисаветградскаго уѣзда (Херсонской губ.), которое, сговорившись съ Александрійскимъ уѣздомъ и своимъ городскимъ обществомъ, собрало 25 тысячъ денегъ и энергически принялось за ходатайство объ открытіи въ Елисаветградѣ мужской реальной гимназіи. Другіе, сосѣдніе уѣзды тоже были приглашены, но они, по разнымъ причинамъ, не согласились принять участіе, впрочемъ на первый разъ и ассигнованной суммы было болѣе, чѣмъ достаточно. Вся трудность, слѣдовательно, заключалась въ хлопотахъ о разрѣшеніи, которое и дѣйствительно вразъ не далось, да и въ настоящее время еще не слышно, чтобы дѣло это покончилось, хотя въ успѣхѣ его сомнѣваться нельзя. Проектъ устройства елисаветградской гимназіи отосланъ въ Петербургъ, въ министерство, въ половинѣ марта прошедшаго года. О скорѣйшемъ ходѣ дѣла въ Петербургѣ лично хлопоталъ находившійся тамъ случайно членъ желѣзно-дорожной депутаціи, но отвѣтъ ученаго комитета полученъ только лишь въ сентябрѣ, да и то не окончательный, такъ-какъ въ проектѣ сдѣланы были такія измѣненія, на которыя управа, безъ созыва собранія, согласиться не рѣшилась. Собраніе по этому поводу предположено на 10 января 1870 года.

По проекту, гимназія должна управляться педагогическимъ совѣтомъ, подъ предсѣдательствомъ *избраннаго земствомъ* попечителя. Совѣтъ этотъ долженъ состоять изъ директора, *избраннаго земствомъ*, учителей и трехъ членовъ *отъ земства*. Вотъ это самое преобладаніе земскаго элемента и послужило задержкою къ утвержденію проекта, такъ-какъ, по толкованію

устава, учебное заведеніе, основанное земствомъ и *управляемое* выборными отъ земства лицами, должно подчиняться, общимъ узаконеніямъ о *частныхъ учебныхъ заведеніяхъ*, слѣдовательно не можетъ даже и называться гимназіею, а просто училищемъ 1-го разряда. Вмѣстѣ съ этимъ, разумѣется, и учащіеся будутъ называться не гимназистами, а просто учениками, слѣдовательно должны лишиться и синяго кафтана и кепи съ жестяными лаврами. Впрочемъ, затрудненія вышли вовсе не изъ-за такихъ пустяковъ, а изъ-за болѣе существеннаго: изъ-за правъ и преимуществъ служащихъ и учащихся, которыхъ лишены частныя заведенія и реальныя гимназіи и которыми пользуются гимназіи классическія, за то только, что онѣ управляются лицами, не избранными земствомъ, а назначенными министерствомъ. Разрѣшенія этихъ затрудненій, люди, понимающіе дѣло, будутъ ждать, конечно, съ большимъ интересомъ и нетерпѣніемъ, потому что отъ этого разрѣшенія вполнѣ зависитъ, поставленный на карту, вопросъ: быть или не быть реальнымъ гимназіямъ, или, вообще, училищамъ, какъ хотите ихъ назовите?

Лыбопытно было бы еще знать: на сколько всѣ подраздѣленія земства будутъ пользоваться выгодами отъ училища, соразмѣрно съ жертвами каждаго на его основаніе, или это дѣло устроится такъ же, какъ оно устроивается вездѣ, т.-е., что съ мужика возьмутъ рубль, станутъ на этотъ рубль учить уму-разуму дворянскаго или купеческаго сына, а мужику пользы доставятъ всего лишь на пятакъ? Въ «Матеріалахъ изъ дѣла объ учрежденіи елизаветградск. гимназіи», откуда мы почерпнули всѣ представленныя свѣдѣнія, сказано, что елисаветградское земство, для удовлетворенія потребности въ гимназіи, «не затруднилось въ ежегодномъ назначеніи на ея содержаніе по 18-ти тысячъ руб., а земство александрійское въ назначеніи четырехъ тысячъ. По земской раскладкѣ, всѣ эти 22 тысячи должны, приблизительно равномѣрно, падать на имущества, какъ крестьянъ, такъ и зажиточныхъ землевладѣльцевъ, а между тѣмъ, каждому понятно, что гимназія для крестьянскихъ дѣтей, въ настоящую по крайней-мѣрѣ пору, не представляетъ еще такой необходимости, какъ для дворянскихъ и купеческихъ, да крестьянскимъ дѣтямъ и воспользоваться-то гимназическимъ образованіемъ не легко. Изъ проекта устава видно, что семиклассное училище разсчитано, среднимъ числомъ, на 40 человѣкъ въ каждомъ классѣ, т.-е. на 280 учениковъ, а крестьянскихъ мальчиковъ, изъ которыхъ впослѣдствіи должны выходить учителя для сельскихъ школъ, земство предположило содержать въ гимназіи, разумѣется въ качествѣ земскихъ стипендіатовъ, *не болѣе пятнадцати*; къ этому не мѣшаетъ присоединить, что и самые пріемные экзамены назначены такіе, что едва-ли и эта умѣренная цифра не окажется слишкомъ крупною. По § 19 проекта, «въ первый классъ гимназіи принимаются дѣти не моложе 10 лѣтъ, умѣю-

щія читать и писать порусски, знающія главныя молитвы и изъ ариѳметики сложеніе, вычитаніе и таблицу умноженія». Кромѣ ограниченнаго числа стипендіатовъ, на вольно-приходящихъ учениковъ изъ сельскихъ сословій разсчитывать уже, разумѣется, нечего, хотя плата за ученіе, надобно отдать полную справедливость составителямъ проекта, назначена для низшихъ классовъ довольно умѣренная: въ первыхъ трехъ классахъ по 10 р. въ годъ, въ 4 и 5—20 и въ 6 и 7—50 р. Намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно, какая именно доля изъ 18 тысячъ земскихъ денегъ будетъ падать собственно на крестьянъ, и потому неизвѣстно, вознаградятся-ли крестьянскія жертвы предполагаемымъ пріемомъ 15-ти мальчиковъ, но, судя по готовымъ уже примѣрамъ въ другихъ мѣстахъ, можно предположить, что крестьянское населеніе, по крайней мѣрѣ въ первое время по учрежденіи земской гимназіи, будетъ играть почти такую-же роль, какую оно играло и до сей поры, т.-е. будетъ платить и на гимназіи и на университеты и всевозможныя академіи, а пользу отъ всѣхъ этихъ заведеній получать не прямую, а только лишь косвенную. Разумѣется, чѣмъ образованнѣе среда, въ которой живетъ крестьянство, чѣмъ меньше въ ней кулаковъ-эксплуататоровъ и безсердечныхъ, жадныхъ эгоистовъ, тѣмъ легче живется и крестьянину; но, сами посудите, сколько должны крестьяне переплатить денегъ, чтобы вліяніе этой платы было замѣтно? Крестьянство и теперь уже переплатило въ податяхъ на содержаніе всевозможныхъ учебныхъ заведеній и военнаго и гражданскаго вѣдомствъ несмѣтныя суммы, а много-ли оно покуда выиграло въ смягченіи нравовъ окружающей его, господствующей среды?

Предполагаемая елисаветградская земская гимназія представляетъ собою уже не первый примѣръ: еще 30-го августа прошедшаго года въ городѣ Вязьмѣ, Смоленск. губ., открыта тоже земская гимназія (впрочемъ, классическая, съ мундирами). Читателямъ «Современной Лѣтописи», быть можетъ, еще памятно описаніе этого торжества, на которое собралось до 67 учениковъ, которые, ко дню открытія, «успѣли уже запастись мундирами». Читатель, быть можетъ, не позабылъ еще благодарственныхъ и хвалебныхъ рѣчей, произносимыхъ при этомъ торжествѣ гг. обѣдающими. Фразы въ родѣ: «пріятно сердцу каждаго русскаго, любящаго свое отечество и дорожащаго его благомъ и преуспѣяніемъ»... «эти постоянныя, единодушныя и настойчивыя старанія смоленскаго земскаго собранія, преизбыточествующаго любовью къ отечеству и т. д.»—фразы эти сыпались, по обыкновенію, фейерверочнымъ огненнымъ дождемъ, а между тѣмъ, быть можетъ, не всѣ помнятъ, при какихъ именно условіяхъ состоялось опредѣленіе земства о внесеніи въ ежегодную смѣту 12 тысячъ р. земскихъ денегъ? Открытіе гимназіи происходило именно въ то время, когда во всей губерніи свирѣпствовалъ голодъ и когда, для спасенія умирающихъ, раздавали по ко-

пейкамъ изъ пожертвованнаго продовольственнаго капитала. На томъ самомъ собраніи, на которомъ утвержденъ новый налогъ, по словамъ очевидца-корреспондента, происходили слѣдующія сцены: первый курьёзъ случился при назначеніи жалованья управѣ. Собраніе очень здраво, хотя и робко, проговорилось, что, въ виду бѣдственнаго положенія губерніи, жалованье слѣдуетъ уменьшить. Одинъ изъ гласныхъ, крестьянинъ, предложилъ даже «по тысячкѣ» и задушевно прибавилъ, что «довольно» было бы: очень ужь плохо народу. Но явились и такіе богачи-аристократы, что предложили прибавить. Заспорили. Мало-по-малу, стали склоняться къ уменьшенію и, наконецъ, согласились сократить расходъ. Гм! Рѣшимъ этотъ вопросъ письменно, предложилъ предсѣдатель, и положилъ на столъ листы бумаги съ проставленными на нихъ цифрами жалованья: увеличеннаго, прежняго и уменьшеннаго. Не угодно ли подписать свои имена подъ этими цифрами?

Стали писать. Потомъ стали считать подписи. Понятно, большинство подписало цифру увеличенную. Не всякій же дерзнетъ... такъ ужь... прямо... и даже съ подпискою...

«Позвольте, милостивые государи! воскликнулъ вяземскій гласный и предводитель дворянства, К. П. Засѣцкій:—это что-то странно. Согласились сократить—и вмѣсто того прибавили! Нашъ край умираетъ съ голода, а мы увеличиваемъ жалованье! Предлагаю рѣшить вопросъ о размѣрѣ жалованья закрытою баллотировкою.

— Вы думаете что-то другое, Константинъ Павловичъ, говоритъ предсѣдатель съ тонкою улыбкою.

Г. Засѣцкій изумленъ, но повторяетъ свои слова еще разъ.

— Нѣтъ, вы скажите прямо, что вы думаете, Константинъ Павловичъ? Пожалуйста, Константинъ Павловичъ! Вы скажите. Это ничего. Вы думаете что-то другое, Константинъ Павловичъ, убѣждаетъ предсѣдатель.

Собраніе молчитъ и недоумѣваетъ. «Что же это такое, въ самомъ дѣлѣ», думаетъ г. Засѣцкій: «кромѣ того, что онъ сказалъ? И какъ это предсѣдатель все знаетъ?»

Вдругъ встаетъ молодой и ретивый дорогобужскій гласный, г. Пѣнскій, и громко объявляетъ, что большинство собранія больше подумало о вознагражденіи членовъ и предсѣдателя управы, чѣмъ о благѣ голодной губерніи.

Раздается неистовый шипъ. Собраніе возмущено, потрясено, разстрогано горькой истиной, рѣзко и честно кинутой ему въ глаза, и шикаетъ, какъ раекъ. Нѣсколько мрачныхъ лицъ подходятъ къ предсѣдателю и что-то ему заявляютъ сурово, зловѣще косясь на г. Пѣнскаго...

«Милостивые государи—говоритъ тогда предсѣдатель собранію печальнымъ, но значительнымъ голосомъ: — угодно вамъ оставить слова г. Пѣнскаго *безъ послѣдствій?*»

«Ну!» подумалъ я у рѣшотки: «будетъ игра. Какія-то наше

земство смоленское, въ лицѣ своихъ представителей, сочинитъ *послѣдствія* на эти, совершенно вѣрныя и правдивыя, слова г. Пѣнскаго? Чѣмъ-то оно отличится на этотъ разъ?»

Но и игры никакой не вышло. Г. Засѣцкій сѣлъ хладнокровно на свое мѣсто; г. Пѣнскій объяснилъ, что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія огорчать кого бы то ни было, ни совокупно, ни порознь, и господа успокоились, а увеличенное жалованье управѣ вошло въ законную силу. На здоровье! Этого только и требовалось (см. корреспонд. г. Каленова въ прошлогоднемъ «Голосѣ»).

Далѣе, на устройство вяземской гимназіи предложено внести въ смѣту налогъ на земство въ 12,000 р. с. Возникло преніе: справедливо ли брать деньги съ крестьянъ на обученіе разнымъ наукамъ дворянскихъ и купеческихъ сынковъ? Духовщинскіе гласные, гг. Энгельгардъ и Ровинскій, доказывали, что хотя гимназія, равно какъ и всякое просвѣщеніе вообще, полезна, но платить за каждую вещь должны только тѣ, кто ею пользуется, и что на крестьянскія деньги логичнѣе учреждать первоначальныя школы, въ которыхъ народъ крайне нуждается; а гимназіи, до поры, пусть учреждаютъ господа и купцы. Ту же идею проводили многіе другіе гласные отъ Юхнова, Гжатска, Дорогобужа, Рославля и Ельни. Съ Духовщиной, это половина губерніи, а такъ-какъ Смоленскій уѣздъ безгласенъ, то и большая половина. Вязмичи, какъ лица заинтересованныя, утверждали, что дворянство принесло такія огромныя жертвы при освобожденіи крестьянъ, что теперь справедливо и крестьянамъ порадѣть о просвѣщеніи господскихъ дѣтокъ. Какъ бы то ни было, вопросъ о вяземской гимназіи произвелъ въ собраніи вредное разногласіе, которое длилось болѣе часа. Но г. предсѣдатель потушилъ его смѣло и неожиданно, въ самомъ разгарѣ, слѣдующимъ аргументомъ:

«Кто исчислитъ громадную цифру потерь и растратъ, которыя дѣлаютъ нынѣ управы, за неимѣніемъ грамотныхъ писарей? Для сей цѣли вяземская гимназія необходима. Она выпуститъ образованныхъ писцовъ, и земскія управы станутъ творить свои дѣла разумно. Польза безспорная для всего земства, для всѣхъ сословій».

Вяземское земство, какъ читателю небезъизвѣстно, тоже «не затруднилось» въ ежегодномъ назначеніи 12-ти тысячъ, хотя, при данныхъ условіяхъ, можно бы нѣсколько и затрудниться ему: ну, какой, въ самомъ дѣлѣ, толкъ голодному крестьянину въ классической гимназіи, хотя бы съ латинскимъ и греческимъ языками? Не лучше ли бы самимъ городскимъ сословіямъ и жертвовать на свои, городскія школы, отъ которыхъ мужику, какъ отъ козла: ни шерсти ни молока?

Впрочемъ, у насъ въ послѣднее время, похвальное само по себѣ, стремленіе къ просвѣщенію народа охватило почти всѣхъ, поголовно, за исключеніемъ развѣ только самого народа, о ко-

торомъ стараются; а во времена существованія какой-либо эпидеміи, о выборѣ средствъ слишкомъ-то много никогда не заботятся: какое подвернулось первое подъ руку, то и ладно! Десятки лѣтъ мы спокойно прожили, не замѣчая своего невѣжества, а теперь вдругъ увидали, что у насъ и учиться-то, собственно, негдѣ и не у кого, тогда какъ не по днямъ, по часамъ выростающія желѣзныя дороги то и дѣло напоминаютъ намъ о необходимости знаній. Оказались мы и въ этомъ отношеніи, какъ евангельскія юродивыя дѣвы безъ масла въ свѣтильникахъ, и вотъ теперь заметались какъ угорѣлые, не разбирая по сторонамъ ни грязи, ни трясинъ и болотъ, въ которыя легко можно провалиться съ головой. На ряду съ безчисленными, большею частію неудовлетворяемыми ходатайствами земства, предпринимаются нѣкоторыя мѣры и съ другой стороны. Въ прошломъ году, напримѣръ, изъ казны отпущено пособіе, хотя и не особенно значительное, на устройство сельскихъ школъ и на учрежденіе особыхъ директоровъ. Въ прошедшемъ же году коммисія, разсматривавшая всеподданнѣйшій отчетъ г. министра народнаго просвѣщенія за 1867 г., выразила желаніе, чтобъ министерству были предоставлены средства на учрежденіе во внутреннихъ губерніяхъ такого, по крайней мѣрѣ, числа прогимназій, чтобъ означенныя губерніи хотя бы по этому роду среднихъ учебныхъ заведеній могли сравняться съ губерніями западными. Вслѣдствіе этого министерство предположило открыть 23 новыя прогимназіи, что̀ съ имѣющимися нынѣ 10-ю составило бы 33 учебныхъ заведенія этого рода; но такъ-какъ для этого потребовалась бы сумма въ 202,305 руб., то предположеніе это осталось безъ осуществленія. При разсмотрѣніи отчета г. министра за 1868 г., та же коммисія возобновила высказанное ею замѣчаніе, присовокупивъ, что прогимназіи, составляя первую степень среднихъ учебныхъ заведеній, облегчили бы и преуспѣяніе самыхъ гимназій, устранивъ переполненіе учениками низшихъ ихъ классовъ. Нынѣ возобновлено соглашеніе по этому предмету съ г. министромъ финансовъ, съ тѣмъ, чтобъ означенная сумма была отпускаема хотя бы и по частямъ, съ обозначеніемъ, сколько можетъ быть отпущено въ нынѣшнемъ году и сколько въ послѣдующіе годы.

Оказалось, что самыми богатыми, сравнительно, средствами къ просвѣщенію пользовались у насъ однѣ только, такъ-называемыя «окраины», въ которыхъ имѣлось въ виду вовсе не просвѣщеніе, а обрусѣніе; главнѣйшіе же плательщики, т.-е. внутреннія наши губерніи, оставались ни при чемъ. До самаго послѣдняго времени все у насъ предпринималось исключительно только въ видахъ стратегическихъ: и линіи желѣзныхъ дорогъ опредѣлились въ видахъ исключительно стратегическихъ, и учебныя заведенія учреждались опять-таки въ тѣхъ же видахъ; даже нѣкоторыя газеты, какъ, напримѣръ, «Московскія Вѣдомости» тоже, какъ кажется, издавались исключительно въ видахъ стра-

тегическихъ. Приведенное нами выше распоряженіе коммисіи ясно указываетъ на перемѣну этого взгляда, а отсюда дѣлается отчасти яснымъ и странное происшествіе, приключившееся съ «Московскими Вѣдомостями», которыя, не взирая на свою кажущуюся неприступность, получили такое непріятное нынче поздравленіе съ новымъ годомъ... съ новымъ счастьемъ! Желательно было бы, чтобы это новое ихъ счастье затянулось бы подольше: только въ этомъ случаѣ можно ожидать, что наконецъ, и во внутренней Россіи, жертвующей значительныя суммы на народное просвѣщеніе, очутится, наконецъ, приличное количество необходимыхъ учебныхъ заведеній. Тогда только осуществится общее желаніе всѣхъ исправныхъ плательщиковъ всяческихъ податей и сборовъ, чтобъ и они «по крайней мѣрѣ по этому роду среднихъ учебныхъ заведеній могли сравняться съ жителями губерній западныхъ».

Мнѣ, въ своихъ обозрѣніяхъ, какъ-то очень рѣдко удается говорить что-либо вообще о нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Теперь, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, остановимся на нѣкоторыхъ распоряженіяхъ по этому вѣдомству, отличающихся особенною оригинальностью.

Къ числу такихъ распоряженій, мнѣ кажется, нельзя не отнести слѣдующихъ: «Изъ Уфы въ «Биржевыя Вѣдомости» сообщаютъ о слѣдующемъ распоряженіи казанскаго учебнаго округа, объявленномъ недавно въ Уфѣ. По поводу слуха, — такъ, кажется, говорится въ офиціальномъ распоряженіи, — распространившагося въ обществѣ о томъ, что нѣкоторые изъ учителей принуждаютъ родителей прибѣгать къ приватнымъ урокамъ, воспрещается всѣмъ учителямъ гимназіи давать уроки въ домахъ тѣхъ родителей, которые предполагаютъ отдать въ гимназію сыновей, или дѣти которыхъ уже находятся въ гимназіи.

Недавно въ газетахъ появилось подобное же распоряженіе, касающееся и учителей уѣздныхъ училищъ, живущихъ не въ Уфѣ, а даже въ Петербургѣ, гдѣ при 14-ти рублевомъ жалованьѣ, безъ частныхъ уроковъ, служащихъ значительнымъ подспорьемъ, и существовать положительно невозможно. «По словамъ «Сына Отечества», для того, чтобы существовать хотя какъ-нибудь, бѣдные труженики давали приватные уроки за весьма скудное вознагражденіе (отъ 1 р. до 1 р. 50 к.); это было распространено вездѣ, и даже начальство смотрѣло снисходительно на подобныя занятія, признавая фактомъ ничтожность жалованья учителя. Въ настоящее время, бѣдные труженики лишены возможности честнымъ трудомъ преподаванія заработывать себѣ копѣйку, благодаря циркулярному отношенію (отъ 12-го января 1870 г., за № 38) директора училищъ, которымъ запрещается уѣзднымъ и приходскимъ учителямъ давать уроки ученикамъ послѣ классныхъ часовъ. Мы не повѣрили бы появленію подобнаго, болѣе чѣмъ страннаго, циркуляра, если

бы редакція названной газеты не увѣряла, что она сама лично читала этотъ циркуляръ.

Какъ и чѣмъ объяснить подобныя распоряженія? Неужели учители гимназій въ казанскомъ учебномъ округѣ стоятъ, въ нравственномъ отношеніи, до такой степени низко? Не лучше ли бы просто выбросить только уличенныхъ въ жадности учителей, чѣмъ у всѣхъ отнимать единственную возможность къ существованію? Чѣмъ же, наконецъ, какими путями они добудутъ недостающую сумму денегъ?

Подобное недовѣріе къ учителямъ гимназій въ особенности странно было встрѣтить въ казанскомъ учебномъ округѣ, гдѣ, какъ изъ оффиціальныхъ отчетовъ видно, надзоръ за нравственностью учениковъ заведенъ почти такой же, какой существовалъ въ іезуитскихъ школахъ, или и въ нашихъ, во времена знаменитаго Магницкаго. Странно: кто же въ казанскихъ гимназіяхъ будетъ наблюдать за отмѣнною чистотою нравовъ воспитанниковъ, если сами-то воспитатели оффиціально, огуломъ, признаны до такой степени неблагонадежными? Какъ усердно хлопочатъ заподозрѣнные казанскіе педагоги о чистотѣ нравовъ ввѣренныхъ ихъ попеченію птенцовъ, ясно видно изъ любопытнаго отчета о состояніи 2-й казанской гимназіи, прочитаннаго инспекторомъ С. Горскимъ на публичномъ актѣ этой гимназіи, 23-го августа прошлаго года *. Такъ-какъ подробности этого любопытнаго отчета напоминаютъ времена давно минувшія, времена Магницкаго, какъ видно не совсѣмъ еще сдѣлавшіяся достояніемъ исторіи, то мы позволяемъ себѣ нѣсколько остановиться на этомъ отчетѣ.

По началу рѣчи г. Горскаго можно было судить, что 2-я казанская гимназія, и до управленія ея г. Горскимъ, находилась въ положеніи вполнѣ удовлетворительномъ. По словамъ г. Горскаго, ввѣренная его надзору гимназія «воспитала цѣлыя поколѣнія людей, изъ которыхъ многіе уже успѣли пріобрѣсти извѣстность своею *честною и полезною дѣятельностью*». Надзоръ за преподаваніемъ и нравственностію учениковъ былъ тоже, какъ видно, болѣе даже, чѣмъ удовлетворительный: директоръ гимназіи, кромѣ постояннаго наблюденія за преподаваніемъ, нерѣдко еще внезапно посѣщалъ уроки; инспекторъ, т.-е. самъ г. Горскій, тоже, какъ видно изъ его рѣчи, безпрестанно посѣщалъ классы, постоянно слѣдилъ, наблюдалъ, доносилъ, а при отсутствіи преподавателей, самъ даже преподавалъ, преимущественно географію и исторію. Кромѣ того, г. попечитель округа, помощникъ попечителя и инспекторъ округа, часто посѣщая гимназію, «вникали во всѣ подробности» и т. п. Казалось, чего бы еще? Неужели кому нибудь изъ родителей гимназистовъ, даже изъ самыхъ взыскательныхъ родителей, подобный надзоръ могъ еще показаться недостаточнымъ?

* Отчетъ этотъ напечатанъ въ октябрской книжкѣ «Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.» за прошлый годъ.

Изъ отчета г. Горскаго мы однакоже видимъ, что надзоръ этотъ дѣйствительно самимъ же начальствомъ гимназіи призналъ былъ недостаточнымъ. Педагогическій совѣтъ Казанской гимназіи пришелъ къ убѣжденію, что неослабный и непрерывный надзоръ за поведеніемъ учениковъ, какъ въ гимназіи, такъ и *внѣ ея*, долженъ быть предметомъ особенной его заботливости, чтобы, значитъ, ученикъ никуда не могъ уйти отъ этого надзора и, послѣ тщетныхъ усилій скрыться, самъ бы наконецъ бросилъ это попытки, воскликнувъ въ отчаяніи: «камо бѣгу?» Чтобы привести въ исполненіе такую блестящую мысль и заранѣе пріучить будущаго гражданина къ вѣчному надзору, казанскій педагогическій совѣтъ нашелъ необходимымъ поручить надзоръ за учениками внѣ стѣнъ гимназіи надзирателямъ, вмѣнить имъ въ обязанность посѣщать, хотя разъ въ мѣсяцъ, квартиры учениковъ, живущихъ не у родителей или родственниковъ или лицъ, *извѣстныхъ гимназическому начальству своею добросовѣстностію*. Для того же, чтобъ эти посѣщенія сдѣлать возможными, опредѣлено, съ разрѣшенія г. попечителя, выдавать надзирателямъ деньги на разъѣзды изъ спеціальныхъ средствъ; выдать надзирателямъ отъ *директора книги*, въ которыя они, послѣ посѣщенія квартиры, вписываютъ свои замѣчанія; книги эти, время отъ времени, должны быть просматриваемы директоромъ и инспекторомъ. *Директоръ и инспекторъ также обязаны посѣщать квартиры учениковъ*, и при этомъ какъ они, такъ и надзиратели должны обращать вниманіе на удобство квартиры, на удовлетворительность содержанія ученика, — *однимъ словомъ, на всю окружающую его обстановку*». Изъ приведеннаго мѣста отчета видно, что, кромѣ учениковъ казанской гимназіи, подъ надзоръ этой ученой полиціи сами собою попадали и тѣ граждане, которые пускаютъ на свои квартиры учениковъ, потому что, какъ же иначе *сдѣлаться извѣстнымъ гимназическому начальству своею добросовѣстностью?* Признаюсь, при такомъ положеніи дѣлъ, будь я домовладѣльцемъ въ Казани, я бы ни за что не пустилъ къ себѣ на квартиру гимназиста. Положимъ, что я считаю себя человѣкомъ достаточно добросовѣстнымъ, но какая-же мнѣ охота подвергаться вѣчному надзору, да еще со стороны такихъ лицъ, которыхъ, по распоряженію самого же попечителя, не велѣно впускать даже въ домъ для преподаванія дѣтямъ уроковъ, такъ-какъ они немедленно начинаютъ *вымогать*, сирѣчь норовятъ стибрить взятку? Положимъ, надзоръ поручается не учителямъ гимназіи, а особымъ надзирателямъ, но чѣмъ-же эти-то господа благонадежнѣе учителей? Я думаю, что, послѣ приведеннаго, мудраго распоряженія, многіе изъ несчастныхъ учениковъ 2-ой казанской гимназіи, надъ которыми тяготѣлъ вѣчный надзоръ, какъ проклятіе Іеговы, должны были оставаться, или вовсе безъ квартиръ, или платить за квартиры втрое-вчетверо, какъ, на-

примѣръ, извѣстной спеціальности дѣвицы, именующіяся бѣлошвейками.

Далѣе: «гг. надзиратели обязаны слѣдить, *какія книги читаетъ гимназистъ*», разумѣется, на дому, такъ-какъ въ гимназіи постороннихъ книгъ читать некогда. Въ отчетѣ г. Горскаго не указано, какія именно книги признаются педагогическимъ совѣтомъ полезными, какія зловредными, но догадливый человѣкъ, разумѣется, и самъ смекнетъ. Не сказано также, какъ долженъ поступать надзиратель съ усмотрѣнными *зловредными* книгами, но, съ другой стороны, нельзя-же этимъ чиновникамъ, отягченнымъ такими трудными обязанностями, не предоставить нѣкотораго произвола: иначе въ надзиратели согласились-бы идти только лишь отъявленные «ташкентцы», въ томъ видѣ, въ какомъ эти господа изображены въ статьяхъ г. Щедрина.

«Относительно театра — говорится далѣе въ отчетѣ г. Горскаго, — еще въ прошломъ году было постановлено, чтобы ученики, отправляющіеся въ театръ безъ родителей или воспитателей, испрашивали на это разрѣшеніе инспектора, который и даетъ имъ билеты за своею подписью (театральные билеты нужно достать само по себѣ: вотъ хлопоты-то), *если ученики, по успѣхамъ и поведенію заслуживаютъ быть впущенными въ театръ*. Эту мѣру педагогическій совѣтъ оставилъ въ полной силѣ.»

Когда я, въ сороковыхъ годахъ, учился въ гимназіи, то нашъ тогдашній попечитель, кавалерійскій генералъ-маіоръ, прямо и безусловно запретилъ ходить въ театръ, считая его безусловно вреднымъ, такъ что мы ужь и не пробовали доставать билетовъ, а шли прямо въ секретные трактирчики, въ родѣ кабачковъ, которые служили намъ единственными мѣстами развлеченій. Послѣ сороковыхъ годовъ, взглядъ на театры во многомъ измѣнился. Въ послѣднее время, какъ напримѣръ изъ безплодныхъ преній о народныхъ театрахъ видно, театрамъ начали придавать даже педагогическое значеніе, но подобный взглядъ, какъ видно изъ отчета г. Горскаго, еще не достигъ до Казани, потому что иначе педагогическій совѣтъ не предпринялъ бы вышеизложенной странной и ни съ чѣмъ несообразной мѣры. Еслибы казанскій педагогическій совѣтъ признавалъ театръ полезнымъ, то онъ долженъ бы былъ постараться, чтобы плохіе безнравственные ученики почаще его посѣщали, въ видахъ исправленія. Еслибы театръ считался абсолютно вреднымъ, какимъ онъ признанъ былъ нашимъ последовательнымъ попечителемъ, тогда-бы совѣтъ наотрѣзъ запретилъ его посѣщеніе, но казанскіе педагоги приняли ни то ни се, а Богъ знаетъ, что такое! У нихъ театръ представляется чѣмъ-то въ родѣ конфекты или пряника, выдаваемаго въ видѣ поощренія! Если-де будешь вести себя и учиться хорошо, то, будучи при деньгахъ, иди къ намъ предъ спектаклемъ

(иногда за версту) — мы тебѣ дадимъ *право* на покупку театральнаго билета, хотя-бы въ этотъ вечеръ давали Прекрасную Елену или что угодно: это намъ все-де равно! Даже еще, чѣмъ пикантнѣе пьеса, тѣмъ лучше, потому что отличные успѣхи и отличное поведеніе должны вознаграждаться и пряниками отличными, съ ванилью. Вотъ, молъ, тебѣ билетъ, дающій тебѣ право купить на собственныя свои деньги шоколадный пряникъ съ ванилью!

Любопытно было-бы знать, какое впечатлѣніе произвело это мѣсто отчета г. Горскаго на родителей поощряемыхъ такимъ образомъ учениковъ, присутствовавшихъ на актѣ? Вѣроятно, многіе не поняли, а тѣ, которые поняли, пожалуй, сморщились и глаза вытаращили?

«Вообще — говорится далѣе въ любопытномъ отчетѣ г. Горскаго — *нравственность учащихся* обращала на себя постоянно особенное вниманіе какъ гимназическаго начальства, такъ и *педагогическаго совѣта*. Кромѣ инспектора и надзирателей, которые постоянно слѣдили за поведеніемъ учениковъ въ гимназіи, *и по возможности внѣ ея*, директоръ принималъ въ этомъ дѣятельное участіе, и вмѣстѣ съ инспекторомъ, изыскивалъ мѣры къ исправленію проступковъ учениковъ. Педагогическій совѣтъ въ засѣданіяхъ своихъ разсматривалъ кондуитный списокъ и принималъ мѣры къ исправленію провинившихся учениковъ. Проступки, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ дѣтскихъ шалостей, хотя они были чрезвычайно рѣдки, немедленно были предлагаемы на обсужденіе педагогическаго совѣта. Согласно опредѣленію совѣта, состоявшемуся еще въ $18^{67}/_{68}$ году, родители или воспитатели ученика, подвергшагося взысканію, извѣщаются въ тотъ-же день печатными, за подписью инспектора, билетами, въ которыхъ прописывается и сдѣланный ученикомъ проступокъ и мѣра взысканія за него. Нерѣдко родители или воспитатели ученика *приглашались директоромъ или инспекторомъ въ гимназію для того, чтобы, по взаимному соглашенію, принять мѣры къ его исправленію*. Табели учениковъ, получившихъ въ поведеніи баллъ 2, отсылались, съ надписью отъ педагогическаго совѣта, къ родителямъ, чтобъ они обратили вниманіе на поведеніе своихъ дѣтей. Проступки ученика записывались въ штрафную книгу, гдѣ обозначалась и мѣра взысканія, которой ученикъ подвергся.

Изъ приведеннаго мѣста отчета не видно, чтобы учениковъ 2-й казанской гимназіи сѣкли «въ стѣнахъ оной», тогда какъ въ сороковыхъ годахъ тамъ пороли жестоко, такъ что цѣлые даже дни были посвящены исключительно только одной поркѣ: при стонахъ и вопляхъ заниматься другими науками не представлялось ни малѣйшей возможности. Впрочемъ, и тогда изрѣдка тоже приглашались въ гимназію и родители, чтобы они сами присутствовали при поркѣ своихъ дѣтей. Цѣль этихъ приглашеній, повидимому, состояла только въ томъ, чтобы на-

чальству послѣ не отвѣчать, если съ наказаннымъ что-нибудь случится. Изъ отчета хотя и не видно, чтобы г. Горскій принималъ на себя роль экзекутора, какъ это водилось преждекогда существовали еще инспекторы сороковыхъ годовъ, но, однакоже, не совсѣмъ какъ-то ясною остается фраза отчета: «родители приглашались въ гимназію для того, чтобы, *по взаимному соглашенію*, принять мѣры къ исправленію виновнаго». Положенія 19-го февраля, какъ видно, и въ педагогическомъ дѣлѣ получили нѣкоторое примѣненіе: и здѣсь приняты *добровольныя соглашенія*. Какія же, однако, это мѣры, любопытно было бы знать? Невольно какъ-то припоминается случай изъ практики мировыхъ посредниковъ, когда одинъ временно-обязанный пришелъ въ губернскій городъ съ жалобой на превышеніе власти. «Что̀ тебѣ?» спросилъ чиновникъ. — «Да вотъ, ваше высокоблагородіе, посредственникъ мнѣ зубъ вышибъ на добровольномъ соглашеніи!..»

Впрочемъ, о мѣрахъ взысканія говорится дальше въ отчетѣ, хотя, по обыкновенію, не совсѣмъ ясно. «Директоръ, инспекторъ и другіе члены совѣта *старались предупреждать и искоренять проступки не страхомъ наказанія*, *а внушеніемъ учащемуся юношеству уваженія къ святости закона*, *любви къ труду и къ строгому исполненію обязанностей*. Безъ преувеличенія можно сказать, что нравственность учениковъ 2-й гимназіи была въ минувшемъ году въ весьма удовлетворительномъ состояніи. Хотя и были нѣкоторые проступки, повидимому, *выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ*, но они происходили отъ неосмотрительности и живости дѣтскаго темперамента и теряютъ свое значеніе уже потому, что за ними слѣдовало полнѣйшее, чистосердечное раскаяніе. Наконецъ, эти немногія темныя пятна вполнѣ искупаются многочисленными случаями *высокой честности*, *которые*, *уважая скромность воспитанниковъ*, *я считаю излишнимъ упоминать здѣсь*». А между тѣмъ, мнѣ кажется, о примѣрахъ-то *высокой честности* воспитанниковъ упомянуть бы не худо, хотя бы въ видѣ образца тѣмъ учителямъ гимназій, того же казанскаго учебнаго округа, которымъ не позволено даже давать уроки на дому, чтобы не было вымогательствъ.

Но довольно объ отчетѣ г. Горскаго, какъ онъ ни любопытенъ самъ по себѣ. Рѣшимъ лучше вопросъ, который до сей поры остается еще темнымъ для читателя: чѣмъ именно, какимъ событіемъ вызваны подобныя мѣры, нѣкоторымъ образомъ напоминающія собою такъ-называемое объявленіе извѣстной мѣстности «на военномъ положеніи»? Чѣмъ именно вызвали подобныя, экстраординарныя мѣры воспитанники гимназіи, изъ которой, по заявленію самаго же г. Горскаго, постоянно выходили люди, успѣвшіе пріобрѣсти извѣстность своею *честною и полезною дѣятельностью?* Дикія мѣры Магницкаго вполнѣ уже теперь объяснены свирѣпствовавшей въ тѣ времена во всей Европѣ реакціей. Весь комизмъ тогдашняго по-

ложенія дѣлъ состоялъ только лишь въ томъ, что наши бурсацкіе, казармо-образные университеты, по ошибкѣ, смѣшали тогда съ либеральными германскими университетами и нашихъ богомольныхъ, любившихъ поспать, выпить и подраться полу-студентовъ, полу-солдатъ смѣшали съ германскими студентами, въ которыхъ тогда сильно былъ возбужденъ патріотизмъ. Жестокія порки въ сороковыхъ годахъ тоже объясняются общеевропейскими событіями, въ которыхъ, предполагалось, что мы, съ своимъ окномъ въ Европу, не можемъ не участвовать. Но чѣмъ же объяснить подобныя мѣры въ наше время, когда у насъ введены и гласные суды и земство и уничтожено рабство? Когда даже такъ недавно еще называемые *крестьянскіе бунты* судятся у насъ обыкновеннымъ судомъ и когда, повидимому, предполагается дикимъ въ родѣ нечаевской исторіямъ не придавать впредь характера политическаго?

Для объясненія этого, въ сущности необъяснимаго явленія, мы еще разъ, и уже въ послѣдній разъ, обратимся опять къ знаменитому отчету инспектора казанской гимназіи, г. Горскаго: «Страшное преступленіе, совершенное въ прошломъ году однимъ изъ учениковъ тамбовской гимназіи; ревизія, вызванная этимъ событіемъ и раскрывшая въ упомянутой гимназіи множество существенныхъ упущеній, заставили педагогическіе совѣты пристальнѣе взглянуть на свое прошлое, на то, что̀ они сдѣлали для предупрежденія такихъ печальныхъ явленій. Вслѣдствіе предложенія г. попечителя, педагогическій совѣтъ 2-й казанской гимназіи приступилъ къ обсужденію вопроса: *какія къ прежде существовавшимъ во 2-й гимназіи учебнымъ, воспитательнымъ и дисциплинарнымъ мѣрамъ нужно и полезно присоединить новыя, чтобъ устранить недостатки, поставленные на видъ тамбовской гимназіи?* Прежде всего совѣтъ приступилъ къ обсужденію мѣръ относительно малоуспѣшныхъ учениковъ...» Что̀ такое? Что̀ такое? воскликнетъ недоумѣвающій читатель. — Гдѣ-то, въ Тамбовѣ, безумный юноша, своекоштный ученикъ гимназіи, вдругъ, ни съ того ни съ сего, разстрѣливаетъ цѣлое семейство, представляя собою чрезвычайно любопытный примѣръ для психіатра, а въ Казани, за тысячу верстъ, встрѣтилась надобность въ какихъ-то новыхъ мѣрахъ, *чтобы устранить недостатки, поставленные на видъ тамбовской гимназіи?* Да вѣдь въ Казани никогда ничего не было и подобнаго тому, что случилось въ Тамбовѣ? Вѣдь въ казанскихъ гимназіяхъ, если, по стеченію случайныхъ обстоятельствъ, и существуетъ Горскій, то онъ вовсе не преступникъ, а почтенный инспекторъ гимназіи, въ которой именно и предпринимаются мѣры противъ Горскаго? Вѣдь въ казанской гимназіи, по словамъ самаго же казанскаго г. Горскаго, не только не существовало никогда тенденцій, которымъ слѣдовалъ тамбовскій Горскій, но постоянно выходили люди, отличавшіеся честною дѣятельностью, да и самые воспитанники ея

отличаются «высокой честностью», такъ что, еслибы въ Уфѣ учителей назначили изъ воспитанниковъ этой гимназіи, то, вѣроятно, не было бы никакой надобности и въ приведенномъ циркулярѣ «о вымогательствѣ». Ей-Богу, непонятно! Неужели изъ-за того только, что, напримѣръ, крестьянка Дарья Соколова, по предположенію, перебила утюгомъ цѣлую семью въ Петербургѣ, въ Гусевомъ переулкѣ, нужно и по всѣмъ деревнямъ Казанской губерніи принимать какія-нибудь особенныя мѣры противъ бабъ, вообще? Неужели изъ-за того только, что, напримѣръ, въ городѣ Владимірѣ два дворянскихъ предводителя растратили дворянскія суммы, нужно подвергнуть строгому надзору и казанскаго губернскаго предводителя дворянства? Да, послѣ этого, и жить бы на свѣтѣ никому не стоило, да и самому почтенному инспектору, г. Горскому, непремѣнно привелось бы, по крайней мѣрѣ, перемѣнить фамилію! Обобщать факты и выводить изъ нихъ заключенія — дѣло, безспорно, хорошее, но развѣ факты обобщаются такимъ способомъ, то-есть, такъ сказать, по звуковому методу?

Мнѣ кажется, что ужь если начать обобщать факты, то, вмѣсто того, чтобы принимать репрессивныя мѣры противъ ничѣмъ неповинныхъ воспитанниковъ казанской гимназіи, слѣдовало бы взять, съ одной стороны, циркуляръ попечителя округа къ уфимскимъ учителямъ гимназіи, а съ другой — извѣстную рѣчь г. Дуракова, знаменитаго защитника тамбовскаго Горскаго — и начать обобщенія. Для ясности, попробуемъ это сдѣлать. Прежде всего припомните, читатель, самое знаменитое мѣсто изъ знаменитой защитительной рѣчи г. Дуракова, произнесенной имъ на судѣ въ Тамбовѣ.

«Мы видимъ молодаго, 18-тилѣтняго человѣка — произнесъ г. Дураковъ, указывая на Горскаго, т.-е. тамбовскаго Горскаго — полнаго силы, желающаго жить и приносить пользу обществу, но для этого нужна подготовка, а для подготовки необходимы матеріальныя средства, которыхъ преступникъ не имѣетъ. Онъ видитъ, что можетъ разсчитывать только на свои собственныя силы, но, по неразвитости своего убѣжденія, онъ не надѣется на нихъ. Семейство его въ бѣдности, отецъ при смерти, онъ не можетъ ожидать помощи отъ семейства, онъ каждую минуту думаетъ, что, со смертію отца, семейство его должно будетъ идти по міру, если онъ не будетъ въ состояніи оказывать помощь ему. *Очень естественно* (!) у него родился планъ какимъ бы то ни было образомъ достать что-нибудь, чтобы только принести пользу семейству и себѣ; у него нашелся одинъ исходъ — совершеніе преступленія; *я не думаю, чтобы много было такихъ молодыхъ людей, которымъ бы не приходило на умъ воспользоваться какимъ бы то ни было средствомъ для достиженія своей цѣли, хотя бы даже совершить преступленіе*».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что г. Дураковъ, подъ вліяніемъ

излишняго усердія, слишкомъ уже обобщилъ свою собственную мысль, навязавли ее другимъ. Само собою разумѣется, что дураковская мысль, здѣсь высказанная, такъ и останется дураковской, лично ему принадлежащей, и едва-ли найдется кто-нибудь другой, который призналъ бы ея справедливость, хотя въ свое время нѣкоторыя газеты, примѣняя къ дѣлу неправильное обобщеніе г. Дуракова, навязали эту нелѣпую мысль цѣлому молодому поколѣнію. Рѣчь г. Дуракова похвалить, разумѣется, нельзя, и едва-ли даже желательно, чтобы онъ оставался въ защитникахъ; но у насъ не въ томъ и дѣло: мы беремъ рѣчь эту, какъ она есть, безъ всякой оцѣнки. Изъ нея только видно, что жадность людей неразвитыхъ (если только она можетъ существовать у людей вполнѣ развитыхъ) влечетъ къ преступленію. Юношество, учащееся въ гимназіяхъ, развивается подъ вліяніемъ окружающей его среды, и если начальство гимназій не имѣетъ никакой возможности удалить вредное вліяніе на воспитанника домашней среды, то оно, по крайней мѣрѣ, можетъ и обязано удалять изъ среды гимназическихъ педагоговъ людей жадныхъ, слѣдовательно, и вредныхъ: въ этомъ и заключается главнѣйшая его задача. Теперь остается только рѣшить вопросъ: есть между учителями казанскаго учебнаго округа люди, завѣдомо жадные, или ихъ нѣтъ? Очевидно есть и, притомъ, въ значительномъ количествѣ, потому что, чѣмъ же иначе объяснить циркуляръ, объявленный въ Уфѣ, «о воспрещеніи учителямъ гимназіи давать уроки въ домахъ тѣхъ родителей, которые предполагаютъ отдать въ гимназію сыновей»? Вотъ ужь если нужно было въ данномъ случаѣ непремѣнно обобщить фактъ, то, вслѣдъ за извѣстіемъ о преступленіи Горскаго (если, слѣдуя теоріи г. Дуракова, признать, что преступленіе совершено единственно изъ жадности), немедленно нужно было повыгнать изъ всѣхъ гимназій и прогимназій округа людей жадныхъ и замѣнить ихъ людьми «глубокой честности», которымъ бы, по крайней мѣрѣ, можно было безопасно вручить преподаваніе въ частныхъ домахъ, внѣ стѣнъ гимназіи.

Эта крутая, но необходимая мѣра, обезпечивъ отцовъ и дѣтей, неизбѣжно улучшила бы карманныя обстоятельства и самихъ учителей, средства которыхъ (въ особенности учителей уѣздныхъ училищъ) до крайности скудны. Сознавши необходимость въ школахъ для массы народа, общество само начало хлопотать объ обезпеченіи, по мѣрѣ силъ, сельскихъ учителей, а правительство, съ своей стороны, освобождаетъ отъ солдатства тѣхъ изъ нихъ, которые принадлежатъ къ податнымъ сословіямъ. Если коммисіи, разсматривавшей отчетъ министра просвѣщенія, удастся ея ходатайство: завести въ губерніяхъ внутренней Россіи, пропорціонально, такое же число прогимназій, сколько ихъ находится въ губерніяхъ западныхъ, то количество учителей неизбѣжно вразъ увеличится, слѣдовательно

нужно подумать и объ ихъ обезпеченіи, чтобы привлечь людей сколько нибудь порядочныхъ. Такъ-какъ проектъ коммисіи, какъ мы видѣли, не приводился въ исполненіе единственно по поводу безденежья, то на прибавку жалованья новымъ учителямъ прогимназій разсчитывать нечего, слѣдовательно пора подумать хорошо-обезпеченной ученой администраціи объ уничтоженіи своихъ распоряженій и различныхъ циркуляровъ, только лишь препятствующихъ безбѣдному существованію худо-обезпеченныхъ рабочихъ людей. Впрочемъ, это, должно быть, общій ужь законъ: чѣмъ труднѣе и утомительнѣе работа, тѣмъ въ большемъ пренебреженіи находится рабочій. Еще положеніе учителей, хотя бы и уѣздныхъ училищъ, какъ людей служащихъ, привиллегированныхъ, находится, сравнительно, въ блестящемъ видѣ; а вотъ, посмотрите-ко, въ какомъ положеніи находится у насъ фабричный и заводскій рабочій, напримѣръ, на какой нибудь суконной фабрикѣ, или на сахарномъ заводѣ! Дѣйствующій у насъ фабричный и ремесленный уставъ, недостатки котораго всѣмъ хорошо извѣстны, въ настоящее время просматривается съ цѣлью исправленія, но дѣло не въ одномъ только уставѣ: какъ бы ни былъ хорошъ уставъ, а при настоящемъ нравственно-угнетенномъ состояніи нашего рабочаго, онъ всегда будетъ ограждать интересы преимущественно фабриканта и заводчика. Въ прошломъ году владимірская земская управа вздумала-было указать своему собранію на ужасное положеніе фабричныхъ. Она указала губернскому земству на совершеннѣйшее пренебреженіе капиталистами фабрикантами самыхъ необходимыхъ гигіеническихъ условій, вслѣдствіе чего здоровье рабочихъ видимо разстроено, но изъ всего этого ничего не вышло. Нѣкоторые изъ самихъ-же гласныхъ на земскомъ собраніи заявили, что рабочій вопросъ земству нужно оставить, такъ-какъ хозяева-фабриканты, чего добраго, еще обидятся и жаловаться станутъ: бѣды наживешь, Богъ съ ними! На дняхъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» появилась странная телеграмма изъ Орла, отъ 23-го февраля, въ которой сказано, что на рогожной фабрикѣ Емельянова появилась страшная холера: умираютъ, будто бы, *болѣе десяти рабочихъ въ часъ*. Господи, что ужь это такое? Да, эдакимъ манеромъ, у насъ и всѣхъ-то наличныхъ рабочихъ только на нѣсколько сутокъ хватитъ! * Фабриканты-хозяева тоже недовольны существующимъ

* Сейчасъ только въ «Правит. Вѣстн.» появилось болѣе вѣроятное, или даже вѣрное извѣстіе. Цифры дѣйствительно представляются не нелѣпыми, но зато положеніе рабочихъ на фабрикѣ обрисовывается ярче: «На рогожной фабрикѣ Емельянова, помѣщающейся въ бывшихъ казенныхъ винныхъ магазинахъ, страшная холера. Рабочіе умираютъ по десяти человѣкъ въ часъ». Въ опроверженіе этого извѣстія, оказавшагося неточнымъ, медицинскій департаментъ доводитъ до общаго свѣдѣнія, что, по полученной 24-го февраля телеграммѣ отъ орловскаго губернатора, въ Орлѣ съ 14-го по 24-е февраля поступило въ больницы трое холерныхъ больныхъ, а 24-го февраля—

уставомъ, хотя, разумѣется, по своему: имъ кажется, что правила при наймѣ рабочихъ недостаточно обезпечиваютъ нанимателей. Эти господа, разумѣется, хлопочутъ о томъ же самомъ, о чемъ хлопотали въ свое время знаменитые холмскіе землевладѣльцы-гласные, т.-е., чтобы нанявшемуся къ нимъ рабочему человѣку, безъ ихъ соизволенія, дохнуть было невозможно, хотя рабочему и безъ того уже дышется куда-какъ не легко! Кромѣ безпрерывныхъ надувательствъ при разсчетахъ, имѣющихъ видъ открытыхъ грабежей, при чемъ ограбленному и плакать не позволяютъ, — различные негодяи управляющіе и прикащики просто-на просто озорничаютъ и безчинствуютъ надъ несчастнымъ, безотвѣтнымъ людомъ, какъ озорные помѣщики временъ минувшихъ надъ своими крѣпостными. Недавно одинъ изъ корреспондентовъ «Русскихъ Вѣдомостей» сообщилъ о слѣдующемъ происшествіи, случившемся на какой-то суконной фарикѣ, Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи. Послѣ обѣда, по приказу управляющаго этою фабрикою г. У., раздается вдругъ звонокъ. Крестьяне ближайшей деревни, запасшись топорами, прибѣжали на фабрику, думая что тамъ пожаръ; но вмѣсто пожара ихъ очамъ предстала другая картина: противъ конторы стоялъ въ сборѣ фабричный народъ; тутъ же былъ и управляющій фабрикою г. У., а предъ нимъ наказывали розгами одну изъ фабричныхъ дѣвицъ за нарушеніе, какъ говорятъ, какого-то правила субординаціи. Четверо фабричныхъ ее держали, а изъ окружающей толпы кто удивлялся храбрости г. У., рѣшившагося на подобную экзекуцію, а кто смѣялся, смотря на наготу силящейся вырваться несчастной осужденной. Говорятъ, будто управляющій г. У. по этому дѣлу привлеченъ къ суду, но за вѣрность этого слуха корреспондентъ не ручается.

Не въ лучшемъ, какъ видно, положеніи, находятся и рабочіе на кіевскихъ сахарныхъ заводахъ, несмотря даже на то, что нѣкто священникъ Августинъ Левицкій въ «Кіевлянинѣ» нынѣшняго года изобразилъ въ своей статьѣ въ самыхъ радужныхъ чертахъ положеніе русскаго рабочаго въ свеклосахарныхъ ассоціаціяхъ. Въ той же газетѣ съ свеклосахарнаго завода изъ села Кашперовки, Таращанскаго уѣзда, пишутъ слѣдующее:

«Въ числѣ досмотрщиковъ за работами здѣсь находился отставной унтеръ-офицеръ Рафаилъ Иванскій, который неоднократно наносилъ побои рабочимъ, преимущественно дѣвкамъ. Одна изъ послѣднихъ, вслѣдствіе его побоевъ, заболѣла, и, пролежавъ болѣе двухъ недѣль, умерла 25 ноября. Чтобы насъ не заподозрили въ преувеличеніи, передадимъ нѣкоторыя подробности подлинными словами полицейскаго донесенія по этому

---

13 рабочихъ, заболѣвшихъ холерою на рогожной фабрикѣ Емельянова, гдѣ рабочіе, въ числѣ болѣе 300 человѣкъ, *помѣщаются въ сыромъ, холодномъ подвалѣ*. Всего заболѣло холерою на этой фабрикѣ 16 человѣкъ, а умерло 3.

дѣлу, которое намъ случилось видѣть: «крестьянская дѣвка Марина Лускачеревова (умершая) находилась вмѣстѣ съ другими крестьянскими дѣвками въ Кашперовскомъ сахарномъ заводѣ, на работѣ у прессовъ, гдѣ около четырехъ недѣль предъ ея смертью, досмотрщикъ за работами Иванскій, замѣтивъ, что зарядъ подъ прессъ набирался медленно и что всѣ дѣвки во время работы ѣли, началъ всѣхъ ихъ руками бить, причемъ у Марины полилась изъ носу кровь. Обмывшись у крана, она стала къ прессамъ на работу, а вошедшій Иванскій снова началъ бить по лицу, и, сваливъ на землю, билъ ногами, и когда она встала на ноги, то онъ еще толкнулъ ее, отчего она упала на желѣзный ящикъ у терки и ушибла бокъ». Работы она, однако, не оставляла еще нѣсколько дней, хотя постоянно жаловалась на нездоровье. Но, вслѣдъ затѣмъ, у нея открылось сильнѣйшее маточное кровотеченіе, прекратившееся лишь за сутки до смерти и бывшее уже, вѣроятно, непосредственною причиною смерти. При освидѣтельствованіи трупа, на тѣлѣ найдены ссадины и синія и красныя пятна, — хотя отъ нанесенія побоевъ до смерти прошло болѣе трехъ недѣль.

При первоначальномъ дознаніи, Иванскій, отрицая возможность смерти дѣвки отъ нанесенія имъ побоевъ, сознался, однако, что однажды онъ ей разшибъ лицо до крови, а въ другой разъ билъ ее въ «шею».

Объ этомъ случаѣ въ настоящее время производится слѣдствіе. Въ высшей степени желательно бы, чтобы при этомъ полицейскія и судебныя власти не ограничились разслѣдованіемъ одного этого частнаго факта, а обратили бы вниманіе и на злоупотребленія въ этомъ отношеніи заводской администраціи вообще, существованіе которыхъ видно изъ сознанія обвиняемаго Иванскаго, изъ показаній о нанесеніи имъ побоевъ, *всѣмъ* работавшимъ при прессахъ дѣвкамъ, и изъ того, главнымъ образомъ, что на такое самоуправство не было приносимо никакой жалобы, такъ что полиція узнала о немъ лишь послѣ смерти побитой дѣвки, изъ донесенія объ этомъ мѣстнаго священника.

Въ заключеніе, корреспондентъ указываетъ еще *на сходный случай*, бывшій въ недавнее время на яроповецкомъ сахарномъ заводѣ, гдѣ, въ декабрѣ прошлаго года, родственниками скоропостижно умершаго дворянина Владислава Грогальскаго заявлена жалоба на директора яроповецкаго сахарнаго завода въ приспѣшеніи смерти ему, Грогальскому.

Сахарная администрація, какъ видите, не стѣсняется даже и привиллегированнымъ происхожденіемъ попавшихся имъ подъ руки лицъ, что̀, впрочемъ, отчасти даже хорошо. Очень немудрено, что храбрый унтеръ-офицеръ Иванскій и директоръ яроповецкаго завода безнаказанно отправили на тотъ свѣтъ достаточное уже количество разныхъ Ѳедоръ и Матренъ, да и на

Маринѣ-то такъ ужь только, случай такой вышелъ, что открылось, а *приспѣшеніе смерти* дворянину всегда какъ-то легче открывается. Тутъ вотъ, видите ли, сейчасъ и родственники отъискались, тогда-какъ бѣдняжка, одинокая Марина, и на смерть уже зашибенная, все-таки не оставляла работы... До какой степени дерзости и нахальства доходятъ эти, избалованные полнѣйшею безнаказанностью заводскіе негодяи, можно видѣть еще изъ слѣдующаго случая. На одномъ винокуренномъ заводѣ, расположенномъ верстахъ въ тридцати отъ Касимова, какой-то господинъ изъ заводскихъ *чиновныхъ*, то-есть что-то въ родѣ прикащика, ради шутки, вылилъ два полштофа спирта на одного крестьянина рабочаго; тотъ, разумѣется, былъ въ одной сорочкѣ, и будучи обмоченъ спиртомъ, побѣжалъ сушиться — и куда же? Въ *шуравальню*, гдѣ чистое *пекло*, гдѣ изъ устья печки пылаетъ страшный жаръ. Бѣднякъ къ огню — а рубашка на немъ такъ и вспыхнула. Несчастный такъ и сгорѣлъ!

Потерпѣлъ ли самъ озорникъ какое-нибудь возмездіе, — объ этомъ умалчивается; вѣроятнѣе, впрочемъ, что не потерпѣлъ. Что же такое: вѣдь онъ пошутилъ только? Я думаю, еще какой хохотъ былъ на заводѣ!

Чтобы закончить свою хронику чѣмъ-нибудь не слишкомъ мрачнымъ, хотя сколько-нибудь утѣшительнымъ, напомню читателямъ объ извѣстіи, быть можетъ, пропущенномъ многими мимо ушей, тѣмъ болѣе, что самая газета, первая сообщившая этотъ слухъ, очень мало читается. По словамъ газеты «Дѣятельность», на дняхъ долженъ быть утвержденъ комитетомъ министровъ уставъ общества для страхованія жизни проѣзжающихъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Коротенькое это, повидимому, незначительное извѣстіе, хладнокровно прочитанное людьми холостыми, одинокими, неизбѣжно должно было возбудить большую радость въ людяхъ семейныхъ, такъ-какъ оно, въ случаѣ осуществленія, доставляетъ случай даже ничего неимѣющимъ, бѣднякамъ оставить своей семьѣ порядочное наслѣдство. Въ особенности, я думаю, извѣстіе это пріятнымъ показалось жителямъ Курска, Харькова и промежуточныхъ городовъ, снабженныхъ такой желѣзной дорогой, на которой, при каждой поѣздкѣ, несравненно вѣроятнѣе лишиться живота, или сломать ноги, чѣмъ возвратиться въ домъ свой невредимо. Страшно только, чтобъ вновь образовавшееся общество не устранило вовсе куряковъ и харьковцевъ или не заломило бы съ нихъ тройной, четверной платы, какъ поступаютъ, напримѣръ, пожарныя страховыя общества съ строеніями, которымъ угрожаетъ постоянная опасность отъ легко-воспламеняющихся веществъ. Конечно, для харьковцевъ и куряковъ небезобидно, если на нихъ станутъ смотрѣть, какъ на нѣчто въ родѣ пороховыхъ заводовъ, или какъ на чахоточныхъ или дряхлыхъ стариковъ, но съ другой

стороны, что же и обществу-то дѣлать? Припомните-ка, сколько ужь было однихъ только *крупныхъ* несчастныхъ случаевъ на этой *новой* дорогѣ: просто волосъ дыбомъ становится. Недаромъ въ Харьковѣ уже образовались особенныя поговорки по поводу этой смертоубійственной дороги. «Паръ костей не ломитъ», говоритъ общерусская пословица. «Паръ кости ломаетъ», говорятъ харьковцы. «Что нѣмцу здорово, то русскому смерть», говорятъ опять-таки харьковцы, перефразируя другую русскую поговорку. 5-го декабря со станціи Становой Колодезь былъ отправленъ поѣздъ въ Москву, а въ то же время и изъ Орла, по тѣмъ же рельсамъ, пущенъ другой; ну, разумѣется, поѣзды и столкнулись, такъ-какъ рельсовъ на курской дорогѣ одна только пара. Убитъ, впрочемъ, только машинистъ, ушибенъ кочегаръ да еще начальнику телеграфной станціи проломило голову дровами. Окончилось, значитъ, благополучно. 12-го декабря былъ незначительный случай, окончившійся ломкой вагоновъ. 21-го тоже, 26-го тоже, не считая мелкихъ случаевъ. 11-го февраля повторилось крупное несчастіе. Одинъ незастрахованный господинъ, благополучно проскакавшій съ дочерью по шпаламъ, разсказываетъ о послѣдствіяхъ этого происшествія такъ: «Я вышелъ изъ вагона и увидалъ несчастныхъ въ страшныхъ страданіяхъ. Кондукторъ, прислонившись къ какому-то тюку, стоналъ. Одинъ вагонъ третьяго класса стоялъ наклонившись на правую сторону; за этимъ слѣдующій вагонъ между рельсами врѣзался въ насыпь; за нимъ два вагона врѣзались наискось другъ въ друга и составили изъ себя треугольникъ. Далѣе вагонъ лежалъ на боку и изъ оконъ его, находившихся какъ бы на потолкѣ, выглядывали пассажиры, выкидывая свои вещи; за этимъ вагономъ еще два товарныхъ были также повреждены. Поѣздъ оканчивался багажнымъ вагономъ, который устоялъ на рельсахъ. Обозрѣвъ хвостъ поѣзда, я пошелъ къ локомотиву, который увидалъ врѣзавшимся въ снѣгъ по самую трубу. На локомотивѣ помѣщался остовъ совершенно разбившагося передняго багажнаго вагона; около него валялись чемоданы и разный багажъ пассажировъ. Изъ пассажировъ многіе получили увѣчья; одинъ кочегаръ убитъ на мѣстѣ, одному кондуктору переломило ногу, другому раздавило грудь».

Однимъ словомъ, какъ начнешь читать всѣ эти описанія происшествій на курской дорогѣ, — точно предъ глазами лежитъ выписка изъ какой нибудь «скорбной» книги съ перевязочнаго пункта! А между тѣмъ начальство московско-курской дороги, говорятъ, терпѣть не можетъ, если кто изъ проскакавшихъ по рельсамъ пассажировъ начнетъ кому нибудь разсказывать о своихъ впечатлѣніяхъ. Еслибы въ силахъ, то оно бы строго запретило даже подобные, нецензурные разсказы, да и запрещаетъ, когда можетъ. Говорятъ, что какая-то барыня,

съ грѣхомъ пополамъ добравшаяся по курской дорогѣ до Москвы (поѣздъ, въ которомъ она ѣхала, по обыкновенію, свалился съ насыпи), хотѣла тотчасъ же телеграфировать своимъ родственникамъ о томъ, что, несмотря на несчастіе, постигшее поѣздъ, она осталась жива и невредима. Телеграммы этой не приняли. «Вы можете написать»—сказали дамѣ—«что вы въ Москвѣ живы и здоровы; но писать о несчастіи вы не имѣете права».

Такъ-какъ поѣзды курской дороги, разумѣется, будутъ еще сваливаться съ насыпей (почему же имъ не сваливаться?), то предлагаю всѣмъ пострадавшимъ, но оставшимся въ живыхъ, пассажирамъ, слѣдующую формулу, по которой можно съ успѣхомъ составлять и отправлять телеграммы: «Хотя я (имя рекъ) ѣхалъ по курской дорогѣ, но остался живъ и, даже, здоровъ». Въ случаѣ придирокъ со стороны начальства, можно слова «хотя» и «я»—выбросить.

Впрочемъ, такой щепетильности со стороны начальства курской желѣзной дороги и удивляться нечего: безобразный и, притомъ, ограниченный человѣкъ всегда бываетъ ревнивъ. Это всѣми уже замѣчено. «Новороссійскій Телеграфъ», напримѣръ, разъ напечаталъ извѣстіе о несчастномъ случаѣ столкновенія вагоновъ возлѣ станціи Гниляково, гдѣ, по слухамъ, газета заявила, что убитыхъ и раненыхъ 6; та же газета сообщила и второй случай, о которомъ сказано, что «вагоны сошли съ рельсовъ, несчастныхъ послѣдствій не было». На первое сообщеніе управленіе дороги, жалуясь судебной палатѣ, говоритъ, что *убитый былъ 1, раненыхъ 2;* о второмъ случаѣ говоритъ, что *не вагоны сошли съ рельсовъ, а локомотивъ!* — вслѣдствіе чего проситъ предать суду редактора за *подрывъ довѣрія къ желѣзной дорогѣ!!*

Ну, что же это такое, какъ не крайняя ограниченность, проистекающая изъ сознанія собственнаго своего безобразія? При составленіи новаго устава страхованія жизни пассажировъ, не мѣшало бы обратить вниманіе и на то обстоятельство, чтобы вознагражденіе выдавалось не однимъ только изувѣченнымъ и на смерть пришибеннымъ, но также и наслѣдникамъ погибшихъ голодною смертью въ вагонахъ. Недавно сообщали, что на той же знаменитой курской дорогѣ пассажиры простояли трое сутокъ, въ степи, въ снѣгу, безъ пищи и питья. Не мѣшало бы также попрочнѣе обезпечить служителей-кондукторовъ на такой дорогѣ, на которой, въ теченіе самаго короткаго срока ея существованія, было уже, говорятъ, 46 несчастныхъ случаевъ и убито и изувѣчено до 70 человѣкъ. Если петербургскій оберъ-полицiймейстеръ находитъ нужнымъ сравнять своихъ городовыхъ, по пенсіи, съ чинами ученаго вѣдомства, то подобное сравненіе съ учеными еще было бы справедливѣе по отношенію къ желѣзно-дорожнымъ служите-

лямъ, постоянно подвергающимся такой же опасности, какой нѣкогда подвергались храбрые защитники Севастополя. Вообще, до окончательнаго утвержденія страховаго устава, бѣднымъ отцамъ многочисленныхъ семействъ можно бы серьёзно посовѣтовать повоздержаться отъ ѣзды по нѣкоторымъ изъ новѣйшихъ дорогъ, на которыхъ только-что сдѣланные мосты и насыпи успѣли уже придти въ совершенную ветхость. Можно съ большою вѣроятностью предположить, что далеко не всѣ изъ ассигнованныхъ суммъ пошли на эти мосты и насыпи, а куда именно онѣ пошли? Это вопросъ темный. Какъ подумаешь иной разъ о судьбахъ всѣхъ этихъ сотень тысячъ и милліоновъ рублей, будто бы потраченныхъ на обветшалые, съ самаго дня ихъ рожденія, мосты и насыпи, то невольно какъ-то припоминаются нѣкоторыя строфы изъ стихотворенія В. Курочкина, помѣщеннаго недавно въ «Искрѣ»:

... Воры, такъ ужь воры — крупные, съ кокардами,
Кражи, такъ ужь кражи — чуть не милліардами!...»

Д.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Письмо десятое.*

Оставимъ на время вопросъ о томъ, какъ дѣлается русская деньга (см. ноябрьскую книжку «Отеч. Зап.» за 1869 г.), и обратимся къ другому, который въ настоящее время поглощаетъ все вниманіе провинціи, и слѣдовательно имѣетъ за собой преимущество насущнаго интереса.

Вопросъ этотъ формулируется такъ: представляетъ ли строгость самостоятельную творческую силу въ отношеніи къ матеріальному и нравственному развитію народа? или, выражаясь точнѣе: возможно ли, съ помощью однѣхъ, такъ-называемыхъ рѣшительныхъ мѣръ, увеличить производительныя силы страны, повысить нравственный и умственный уровень ея жителей, устранить задержки въ фискальныхъ сборахъ, поселить довѣріе и т. д.

Какъ ни младенчески-наивны эти вопросы, но, къ сожалѣнію, въ жизненности ихъ невозможно усомниться. За ними стоитъ цѣлая исторія, и мы, провинціалы, безвыходно живемъ въ атмосферѣ, ими насыщенной. Повременамъ (какъ, напримѣръ, это было въ послѣднее время), безплодность подобныхъ задачъ дѣлается для насъ болѣе или менѣе ясною, и мы начинаемъ постигать ихъ безплодность, но едва начинаютъ онѣ настоящимъ образомъ умирать, какъ вновь откуда-то является убѣжденіе въ ихъ необходимости, и съ новою энергіей онѣ заявляютъ о своемъ существованіи. Пускай одни (правильно или ошибочно) утверждаютъ, что главный двигатель производительности есть капиталъ; пускай другіе приписываютъ это значеніе труду, третьи — знанію, усовершенствованнымъ способамъ производства, равномѣрному участію въ прибыляхъ и т. д. Мы, жители провинціи, стоимъ на одномъ: что производительность возрастаетъ и упадаетъ единственно по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ и упадаетъ строгость. Проще не можетъ быть.

Надо сказать, впрочемъ, правду, что характеръ строгости подвергся, въ послѣднее время, значительному измѣненію. Когда-то въ провинціяхъ нашихъ господствовала строгость просто-

---

* Первыя девять писемъ были помѣщены въ «Отеч. Зап.» 1868 и 1869 гг.

душная. Были такіе счастливчики, которымъ стоило выйдти на улицу, чтобъ сказать себѣ: все мое! и стихіи мои! и все, что множится, растетъ и дышетъ при содѣйствіи этихъ стихій — все мое! Нѣкоторые до того простирали свою строгость, что даже говорили: моя наука, мой климатъ и т. д., и никому не приходило въ голову возражать противъ такихъ похвальныхъ словъ. Эта безпрекословность порождала увѣренность, увѣренность же съ своей стороны значительно смягчала проявленія строгости. Не было надобности доказывать и давать слишкомъ наглядно чувствовать то, что̀ и безъ того для всѣхъ очевидно и всѣми принимается безусловно на вѣру. Теперь, противъ прежняго сдѣлалось гораздо обременительнѣе. Тотъ же счастливчикъ выходитъ на улицу, и уже сомнѣвается: точно ли все его? Но такъ-какъ прежнее вожделѣніе еще не остыло, то необходимость признать извѣстную долю конкретности за тѣмъ, въ чемъ предполагалась лишь способность мелькать или метаться по манію перста, невольнымъ образомъ вноситъ во всѣ властныя отношенія какой-то желчно-завистливый, почти что мстительный характеръ. Прежняя добродушная строгость уже не удовлетворяетъ безпрестанно развивающихся потребностей времени; мерещится что-то въ родѣ прекраснаго зданія, у котораго и въ основаніи положена строгость, и стѣны сложены изъ строгости, и крышу, то-есть вѣнецъ зданія, составляетъ строгость же.

Построить такое зданіе и засадить туда наши грады и веси — вотъ завѣтная мечта, надъ которою мы въ настоящую минуту задумываемся. Разногласія на этотъ счетъ хотя и существуютъ, но незначительныя. Одни призываютъ строгость потому, что вообще не могутъ совмѣстить свое существованіе съ существованіемъ другихъ; другіе, болѣе добродушные, призываютъ ту же строгость, какъ мѣру временную, при помощи которой должны, по ихъ мнѣнію, исчезнуть тѣ фантомы, которые все мрачнѣе и мрачнѣе рисуются на общемъ фонѣ жизни, по мѣрѣ того, какъ самый фонъ дѣлается болѣе свѣтлымъ.

— Только на этотъ разъ! дайте только почувствовать — но почувствовать сознательно и неуклонно — что спасительное иго еще не упразднилось, и вы увидите, какъ быстро исчезнутъ всѣ неурядицы и смуты, которыя загромождаютъ наше существованіе!

Вотъ рѣчи, которыя говорятся даже людьми совершенно незлобивыми. Но ежели спросить у этихъ ревнителей общественнаго благополучія, что̀ собственно они разумѣютъ подъ словомъ: «неурядицы», то, сквозь тьму всевозможныхъ запутанностей и оговорокъ, вы различите, что это названіе прилагается безразлично ко всякому проявленію самостоятельности и правоспособности. Есть цѣлый классъ индивидуумовъ, который, по мнѣнію теоретиковъ строгости, долженъ, для собственнаго своего блага, сидѣть смирно у моря и ждать погоды.

Такъ, напримѣръ, ежели подрядчикъ притѣсняетъ рабочихъ и послѣдніе начинаютъ чувствовать это, имъ говорятъ: да подождите, любезные! потерпите! вы видите, что и безъ того все дѣлается въ предѣлахъ возможности! Если человѣкъ изнемогаетъ подъ бременемъ разнаго рода непредвидѣнностей, и начинаетъ доказывать ненормальность такого положенія, ему говорятъ: нельзя же, мой милый, вдругъ! потерпи! О чемъ бы ни высказывалось мнѣніе, на что бы ни приносилась жалоба, — всему одно опредѣленіе: безпокойный характеръ! на все одинъ отвѣтъ: потерпи! Сроковъ не назначается, уважительныхъ причинъ не приводится. Одно ясно — это присутствіе какого-то неслыханнаго ученія, въ силу котораго къ легальности нельзя придти иначе, какъ путемъ упраздненія той же легальности.

Слушать подобныя разсужденія тяжело до крайности. Точно тѣни мечутся передъ глазами, точно проходитъ безобразное сновидѣніе. Положеніе слушающаго дѣлается ненормальнымъ до болѣзненности. Но нѣтъ, это не тѣни и не порожденія кошмара—это живые и очень крѣпкіе организмы, въ которыхъ есть все (даже есть своеобразное добросердечіе), кромѣ разумнаго отношенія къ дѣйствительности. Это первобытные люди — самоучки, которые прикрываютъ свою наготу первымъ попавшимся древеснымъ листомъ, не зная и не желая знать, что на свѣтѣ уже придуманы другія одежды, гораздо болѣе приспособленныя къ удобствамъ человѣка. Первобытный человѣкъ неприхотливъ и еще менѣе изобрѣтателенъ; первыя, находящіяся подъ руками средства, кажутся ему самыми цѣлесообразными. Дѣйствовать на сознаніе, убѣждать, доказывать и вообще «разговаривать» — все это представляется потерей времени совершенно непростительною: зачѣмъ трудиться развязывать узелъ, когда его можно смаху разрубить? Вымогательство, устраненіе, и вообще всякое дѣйствіе, обходящее легальность — вотъ формы дѣятельности, которыя прежде всего представляются его уму. Сложность дѣйствія пугаетъ; сложность формъ недоступна пониманію. И къ сожалѣнію, все-таки повторяемъ: это совсѣмъ не тѣни, а дѣйствительные организмы, которые имѣютъ полную возможность доказать свою несомнѣнную конкретность. И если невыносимо тяжело слушать ихъ безазбучныя, пошлыя разглагольствованія о пользѣ строгости, какъ живоноснаго начала всякаго благополучія, то можно себѣ представить, въ какой мѣрѣ увеличивается эта тяжесть, когда приходится видѣть примѣненіе этихъ разглагольствій на практикѣ, когда приходится жить въ атмосферѣ, ими отравленной. А между тѣмъ, можно сказать, что это почти насущный нашъ хлѣбъ, что мы, жители провинціи, издавна никакой иной пищи не знаемъ, кромѣ строгости, которая упитываетъ насъ едва-ли даже не свыше самой широкой потребности.

Только и слышишь кругомъ: нѣтъ энергіи, нѣтъ рѣшитель-

ности въ дѣйствіяхъ! и между тѣмъ, въ то же время, освѣдомляешься о такихъ примѣрахъ энергіи, при которыхъ чувствуешь себя далеко неловко. Послѣдняя курица моего сосѣда сдѣлалась жертвою энергіи, но такъ-какъ новой курицы отъ этого у него не народилось, то онъ съ безпокойствомъ ожидаетъ, что въ слѣдующій разъ энергія обрушится на немъ самомъ. Другой сосѣдъ позволилъ себѣ однажды сказать, что энергія для энергіи, въ общемъ результатѣ, равняется переливанію изъ пустого въ порожнее, вдругъ объятъ былъ повсемѣстнымъ трясеніемъ (онъ вспомнилъ, несчастный, что такого рода энергія не всегда пустопорожня, но иногда сопровождается нѣкоторыми сократительными частностями!) и, конечно, въ другой разъ едва-ли рѣшится высказать мысль столь смѣлую. Никто ничего не дѣлаетъ; никто не производитъ, не думаетъ, не изобрѣтаетъ, но всѣ трепещутъ и опасаются. На что, казалось бы, результата удовлетворительнѣе; однако, провинціальная интеллигенція находитъ, что и этого мало. Нѣтъ энергіи! вопіетъ она, и очевидно, домогается уже такого положенія вещей, которое такъ метко охарактеризовано пословицей: шаромъ покати!

Много сочиняется у насъ проектовъ на счетъ возстановленія энергіи, но наибольшею популярностью пользуется тотъ, который предполагаетъ концентрировать эту энергію въ одномъ широковѣщательномъ вмѣстилищѣ. И прежде существовало такое вмѣстилище, но оно представляло собою подобіе вантрилока, говорящаго разными голосами. Раздавался угрюмый окрикъ сторожа, цыцкающаго на подручную мелюзгу, но въ то же время слышалось и тявканье собаченокъ и кудахтанье всполошившихся куръ, словомъ, возставала полная картина скотнаго двора во всей ея будничной безурядицѣ. Безобразіе этого концерта нынѣ вполнѣ сознано, но, къ сожалѣнію, не сознано, что въ этомъ безобразіи все-таки заключалось нѣчто похожее на гарантію. Я чувствую, что эти слова изумятъ читателя. Возможно-ли, скажетъ онъ, утверждать, что безсмыслица можетъ представлять какое-то обезпеченіе? Да, милостивые государи, возможно. Бываютъ положенія, когда не только безсмыслица, но даже прямое злоупотребленіе, въ родѣ, напримѣръ, взяточничества, представляетъ обезпеченіе. Дѣло въ томъ, что человѣческія общества такъ устроены, что для процвѣтанія ихъ необходимо, чтобы широковѣщательность имѣла противовѣсъ. Чѣмъ прочнѣе и разумнѣе устроенъ этотъ противовѣсъ, чѣмъ компетентнѣе среда, въ которой онъ находитъ для себя убѣжище, тѣмъ, разумѣется, лучше; но ежели сравнивать положеніе, въ которомъ есть хоть какой нибудь шансъ спасти что либо отъ поползновеній широковѣщательности, съ такимъ, въ которомъ совсѣмъ нѣтъ такихъ шансовъ, то едва-ли не придется отдать предпочтеніе первому изъ нихъ, какъ бы ни велико было его внутреннее безобразіе.

Сжигая наши корабли окончательно, и давая нашей дѣятельности направленіе исключительное (въ смыслѣ безповоротной строгости), мы, конечно, можемъ достигнуть результатовъ очень нешуточныхъ. Этимъ способомъ, мы скорѣе, нежели всякими другими палльятивами, съумѣемъ доказать несостоятельность принципа, во имя котораго мы дѣйствуемъ—это безспорно. Но не объ этомъ здѣсь рѣчь. Вопервыхъ,—и это главное—подобные результаты совсѣмъ не въ нашихъ разсчетахъ. Вовторыхъ, предвидѣнія столь далекія очень рѣдко подходятъ къ среднему уровню человѣческихъ желаній. Средній человѣкъ, съ которымъ преимущественно приходится имѣть дѣло, всего болѣе цѣнитъ возможность свободно устраиваться и распоряжаться въ той небольшой сферѣ, которую онъ привыкъ называть своею. Поэтому, если и можно убѣдить его, что образъ дѣйствій, наиболѣе враждебный этой возможности, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и такой, который всего скорѣе сдѣлаетъ ее общимъ достояніемъ, то это убѣжденіе будетъ чисто теоретическое. На практикѣ, онъ будетъ всегда искать и отдавать предпочтеніе такимъ комбинаціямъ, которыя, *въ настоящую минуту*, дѣлаютъ жизнь болѣе легкою и удобовыносимою. Коли хотите, это ошибка очень капитальная, но что же дѣлать, если въ натурѣ человѣка не подставлять голову подъ удары, но защищать ее отъ нихъ? что дѣлать, если онъ хоть инстинктивно, но всегда неизмѣнно, въ самомъ запутанномъ положеніи ищетъ точки, на которую можно было бы опереться, и не въ будущемъ, не для потомковъ своихъ опереться, а для самого себя?

Поэтому, казалось бы болѣе раціональнымъ, покуда не отыщется дѣйствительно компетентная среда для противовѣса широковѣщательности, не уничтожать, по крайней мѣрѣ, тѣхъ противовѣсовъ, которые утвердились уже сами собою. Представьте себѣ балетъ, въ которомъ не было бы ни второстепенныхъ корифеевъ и корифеекъ, ни кордебалета, и въ которомъ, на голомъ, обнаженномъ отъ декорацій полу, плясали бы первый танцовщикъ или первая танцовщица? Конечно, такой балетъ показался бы для зрителей утомительнымъ, даже въ томъ случаѣ, еслибъ танцующій сюжетъ показалъ искусство самое неслыханное. Голо, безсвязно, и главное, не видно, для чего сюжетъ пляшетъ. Но этого мало: плясаніе столь неистовое утомительно и для самаго пляшущаго. Нѣкоторое время онъ пляшетъ съ увлеченіемъ, но подъ конецъ силы его истощаются, онъ начинаетъ утрачивать смыслъ своей пляски, начинаетъ тяжело дышать, и видимо тяготится тѣмъ, что онъ одинъ занимаетъ всю ширину сцены. «Эй! кордебалетъ!» восклицаетъ онъ въ отчаяньи, но, увы!—настоящій кордебалетъ ужь распущенъ, и на мѣсто его выступаютъ плотники, машинисты, устраиватели проваловъ, адовъ и т. п. Положимъ, что это сказаніе о балетѣ—не болѣе, какъ притча, но примѣните ее къ настоящему случаю, т.-е. къ вопросу о концентрированіи широко-

вѣщанія, и вы увидите, что притча эта имѣетъ свой смыслъ. Всѣ эти звуки, которые выходили изъ груди вантрилока, если и не представляли звуковъ дѣйствительныхъ, то, по крайней мѣрѣ, разнообразили картину. Не одинъ крикъ раздавался, но рядомъ съ нимъ и тявканье, и въ этомъ тявканьи мнилось найти утѣшеніе. Зачѣмъ отнимать у людей утѣшеніе, особливо, если, по секрету, извѣстно, что оно, въ сущности, даже утѣшенія никакого не представляетъ?

Но такъ-какъ смыслъ дѣйствительности, повидимому, утраченъ, то очень понятно, почему на мѣсто его такъ рѣшительно выступаетъ сознаніе строгости, и почему оно съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все бо̀льшую и бо̀льшую силу. Отсутствіе дѣйствительной силы образуетъ пустоту, которую предполагается наполнить силою мнимою. Появляются люди безсильные, но озлобленные, которые ни о чемъ не хотятъ слышать, ничего не желаютъ знать, кромѣ одного: строгости. Нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго; есть лишь настоящее, которое имѣетъ въ виду послѣднюю курицу, которое разсчитываетъ на чувствительность человѣческаго организма. О, провинція! когда же ты перестанешь безсмысленно забирать справки въ прошедшемъ и столь же безсмысленно принимать ихъ не къ обсужденію, а къ машинальному руководству! когда ты сдѣлаешься дѣйствительно хитрою на выдумки, какъ та голь, о которой ты же сложила извѣстную пословицу, и которой давно уподобилась!

Предположимъ, однакожъ, что идеалы, къ которымъ мы стремимся, осуществились. Предположимъ, что широковѣщаніе утвердилось безраздѣльно и на прочномъ основаніи, что положеніе «шаромъ покати» достигнуто, что смолкли даже и тѣ слабые писки, которые доселѣ нарушали общее безмолвіе. Что жь далѣе?—вотъ вопросъ, который изъ нѣдръ самого безмолвія возникаетъ совершенно естественно и неудержимо.

Какъ бы ни восхваляли строгость, все-таки это не больше, какъ форма, которую слѣдуетъ наполнить какимъ нибудь содержаніемъ, если мы желаемъ, чтобы она имѣла значеніе. Нѣкоторые даже думаютъ, что это совсѣмъ и не форма, а просто болѣзненное уклоненіе человѣческаго разума, до котораго дѣйствительной, здоровой жизни нѣтъ никакого дѣла. Но допустимъ, что говорящіе такимъ образомъ суть утописты; съузимъ нашу задачу до безконечности, и спросимъ себя: давала ли, можетъ ли дать строгость какіе либо иные результаты, кромѣ безмолвія? и въ свою очередь давало ли безмолвіе иные результаты, кромѣ общаго нравственнаго и матеріальнаго оскудѣнія?

Исторія отвѣчаетъ на эти вопросы отрицательно. Когда Чингисъ-Ханъ, Батый, Атилла и проч. проходили черезъ страну съ огнемъ и мечемъ, то страна эта не просіявала свѣтомъ наукъ и рѣки ея не закипали ни млекомъ ни медомъ—это фактъ неопровержимый. Напротивъ того, тамъ, гдѣ до ихъ прихода были города и селенія, гдѣ копошился человѣкъ и существовали

полныя житницы, тамъ очутилось голое, безмолвное мѣсто. Причина такого явленія весьма понятна. Всѣ названное нами люди ничего не приносили съ собой, кромѣ строгости, въ которой они видѣли исключительную свою миссію, а такъ-какъ строгость есть понятіе отвлеченное, которое никого не питаетъ и даже не знакомитъ съ наилучшими способами производства цѣнностей, то и вышло, что они исполнили только ту половину своей предполагаемой задачи, которую она дѣйствительно способна исполнить, то-есть сожгла, разрушила, раззорила, и затѣмъ пошла дальше и дальше, покуда ей не сказали: довольно! Это «довольно!» имѣетъ свое значеніе, надъ которымъ не лишне размыслить. Если люди кричатъ извѣстному явленію «довольно!», то это значитъ, что оно имъ не надобно, что они могутъ гораздо лучше устроить свою жизнь, если его не будетъ. Пренебрегать подобными заявленіями нельзя уже потому, что мѣропріятіе самое строгое все же обрушивается не на комъ другомъ, а на людяхъ, и слѣдовательно, ихъ мнѣніе въ этомъ дѣлѣ должно имѣть вѣсъ. Основываясь на этомъ, многіе полагаютъ даже, что выраженія въ родѣ: «строгость спасительна» или «строгость своевременна», суть выраженія, внесенныя въ лексиконъ самовольно, безъ согласія тѣхъ, до которыхъ они относятся, и едва-ли можно отрицать, что мнѣніе это вполнѣ основательно. Ибо еслибы Чингисъ-Ханъ истреблялъ людей даже съ полезною цѣлью истребленія въ нихъ невѣжества, то и тогда онъ былъ бы неправъ, такъ-какъ съ истребленіемъ людей какимъ же образомъ онъ могъ бы приступить къ насажденію просвѣщенія?

Представьте себѣ группу людей, изнемогающую подъ игомъ предразсудковъ и невѣжества. Эти люди довольствуются указаніями самаго грубаго эмпиризма, и потому ничего не могутъ ни предвидѣть, ни предотвратить; они ребяческимъ образомъ пользуются находящимися въ ихъ распоряженіи богатствами природы и, слѣдовательно, извлекаютъ изъ нихъ такъ мало, что понятіе о дѣйствительныхъ удобствахъ жизни не можетъ даже существовать для нихъ. Такое положеніе очень печально; но оно не безвыходно, потому что для него есть поправка въ распространеніи и вульгаризаціи знанія. И вотъ къ этимъ несчастнымъ людямъ приходитъ человѣкъ просвѣщенный, обладающій массой полезныхъ знаній, убѣждается въ возможности измѣнить ихъ положеніе къ лучшему, и предлагаетъ подѣлиться съ ними имѣющимся у него запасомъ средствъ, направленныхъ къ этой цѣли. Первое, что̀ поразитъ его въ этомъ случаѣ, будетъ, конечно, то, что эти люди, несчастнѣе которыхъ, кажется, нѣтъ на свѣтѣ, еще не настолько, однакожь, несчастны, чтобы стремглавъ броситься въ его объятія и сказать: благодѣтельствуй! мы все претерпѣть согласны! Но какъ ни огорчителенъ можетъ показаться подобный фактъ, съ перваго взгляда,

все-таки благо будетъ просвѣтителю, если онъ въ этомъ колебаніи увидитъ только признакъ общаго всѣмъ людямъ желанія сначала понять то, что̀ предлагается, а потомъ уже, по мѣрѣ уразумѣнія, принять предлагаемое. Но ежели онъ человѣкъ строгій, то колебаніе приметъ въ его глазахъ всѣ размѣры преднамѣреннаго противодѣйствія, и въ этомъ качествѣ, навѣрное, возбудитъ негодованіе. Послушный этому чувству, что онъ предприметъ? Ежели онъ начнетъ стрѣлять, то, очевидно, что достигнетъ истребленія — и ничего больше. Ежели онъ воздержится отъ стрѣльбы, а только будетъ бить палкою, то и тогда его просвѣтительная миссія значительно задержится. Ударъ палкою производитъ боль, которая требуетъ врачеванія; врачеваніе, въ свою очередь, требуетъ времени, которое, съ несравненно бо̀льшею пользой, могло бы быть употреблено на пріобрѣтеніе знаній. Потеря очевидная, но значеніе ея еще болѣе уяснится для насъ, если мы примемъ въ соображеніе, что побои и сопряженныя съ ними болѣзни, дѣйствуя на человѣческій организмъ разрушительно, въ то же время въ значительной степени ослабляютъ умственныя способности человѣка и задерживаютъ ихъ развитіе. Стало быть, тутъ ужь не просто потеря времени, а окончательное отдаленіе просвѣщенія на неопредѣленный срокъ. Это до такой степени вѣрно, что нѣтъ въ мірѣ страны, въ которой раззоренная мѣстность не называлась бы раззоренною, а забитые люди — забитыми, и въ которой смыслъ этихъ названій означалъ бы что-нибудь лестное. Какъ хотите, а номенклатура эта имѣетъ свой смыслъ. Она означаетъ, что съ какою бы цѣлью ни было предпринято раззореніе, изъ него ничего не можетъ выйти, кромѣ раззоренія же, и что глубоко ошибаются тѣ, которые, устраняя у обывателя послѣднюю курицу, думаютъ, что вслѣдствіе этого у него явится двѣ.

Несмотря на столь жалкій результатъ, приведенный выше примѣръ, однакожь, еще слишкомъ благопріятенъ для строгости, чтобъ можно было остановиться на немъ. Роль просвѣтителя предполагается въ немъ принадлежащею человѣку, дѣйствительно обладающему знаніями, человѣку почти всевѣдущему, всевидящему и вездѣсущему. Но такое счастливое соединеніе прекрасныхъ качествъ въ одномъ вмѣстилищѣ случается чрезвычайно рѣдко. Гораздо чаще бываетъ, что человѣкъ считаетъ себя имѣющимъ право на широковѣщаніе совсѣмъ не вслѣдствіе высшаго нравственнаго умственнаго уровня, а только потому, что носитъ на плечахъ другаго покроя одежду, нежели та, которую носятъ люди, подлежащіе напору просвѣтительной дѣятельности. Кто можетъ поручиться, что этотъ человѣкъ, изъ всѣхъ ходячихъ понятій о томъ, что̀ для людей полезно, и что̀ неполезно, принимаетъ именно то, которое наиболѣе соотвѣтствуетъ насущнымъ потребностямъ минуты? Кто будетъ такъ смѣлъ, чтобъ утверждать навѣрное, что этотъ человѣкъ не невѣже-

ственъ, не одностороненъ... наконецъ, не глупъ? Развѣ право на широковѣщаніе не лоттерея? развѣ всѣ эти Дарьи Петровны, Марьи Ивановны, Татьяны Ѳедоровны, ежеминутно рождающія людей широковѣщательныхъ, обязывались клятвенно, что чада ихъ непремѣнно будутъ сердцевѣдцами? Представьте же себѣ, что чадо это родилось со всѣми качествами человѣка непроницательнаго, и затѣмъ, сообразите, что̀ можетъ надѣлать этотъ непроницательный человѣкъ, какъ только почувствуетъ, что широковѣщанію его никакихъ граней не полагается!

Картина просвѣтительно-опустошительныхъ подвиговъ, которымъ предаются люди, считающіе себя просвѣтителями, потому только что ходятъ въ пиджакахъ, а не въ зипунахъ, и пьютъ шампанское, а не сивуху, извѣстна каждому, кто хоть малое время жилъ въ провинціи. Это своего рода «Послѣдній день Помпеи». Но каждый разъ, какъ приходится описывать эти подвиги, рука дрожитъ и самая мысль нѣмѣетъ. И красокъ нѣтъ, да и просто. Поэтому, мы и не пытаемся описывать ихъ, а только спрашиваемъ: ужели мало того, что есть, и чѣмъ мы и безъ того безспорно пользуемся? ужели есть еще надобность прибавлять, усиливать, концентрировать?

Если отъ кого-нибудь требуютъ, чтобъ онъ исправно обработалъ, напримѣръ, десятину земли, то всякій сколько-нибудь разумный человѣкъ согласится, что для этого надобно, вопервыхъ, чтобъ индивидуумъ, къ которому обращается требованіе, былъ знакомъ съ пріемами обработки, вовторыхъ, чтобъ у него былъ исправный инструментъ, и втретьихъ, чтобы онъ былъ до извѣстной степени заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ. Представьте же себѣ, что вмѣсто этихъ условій, человѣку предлагается только строгость, что ему не даютъ ни свѣдѣній, ни инструментовъ, ни вознагражденія, а только отъ времени до времени сѣкутъ. Насколько подвинется отъ этого обработка показанной десятины?

Конечно, мнѣ могутъ возразить, что примѣръ этотъ слишкомъ фантастиченъ, что дѣйствовать подобнымъ образомъ, то-есть въ сѣченіи видѣть замѣну матеріальныхъ и нравственныхъ посредничествъ, можетъ только человѣкъ совершенно безумный. Нѣтъ, милостивые государи, этого человѣка нельзя назвать вполнѣ безумнымъ; онъ тотъ же неразвитый, выросшій въ извѣстныхъ привычкахъ и притомъ имѣющій смутное понятіе о дѣлѣ, относительно котораго онъ предъявляетъ свои требованія, какъ и множество другихъ, которыхъ мы вовсе неразумѣемъ безумными. Сказать ли болѣе? едва-ли это не тотъ самый индивидуумъ, о которомъ вы сами, милостивые государи, мечтаете, и котораго имѣете въ виду въ тѣ сладкія минуты, когда васъ осѣняетъ мысль объ усиленіи и концентрированіи строгости.

Да; это онъ. Вообразите себѣ, что строгость концентрирована достаточно; что она простирается на всѣ дѣла рукъ человѣческихъ, что она опутала весь видимый и невидимый міръ,— что можетъ изъ этого выйти? Изъ этого выйдетъ то непремѣнное послѣдствіе, что она всюду будетъ совать свой носъ и всюду предъявлять требованія. Но міръ разнообразенъ и столь же разнообразенъ характеръ человѣческой дѣятельности. Каждая отрасль этой дѣятельности представляетъ собою спеціальность, и для того, чтобъ достигнуть правильнаго отношенія къ которой-нибудь изъ нихъ и быть судьею или наставникомъ, необходимо самому быть спеціалистомъ въ ней. Если этого нѣтъ, если во главѣ дѣла является человѣкъ, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ энергіи, то ему остается только говорить: поди туда, невѣдомо куда; подай то, невѣдомо что. И чѣмъ сильнѣе будетъ энергія, съ которою будутъ исходить подобныя распоряженія, тѣмъ сильнѣе будетъ путаница, потому что ничто такъ не запугиваетъ исполнителей, какъ зрѣлище человѣка, мечущагося во всѣ стороны и говорящаго невнятныя слова. А такъ-какъ путаница въ свою очередь не усиляетъ, а напротивъ еще болѣе возбуждаетъ энергію, то въ результатѣ непремѣнно окажется порочный кругъ, изъ котораго нѣтъ никакой возможности выбраться иначе, какъ посредствомъ генеральнаго обращенія людей въ стадо безсловесныхъ.

Этого-то, повидимому, и добиваются наши провинціальные поборники единоночалій, концентрированій, усиленій и т. п. Достать такого спеціалиста, передъ строгостью котораго смолкали бы всѣ спеціальности, добиться такого порядка вещей, который бы резюмировался въ одномъ словѣ: молчать! — вотъ завѣтная мечта, надъ которою ломаютъ головы представители провинціальной интеллигенціи. Одни хлопочутъ тутъ по невѣдѣнію, потому что такъ издавна заведено, что строгость считается творческимъ началомъ всевозможныхъ благополучій; другіе хлопочутъ, мотая себѣ на усъ и не безъ нѣкоторыхъ дальновидныхъ разсчетовъ на будущія блага, оттого произойдти могущія. Но какъ тѣ, такъ и другіе равно упускаютъ изъ вида, что всякая спина принадлежитъ тому, кто ею обладаетъ, и что, слѣдовательно, только обладатель спины можетъ быть дѣйствительно компетентнымъ судьею относительно того, что она выноситъ.

Какъ ни грустно, но справедливость требуетъ сознаться, что похвальбы насчетъ будущихъ подвиговъ строгости становятся въ послѣднее время особенно настойчивыми.

Затрудненія, неизбѣжныя во всякомъ обществѣ, освобождающемся отъ устарѣлыхъ формъ жизни, вызываютъ не сознательное отношеніе къ нимъ, а какое-то тупое недоумѣніе, разрѣшающееся угрозами и бранными, малоупотребительными въ печати словами. Въ жизни каждаго общества выдаются такія минуты, когда въ немъ начинается работа самосознанія, когда силы его, до-

толѣ разъединенныя или скрытыя, постепенно группируются и выступаютъ наружу. Такая работа ничего больше не требуетъ, кромѣ спокойствія, но этого-то именно и не беретъ себѣ въ толкъ наша провинціальная интеллигенція. Она теряется при видѣ этого движенія, и предлагаетъ тараны и стѣнобитныя машины тамъ, гдѣ требуется только благосклонное отъ нихъ увольненіе.

Но будемъ думать, что это лишь бредъ на яву, и что онъ, безъ особенныхъ послѣдствій, пронесется надъ провинціей, подобно многимъ другимъ бредамъ, которыми такъ богаты многодумныя головы представителей нашей интеллигенціи.

Н. Щедринъ.

ОБЗОРЪ

РУКОВОДСТВЪ И КНИГЪ ДЛЯ ОБЩАГО ОБРАЗОВАНІЯ *.

---

1. ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ.

c) Руководства и книги для чтенія. Книги по общимъ, высшимъ вопросамъ естествознанія.

Въ прошлой статьѣ («Отеч. Зап.», январь 1869 года), мы обѣщали упомянуть о книгахъ, имѣющихъ предметомъ болѣе трудные, общіе вопросы по естествознанію, какъ, напримѣръ: о теплотѣ, какъ источникѣ движенія, о происхожденіи видовъ, и вообще о книгахъ, служащихъ болѣе для чтенія взрослыхъ, которымъ также не можетъ быть чуждо дѣло общаго образованія. Но прежде, чѣмъ приступить къ обзору этихъ сочиненій, намъ придется дополнить прежній нашъ обзоръ, сказавъ о книгахъ для младшаго и средняго возраста, вышедшихъ въ послѣдніе мѣсяцы, или о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, нами опущенныхъ.

1. Элементарный курсъ зоологіи съ приложеніемъ задачъ и лѣтнихъ занятій по зоологіи. Сост. по методѣ *Любена К. Сентъ-Илеръ*. Спб., изд. товарищества «Общественная Польза». 1869 г. Ц. 1 руб. 25 к. (220 стр.).

2. Краткій учебникъ зоологіи. 2-е, вполнѣ передѣланное изданіе, подъ ред. экстраорд. проф. зоологіи казан. универ. *А. Ковалевскаго*. Спб. 1869 г. Изд. В. Ковалевскаго. Ц. 1 р. 50 к. (около 600 стр).

Въ нашемъ обзорѣ мы уже указывали на краткое руководство по зоологіи Михайлова; вновь вышедшій курсъ К. Сентъ-Илера превосходитъ его во многихъ отношеніяхъ, и можетъ назваться лучшею у насъ книгой для систематическихъ занятій по зоологіи

---

* Всѣ означенныя въ Обзорѣ книги можно получать, какъ въ другихъ книжныхъ магазинахъ, такъ и въ отдѣленіи конторы «Отечественныхъ Записокъ», въ книжномъ магазинѣ С. В. Звонарева (Невскій Проспектъ, д. № 64). Отдѣльные оттиски «Обзора», по мѣрѣ выхода, продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

съ дѣтьми перваго возраста. Онъ отличается и точнымъ описаніемъ всѣхъ свойствъ въ главнѣйшихъ представителяхъ животнаго царства, и особенно подробнымъ указаніемъ самаго метода занятій. Каждый разсказъ о животномъ начинается вопросами, въ которыхъ до самыхъ мелочей исчерпано содержаніе разсказа, обращено особенное вниманіе на сравненіе одного животнаго съ другимъ и на общіе выводы; въ концѣ каждаго отдѣла общее повтореніе пройденнаго: послѣ отдѣла о млекопитающихъ разсказано кое-что о пищевареніи и кровообращеніи, но уже слишкомъ кратко и безъ рисунковъ. Выборъ видовъ очень умѣренный; такъ, напримѣръ, изъ млекопитающихъ выбраны: лошадь, корова, сѣверный олень, свинья, кошка, собака, хорекъ, бѣлка, заяцъ, кротъ, летучая мышь, тюлень; изъ рыбъ — окунь и карась, и проч. Но лучше всего въ книгѣ наставленія, какъ собирать насѣкомыхъ и вообще дѣлать наблюденія надъ животными. Пусть читатель обратитъ особенное вниманіе на задачи по зоологіи: въ нихъ обширный матеріалъ для занятій, которыя, вѣрнѣе всякихъ игрушекъ, займутъ дѣтей и вмѣстѣ послужатъ къ серьёзному ихъ развитію. Рисунки въ книгѣ выбраны искусно и сдѣланы довольно отчетливо.

Краткій учебникъ г-на Ковалевскаго можетъ назваться краткимъ развѣ по сравненію съ такой книгою, какъ зоологія Лейниса. Правда, въ немъ много мѣста занимаютъ многочисленные, очень крупные и хорошо отдѣланные рисунки, притомъ наиболѣе извѣстные изъ видовъ позвоночныхъ животныхъ описаны ужъ черезчуръ кратко; но зато весь второй томъ, около 300 страницъ, посвященъ низшимъ животнымъ, начиная съ суставчатыхъ. Въ новомъ изданіи книги сдѣлано много улучшеній. Въ немъ еще болѣе прежняго обращено вниманіе на послѣдовательное, сравнительное изложеніе внутренняго устройства, приспособленія и развитія всѣхъ органовъ въ животныхъ, начиная съ низшихъ ступеней до высшихъ. Это и придаетъ особенную цѣну названному учебнику, обработанному по современнымъ даннымъ науки. Желаемъ новаго успѣха книгѣ, изданной столь добросовѣстно во всѣхъ отношеніяхъ.

3. Краткая естественная исторія, соч. *Германа Вагнера*, съ 15-ю раскрашенными таблицами и 32 фигурами въ текстѣ. Пер. съ нѣм. *И. А. Петровъ*. Одесса. Изд. Эмиля Берндта. 1869 г. Ц. 2 руб. 50 к. (328 стр. мелкой печати).

Въ числѣ другихъ руководствъ по естественной исторіи, книга Вагнера можетъ быть не безполезною, особенно для болѣе систематическихъ занятій въ среднемъ возрастѣ. Отдѣльными разсказами, тутъ помѣщенными, родители могутъ воспользоваться и въ бесѣдахъ съ маленькими дѣтьми. Цѣну книги значительно увеличиваютъ раскрашенныя таблицы животныхъ, растеній и минераловъ. Рисунки порядочно выполнены и вообще придаютъ веселый видъ книгѣ, но слишкомъ мелки, о чемъ можно судить уже изъ

того, что на одной обыкновенной страницѣ иногда помѣщено до 10 рисунковъ. Притомъ вы найдете на таблицахъ лишь очень немногіе изъ описанныхъ въ руководствѣ предметовъ, и они не замѣнятъ хорошаго естественно-историческаго атласа; но все-таки даютъ кое-какое понятіе о природѣ и могутъ возбудить дѣтскую любознательность. Курсъ Вагнера довольно полный: вначалѣ, по обыкновенію, дано понятіе объ устройствѣ человѣческаго тѣла и его органовъ, потомъ до 172-й стр. слѣдуетъ описаніе позвоночныхъ животныхъ, до 234-й стр.—безпозвоночныхъ, до 300-й идетъ краткій курсъ ботаники, и въ заключеніе представлены существенныя свѣдѣнія о предметахъ ископаемаго царства. Авторъ имѣлъ въ виду не столько объясненіе формъ и систематику, сколько образъ жизни, развитіе и взаимныя отношенія изображаемыхъ предметовъ. Онъ подробнѣе описываетъ главнѣйшихъ представителей рода въ животныхъ и растеніяхъ: о другихъ говоритъ кратко. Въ отдѣлѣ о животныхъ, напримѣръ, подробнѣе разсказано объ орангутангѣ, о кротѣ, о медвѣдѣ, о львѣ, собакѣ, и проч.; изъ растеній обращено особенное вниманіе на культурныя. Но нельзя сказать, чтобы тутъ не было многимъ пожертвовано и для системы: почти полкниги занимаетъ краткое перечисленіе видовъ, которое не можетъ принести большой пользы ни въ преподаваніи, ни для нѣсколько научнаго знакомства съ предметомъ. При цѣли, какую имѣлъ авторъ, желательно бы видѣть въ его книгѣ поболѣе отдѣльныхъ, подробныхъ описаній и разсказовъ, а не сухую номенклатуру, мѣстами наполняющую цѣлыя страницы. Все-таки мы рекомендуемъ эту книгу, какъ дающую хорошій матеріалъ для краткихъ бесѣдъ и объясненій.

4. Жизнь насѣкомыхъ, Луи Фигье, съ 602-ми рисун. Издана редакціею журнала «Всемірный Путешественникъ». Спб. 1869. Ц. 4 руб. (съ перес. 4 руб. 50 коп., 546 стр.).

«Жизнь насѣкомыхъ» можно назвать лучшею изъ книгъ Фигье, у насъ переведенныхъ. Послѣ ученаго сочиненія о насѣкомыхъ Керби и Спенса, мы находимъ въ ней наиболѣе обстоятельное изложеніе этого предмета, а по занимательному, вполнѣ популярному разсказу, она доступна и для болѣе развитыхъ юношей въ среднемъ возрастѣ. Воспользовавшись трудами Реомюра, де-Гира, Маккара, Жоли и другихъ спеціалистовъ, авторъ даетъ подробныя и въ высшей степени любопытныя свѣдѣнія о жизни и нравахъ каждаго изъ наиболѣе замѣчательныхъ видовъ. Въ описаніи внѣшнихъ признаковъ сдѣланъ искусный и умѣренный выборъ самаго характеристическаго. Въ началѣ разсказано вообще о строеніи насѣкомыхъ, о томъ, какъ совершаются въ нихъ процессы пищеваренія, кровеобращенія, дыханія, объ ихъ необычайной мускульной силѣ. Потомъ, отъ разряда къ разряду, вы знакомитесь со всѣми диковинками природы, какія представляетъ жизнь блохъ, слѣпней и оводовъ, разныхъ мухъ, травяныхъ вшей, шелкопрядовъ, молей, саранчи, въ особенности пчелъ, шмелей и му-

равьевъ. Все, что есть поразительнаго, разумнаго и важнаго для человѣка въ мірѣ этихъ малыхъ существъ, обрисовано съ большою живостью и наглядностью: авторъ не пропускаетъ случая разсказать то занимательный анекдотъ, то историческій фактъ, или какое-нибудь характерное изъ научныхъ наблюденій, чтобы возбудить полный интересъ къ своему предмету. Наблюдать жизнь насѣкомыхъ, конечно, дѣтямъ было бы всего удобнѣе и поучительнѣе: они встрѣчаютъ ихъ на каждомъ шагу во множествѣ. Но микроскопическія изслѣдованія въ раннемъ возрастѣ довольно затруднительны; книга Фигье полезна тѣмъ, что и безъ нихъ доставитъ много фактовъ, указывающихъ на самый смыслъ явленія. Въ ней мы находимъ именно то, что всего нужнѣе дѣтямъ: подробные, живые разсказы объ отдѣльныхъ предметахъ. Только въ главѣ о чешуекрылыхъ слишкомъ мелочное описаніе видовъ нѣсколько утомительно. Изданіе и рисунки сдѣланы съ французскимъ изяществомъ, но это не оправдываетъ непомѣрной цѣны книги, по которой она доступна лишь немногимъ любителямъ. Въ томъ же духѣ, но еще дѣльнѣе по содержанію,—книга, составленная по извѣстному сочиненію Ташенберга «Was da kriecht und fliegt»: Картины изъ жизни насѣкомыхъ, сост. *А. Ганике*. Съ 174 рис. С.-Петерб. 1869. Изд. *А. Мюнкса*. Ц. 2 р. 50 к. (369 стр.).

5. Уроки элементарной ботаники, *Д. Оливера*, профессора ботаники при лондонскомъ университетѣ. Перев. съ нѣкот. измѣненіями подъ ред. *А. Герда*. Съ 181 рис. въ текстѣ. Изд. *В. Ковалевскаго*. 1869 года. Ц. 1 р. (224 стр.).

6. Опредѣлитель растеній. Часть I. Роды двудольныхъ растеній. Составилъ для воспит. военно-уч. завед. *А. Гердъ*. Спб. 1868. Ц. 40 к. (86 стр.).

7. Руководство Кюри къ опредѣленію растеній легкимъ и точнымъ способомъ, съ помощью собств. изслѣдованія. Переводъ съ 9-го нѣмецкаго изданія, съ указаніемъ правилъ для собиранія и сушенія растеній. Москва, 1861. Изд. *В. В. Григорьева*. Ц. 1. р. 50. к. (437 стр.).

Труды г-на Герда, какъ одного изъ лучшихъ у насъ педагоговъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Онъ издалъ еще немного книгъ, но въ журналѣ «Учитель» не разъ помѣщались его дѣльныя статьи по естественной исторіи. Мы укажемъ здѣсь на «Уроки минералогіи», которые печатались въ 1866 и въ 1867-мъ году (они, какъ мы слышали, издаются отдѣльною книгой). Методъ г-на Герда вполнѣ наглядный и развивающій. Имѣя въ виду точное и основательное знакомство съ предметомъ, онъ въ то же время старается разнообразить свои бесѣды; съ прямымъ педагогическимъ смысломъ, онъ видитъ въ наукѣ средство къ раз-

витію и вмѣстѣ къ упражненію въ логикѣ мысли и въ родномъ языкѣ. Мы просмотримъ лишь нѣсколько первыхъ уроковъ. Начавъ съ вопроса, чѣмъ мостятъ улицы, авторъ вопросами же наводитъ учащихся на то, что булыжникъ привозится съ береговъ Финскаго залива, предлагаетъ наглядное описаніе этой мѣстности и потомъ даетъ учащимся разсматривать куски гранита, чтобы по внѣшнему виду опредѣлить его составныя части. Во второмъ урокѣ идутъ упражненія въ распознаваніи цвѣтовъ сначала по таблицѣ первичныхъ цвѣтовъ, потомъ по разноцвѣтнымъ предметамъ, каковы бусы, облатки, стеклышки, кусочки сукна, и проч. Дѣло ведется къ тому, чтобы съ точностію опредѣлить цвѣтъ кварца и полеваго шпата. Третій урокъ содержитъ вопросы о томъ, какія зданія въ Петербургѣ построены изъ гранита, почему гранитъ употребляется на постройки, откуда привозятъ большія глыбы гранита? Въ четвертомъ урокѣ объяснено различіе между крупнозернистымъ и мелкозернистымъ, между финляндскимъ и сердобольскимъ гранитомъ. Слѣдующіе четыре урока назначены къ тому, чтобы, показавъ, какъ недостаточно различать камни по цвѣту, научить распознавать ихъ и по твердости. Тутъ опять дается дѣтямъ въ руки множество предметовъ, чтобы они вполнѣ осязательно усвоили всякое объясненіе. Къ концу каждаго урока дѣти записываютъ вопросы, на которые должны отвѣтить письменно къ слѣдующему разу. Многимъ покажутся такія упражненія слишкомъ медленными, и, дѣйствительно, съ однимъ, двумя учениками дѣло можетъ идти гораздо скорѣе; но авторъ имѣлъ въ виду цѣлый классъ: при полной наглядности, какой онъ требуетъ, при письменныхъ занятіяхъ учениковъ, трудно распредѣлить предметъ иначе. Мы только жалѣемъ, что г-нъ Гердъ не представилъ еще поподробнѣе весь ходъ объясненій, а во многихъ мѣстахъ ограничился лишь указаніемъ, чѣмъ заниматься.

Изданная подъ редакціей г-на Герда ботаника Кембриджскаго профессора Оливера очень полезна при занятіяхъ съ болѣе взрослыми дѣтьми. Вообще у насъ теперь нѣтъ недостатка въ хорошихъ руководствахъ по этому предмету. Для первоначальныхъ упражненій можетъ служить уже указанный нами послѣдовательный курсъ Любена, изданный г-номъ Бекетовымъ *. Къ занятіямъ въ классахъ, при нынѣшней гимназической программѣ, примѣненъ коротенькій курсъ Раевскаго. Бесѣды Ауэрсвальда и Россмеслера, передѣланныя также Бекетовымъ, ведутъ совершенно практическимъ путемъ, чрезъ описаніе отдѣльныхъ растеній, къ болѣе скорому и научному ознакомленію съ ихъ формами, условіями ихъ жизни и внутреннимъ строеніемъ. Популярный курсъ Линдлея также не безполезенъ въ этомъ отношеніи, но заключаетъ, при объясненіи формъ, краткое описаніе видовъ. Сходна съ дву-

* Нынѣ вышла и вторая часть этой книги. Ц. 2 руб.

мя послѣдними книгами и ботаника Оливера, которая однако съ одной стороны представляетъ болѣе систематическое распредѣленіе предмета, съ другой, какъ и «Бесѣды» Бекетова, отличается нѣсколько научнымъ характеромъ, приспособленнымъ къ занятіямъ съ дѣтьми средняго возраста. Въ ней всѣ объясненія также начинаются съ наблюденій надъ отдѣльными растеніями. Въ началѣ каждой главы находимъ подробное изложеніе ея содержанія, въ видѣ программы для объясненій, а въ концѣ каждаго объясненія въ краткихъ и точныхъ словахъ повторена сущность объясненнаго. Переводчикъ особенно позаботился о томъ, чтобы пріучить къ составленію обстоятельныхъ таблицъ, въ которыхъ со всѣхъ сторонъ было бы описано растеніе. Въ первыхъ трехъ главахъ идутъ наблюденія надъ лютикомъ, но здѣсь уже разсказано все, что̀ касается общихъ свойствъ растенія: описаны всѣ его части, при чемъ авторъ говоритъ и о чехликахъ, скрывающихъ точку роста на корневыхъ волокнахъ, и о видѣ тычинковыхъ пылинокъ подъ микроскопомъ, говоритъ о неорганическихъ веществахъ и газахъ, поглощаемыхъ растеніями, о выдѣленіи, усвоеніи и дыханіи, о процессѣ оплодотворенія, о строеніи яичка. Въ главѣ четвертой и пятой авторъ сравниваетъ нѣкоторыя простыя растенія, чтобы объяснить сходство въ ихъ строеніи, показать, что̀ такое срощеніе, прирощеніе и недоразвитіе, и раздѣлить ихъ на классы, подклассы и порядки по естественной системѣ. Показавъ видоизмѣненія органовъ и жизненные процессы растеній, авторъ приступаетъ къ описанію семействъ и видовъ (съ 86-й до 203-й стран.). Въ заключеніе даны наставленія, какъ сушить растенія, какъ ихъ описывать, и приложенъ русскій алфавитный указатель того, что̀ содержится въ книгѣ. Хотя ботаника. Оливера съ самаго начала требуетъ микроскопическихъ изслѣдованій и представляетъ образцы растеній (какъ, напримѣръ, лютикъ), не во всѣхъ частяхъ удобные для наблюденій, притомъ сразу даетъ слишкомъ много знаній; но по ясности изложенія, по простотѣ системы, по умѣнью автора вездѣ выбрать самое характеристичное служитъ чрезвычайно полезнымъ руководствомъ, особенно для тѣхъ, кто хотѣлъ бы въ болѣе короткій срокъ изучить все существенное въ ботаникѣ.

«Опредѣлитель растеній» г-на Герда можно назвать у насъ первымъ руководствомъ къ отысканію растеній, хорошо примѣненнымъ къ потребностямъ начинающихъ. Показавъ, какъ отличать двудольныя растенія отъ однодольныхъ и составлять таблицы для ихъ описанія, авторъ представляетъ таблицы классовъ по системѣ Линнея, но прежде, чѣмъ перейти къ этимъ классамъ, учитъ находить простѣйшія отличія по вопросамъ: тычинки и плодники въ одномъ цвѣткѣ или въ разныхъ цвѣтахъ, тычинки не сростаются или сростаются съ плодниками, свободныя или сросшіяся? и проч. Изъ видовъ указаны, конечно, наиболѣе извѣстные. Въ концѣ приложено краткое описаніе наиболѣе встрѣ-

чающихся у насъ деревьевъ, что̀ также полезно для начинающихъ. Изъ болѣе полныхъ и подробныхъ руководствъ для отысканія растеній у насъ хорошо извѣстны: «Карманная книга флоры С.-Петерб. губ.» Э. Шнейдера (1858. Ц. 2 р. 50 к.) и «Московская флора» Н. Кауфмана (1866. Ц. 3 р.). Обѣ книги болѣе годны для спеціально занимающихся ботаникой. (послѣдняя болѣе заслуживаетъ вниманія). Проще ихъ руководство Кюри, изданное г-номъ Григорьевымъ. Тутъ есть наставленія о собираніи и сущеній растеній и дано общее понятіе объ ихъ органахъ. Сначала учащійся, по Линнеевой системѣ, отыскиваетъ классъ и опредѣляетъ порядокъ, потомъ по цифрамъ таблицы въ порядкѣ находитъ родъ и указаніе на параграфъ, гдѣ описаны виды по системѣ Декандоля. Начинающимъ все-таки трудно пользоваться этою книгой: видовъ въ ней очень много и описаны они слишкомъ кратко, иногда по признакамъ, очень неопредѣленнымъ.

8. Элементарное объясненіе явленій природы, составилъ *А. Игнатовичъ*. 1868. 60 к. (162 стр.). Мы ужь указывали на хорошее руководство для первоначальныхъ занятій физикою Крюгера (Школа физики), на книжечку Отто Уле: «Почему и Потому». Помочь въ этомъ дѣлѣ могутъ и «Практическій курсъ физики» Гано и «Основанія физики» Краевича (Ц. 1 р. 75 к. 300 стр.), назначенныя собственно для болѣе взрослыхъ. О послѣдней книгѣ мы замѣтили лишь мимоходомъ: въ ней авторъ, какъ видно, воспользовался лучшими новѣйшими сочиненіями по этому предмету и изложилъ его очень точно и обстоятельно, приложилъ также къ книгѣ хорошіе, отчетливые рисунки, но языкъ его крайне сухъ, изложеніе чисто-догматическое и мало обращено вниманія на болѣе простые опыты и примѣненіе физическихъ законовъ къ жизни. Все-таки, какъ руководство для наставника, книга очень полезная. Сочиненіе г-на Игнатовича принадлежитъ къ числу тѣхъ руководствъ, которыя удобно могутъ быть употреблены и въ младшемъ возрастѣ. Начиная съ описанія простыхъ опытовъ и явленій, повторяющихся ежедневно, онъ довольно ясно толкуетъ о различныхъ свойствахъ теплоты, объ испареніи, о свойствахъ воды, о дѣлимости, скважности, притяженіи и вѣсѣ, о воздухѣ и газахъ, о простѣйшихъ минералахъ и ихъ добываніи: разсказы по минералогіи занимаютъ чуть не полкниги. Многое можно бы сказать противъ послѣдовательности въ изложеніи, какая принята у автора, и о педагогической неопытности, съ какою онъ смѣшиваетъ легкое съ болѣе труднымъ; языкъ г-на Игнатовича также мѣстами тяжеловатъ и не совсѣмъ правиленъ. Но книгу нельзя не назвать полезною въ томъ отношеніи, что въ ней множество примѣровъ на каждое физическое явленіе и указаны практическія примѣненія этихъ явленій въ жизни.

9. Популярныя лекціи *Джона Тиндаля.* Тепло и холодъ. Матерія и сила. Сила. Съ дополн. по франц. изд. Муаньо. Перев. подъ редакц. проф. *Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго.* Съ 28-ю рис., рѣзанными на деревѣ *Н. В. Куньевымъ.* Спб. 1869. Ц. 75 к. (130 стр.).

Напечатанныя здѣсь шесть лекцій о теплотѣ и холодѣ читаны Тиндалемъ въ Лондонѣ въ дѣтской аудиторіи во время Рожественскихъ вакацій въ 1867-мъ году. Онѣ, въ наглядныхъ опытахъ, производимыхъ большею частію съ помощью термоэлектрическаго столба, разъясняютъ всѣ чудесныя свойства теплоты; но, какъ ни популярно изложены, по своему содержанію доступны болѣе въ старшемъ возрастѣ. Въ нихъ вы все-таки найдете наиболѣе легкое изъясненіе понятій о теплотѣ, какъ объ особомъ родѣ движенія, — сущность того ученія, которое подробно изложено Тиндалемъ въ другомъ, болѣе научномъ сочиненіи: на него, также какъ и на другія подобныя изслѣдованія, мы укажемъ далѣе. Употребляя усовершенствованные, наиболѣе чувствительные приборы, Тиндаль съ поразительной ясностью указываетъ на движенія, производимыя теплотою отъ самаго легкаго тренія и удара, отъ одного прикосновенія къ тѣлу, вычисляетъ, сколько рождается теплоты при паденіи тѣла съ извѣстной высоты, даетъ наглядно чувствовать силу расширенія, производимую замораживаніемъ воды, — понять, какъ углекислый снѣгъ съ эѳиромъ замораживаютъ воду въ раскаленномъ тиглѣ, какъ платина можетъ достигнуть краснаго каленія въ атмосферѣ совершенно темной (различіе свѣтовыхъ и тепловыхъ лучей), и проч. Съ трудно воображаемой у насъ наглядностью въ популярномъ чтеніи, онъ даетъ видѣть и движеніе теплаго воздуха. Горѣніе, окисленіе, образованіе льда, снѣга, ледниковъ, исландскихъ гейзеровъ также объяснены очень просто и въ высшей степени увлекательно. Вообще лекціи Тиндаля служатъ отличнымъ доказательствомъ того, что нѣтъ такого труднаго ученаго вопроса, который нельзя было бы сдѣлать общедоступнымъ въ искусномъ изложеніи. Дополнительныя статьи о матеріи и силѣ полезны тѣмъ, что показываютъ связь движенія, называемаго теплотою, съ другими родами движенія, каковы: сила тяготѣнія, сцѣпленія, магнетизма и электричества.

10. Ученое путешествіе по моему кабинету. Соч. *А. Манжена.* Перев. съ франц. Чтеніе для юношества. Спб. 1869. Ц. 60 к. (223 стр. малаго формата).

Французы извѣстны своимъ искусствомъ популяризировать всякое знаніе. Но, увлекаясь внѣшностью, эффектомъ, они часто заботятся лишь о томъ, чтобы болѣе или менѣе краснорѣчивой болтовнею заохотить къ изученію предмета, и при этомъ упускаютъ изъ виду самую сущность дѣла, т.-е. какъ бы проще и нагляднѣе изъяснить его, такъ что болтовня остается сама по себѣ, а знаніе

само по себѣ является такимъ же неяснымъ и мудренымъ, какъ и во многихъ изъ такъ-называемыхъ популярно-ученыхъ сочиненій. Этотъ недостатокъ отчасти замѣтенъ и въ названной нами книгѣ: авторъ ея не все объясняетъ такъ просто и общедоступно, какъ обѣщаетъ своему пріятелю, котораго въ одну прогулку по своей комнатѣ берется познакомить чуть не со всѣми естественными науками. Но книга и по своему направленію, и по изложенію все-таки заслуживаетъ вниманія. Ея мысль показать, какъ великія силы природы выражаются и въ ближайшихъ, окружающихъ насъ явленіяхъ — очень дѣльная, содержаніе чрезвычайно разнообразное. Въ ней идетъ бесѣда: о дѣйствіи теплоты, о горѣніи и газахъ, составляющихъ воздухъ, о значеніи и разведеніи кофейнаго дерева и табаку, о термометрѣ, о ядовитыхъ змѣяхъ и жемчужныхъ раковинахъ, о птицахъ и объ охотѣ, объ извѣстнѣйшихъ минералахъ, о кровообращеніи и дыханіи, о барометрахъ и ихъ изобрѣтеніи, объ огнестрѣльномъ оружіи и порохѣ, о парѣ и изобрѣтеніи паровыхъ машинъ, объ электричествѣ и галванизмѣ, о лунѣ и солнцѣ. Тутъ разсказано о томъ или о другомъ предметѣ, какъ они встрѣчались во время прогулки; вниманіе поддержано какъ этимъ разнообразіемъ предметовъ, такъ и разсказами о множествѣ занимательныхъ случаевъ изъ исторіи открытій и изобрѣтеній. Вообще книга полезна особенно для взрослыхъ, которые, среди другихъ занятій, захотѣли бы пріобрѣсти нѣкоторыя свѣдѣнія изъ естественной исторіи, плохо усвоенныя въ школѣ и между тѣмъ необходимыя для всякаго образованнаго человѣка. Переводъ ея хорошо выполненъ. Издатель умно сдѣлалъ, сокративъ излишнія разглагольствія Манжена; мы думаемъ, что, безъ вреда для занимательности разсказа, можно бы въ этомъ отношеніи еще кое-что выкинуть. Мы совѣтовали бы также уничтожить нѣкоторые ученые термины и толкованія, неумѣстные въ такой легкой книгѣ, какъ сочиненіе Манжена.

11. Вулканы и землетрясенія. Соч. *Цюрхера* и *Марголле*. Съ 62 карт. въ текстѣ. Перев. съ франц. *А. Дитловъ*. Изд. «Товар. Общ. Пол.». Спб. 1869. Ц. 1 р. (336 стр. мал. формата).

12. Пещеры и подземелья. Соч. *А. Бадэня*. Съ 55-ю виньет. Перев. съ франц. Спб. 1869. Ц. 1 р. (308 стр. малаго формата).

Въ первой изъ этихъ книгъ идетъ рѣчь о всѣхъ извѣстныхъ вулканахъ (въ томъ числѣ и о вулканахъ луны) и о производимыхъ ими явленіяхъ; во второй описаны древности Египта, Индіи, Греціи, Рима (катакомбы) и также пещеры и гроты естественнаго происхожденія (вулканическіе и нептуническіе, гроты со сталактитами, ледники, пещеры съ костями животныхъ). Обѣ книги даютъ дѣльное чтеніе, но довольно однообразны по содержанію, притомъ исполнены мелкихъ, утомительныхъ подробностей; такъ изъ индѣйскихъ достопамятностей на трехъ страницахъ описаны: храмы

Сальсетты, гроты Карли, храмы Аджаянти, Панду-Левы, Мары, гроты Панхъ-Панду, гроты Думнара, и вмѣсто общей характеристики говорится о величинѣ каждаго храма и грота, о томъ, кто ихъ изслѣдовалъ и какія дѣлалъ о нихъ предположенія, и проч. Но встрѣчаются и болѣе занимательныя описанія. При неимѣніи лучшихъ книгъ (каковы, напримѣръ, разсказы Гартвига), родители могутъ воспользоваться для бесѣдъ и этими. Рисунки на столько сносны, что еще можно разобрать, что нарисовано.

Переходимъ къ сочиненіямъ болѣе научнаго содержанія.

13. Натуралистъ на Амазонской рѣкѣ. Разсказы о путешествіяхъ, приключеніяхъ и нравахъ животныхъ, очерки жизни бразильцевъ и индѣйцевъ и картины природы подъ экваторомъ, изъ одиннадцатаго путешествія *Генриха Вальтера Бэтса*. Изданіе переводчицъ. Спб. 1865. Ц. 3 р. (421 стр.).

Въ 1847 году Уэллесъ предложилъ Бэтсу принять участіе въ экспедиціи по Амазонской рѣкѣ, чтобы собрать факты для рѣшенія вопроса о происхожденіи видовъ. Бэтсъ пробылъ въ Бразиліи съ 1848 до 1859 года и собралъ до 14,712 видовъ, изъ нихъ 8,000 новыхъ. Описаніе своего путешествія онъ издалъ въ 1863 году; второе, сокращенное изданіе вышло въ 1864 году. Его книга принадлежитъ столько же къ географіи, сколько и къ естественной исторіи; но описаніе животныхъ все-таки занимаетъ въ ней главное мѣсто. Бэтсъ подробно изслѣдовалъ всю страну отъ Пары до Эги. Въ очень живыхъ, наглядныхъ картинахъ рисуетъ онъ тропическій климатъ мѣстности, гдѣ 18 градусовъ жару считается наибольшимъ холодомъ, замѣчательное распредѣленіе въ ней сухаго и дождливаго времени, мракъ и безмолвіе густыхъ, непроходимыхъ лѣсовъ, перевитыхъ ліанами, съ деревьями въ 200 футовъ высоты, дающими стручки въ футъ длиною,—тяжелые плоды, кору которыхъ распиливаютъ на чашки; онъ знакомитъ и съ рощами вѣерныхъ пальмъ, съ плантаціями табаку, кофейнаго дерева, какао, маиса, съ добываніемъ резины, масла изъ черепашьихъ яицъ, и проч. Описаніе болѣе замѣчательныхъ видовъ животнаго царства мѣстами для обыкновеннаго читателя можетъ показаться утомительнымъ: Бэтсъ описываетъ особенныя породы муравьевъ, бабочекъ величиною въ 7½ дюймовъ, москитовъ, мошекъ, которыя по рѣкѣ мѣстами летаютъ, какъ облака дыма и страшно высасываютъ кровь,—породы обезьянъ (есть очень красивыя, величиною въ 7 дюймовъ, съ коричневою гривой), ящерицъ, аллигаторовъ, ядовитыхъ змѣй, разнообразныхъ птицъ, и проч. Нѣкоторые изъ разсказовъ о животныхъ однако очень увлекательны и не для спеціалиста; притомъ они разнообразятся изображеніемъ нравовъ, обычаевъ мѣстныхъ жителей, политическаго состоянія страны, бѣдной жизни дикихъ индѣйцевъ, столь противоположной богат-

ству природы, суевѣрія и обычнаго деспотизма многихъ изъ владѣльцевъ страны, португальцевъ. Католицизмъ тутъ царитъ со всею эффектною обстановкою старыхъ обрядовъ. Въ страстную пятницу, во время рѣчи, сопровождаемой неистовыми движеніями, проповѣдникъ вдругъ сбрасываетъ съ каѳедры окровавленное изображеніе Христа, при чемъ раздаются оглушительные вопли и стоны: для этого нарочно нанимаютъ людей съ сильною грудью и скрываютъ ихъ въ ризницѣ. Въ Сантаремѣ португальцы все юристы и ораторы, но до того плохи въ географіи, что думаютъ, будто весь міръ расположенъ на одной большой рѣкѣ, и спрашиваютъ, по какую сторону этой рѣки находится Парижъ. Однако и здѣсь правительство заботится о народномъ образованіи: около Пары въ каждой деревнѣ есть школа и сельскій учитель получаетъ отъ казны 455 рублей въ странѣ, гдѣ жизнь почти ничего не стоитъ.

14. Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ Бигль, Чарльза Дарвина. Перев. подъ ред. *А. Бекетова.* Два тома. Спб. 1865. Ц. 2 р. 50 к. (1-й томъ 540 стр., 2-й томъ 466 стр. малаго формата).

Путешествіе Дарвина, какъ и Бэтса, было предпринято съ естественно-историческою цѣлью; оно продолжалось съ декабря 1831 до октября 1836 года, и какъ по геніальному уму путешественника, такъ и по разнообразію мѣстъ, имъ посѣщенныхъ, представляетъ болѣе занимательности. Въ немъ мы находимъ и болѣе ученыхъ взглядовъ и изслѣдованій, но Дарвинъ и самый спеціальный ученый фактъ умѣетъ сдѣлать общезанимательнымъ по глубокой идеѣ, которую онъ всюду вноситъ. Онъ описываетъ острова Зеленаго мыса, скалы св. Павла, Ріо-Жанейро съ его окрестностями, Монтевидео, Ріо-Негро, Багію Бланку, Буэносъ-Айресъ и Санта-Фе, Патагонію, Санта-Крусъ, Фалклендскіе острова, Огненную землю, Вальпарайсо, Чилоэ съ другими мѣстностями юго-западнаго берега Америки, Таити, Сидни, Мальдивскіе Атолли, острова Маврикія, св. Елены, Вознесенія. Съ острой проницательностью Дарвинъ вникаетъ во всѣ особенности природы: его занимаетъ строеніе почвы, пыль съ инфузоріями, замѣчательная окраска моря, волканическіе остатки, остатки допотопныхъ животныхъ и ихъ отношеніе къ нынѣшнимъ, дѣйствіе подземнаго огня, водъ, климата, замѣчательныя формы животныхъ, особенно переходныя, промыслы, нравы жителей, управленіе — словомъ, все, въ чемъ выражается характеръ мѣстности. Живой практическій умъ англичанина, который мѣстами высказывается въ ѣдкомъ юморѣ, виденъ во всѣхъ описаніяхъ. Трудно перечислить все, что тутъ есть наиболѣе замѣчательнаго; но упомянемъ о превосходномъ изображеніи окрестностей Ріо-Жанейро, нравовъ мѣстныхъ жителей, особенно индѣйцевъ, въ сосѣдствѣ съ Ріо-Негро, природы Патагоніи, дикарей-людоѣдовъ съ Огненной земли, землетрясенія въ Консепсіонѣ и горной цѣпи Андовъ (часть II, глава II, III), корал-

ловыхъ рифовъ и ихъ происхожденія (часть II, гл. VIII). Разсказы Дарвина изъ его путешествія стали образцемъ живаго, научнаго изслѣдованія и до сихъ поръ приводятся въ популярныхъ сочиненіяхъ, какъ свидѣтельство вѣрнѣйшаго авторитета. Уже здѣсь, въ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ, онъ высказываетъ начала, положенныя потомъ въ основаніе его знаменитаго сочиненія о происхожденіи видовъ. Такъ, по поводу слѣпоты тукутуко, онъ говоритъ: «Ламаркъ былъ бы восхищенъ этимъ фактомъ, еслибъ зналъ его, когда строилъ свою теорію (довольно, кажется, вѣрную) о постепенно пріобрѣтаемой слѣпотѣ у цокора. Безъ сомнѣнія, Ламаркъ сказалъ бы, что тукутуко находится въ переходномъ состояніи и превращается въ цокоро и протея». Змѣя щитомордникъ (Trigonocephalus), по его словамъ, составляетъ переходъ отъ гремучихъ змѣй къ гадюкамъ. Разсказывая, какое множество животныхъ погибло въ Южной Америкѣ, во время засухи 1827 — 1832 г., Дарвинъ замѣчаетъ: «геологъ приписалъ бы это дѣйствію потопа». При этомъ онъ объясняетъ, что раньше другихъ погибли особой породы быки и коровы, у которыхъ губы не сходятся.

15. На берегу моря. Зоологическіе этюды въ Ильфракомбѣ, Тенби, на Сицилійскихъ островахъ и на Джерзи. *Георга, Генри Льюиса*, автора «Физіологіи обыденной жизни» и «Жизни Гёте». Съ рисунк. Пер. съ англ. втор. изд. *Андрей Минъ*. Москва. 1862. Ц. 2 р. (340 стр.).

Рекомендуемъ эту книгу тѣмъ, кого особенно занимаетъ жизнь низшихъ морскихъ животныхъ, безъ сомнѣнія, очень любопытная и бросающая новый свѣтъ на отправленія высшихъ организмовъ. Изслѣдованія Льюиса довольно спеціальны, но онъ умѣетъ чрезвычайно оживить ихъ и разнообразить юмористическими разсказами о своихъ похожденіяхъ въ трудномъ изученіи морской жизни. Книга полезна и въ томъ отношеніи, что покажетъ молодому изслѣдователю природы, какъ нужно дѣлать наблюденія, чтобы достигнуть какихъ-нибудь результатовъ. Льюисъ описываетъ анемонъ, теребеллъ, актиній, сверлящихъ моллюсковъ, амебъ, полиповъ, медузъ, и проч. Вездѣ исправляетъ онъ ошибки старыхъ зоологовъ, обращая особенное вниманіе на жизненныя отправленія. Его занимаетъ живучесть отдѣльныхъ частей въ низшихъ животныхъ, «при чемъ каждая часть уподобляется, дышетъ, сжимается, движется точно такъ, какъ въ дикихъ племенахъ каждый человѣкъ есть для себя и портной, и поставщикъ припасовъ, и архитекторъ, и поваръ». Вездѣ Льюисъ стремится дать наиболѣе простыя объясненія, привести явленія къ единству и смѣется надъ зоологами, которые, если чего не понимали, то приписывали или волѣ, или электричеству. Что сверлящей фоладѣ возможно пробуравить камень, онъ просто объясняетъ тѣмъ, что ея мягкій мускульный кружокъ непрерывно обновляется, а известнякъ не содержитъ въ себѣ обновляющей силы. По его словамъ, наблюдая низшихъ животныхъ, надо совершенно измѣнить наши понятія объ

органахъ. Развитіе идетъ отъ общаго къ частному. Амеба производитъ отправленія всѣми частями тѣла: тутъ не замѣтно никакого распредѣленія труда по органамъ. У теребеллы есть щупальцы, но въ нихъ не нашли ни малѣйшихъ слѣдовъ мускуловъ, хотя она ими двигаетъ. У высшихъ животныхъ кровь составляетъ, такъ-сказать, депо уподобляемыхъ и выдѣляемыхъ веществъ, а не прямо питаетъ ткани; у низшихъ уподобленіе совершается прямо однимъ механическимъ процессомъ: они выжимаютъ необходимые для нихъ питательные соки, часто совсѣмъ не имѣя ничего, подобнаго желудку. Также и зрѣніе моллюсковъ, состоящее, какъ надо полагать, въ одномъ ощущеніи свѣта и темноты, наводитъ на мысль, что «глазъ есть не что иное, какъ органъ осязанія». Низшія животныя, вѣроятно, не чувствуютъ и боли, которая есть только извѣстная форма чувствительности. Но въ нихъ есть нѣкоторыя другія ощущенія, хотя не существуетъ нервовъ. Нервы, значитъ, не составляютъ необходимаго условія ощущенія. Низшія животныя рождаются чрезъ дѣленіе, почкованіе и несеніе яицъ. Тутъ особенно любопытно безполое размноженіе, называемое «парѳеногенезисъ». Льюисъ такъ излагаетъ свои наблюденія надъ размноженіемъ медузъ. Медуза-матка кладетъ яица, эти яица обращаются въ инфузорій, отъ инфузорій рождаются полипы; полипы опять кладутъ яица, отъ которыхъ происходятъ и полипы и медузы. Но полипы и медузы производятъ подобныхъ себѣ особей также чрезъ почкованіе. Значитъ, сліяніе двухъ разнородныхъ клѣточекъ не всегда существенно необходимо: «каждое яицо содержитъ въ самомъ себѣ силу развитія независимо отъ сѣмени животныхъ». Вотъ любопытные вопросы, о которыхъ трактуетъ книга Льюиса.

16. Зоологическіе очерки, или старое и новое изъ жизни людей и животныхъ. *Карла Фогта.* Переводъ *В. Ковалевскаго.* Съ портретомъ автора, гравиров. на стали и 55 рис. въ текстѣ. Спб. 1867. Ц. 1 р. 50 к. (362 стр.).

Это сочиненіе Фогта подобно предъидущему, но въ немъ еще болѣе мѣста занимаютъ личныя впечатлѣнія автора. Онъ разсказываетъ о своемъ пребываніи въ Сенъ-Мало, въ Парижѣ, въ Бернѣ и Женевѣ, въ Ниццѣ и въ Римѣ. Это путешествіе относится къ 1845 и 1846-му годамъ. Изъ животныхъ предметами его наблюденія были: асцидіи, трубчатые черви, краббы, креветки, актеоны, медузы, сальпы, полипы, нѣкоторыя изъ породъ рыбъ Средиземнаго моря. Но главная занимательность книги заключается въ острыхъ замѣткахъ объ общественной жизни того времени. Фогтъ самъ по себѣ представляетъ поучительный типъ ученаго естествоиспытателя, которому не чужды никакіе живые интересы: его занимаетъ и римскій карнавалъ, и картинная галлерея, и странный видъ встрѣченнаго въ Ниццѣ нѣмецкаго профессора, «который вездѣ тащитъ за собою свою каѳедру», и политическія дѣла Швейцаріи, и подкупность тогдашняго французскаго общества. Вездѣ горячо стоитъ онъ за движеніе науки, за нравственное развитіе

человѣка. При его неистощимомъ юморѣ, книга читается легко, несмотря на свой нѣсколько ученый характеръ. По поводу наблюденій надъ синаптою, которая уменьшается, сбрасывая свое тѣло, когда ей нечѣмъ питаться, онъ замѣчаетъ: «какъ рады были бы капиталисты, еслибы могли то же дѣлать съ бѣдными силезскими ткачами! они заставили бы ихъ отбросить ноги, желудокъ, сердце, голову, думающую о жалкихъ средствахъ къ жизни: остались бы только руки и та часть тѣла, на которой сидятъ». Неподвижность нѣмцевъ въ дѣлахъ общественныхъ онъ между прочимъ приписываетъ обычаю очень рано обѣдать: «половину 24-хъ часовъ мы проводимъ въ снѣ, четверть посвящаемъ на грезы и пищевареніе, а остальную четверть протираемъ глаза и освѣжаемъ голову, чтобы хоть на сколько-нибудь возвратить себѣ мыслительную способность». Изъ другихъ сочиненій Фогта въ томъ же родѣ укажемъ на изданныя у насъ его «Статьи по естествовѣдѣнію и другія». (Пер. П. Конради, изд. Генкеля. Спб. 1866. Ц. 75 к.).

17. Человѣкъ и природа или о вліяніи человѣка на измѣненія физико-географическихъ условій природы. *Георга Марша*. Съ англ. пер. *Н. А. Невѣдомскій*. Спб. 1866. Ц. 3 р. (587 стр.).

Вотъ прекрасная книга, въ высшей степени богатая научными фактами и при всемъ томъ написанная совершенно популярно и чрезвычайно увлекательно. Она важна для географіи также, какъ и для естественной исторіи. Тутъ въ пяти главахъ находимъ сначала общія разсужденія о томъ, какое человѣкъ имѣлъ вліяніе на природу, потомъ идетъ рѣчь о перенесеніи, измѣненіи и истребленіи растеній и животныхъ, о значеніи и истребленіи лѣсовъ, объ искусственномъ измѣненіи границъ между сушей и водой, о противодѣйствіи морскимъ пескамъ и наносамъ. Исходя изъ наблюденія, какъ, послѣ господства римлянъ, одичали и запустѣли нѣкогда плодоносныя страны, Маршъ склоняется къ тому мнѣнію, что человѣкъ дѣйствовалъ болѣе разрушительно на природу, истощая, въ ущербъ себѣ, ея силы. Этому причиною были средневѣковое невѣжество и рабство, эксплуатація человѣческаго труда, при которой всякій думалъ не объ общей пользѣ, а о томъ, чтобы самому скорѣе нажиться. Таковъ меркантильный духъ и нынѣшнихъ акціонерныхъ компаній, и частныхъ корпорацій. Конечно, и природа разрушаетъ: насѣкомыя истачиваютъ деревья, въ Америкѣ бобры своими плотинами задерживаютъ воду и также способствуютъ гніенію лѣсовъ. Но эта убыль въ природѣ всегда правильно вознаграждается; человѣкъ же губитъ безразсчетно. Маршъ рисуетъ страшную картину, какъ отъ истребленія лѣсовъ въ Южной Франціи ринулись потоки съ горъ и обратили цѣлую страну въ пустыню. Между тѣмъ вліяніе растительности такъ сильно, что нѣсколько рядовъ подсолнечника, посаженныхъ между рѣкою Потомакомъ и уашингтонской обсерваторіей, предохраняетъ живущихъ въ этомъ учрежденіи отъ перемежающейся лихорадки. Видя все боль-

шее истощеніе природы въ образованныхъ странахъ, невольно приходится опасаться за будущность этихъ странъ. Конечно, человѣкъ умомъ своимъ могъ бы отыскать и покорить себѣ въ природѣ новыя могучія силы, которыя теперь пропадаютъ безъ пользы, какъ, напримѣръ, вестъ-индскій ураганъ, морскія волны; но пока такими силами человѣкъ еще не владѣетъ, необходимо заботиться о равновѣсіи между истребленіемъ и сохраненіемъ въ животномъ и растительномъ мірѣ. Такъ излишнее разведеніе домашняго скота страшно вредитъ растительности. Съ изобрѣтеніемъ огнестрѣльнаго оружія исчезли рядомъ съ вредными и многія полезныя животныя; наоборотъ, во время наполеоновскихъ войнъ, сильно умножилось число волковъ. Въ Америкѣ посѣвы маиса значительно пострадали, когда истребленъ охранитель ихъ, скворецъ. Даже насѣкомыя могутъ приносить извѣстную пользу: до 6000 видовъ ятрышниковыхъ растеній, въ своемъ оплодотвореніи, зависятъ отъ насѣкомыхъ; они же очищаютъ землю отъ гніющихъ веществъ. Самое уничтоженіе москитовъ можетъ произвести рѣдкость лосося: ими питается форель, которая преслѣдуетъ майскую муху, истребляющую икру лосося. Человѣкъ долженъ бы больше думать, какъ обращать въ свою пользу ту или другую силу: напримѣръ, онъ могъ бы воспользоваться работами инфузорій и полиповъ для разведенія коралловъ. Съ другой стороны Маршъ очень живо изображаетъ удивительныя работы, совершенныя въ Голландіи, чтобы завоевать у моря новую землю: построеніе плотинъ и ихъ укрѣпленіе посредствомъ растеній, дающихъ вѣтвистые корни, осушеніе Гарлемскаго озера, и проч. Но намъ не достаетъ мѣста, чтобы пересказать все, что есть занимательнаго въ книгѣ Марша, и мы отсылаемъ къ ней читателя.

18. Теплота, разсматриваемая, какъ родъ движенія. Двѣнадцать лекцій *Джона Тиндаля*, профессора физики въ Великобр. корол. инст. Пер. съ англ. подъ ред. и съ примѣч. *А. П. Шимкова*. Изданіе харьковскаго книжнаго магазина *Балиной*. Спб. 1864. Ц. 3 р. (373 стр.).

Здѣсь подробно и болѣе научно изложено то ученіе о теплотѣ, котораго сущность авторъ кратко изъясняетъ въ вышеуказанныхъ нами популярныхъ лекціяхъ. Книга эта необыкновенно изобилуетъ фактами, при чемъ авторъ знакомитъ съ опытами и прежнихъ изслѣдователей: Румфорда, Деви, Фараде, и проч. Но факты изложены съ большою ясностью, свойственною англійскимъ ученымъ, и, при внимательномъ, нетороцливомъ чтеніи, это сочиненіе будетъ доступно тѣмъ, кому извѣстны первыя основанія физики. Первыя семь лекцій трактуютъ о термометрической теплотѣ, объ ея образованіи и потребленіи на механическую работу, остальныя пять заключаютъ изслѣдованіе о лучистой теплотѣ. Громадною массою опытовъ Тиндаль окончательно убѣждаетъ читателя, какъ несостоятельна старая, матеріальная теорія, предполагавшая, что теплота есть истеченіе особаго вещества изъ тѣла. Въ замѣнъ ея, на

твердыхъ основаніяхъ, выставлена теорія динамическая, указывающая такую тѣсную связь теплоты съ движеніемъ, что можно самую теплоту назвать движеніемъ. Отъ тренія, отъ удара, отъ растягиванія, отъ сжиманія тѣла рождается теплота: при этомъ движеніе всей массы тѣла превращается въ движеніе его частицъ, отъ котораго происходитъ расширеніе. Когда быстрое отталкиваніе частицъ отъ нагрѣтаго тѣла сообщается воздуху, то его атомы ударяютъ о наше тѣло, производя ощущеніе, называемое теплотою. Механическое движеніе прекратилось, тѣло остановлено; но движеніе вообще не уничтожилось: оно только изъ механическаго перешло въ частичное, въ теплоту. Мейеръ и Гельмгольцъ вычислили, что отъ остановки земли произошла бы теплота, равная той, какая можетъ быть произведена сожженіемъ 14 шаровъ угля, по величинѣ равныхъ землѣ. И наоборотъ: частичное движеніе легко обратить въ механическое, какъ это видимъ въ паровыхъ машинахъ, движимыхъ теплотою, при чемъ паръ служитъ только посредникомъ. Такимъ образомъ опредѣлили и механическій эквивалентъ теплоты: ея количество, необходимое для возвышенія 1 ф. воды на 1° Ф., можетъ поднять на одинъ футъ тяжесть въ 771, 4 фунта. Тиндаль подробно примѣняетъ ко всѣмъ явленіямъ теплоты эту динамическую теорію, говоритъ о такъ-называемой скрытой и удѣльной теплотѣ, о теплопроводимости, лучеиспусканіи и поглощеніи въ твердыхъ, жидкихъ тѣлахъ и газахъ, сравниваетъ при этомъ частичное движеніе тепла съ колебаніями электричества, свѣта и звука, говоритъ объ участіи міроваго вещества, эѳира, въ этихъ движеніяхъ, объясняетъ наконецъ тою же теоріею метереологическія явленія, образованіе росы, лучеиспусканіе луны и солнца, и проч.

19. Силы природы и ихъ взаимное отношеніе. Публич. лекціи *М. Фарадея*. Переводъ съ англ. съ приб. *А. Шимкова*, доцента физики въ харьк. унив. Изданіе *Е. С. Балиной*. Спб. 1865. Ц. 75 к. (190 стр.).

20. Соотношеніе физическихъ силъ. *В. Р. Грове*. Пер. съ 4-го англ. изд. подъ ред. *М. А. Антоновича*. Изд. *О. И. Бакста*. Спб. 1865. Ц. 1 р. (250 стр.).

Обѣ названныя книги имѣютъ предметомъ показать тѣсную связь между всѣми силами природы, извѣстными подъ названіемъ: теплоты, электричества, свѣта, химическаго сродства, и проч. Во всѣхъ этихъ силахъ нѣтъ нужды предполагать какой-нибудь тайной причины, въ родѣ истеченія невѣдомаго вещества или особеннаго жизненнаго начала, а всѣ объясняются той же теоріей движенія, какую такъ ясно выставилъ Тиндаль въ своихъ лекціяхъ о теплотѣ. Грове говоритъ объ этомъ такъ: «движеніе производитъ непосредственно теплоту (при дѣйствіи другъ на друга тѣлъ однородныхъ) и вмѣстѣ электричество (при дѣйствіи тѣлъ разнородныхъ); электричество, возбужденное движеніемъ, порождаетъ магнетизмъ, —

силу, которая всегда производится электрическими токами подъ прямымъ угломъ къ направленію этихъ токовъ. Свѣтъ также легко производится движеніемъ, или непосредственно, какъ это бываетъ, когда онъ сопровождаетъ теплоту, возбуждаемую при треніи, или посредственно чрезъ электричество, какъ это бываетъ въ электрической искрѣ. При химическихъ соединеніяхъ и разложеніяхъ, которыя совершаются на концахъ проводниковъ электрической машины, погруженныхъ въ среды различнаго химическаго состава, мы возбуждаемъ химическое сродство посредствомъ электричества, первоначальнымъ источникомъ котораго было движеніе. Движеніе, наконецъ, можетъ быть произведено, въ свою очередь, силами, которыя получили свое начало отъ движенія. Извѣстно, что каждая изъ этихъ силъ можетъ переходить одна въ другую, напримѣръ, химическое дѣйствіе производитъ теплоту и свѣтъ, и на оборотъ. Фарадей очень осторожно приходитъ къ этимъ выводамъ. Онъ только представляетъ длинный рядъ опытовъ, въ которыхъ сначала показываетъ связь между тяготѣніемъ и сцѣпленіемъ, потомъ между сцѣпленіемъ и химическимъ сродствомъ, между химическимъ сродствомъ и теплотою, при чемъ говоритъ и о другихъ способахъ произвести теплоту, наконецъ между магнетизмомъ и электричествомъ. Въ заключеніе говорится вообще о переходѣ одной изъ силъ въ другую: химическаго дѣйствія въ электричество, въ магнетизмъ, и проч. Но такую связь можно объяснить не иначе, какъ теоріей движенія частицъ, и переводчикъ уже отъ себя ирибавляетъ эти необходимыя разъясненія. Грове, напротивъ, прежде всего имѣетъ въ виду теоретическую задачу, разсмотрѣніе силъ природы, какъ разнаго рода движенія частицъ, и потому начинаетъ съ общихъ разсужденій о причинахъ явленій, о силѣ и о движеніи, послѣ чего разсматриваетъ явленія теплоты, гдѣ всего лучше выясняется его теорія. Разсмотрѣвъ затѣмъ электричество, свѣтъ, магнетизмъ, химическое сродство, онъ уже кратко говоритъ о другихъ видахъ силы. При этомъ онъ между прочимъ замѣчаетъ: «я увѣренъ, что основанія и образъ сужденія, приводимыя мной въ этомъ сочиненіи, могутъ прилагаться и къ органическому міру, и что мускульная сила, животная и растительная теилота и т. д. могутъ—какъ это навѣрное докажутъ дальнѣйшія изслѣдованія—обнаруживать опредѣленныя отношенія между собою».

21. Человѣкъ и мѣсто его въ природѣ. Публич. лекціи *К. Фогта.* Изд. П. Гайдебурова. Спб. 1863. Ц. 3 р. (Томъ I, 251 стр.; томъ II, 350 стр.).

Въ двухъ томахъ этого сочиненія заключается 16 лекцій, въ которыхъ Фогтъ сначала разсматриваетъ строеніе человѣка въ различныхъ расахъ, сравниваетъ типъ негра съ типомъ германца, и типъ человѣческій съ типомъ обезьяны, а потомъ изслѣ-

дуетъ тѣ геологическіе періоды, когда появился человѣкъ, говоритъ о всѣхъ извѣстныхъ остаткахъ человѣческаго рода въ эпоху перваго его развитія, о скрещиваніи животныхъ и человѣческихъ породъ, вообще о происхожденіи органической природы, объ образованіи и измѣненіи видовъ. Сочиненіе это читается очень легко, какъ и все, написанное Фогтомъ; тутъ вы найдете и результаты изслѣдованій лучшихъ ученыхъ по тому же вопросу: Кетле, Велькера, Вирхова, Бера, и проч. Описанію много придаютъ наглядности хорошіе, сравнительные рисунки череповъ: обезьяны, негра, европейца, знаменитыхъ Энгискаго и Неандроваго череповъ и проч. Но сами по себѣ вопросы, здѣсь разсматриваемые, такъ любопытны, что и безъ живаго умѣнья Фогта вести дѣльную бесѣду со слушателями они могли бы завлечь мало-мальски развитаго человѣка. О древности человѣческаго рода можно судить по тому, что остаткамъ его, найденнымъ въ дельтѣ Миссисипи, насчитываютъ до 57,600 лѣтъ. Отъ этого древнѣйшаго періода сохранились лишь обломки обточенныхъ камней, замѣнявшихъ первоначально мѣдныя и желѣзныя орудія. Въ болѣе новыхъ швейцарскихъ озерныхъ постройкахъ уже нашли остатки пшеницы, плохо-спеченныхъ хлѣбовъ, льна, нѣкоторыхъ плодовъ, челноковъ изъ древесныхъ стволовъ и проч. Дѣлать какія либо заключенія объ измѣненіяхъ, какія совершались съ человѣческимъ родомъ по этимъ малымъ слѣдамъ — было бы очень трудно, еслибы въ дикихъ племенахъ мы и теперь не встрѣчали нѣчто близкое къ первоначальному типу. Таковы, напримѣръ, пешересы, описанные Дарвиномъ въ его путешествіи, или атцеки. Разстояніе между ними и образованнымъ европейцемъ безмѣрно. Фогтъ полагаетъ, что даже между африканскимъ негромъ и германцемъ болѣе разницы, чѣмъ между негромъ и обезьяной. Наблюденіе старыхъ череповъ изъ Энгиской пещеры и Неандроваго грота, череповъ идіотовъ, дикихъ людей и обезьяны и привело его къ положенію: «Человѣческій родъ представляетъ особый порядокъ наряду съ порядкомъ обезьянъ, но оба эти порядка имѣютъ одинъ и тотъ же общій планъ организаціи; оба вмѣстѣ составляютъ одинъ кругъ формъ въ классѣ млекопитающихъ». Это положеніе подтверждаетъ онъ и физіологическимъ строеніемъ. Противъ физіологовъ, высказывавшихъ подобныя мысли, обрушивалось множество нареканій въ томъ, что они унижаютъ человѣческое достоинство своимъ грубымъ матеріализмомъ; но, собственно говоря, ни Фогтъ, ни Гексли, ни другіе серьёзные ученые, державшіеся тѣхъ же мнѣній, и не думали оспаривать умственнаго и нравственнаго преимущества человѣческой породы: они касались болѣе внѣшняго, физіологическаго сходства. Что̀ относится до образованія видовъ, то Фогтъ склоняется къ ученію Дарвина, но признаетъ нѣсколько первоначальныхъ различныхъ клѣточекъ. Дарвинъ, впрочемъ, и не касался этого вопроса о первоначальномъ происхожденіи органическихъ формъ.

22. Единство рода человѣческаго, *Катрфажа*. Пер. *А. Д. Михельсонъ*. Москва. 1864. Ц. 1 р. 50 к. (244 стр. мелк. печ.).

Книга Катрфажа очень богата фактами касательно измѣненій, какимъ подвергаются расы растеній, животныхъ и человѣка чрезъ вліяніе наслѣдственности, среды и черезъ скрещиваніе. Факты эти сами по себѣ очень любопытны; но выводы изъ нихъ происходятъ не тѣ, какихъ ожидаешь. Катрфажъ признаетъ возможнымъ не образованіе новыхъ видовъ, а только ихъ разнообразную измѣняемость, только разновидности, которыя онъ называетъ расами. Онъ не беретъ во вниманіе древнихъ, ископаемыхъ формъ, или если и указываетъ на нихъ, то лишь въ доказательство постоянства вида. Онъ допускаетъ только, что въ древности виды легче измѣнялись. Подобные взгляды, уже не говоря о полновѣсныхъ опроверженіяхъ Дарвина, сильно колеблются, если припомнить только неопредѣленность нынѣшней систематики въ царствѣ растительномъ и животномъ, постоянные споры и затрудненія естествоиспытателей, куда помѣстить переходныя формы, и печальную необходимость придумывать все новые виды тамъ, гдѣ въ другихъ случаяхъ признается не болѣе, какъ разновидность. За постоянство вида говоритъ только одно обстоятельство, что разные виды не легко скрещиваются, или рождаютъ безплодное потомство; примѣръ тому видимъ на ослѣ и лошади. Но причина безплодности до сихъ поръ хорошо не изслѣдована. Дарвинъ полагаетъ, что, при извѣстныхъ условіяхъ, можно бы произвести новые виды, которые плодились бы постоянно. Гексли въ защиту Дарвина замѣчаетъ, что безплодность и въ особяхъ одного и того же вида иногда зависитъ отъ обстоятельствъ, повидимому, самыхъ ничтожныхъ: такъ многіе изъ дикихъ звѣрей не размножаются въ неволѣ. Заключеній о возможности образованія новыхъ видовъ, конечно, нельзя дѣлать по той краткой исторической эпохѣ, какую мы имѣемъ для наблюденій; но на эту мысль наводитъ, напримѣръ, искусственное скрещиваніе голубей, дошедшее въ Англіи до того, что люди, искусные въ этомъ дѣлѣ, говорятъ: «въ три года я могу произвести какое угодно перо, но мнѣ нужно шесть лѣтъ, чтобы измѣнить голову или клювъ»; получаемыя тутъ разновидности отличаются отъ дикихъ голубей болѣе, чѣмъ даже отъ птицъ другаго вида. Катрфажъ собственно имѣетъ цѣлью доказать единство человѣческой породы, несмотря на все различіе расъ. У него собраны любопытныя свидѣтельства, какъ плодятся разныя племена между собою, образуя новыя расы; въ доказательство того, что индѣецъ, негръ, бѣлый составляютъ одинъ видъ, онъ приводитъ также умственныя способности и религіозныя вѣрованія, которыя, хотя и въ грубомъ зародышѣ, находитъ на самой низшей степени развитія: для этого опять онъ собираетъ извѣстія о разныхъ дикихъ племенахъ. Возраженія его направлены болѣе про-

тивъ полигенистовъ, которые признавали, что каждая раса уже первоначально была создана по особенному типу.

23. Т. Гексли. О положеніи человѣка въ ряду органическихъ существъ. Пер. подъ ред. *А. Бекетова*. Изд. Н. Тиблена. Спб. 1864. Ц. 1 р. (180 стр.).

Гексли въ этомъ сочиненіи приходитъ къ тѣмъ же выводамъ, что̀ и Фогтъ, но не излагаетъ подробно всей исторіи развитія человѣческихъ расъ и ихъ отношеній между собою, а прямо приступаетъ къ вопросу о физическомъ сродствѣ между человѣкомъ и обезьяною. Для этого сначала онъ описываетъ человѣкоподобныя породы обезьянъ; потомъ, указывая на труды Бера, Ратке, Бишофа, Ремака, разсматриваетъ собачій зародышъ, и находитъ, что въ началѣ онъ почти не отличается отъ человѣческаго. Далѣе слѣдуетъ подробное сравненіе между человѣкомъ и гориллой, гиббономъ и проч. Гексли останавливается особенно на вмѣстительности и устройствѣ черепа, и, наконецъ, дѣлаетъ такія заключенія: «Различіе между человѣческими племенами значительнѣе, чѣмъ между низшимъ изъ людей и высшею изъ обезьянъ; между человѣкомъ и гориллой меньше отличій, чѣмъ между гориллой и нѣкоторыми другими обезьянами». Такъ примѣняетъ онъ теорію Дарвина о естественномъ подборѣ видовъ и къ человѣку. Противъ тѣхъ, которые возмутились бы подобнымъ ученіемъ, онъ говоритъ: «Развѣ намъ слѣдуетъ лаять и ходить на четверинкахъ на томъ несомнѣнномъ основаніи, что каждый изъ насъ былъ когда-то яйцомъ, и что этого яйца никакимъ изъ обычныхъ способовъ изслѣдованія невозможно было отличить отъ собачьяго?»

24. Т. Гексли. О причинахъ явленій въ органической природѣ. Шесть лекцій, читанныхъ рабочимъ въ музеѣ практической геологіи. Изд. 2-е. Спб. 1867. Ц. 60 к. (160 стр.).

25. Г. Омбони. Дарвинизмъ, или теорія появленія и развитія животныхъ и растительныхъ видовъ, со вступительной статьей Г. Легона. Переводъ *Н. Н. Макарова*. Спб. 1867. Ц. 35 к. (57 стр. мал. фор.).

26. Ученіе Дарвина о происхожденіи видовъ, общепонятно изложенное Фридрихомъ Ролле. Пер. съ нѣм. *С. А. Усовъ*. Москва. Изд. А. Глазунова. 1865. Ц. 1 р. 50 к. (256 стр.).

Первыя двѣ изъ названныхъ нами книгъ хорошо изъясняютъ сущность ученія Дарвина. Гексли собственно высказываетъ свои собственные взгляды по поводу этого ученія. Вначалѣ, сравнивая лошадь съ собакою, онъ указываетъ основную форму, по которой онѣ построены, и такъ идетъ далѣе до рыбъ, потомъ разсматриваетъ животныхъ, устроенныхъ по другому типу: суставчатыхъ, моллюсковъ, полиповъ. Выходитъ, что можно различить до пяти разныхъ плановъ строенія во всѣхъ животныхъ. Един-

ство, однако, этимъ не ограничивается. Всѣ животныя происходять изъ яйца, изъ клѣточки; изъ клѣточки образуются и растенія. Наконецъ, изъ отношеній между животными и растеніями, изъ постоянной мѣны веществъ видно, что все сводится на силы неорганической природы: растенія питаются изъ почвы и воздуха, животныя питаются растеніями или другими животными, и наоборотъ, разлагаясь, и тѣ, и другія доставляютъ вещества для питанія растеній. Разсматривая далѣе прошедшее состояніе природы, Гексли не скрываетъ всѣхъ трудностей при изслѣдованіи, какія изъ органическихъ формъ древнѣе, какія новѣе, но тутъ ясенъ все-таки одинъ выводъ, что чѣмъ болѣе удаляемся мы отъ настоящаго времени, тѣмъ болѣе находимъ отличія древнихъ формъ отъ нынѣшнихъ. Въ наглядныхъ примѣрахъ объясняетъ онъ методы изслѣдованія (индукція и дедукція), которыя въ сущности не отличаются отъ обыкновенныхъ пріемовъ сужденія, употребляемыхъ нами ежедневно: у ученыхъ эти пріемы лишь болѣе точны. Меня, напримѣръ, обокрали, когда я спалъ; но по слѣдамъ, оставленнымъ на окнѣ и въ пескѣ, я отыскиваю вора. Еслибъ кто-нибудь сталъ доказывать, что мое предположеніе невѣрно, потому что я самъ не видѣлъ, какъ таскали вещи, а тутъ было сверхъестественное вмѣшательство, то я отвѣчалъ бы: «вы говорите произвольно; на какомъ основаніи я буду думать, что во время моего сна законы природы измѣнились?» Точно такъ же и въ наукѣ принимаютъ гипотезы, когда нельзя прямо указать на фактъ, но гипотеза гипотезѣ рознь: лишь не противорѣча ни одному факту и наиболѣе содѣйствуя ихъ объясненію, она можетъ быть плодотворна для науки. Вопросъ о существованіи органическихъ формъ распадается на два: ка̀къ первоначально произошли онѣ, и ка̀къ продолжали свое существованіе? На первый вопросъ, въ настоящемъ состояніи науки, мы отвѣтить не можемъ. Историческимъ путемъ его не разрѣшишь, потому что первыхъ формъ въ древнѣйшихъ пластахъ земли не осталось. Остается путь опыта. Тутъ Гексли очень обстоятельно разбираетъ ученіе о произвольномъ зарожденіи , и въ заключеніе приводитъ несомнѣнныя доказательства Пастера, что зарожденіе инфузорій въ водѣ, считавшееся произвольнымъ, всегда происходитъ отъ носящихся въ воздухѣ зародышей. Что касается продолженія рода живыхъ существъ—другое дѣло. Тутъ мы находимъ важный законъ наслѣдственной передачи всѣхъ случайныхъ видоизмѣненій, происшедшихъ съ животнымъ. Гексли особенно останавливается на этой передачѣ, приводя въ примѣръ: цѣлый рядъ поколѣній людей съ 6-ю пальцами въ одномъ семействѣ, особенную породу овецъ съ короткими ногами, нарочно разведенную въ Соединенныхъ Штатахъ, чтобы эти овцы не перескакивали черезъ ограду, и особенно разведеніе голубей въ Англіи, каковы: дутыши, трубастые и турманы, во всемъ противоположные другъ другу. Остается рѣшить вопросъ, отъ чего зависятъ такія видоизмѣненія въ самой природѣ, и возможенъ ли въ ней естественный подборъ,

подобный тому, какой мы дѣлаемъ искусственно, производя извѣстной породы растенія, извѣстной породы животныхъ? Мы видимъ, что въ природѣ видоизмѣненія происходятъ въ предѣлахъ видовъ, потому что виды не скрещиваются между собою, или, скрещиваясь, производятъ безплодное потомство. Видоизмѣненія въ природѣ зависятъ отъ физическихъ и органическихъ условій существованія. Къ первымъ относятся климатъ, среда и пища; ко вторымъ другіе организмы, какъ противники, или помощники даннаго организма — посредственные или непосредственные. Трава, питая травоядныхъ животныхъ, служитъ посредственнымъ помощникомъ плотояднымъ, которыя питаются травоядными; человѣкъ есть непосредственный помощникъ глисты, которая живетъ въ его тѣлѣ: съ уменьшеніемъ числа людей уменьшится и число глистовъ. Гексли вычисляетъ, какъ одно растеніе, давая 50 сѣмянъ, менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ заполонило бы всю землю, еслибы безчисленное множество препятствій не вело къ тому, что изъ 50 сѣмянъ едва проростаетъ одно, да и тутъ часто гибнетъ отъ ненастья, отъ естественныхъ враговъ и отъ другихъ случайныхъ обстоятельствъ. Остается то растеніе, которое или сильнѣе, или обладаетъ нѣкоторыми качествами, помогающими его сохраненію, напримѣръ: по тонкости скорлупы зерна проростаетъ скорѣе другихъ, и можетъ заглушить остальныя. Это качество, помогающее его сохраненію, утверждается въ немъ путемъ наслѣдственной передачи, и такимъ образомъ рождается новая порода. Въ животныхъ то же самое. Во Флоридѣ всѣ свиньи чернаго цвѣта, потому что бѣлыя погибаютъ, поѣвъ одного корня, который развелся въ тамошнихъ лѣсахъ: черный цвѣтъ, по неизвѣстной, физіологической причинѣ, спасителенъ этимъ свиньямъ. Негры въ Африкѣ также легче переносятъ мѣстныя лихорадки, чѣмъ бѣлые, и потому болѣе размножаются въ этой странѣ. Вотъ, какъ происходитъ, что *борьба за существованіе* содѣйствуетъ *естественному подбору*. Въ заключеніе, защищая эту теорію естественнаго подбора, созданную Дарвиномъ, Гексли говоритъ, что она достаточна для объясненія всѣхъ измѣненій, происшедшихъ въ органическомъ мірѣ съ самаго начала его существованія. Хотя въ краткій срокъ нашихъ историческихъ наблюденій надъ природою мы и не можемъ видѣть образованія новыхъ видовъ, но ископаемыя формы свидѣтельствуютъ, что законы измѣненія породъ вполнѣ примѣняются и къ видамъ, и къ цѣлымъ разрядамъ растеній и животныхъ. Маленькая книжка Омбони довольно просто и ясно, хоть въ сжатомъ очеркѣ, излагаетъ теорію Дарвина. У Ролле находимъ подробное ея изложеніе. Онъ разсказываетъ и всю исторію древнихъ и новыхъ воззрѣній на происхожденіе земли, растеній, животныхъ. Подтверждая теорію Дарвина мнѣніями другихъ новѣйшихъ ученыхъ, онъ разбираетъ ее по всѣмъ частямъ, какъ-то: 1) наслѣдственность, 2) индивидуальное развитіе и мелкія уклоненія, 3) наслѣдованіе измѣненій, 4) борьба за существованіе, 5) естественный подборъ производителей. Еще прежде Ламаркъ вы-

сказывалъ мысль о происхожденіи новыхъ видовъ чрезъ приспособленіе къ тѣмъ или другимъ условіямъ существованія, но каковы были ученыя изслѣдованія Ламарка, видно изъ того, что онъ считалъ возможнымъ объяснить происхожденіе длинныхъ ногъ у водяныхъ птицъ ихъ усиліями вытягивать изъ воды добычу. Кто желаетъ въ самомъ подлинникѣ ознакомиться съ ученіемъ Дарвина, тому указываемъ и собственное его сочиненіе: «О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора или о сохраненіи усовершенствованныхъ породъ въ борьбѣ за существованіе. Соч. Ч. Дарвина. Пер. съ англ. проф. моск. унив. С. Рачинскій. Изд. 2-ое, исправл., А. Глазунова. М. 1865. Ц. 2 р. 50 к.».

2. МАТЕМАТИКА.

Мы указывали, что̀ сдѣлано у насъ по методикѣ естественныхъ наукъ, въ трудахъ Бекетова, Герда, Сентъ-Илера и нѣкоторыхъ другихъ. Все это еще первыя попытки. Наглядный способъ обученія, ведущій чрезъ наблюденіе дѣйствительныхъ предметовъ (а не однихъ рисунковъ) къ постепенному ознакомленію съ ихъ свойствами и потомъ уже къ систематическому усвоенію знанія, распространяется у насъ довольно туго, по той простой причинѣ, что съ одной стороны требуетъ разныхъ пособій въ видѣ моделей, естественноисторическихъ собраній, и проч. (которыя пріобрѣсти бо̀льшая часть нашихъ школъ не въ состояніи, а приготовить или добыть дешевыми средствами не заботятся и не умѣютъ), съ другой — искренней любви преподавателей къ своему предмету и достаточной педагогической подготовки. Впрочемъ, обвинять въ чемъ либо преподавателей мы не думаемъ: ихъ дѣятельность зависитъ отъ той общественной среды, въ которой они поставлены. Все-таки остается несомнѣннымъ фактомъ, что въ большинствѣ случаевъ казенный учебникъ замѣняетъ намъ и музеи, и живую природу. Исключеніемъ въ этомъ отношеніи служатъ педагогическіе курсы при военно-учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ, какъ кажется, дѣло ведется довольно разумно, судя по напечатаннымъ трудамъ преподавателей: гг. Герда, Сентъ-Илера, Евтушевскаго, Волкова. Что касается общедоступныхъ учебниковъ по математикѣ, то сравнительно у насъ въ нихъ нѣтъ недостатка. Такъ въ большей части руководствъ по ариѳметикѣ, изданныхъ въ послѣднее время для школъ, обращено вниманіе на наглядность метода, по которому всякое объясненіе начинается съ практическихъ упражненій, на нѣкоторое примѣненіе знанія къ жизни и къ умственному развитію учащихся; развивающій методъ Грубе (извѣстный у насъ особенно по книгѣ г. Паульсона — см. далѣе), въ томъ или другомъ видѣ, принятъ уже многими въ дѣлѣ первоначальнаго преподаванія. Надо ожидать, что, при настоящихъ средствахъ къ обученію, придетъ время, когда этотъ предметъ не будетъ наводить такую безвыходную скуку на учащихся и служить къ вѣчно-

му ихъ огорченію по поводу получаемыхъ нулей и распеканій: не знаемъ, какъ теперь, а еще недавно учитель математики являлся въ классѣ какимъ-то всепожирающимъ чудовищемъ, олицетвореніемъ мертвой цифры, не имѣвшей даже той доли интереса для дѣтскаго ума, какую, въ крайнемъ случаѣ, можно отыскать и въ грамматикѣ Кюнера. Между тѣмъ немного найдется предметовъ, способныхъ такъ оживить и поддержать вниманіе цѣлаго класса, какъ математика. Средства для нагляднаго преподаванія тутъ всѣ подъ рукою, и развѣ придется пріобрѣсть нѣсколько простыхъ инструментовъ, да геометрическихъ фигуръ, если учитель самъ не съумѣетъ ихъ сдѣлать; въ большей части случаевъ тутъ помогаютъ: камышки, бумажки, колья, веревки. Съ улучшеніемъ методовъ, въ обществѣ лучше будетъ сознана и потребность того или другаго знанія. Въ послѣднее время любовь къ математическимъ занятіямъ у насъ между прочимъ выразилась и въ распространеніи частныхъ женскихъ курсовъ. Конечно, тутъ дѣйствовали и другія причины, въ томъ числѣ сознаніе, что усвоенная въ школѣ наука была слишкомъ безплодна; но не будь надежды найти для себя другой, лучшей науки, врядъ-ли эта ревность къ знанію могла быть долго поддержана. Въ настоящемъ очеркѣ, мы касаемся только руководствъ, наиболѣе у насъ распространенныхъ и удовлетворяющихъ педагогическимъ требованіямъ, каковы труды Гурьева, Волленса, Леве, Давыдова, Симашки, Главинскаго, и проч. Нѣкоторые изъ курсовъ, или дѣльныхъ статей по математикѣ были напечатаны въ «Учителѣ», въ «Педагогическомъ Сборникѣ», издаваемомъ при военно-учебныхъ заведеніяхъ. «Начальная алгебра» Страннолюбскаго, «Элементарная геометрія» Фанъ-деръ-Флита, «Элементарная геометрія» Дистервега, которыя печатались въ «Учителѣ», вышли и отдѣльными оттисками. Объ нихъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ. При этомъ упомянемъ и объ «Опытѣ программы уроковъ рисованія» Е. Волкова, которые хотя и не относятся прямо къ математикѣ, но даютъ очень наглядное понятіе объ измѣреніи угловъ, линій и другихъ геометрическихъ фигуръ. Здѣсь остается намъ сказать лишь о статьяхъ В. А. Евтушевскаго, касающихся методики элементарнаго курса ариѳметики, алгебры и геометріи и помѣщенныхъ въ Педагогическомъ Сборникѣ за 1867 и 1868 годъ (1867 года — №№ 11-й и 12-й, 1868 года — №№ 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 7-й и 8-й). По объясненіямъ г. Евтушевскаго, онъ имѣлъ цѣлію, вопервыхъ, положить педагогическія основанія для рѣшенія вопроса, въ какомъ объемѣ и по какому методу преподавать ариѳметику въ низшихъ классахъ гимназій. Такъ-какъ курсъ гимназическій рѣзко раздѣляется на подготовительный (въ низшихъ классахъ) и систематическій (въ высшихъ), — раздѣленіе, которое, смотря по развитію учащихся, можетъ быть примѣнено къ изученію всякаго предмета и внѣ школы, — то необходимо подумать о томъ, чтобы низшій курсъ дѣйствительно подготовлялъ къ высшему, служа постепеннымъ къ нему переходомъ. Дѣйствительно, въ нашемъ воспитаніи идею

подготовленія до сихъ поръ болѣе понимали, какъ приготовленіе къ экзамену, и въ сущности можно бы начинать высшимъ курсомъ, а кончать низшимъ: данный въ руки учебникъ одинаково былъ бы заученъ, благодаря неисчерпаемому запасу памяти цифръ и словъ, упражняемой съ дѣтства, и, кончивъ всѣ курсы, учащійся все-таки не могъ бы рѣшить самой простенькой задачи. Г. Евтушевскій напротивъ требуетъ, чтобы всѣ занятія въ низшихъ классахъ состояли въ изустныхъ и письменныхъ задачахъ, безъ всякаго учебника. Такимъ образомъ учащійся пріобрѣтетъ дѣйствительныя знанія, которыя помогутъ ему толково пользоваться и учебникомъ въ старшемъ курсѣ. Впрочемъ, напрасно думаютъ, что со взрослыми дѣло можетъ ограничиться одною системою знаній: здѣсь также необходимы наглядность и своего рода если не подготовленіе, то примѣненіе знанія, состоящее въ разныхъ практическихъ упражненіяхъ. И такъ, кромѣ нагляднаго курса ариѳметики, авторъ назначаетъ для низшихъ трехъ классовъ выясненіе основныхъ началъ алгебры и геометріи. Главнымъ предметомъ все-таки здѣсь является ариѳметика: ее слѣдуетъ проходить въ постепенно расширяющихся кругахъ, концентрически: то же знаніе каждый разъ усложняется при большемъ счетѣ и при большемъ пониманіи учащихся. Такъ съ числомъ десять сначала можно продѣлать всѣ простенькія задачи, — и изъ тѣхъ, какія потомъ рѣшаются съ помощью отношеній и пропорцій. Упражненія въ задачахъ ведутъ къ тому, чтобы выяснить учащимся необходимость и значеніе ариѳметическихъ дѣйствій: только послѣ подобнаго выясненія можно учить механизму каждаго дѣйствія въ отдѣльности. Съ обыкновенными дробями также сначала слѣдуетъ знакомить по задачамъ, наглядно, не выводя правилъ для дѣйствій. Десятичныя дроби и дѣйствія надъ ними объясняются по сравненію съ цѣлыми числами. Вообще преподаватель не предлагаетъ ариѳметическихъ правилъ, какъ теоремъ для доказательства, а выводитъ ихъ изъ многихъ частныхъ случаевъ и постепенно обобщаетъ. При этой наглядности, онъ употребляетъ всѣ пособія, какія могутъ оживить преподаваніе: дѣлитъ бумажки, палочки, раскладываетъ по группамъ орѣшки, камешки, заставляетъ пересчитывать окружающіе предметы, рисуетъ на доскѣ кружки, кресты, или другія фигуры; для наглядности служатъ и рисунки съ разноцвѣтными полосками, и счеты. Но главное искусство заключается въ томъ, чтобы умѣть выбрать занимательныя задачи, имѣющія близкое отношеніе къ жизни дѣтей, къ случаямъ, ежедневно ими наблюдаемымъ, и въ то же время способныя изощрять дѣтскій умъ искуснымъ сопоставленіемъ частностей и вести къ какому нибудь интересному примѣненію. Такова, напримѣръ, задача: узнать высоту зданія по длинѣ его тѣни, вбивъ рядомъ извѣстной величины колъ и измѣривъ его тѣнь одновременно съ тѣнью зданія. При упражненіяхъ преподаватель постоянно ведетъ живую бесѣду съ цѣлымъ классомъ, спрашиваетъ, постепенно наводитъ на отвѣты, заставляетъ самихъ воспитанниковъ додумываться до рѣшенія.

Такія бесѣды называютъ катехизаціей, а самый методъ евристическимъ. Лучшую часть статей г. Евтушевскаго составляютъ образцы изустныхъ и письменныхъ задачъ, примѣры того, какъ путемъ вопросовъ доводить до ихъ рѣшенія и дѣлать выводы правилъ, какъ пользоваться наглядными пособіями при преподаваніи, какіе въ частности употреблять пріемы, и проч. Во всемъ тутъ видѣнъ искусный и опытный педагогъ. Въ №№ 7-мъ и 8-мъ за 1868 годъ помѣщена пропедевтика алгебры, которую авторъ предпосылаетъ систематическому курсу этого предмета; пропедевтика геометріи еще не помѣщена въ цѣлости, а нѣкоторыя указанія по этому предмету можно найти въ № 4-мъ Педаг. Сборника за 1866 годъ.

Мы остановились долѣе на статьяхъ г. Евтушевскаго, потому что находимъ въ нихъ мысли, которыя такъ или иначе усвоены всѣми лучшими преподавателями математики.

А. Руководства по ариѳметикѣ.

1. Ариѳметика по способу нѣмецкаго педагога Грубе, методическое руководство для родителей и элементарныхъ учителей. Сост. *І. Паульсонъ.* Изд. 5-ое. Спб. 1867 г. Ц. 60 к. (160 стр.).

Эта книга очень обстоятельно знакомитъ съ первоначальнымъ обученіемъ ариѳметикѣ по методу Грубе, — и знакомитъ не только въ общихъ наставленіяхъ для преподавателя, но и въ многочисленныхъ упражненіяхъ, наглядно показывающихъ, какъ слѣдуетъ заниматься. Въ введеніи авторъ кратко излагаетъ всю исторію обученія ариѳметикѣ въ Германіи и объясняетъ сущность новаго метода, состоящаго въ томъ, чтобы, вмѣсто прежняго заучиванія правилъ и механическаго рѣшенія задачъ по этимъ правиламъ, постепенно и незамѣтно приводить къ нимъ учащихся всестороннимъ разсмотрѣніемъ отдѣльныхъ чиселъ. Съ каждымъ числомъ идутъ такія упражненія: 1) образованіе числа; 2) сравненіе его съ предъидущими; 3) кратное составленіе числа; 4) разложеніе числа; 5) примѣненіе сознанныхъ численныхъ отношеній къ частнымъ случаямъ. Все это дѣлается сначала наглядно съ указаніемъ на дѣйствительные предметы, а потомъ уже съ числами отвлеченными. Приведемъ примѣръ самыхъ упражненій — хоть на число 2. Преподаватель сначала показываетъ одинъ за другимъ два однородныхъ предмета: два грифеля, двѣ книги, два пера, камешка, и проч.; спрашиваетъ, какихъ предметовъ существуетъ по два (рога у коровы, глаза, уши, руки, объясненіе слова *пара:* пара сапогъ, чулокъ, и проч.), даетъ дѣтямъ одну и еще одну копейку. Затѣмъ слѣдуютъ многочисленныя задачи изъ жизни на вопросы: сколько, сколькими, чѣмъ больше, чѣмъ меньше, сколько разъ, поскольку, и проч.? Къ одной тетради сколько прибавить, чтобы было двѣ? отъ двухъ орѣховъ сколько взять прочь, чтобы

остался одинъ? одинъ разъ по одной копейкѣ сколько копеекъ? одинъ разъ по двѣ сколько? Далѣе какой нибудь предметъ дѣлится на двѣ половины и въ задачахъ выясняется, что̀ такое цѣлое и половина. Такимъ образомъ ужъ надъ самыми первыми числами совершаются сравнительно всѣ четыре дѣйствія ариѳметики и самое вычисленіе дробей. Послѣ упражненій надъ числомъ 3 начинается писаніе чиселъ — сначала черточками, а потомъ и цифрами, и учащійся знакомится съ ариѳметическими знаками. Тогда изустно и письменно онъ составляетъ таблицы, измѣряя каждое число всѣми предъидущими: $1 + 1 + 1 + 1 = 4$, $4 \times 1 = 4$, $4 - 1 - 1 - 1 = 1$, $1 \times 4 = 4$; $2 + 2 = 4$, и проч. Далѣе наглядно, съ помощью кружечковъ и палочекъ, и цифрами числа разглагаются на равныя и неравныя, и т. д. Съ первыхъ же чиселъ учащійся узнаетъ употребленіе мѣдныхъ монетъ и рубля, послѣ упражненій надъ 6-ью ему даются въ руки вѣсы, футъ, аршинъ, сажень, и онъ самъ начинаетъ все вѣсить и мѣрить. Это завлекаетъ дѣтей въ высшей степени. Необходимо также добыть для него мѣры емкости, чтобы онъ изучилъ ихъ на самомъ дѣлѣ, сравнительно. Послѣ числа 12-ти ему можно объяснить употребленіе часовъ, показавъ, какъ по минутной стрѣлкѣ узнавать четверть, половину, и проч. Авторъ требуетъ строгой постепенности въ этихъ занятіяхъ и особенно долгихъ упражненій надъ каждымъ изъ первыхъ 20 чиселъ; потомъ счетъ идетъ пятками, десятками, и промежуточныя числа выбираются въ разбивку. При трехъ урокахъ въ недѣлю въ первое полугодіе дѣти изучаютъ числа только отъ 1 до 10, во второе и третье отъ 10 до 100. Это первый курсъ. Въ первое полугодіе втораго курса идутъ упражненія надъ числами отъ 100 до 1000, во второе — надъ числами любой величины. Здѣсь также требуется наглядность. Дѣти отсчитываютъ въ мѣшечки горошины, камешки по 10, по 100, и складываютъ эти мѣшечки въ одинъ большой, тысячный, или соединяютъ кубики въ дюймъ величиною (= 1), бруски въ 10 кубиковъ (= 10), квадратныя доски въ дюймъ толщины и 10 дюймовъ длины и ширины (= 100), 10 такихъ досокъ, положенныхъ одна на другую (кубическій футъ = 1000), и проч. Третій курсъ посвященъ преимущественно дробямъ. Занятія по методу Грубе идутъ очень живо и всегда съ большимъ успѣхомъ. Тутъ шестилѣтній ребенокъ безъ труда отвѣтитъ вамъ на вопросы, на которые прежде затруднялись скоро отвѣчать и кончавшіе курсъ математики, напримѣръ сколько будетъ осьмыхъ долей въ половинѣ, чему равна одна пятая десяти, какія три монеты можно дать за шесть отдѣльныхъ копеекъ? Тутъ есть возможность безъ конца разнообразить преподаваніе. Но съ другой стороны излишняя систематичность занятій по этому методу можетъ также крайне утомить ребенка. Усвоивъ разъ схему упражненій, по какой его спрашиваютъ и какая повторяется при каждомъ числѣ, онъ подъ конецъ начинаетъ отвѣчать машинально, соображаясь не со смысломъ, а съ формою вопроса, потому что все одно и то же число является въ отвѣтѣ:

$3 + 1 = 4$, $2 + 2 = 4$, $1 + 3 = 4$, $2 \times 2 = 4$, $1 : 4 = 4$, $1 \times 4 = 4$, $4 \times 1 = 4$. Такъ, останавливаясь слишкомъ долго надъ однимъ числомъ, вы тоже рискуете свести дѣло на своего рода механизмъ, котораго болѣе всего нужно опасаться. Притомъ дѣти научаются считать до 10 очень скоро и почти сами собою. Узнавъ хорошо отношенія нѣсколькихъ первыхъ чиселъ, они порываются все къ новымъ задачамъ съ бо̀льшими числами, потому что къ этому приводятъ ихъ сами собою предметы, на которые вы указываете. Если ребенокъ вымѣрилъ аршиномъ столъ, какъ вы запретите ему вымѣрить кругомъ всю комнату? Разумѣется, не слѣдуетъ слишкомъ поощрять эту дѣтскую прыткость, чтобы не была разрушена всякая послѣдовательность въ обученіи; но къ чему безъ нужды долго задерживать и надъ первыми вычисленіями, которыя ребенокъ самъ собою повторяетъ при каждомъ бо̀льшемъ числѣ? Многіе также думаютъ, что сначала лучше продѣлать до 10 всѣ задачи по сложенію и вычитанію, а потомъ ужъ заняться умноженіемъ и дѣленіемъ. Чѣмъ старше дѣти возрастомъ, тѣмъ болѣе необходимо сокращать эти упражненія съ первыми числами. Что касается правилъ ариѳметики, то они преподаются лишь во второмъ курсѣ.

2. Начальная ариѳметика. Пособіе для нагляднаго преподаванія ариѳметики. *К. Рубисова*. Спб. 1868. Ц. 35 к. (148 стр. мал. формата).

Г. Рубисовъ также держится метода Грубе лишь въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Книжка его, вопервыхъ, заключаетъ общія наставленія, какъ наглядно знакомить съ первыми числами, пиша крестики, заставляя считать разные предметы (ножки стола, оконныя стекла, пальцы руки), какъ точно такимъ же образомъ, на пальцахъ, или съ камешками, палочками, упражнять въ сложеніи и вычитаніи до 10, какъ вести занятія, стараясь разнообразить вопросы и, понемногу, учить цифрамъ, заставляя сначала писать палочки. Въ числахъ болѣе 10 онъ ведетъ счетъ пятками и десятками по крестикамъ, палочкамъ, кружечкамъ, объясняетъ, какъ переходить отъ десятковъ къ сотнямъ, и подробнѣе говоритъ объ упражненіяхъ въ мѣрѣ, въ вѣсѣ, въ счетѣ времени. Потомъ слѣдуютъ примѣры умственныхъ упражненій. Авторъ предлагаетъ задачи разомъ на всѣ числа отъ 1 до 10 сначала съ числомъ 2, потомъ съ числомъ 3, 4 и т. д. до 10; послѣ каждаго отдѣла задачъ ученики пишутъ таблицу высчитаннаго числа со всѣми десятью числами въ разбивку, напримѣръ: 1 да 2 будетъ 3, 3 да $2 = 5$, 7 да $2 = 9$, 4 да $2 = 6$, и проч.; 2 изъ 3-хъ останется 1, 2 изъ $8 = 6$, 2 изъ $5 = 3$, 2 изъ $7 = 5$, и проч. То же самое происходитъ съ каждымъ числомъ и счетъ понемногу увеличивается: при 4-хъ будетъ 10 да $4 = 14$, 14 безъ $4 = 10$; при 9-ти будетъ 10 да $9 = 19$, 19 безъ $9 = 10$. Авторъ сначала одновременно упражняетъ въ сложеніи и вычитаніи, а потомъ точно также въ умноженіи и дѣленіи; при дѣленіи онъ знакомитъ и съ дробями.

У г. Рубисова, собственно говоря, нѣтъ ничего новаго въ примѣненіи метода Грубе: такія упражненія находимъ и у Гурьева; педагогическіе пріемы мѣстами объяснены у него недостаточно и тяжеловатымъ языкомъ; въ задачахъ слишкомъ мало изобрѣтательности. Но его руководство все-таки очень полезно для начальныхъ школъ по своей простотѣ и немногосложности. Г. Рубисовъ устранилъ также то однообразіе въ отвѣтахъ, которое могло бы иной разъ избавлять учащихся отъ необходимости думать.

3. Первыя упражненія въ ариѳметикѣ. Состав. *А. Леве*. Спб. 1867. Ц. 50 к. (266 стр. неб. форм.).

Эти упражненія по характеру сходны съ помѣщенными въ предъидущихъ книгахъ, но кругъ ихъ гораздо обширнѣе. У Леве находимъ семь отдѣловъ: въ 1-мъ счисленіе до 10-ти; во 2-мъ до 100; въ 3-мъ изображеніе чиселъ, такъ-какъ до того времени счетъ шелъ изустно; въ 4-мъ счетъ до 1,000 и объясненіе первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики; въ 5-мъ до 10,000; въ 6-мъ до 100,000 и объясненіе именованныхъ чиселъ; въ 7-мъ объясненіе дробей. Съ 4-го отдѣла представлены задачи для изустнаго и письменнаго счисленія. Наглядный пріемъ Леве состоитъ въ томъ, что онъ сначала представляетъ кружечки, расположенные, начиная съ одного, пирамидкой до 10, въ каждомъ нижнемъ ряду однимъ кружечкомъ болѣе. Послѣ того, упражненіе съ каждымъ рядомъ отдѣльно на 2, на 3 и проч. становится нагляднымъ. Во 2-мъ отдѣлѣ представлено 10 рядовъ кружковъ по 10-ти въ каждомъ, въ 4-мъ отдѣлѣ — точки въ клѣткахъ, расположенныя пятками, десятками и сотнями, для 5-го ряда служатъ листочки съ тысячными клѣтками, для 6-го пачки такихъ листочковъ. При рѣшеніи многихъ задачь опять кружечки, иногда черные и бѣлые, смотря по отношенію чиселъ, или палочки; при дробяхъ задачи также объясняются чертежами: $^{7}/_{30}$, $^{6}/_{48}$ сажень изображено раздѣленными линіями — такъ что вся книга г. Леве испещрена этими кружечками, точками, палочками, линіями. Разумѣется, этимъ нельзя ограничиться при требованіи наглядности: гдѣ возможно, лучше самимъ дѣтямъ предоставить выборъ этихъ упражненій. Они могутъ собирать и отсчитывать по разрядамъ камешки, связывать въ пачки палочки, вырѣзывать бумажки, или пестрить ихъ узорами счета, узелками отмѣривать нитки по дюймамъ, футамъ, аршинамъ, отсчитывать на вѣткахъ правильно расположенныя листья или, при рѣшеніи извѣстныхъ задачь, нанизывать разноцвѣтныя зерна крупнаго бисера и т. д. Подобныхъ упражненій можно прибрать безчисленное множество и всѣ они оживятъ для дѣтей однообразіе долгаго счета.

У г. Леве съ самаго начала идутъ наглядныя задачки по всѣмъ четыремъ дѣйствіямъ ариѳметики; послѣ другихъ начинаются упражненія съ простыми дробями по листу бумаги, раздѣленному на части. Но счетъ до 10-ти авторъ проходитъ довольно быстро. Въ 1-мъ отдѣлѣ дано понятіе только о футѣ, аршинѣ и сажени;

понятіе о деньгахъ, о разныхъ мѣрахъ, объ употребленіи счетовъ дается лишь во 2-мъ отдѣлѣ. Задачи довольно многочисленны: такъ, въ 4-мъ отдѣлѣ 70 задачь изустныхъ и 134 письменныхъ, въ 6-мъ отдѣлѣ 45 задачъ изустныхъ и 190 письменныхъ и проч.; изустныя, при большихъ числахъ, конечно, болѣе съ нулями. Въ нихъ авторъ имѣлъ въ виду и практическое примѣненіе къ жизни: онъ задаетъ много вопросовъ, касающихся покупки и продажи и измѣренія разныхъ предметовъ; но вообще мы желали бы тутъ больше разнообразія не въ однихъ предметахъ, а и въ численныхъ комбинаціяхъ, больше вниманія къ тому, что могло бы занять дѣтей въ окружающихъ ихъ явленіяхъ.

4. Практическая ариѳметика. Сост. *Петръ Гурьевъ*. Издан. книгопрод. Я. А. Исакова. Спб. 1861. Ц. 1 руб. 75 коп. (367 стр.).

Г. Гурьевъ у насъ первый примѣнилъ новый, лучшій методъ преподаванія ариѳметики въ своихъ книгахъ, вышедшихъ еще въ сороковыхъ годахъ; но онъ, такъ сказать, опередилъ время: его труды оставались неизвѣстными, потому что крайняя несостоятельность стараго способа обученія еще не была сознана. Въ указанной нами книгѣ онъ представляетъ результаты прежнихъ своихъ изслѣдованій, которыми полезно воспользоваться всякому, кто занимается дѣломъ первоначальнаго обученія. Г. Гурьевъ въ своемъ предисловіи вѣрно указываетъ, какъ на послѣдствіе общепринятой системы, на нашу неспособность дѣлать въ умѣ самыя простыя выкладки, тогда какъ неучившійся ариѳметикѣ мясникъ живо отвѣтитъ, что слѣдуетъ заплатить за $7^5/_8$ фунт. говядины, когда за 12 ф. онъ требуетъ 1 р. 8 к. Авторъ стоитъ за практическую пользу занятій, за строгую ихъ постепенность, за наибольшую простоту рѣшеній. Курсъ Гурьева дѣйствительно очень послѣдовательный въ переходѣ отъ легкаго къ болѣе трудному: въ немъ довольно указано хорошихъ педагогическихъ пріемовъ и обращено особенное вниманіе на первоначальныя упражненія, на умственное счисленіе. Онъ дѣлится на 5 степеней: въ 1-й находимъ дѣйствія надъ числами отъ 1 до 10; во 2-й — отъ 1 до 100; въ 3-й — счисленіе до 1,000, правила первыхъ четырехъ дѣйствій, также статьи о видоизмѣненіи и разложеніи чиселъ, о дѣлителяхъ, о дѣлимости чиселъ и проч.; въ 4-й — дроби простыя и десятичныя; въ 5-й — вопросы, относящіеся къ пропорціямъ и къ тройному правилу. Такимъ образомъ, тутъ соединяется элементарный курсъ со среднимъ и надо замѣтить, что соблюдена постепенность и связь между обоими. На первыхъ степеняхъ упражненія идутъ по разрядамъ, напримѣръ: сложеніе со всѣми числами отъ 1 до 10-ти, вычитаніе со всѣми числами отъ 1 до 10-ти, разложеніе всѣхъ чиселъ отъ 1 до 10-ти, дробныя дѣленія единицы отъ половины до одной десятой. Упражненія надъ числами отъ 1 до 20-ти представлены отдѣльно отъ прочихъ упражненій до 100, а тутъ опять многочисленныя вычисленія въ извѣстномъ порядкѣ

и разложенія чиселъ, напримѣръ: представить числа отъ 1 до 20-ти съ одинакими разностями, чѣмъ 12 болѣе 3, 4, 5, 6 и проч.; что будетъ, когда отнять $^1/_2$ отъ 2, 3, 4, 5 и проч., $^1/_3$ отъ 2, 3, 4, 5 и проч.? Тутъ же каждое меньшее число авторъ разсматриваетъ, какъ часть бо̀льшаго: 1 отъ 3 есть $^1/_3$, 1 отъ 4 есть $^1/_4$; 2 отъ 4, 3 отъ 6, 4 отъ 8, 5 отъ 10 — половины; потомъ точно также взяты числа, составляющія трети, четверти и проч. Эти ряды сравниваемыхъ, сопоставляемыхъ чиселъ много содѣйствуютъ къ упражненію въ быстромъ умственномъ счисленіи, но въ такихъ занятіяхъ тоже нужно знать мѣру, безъ чего они могутъ сильно утомить учащихся по своему однообразію. Главное дѣло все-таки составляютъ искусно прибранныя задачи. Задачъ въ книгѣ г. Гурьева помѣщено достаточно, и при самыхъ объясненіяхъ и отдѣльно въ концѣ каждой статьи. Въ нихъ авторъ, однако, мало обращалъ вниманія на занимательность содержанія или на близкое отношеніе къ жизни: встрѣчаются и такія, какъ, напримѣръ, о лѣтахъ нѣмецкаго поэта Геллерта. Въ нихъ больше занимала автора нѣкоторая сложность выкладки, напримѣръ, какое получится число, если къ $^3/_4 195$ прибавить $^2/_3 100$ и $^3/_8 41$? пятая часть 35 треть какого числа? въ какомъ числѣ $^4/_3$ содержится $^3/_4$ раза? Задачи на пропорціи и тройное правило авторъ предпочитаетъ рѣшать приведеніемъ къ единицѣ.

5. Руководство къ ариѳметикѣ. Состав. *В. Воленсъ.* Третье изданіе. Спб. 1867. Ц. 60 к. (180 стр.).

Въ предисловіи къ этой книгѣ авторъ объясняетъ, что онъ желалъ восполнить недостатокъ, какой у насъ чувствуется въ руководствѣ для низшихъ классовъ гимназій и для прогимназій, при переходѣ отъ элементарнаго способа обученія къ научному. «Матеріалъ, пишетъ г. Воленсъ, у насъ расположенъ такъ, чтобы преподаваніе могло идти путемъ евристическимъ. Для этой цѣли мы старались излагать дѣйствія такъ, чтобы учащіеся могли усвоить самую суть ихъ, а нетолько довольствоваться наружною формою. Мы гонялись не за тѣмъ, чтобы пріемами анализа доказывать отдѣльныя ариѳметическія теоремы, а старались о томъ, чтобы сами ученики могли видѣть раціональность ариѳметическихъ дѣйствій». Тѣ требованія, какія здѣсь высказываетъ авторъ, мы находимъ въ ариѳметикѣ Гурьева, Симашки и въ руководствѣ Леве, но ариѳметика г. Воленса, по своей простотѣ и практичности, дѣйствительно болѣе соотвѣтствуетъ настоящимъ требованіямъ нашихъ учебныхъ заведеній. Объясненіе каждаго дѣйствія авторъ начинаетъ съ легкой задачки, разсматриваетъ ея требованія и потомъ даетъ опредѣленія и правила. Далѣе довольно обстоятельно излагается весь ходъ дѣйствія надъ какой-нибудь задачей съ бо̀льшими числами и, наконецъ, представлено достаточное число задачъ для упражненій. При изложеніи первыхъ четырехъ дѣйствій указано, какія измѣненія произойдутъ въ полученномъ результатѣ при увеличеніи или уменьшеніи данныхъ въ

задачѣ чиселъ. Именованныя числа занимаютъ довольно видное мѣсто; затѣмъ слѣдуютъ статьи о дѣлимости чиселъ, о разложеніи чиселъ на множители, о наименьшемъ кратномъ, объ общемъ наибольшемъ дѣлителѣ (обо всемъ кратко, не болѣе 10-ти страницъ) и болѣе подробныя статьи о дробяхъ простыхъ и десятичныхъ и объ отношеніяхъ и пропорціяхъ, при чемъ довольно полно изложены принадлежащіе сюда случаи: правило тройное, товарищества, смѣшенія. Въ заключеніе приложена статейка о непрерывныхъ дробяхъ. Авторъ вездѣ избѣгаетъ излишнихъ подробностей и сложныхъ объясненій. Въ задачахъ, какъ видно, онъ имѣлъ цѣлью сообщить поболѣе полезныхъ свѣдѣній изъ географіи и исторіи, но не всегда сообразовался съ возрастомъ учащихся въ низшихъ классахъ: ихъ врядъ ли много займутъ одни и тѣ же вопросы о разстояніяхъ мѣстностей, о величинѣ рѣкъ, губерній, о числѣ жителей, о годахъ жизни какой-нибудь знаменитой личности, да о купеческихъ и помѣщичьихъ разсчетахъ. Какой, напримѣръ, интересъ для дѣтей могутъ имѣть подобныя задачи: «Великій французскій математикъ Лапласъ умеръ 1827 года, имѣя отъ роду 78 лѣтъ. Въ которомъ году онъ родился?» Притомъ въ самыхъ первыхъ задачахъ говорится о четвертяхъ, десятинахъ, о квадратныхъ верстахъ, и авторъ предполагаетъ все это извѣстнымъ изъ элементарнаго курса, но гдѣ у насъ эти элементарные курсы? На домашнюю подготовку плоха надежда, потому и въ училищѣ полезно бы изложенію правилъ предпослать хотя краткое наглядное объясненіе чиселъ; на необходимость наглядности, о которой у насъ имѣютъ мало понятія, слѣдовало бы побольше указать и при изложеніи всѣхъ отдѣльныхъ дѣйствій. Словомъ, мы желали бы, чтобы въ самомъ учебникѣ авторъ полнѣе выяснилъ эту связь средняго курса съ элементарнымъ. Мы также желали бы, чтобы авторъ представилъ побольше примѣровъ на то, какъ разъяснять условія задачи въ наиболѣе трудныхъ, частныхъ случаяхъ. Особенный недостатокъ въ задачахъ замѣчаемъ при изложеніи разныхъ случаевъ тройнаго правила.

6. Курсъ ариѳметики и собраніе ариѳметическихъ задачъ. Соч. *А. Леве*. 8-е изд. Часть I. Курсъ ариѳметики. Часть II. Собраніе задачъ. Спб. 1868. Ц. 1 р. (Часть I 214 стр. Часть II, 197 стр.).

7. Ариѳметика. Сост. *Францъ Симашко*. Изд. 4-е. Исправл. и дополн. Спб. 1865. Ц. 1 р. (257 стр.).

Оба руководства, по своему направленію и содержанію, сходны съ книгою Воленса, но въ частностяхъ гораздо подробнѣе и сложнѣе. Въ нихъ находимъ нѣкоторые примѣры нагляднаго счисленія по черточкамъ, точкамъ, кружечкамъ, въ объясненіи дѣйствій болѣе разсмотрѣно частныхъ случаевъ при постепенномъ переходѣ отъ простыхъ задачъ къ сложнымъ, подробнѣе объяснены свойства задачъ, рѣшаемыхъ тѣмъ или другимъ дѣйствіемъ, дѣйствія

съ множителями и дѣлителями, при чемъ приложены таблицы простыхъ чиселъ; въ обоихъ помѣщены особыя статьи о вычисленіи десятичныхъ дробей по приближенію, о сложныхъ процентахъ съ ихъ таблицею, объ учетѣ векселей и срочныхъ уплатахъ, о переводѣ мѣръ, вѣсовъ и денегъ. Задачи занимаютъ до половины книги: у Леве онѣ помѣщены въ большомъ числѣ и при объясненіи правилъ и въ отдѣльной части, у Симашки слѣдуютъ послѣ каждой статьи. Г. Леве, для практическихъ упражненій, приводитъ, при сложеніи, вычитаніи и умноженіи, таблицы всѣхъ дѣйствій съ первыми числами отъ 1 до 10, правила сокращеннаго умноженія и дѣленія, сложенія чрезъ вычитаніе, употребленія скобокъ при смѣшанныхъ дѣйствіяхъ, дѣлимости чиселъ нетолько до 9, но и на 11, 15, 18, 24. Задачи, имъ предложенныя (въ отдѣльной части до 1100 зад.), касаются всѣхъ возможныхъ случаевъ практической жизни: разныхъ ремесленныхъ работъ, рытья канавъ, построекъ, вычисленія доходовъ, разстояній, прибыли и убытка, числа жителей и проч. Онѣ раздѣляются на изустныя и письменныя и, послѣ особыхъ задачъ для каждаго отдѣла, помѣщены общія задачи по всѣмъ отдѣламъ. Но вообще, особенно для меньшаго возраста, въ нихъ можно бы желать побольше изобрѣтательности, примѣненной къ потребностямъ дѣтскаго ума, чтобы не ограничиться вычисленіями, сколько пространства во владѣніяхъ Германскаго Союза, когда скончался царь Алексѣй Михайловичь, сколько у помѣщика гнѣдыхъ и вороныхъ лошадей, сколько привезено въ Англію хлопчатой бумаги и проч. Курсъ г. Леве все-таки довольно практическій, очень полезный для развитія учащихся: его только нужно бы нѣсколько упростить, сдѣлавъ мѣстами яснѣе опредѣленія и откинувъ нѣкоторыя, довольно растянутыя и сложныя толкованія. У г. Симашки изложеніе не одинаково: мѣстами у него болѣе обращено вниманія на выводъ дѣйствія изъ задачъ, а мѣстами преимущественно изслѣдовано внутреннее значеніе дѣйствія (напримѣръ, при объясненіи дѣленія). У него находимъ хорошіе педагогическіе пріемы и нѣкоторыя части яснѣе изложены, но за то есть и излишнія подробности и менѣе дано мѣста разъясненію и рѣшенію задачъ. Г. Симашко прилагаетъ въ концѣ книги еще статью о квадратныхъ и кубическихъ корняхъ.

8. Руководство ариѳметики для гимназій. Сост. *А. Малининъ* и *К. Буренинъ*, препод. Моск. 4-й гимн., изд. 2-е. Москва. 1868 г. Ц. 75 к. (245 стр.).

Это руководство предназначено преимущественно для употребленія въ гимназіяхъ, при переходѣ изъ средняго курса въ высшій или, вѣрнѣе, для повторенія въ высшихъ курсахъ. Изложеніе въ немъ довольно точное и послѣдовательное. Хотя авторъ держится болѣе догматическаго метода, но приводитъ достаточно примѣровъ для объясненія дѣйствій и объясняетъ условія, при какихъ задача можетъ подлежать тому или другому дѣйствію. Рядомъ съ

ариѳметическими, у него приводятся и алгебраическія объясненія, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, какъ, напримѣръ, при дробяхъ, при рѣшеніи задачъ сложнаго тройнаго правила, и проч. Что касается подробностей, то укажемъ на статьи о различныхъ системахъ письменнаго счисленія (кромѣ десятичной, и другія), о метрической системѣ мѣры, о ирраціональныхъ числахъ, о непрерывныхъ дробяхъ, и проч.

9. Курсъ ариѳметики. *А. Серре.* Съ нѣкоторыми измѣненіями, перев. *Н. Юденичъ.* Москва. 1866 г. Ц. 1 руб. 25 коп. (325 стр.).

Курсъ Серре уже болѣе научный, теоретическій. Въ немъ приведены многочисленныя теоремы, объясняющія разнообразныя свойства чиселъ, при всѣхъ главныхъ ариѳметическихъ дѣйствіяхъ, изложена теорія несоизмѣримыхъ чиселъ, квадратныхъ и кубическихъ корней, десятичныхъ приближеній и объяснены рядомъ съ пропорціями, прогрессіями и логариѳмы. Кромѣ того, начиная съ теоріи общаго наибольшаго дѣлителя, идутъ алгебраическія объясненія и доказательства. Сравнительно съ другими, этотъ курсъ, по простотѣ и ясности изложенія, еще очень доступенъ тѣмъ, кто достаточно ознакомился съ началами ариѳметики и алгебры по обыкновеннымъ руководствамъ. Онъ дастъ возможность поглубже вникнуть въ математическое значеніе чиселъ.

10. Собраніе ариѳметическихъ задачъ по Грубе. Въ двухъ частяхъ. Сост. *Н. Воленсъ.* Изд. 2-е. Спб. 1868 г. Ц. 40 коп. (466 стр. въ $^{1}/_{26}$ д. л.).

11. Собраніе ариѳметическихъ задачъ для умственнаго и письменнаго исчисленія. Сост. *Н. Томасъ.* Спб. 1868. Вып. I. Ц. 30 к. (113 стр.). Вып. II. 30 коп. (125 стр.).

12. Собраніе ариѳметическихъ задачъ для гимназій. Сост. *А. Малининъ* и *К. Буренинъ.* Изд. 2-е, дополн. Москва, 1868. Ц. 50 к. (148 стр.).

Г. Воленсъ въ предисловіи къ своему сборнику задачъ даетъ нѣкоторое понятіе о методѣ Грубе и прилагаетъ таблицу мѣръ, потомъ излагаетъ задачи на каждое число въ отдѣльности отъ 1 до 100 и на всѣ первыя доли до двѣнадцатыхъ. Затѣмъ, приложено 136 рѣшеній на болѣе трудныя задачи. Въ такомъ обширномъ сборникѣ, конечно, могутъ встрѣтиться и задачи, менѣе удачныя, искусственныя, и не совсѣмъ ясно выраженныя. Задачи для младшаго возраста о томъ, сколько издержалъ копеекъ, сколько получилъ яблоковъ Митя, Петя, Коля, вѣроятно, покажутся однообразными. Но тутъ можно сдѣлать хорошій выборъ, и въ цѣломъ сборникъ г-на Воленса дастъ много матеріалу для умственныхъ упражненій. Приведемъ нѣкоторыя изъ задачъ. «Колесо сдѣлало 9 оборотовъ на пространствѣ 36 футовъ; какъ велика окружность колеса? Купецъ спросилъ за товаръ 84 коп., но

потомъ уступилъ за 67 к.; уступка оставляетъ какую часть спрошенной цѣны? Сколько четвертаковъ можно получить за 90 двугривенныхъ? За три акціи, въ 25 р. каждая, даютъ 78 р.; сколько процентовъ составляетъ премія? Разложить 35 бобовъ на такія 2 кучки, чтобы $^1/_4$ часть первой кучки и $^1/_4$ второй составляли 5? Есть, конечно, и болѣе сложныя задачи.

Два выпуска Томаса, въ 15-ти отдѣлахъ, представляютъ не менѣе 3500 задачъ; первый выпускъ содержитъ задачи на всѣ дѣйствія до десятичныхъ дробей, во второмъ — на десятичныя дроби и тройныя правила. Отдѣлъ 15-й повторительный и заключаетъ болѣе трудныя задачи. Такимъ образомъ, тутъ собраны упражненія для младшаго и средняго возрастовъ. Но первые 5 отдѣловъ назначены исключительно для умственнаго счисленія: тутъ заключаются задачи на числа отъ 1 до 10 (287 з.), отъ 1 до 100 (464 з.), на числа любой величины (191 з.), на именованныя числа (204 з.), на дроби (356 з.). Слѣдовательно, въ началѣ этотъ сборникъ представляетъ и счисленія по методу Грубе, очень полезныя для домашняго образованія. Тутъ авторъ заставляетъ считать пальцы, ноги у человѣка, у лошади, у мухи, окна комнаты, камешки, спрашиваетъ: «между какими числами 4, 7, и проч.? если одинъ сухарь стоитъ копейка, то что стоятъ 2, 3 сухаря? если въ два часа надо написать три листа, то по скольку листовъ придется въ часъ? сколько стоятъ 7 бутылокъ квасу, если каждая бутылка стоитъ полкопейки? у двухъ воробьевъ и одного жука сколько ногъ? мошка живетъ одинъ день, а бабочка 9 дней, на сколько вторая живетъ долѣе первой? двугривенный какая часть рубля? у пяти человѣкъ сколько здоровыхъ глазъ, если одинъ изъ нихъ кривой, а двое слѣпыхъ? если 13 картъ разложить на 2, 3, 4 равныхъ кучки, то по скольку картъ будетъ въ каждой кучкѣ? фунтъ ягодъ стоитъ 8 коп., сколько стоитъ $^3/_4$ ф.? сколько разъ ударятъ часы съ 4 до 7?» Тутъ есть особыя задачи на каждое число, но упражненія идутъ довольно живо. Сборникъ Малинина и Буренина, заключающій 1905 задачъ, примѣненъ къ ариѳметическому руководству тѣхъ же авторовъ. При многихъ задачахъ приложены подробныя рѣшенія. Самыя задачи обыкновеннаго содержанія: о числѣ верстъ или жителей, о доходѣ помѣщика, о кометѣ Галлея, о величинѣ солнца и луны, и проч. Не худо воспользоваться и этимъ сборникомъ для выбора.

Б. Руководства по алгебрѣ.

13. Курсъ алгебры, основанный на постепенномъ обобщеніи ариѳметическихъ задачъ. (Дидактическія указанія для преподавателя начальной алгебры). *А. Страннолюбскаго.* Спб. 1868. Ц. 50 к. (134 стр.).

Хотя у насъ есть хорошія, практическія руководства алгебры, гдѣ всѣ объясненія основаны на примѣрахъ и задачахъ, и доволь-

но обстоятельно излагаются формулы рѣшеній; но авторы ихъ, вслѣдствіе научнаго догматическаго способа, господствующаго въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ и закрѣпленнаго общепринятыми программами, до сихъ-поръ, не рѣшились располагать свой курсъ такъ, чтобы учащійся послѣ занятій ариѳметикой не встрѣчался вдругъ съ самыми отвлеченными математическими обобщеніями, каковы понятія объ алгебраическомъ количествѣ (положительномъ и отрицательномъ), а чтобы эти алгебраическія обобщенія слагались въ умѣ его постепенно, начиная съ задачъ менѣе общихъ все къ болѣе общимъ. При нынѣшнемъ порядкѣ преподаванія, учащійся борется съ трудностями, которыя, препятствуя его самодѣятельности, скоро охлаждаютъ къ математикѣ, и нѣкоторые справедливо полагали, что удобнѣе было бы послѣ ариѳметики проходить геометрію, — предметъ, который, въ своихъ основаніяхъ, вполнѣ доступенъ среднему возрасту и, кромѣ того, по своей наглядности, болѣе привлекателенъ на той степени развитія, когда учащійся еще мало способенъ къ отвлеченіямъ. Одновременно съ геометріей можно бы проходить и подготовительный курсъ алгебры. Г. Страннолюбскій и предлагаетъ матеріалъ для такого курса, который можетъ съ пользою послужить еще болѣе для тѣхъ, кто воспитывается дома, такъ-какъ наши казенныя программы врядъ ли скоро измѣнятся. Авторъ представляетъ рядъ уроковъ для систематическаго и строго постепеннаго перехода отъ ариѳметики къ алгебрѣ, съ цѣлію дать учащемуся усвоить на столько ясное понятіе объ алгебраическомъ количествѣ, чтобы въ дальнѣйшемъ изученіи предмета его уже нисколько не затрудняла научная система. Постепенныя обобщенія, защищаемыя авторомъ, состоятъ въ слѣдующемъ: 1) сначала онъ разсматриваетъ задачи, которыя отличаются только численною величиною данныхъ, а по своимъ условіямъ, по роду данныхъ и вопросу тожественны. Такъ приходитъ онъ къ первому обобщенію, къ общимъ рѣшеніямъ, выражаемымъ буквами съ какимъ-нибудь наименованіемъ. Тутъ являются особенные знаки, буквы, но нѣтъ еще полнаго алгебраическаго отвлеченія. 2) Затѣмъ слѣдуютъ задачи, которыя уже различаются условіями и родомъ данныхъ, но одинаковыя по численной величинѣ, и притомъ по своимъ условіямъ и по вопросу приводятъ, для отысканія неизвѣстнаго, къ одной и той же совокупности дѣйствій надъ одинаковыми отвлеченными числами. Таковы, напримѣръ, задачи о путешественникѣ, прошедшемъ изъ 50 верстъ разстоянія 20, и о человѣкѣ, потерявшемъ изъ 50 р — 20. На вопросъ: сколько осталось въ обоихъ случаяхъ, отвѣчаемъ 20 (50—30=20), хотя и данныя, и условія вопроса различны. Это второе обобщеніе служитъ переходомъ отъ перваго къ третьему, къ задачамъ, 3) которыя только приводятъ къ одной и той же совокупности дѣйствій надъ данными, будучи различны и по условіямъ вопроса, и по роду, и по величинѣ данныхъ. Здѣсь и является алгебраическое количество, выражающее всякое число по роду и величинѣ. Наконецъ, 4) обозначеніе рѣшеній чрезъ

введеніе отрицательныхъ и положительныхъ величинъ составляетъ послѣднее высшее обобщеніе въ приготовительномъ курсѣ. Эти величины обыкновенно излагаются въ самомъ началѣ алгебраическаго курса, и авторъ, основываясь на мнѣніи Карно и другихъ знаменитыхъ математиковъ, съ особенной подробностію изъясняетъ, къ какимъ искаженіямъ научной истины, вслѣдствіе этого, должны прибѣгать преподаватели, нежелающіе излагать предметъ чисто догматически. Толковать о положительныхъ и отрицательныхъ величинахъ, которыя представляютъ только научное обобщеніе, какъ о противоположныхъ количествахъ, пріобрѣтаемомъ и теряемомъ, значитъ впадать въ противорѣчія, уподобиться игроку, который, условившись съ другими опускать десятую часть выигрыша въ кружку для бѣдныхъ, потребовалъ бы, когда проиграетъ 1000 экю, 100 экю для себя изъ кружки, на томъ основаніи, что онъ сдѣлалъ отрицательный выигрышъ и долженъ вынуть изъ кружки столько, сколько положилъ бы въ нее, еслибъ выигрышъ былъ положительный.

Въ своемъ курсѣ авторъ объясняетъ сложеніе, вычитаніе, умноженіе, дѣленіе, пропорціи и уравненія первой степени съ одной неизвѣстною. Въ первыхъ задачахъ до умноженія онъ слѣдуетъ преимущественно разговорному способу изложенія, представляя примѣры, какъ вести урокъ; далѣе, съ задачъ на умноженіе, находимъ не столь подробное изложеніе содержанія уроковъ, съ дидактическими объясненіями для преподавателей. Въ катехетикѣ автора, при крайнемъ его желаніи быть постепеннымъ, изрѣдка находимъ нѣкоторую растянутость, или не совсѣмъ удачные пріемы, но въ цѣломъ курсъ г-на Страннолюбскаго очень ясный, изложенный съ той строгой послѣдовательностію, какой требуетъ математическое сочиненіе. У насъ нѣтъ другаго, болѣе понятнаго элементарнаго курса алгебры, и мы совѣтуемъ всѣмъ, занимающимся преподаваніемъ математики, запастись этою книгою.

14. Начальная алгебра. *А. Давидова*, ординарнаго профессора имп. моск. унив. Изд. 3-е. Москва. Изд. братьевъ Салаевыхъ. 1868. Ц. 1 р. 50 к. (320 стр.).

Изъ обыкновенныхъ руководствъ алгебры, у насъ употребляемыхъ, алгебра Давидова нѣсколько удобнѣе другихъ, исключая статей мелкаго шрифта съ болѣе ученымъ характеромъ. Въ ней довольно просто объяснены по примѣрамъ правила рѣшенія, въ частности соблюдена постепенность отъ задачъ легкихъ къ болѣе труднымъ и за каждою статьею приложено достаточно задачъ для упражненій (отъ 30 до 100 и болѣе). Сначала, по обыкновенію, объяснены алгебраическія выраженія и знаки (коэфиціентъ, одночленъ и многочленъ, раціональныя и ирраціональныя числа, и проч.) и предлагаются подобныя задачи: «отцу отъ роду m, а сыну n лѣтъ: сколько лѣтъ отъ роду было отцу при рожденіи сына?» Потомъ, послѣ объясненія положительныхъ и отрицательныхъ

величинъ (по сравненію съ величинами равными и противоположными) и дѣйствій надъ многочленами, слѣдуетъ изложеніе первыхъ четырехъ дѣйствій сначала съ одночленами, а потомъ съ многочленами, и ученіе о дробяхъ. Главы объ общемъ наибольшемъ дѣлителѣ и о непрерывныхъ дробяхъ съ числителемъ, равнымъ 1, напечатанныя мелкимъ шрифтомъ, назначаются для изученія въ высшемъ курсѣ при повтореніи пройденнаго. Затѣмъ, изложены ученіе объ отношеніяхъ и пропорціяхъ, и наконецъ, во 2-мъ отдѣлѣ курса, объ уравненіяхъ 1-й степени съ одной, двумя и многими неизвѣстными, правила на составленіе уравненій и ихъ изслѣдованіе (рѣшенія положительныя, отрицательныя, нулевыя, безконечныя, неопредѣленныя по одной задачѣ о ѣдущихъ курьерахъ); въ 3-мъ отдѣлѣ находимъ ученіе о степеняхъ (дѣйствія съ ирраціональными выраженіями, обобщеніе понятія о степени), о квадратныхъ и кубическихъ корняхъ (ариѳметическія дѣйствія) и о квадратныхъ уравненіяхъ. И въ этихъ двухъ отдѣлахъ мелкимъ шрифтомъ представлены подробности для высшаго курса, каковы: о гармоническихъ пропорціяхъ, изслѣдованіе уравненій съ 3-мя неизвѣстными, извлеченіе квадратнаго корня изъ алгебраическихъ выраженій, соединенія и фигурныя числа, биномъ Ньютона, и проч. Изъ предыдущаго мы видимъ, что въ курсѣ Давидова взято самое существенное и въ то же время научныя статьи, напечатанныя мелкимъ шрифтомъ, могутъ служить для подготовленія къ университетскому курсу.

15. Начальная алгебра и собраніе алгебраическихъ задачъ, для среднихъ учебныхъ заведеній. Соч. *А. Леве*. Въ 4-хъ частяхъ. Изд. 2-е, дополн. Спб. 1868. Ц. 1 р. 25 к. (во всѣхъ частяхъ до 485 стр.).

Курсъ алгебры Леве, по содержанію и расположенію первыхъ главъ (до уравненій), сходенъ съ предъидущимъ; но далѣе начинаются подробности, назначенныя для высшаго курса: то, что у Давидова составляетъ лишь дополнительныя статьи, въ курсѣ Леве стоитъ на главномъ мѣстѣ. Онъ излагаетъ извлеченіе квадратныхъ корней изъ алгебраическихъ выраженій (изъ одночленовъ и многочленовъ), квадратныя уравненія съ двумя неизвѣстными, логариѳмы съ ихъ различными системами и приложеніемъ къ вычисленію сложныхъ процентовъ, биномъ Ньютона съ его примѣненіями, и проч. Все это, конечно, изложено вкратцѣ, не такъ научно, какъ у Давидова, но придаетъ курсу видъ сложности, особенно при обычаѣ г-на Леве раздроблять каждый вопросъ по частямъ для аналитическаго изслѣдованія. Все-таки, курсъ его довольно доступенъ учащимся; авторъ обращаетъ особенное вниманіе на формулы, на ихъ изслѣдованіе и сравненіе: въ этомъ изслѣдованіи формулъ мѣстами находимъ утомительныя подробности. По аналитическому характеру своихъ руководствъ, г-нъ Леве долго останавливается на задачахъ: и здѣсь приведено ихъ большое количество частію при объясненіяхъ, частію въ прило-

женіяхъ къ статьямъ. Всѣхъ задачъ въ приложеніяхъ можно насчитать болѣе 1,300.

16. Начальная алгебра. Сост. *I. Сомовъ*, докторъ мат. и астр., ординар. акад. импер. акад. наукъ и засл. проф. импер. с.-петер. унив., 3-е изд., испр. и допол. Спб. 1868. (272 стр.).

Съ большей краткостію и въ болѣе строгой послѣдовательности у Сомова изложено то же, что̀ находимъ у Леве. Въ дополненіи помѣщены статьи, которыя могутъ служить заключеніемъ гимназическаго курса: общія замѣчанія о формулахъ и функціяхъ, алгебраическія и трансцендентныя функціи, способъ вычисленія логариѳмовъ, объ опредѣлителяхъ, извлеченіе корней изъ многочленовъ и объ общемъ наибольшемъ дѣлителѣ многочленныхъ количествъ. Курсъ Сомова, какъ болѣе теоретическій, очень полезенъ для повторенія при переходѣ къ университетскому курсу.

17. Сборникъ примѣровъ и задачъ, относящихся къ курсу элементарной алгебры. Сост. *Ѳ. Бычковъ*. Спб. 1868 Ц. 1. р. 25 к. (336 стр).

Этотъ сборникъ примѣненъ къ гимназическому курсу. Въ 1-мъ отдѣлѣ задачи на дѣйствія съ одночленами, во 2-мъ умноженіе и дѣленіе многочленовъ, дѣйствія съ дробями, и проч., въ 3-мъ уравненія, въ 4-мъ высшія степени и корни, въ 5-мъ логариѳмы. Въ распредѣленіи задачъ соблюдена постепенность отъ легкихъ къ болѣе труднымъ; въ началѣ особенно обращено вниманіе на то, чтобы дать усвоить различіе между численными и буквенными выраженіями; отдѣлы подраздѣляются на параграфы, въ которыхъ особо представлены задачи на каждое алгебраическое дѣйствіе. Всего въ сборникѣ задачъ болѣе 4600; но замѣтимъ, что добрая половина изъ нихъ служатъ только къ упражненію въ алгебраическихъ дѣйствіяхъ и выражены однѣми буквами; задачъ, ставящихъ какой нибудь вопросъ, взятый изъ жизни, гдѣ нужно самому учащемуся составить ту или другую алгебраическую формулу, по нѣкоторымъ отдѣламъ, сравнительно довольно мало. На уравненія бо̀льшая часть задачъ отвлеченныхъ. Отвѣтовъ и рѣшеній на задачи приложено слишкомъ мало.

В. Руководства по геометріи и тригонометріи.

18. Начала линейнаго черченія. Сост. *Ив. Главинскій*. (140 черт. въ текстѣ и 141 литогр. рис. въ приложеніи). Спб. Ц. 60 к. (166 стр).

Вотъ хорошая книга, показывающая, что нѣкоторыя основанія геометрическаго знанія могутъ быть даны въ очень раннемъ возрастѣ. Ею очень полезно воспользоваться при изученіи элементарнаго курса геометріи. Авторъ начинаетъ съ наглядныхъ бе-

сѣдъ о формахъ, при разсмотрѣніи комнаты, ящика, куба, бруса, пирамиды, вала, конуса, шара. Далѣе идетъ объясненіе и черченіе линій. Авторъ указываетъ на линіи, гдѣ сходятся стѣны, на ребра ящика, говоритъ объ ихъ направленіи, какъ и о направленіи плоскостей. Для нагляднаго понятія о прямой въ книгѣ приложенъ рисунокъ: дорога къ церкви черезъ мостъ и другая около озера. Прямолежачія (горизонтальныя), прямостоячія (вертикальныя) линіи объяснены по окружающимъ предметамъ; въ примѣръ прямоотстоящихъ линій (параллельныхъ) приведены полозья саней, строки въ книгѣ, и проч. Авторъ объясняетъ самые пріемы для упражненій, указывая, какъ проводить линіи на бумагѣ и при работахъ, какъ чертить ихъ по масштабу, какъ дѣлить, измѣрять ихъ. При этомъ разсказано объ употребленіи шнура (отбойной нитки), правила, отвѣса, вѣхъ, кольевъ, ватерпаса, водянаго уровня, чертильной линейки, наугольника, эккера, циркуля, мѣрной тесьмы и цѣпи. Также наглядны и занимательны статьи о черченіи угловъ и геометрическихъ фигуръ. Авторъ даетъ также понятіе о сниманіи чертежей, о тушеваніи, о линейной перспективѣ. Въ приложеніи 1-мъ объяснено, какъ измѣрять углы на землѣ съ помощью астролябіи, въ приложеніи 2-мъ говорится о фигурахъ, вписанныхъ въ кругѣ и около круга, о съемкѣ плана съ мѣстности, — въ 3-мъ представлено измѣреніе поверхностей и объемовъ. Курсъ заключаетъ также довольно задачъ для упражненій. Рисунки ясно изображены бѣлыми чертами на черномъ полѣ; особыя изображенія конуса, пирамиды, четырехгранной призмы, и проч. сдѣланы на особыхъ листочкахъ такъ, что ихъ очень удобно вырѣзать и склеить. Рисунки, служащіе для упражненій въ черченіи, представляютъ сначала правильныя фигуры, ограниченныя прямыми линіями, въ видѣ паркетныхъ, штучныхъ работъ, потомъ дѣленіе линій и фигуръ на части, углы, круги и въ заключеніе разные узоры и другіе предметы, ограниченные прямыми и кривыми линіями: окна, двери, палисадъ, куполъ церкви, круглыя перила, два ландшафта — церковь и хата съ мельницей.

19. Опытъ программы уроковъ рисованія. *Е. Волкова*. Спб. 1868. Ц. 40 к. (75 стр).

Брошюра г-на Волкова служитъ прекраснымъ дополненіемъ къ книгѣ Главинскаго, заключая общій теоретическій курсъ рисованія, изложенный со строгою послѣдовательностью. Авторъ назвалъ ее казеннымъ именемъ программы, хотя она ни въ чемъ не сходна съ обыкновенными программами и представляетъ рядъ очень обстоятельно изложенныхъ уроковъ. Всѣмъ извѣстно, что обыкновенные, общепринятые у насъ методы рисованія только пріучаютъ учащихся изводить безъ пользы бумагу, чертить уродливыя фигуры, которыя потомъ, перерисованныя учителемъ, должны служить утѣхою для глазъ начальниковъ или родителей. Г-нъ Волковъ желаетъ правильно развить глазомѣръ и тѣсно связанный съ нимъ навыкъ въ рукѣ, которая чрезъ постоянное упражнені

мышцъ, въ извѣстномъ направленіи, становится, такъ сказать, третьимъ глазомъ. Этого, по мнѣнію автора, нельзя иначе достигнуть, какъ чрезъ постепенное черченіе геометрическихъ линій и фигуръ. На сознательность въ упражненіяхъ авторъ обращаетъ особенное вниманіе и при каждомъ урокѣ предлагаетъ рядъ вопросовъ, касающихся преимущественно измѣренія линій, угловъ, и проч. Сначала онъ даетъ наглядное понятіе о тѣлѣ, о плоскости, о линіи, о точкѣ, потомъ заставляетъ чертить линіи по линейкѣ чрезъ одну, чрезъ двѣ, чрезъ три точки, за тѣмъ начинается черченіе отъ руки по голубымъ параллельнымъ графамъ, сдѣланнымъ въ тетради, при чемъ преподаватель считаетъ въ тактъ: разъ, два, три, и проч. Далѣе идетъ черченіе вмѣстѣ съ измѣреніемъ линій. Учащіеся измѣряютъ одну линію другою сначала циркулемъ, или бумажкой, а потомъ и по глазомѣру, упражняются въ сравненіи линій по разнообразнымъ отношеніямъ ихъ мѣры, сравниваютъ $^1/_2$, $^1/_3$, $^1/_4$, $^1/_6$, $^2/_3$, $^5/_6$, и проч. въ одной и той же линіи и въ двухъ линіяхъ разной длины, дѣлятъ линіи по глазомѣру и потомъ повѣряютъ бумажкой. Потомъ линіи мѣряются вершками, дюймами. Тѣ же упражненія идутъ далѣе съ углами: углы откладываются согнутой бумажкой, мѣряются, дѣлятся, и проч. Преподаватель пріучаетъ воспитанниковъ ставить точки въ извѣстномъ разстояніи и положеніи, чтобы проводить по нимъ линіи и углы въ разныхъ направленіяхъ въ тактъ, по счету. Задаются такія задачи: построить уголъ въ $^1/_2$, $^1/_3$, $^1/_4$ и проч. прямаго угла, начертить сумму остраго и тупаго угловъ, и проч. Мы здѣсь показали только, въ чемъ состоитъ сущность этихъ занятій, которыя далѣе, съ черченіемъ фигуръ, становятся все сложнѣе. Пріемы, употребляемые для этого авторомъ, очень любопытны, и мы совѣтуемъ познакомиться съ ними всякому, кто ищетъ для своихъ дѣтей, или учениковъ дѣльныхъ упражненій. Они несомнѣнно поведутъ къ умѣнью чертить всякіе планы и правильныя фигуры. Многіе, можетъ быть, найдутъ чрезмѣрнымъ дробленіе, какое авторъ вводитъ въ подробностяхъ этихъ упражненій, но здѣсь главное дѣло заключается въ методѣ.

20. Общепонятная практическая геометрія. Соч. *А. Леве*, 2-е изданіе, перед. и дополн., съ 302 черт. Спб. 1865. Спб. Ц. 1 р. (286 стр.).

Эта чисто-практическая геометрія составлена Леве по сочиненіямъ Миллера, Эбенспергера, Карла, Шпитца. Она примѣнена преимущественно къ рѣшенію задачъ, представляющихся въ общежитіи, и заключаетъ самыя простыя доказательства, доступныя даже тѣмъ, кто знаетъ только первыя четыре дѣйствія ариѳметики и дроби: устранены всѣ формулы и буквенныя выраженія. Въ новомъ изданіи авторъ только прибавилъ статью объ извлеченіи квадратнаго корня, что было необходимо для измѣренія площадей. Какъ и у Главинскаго, вы здѣсь найдете подробное опи-

саніе всѣхъ инструментовъ, необходимыхъ для черченія и съемки плановъ. Весь курсъ наполненъ наставленіями, какъ чертить линіи, углы, треугольники, многоугольники, и проч. Теоремы доказываются наглядно, чертежами; между прочимъ, находимъ вычисленіе окружности круга, измѣреніе площадей и въ концѣ книги— вычисленіе поверхностей и объемовъ. Кромѣ того, въ особомъ отдѣлѣ представлены правила для работъ въ полѣ, каковы: съемка плановъ, межеваніе, нивеллировка. При каждомъ отдѣлѣ многочисленные вопросы и задачи. Задачи все болѣе касаются практическихъ вопросовъ о томъ: какъ уменьшить данный планъ, какъ по высотѣ палки узнать высоту дерева; какъ рѣшить, сколько паденія по скату шоссейной дороги. Тутъ рѣшается также много вопросовъ объ измѣреніи разстояній, о разныхъ вычисленіяхъ, необходимыхъ въ работахъ и мастерствахъ, о межеваніи, и проч. Такой курсъ долженъ показаться занимательнымъ и тому, кто совсѣмъ не склоненъ къ занятіямъ математикою.

21. Элементарный курсъ геометріи. Руководство для преподавателей. *П. Фанъ-деръ-Флита.* Спб. 1868. Ц. 50 коп. (162 стр.).

Практическая геометрія Леве, какъ ни наглядна, все-таки, служа чисто-практическимъ цѣлямъ, не имѣетъ цѣли подготовлять къ систематическому, болѣе научному знанію. Она можетъ возбудить охоту къ дальнѣйшимъ занятіямъ геометріею, и это уже чрезвычайно важно. Старая неподвижность нашихъ учебныхъ курсовъ, приводя въ отчаяніе болѣе развитыхъ педагоговъ, когда-нибудь, да должна сокрушиться, и появленіе всякаго живаго руководства мы привѣтствуемъ съ радостію. Лучшіе педагоги теперь поставлены въ безвыходное положеніе: они сознаютъ, что, какъ палачи, въ своемъ математическомъ застѣнкѣ, то-есть, въ классѣ, обязаны, по данной программѣ, медленно истязать умы учениковъ, и своей же рукой сокрушать ими же внушенные кое-какіе зачатки любви къ своему предмету, а такое отвлеченное знаніе, какъ математика, сваленное въ кучу, какъ хворостъ въ лѣсу, при всей своей неосязаемости, становится для головъ слишкомъ чувствительной колодой. Воспитанникъ, при нашей жалкой подготовкѣ, долбящій въ 5-мъ классѣ квадратныя уравненія — что̀ можетъ быть печальнѣе и нелѣпѣе этого зрѣлища? А все дѣло въ простой истинѣ: «идти въ гору сначала медленнѣе, чтобы потомъ не задохнуться». Эта медленная ходьба изъ занимательной прогулки понемногу становится трудомъ, но трудомъ, въ которомъ живо возбуждены всѣ душевныя силы, и потому нѣтъ болѣзненнаго утомленія и отупѣнія. Такъ смотритъ на дѣло и г-нъ Фанъ-деръ-Флитъ, предлагая въ своей элементарной геометріи сначала чисто наглядныя упражненія съ веревками, съ шестами, съ линейкой и другими простыми приборами, заставляя самихъ учащихся, если не придумывать, то приготовлять эти приборы по даннымъ

образцамъ (напримѣръ, алидаду). Многія геометрическія объясненія происходятъ въ полѣ, при работахъ съ землемѣрною цѣпью, съ угломѣрными снарядами, при измѣреніяхъ высоты башни, дерева, недоступнаго разстоянія, и проч. Авторъ имѣетъ цѣлію примѣнить этотъ наглядный курсъ къ переходу въ другой, болѣе научный, и рѣшаетъ болѣе трудные вопросы, касающіеся математическаго измѣренія поверхностей и объемовъ. Нельзя сказать, чтобы это примѣненіе и переходъ сдѣланы были совершенно удачно, да и въ первыхъ упражненіяхъ встрѣчаются мѣстами неясности, неловкіе пріемы наглядныхъ объясненій; но, все-таки, важенъ методъ, защищаемый авторомъ, и преподаватель найдетъ въ книгѣ много хорошихъ указаній на примѣненіе этого метода.

22. Элементарная геометрія Дистервега. Учебное пособіе для уѣздныхъ училищъ и вообще для начинающихъ. Изд. 2-е. (Приложеніе къ изданію журнала «Учитель» за 1861 годъ). Спб. 1866. Изд. Е. П. Печаткина. Ц. 50 коп. (124 стр., въ $^{1}/_{16}$ д. л.).

Когда знакомишься съ курсомъ, подобнымъ курсу Дистервега, то только удивляешься, отчего у насъ раздаются жалобы на плохое преподаваніе? вѣдь, кажись, подобныя книги должны расходиться десятками тысячъ, и, все-таки, этотъ расходъ былъ бы ничтоженъ на 70 милл. населенія. Будущій историкъ, просматривая иныя изъ вышедшихъ у насъ руководствъ, скажетъ: «О, да какъ процвѣтали въ это время знанія, какъ школа слѣдила за всѣми его успѣхами!» Но вотъ, добываетъ онъ извѣстіе, что иная хорошая книга расходилась въ числѣ 73-хъ экземпляровъ въ годъ, и недоумѣваетъ, что это значитъ? Предупреждая его затрудненіе, мы скажемъ: «Судьба! такова судьба нашего образованія... вѣдь судьбы и конемъ не объѣдешь!»

Геометрія Дистервега можетъ служить отличнымъ элементарнымъ курсомъ, хотя и требуетъ нѣкоторыхъ измѣненій въ примѣненіи къ нашимъ потребностямъ. Въ ней, несмотря на малый объемъ, очень богатое содержаніе (печать довольно мелкая); въ 12-ти главахъ этого руководства заключается слѣдующее. 1) Разсмотрѣніе куба и цилиндра: протяженія, плоскости, линіи, точки; различіе геометрическихъ тѣлъ отъ дѣйствительныхъ. 2) Точка, ея отношеніе къ линіямъ. 3) Прямыя линіи и углы: опредѣленіе круга, образованіе угла, разнаго рода углы, ихъ измѣреніе дугою, углы при параллельныхъ линіяхъ. 4) Треугольникъ, сумма угловъ прямолинейнаго треугольника, и проч. 5) Подобіе и равенство треугольниковъ. 6) Четыреугольники, ихъ углы, ихъ сравненіе съ треугольниками, сумма внутреннихъ угловъ въ многоугольникѣ. 7) Вычисленіе площадей по квадратамъ. 8) Теорема Пиѳагора. 9) Кругъ: линіи въ кругѣ, выводы изъ построенія круга. 10) Подобіе фигуръ. 11) Тѣла и ихъ измѣреніе, вычисленіе поверхностей и объемовъ. 12) Задачи для упражненія (100 задачъ). Въ прибавленія говорит-

ся объ общихъ истинахъ, каковы: аксіомы, теоремы, и проч. Выводы и теоремы у автора основываются на построеніи фигуръ; въ доказательствахъ нѣтъ алгебраическихъ вычисленій, и рядомъ съ очень наглядным изложеніемъ этихъ доказательствъ, представленныхъ въ самой простой формѣ, идутъ упражненія въ черченіи; почему авторъ даетъ наставленія, какъ чертить, и описываетъ всѣ необходимые для черченія и для съемки плановъ инструменты: масштабъ, наугольникъ, транспортиръ, и проч, говоритъ объ измѣреніи поля, сада, о нивеллированіи. Но лучше всего характеръ руководства выражаютъ многочисленныя задачи, приложенныя и отдѣльно къ каждой статьѣ и въ концѣ книги. Онѣ раздѣляются на задачи для вычисленія (ариѳметическія) и на задачи, рѣшаемыя съ помощью инструментовъ. Авторъ задаетъ: опредѣлить наибольшее число пересѣченій линій чрезъ извѣстное число точекъ; вычислить, сколько плитъ нужно для улицы при извѣстной ея величинѣ и при извѣстной величинѣ этихъ плитъ; вычислить, какую дугу проходитъ часовая стрѣлка въ минуту, высоту полюса, экватора, зенитное разстояніе полюса; раздѣлить данную площадь пополамъ, построить уголъ, равный данному; найти длину прямой, если между конечными ея точками лежитъ болото, озеро; два квадрата обратить въ одинъ, четыреугольникъ обратить въ равномѣрный ему треугольникъ; построить училище такъ, чтобы оно находилось въ равныхъ разстояніяхъ отъ трехъ деревень; вычислить величину площади круга, вычислить объемъ комнаты; вычислить, сколько саженъ дровъ могутъ помѣститься въ сараѣ, сколько кирпичей нужно для постройки стѣны; опредѣлить поверхность и объемъ земнаго шара, объемъ атмосферы, и проч. Мы видимъ, какъ эти разнообразныя задачи удовлетворяютъ и научнымъ, и практическимъ требованіямъ. Замѣтимъ только, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слишкомъ мало дано объясненій для ихъ рѣшенія: краткость учебника, можетъ, и очень удобная для нѣмцевъ, не всегда желательна для насъ.

23. Элементарная геометрія, въ объемѣ гимназическаго курса, *А. Давидова.* Изд. 4-е. Москва. Изд. братьевъ Салаевыхъ. 1867. Ц. 1 р. 20 к. (315 стр.).

24. Начальная геометрія. Понятіе о коническихъ сѣченіяхъ и первыя начала приложенія алгебры къ геометріи. Сост. *Францъ Симашко.* Изд. 3-е. Спб. 1865. Ц. 2 руб. (293 стр.).

Обѣ эти книги заключаютъ и планиметрію и стереометрію въ довольно значительномъ объемѣ и годны для преподаванія геометріи частію въ среднемъ, частію въ высшемъ возрастѣ. Для употребленія удобнѣе курсъ Давидова (крупный шрифтъ), заключающій и практическія задачи, и написанный по болѣе легкой системѣ. Мелкимъ шрифтомъ у него напечатаны болѣе трудныя статьи, разныя подробности касательно теоремъ, разъясненныхъ въ текстѣ: квадратура круга, равенство и симметрія трехгранныхъ уг-

ловъ, равенство призмъ и пирамидъ, подобіе многогранниковъ, подобіе круглыхъ тѣлъ, и проч. Курсъ г. Симашки болѣе теоретическій, гдѣ дано главное мѣсто вычисленіямъ. Онъ болѣе полезенъ для повторенія въ высшемъ курсѣ.

25. Геометрическія задачи. Планиметрія. Собр. *Н. Юшковъ*. Спб. 1865. Ц. 60 к. (140 стр.).

Здѣсь, въ 10 главахъ, находимъ до 760 задачъ на всѣ вопросы планиметріи, начиная съ линій и кончая вычисленіемъ круга. Ко всѣмъ приложены отвѣты, а на нѣкоторыя есть и подробныя рѣшенія. Большая часть изъ нихъ рѣшаются съ помощію ариѳметическихъ дѣйствій; рѣшаемыя съ помощью уравненій отмѣчены знаками. Въ концѣ приложены таблицы мѣръ и сравнительныя таблицы квадратныхъ футовъ.

26. Собраніе геометрическихъ задачъ, или геометрія древнихъ въ 850 зад. Сост. *Д. Вѣкелемъ*. Съ 5-го нѣмец. изд. перевелъ А. Н. подъ ред. А. Дмитріева. Съ таб. чертежей. Спб. 1867. Ц. 50 к. (116 стр.).

Сборникъ Вѣкеля, заключающій до 850 зад., полезнѣе въ педагогическомъ отношеніи, чѣмъ сборникъ Юшкова. Въ немъ въ расположеніи задачъ принята особая система: сначала помѣщены 74 основныхъ теоремы плоской геометріи, и потомъ при каждой задачѣ указано на теоремы и на другія близкія по построенію и доказательству задачи, съ помощью которыхъ и рѣшается данная задача. Значитъ, учащійся, повторяя всякій разъ прежнія теоремы и доказательства, самъ долженъ додумываться до рѣшенія, которое служитъ выводомъ изъ прежнихъ рѣшеній.

27. Начальныя основанія прямолинейной тригонометріи. По поруч. начальства морск. кадет. корпуса сост. *А. Дмитріевъ*. Изд. 3-е. Съ двумя табл. чертежей и четырьмя политип. Спб. 1869. Ц. 75 к. (130 стр.).

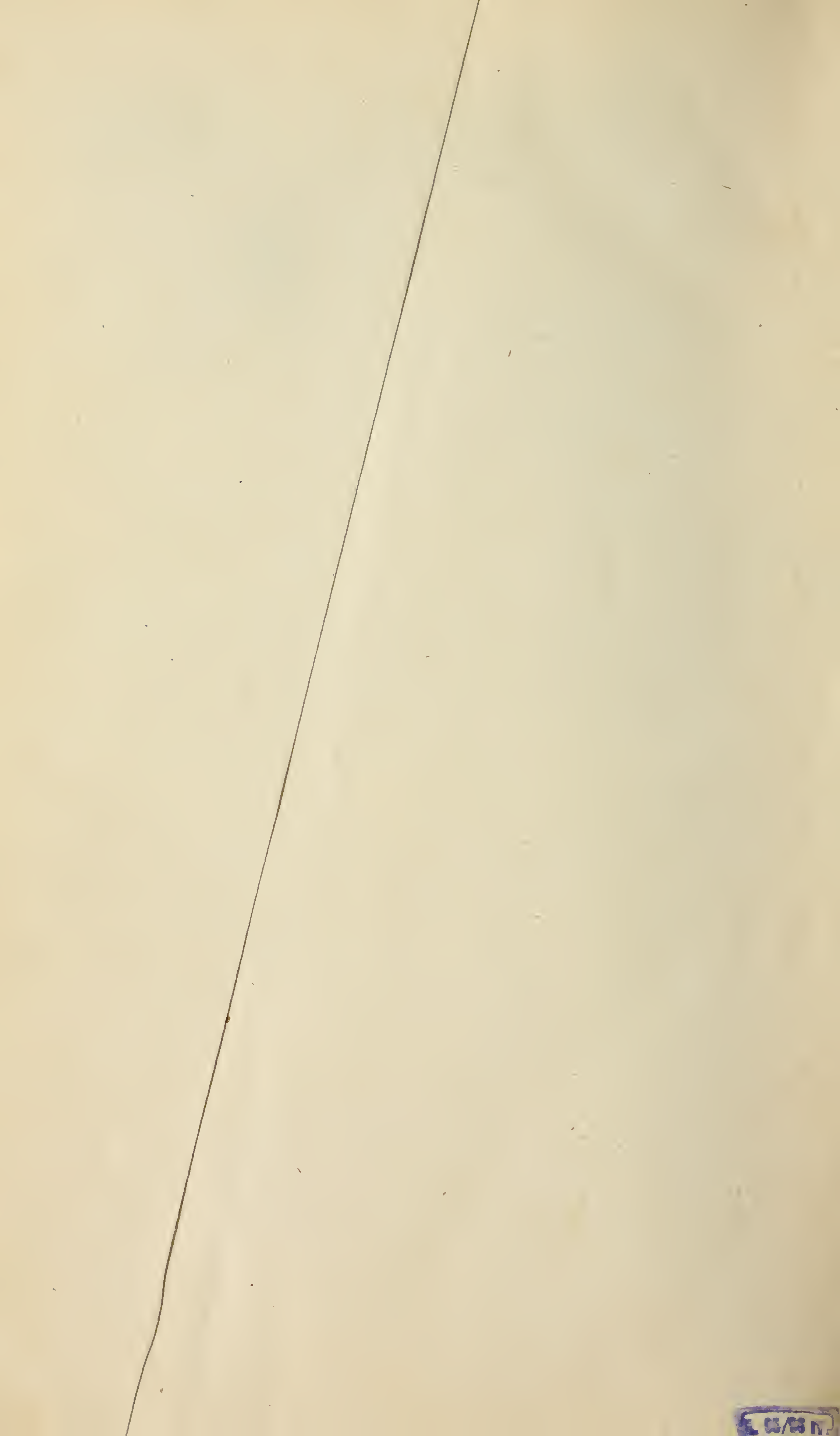
Тригонометрія Дмитріева представляетъ хорошій систематическій курсъ, гдѣ авторъ принялъ за правило начинать съ видимаго, нагляднаго и въ изложеніи прибѣгалъ то къ алгебраическимъ выкладкамъ, то къ графическому построенію. Задачи сначала рѣшаются безъ помощи логариѳмовъ, а потомъ и съ логариѳмами. Къ каждому отдѣлу приложено много примѣровъ, задачъ, формулъ, болѣе или менѣе примѣнимыхъ къ разнымъ отраслямъ знанія. Сначала авторъ объясняетъ, что предметомъ тригонометріи служитъ вычисленіе треугольниковъ на плоскости и на поверхности шара и показываетъ несовершенства графическаго способа вычисленія, потомъ излагаетъ все ученіе о тригонометрическихъ линіяхъ и дугахъ, изслѣдуетъ тригонометрическія формулы и даетъ понятіе о составленіи и употребленіи тригонометрическихъ таблицъ. Во второй части заключается вычисленіе треугольниковъ, рѣшеніе тригонометрическихъ уравненій, и проч. Въ заключеніе

авторъ описываетъ наиболѣе употребительные землемѣрные инструменты, даетъ понятіе о съемкѣ плановъ и нивеллировкѣ. Тутъ приложены и таблицы употребительнѣйшихъ формулъ и таблица тригонометрическихъ величинъ.

28. Руководство къ прямолинейной тригонометріи для гимназій. Сост. *А. Малининъ*. Изд. 4-е, допол. Москва. 1868. Изд. братьевъ Салаевыхъ. Ц. 60 к. (80 стр.).

Это руководство заключаетъ почти все то же, что и руководство Дмитріева, но гораздо проще и короче, а потому и удобнѣе для класснаго употребленія.

В. Водовозовъ.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 117963303